This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Div 620.5 (1902 / 16)

Bought with the income of
THE
SUSAN A. E. MORSE FUND
Established by
WILLIAM INGLIS MORSE
In Memory of his Wife

Harvard College Library

ОКТЯБРЬ. 1902.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 10.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.
1902.

P Slav 620.5 (1902/10)

Тогк 4

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29-го октября 1902 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

СТРАН.

1. **Безъ фамиліи.** Княжна.—Первый романъ. Разсказы *Ек. Лѣтковой* . . . . . 5— 29
2. **Рудольфъ Штаммлеръ и его теорія соціальнаго монизма.** *Н. Гайдарова.* . . . . . 30— 57
3. **На Волгѣ.** Стихотвореніе. *Г. Галиной.* 57
4. **Наслѣдство.** Разсказъ *Н. Степанова.* . . . . . 58— 70
5. **Изъ теоріи и практики крестьянскаго хозяйства.** *А. В. Пѣшехонова.* Окончаніе . . . . . 71—119
6. **Сонъ.** Стихотвореніе. *Л. Андрусова.* 120
7. **Кармелитка.** Романъ. *Крауфорда.* Переводъ К. И. Саблиной. I—VII . . . . . 121—166
8. **Любовь куклы.** Повѣсть *Д. Н. Мамина-Сибиряка.* Окончаніе. . . . . 167—180
9. **Воспоминанія врача о Карійской каторгѣ.** *В. К—въ.* . 181—231
10. **Безъ доли.** Стихотвореніе *Г. Вилліама.* 232

11. **Естественное право и субъективная соціологія.** (По поводу одной новой книги). *Н. И. Карѣева.* . . 1— 17
12. **О томъ, когда павлинъ чрезвычайно радуется.** *П. В. Мокіевскаго.* . . . . . 17— 25
13. **Новыя книги:**

Умеръ талантъ! Повѣсть А. Лугового. — Графъ Аранда. Драматическія сцены изъ XVIII вѣка. И. Раковича.—Книга разсказовъ и стихотвореній. — А. Шнитцлеръ. Поручикъ Густль. — Гансъ Файгингеръ. Ницше, какъ философъ.— В. Гюго. Маленькій Наполеонъ.—Исторія Халдеи съ отдаленнѣйшихъ временъ до возвышенія Ассиріи. З. А. Рагозиной.—В. Б. На рубежѣ XIX столѣтія.—В. Ѳ. Дерюжинскій. Судебные дѣятели объ университетской подготовкѣ молодыхъ юристовъ.—I. В. Гессенъ. Юридическая литература для народа.—I. В. Гессенъ. Узаконеніе, усыновленіе и внѣбрачныя дѣти.—Годъ на крейсерѣ «Адмиралъ Нахи-

(*См. на оборотѣ*).

СТРАН.

мовъ». Н. Дьякова. — Девятый годовой отчетъ Московской городской санитарной станціи.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. . . . . 25— 53
14. **Рудольфъ Вирховъ.** 1821—1902. *В. В. Лункевича.* 54— 99
15. **Эмиль Золя.** Литературно-біографическій очеркъ *Н. Е. Кудрина.* . . . . . 99—150
16. **Политика.** Борьба съ клерикализмомъ во Франціи.—Таможенный вопросъ въ Германіи.—Реакціонная политика англійскаго правительства, ирландцы, либералы.—Вопросъ объ австро-венгерскомъ аусглейхѣ, мадъярская оппозиція, чехи. *С. Н. Южакова.* . . . . . 150—164
17. **Литература и жизнь.** О Достоевскомъ и г. Мережковскомъ. *Н. К. Михайловскаго.* . . . . . 164—185
18. **Изъ Англіи.** *Діонео.* . . . . . 185—210
19. **Хроника внутренней жизни.** I. Высочайшія постановленія относительно Финляндіи.—II. Правительственныя распоряженія и сообщенія.—III. Административныя мѣры относительно печати. . . . . 210—222
20 **Отчетъ конторы редакціи** 222
21. **Объявленія.** . . . . . 223—224

Открыта подписка на 1903 годъ

(XI-ый ГОДЪ ИЗД.)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ.

Подписная цѣна:

На годъ съ доставкой и пересылкой . . . . . 9 р.
Безъ доставки въ Петербургѣ и Москвѣ . . . 8 р.
За границу . . . . . 12 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала—*уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*
Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—*Никитскія ворота, д. Гагарина.*

При непосредственномъ обращеніи въ контору или въ отдѣленіе, допускается *разсрочка:*

при подпискѣ. . . . . 5 р.
и къ 1-му іюля . . . . . 4 »

или

при подпискѣ . . . . . 3 р.
къ 1-му апрѣля . . . . . 3 »
и къ 1-му іюля . . . . . 3 »

Не приславшимъ доплатъ въ означенные сроки высылка журнала прекращается.

Книжные магазины, **библіотеки, земскіе склады и потребительныя общества,** доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ только **40** коп. съ каждаго годового экземпляра.

Для городскихъ подписчиковъ въ Петербургѣ и Москвѣ ***безъ доставки*** (**за исключеніемъ книжныхъ магазиновъ и библіотекъ**) допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ съ платежомъ впередъ: въ декабрѣ за январь, въ январѣ за февраль и т. д. по іюль включительно.

Подписка въ разсрочку **отъ книжныхъ магазиновъ, библіотекъ, земскихъ складовъ и потребительныхъ обществъ** не принимается.

Изданія журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“:

СБОРНИКЪ «РУССКАГО БОГАТСТВА» (1899 г.) Ч. I. БЕЛЛЕТРИСТИКА. Ц. 2 р. Ч. II. ПУБЛИЦИСТИКА. Ц. 1 р.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Ц. 80 к.

П. Булыгинъ. РАЗСКАЗЫ. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Гаринъ. ДѢТСТВО ТЕМЫ. Изд. *третье.* Ц. 1 р. 25 к.

— ГИМНАЗИСТЫ. Изд. *третье.* Ц. 1 р. 25 к.

— СТУДЕНТЫ. Ц. 1 р. 25 к.

С. Я. Елпатьевскій. ОЧЕРКИ СИБИРИ. Изд. *третье.* Ц. 1 р.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Ц. 1 р. 50 к.

Вл. Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 1-ая. Изданіе *девятое.* Ц. 1 р. 50 к.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 2-ая. Изд. *пятое.* Ц. 1 р. 50 к.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 3-ья. Ц. 1 р. 50 к.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Изданіе *четвертое.* Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Изданіе *восьмое.* Ц. 75 к.

— БЕЗЪ ЯЗЫКА. Ц. 75.

Н. К. (Н. Е. Кудринъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. Ц. 2 руб.

Л. Мельшинъ. ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника (*Изданіе второе*): *Т. I.* Шелаевскій рудникъ.— *Т. II.* Съ товарищами. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. Ц. 1 руб.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ. **Удешевленное** изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ, *съ портретомъ автора.* Ц. 12 р.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Два тома, по 2 рубля каждый.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть изъ временъ холерной эпидеміи 1892 г. Ц. 1 р.

С. Н. Южаковъ. ДВАЖДЫ ВОКРУГЪ АЗІИ. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 50 к.

П. Я. СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I. Изданіе *пятое.* Ц. 1 руб. Томъ II. Изд. *второе.* Ц. 1 р.

Подписчики **„Русскаго Богатства“**, выписывающіе эти книги, за пересылку не платятъ.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЙ: *въ* **С.-Петербургѣ** — *контора журнала, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9;* *Въ* **Москвѣ** — *отдѣленіе конторы, Никитскія ворота, д. Гагарина.*

Шесть томовъ Соч. Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. Ц. 12 р.

СОДЕРЖАНІЕ I Т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

СОДЕРЖАНІЕ II Т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 6) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ. 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

СОДЕРЖАНІЕ III Т. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его «новая наука». 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

СОДЕРЖАНІЕ IV Т. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ V Т. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника: I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ».

СОДЕРЖАНІЕ VI Т. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Для подписчиковъ **„Русскаго Богатства“**, вмѣсто 12 р., цѣна 9 руб. безъ пересылки. Пересылка за ихъ счетъ *наложеннымъ платежомъ*—товаромъ большой скорости, посылкой или заказной бандеролью.

Н. К. МИХАЙЛОВСКІЙ. Литературныя воспоминанія и современная смута. Два тома, по 2 рубля каждый.

Подписчики «Русскаго Богатства», выписывающіе эти два тома, за пересылку ихъ не платятъ

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 10 числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1899 г. и не востребованныя обратно до 1-го ноября 1900 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

БЕЗЪ ФАМИЛІИ *).

III.

Княжна.

У Ольги Дмитріевны разорвалась цѣпь на велосипедѣ и ей пришлось возвращаться домой пѣшкомъ. До усадьбы, гдѣ жила Ольга Дмитріевна, было верстъ десять и это сначала смутило ее. Но она оглянулась кругомъ и даже обрадовалась, что можетъ свободно любоваться красотой вечера, не прикованная вниманіемъ къ дорогѣ, какъ того требуетъ велосипедъ.

Ольга Дмитріевна пріѣхала въ деренню къ своимъ старымъ друзьямъ, чтобы поработать „съ натуры"; профессоръ художникъ велѣлъ ей добиваться прозрачности тѣней и выработки plein air'a, и она цѣлыми днями писала этюды, а вечеромъ отдыхала отъ работы. Лучшимъ отдыхомъ для нея былъ велосипедъ, вдали отъ всѣхъ житейскихъ невзгодъ и разговоровъ, между небомъ и землей, одинокой и свободной.

И теперь, когда она оглянулась кругомъ, у нея прошелъ всякій страхъ и уплыли куда-то всѣ безпокойства. Она была одна среди громаднаго луга съ его зелеными переливами, подъ громаднымъ небомъ съ перламутровыми волнами. Солнце уже зашло, но и небо и земля были еще облиты его розовыми лучами, и розовый воздухъ весь трепеталъ въ своей прозрачности; жаворонки торжествующе-радостно звенѣли и заливались гдѣ-то въ вышинѣ; пахло сохнущимъ сѣномъ, дышалось легко и привольно. И кругомъ—ни души.

Ольга Дмитріевна теперь была довольна, что ей пришлось сойдти съ велосипеда. Она смотрѣла по сторонамъ, стараясь запечатлѣть въ головѣ всѣ свѣтовые эффекты и унести ихъ съ собою въ памяти, чтобы завтра перенести на полотно. Она

---

*) Первые два разсказа подъ этимъ общимъ заглавіемъ были напечатаны въ сборникѣ «На славномъ посту».

шла тихо, ведя велосипедъ, и вся была поглощена красотой этого дивнаго вечера. Вдругъ вдали изъ-за пригорка мелькнуло красное пятнышко; мелькнуло и скрылось. Ольга Дмитріевна не успѣла разсмотрѣть, что это было; черезъ нѣсколько минутъ она опять увидала: двѣ дѣвочки въ красныхъ юбкахъ и красныхъ кофточкахъ выскочили на пригорокъ и остановились. И ихъ красныя платья на сѣроватой зелени скошеннаго луга, въ розовой дымкѣ вечерней зари, оживили всю картину.

— Что бы ни говорилъ мой профессоръ, а нѣтъ полной красоты безъ человѣка,—подумала она и остановилась. Дѣвочки были теперь шагахъ въ двадцати отъ нея и ей захотѣлось подойдти къ нимъ. Она свернула съ дороги и пошла лугомъ. Дѣвочки стояли и смотрѣли на нее. Одна была лѣтъ десяти, тоненькая, очень блѣдная, съ длинными черными глазами и необыкновенно правильными чертами; другая—маленькая, пузатенькая, бѣлокурая, лѣтъ пяти. Обѣ были босыя и въ большихъ ситцевыхъ платкахъ на головахъ. Онѣ спокойно ждали приближенія Ольги Дмитріевны. И она пожалѣла, что сейчасъ, сію минуту не могла написать ихъ: такъ подходили онѣ со своей милой красотой къ этому розовому ясному вечеру.

— Вы что же тутъ дѣлаете?—спросила Ольга Дмитріевна.

— Мы-то?—бойко переспросила младшая.

— Да... Откуда вы?

— Изъ Безсонова...

Ольга Дмитріевна знала, что Безсоново за той усадьбой, гдѣ она гостила, т. е. верстахъ въ десяти отсюда.

— А зачѣмъ вы здѣсь?

— Покосъ снимаемъ,—серьезно объяснила старшая.

Ольга Дмитріевна такъ много слышала все это время о томъ, что у сосѣднихъ крестьянъ совершенно нѣтъ покоса, и они арендуютъ луга вдали отъ деревень и уѣзжаютъ изъ дому цѣлыми семьями, что для нея уже была понятна фраза дѣвочки. За пригоркомъ, въ оврагѣ, стояли двѣ распряженныя телѣги и ходили лошади.

— А гдѣ же старшіе? Гдѣ отецъ? Гдѣ мать?—спросила Ольга Дмитріевна.

— Тама,—показала старшая дѣвочка рукой куда-то за оврагъ.—Копнить торопятся... Ужинать пора...

Младшая подошла близко къ велосипеду и трогала его пальцемъ. Ольга Дмитріевна ласково спросила ее:

— Какъ тебя зовутъ?

— Домаска...

— Какъ?

— Домна,—степенно отвѣтила старшая,—Домашка.

— А тебя какъ?

— Меня-то? Меня княжной звать.

— Княжной?!.. Вы что-же—сестры?

— Нне... Мы казенныя... Шпитаты... Домашка живетъ у Парамонихи, а я у Картошкиныхъ... Василія Картошкина знаешь?—проговорила старшая дѣвочка дѣловитымъ тономъ.

— Нѣтъ, не знаю.

— Ну вотъ, это пріемный отецъ мнѣ... И мать... Да вы присядьте, барышня.

Эта заботливость сразу расположила къ себѣ Ольгу Дмитріевну, и она рѣшила немного посидѣть съ дѣвочками.

— Вы на телѣгу... Тамъ посуше...—сказала старшая, хлопотливо забѣгая впередъ.

Глаза у нея ярко горѣли, изъ-подъ кумачнаго платка съ желтыми разводами выбились черныя пряди шелковистыхъ волосъ. И художница опять залюбовалась ею.

— Княжна!—сказала она.—Прежде всего скажи мнѣ, почему тебя зовутъ княжной?

— Не знаю! зовутъ и зовутъ...

И вдругъ, точно желая оборвать разговоръ, она вскрикнула:

— Батюшки! Воды-то мы не припасли!..

И, схвативъ пустое ведро, она побѣжала внизъ, подъ оврагъ. Маленькая не шевельнулась, точно говоря, что это до нея не касается, и продолжала стоять передъ барышней, поджавъ руки высоко надъ животомъ. Ея круглые глаза на кругломъ бѣломъ личикѣ смотрѣли бойко и съ любопытствомъ. И опять Ольга Дмитріевна пожалѣла, что съ ней нѣтъ ея альбома, чтобы сейчасъ же зарисовать эту фигурку съ ея позой и выраженіемъ лица. Откуда она? Кто ея родители?—подумала она.

— Домашка! У тебя есть мать?

— Е!—отвѣтила дѣвочка такимъ тономъ, точно и сомнѣнія не могло быть.—Е! Только старая.

— Ты ее любишь?

— Кады люблю, кады нѣтъ...

— А отецъ?

— Отца нѣту... Вдовая она...

Дѣвочка говорила почти совсѣмъ ясно, только не выговаривала *ж* и *ш*. Она разсказала, что Парамониха зимой извозничаетъ, возитъ лѣсъ на станцію и уѣзжаетъ изъ дому „когда на день, когда на два“...

— А тебя съ кѣмъ же оставляетъ?

— Меня-то? Да одну... запретъ избу и ладно...

— И не ѣшь ничего?

— Зачѣмъ? — воскликнула дѣвочка и махнула рукой на барышню.—Хлѣба и каши оставитъ мнѣ вволю...

— И тебѣ не страшно?

— Чего страшно?

— Одной не страшно?

— Я не одна... У меня на полкѣ боженька живетъ...

Въ это время изъ-за оврага вылѣзла старшая дѣвочка. Она тяжело тащила ведро съ водою, и ея тоненькое тѣльце все перекривилось въ правую сторону, чтобы лѣвая рука могла нести ведро, не зацѣпляя имъ за землю.

— Князна идетъ! — весело объявила Домашка, и на ея серьезномъ лицѣ впервые скользнула радостная улыбка,

Ольга Дмитріевна невольно бросилась помочь дѣвочкѣ дотащить ведро, та не допустила этого, но благодарно и ласково заговорила съ ней.

Вечеръ сдѣлался уже весь сѣрый, и Ольга Дмитріевна встала, чтобы идти домой. Княжна удержала ее.

— Посиди, барышня, еще немного... Сейчасъ наши придутъ...

— А кто тутъ ваши?..

— Отецъ, мать и наша сноха... да Парамониха съ сыномъ... Изъ Москвы къ ней сынъ на сѣнокосъ пришелъ съ фабрики...

Ольгу Дмитріевну поражало, что „княжна“ говоритъ съ ней какъ большая; даже щеку она подпирала правымъ кулакомъ такъ, какъ это дѣлаютъ бабы.

— А тебѣ хорошо жить у твоихъ Картопкиныхъ?—спросила ее Ольга Дмитріевна.

— Мнѣ-то? Мнѣ хорошо! Домашкѣ, той плохо... Сильно Парамониха дуетъ ее...

— Какъ дуетъ?

— Вѣникомъ... А то и веревкой... Чѣмъ придется...

Ольга Дмитріевна прижала къ себѣ дѣвчоночку и чуть не со слезами на глазахъ проговорила:

— Какой ужасъ!..

— Да нельзя и не дуть-то,—серьезно продолжала княжна.

— За что же? За что бить такую маленькую?

— Намедни хлѣба каравай упёрла... А-агромный!

— Я не себѣ, я Затѣйкѣ,—оправдывалась Домашка.

— Ну и попало! Здорово попало...

— Здорово!—согласилась маленькая.

— Да гдѣ же ея мать?—горячо воскликнула Ольга Дмитріевна.

Ей хотѣлось сейчасъ же побѣжать къ ней, сказать ей, чтобы она спасла своего ребенка отъ побоевъ, отъ муки.

— Мать-то? Парамониха?

— Нѣтъ, настоящая мать, родная.

— Не знаю... Домна, — вдругъ обратилась она къ маленькой, точно баба,—ты не знаешь, гдѣ твоя мамка родная?

— Не знаю,—равнодушно отвѣтила Домашка.

— А ты про свою знаешь?

— Въ Москвѣ моя... Говорятъ—княжна... Я не знаю...

— И не любишь ее?

— А за что мнѣ ее любить-то?—изумленно сказала княжна и сейчасъ же прибавила:

— Никакъ наши идутъ?

Ея привычное ухо уловило раньше, чѣмъ городской слухъ Ольги Дмитріевны, далекіе голоса. Скоро на лугу блеснули косы на плечахъ у косцовъ, и черезъ нѣсколько минутъ всѣ они собрались у телѣги: два мужика и три бабы. Сейчасъ же пошли разспросы: чья? откуда? Всѣ приняли участіе въ барышнѣ и главное въ велосипедѣ, и въ концѣ концовъ попросили Ольгу Дмитріевну поужинать съ ними.

Ужиномъ завѣдывали бабы. Парамониха—женщина лѣтъ пятидесяти, вся изрытая глубокими коричневыми морщинами и сгорбленная — достала изъ-подъ телѣги жбанъ, укутанный тряпкой. Въ немъ оказался квасъ. Двѣ другія бабы помоложе вынули изъ телѣги хлѣбъ, лукъ и печеныя яйца. Онѣ, не переставая разспрашивать барышню, все раскладывали на пригоркѣ для ужина. Старшій мужикъ, съ плутоватыми глазами, взялся за котелъ. Онъ, съ помощью княжны, налилъ въ него воды и сталъ подвѣшивать надъ кучкой хвороста, да повернулся какъ-то неловко, котелъ выпалъ и пролился. Мужикъ добродушно выругался и сказалъ:

— Княжна, бѣги живѣе, тащи воды.

Дѣвочка схватила ведро и побѣжала внизъ, за пригорокъ.

Ольга Дмитріевна почти съ умиленіемъ глядѣла на всѣхъ этихъ бодрыхъ загорѣлыхъ людей, проработавшихъ весь день и теперь такъ дружно и весело принимающихся за свой скромный ужинъ.

— Какая милая дѣвочка,—сказала она, кивая головой въ ту сторону, куда ушла княжна.—Чья она?

— Наша,—съ гордостью отвѣтила одна изъ бабъ, рыжая, вся въ веснушкахъ, съ красивыми глазами и ярко-бѣлыми зубами.—Наша!.. Шпитонка она, изъ московскаго воспиталя...

— У насъ вся деревня шпитатами займается,—добавила третья женщина съ птичьими глазами и острымъ носомъ.

— И у тебя есть?

— Зачѣмъ? Мы въ одномъ дворѣ...

— Это сноха наша... Дарья... Была у насъ еще одна шпитонка... Да умерла... Больную ужъ и намъ-то дали... Чуть слѣпленную... Теперь одна княжна осталась.

— А какъ же ее зовутъ?—спросила барышня.

— Зовутъ то? Ее Лидіей звать... А у насъ всѣ ее княжной величаютъ.

— Почему же княжной?—допытывалась Ольга Дмитріевна.

— Ужъ намъ такъ ее отдали, — сказала рыжая.— Да вы присаживайтесь, барышня...

И она указала Ольгѣ Дмитріевнѣ мѣсто рядомъ съ собою у большой деревянной чашки съ квасомъ и намѣшаннымъ въ него лукомъ и хлѣбомъ. Мужики и бабы ѣли изъ одной чашки, забирая полныя ложки ѣды, и совершенно одинаково всѣ опрокидывали ихъ въ ротъ.

— Домашка, а ты что же?—спросила Ольга Дмитріевна.

— Садись и ты, — сказала ей Парамониха, давая ей въ руку круглую деревянную ложку.

— А княжна?

— Поспѣетъ,—весело сказала рыжая баба и сейчасъ же прибавила:—Ужъ и дѣвочка хороша! Одиннадцатый годъ только пошелъ съ Миколы зимняго, а большой работницѣ ровня... Во всякую работу такъ и бросается... Молотитъ— старухи не хуже...

— Вотъ-те и княжна! — причмокивая квасъ и пріятно усмѣхаясь, замѣтилъ мужикъ.

— Да она въ самомъ дѣлѣ княжна?

— А кто-жъ ее знаетъ? Она у насъ съ пяти годовъ только... А до тѣхъ поръ въ Раменцовѣ жила, у тетки Арины... Може слышали? Арина ее изъ Москвы, изъ воспиталя получила... По три рубля въ мѣсяцъ она казенныхъ получала, да мать ейная на Святки да на Святую по синенькой присылаетъ... Арина и сказывала, что она княжескаго роду...

— Какъ же она узнала?—спросила Ольга Дмитріевна и сейчасъ же пожалѣла: изъ-за пригорка показалась дѣвочка со своей тяжелой ношей. Ольга Дмитріевна хотѣла перемѣнить разговоръ, но баба, не обращая вниманія, продолжала:

— Сама мать сказала... Дѣвчонкѣ только году надо было быть, какъ мать объявилась... Пріѣхала поздно, къ ночи... Арина ужъ спать собралась, огонь тушить хотѣла... Вдругъ у окна кто-то скребется... Кто тамъ? Пусти, говоритъ, на минутку... Отворила дверь, ничего понять не можетъ: барышня стоитъ, кофченка коротенькая, въ шапочкѣ одной... Ни платка на головѣ, ни валенокъ на ногахъ,— ничего!.. Замерзла, посинѣла вся... И первымъ дѣломъ: „Что Лидинька, говоритъ, жива? Я, говоритъ, ейная мать“... Ну ее, знамо, обогрѣли, привѣтили... Подарки дѣвочкѣ привезла, золотой крестъ на шейку съ цѣпочкой повѣсила. Ужъ, говоритъ, и плакала, и убивалось надъ дѣвчонкой...

Княжна точно не слышала разговора. Она налила въ котелокъ воды, подвѣсила его на вбитый въ землю крюкъ и зажгла приготовленный подъ нимъ хворостъ. Баба, причмо-

кивая, облизывала ложку и послѣ каждаго глотка клала ее на траву; говорила она, почти не останавливаясь:

— Вотъ плакала, вотъ плакала,—разсказывала она, точно сама видѣла это.—Тутъ-то она и открылась Аринѣ, что княжескаго роду: я, говоритъ, княжна и Лидинька моя должна бы княжной быть, да люди то кругомъ насъ не допускаютъ этого...

Мужикъ усмѣхнулся и буркнулъ себѣ подъ носъ:

— Чего „этого", говори толкомъ...

— Не допускаютъ, говоритъ, чтобы мать свое дитя не бросала, чтобъ не стыдилась его: вотъ моя и моя! и не стыдно, и не боюсь никого!.. Этого нельзя! Надо забросить, да чтобъ никто не зналъ, гдѣ и какъ, чтобы и думать забыть... И знать не знаю и вѣдать не вѣдаю! Я, говоритъ, рада всю кровь свою за Лидиньку отдать, да срамъ для папаши и мамаши... Это важнѣе всего... А сама такъ и плачетъ, такъ и заливается плачетъ...

— Тятенька! Не горитъ!—обратилась княжна къ мужику.

Хворостъ, дѣйствительно, подымился, скрючился и потухъ.

— Эхъ ты, руки-крюки,—полушутя сказалъ мужикъ,—набери суши побольше да и раздуй хорошенько...

Княжна взяла приготовленныя ею же сухія вѣтви и стала ломать ихъ о свое угловатое колѣно и подкладывать подъ котелъ.

— Вотъ и пошла дѣвчонка въ деревню за княжну: княжна да княжна!.. Мать сулилась еще навѣдываться, да больше и не была ни разу, а деньги и по сю пору шлетъ аккуратно... Хорошая барышня...

А Парамониха, молчавшая до тѣхъ поръ и жадно ѣвшая квасъ и лукъ, сказала:

— Хорошая! А дѣвку чуть не замучили въ конецъ... Пойдешь, бывало, въ Раменцово, душа надрывается: княжна грязная, нечесаная, вся въ рваньѣ... Да худая, да желтая...

— Почему же?

Рыжая баба, пріемная мать дѣвочки, заговорила скоро и безъ перерыва:

— Очень плохо ей было у Арины... И голодно, и грязно... А тутъ разъ объѣздный и ѣдетъ... Знаете: объѣздный? Отъ Воспитательнаго ѣздитъ дѣтей провѣрять... Вотъ ѣдетъ онъ, и видитъ: двѣ нищенки идутъ... „Вы куда?" „По кусочкамъ"... „Чьи"? Одна-то оказалась—своя, а другая—казенная... Объѣздный сейчасъ: „Съ какого двора? Какъ смѣли шпитонку христа-радничать посылать?!" Отняли у Арины дѣвчонку... А мы давно хлопотали взять себѣ шпитоночку... Вотъ намъ княжну и дали...

— Разгорѣлось!—точно про себя сказала княжна и облегченно вздохнула.

— Ты чего же, дочка, не ужинаешь?—обратилась къ ней рыжая.—Садись, поѣшь...

Княжна сѣла немного сзади отца, вытянула ручку, взяла коричневое печеное яйцо, кусокъ хлѣба и жадно стала ѣсть. Чашка съ квасомъ была уже пуста, и только Домашка отскабливала приставшія къ ея краямъ перышки зеленаго луку. Всѣ теперь ѣли яйца, и молодой мужикъ громко икалъ.

— Чай-то скоро?—спросилъ онъ.

— Живо вскипитъ,—отвѣтилъ старшій мужикъ.—Княжна! Подсыпь-ка вѣточекъ-то.

Княжна опять вскочила и стала возиться у котла. И ея тоненькія руки показались Ольгѣ Дмитріевнѣ еще тоньше и вся княжна особенно жалкой и хрупкой.

— И честитъ же тебя теперь Арина на всѣ корки,—сказала Парамониха, обращаясь къ рыжей.

— Погоди еще она!—проговорила рыжая.—Вѣдь знаешь, барышня, она ни гроша не хотѣла намъ давать изъ того, что отъ матери ейной изъ Москвы получаетъ. Ужъ люди пристыдили, такъ кады рупь дастъ, кады гривенъ шесть. А сама по пятеркѣ получаетъ... Только бы намъ адрисъ въ Москвѣ узнать—ужъ мы бы отняли отъ нея эти деньги...

— Ищи вѣтра въ полѣ!—сказалъ старый мужикъ, зѣвая во весь ротъ.

Ольга Дмитріевна вдругъ замѣтила, что на землю тихо подкрадывалась ночь. Всѣ краски потухли, откуда-то потянуло сырымъ вѣтеркомъ, вся трава сдѣлалась мокрою. Она вскочила и стала прощаться. Всѣ встали тоже и ласково провожали ее.

— Спасибо не побрезговали поговорить съ нами...

Рыжая баба отвела Ольгу Дмитріевну въ сторону и сказала:

— Барышня! Поспроси-ка ты въ Москвѣ, не найдешь ли тамъ эту самую княжну?

— Да какъ же ее искать? Ты вѣдь не знаешь, какъ звать ее?

— Вотъ то то же, что не знаемъ... А надо бы ей сказать, чтобы не Аринѣ направляла, а намъ...

— Я ничего сдѣлать не могу,—сказала Ольга Дмитріевна и взялась за велосипедъ.—Ну, прощайте. Прощай, княжна!

Отъ взяла дѣвочку за голову и поцѣловала.

едлагали проводить ее, спрашивали, не боится ли дна, но Ольга Дмитріевна ничего не боялась и гала по дорогѣ. Но не прошла она и двадцати ъ услышала сзади себя топотъ босыхъ ногъ: дѣли за ней. Она остановилась.

— Что вы?

— Мы проводить тебя... Вонъ до поворота.

— Пойдемте, пойдемте, милыя!—радостно сказала Ольга Дмитріевна, растроганная ихъ вниманіемъ.—Вы ко мнѣ въ гости приходите въ Ильинку... Придете?

Дѣвочки молчали и шли рядомъ съ барышней. Потомъ Ольгѣ Дмитріевнѣ показалось, что старшая что-то шепнула маленькой.

— Ты что?—спросила она.

— Ничего...—смущенно отвѣтила дѣвочка.

— Устали? Спать вамъ пора... Ступайте, дѣти,—сказала Ольга Дмитріевна и опять поцѣловала и княжну, и Домашку.

Дѣвочки остановились, а Ольга Дмитріевна быстро пошла впередъ. Вечеръ былъ еще свѣтлый и теплый. Свѣтло и тепло было и на душѣ Ольги Дмитріевны. Безцвѣтное небо сливалось съ безцвѣтной землей и все, что было между этимъ небомъ и этой землей, было закутано неуловимо-безцвѣтной дымкой.

— Вотъ задача: овладѣть этими полутонами, изобразить эту сѣрую прозрачность, эту теплую тишину и безмятежность,— подумала Ольга Дмитріевна и остановилась.

— Барысня!—услышала она нерѣшительный зовъ.

Она оглянулась. Дѣвочки стояли все на томъ же мѣстѣ и о чемъ-то шептались. И эти два пятнышка подъ громаднымъ небомъ показались Ольгѣ Дмитріевнѣ такими безпомощными, такими заброшенными, что она кинулась къ нимъ чуть не бѣгомъ.

— Что, маленькія? Что? Довести васъ назадъ?

Дѣвочки переглянулись и стояли молча.

— Что же?—спросила барышня.

— Дай гривенничекъ,—прошептала Домашка.

— Что̀?—не понявъ сразу, переспросила Ольга Дмитріевна.

— Дай гривенничекъ.

— На что тебѣ?!

Домашка помолчала, взглянула на старшую дѣвочку и сказала:

— Она велѣла...

— Не ври, не ври! Сама, сама,—громко заговорила княжна.

Домашка сразу стала вся красная, какъ макъ, и залопотала скоро и шепеляво:

— Вресъ! вресъ! Ты велѣла: проси, говоритъ, сейчасъ проси... Еще тамъ, на горкѣ, все шептала: проси...

— Ей-Богу, барышня, вретъ!—горячо воскликнула княжна. —Она такая врунья, такая врунья...

Маленькая подбѣжала къ Ольгѣ Дмитріевнѣ и, поднимаясь къ ея лицу, точно признаваясь въ чемъ-то, прошептала:

— Коли выпросисъ гривенникъ, говоритъ, тебѣ копѣйку выплачу!..

Княжна всплеснула руками и, мотая головой, проговорила:

— Эка вретъ-то! Эка вретъ!..

Ольга Дмитріевна стояла и смотрѣла на дѣвочекъ. Она не знала, которая изъ нихъ лжетъ, но ей стало мучительно жаль ихъ обѣихъ.

IV.

Первый романъ.

Юлія Сергѣевна и Александръ Николаевичъ были женаты ровно мѣсяцъ, и этотъ мѣсяцъ, проведенный дома, т. е. въ петербургской квартирѣ, съ постоянными звонками и посѣщеніями, съ ненужными разговорами и чужими огорченіями, такъ раздражилъ Александра Николаевича, что онъ не могъ очнуться отъ счастья, когда пріѣхалъ съ молодой женой въ далекую усадьбу своего дяди.

Александръ Николаевичъ увидалъ въ первый разъ Юлію Сергѣевну четыре мѣсяца тому назадъ на одномъ любительскомъ спектаклѣ. Зала была слишкомъ велика для той публики, которая собралась на спектакль, пустые ряды стульевъ наводили уныніе; любители говорили слишкомъ тихо, а ихъ знакомые вызывали ихъ слишкомъ громко, и это сердило Александра Николаевича. Онъ хотѣлъ уже ѣхать домой, когда увидѣлъ въ третьемъ ряду дѣвушку лѣтъ двадцати, блѣдную, съ громадными сѣрыми глазами, смотрящими куда-то вдаль и точно не видящими, что дѣлается кругомъ нея. Александру Николаевичу показалось, что она тоже скучаетъ, какъ и онъ, и это почему-то было пріятно ему. Онъ съ особеннымъ—знакомымъ многимъ мужчинамъ—чувствомъ смотрѣлъ на дѣвушку и думалъ: „женился бы онъ на ней или нѣтъ“?

Александру Николаевичу было уже далеко за тридцать, и мысль о женитьбѣ постоянно приходила къ нему. Но всѣ тѣ дѣвушки, которыхъ онъ встрѣчалъ въ своемъ кругу, какъ-то страшили его. Ему были непріятны ихъ слишкомъ сильныя рукопожатія, слишкомъ большіе шаги при походкѣ, рѣзкія сужденія и громкій хохотъ. При видѣ Юліи Сергѣевны онъ рѣшилъ, что ничего этого въ ней нѣтъ, и, присматриваясь къ ея тонкому точеному носу, къ ея яркому рту съ приподнятыми уголками, ко всей ея тонкой и гибкой фигурѣ,—онъ незамѣтно пришелъ къ убѣжденію: я женюсь на ней. И дѣйствительно, черезъ два мѣсяца онъ уже стоялъ рядомъ съ ней въ церкви и улыбался отъ смущенія, отъ счастья, отъ того, что дьяконъ слишкомъ громко выкрикнулъ, что жена

должна бояться мужа, отъ того, что свѣчка въ его рукѣ дрожала и не хотѣла слушаться его.

Юлія Сергѣевна приняла его знакомство, а вскорѣ и предложеніе выдти за него замужъ—довѣрчиво и радостно. Съ перваго же вечера тамъ, на любительскомъ спектаклѣ, она говорила съ нимъ, какъ съ близкимъ ей человѣкомъ. И послѣ, когда стала невѣстой, была такъ же ровна и добра съ нимъ, какъ прежде.

Послѣ женитьбы онъ рѣшилъ уѣхать изъ Петербурга, но мать Юліи была больна, и Александръ Николаевичъ согласился остаться въ городѣ, но считалъ дни, когда уѣдетъ вдвоемъ съ женой въ деревню Марютино.

Эта деревня принадлежала дядѣ Александра Николаевича, старому холостяку, жившему постоянно въ Москвѣ. Александръ Николаевичъ зналъ, что Марютино должно со временемъ перейти къ нему, и привыкъ уже относиться къ нему, какъ къ собственному, и поэтому особенно любилъ и цѣнилъ этотъ уютный уголокъ. Онъ каждое лѣто пріѣзжалъ сюда во время уборки хлѣба, осматривалъ все имѣніе, подсчитывалъ книги и представлялъ отчетъ дядѣ. Теперь Марютино было ему еще милѣе тѣмъ, что онъ привезъ сюда свою красавицу жену и зналъ, что здѣсь онъ будетъ съ нею вдвоемъ, и никто не посмѣетъ врываться въ ихъ жизнь, отнимать ихъ время, вниманіе, никто не будетъ ни радовать, ни огорчать Юлію, никто не будетъ ни на одну минуту владѣть ея душою. И это сознаніе наполняло его гордой радостью. Уже въ вагонѣ онъ старался доказать ей, какъ было жестоко съ ея стороны не видѣть его мученій, когда она уѣзжала на цѣлые дни къ роднымъ, когда бросалась съ привѣтливымъ смѣхомъ навстрѣчу сестрамъ, приглашала ихъ и къ завтраку, и къ обѣду и почти ни одной минуты не оставалась съ нимъ вдвоемъ. По утрамъ къ ней приходили какія-то плохо-одѣтыя барышни, и она принимала ихъ ласково и съ каждой долго бесѣдовала о чемъ-то. Когда онъ входилъ—онѣ или умолкали, или Юлія говорила ему, что у нихъ „консультація“. Часто послѣ этихъ посѣщеній она плакала, а когда Александръ Николаевичъ спрашивалъ ее о причинѣ слезъ, она говорила:

— Сколько горя на свѣтѣ!

— Да ты-то чѣмъ можешь помочь?—спрашивалъ онъ.

Она ласково улыбалась ему, точно не понимая, что онъ сердится, точно принимая его слова за шутку.

— Ты раздаешь свою душу по кусочкамъ, ты тратишь направо и налѣво и время, и вниманіе, и хорошія слова... А это все мое, мое!..

Она начинала ему говорить о своей любви, и онъ, побѣжденный ея искренностью, умолкалъ.

Онъ не сомнѣвался въ томъ, что она любитъ его; онъ видѣлъ, какъ, чуть не съ первой же минуты ихъ знакомства, она съ довѣрчивой радостью встрѣчала его, какъ безъ колебанія согласилась выдти за него замужъ, но его злило, что она также любила и отца, и мать, и сестеръ, и своихъ растрепанныхъ пріятельницъ, не видѣла ни въ комъ недостатковъ и все всѣмъ прощала.

Хозяйство шло безалаберно, и старая прислуга Александра Николаевича, Петровна, привыкшая къ строгому порядку, ворчала и нѣсколько разъ заявляла, что уйдетъ. Это все очень разстраивало Александра Николаевича, и онъ, наконецъ, рѣшилъ увезти жену во что бы то ни стало. Въ половинѣ мая они уѣхали.

На вокзалѣ, при отъѣздѣ изъ Петербурга, ему еще разъ пришлось сдержать себя. Юлія прощалась со всѣми точно на вѣкъ, цѣловалась со своими и съ чужими, каждому считала нужнымъ сказать ласковое слово, а про свои вещи и забыла и даже не замѣтила номера носильщика, который взялъ ихъ. Александру Николаевичу пришлось бѣгать, отыскивать его по всей платформѣ, и онъ съ искреннимъ удовольствіемъ сказалъ, когда тронулся поѣздъ:

— Наконецъ-то!

Она ласково прижалась къ нему, точно виноватая.

Только что прошла гроза, и солнце весело и празднично глянуло на мокрую землю.

Александръ Николаевичъ, основательно отдохнувшій послѣ дороги, принялъ холодную ванну—какъ онъ привыкъ дѣлать каждый день—одѣлся во все свѣтлое и пошелъ искать жену.

Она не отдыхала послѣ дороги; старый барскій садъ сейчасъ же увлекъ ее своей тѣнистой красотой: она пошла бродить по всѣмъ аллеямъ и дорожкамъ, спустилась къ рѣчкѣ, перешла по мостику на другой берегъ и вышла на густо заросшій зеленый лугъ. Кругомъ было тихо, какъ бываетъ иногда передъ весенней грозой, и эта тишина заворожила Юлію. Солнце жарко свѣтило со своей высоты; все кругомъ было ясно и ярко. Юлія легла въ густую траву и стала смотрѣть въ небо, какъ она часто дѣлала въ дѣтствѣ. Глубокая лазурь упиралась съ двухъ сторонъ въ тяжелыя сизыя тучи. Но надъ головой Юліи было совсѣмъ ясно, только легкія бѣлыя облачка плыли быстро и безостанавочно, и ея мысли, такія же свѣтлыя и ясныя, плыли вмѣстѣ съ ними. Счастье, любовь, вся жизнь—сливались для нея въ одно въ этихъ лег-

кихъ бѣлыхъ облачкахъ на прекрасномъ голубомъ небѣ... И она лежала, не шевелясь, точно боялась спугнуть свои мысли, и не замѣтила, какъ налетѣлъ вихрь. Она только видѣла, что бѣлыя облачка уплыли куда-то, а за ними уже неслись дымчатые клубы, которыхъ догоняли косматыя плоскія тучи. Онѣ лѣзли одна на другую, толкались, точно торопились куда-то, точно хлопотали о чемъ-то. Вдали пророкоталъ громъ. Юлія вскочила и оглянулась. Почти все небо было уже покрыто сѣрой пеленой и все оно волновалось и шевелилось, точно спѣшило куда-то. Только съ запада тихо, не торопясь, всползала тяжелая дымчатая туча. Она шла медленно, сдержанно ворча непрерывными раскатами грома. Юлія глазъ не могла оторвать отъ нея: она ползла, ползла, и мало-по-малу завладѣла всей серединой неба и полилась на землю крупными, сильными каплями.

— Барыня! Барыня!—кричалъ кто-то пронзительнымъ голосомъ.

Юлія увидала на крутомъ обрывѣ сада Петровну. Она махала руками, и по жесту можно было догадаться, что надо возвращаться домой. Слово „баринъ", долетѣвшее до Юліи, обезпокоило ее, и она быстро пошла къ дому. Петровна бѣжала къ ней на встрѣчу съ зонтикомъ и калошами и уже издали приговаривала:

— Промокнете наскрозь—что̀ намъ съ вами отъ барина будетъ?.. Хорошо, что спятъ—не знаютъ... Ужъ мы имъ не скажемъ!

Петровна, видя въ этотъ мѣсяцъ „нехозяйственность" Юліи Сергѣевны и замѣчая снисходительное отношеніе къ этому барина, стала обходиться съ барыней не то какъ съ маленькой, не то какъ съ блаженной.

— Вы взгляните, Петровна,—сказала Юлія,—какая красота! Небо-то какое изумительное!

— Какая тамъ красота!—отвѣтила Петровна.—Вотъ какъ достанется намъ отъ барина, такъ и будетъ красота... Не въ духѣ они... На скотницу очень разгнѣвались. Да и за дѣло... Ужъ и пробрали они ее!..

Юлія пошла скорѣе, а Петровна, прихрамывая, догоняла ее и продолжала:

— Баринъ еще до Пасхи писали, что пріѣдутъ, а она и пуда масла не накопила... Развѣ возможно? Ты, говоритъ, пудъ съ каждой коровы должна подать... И правильно! Распустилъ васъ, говоритъ, дяденька... Я, говоритъ, подтяну васъ...

Она еще долго говорила, но Юлія не слушала ее и торопилась домой.

— И тебѣ не страшно?

— Чего страшно?

— Одной не страшно?

— Я не одна... У меня на полкѣ боженька живетъ...

Въ это время изъ-за оврага вылѣзла старшая дѣвочка. Она тяжело тащила ведро съ водою, и ея тоненькое тѣльце все перекривилось въ правую сторону, чтобы лѣвая рука могла нести ведро, не зацѣпляя имъ за землю.

— Князна идетъ! — весело объявила Домашка, и на ея серьезномъ лицѣ впервые скользнула радостная улыбка.

Ольга Дмитріевна невольно бросилась помочь дѣвочкѣ дотащить ведро, та не допустила этого, но благодарно и ласково заговорила съ ней.

Вечеръ сдѣлался уже весь сѣрый, и Ольга Дмитріевна встала, чтобы идти домой. Княжна удержала ее.

— Посиди, барышня, еще немного... Сейчасъ наши придутъ...

— А кто тутъ ваши?..

— Отецъ, мать и наша сноха... да Парамониха съ сыномъ... Изъ Москвы къ ней сынъ на сѣнокосъ пришелъ съ фабрики...

Ольгу Дмитріевну поражало, что „княжна“ говоритъ съ ней какъ большая; даже щеку она подпирала правымъ кулакомъ такъ, какъ это дѣлаютъ бабы.

— А тебѣ хорошо жить у твоихъ Картопкиныхъ?—спросила ее Ольга Дмитріевна.

— Мнѣ-то? Мнѣ хорошо! Домашкѣ, той плохо... Сильно Парамониха дуетъ ее...

— Какъ дуетъ?

— Вѣникомъ... А то и веревкой... Чѣмъ придется...

Ольга Дмитріевна прижала къ себѣ дѣвчоночку и чуть не со слезами на глазахъ проговорила:

— Какой ужасъ!..

— Да нельзя и не дуть-то,—серьезно продолжала княжна.

— За что же? За что бить такую маленькую?

— Намедни хлѣба каравай упёрла... А-агромный!

— Я не себѣ, я Затѣйкѣ,—оправдывалась Домашка.

— Ну и попало! Здорово попало...

— Здорово!—согласилась маленькая.

— Да гдѣ же ея мать?—горячо воскликнула Ольга Дмитріевна.

Ей хотѣлось сейчасъ же побѣжать къ ней, сказать ей, чтобы она спасла своего ребенка отъ побоевъ, отъ муки.

— Мать-то? Парамониха?

— Нѣтъ, настоящая мать, родная.

— Не знаю... Домна, — вдругъ обратилась она къ маленькой, точно баба,—ты не знаешь, гдѣ твоя мамка родная?

— Не знаю,—равнодушно отвѣтила Домашка.

— А ты про свою знаешь?

— Въ Москвѣ моя... Говорятъ—княжна... Я не знаю...

— И не любишь ее?

— А за что мнѣ ее любить-то?—изумленно сказала княжна и сейчасъ же прибавила:

— Никакъ наши идутъ?

Ея привычное ухо уловило раньше, чѣмъ городской слухъ Ольги Дмитріевны, далекіе голоса. Скоро на лугу блеснули косы на плечахъ у косцовъ, и черезъ нѣсколько минутъ всѣ они собрались у телѣги: два мужика и три бабы. Сейчасъ же пошли разспросы: чья? откуда? Всѣ приняли участіе въ барышнѣ и главное въ велосипедѣ, и въ концѣ концовъ попросили Ольгу Дмитріевну поужинать съ ними.

Ужиномъ завѣдывали бабы. Парамониха—женщина лѣтъ пятидесяти, вся изрытая глубокими коричневыми морщинами и сгорбленная — достала изъ-подъ телѣги жбанъ, укутанный тряпкой. Въ немъ оказался квасъ. Двѣ другія бабы помоложе вынули изъ телѣги хлѣбъ, лукъ и печеныя яйца. Онѣ, не переставая разспрашивать барышню, все раскладывали на пригоркѣ для ужина. Старшій мужикъ, съ плутоватыми глазами, взялся за котелъ. Онъ, съ помощью княжны, налилъ въ него воды и сталъ подвѣшивать надъ кучкой хвороста, да повернулся какъ-то неловко, котелъ выпалъ и пролился. Мужикъ добродушно выругался и сказалъ:

— Княжна, бѣги живѣе, тащи воды.

Дѣвочка схватила ведро и побѣжала внизъ, за пригорокъ.

Ольга Дмитріевна почти съ умиленіемъ глядѣла на всѣхъ этихъ бодрыхъ загорѣлыхъ людей, проработавшихъ весь день и теперь такъ дружно и весело принимающихся за свой скромный ужинъ.

— Какая милая дѣвочка,—сказала она, кивая головой въ ту сторону, куда ушла княжна.—Чья она?

— Наша,—съ гордостью отвѣтила одна изъ бабъ, рыжая, вся въ веснушкахъ, съ красивыми глазами и ярко-бѣлыми зубами.—Наша!.. Шпитонка она, изъ московскаго воспиталя...

— У насъ вся деревня шпитатами займается,—добавила третья женщина съ птичьими глазами и острымъ носомъ.

— И у тебя есть?

— Зачѣмъ? Мы въ одномъ дворѣ...

— Это сноха наша... Дарья... Была у насъ еще одна шпитонка... Да умерла... Больную ужъ и намъ-то дали... Чуть слѣпленную... Теперь одна княжна осталась.

— А какъ же ее зовутъ?—спросила барышня.

— Зовутъ то? Ее Лидіей звать... А у насъ всѣ ее княжной величаютъ.

— И тебѣ не страшно?

— Чего страшно?

— Одной не страшно?

— Я не одна... У меня на полкѣ боженька живетъ...

Въ это время изъ-за оврага вылѣзла старшая дѣвочка. Она тяжело тащила ведро съ водою, и ея тоненькое тѣльце все перекривилось въ правую сторону, чтобы лѣвая рука могла нести ведро, не зацѣпляя имъ за землю.

— Князна идетъ! — весело объявила Домашка, и на ея серьезномъ лицѣ впервые скользнула радостная улыбка.

Ольга Дмитріевна невольно бросилась помочь дѣвочкѣ дотащить ведро, та не допустила этого, но благодарно и ласково заговорила съ ней.

Вечеръ сдѣлался уже весь сѣрый, и Ольга Дмитріевна встала, чтобы идти домой. Княжна удержала ее.

— Посиди, барышня, еще немного... Сейчасъ наши придутъ...

— А кто тутъ ваши?..

— Отецъ, мать и наша сноха... да Парамониха съ сыномъ... Изъ Москвы къ ней сынъ на сѣнокосъ пришелъ съ фабрики...

Ольгу Дмитріевну поражало, что „княжна“ говоритъ съ ней какъ большая; даже щеку она подпирала правымъ кулакомъ такъ, какъ это дѣлаютъ бабы.

— А тебѣ хорошо жить у твоихъ Картопкиныхъ?—спросила ее Ольга Дмитріевна.

— Мнѣ-то? Мнѣ хорошо! Домашкѣ, той плохо... Сильно Парамониха дуетъ ее...

— Какъ дуетъ?

— Вѣникомъ... А то и веревкой... Чѣмъ придется...

Ольга Дмитріевна прижала къ себѣ дѣвчоночку и чуть не со слезами на глазахъ проговорила:

— Какой ужасъ!..

— Да нельзя и не дуть-то,—серьезно продолжала княжна.

— За что же? За что бить такую маленькую?

— Намедни хлѣба каравай упёрла... А-агромный!

— Я не себѣ, я Затѣйкѣ,—оправдывалась Домашка.

— Ну и попало! Здорово попало...

— Здорово!—согласилась маленькая.

— Да гдѣ же ея мать?—горячо воскликнула Ольга Дмитріевна.

Ей хотѣлось сейчасъ же побѣжать къ ней, сказать ей, чтобы она спасла своего ребенка отъ побоевъ, отъ муки.

— Мать-то? Парамониха?

— Нѣтъ, настоящая мать, родная.

— Не знаю... Домна, — вдругъ обратилась она къ маленькой, точно баба,—ты не знаешь, гдѣ твоя мамка родная?

— Не знаю,—равнодушно отвѣтила Домашка.

— А ты про свою знаешь?

— Въ Москвѣ моя... Говорятъ—княжна... Я не знаю...

— И не любишь ее?

— А за что мнѣ ее любить-то?—изумленно сказала княжна и сейчасъ же прибавила:

— Никакъ наши идутъ?

Ея привычное ухо уловило раньше, чѣмъ городской слухъ Ольги Дмитріевны, далекіе голоса. Скоро на лугу блеснули косы на плечахъ у косцовъ, и черезъ нѣсколько минутъ всѣ они собрались у телѣги: два мужика и три бабы. Сейчасъ же пошли разспросы: чья? откуда? Всѣ приняли участіе въ барышнѣ и главное въ велосипедѣ, и въ концѣ концовъ попросили Ольгу Дмитріевну поужинать съ ними.

Ужиномъ завѣдывали бабы. Парамониха—женщина лѣтъ пятидесяти, вся изрытая глубокими коричневыми морщинами и сгорбленная — достала изъ-подъ телѣги жбанъ, укутанный тряпкой. Въ немъ оказался квасъ. Двѣ другія бабы помоложе вынули изъ телѣги хлѣбъ, лукъ и печеныя яйца. Онѣ, не переставая разспрашивать барышню, все раскладывали на пригоркѣ для ужина. Старшій мужикъ, съ плутоватыми глазами, взялся за котелъ. Онъ, съ помощью княжны, налилъ въ него воды и сталъ подвѣшивать надъ кучкой хвороста, да повернулся какъ-то неловко, котелъ выпалъ и пролился. Мужикъ добродушно выругался и сказалъ:

— Княжна, бѣги живѣе, тащи воды.

Дѣвочка схватила ведро и побѣжала внизъ, за пригорокъ.

Ольга Дмитріевна почти съ умиленіемъ глядѣла на всѣхъ этихъ бодрыхъ загорѣлыхъ людей, проработавшихъ весь день и теперь такъ дружно и весело принимающихся за свой скромный ужинъ.

— Какая милая дѣвочка,—сказала она, кивая головой въ ту сторону, куда ушла княжна.—Чья она?

— Наша,—съ гордостью отвѣтила одна изъ бабъ, рыжая, вся въ веснушкахъ, съ красивыми глазами и ярко-бѣлыми зубами.—Наша!.. Шпитонка она, изъ московскаго воспиталя...

— У насъ вся деревня шпитатами займается,—добавила третья женщина съ птичьими глазами и острымъ носомъ.

— И у тебя есть?

— Зачѣмъ? Мы въ одномъ дворѣ...

— Это сноха наша... Дарья... Была у насъ еще одна шпитонка... Да умерла... Больную ужъ и намъ-то дали... Чуть слѣпленную... Теперь одна княжна осталась.

— А какъ же ее зовутъ?—спросила барышня.

— Зовутъ то? Ее Лидіей звать... А у насъ всѣ ее княжной величаютъ.

ная радость наполняла всю ее. И она вспоминала, какъ, остановившись передъ картиной Мурильо, онъ взялъ ея руку, посмотрѣлъ ей въ самые глаза и спросилъ: „Да“? И она, ни минуты не колеблясь, отвѣтила ему „Да“. И эти двѣ буквы рѣшили ея судьбу...

Юлія Сергѣевна прислушалась. Съ коннаго двора слышался топотъ лошади,—значитъ, Александръ Николаевичъ вернулся. У нея почему-то сильно, сильно забилось сердце.

Луна уже всплыла высоко и ровно, безъ тѣней, освѣщала большой дворъ, флигель управляющаго и густой цвѣтникъ, разбитый по срединѣ двора. Александръ Николаевичъ сдалъ уже лошадь и бѣжалъ къ женѣ. Она хотѣла сказать что-то, но онъ зажалъ ей ротъ поцѣлуемъ и заговорилъ быстро и нервно:

— Виноватъ, виноватъ... Знаю, что виноватъ. Но представь, мнѣ нужно было обскакать чуть не двадцать верстъ, чтобы придти къ этому убѣжденію. И все отъ того-же: отъ любви! Вы, женщины, этого не понимаете, и обижаетесь. А ты радоваться бы должна.

И онъ цѣловалъ ея руки, а она грустно улыбалась ему и старалась забыть все, о чемъ только что думала...

— Такъ ты очень его любила?—неожиданно спросилъ онъ, когда они сѣли на балконѣ, залитомъ луннымъ свѣтомъ.

— Кого?

— Да я не знаю... Вотъ того, про котораго ты такъ серьезно мнѣ объявила сегодня, что любила...

Она молчала, а онъ опять безпокойно смотрѣлъ на нее.

— Что же ты молчишь?

— Я не знаю, что̀ отвѣтить... Я даже не знаю, была ли это любовь? Такъ что-то такое свѣтлое и милое...

— Кто же онъ?

— Не знаю...

— А какъ фамилія?

— Тоже не знаю.

— Ну это одна изъ твоихъ фантазій...

— Можетъ быть.

— А ты всетаки разскажешь мнѣ?—спросилъ онъ ласково и шутливо.

— Попытаюсь... Только ты не вышучивай и не вставляй своихъ объясненій.

— Попытаюсь,—сказалъ онъ въ ея тонъ.

— Ты вѣдь знаешь, что мы жили въ N. Я училась въ гимназіи и сестры тоже... Чему ты смѣешься?

— Продолжай, продолжай... Только, пожалуйста, безъ

вступленій и заключеній, какъ въ ученическихъ сочиненіяхъ.

— Да я хочу все по порядку...—Ну слушай же...

И она, точно готовясь на что-то важное, сѣла глубоко въ кресло, подняла голову кверху и заговорила...

— На лѣто мы никогда не уѣзжали изъ города. Отецъ служилъ, мама не хотѣла оставить его безъ семьи, и мы всѣ сидѣли около нихъ... Нашъ домъ выходилъ на бульваръ и у насъ былъ громадный балконъ, густо заставленный цвѣтами... Мама не любила, чтобъ насъ видѣли всѣ, кто проходилъ по бульвару, поэтому и заставила густо, густо... Вотъ, тутъ, за этими цвѣтами я и сидѣла цѣлыми часами съ книгой... Всѣ думали, что я читаю, а я не много читала, все больше слушала или думала о своемъ... У насъ постоянно бывали гости, молодые люди: инженеры, лѣсничіе, офицеры... Они ухаживали за старшими сестрами, а мнѣ было скучно съ ними. Говорили они все одно и тоже и объ одномъ и томъ же, или, вѣрнѣе, объ однѣхъ и тѣхъ-же... Знаешь, въ провинціи: каждая семья заключена въ извѣстный кругъ, въ которомъ она обречена вертѣться... И всѣ интересы не выходятъ за предѣлы этого круга и тѣхъ, кто заключенъ въ немъ... Я сидѣла на балконѣ и сквозь растенія видѣла другую жизнь: передо мной ходили какіе-то люди, волновались какими-то волненіями, и я все время прислушивалась, чѣмъ они живутъ, что привлекаетъ ихъ къ жизни.

— Воображаю, чего наслушалась!—замѣтилъ Александръ Николаевичъ.

— Не перебивай, пожалуйста... Мнѣ именно сейчасъ такъ отрадно вспомнить тотъ нашъ балконъ съ запахомъ резеды и душистаго горошка, наши теплые, темные, совершенно черные вечера... Сзади меня—освѣщенныя окна нашей квартиры, гдѣ идетъ своя жизнь, такъ знакомая мнѣ; а впереди тьма и въ ней движутся какія-то тѣни, и я слышу, чѣмъ волнуются онѣ. Противъ нашего дома на бульварѣ была скамейка и вотъ съ нея-то и доносились до меня разговоры... Разъ—это было въ іюлѣ, вечеръ былъ особенно теплый и темный, я вышла на балконъ изъ душной столовой, гдѣ около самовара шумно болтали и смѣялись сестры и гости. Со скамейки до меня донесся молодой мужской голосъ:

„Вы всѣ, говорилъ онъ, ушли въ „людское“, въ свое или чужое—это все равно. Оттого у васъ и нѣтъ настоящаго подъема духа... Вы точно не желаете сознать, что высшее благо и назначеніе человѣка—это разумѣніе—насколько оно ему доступно—*всего*, а не сведеніе этого всего къ своему муравейнику“...

Меня сразу заинтересовалъ этотъ разговоръ, и я пробра-

— Коли выпросисъ гривенникъ, говоритъ, тебѣ копѣйку выплачу!..

Княжна всплеснула руками и, мотая головой, проговорила:

— Эка вретъ-то! Эка вретъ!..

Ольга Дмитріевна стояла и смотрѣла на дѣвочекъ. Она не знала, которая изъ нихъ лжетъ, но ей стало мучительно жаль ихъ обѣихъ.

IV.

Первый романъ.

Юлія Сергѣевна и Александръ Николаевичъ были женаты ровно мѣсяцъ, и этотъ мѣсяцъ, проведенный дома, т. е. въ петербургской квартирѣ, съ постоянными звонками и посѣщеніями, съ ненужными разговорами и чужими огорченіями, такъ раздражилъ Александра Николаевича, что онъ не могъ очнуться отъ счастья, когда пріѣхалъ съ молодой женой въ далекую усадьбу своего дяди.

Александръ Николаевичъ увидалъ въ первый разъ Юлію Сергѣевну четыре мѣсяца тому назадъ на одномъ любительскомъ спектаклѣ. Зала была слишкомъ велика для той публики, которая собралась на спектакль, пустые ряды стульевъ наводили уныніе; любители говорили слишкомъ тихо, а ихъ знакомые вызывали ихъ слишкомъ громко, и это сердило Александра Николаевича. Онъ хотѣлъ уже ѣхать домой, когда увидѣлъ въ третьемъ ряду дѣвушку лѣтъ двадцати, блѣдную, съ громадными сѣрыми глазами, смотрящими куда-то вдаль и точно не видящими, что дѣлается кругомъ нея. Александру Николаевичу показалось, что она тоже скучаетъ, какъ и онъ, и это почему-то было пріятно ему. Онъ съ особеннымъ—знакомымъ многимъ мужчинамъ—чувствомъ смотрѣлъ на дѣвушку и думалъ: „женился бы онъ на ней или нѣтъ“?

Александру Николаевичу было уже далеко за тридцать, и мысль о женитьбѣ постоянно приходила къ нему. Но всѣ тѣ дѣвушки, которыхъ онъ встрѣчалъ въ своемъ кругу, какъ-то страшили его. Ему были непріятны ихъ слишкомъ сильныя рукопожатія, слишкомъ большіе шаги при походкѣ, рѣзкія сужденія и громкій хохотъ. При видѣ Юліи Сергѣевны онъ рѣшилъ, что ничего этого въ ней нѣтъ, и, присматриваясь къ ея тонкому точеному носу, къ ея яркому рту съ приподнятыми уголками, ко всей ея тонкой и гибкой фигурѣ,—онъ незамѣтно пришелъ къ убѣжденію: я женюсь на ней. И дѣйствительно, черезъ два мѣсяца онъ уже стоялъ рядомъ съ ней въ церкви и улыбался отъ смущенія, отъ счастья, отъ того, что дьяконъ слишкомъ громко выкрикнулъ, что жена

должна бояться мужа, отъ того, что свѣчка въ его рукѣ дрожала и не хотѣла слушаться его.

Юлія Сергѣевна приняла его знакомство, а вскорѣ и предложеніе выдти за него замужъ—довѣрчиво и радостно. Съ перваго же вечера тамъ, на любительскомъ спектаклѣ, она говорила съ нимъ, какъ съ близкимъ ей человѣкомъ. И послѣ, когда стала невѣстой, была такъ же ровна и добра съ нимъ, какъ прежде.

Послѣ женитьбы онъ рѣшилъ уѣхать изъ Петербурга, но мать Юліи была больна, и Александръ Николаевичъ согласился остаться въ городѣ, но считалъ дни, когда уѣдетъ вдвоемъ съ женой въ деревню Марютино.

Эта деревня принадлежала дядѣ Александра Николаевича, старому холостяку, жившему постоянно въ Москвѣ. Александръ Николаевичъ зналъ, что Марютино должно со временемъ перейти къ нему, и привыкъ уже относиться къ нему, какъ къ собственному, и поэтому особенно любилъ и цѣнилъ этотъ уютный уголокъ. Онъ каждое лѣто пріѣзжалъ сюда во время уборки хлѣба, осматривалъ все имѣніе, подсчитывалъ книги и представлялъ отчетъ дядѣ. Теперь Марютино было ему еще милѣе тѣмъ, что онъ привезъ сюда свою красавицу жену и зналъ, что здѣсь онъ будетъ съ нею вдвоемъ, и никто не посмѣетъ врываться въ ихъ жизнь, отнимать ихъ время, вниманіе, никто не будетъ ни радовать, ни огорчать Юлію, никто не будетъ ни на одну минуту владѣть ея душою. И это сознаніе наполняло его гордой радостью. Уже въ вагонѣ онъ старался доказать ей, какъ было жестоко съ ея стороны не видѣть его мученій, когда она уѣзжала на цѣлые дни къ роднымъ, когда бросалась съ привѣтливымъ смѣхомъ навстрѣчу сестрамъ, приглашала ихъ и къ завтраку, и къ обѣду и почти ни одной минуты не оставалась съ нимъ вдвоемъ. По утрамъ къ ней приходили какія-то плохо-одѣтыя барышни, и она принимала ихъ ласково и съ каждой долго бесѣдовала о чемъ-то. Когда онъ входилъ—онѣ или умолкали, или Юлія говорила ему, что у нихъ „консультація“. Часто послѣ этихъ посѣщеній она плакала, а когда Александръ Николаевичъ спрашивалъ ее о причинѣ слезъ, она говорила:

— Сколько горя на свѣтѣ!

— Да ты-то чѣмъ можешь помочь?—спрашивалъ онъ.

Она ласково улыбалась ему, точно не понимая, что онъ сердится, точно принимая его слова за шутку.

— Ты раздаешь свою душу по кусочкамъ, ты тратишь направо и налѣво и время, и вниманіе, и хорошія слова... А это все мое, мое!..

Она начинала ему говорить о своей любви, и онъ, побѣжденный ея искренностью, умолкалъ.

Онъ не сомнѣвался въ томъ, что она любитъ его; онъ видѣлъ, какъ, чуть не съ первой же минуты ихъ знакомства, она съ довѣрчивой радостью встрѣчала его, какъ безъ колебанія согласилась выдти за него замужъ, но его злило, что она также любила и отца, и мать, и сестеръ, и своихъ растрепанныхъ пріятельницъ, не видѣла ни въ комъ недостатковъ и все всѣмъ прощала.

Хозяйство шло безалаберно, и старая прислуга Александра Николаевича, Петровна, привыкшая къ строгому порядку, ворчала и нѣсколько разъ заявляла, что уйдетъ. Это все очень разстраивало Александра Николаевича, и онъ, наконецъ, рѣшилъ увезти жену во что бы то ни стало. Въ половинѣ мая они уѣхали.

На вокзалѣ, при отъѣздѣ изъ Петербурга, ему еще разъ пришлось сдержать себя. Юлія прощалась со всѣми точно на вѣкъ, цѣловалась со своими и съ чужими, каждому считала нужнымъ сказать ласковое слово, а про свои вещи и забыла и даже не замѣтила номера носильщика, который взялъ ихъ. Александру Николаевичу пришлось бѣгать, отыскивать его по всей платформѣ, и онъ съ искреннимъ удовольствіемъ сказалъ, когда тронулся поѣздъ:

— Наконецъ-то!

Она ласково прижалась къ нему, точно виноватая.

Только что прошла гроза, и солнце весело и празднично глянуло на мокрую землю.

Александръ Николаевичъ, основательно отдохнувшій послѣ дороги, принялъ холодную ванну—какъ онъ привыкъ дѣлать каждый день—одѣлся во все свѣтлое и пошелъ искать жену.

Она не отдыхала послѣ дороги; старый барскій садъ сейчасъ же увлекъ ее своей тѣнистой красотой: она пошла бродить по всѣмъ аллеямъ и дорожкамъ, спустилась къ рѣчкѣ, перешла по мостику на другой берегъ и вышла на густо заросшій зеленый лугъ. Кругомъ было тихо, какъ бываетъ иногда передъ весенней грозой, и эта тишина заворожила Юлію. Солнце жарко свѣтило со своей высоты; все кругомъ было ясно и ярко. Юлія легла въ густую траву и стала смотрѣть въ небо, какъ она часто дѣлала въ дѣтствѣ. Глубокая лазурь упиралась съ двухъ сторонъ въ тяжелыя сизыя тучи. Но надъ головой Юліи было совсѣмъ ясно, только легкія бѣлыя облачка плыли быстро и безостановочно, и ея мысли, такія же свѣтлыя и ясныя, плыли вмѣстѣ съ ними. Счастье, любовь, вся жизнь—сливались для нея въ одно въ этихъ лег-

кихъ бѣлыхъ облачкахъ на прекрасномъ голубомъ небѣ... И она лежала, не шевелясь, точно боялась спугнуть свои мысли, и не замѣтила, какъ налетѣлъ вихрь. Она только видѣла, что бѣлыя облачка уплыли куда-то, а за ними уже неслись дымчатые клубы, которыхъ догоняли косматыя плоскія тучи. Онѣ лѣзли одна на другую, толкались, точно торопились куда-то, точно хлопотали о чемъ-то. Вдали пророкоталъ громъ. Юлія вскочила и оглянулась. Почти все небо было уже покрыто сѣрой пеленой и все оно волновалось и шевелилось, точно спѣшило куда-то. Только съ запада тихо, не торопясь, всползала тяжелая дымчатая туча. Она шла медленно, сдержанно ворча непрерывными раскатами грома. Юлія глазъ не могла оторвать отъ нея: она ползла, ползла, и мало-по-малу завладѣла всей серединой неба и полилась на землю крупными, сильными каплями.

— Барыня! Барыня!—кричалъ кто-то пронзительнымъ голосомъ.

Юлія увидала на крутомъ обрывѣ сада Петровну. Она махала руками, и по жесту можно было догадаться, что надо возвращаться домой. Слово „баринъ", долетѣвшее до Юліи, обезпокоило ее, и она быстро пошла къ дому. Петровна бѣжала къ ней на встрѣчу съ зонтикомъ и калошами и уже издали приговаривала:

— Промокнете наскрозь—что̀ намъ съ вами отъ барина будетъ?.. Хорошо, что спятъ—не знаютъ... Ужъ мы имъ не скажемъ!

Петровна, видя въ этотъ мѣсяцъ „нехозяйственность" Юліи Сергѣевны и замѣчая снисходительное отношеніе къ этому барина, стала обходиться съ барыней не то какъ съ маленькой, не то какъ съ блаженной.

— Вы взгляните, Петровна,—сказала Юлія,—какая красота! Небо-то какое изумительное!

— Какая тамъ красота!—отвѣтила Петровна.—Вотъ какъ достанется намъ отъ барина, такъ и будетъ красота... Не въ духѣ они... На скотницу очень разгнѣвались. Да и за дѣло... Ужъ и пробрали они ее!..

Юлія пошла скорѣе, а Петровна, прихрамывая, догоняла ее и продолжала:

— Баринъ еще до Пасхи писали, что пріѣдутъ, а она и пуда масла не накопила... Развѣ возможно? Ты, говоритъ, пудъ съ каждой коровы должна подать... И правильно! Распустилъ васъ, говоритъ, дяденька... Я, говоритъ, подтяну васъ...

Она еще долго говорила, но Юлія не слушала ее и торопилась домой.

поръ, когда увижу даже кого-нибудь похожаго на него—такъ сильно, такъ хорошо забьется сердце, такъ легка и радостна покажется жизнь.

— А что же съ нимъ сдѣлалось? Онъ уѣхалъ куда-нибудь?

— Я не знаю... Я не могла никого спросить о немъ, такъ какъ даже не знала его фамиліи. Но всѣ его „жалкія слова", какъ ты называешь, помню всегда и пронесу ихъ черезъ всю жизнь.

— И это ты называешь первой любовью.

— Я не знаю, любовь ли это... Знаю только то, что послѣ него я никого не любила, пока не встрѣтила тебя... Знаю, что я всѣхъ сравнивала съ нимъ, съ его словами, съ тѣмъ, что онъ требовалъ отъ человѣка и *человѣческой* жизни.

— Все это рисовка, моя милая...

Она опять съ ужасомъ взглянула на него. Онъ снисходительно улыбнулся.

— Конечно, рисовка,—повторилъ онъ,—и пока за тебя думаютъ другіе—ты можешь предаваться этой рисовкѣ. А если пристукнетъ жизнь съ ея заботами и бѣдами, тогда сама поймешь нелѣпость твоего „разумѣнія всего сущаго"... Ну, не сердись, не сердись...

— Я не сержусь,—горячо сказалъ она, вскакивая съ мѣста.—Мнѣ страшно! Мнѣ страшно, что мы съ тобой взялись всю жизнь идти рука объ руку и такъ не знаемъ другъ друга, и—главное—такъ не понимаемъ одинъ другого.

— Я никогда не говорилъ того, чего не чувствовалъ, меня легко было узнать... Я не выношу рисовки и говорю только то, что думаю... Я не боюсь ничьего суда и никогда ни передъ кѣмъ не ломаюсь... И съ тобою я былъ всегда безъ маски, и ты знала, за кого выходила...

И вдругъ, перемѣнивъ тонъ, онъ ласково сказалъ:

— А, въ самомъ дѣлѣ, почему изъ всѣхъ ты выбрала меня?

— Ты сразу понравился мнѣ.

— Чѣмъ же?

— Не знаю, какъ опредѣлить... Кажется, твоими близорукими глазами... Когда тебя представили мнѣ, ты такъ посмотрѣлъ на меня изъ-подъ очковъ, что мнѣ вдругъ стало весело... Да и вообще ты мнѣ сразу сталъ милъ, и не люблю я, когда ты напускаешь на себя это...

— Что это?—спросилъ онъ.

Она не сумѣла ему отвѣтить и только сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ, ты другой...

А онъ, взявъ ее за обѣ руки, спросилъ снисходительнымъ тономъ, точно говоря съ ребенкомъ:

— А если я не другой, а именно такой, какимъ кажусь? Что ты сдѣлаешь со мной?

Она молчала.

— Конечно, уйдешь отъ меня?—шутя спросилъ онъ.

Она серьезно и грустно прошептала:

— Да.

Но, видя какъ онъ весь поблѣднѣлъ и заволновался, она, стараясь казаться спокойной и веселой, сказала ему:

— Разскажи мнѣ и ты своей первый романъ.

— Съ удовольствіемъ,—радостно отвѣтилъ онъ, счастливый, что она не придала серьезнаго значенія ихъ разговору.

— Вотъ садись сюда и разсказывай.

Юлія усадила мужа рядомъ съ собой и взяла его руку въ свои.

— Ну говори...

Онъ поцѣловалъ ея руку и молчалъ.

— Что же ты?

— Ты думаешь это легко? - весело сказалъ онъ. - Надо вспомнить, кто была первая... Я думаю „первый романъ"—это всетаки Маша... Мнѣ тоже, какъ и тебѣ, было тогда пятнадцать лѣтъ... Горничная моей матери разбаловалась, состарилась и ничего не успѣвала дѣлать. Рѣшили взять ей помощницу — подгорничную... Я какъ сейчасъ помню, какъ привели наниматься эту Машу: здоровенную дѣвку лѣтъ двадцати двухъ, пучеглазую, краснощекую... Я уже съ первой минуты не могъ видѣть ее равнодушно... И вотъ...

— Замолчи, замолчи!—испуганно прошептала Юлія и закрыла лицо руками.

Ек. Лѣткова.

Рудольфъ Штаммлеръ и его теорія соціальнаго монизма.

I.

Положеніе марксизма въ современной общественной и исторической наукѣ сильно измѣнилось за послѣднія десять лѣтъ. Еще въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ одинъ изъ видныхъ тогда послѣдователей діалектическаго матеріализма, Германъ Баръ (Hermann Bahr), въ своемъ первомъ выпускѣ „Zur Kritik der Moderne" могъ жаловаться на то, что современная ему мысль не стремится „сводить свои счеты съ марксизмомъ". Это „сведеніе счетовъ" началось уже въ серединѣ девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе являлось и является призванныхъ или не призванныхъ участниковъ въ этомъ дѣлѣ.

Марксизмъ выдвинутъ на ordre du jour и у насъ въ Россіи, гдѣ чисто мѣстныя и временныя причины привлекли къ нему въ девяностыхъ годахъ симпатіи значительной части молодого поколѣнія, и на Западѣ, гдѣ критическое отношеніе къ нему охватило многихъ его сторонниковъ. И тамъ, и здѣсь горячіе дебаты по его поводу еще не прекратились и врядъ ли такъ скоро заглохнутъ.

Вундтъ гдѣ-то говоритъ, что науки рѣдко развиваются постепными, но вѣрными завоеваніями. Въ большинствѣ случаевъ молодая наука начинаетъ какой-нибудь мало-обоснованной, но широко-объемлющей гипотезой, которая охватываетъ всю область, подлежащую изслѣдованію, и смѣлыми штрихами набрасываетъ планъ будущаго зданія. Дальнѣйшее развитіе науки заключается въ томъ, что въ первоначально набросанный планъ вносятся разнаго рода дополненія, ограниченія и измѣненія.

Можно сказать, что, благодаря горячей полемикѣ за и противъ марксизма, его соціологическія и историко-философскія построенія сдѣлались теперь центральнымъ пунктомъ современнаго мышленія въ соціологіи и исторической наукѣ, стали, быть можетъ, на долгое время тѣмъ первоначально набросаннымъ планомъ,

который долженъ находиться въ рукахъ у всякаго, кто участвуетъ въ разработкѣ соціологическихъ и историко-философскихъ проблемъ или даже только слѣдитъ за ростомъ и развитіемъ указанныхъ областей.

Почти всѣ историко-философскія и соціологическія изслѣдованія послѣдняго времени, какъ заграничныя, такъ и русскія, такъ или иначе считаются съ воззрѣніями Маркса и Энгельса, и почти каждый новый трудъ вноситъ какое-нибудь новое толкованіе, ограниченіе или измѣненіе въ первоначально набросанный планъ. Большинство предложенныхъ поправокъ, не исключая и тѣхъ, которыя сдѣланы были Бернштейномъ, касаются, однако, отдѣльныхъ сторонъ или даже отдѣльныхъ частностей марксистскаго ученія. Нападаютъ на гегельянскіе элементы въ марксизмѣ, на его матеріализмъ, на отсталую теорію познанія, на экономическій матеріализмъ въ исторіи, на теорію концентраціи капиталовъ и т. д., и т. д., такъ что нѣтъ почти ни одного пункта въ теоретическихъ построеніяхъ и практическихъ требованіяхъ Маркса и Энгельса, который не былъ бы подвергнутъ серьезному критическому пересмотру.

Къ числу немногихъ работъ, которыя направляютъ свое вниманіе не столько на отдѣльныя части марксизма, сколько на главнѣйшіе его устои, и при томъ не только съ цѣлью опровергнуть ихъ, но и съ цѣлью замѣнить ихъ болѣе цѣлесообразной конструкціей, принадлежитъ извѣстная книга Штаммлера о „Хозяйствѣ и правѣ“, вышедшая еще въ 1896-мъ году *).

Разобраться въ томъ новомъ, которое Штаммлеръ предлагаетъ на мѣсто марксизма, и отвѣтить на вопросъ, насколько его новая постановка дѣла благопріятна дальнѣйшему развитію научной соціологіи и философіи исторіи, вотъ задача настоящей статьи.

II.

Совокупность основныхъ вопросовъ соціологіи и философіи исторіи Штаммлеръ называетъ „соціальной филисофіей“, философіей общества (Socialphilosophie). По его мнѣнію, всѣ до-марксистскія попытки научно построить эту важнѣйшую отрасль человѣческаго знанія далеко уступаютъ по своему значенію и глубинѣ теоріямъ Маркса и Энгельса. „За соціальнымъ матеріализмомъ,— говоритъ онъ,—я признаю свойство наиболѣе значительнаго и глубокаго *перваго шага* къ критическому обоснованію научной философіи общества“ **). Марксизму онъ ставитъ въ заслугу его

*) Prof. Rudolf Stammler, Wirtchaft und Recht nach materialisticher Geschichtsauffassung. Leipzig. 1896. VII+668.

**) Стр. 399.

стремленіе къ объективно-научному познанію общественныхъ явленій, его пониманіе общества и человѣческой исторіи, какъ *особеннаго* предмета изслѣдованія, одареннаго специфическими свойствами, присущими только ему одному, требующаго особыхъ методовъ и пріемовъ изученія *).

Въ системѣ экономическаго матеріализма наиболѣе цѣннымъ является, далѣе, его *монизмъ*, признаваемый имъ, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, его стремленіе свести къ одному „послѣднему самостоятельному объекту соціологическаго изслѣдованія" всѣ проявленія общественной и исторической жизни. Этотъ пунктъ особенно плѣняетъ Штаммлера. Восхищенъ онъ также *объективизмомъ* Маркса, его ученіемъ о томъ, что всѣ историческія измѣненія являются плодомъ необходимости, вытекающей изъ основныхъ законовъ общественнаго хозяйства, „съ измѣненіемъ котораго измѣняется все остальное".

Благодаря этимъ своимъ основнымъ положеніямъ, марксизмъ, по мнѣнію Штаммлера, съ успѣхомъ можетъ бороться противъ *субъективизма* въ постановкѣ общественныхъ цѣлей, не знающаго никакихъ другихъ доводовъ, кромѣ своихъ собственныхъ желаній и идеаловъ. Марксизмъ указываетъ на то,—и Штаммлеръ считаетъ это совершенно вѣрнымъ,—что сами-то идеи, желанія и стремленія по необходимости выростаютъ изъ самой почвы общественнаго хозяйства. Только тѣ общественные поступки объективно обоснованы, которые вытекаютъ изъ познанія основныхъ законовъ общественной жизни,—вотъ верховный критерій всякой практической дѣятельности, опирающейся не на субъективныя, мимолетныя мнѣнія, но на прочно установленныя научныя истины. Критерій этотъ впервые, по мнѣнію автора, былъ выставленъ Марксомъ **).

Не смотря на глубокое уваженіе къ марксизму, которымъ проникнутъ Штаммлеръ, онъ, конечно, не закрываетъ глазъ на многія слабыя стороны, критика которыхъ привела автора къ выводамъ, мало совпадающимъ съ основными положеніями матеріалистическаго взгляда на исторію, а въ главныхъ пунктахъ даже идущимъ съ ними въ разрѣзъ.

Одинъ изъ крупнѣйшихъ недостатковъ марксизма заключается, по мнѣнію Штаммлера, въ томъ, что онъ не продумалъ до конца и не разъяснилъ, какъ слѣдуетъ, смыслъ своихъ основныхъ положеній. „Именно тамъ, гдѣ дѣло касается самыхъ фундаментальныхъ основъ теоріи, марксизмъ,—говоритъ авторъ,—ограни-

*) Стр. 257.

**) Мѣста, подчеркивающія достоинства марксизма, разсѣяны по всей книгѣ Штаммлера и часто повторяются. Повторенія, стилистическія варіаціи одной и той же мысли, составляютъ одинъ изъ недостатковъ этого великолѣпно-написаннаго сочиненія. О достоинствахъ, присущихъ марксизму, см. стр. 18, 22—24, 30, 329, 257, 267. 396 и др.

чивается мимоходомъ брошенными афоризмами и отрывочными положеніями съ невыясненными понятіями“ *).

Къ числу такихъ фундаментальныхъ основъ теоріи принадлежитъ вопросъ объ отношеніи экономической жизни къ правовой. Выясненію его посвящена вся книга „о хозяйствѣ и правѣ“.

Понятно, почему авторъ обратилъ свое главное вниманіе именно на этотъ вопросъ. Государственный и соціальный строй общества существуетъ теперь въ видѣ системы правъ, привилегій и обязанностей, т. е. юридическихъ нормъ, охраняющихъ основы современной общественной жизни. Всѣ попытки измѣнить этотъ строй выступаютъ въ послѣднемъ счетѣ въ видѣ требованія замѣнить однѣ правовыя нормы, управляющія общественной жизнью, другими. Всѣ проекты радикальныхъ соціальныхъ реформъ, каково бы ни было ихъ экономическое содержаніе, вертятся вокругъ вопроса о *правѣ* собственности на землю и другія средства производства, о семейномъ *правѣ*, о *правѣ* найма свободныхъ рабочихъ и т. д. По ученію матеріалистической философіи общества право является *производнымъ* элементомъ экономической жизни. Всякія измѣненія въ правовой сферѣ подготовляются и обусловливаются измѣненіями въ чисто хозяйственныхъ процессахъ. Что же понимать подъ терминами: „хозяйство“ и „право“? Вѣрна ли мысль Маркса, что хозяйство и право относятся другъ къ другу, какъ причина къ слѣдствію? А если не вѣрна, то какое другое отношеніе существуетъ между этими двумя главнѣйшими проявленіями общественной жизни?—Вотъ вопросы, которые служатъ Штаммлеру исходной точкой его изслѣдованія. Прежде всего онъ констатируетъ неясность и сбивчивость господствующихъ въ марксистской литературѣ понятій относительно самой сущности хозяйственныхъ явленій, играющихъ, по мнѣнію Маркса, роль исторической первопричины.

По формулировкѣ Энгельса, „производство и обмѣнъ продуктовъ служатъ основаніемъ всякаго общественнаго строя; въ каждомъ исторически выступающемъ обществѣ распредѣленіе продуктовъ совершается сообразно тому, какъ и что производится и какимъ образомъ продукты обмѣниваются между собою“. Но что же понимать подъ этимъ „какъ и что“? Энгельсъ не даетъ по этому поводу никакихъ объясненій, а на основаніи литературы марксизма разобраться въ этомъ вопросѣ не такъ то легко.

Дѣло въ томъ, что „способъ производства“ („Productionsweise“), къ которому, какъ къ послѣдней инстанціи, все сводится Энгельсомъ, можетъ быть понятъ въ двоякомъ смыслѣ: въ *техническомъ* и *соціальномъ*. Въ первомъ случаѣ общественное хозяйство означаетъ совокупность тѣхъ техническихъ пріемовъ и процессовъ, которые общество употребляетъ въ своей непосредствен-

*) S. 448.

ной борьбѣ съ природой. Въ этомъ смыслѣ говорятъ, напримѣръ, о хозяйствѣ каменнаго вѣка, о вліяніи открытія употребленія огня на развитіе хозяйства и т. д.

Во второмъ случаѣ дѣло идетъ о юридическихъ основахъ хозяйственной жизни, напримѣръ, когда говорятъ о *капиталистическомъ* хозяйствѣ или капиталистическомъ способѣ производства, который основанъ на извѣстныхъ юридическихъ нормахъ: на правѣ частной собственности и правѣ свободнаго договора съ наемными рабочими.

Но эти два понятія слѣдуетъ строго различать другъ отъ друга. „Техника можетъ быть сравниваема только съ техникой, а соціальное хозяйство только съ соціальнымъ хозяйствомъ“ *). Техника и соціальныя условія хозяйства не одинаково вліяютъ на людей, а стало быть, и на исторію. Тотъ или другой способъ земледѣльческаго хозяйства налагаетъ свою печать на физическія и психическія свойства земледѣльца, все равно, будетъ ли этотъ послѣдній крѣпостнымъ крестьяниномъ, рабомъ, свободнымъ батракомъ или самостоятельнымъ землевладѣльцемъ-хлѣбопашцемъ. „Суровый трудъ при бурѣ и грозѣ дѣлаетъ плотовщиковъ грубыми въ обращеніи, дикими и непокорными“, безразлично, будутъ ли они наемниками или самостоятельными хозяевами. Точно также и производители булавокъ одинаково подпадаютъ подъ власть своего ремесла, безразлично, въ качествѣ чего они занимаются этимъ ремесломъ: въ качествѣ ли наемныхъ рабочихъ, рабовъ, артельщиковъ, гражданъ соціалистическаго государства, или членовъ какого-нибудь монастырскаго ордена.

Очевидно, что вліяніе *соціальныхъ основъ* труда совсѣмъ другого рода, чѣмъ вліяніе его *техники*, и что смѣшивать эти два понятія въ одно общее понятіе „способа производства“ отнюдь нельзя. А межъ тѣмъ, мы въ марксистской литературѣ почти сплошь и рядомъ встрѣчаемся съ этимъ смѣшеніемъ понятій. Такъ, напримѣръ, у Каутскаго находится противопоставленіе того періода исторіи, когда господствующимъ способомъ производства („herrschende Productionsweise“) былъ земледѣльческій, тому періоду, когда этимъ господствующимъ способомъ производства сталъ капитализмъ. Это все равно, говоритъ Штаммлеръ, какъ если бы мы противоставили рыболовное хозяйство рабовладѣльческому.

III.

Если отъ марксистовъ (у которыхъ на этотъ счетъ господствуетъ полнѣйшая путаница) перейти къ трудамъ самого Маркса или Энгельса, то легко замѣтить, говоритъ авторъ, что творцы

*) Стр. 249.

теоріи экономическаго матеріализма вкладываютъ въ терминъ „способы производства“ преимущественно юридическій смыслъ.

Такъ, въ своей полемикѣ противъ Прудона Марксъ отождествляетъ отношенія производства съ отношеніями *собственности*. Въ своемъ ученіи о раздѣленіи труда (въ „Капиталѣ“) онъ беретъ отправнымъ пунктомъ не техническія его основы, но извѣстныя соціально-юридическія условія, подъ вліяніемъ которыхъ оно возникло. Марксъ, конечно, разсматриваетъ и вліяніе раздѣленія труда на технику, но напираетъ, всетаки, главнымъ образомъ, на то, что „мануфактурное раздѣленіе труда есть специфическій продуктъ *капиталистическаго* способа производства“, тогда какъ современное раздѣленіе труда возникло лишь при господствѣ „свободной конкурренціи“. Онъ проводитъ также разницу между *машиной*, какъ производительной силой, и современной *фабрикой*, какъ извѣстнымъ общественнымъ отношеніемъ производства. Только вторую считаетъ онъ „экономической категоріей“, первая же, по мнѣнію Маркса, такъ же мало можетъ быть названа „экономической категоріей“, какъ рабочій скотъ. Но въ чемъ же лежитъ разница между фабрикой въ техническомъ отношеніи и той же фабрикой, какъ извѣстнымъ отношеніемъ производства, какъ не въ тѣхъ *юридическихъ* условіяхъ, въ которыя она поставлена, какъ не въ правѣ частной собственности, правѣ безграничнаго накопленія капиталовъ и въ правѣ свободнаго договора съ рабочими?

Равнымъ образомъ очевидно, что когда Марксъ и Энгельсъ говорятъ о вліяніи машинизма на образованіе и увеличеніе пролетаріата и пауперизма, они могутъ имѣть въ виду не чисто техническія свойства машиннаго производства, а лишь тѣ общественныя, т. е. *юридическія* условія, въ которыхъ находится современное машинное производство, т. е., опять-таки право частной собственности и свободнаго договора *).—У Энгельса тоже рѣчь идетъ преимущественно о *соціальныхъ* условіяхъ производства, когда онъ говоритъ, напримѣръ, о производствѣ цеховомъ или о способѣ производства, присущемъ буржуазіи.—Понятно, что и всѣ явленія обмѣна продуктовъ также должны быть отнесены не къ области техники, а къ области юридическихъ условій общественной жизни **).

Такимъ образомъ, Марксъ и Энгельсъ сами невольно сбиваются съ основныхъ положеній своей теоріи. Желая всѣ историческія измѣненія свести *къ развитію производительныхъ силъ*, т. е. къ развитію *техники*, они въ большинствѣ случаевъ сводятъ ихъ на самомъ дѣлѣ не къ техникѣ, а къ общественнымъ, т. е. юридическимъ, условіямъ производства.

---

*) Стр. 253—255.
**) Стр. 257.

Читатель, знакомый съ теоріей экономическаго или историческаго матеріализма, можетъ, конечно, возразить на это, что общественныя условія производства Марксъ разсматривалъ лишь какъ *слѣдствіе* опредѣленной ступени развитія производительныхъ силъ, какъ слѣдствіе опредѣленнаго состоянія техническихъ основъ хозяйственной жизни. Но Штаммлеръ въ другомъ мѣстѣ своего труда вполнѣ вѣрно указываетъ на то, что это положеніе какъ разъ и *не доказано* Марксомъ. Общественныя условія производства, утверждаютъ марксисты, зависятъ отъ распредѣленія продуктовъ. Но почему тотъ или другой *техническій* способъ производства долженъ обязательно вести къ тому или другому способу распредѣленія продуктовъ? Существованіе причинной, постоянно дѣйствующей связи между явленіями производства и явленіями распредѣленія Марксомъ не доказано. Вполнѣ допустима мысль, что при одинаковыхъ *техническихъ пріемахъ* общественнаго труда могутъ имѣть мѣсто различные способы распредѣленія продуктовъ; и наоборотъ,—одинъ и тотъ же способъ распредѣленія продуктовъ можетъ имѣть мѣсто при различныхъ техническихъ типахъ общественнаго хозяйства.

Правда, Каутскій приводитъ примѣръ, въ которомъ индѣйцы-охотники сперва придерживались индивидуалистическаго распредѣленія добычи *общей* охоты, когда ихъ главнымъ орудіемъ служили стрѣлы, а потомъ, когда обзавелись огнестрѣльнымъ оружіемъ, перешли къ общинному распредѣленію этой добычи: съ измѣненіемъ техники измѣнилось распредѣленіе продуктовъ. Но этотъ примѣръ, по мнѣнію Штаммлера, ничего не доказываетъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ осталась не тронутой общинная, т. е. опредѣленная *правовая* организація самого способа веденія охоты. Если бы не было этой общинной основы, введеніе отнестрѣльнаго оружія, конечно, не привело бы ни къ какому измѣненію въ распредѣленіи продуктовъ.

Не станемъ вдаваться въ разборъ вопроса, насколько вѣрна мысль Штаммлера о независимости формъ распредѣленія продуктовъ отъ способа ихъ производства или добыванія. Не трудно было бы показать, что въ цитируемомъ примѣрѣ изъ Каутскаго введеніе огнестрѣльнаго орудія *могло бы* привести не только къ новому способу распредѣленія продуктовъ, но даже къ перестройкѣ самыхъ основъ производства. Если бы индѣйцы-охотники занимались своимъ промысломъ преимущественно для продажи, то введеніе новыхъ улучшенныхъ пріемовъ техники могло бы на почвѣ ихъ общаго товарнаго хозяйства привести къ бо́льшей соціальной дифференціаціи въ ихъ средѣ, къ выдѣленію класса богачей, которому, быть можетъ, вполнѣ удалось бы разрушить первоначальные коммунистическіе устои и замѣнить ихъ капиталистическими принципами частнаго предпринимательства на основахъ наемнаго труда. Но Штаммлеръ правъ, по нашему мнѣнію, когда

говоритъ, что основная мысль Маркса: опредѣленному техническому способу производства всегда и вездѣ соотвѣтствуетъ опредѣленный способъ распредѣленія продуктовъ—не доказана и что, поэтому, юридическія нормы хозяйственной жизни не могутъ быть выводимы, какъ причина изъ слѣдствія, изъ ея техническихъ основъ.

На примѣрахъ, приводимыхъ самими марксистами, нашъ авторъ старается показать, что правовой элементъ присущъ *всякому* общественному явленію и не можетъ быть отдѣлимъ отъ него. Вотъ эта то мысль и легла въ основу „соціальнаго монизма", въ отличіе отъ матеріалистическаго монизма Маркса.

IV.

Монизмъ есть приведеніе различныхъ явленій къ одному и тому же основному началу. Отдѣльныя явленія, подлежащія объединенію, могутъ при этомъ играть различную роль; поэтому могутъ быть различные виды монизма.

Если необходимо привести къ одному началу два различныхъ явленія: А и В, то при этомъ мыслимы четыре случая. Возможно, во-первыхъ, что основное начало есть А, а В является частнымъ случаемъ, одной изъ модификацій А. Второй случай: основное начало есть В, а А является его модификаціей. Третій случай: А и В являются двумя неразрывными сторонами одного и того же явленія, свойства котораго исчерпываются этими А и В. Но возможенъ и четвертый случай: А и В суть два неотдѣлимыхъ свойства какого-то третьяго начала, сущность котораго состоитъ не въ суммаціи ярко выраженныхъ свойствъ А и В, а въ чемъ-то среднемъ между А и В, которыя выдѣлились изъ него.

Во всѣхъ областяхъ философскаго или научнаго мышленія, въ самыхъ крупныхъ и въ самыхъ мелкихъ вопросахъ: идетъ-ли дѣло о томъ, чтобы свести воедино „матерію" и „духъ", или „человѣка" и „обезьяну", или „ядро" и „протоплазму" въ біологической клѣточкѣ или „содержаніе" и „форму" въ теоріи познанія,—мы повсюду встрѣчаемся съ нѣкоторыми или даже всѣми этими четырьмя типами монистическаго построенія. Наиболѣе полно эти типы разработаны въ области метафизическихъ ученій объ отношеніи такъ называемаго „духа" къ такъ называемой „матеріи".

Спиритуалистическая система построена по первому типу: основное начало есть „духъ", а „матерія" является его частной модификаціей. Матеріалистическая система построена по какъ разъ противоположному, второму типу: „духъ" есть частное, преходящее состояніе въ „матеріи". Система Спинозы, которая въ послѣднее время, въ видѣ ученія о психо-физіологическомъ паралле-

лизмѣ, завоевала почти всю психологію и сдѣлала несомнѣнные успѣхи и въ области современной философіи природы (Нуаре, Эрнстъ Геккель) подходитъ къ третьему типу: „матерія“ и „духъ“, или—что тоже—„протяженность“ и „мышленіе“ или—что опять тоже—„движеніе“ и „ощущеніе“ суть лишь двѣ стороны одного и того же цѣлаго и немыслимы другъ безъ друга. Какъ представителя четвертаго типа можно назвать хотя бы систему Шеллинга. „Духъ“ и „матерія“ были имъ сведены къ одной, лежащей въ ихъ основѣ „абсолютной субстанціи“, въ которой они оба утратили свои отличительныя черты.

Характеристическое свойство третьяго типа—параллелистическаго—заключается въ томъ, что онъ самымъ послѣдовательнымъ образомъ отрицаетъ взаимодѣйствіе между „матеріей“ и „духомъ“. Духъ и матерія измѣняются оба заразъ. Съ измѣненіемъ того цѣлостнаго явленія, свойства котораго заключаются въ протяженности и мышленіи, въ одно и то же время, параллельно, измѣняются и эти послѣднія. Если эту точку зрѣнія *параллелизма* перенести въ философію общества, то ея результатомъ окажется слѣдующее положеніе: то „нѣчто“, которое мы называемъ „матеріей“, или „содержаніемъ“ общественной и исторической жизни, неотдѣлимо отъ того „нѣчто“, которое мы называемъ „духомъ“, или „формой“ общественной жизни. Но эти „духъ“ и „матерія“, или „содержаніе“ и „форма“ не могутъ вліять другъ на друга, измѣняясь параллельно съ каждымъ измѣненіемъ общественныхъ явленій.

Отождествленіе „содержанія“ и „матеріи“, съ одной стороны, и „духа“ и „формы“, съ другой, было сдѣлано еще Аристотелемъ, и съ тѣхъ поръ часто встрѣчается въ философскихъ построеніяхъ. Надо замѣтить, что оно несовсѣмъ примѣнимо къ монистическимъ теоріямъ Маркса и Штаммлера. Философія Маркса имѣетъ дѣло во всѣхъ своихъ частяхъ съ вопросомъ объ отношеніяхъ „бытія“ къ „сознанію“, которымъ больше всего соотвѣтствуютъ понятія „матерія“ и „духъ“. Философія Штаммлера занимается установленіемъ отношенія между матеріальной и формальной стороною общественной жизни, и здѣсь дѣло, стало быть, идетъ о монизмѣ „матеріи“ и „формы“.

Въ то время, какъ Марксъ строитъ свою монистическую систему по первому типу, стараясь повсюду представить „сознаніе“, какъ слѣдствіе „бытія“, Штаммлеръ пользуется третьимъ типомъ, выставляя „содержаніе“ и „форму“ двумя равносильными, другъ отъ друга неотдѣлимыми элементами каждаго общественнаго явленія.

Но что такое „матерія“ и что такое „форма“ общественной жизни?

Подъ „соціальной матеріей“ Штаммлеръ, точно такъ же, какъ и марксисты, понимаетъ *экономическую жизнь* общества, но онъ

придаетъ термину: „экономическое явленіе“ гораздо болѣе обширный смыслъ, чѣмъ какой онъ имѣетъ у марксистовъ и вообще въ современной рѣчи. Подъ „экономическимъ явленіемъ“, какъ матеріей общественной жизни, онъ понимаетъ *всякую совмѣстную дѣятельность людей* для удовлетворенія человѣческихъ потребностей,—все равно, будетъ ли эта дѣятельность направлена на удовлетвореніе такъ называемыхъ низшихъ или такъ называемыхъ высшихъ потребностей. Между трудомъ человѣка на поприщѣ приготовленія орудій труда, одежды, предметовъ питанія и т. д. и его работой на поприщахъ воспитанія, науки, религіи, искусства, философіи, нѣтъ никакой *соціологической* разницы. Всѣ эти отрасли труда имѣютъ одинаковую цѣль — полученіе пріятныхъ впечатлѣній и удаленіе впечатлѣній непріятныхъ. Поэтому земледѣліе и религія, промышленность и философія одинаково относятся Штаммлеромъ къ соціальной матеріи.

Становясь на такую точку зрѣнія, легко, конечно, построить слѣдующій силлогизмъ. Историческая жизнь есть жизнь человѣческаго общества, а жизнь человѣческаго общества есть дѣятельность людей, направленная на удовлетвореніе разнаго рода потребностей, т. е. экономическая дѣятельность. Отсюда ясно, что въ концѣ концовъ *все* въ исторіи должно быть сведено къ экономическимъ явленіямъ. Отъ такого „терминологическаго“ обоснованія марксизма, до котораго Штаммлеръ дошелъ вплотную, его, однако, удержалъ основной типъ его соціальнаго монизма. Всякое экономическое явленіе состоитъ не изъ одной только матеріи, но еще изъ неотдѣлимой отъ матеріи *формы*. Въ чемъ же заключается форма общественной жизни?—Въ тѣхъ *правовыхъ нормахъ*, отвѣчаетъ авторъ, которыми нормируется экономическая дѣятельность людей, ихъ общественное сотрудничество. Нѣтъ ни одного проявленія общественной дѣятельности, которое не было бы нормировано какими-нибудь правилами. Совокупность этихъ правилъ составляетъ правовую жизнь даннаго общества.

Подобно тому, какъ понятіе экономическаго явленія расширено авторомъ до предѣловъ всякаго сотрудничества людей на какомъ бы то ни было поприщѣ, онъ и понятіе о правѣ употребляетъ въ самомъ широкомъ значеніи. Не только нормы, вытекающія изъ какой-либо верховной государственной власти и имѣющія характеръ принудительнаго закона, не только такъ называемое обычное право, но и всякій свободный договоръ, требованія сложившихся нравовъ, даже привычки, предписанія приличія и кодекса чести,—все это одинаково относится къ правовой сторонѣ общественной жизни. Всѣ эти внѣшнія нормы и правила, отъ правилъ шахматной игры и условныхъ приличій свѣтскаго пикника до высшихъ государственныхъ узаконеній,—и *только* эти внѣшнія нормы и правила—придаютъ дѣятельности людей общественный характеръ. Люди лишь постольку живутъ въ об-

щественномъ состояніи, поскольку ихъ жизнь нормирована какимъ-нибудь внѣшнимъ правиломъ. Общество начинается только тамъ и тогда, гдѣ и когда одаренныя сознаніемъ существа *сознательно* ставятъ себѣ цѣли для опредѣленной совмѣстной „соціально-хозяйственной“ дѣятельности и этимъ самымъ вырабатываютъ тѣ внѣшнія упорядоченія, ту *форму* сотрудничества, которая осуществляется въ каждомъ его моментѣ, въ которой поставленная соціально-хозяйственная цѣль реализируется во внѣ. Каждая такая цѣль есть, какъ мы видѣли, экономическая.

Поэтому всякое соціальное явленіе есть не что иное, какъ опредѣленный конкретный моментъ всеобщаго „соціальнаго хозяйства“, матерія котораго состоитъ изъ чисто-техническихъ пріемовъ, необходимыхъ для удовлетворенія данной экономической потребности, *а форма котораго заключается въ общественной нормѣ, управляющей этими техническими пріемами и процессами.*

Такъ какъ техническіе пріемы проявляются во внѣ только въ предѣлахъ опредѣленнаго общественнаго регламента, то понятно, что въ каждомъ соціальномъ явленіи матерія неотдѣлима отъ формы. Отсюда слѣдуетъ, что *хозяйство и право не могутъ вліять другъ на друга.* Никакой хозяйственный актъ немыслимъ безъ той общественной формы, въ предѣлахъ которой онъ совершается. Никакой правовой регламентъ немыслимъ безъ его конкретнаго выполненія на дѣлѣ, въ сферѣ соціально-хозяйственной жизни. Словомъ, право и хозяйство такъ же неотдѣлимы другъ отъ друга, какъ тѣло и душа, по ученію Спинозы, или содержаніе и форма познанія, по ученію Канта.

Таковъ основной законъ соціальной статики. Посмотримъ, какой видъ принимаетъ на этомъ фонѣ соціальная динамика.

Процессъ *измѣненія* правовыхъ нормъ представляется Штаммлеру въ слѣдующемъ видѣ. Конкретное выполненіе какого-нибудь соціальнаго (читай: правоваго) строя, т. е. реализація извѣстныхъ правовыхъ нормъ во всѣхъ сферахъ общественной жизни, образуетъ массу отдѣльныхъ соціальныхъ явленій, классифицированныхъ извѣстнымъ образомъ. Матерія этихъ явленій состоитъ изъ приготовленія продуктовъ питанія и другихъ предметовъ потребленія, изъ выполненія разныхъ культурныхъ функцій, отъ занятій въ первоначальной школѣ вплоть до засѣданій научныхъ конгрессовъ, и т. д., и т. д. Эти отдѣльныя соціальныя явленія развиваются и наростаютъ въ предѣлахъ данной правовой нормы. Наступаетъ моментъ, когда правовыя нормы превращаются въ тиски для дальнѣйшаго развитія данныхъ соціальныхъ явленій. Тогда въ головахъ людей появляется мысль передѣлать мѣшающія правовыя рамки. Возникаютъ проекты отдѣльныхъ реформъ и разгорается „классовая борьба“. Этотъ чисто-марксистскій терминъ имѣетъ здѣсь, однако, совершенно другое значеніе. Подъ

„классовой борьбой“ здѣсь понимается борьба тѣхъ группъ, дѣятельность которыхъ стѣснена даннымъ конкретнымъ выполненіемъ правовой нормы, съ тѣми группами, для которыхъ эта норма еще представляетъ извѣстныя удобства. Такая классовая борьба можетъ имѣть мѣсто, напримѣръ, между „классиками“ и „реалистами“ на почвѣ той „соціально-хозяйственной“ дѣятельности, которая въ просторѣчіи называется воспитаніемъ.

Когда стремленіе къ реформамъ увѣнчается успѣхомъ, тогда старое соціальное явленіе замѣнится новымъ, такъ какъ оно будетъ содержать въ себѣ новый общественный регламентъ. Съ теченіемъ времени число такихъ новыхъ регламентовъ все болѣе и болѣе увеличится во всѣхъ сферахъ, и въ концѣ концовъ весь соціальный порядокъ, т. е. самыя общія правовыя нормы даннаго общества, окажется устарѣлымъ. Возникнутъ проекты обще-политическихъ и государственныхъ реформъ, разгорится новая „классовая борьба“, которая кончится тѣмъ, что старыя основныя нормы общественной жизни замѣнятся новыми, которыя дадутъ начало цѣлому ряду новыхъ соціальныхъ явленій, новыхъ конкретныхъ выполненій этихъ нормъ въ различныхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, и круговоротъ общественной жизни начнется сызнова.

Такимъ образомъ, всѣ измѣненія соціальной жизни объясняются движеніемъ ея *матерги*, т. е. измѣненіями отдѣльныхъ соціальныхъ явленій *), и сами правовые взгляды и идеалы людей не съ неба падаютъ на землю, а постепенно выростаютъ изъ „экономической структуры общества“, т. е. изъ сотрудничества людей для удовлетворенія ихъ потребностей.

Отрицая взаимодѣйствіе между хозяйствомъ и правомъ, Штаммлеръ, тѣмъ не менѣе, допускаетъ, что между различными проявленіями „соціальнаго хозяйства“ (экономикой, педагогіей, наукой, искусствомъ и т. д.) взаимодѣйствіе существуетъ. Спрашивается: въ какой мѣрѣ и по какимъ основнымъ законамъ оно совершается? Не являются ли тѣ соціально-хозяйственныя явленія, которыя мы называемъ экономическими, дирижирующимъ началомъ во всей игрѣ общественныхъ взаимосплетеній, какъ это училъ Марксъ? На этотъ вопросъ Штаммлеръ не даетъ опредѣленнаго отвѣта и даже полаетъ, что этотъ вопросъ не подлежитъ вѣдѣнію соціолога. Пусть политическая экономія, т. е. наука о конкретныхъ проявленіяхъ соціальнаго хозяйства изучаетъ его и разбирается, что́ когда на что́ вліяло во всѣ періоды человѣческой исторіи. Рѣшеніе же, предлагаемое Марксомъ, онъ считаетъ преждевременнымъ и мало обоснованнымъ.

Но если рѣшеніе этого вопроса не входитъ въ задачи соціологіи, что же, по мнѣнію Штаммлера, должно интересовать соціолога

*) Стр. 325—326.

и въ чемъ надобно видѣть тотъ основной законъ общественной жизни, опираясь на который, можно найти объективный критерій для общественной дѣятельности? Какимъ образомъ приступить къ установленію объективныхъ законовъ общественной жизни, зная заранѣе, чтъ взаимозависимость ея многочисленныхъ сторонъ еще не изучена и законы этой взаимозависимости еще не открыты?

Отвѣты Штаммлера на всѣ эти вопросы сводятся къ слѣдующему.

Соціологъ вовсе не долженъ добиваться раскрытія причинной связи въ соціальныхъ явленіяхъ, во-первыхъ, потому, что въ основѣ ихъ лежатъ явленія психологическаго характера, которыя на дѣлѣ всегда представляютъ непреодолимыя препятствія для точнаго изученія; во-вторыхъ, потому, что непомѣрная сложность и перепутанность общественной жизни дѣлаетъ немыслимымъ причинное уясненіе ихъ. Всѣ попытки такого уясненія оказались и окажутся безуспѣшными.

Казалось бы, что, выходя изъ подобнаго рода воззрѣній, можно придти лишь къ соціологическому скептицизму. Штаммлеръ избѣгаетъ, однако, этой опасности тѣмъ соображеніемъ, что причинное познаніе—не единственная форма познанія, доступная человѣку. Причинное мышленіе,—говоритъ онъ вмѣстѣ съ Кантомъ,—только одна изъ апріорныхъ формъ, помощью которыхъ нашъ умъ вноситъ единство въ разнообразіе многочисленныхъ явленій и фактовъ. Рядомъ съ формою причинности существуетъ такая же апріорная форма цѣлесообразности. Тамъ, гдѣ „причины и слѣдствія“ отказываются служить намъ, мы имѣемъ полное право прибѣгнуть къ помощи телеологическихъ формъ мышленія и, вмѣсто понятій: „причина и слѣдствіе“, взять, какъ орудіе для научнаго построенія, понятія: „цѣль и средства“.

Сообразно съ этимъ, задача соціолога будетъ заключаться, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы найти ту *общую цѣль* всякихъ общественныхъ нормъ, которою человѣкъ долженъ руководствоваться, имѣя въ виду не свои личные, партійные или классовые интересы, но интересы всего общества. Эта общая цѣль и будетъ тѣмъ *соціальнымъ закономъ*, который послужитъ объективнымъ критеріемъ для общественной дѣятельности каждой данной эпохи.

Какъ же найти этотъ законъ?—Единственно вѣрный методъ, могущій повести къ открытію его, заключается, по мнѣнію Штаммлера, въ томъ, чтобы, помощью *логическаго анализа* всѣхъ общественныхъ формъ, т. е. всѣхъ правовыхъ регламентовъ, открыть тотъ элементъ цѣлесообразности, который всегда содержится въ нихъ. Сравненіе этихъ отдѣльныхъ телеологическихъ элементовъ и сведеніе ихъ къ одному общему началу, т. е. раскрытіе

той самой отвлеченной цѣли, которая лежитъ въ ихъ основѣ, дастъ намъ искомый общій законъ.

Пользуясь этимъ методомъ логическаго анализа правовыхъ нормъ, Штаммлеръ приходитъ къ окончательному результату своего изслѣдованія, къ установленію того руководящаго начала, который долженъ быть положенъ въ основу всякаго „объективно-мотивированнаго" общественнаго поступка („objectiv berechtigtes Handeln"). Этотъ руководящій принципъ заключается въ стремленіи къ идеалу „свободно хотящихъ людей", т. е. людей, воля которыхъ свободна отъ всякихъ личныхъ, классовыхъ или партійныхъ желаній и намѣреній. Все то, что въ каждое данное время, при какихъ бы то ни было общественныхъ реформахъ, совершается во имя этого идеала и ведетъ къ реализаціи его въ дѣйствительности,—все это объективно вѣрно и „законосообразно". И, наоборотъ, все то, что идетъ съ нимъ въ разрѣзъ, „субъективно" и незаконносообразно, хотя бы эти „субъективныя стремленія" были самыми могучими въ обществѣ и побѣда, въ концѣ концовъ, осталась на ихъ сторонѣ.

Вотъ основной законъ общественной жизни, которымъ долженъ руководствоваться общественный дѣятель, для того чтобы избавиться отъ вліянія субъективизма.

Таковы въ общихъ чертахъ основныя положенія интересующей насъ теоріи соціальнаго монизма.

V.

Входить въ подробный критическій разборъ всѣхъ положеній Штаммлера мы теперь не можемъ. Выясненіе многихъ недоразумѣній, лежащихъ въ основѣ большинства изъ нихъ, повело бы насъ слишкомъ далеко. Ограничимся поэтому наиболѣе существеннымъ по всѣмъ тѣмъ пунктамъ его ученія, съ которыми мы познакомили читателей.

Начнемъ съ того панегирика, который онъ посвятилъ марксизму.

Прежде всего необходимо замѣтить, что многія достоинства, приписываемыя Штаммлеромъ марксизму, присущи ему отнюдь не въ большей степени, чѣмъ въ какой они присущи большинству извѣстныхъ намъ историко-философскихъ и соціологическихъ теорій.

Пониманіе общества, какъ явленія sui generis, требующаго особыхъ методовъ изслѣдованія, не есть специфическій признакъ марксизма. На эту мысль никто такъ сильно не напиралъ, какъ творецъ новѣйшей соціологіи, Огюстъ Контъ. Она имѣется и у Маркса, но далеко не занимаетъ того выдающагося мѣста въ его системѣ, какое отводитъ ей Штаммлеръ. Методологія мар-

ксизма скорѣе стремится показать приложимость общихъ методовъ научнаго изслѣдованія (наблюденія, анализа и тріадизма) къ общественнымъ явленіямъ, чѣмъ задается вопросомъ о тѣхъ спеціально соціологическихъ методахъ изслѣдованія, которые присущи исключительно этой области человѣческаго знанія и которые должны значительнымъ образомъ модифицировать примѣненіе общихъ методологическихъ основъ. Скорѣе можно упрекать Маркса въ *недостаточномъ* выдѣленіи соціологіи изъ совокупности человѣческаго знанія, въ слишкомъ сильномъ подчеркиваніи *единства* всѣхъ явленій природы, какъ сознательныхъ, такъ и безсознательныхъ, въ слишкомъ блѣдной характеристикѣ специфическихъ особенностей общественныхъ явленій.

Затѣмъ, стремленіе найти высшій *объективный* критерій для общественной дѣятельности, для того, чтобы можно было согласовать ее съ основными законами общественной жизни, одинаково присуще *всѣмъ*, безъ исключенія, соціологамъ объективной школы, и у всѣхъ у нихъ оно играетъ роль *конечной цѣли* всего изслѣдованія. Это справедливо для Конта и Спенсера, для Сенъ-Симона и Фурье, для Лоренца фонъ-Штейна и Кеттлэ и для многихъ другихъ. Всѣ соціологи объективной школы до самаго послѣдняго времени только и дѣлали, что добивались объективно-научнаго пониманія хода общественной жизни, которое положило бы конецъ партійнымъ спорамъ и программамъ и дало бы надежную путеводную нить, въ какую сторону въ каждое данное время направить общественнныя усилія. Что одни искали эту путеводную нить въ общественной статикѣ, а другіе—въ общественной динамикѣ, это тѣмъ менѣе важно, что и Штаммлеръ, какъ мы видѣли, *не* въ динамикѣ ищетъ того центра тяжести, который далъ бы всякимъ прогрессивнымъ общественнымъ стремленіямъ недостающую имъ объективно-научную устойчивость.

Остается *монизмъ*, который, дѣйствительно, въ системѣ Маркса играетъ особо выдающуюся роль. Монизмъ, сведеніе всѣхъ разнообразныхъ явленій къ одному общему началу, несомнѣнно, представляетъ собою чрезвычайно крупное достоинство какой-нибудь научной дисциплины, но это лишь въ томъ случаѣ, когда онъ является конечнымъ результатомъ методологически-правильнаго изслѣдованія. Какъ принципъ изслѣдованія, какъ *методологическій* принципъ, монизмъ не только не достоинство, но—одинъ изъ крупнѣйшихъ недостатковъ, который долженъ вызвать къ себѣ недовѣріе всякаго, кто отдаетъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что́ такое наука и каковы ея требованія. Наука не архитектура. Красота зданія и единство стиля, это—научная роскошь, которая лишь тогда умѣстна, когда удовлетворены ея главнѣйшіе, ея существеннѣйшіе запросы. Наука—и въ этомъ ея отличіе отъ философіи—имѣетъ дѣло *исключительно* съ фактами и ихъ необходимыми соотношеніями, которые она должна изслѣдовать какъ

можно точнѣе. Только на основаніи этихъ, наивозможно точно изслѣдованныхъ фактовъ и соотношеній она въ состояніи переходить отъ частныхъ обобщеній къ болѣе общимъ, насколько это позволяютъ, или даже насколько это диктуютъ сами факты.

Конечно, можно быть заранѣе увѣреннымъ, что въ основѣ всѣхъ подлежащихъ изслѣдованію явленій окажется какое-нибудь, общее имъ, единое начало. Но въ чемъ будетъ заключаться это начало, этого заранѣе знать нельзя. Поэтому въ каждый моментъ изслѣдованія ученый долженъ констатировать лишь то, что получилось подъ руками,—все равно, будетъ ли это монизмъ, дуализмъ или плюрализмъ. Гипотезы и теоріи, этотъ элементъ возможнаго, въ изслѣдованіи играютъ, конечно, большую роль, и безъ нихъ изслѣдованіе врядъ-ли подвигалось бы успѣшно впередъ. Но, прибѣгая къ ихъ помощи, ученый никогда не долженъ забывать, что не факты для того существуютъ, чтобы оправдать тѣ или другія гипотезы, а гипотезы существуютъ для того, чтобы удобнѣе было изучить и понять тѣ или другіе факты. Становясь на такую точку зрѣнія, изслѣдователь, работающій въ мало разработанной области, не *долженъ*, если хочетъ выполнить строгія требованія научности, придерживаться одной какой-либо научной гипотезы. Наоборотъ, чѣмъ больше предположеній, *возможныхъ* толкованій будетъ въ распоряженіи ученаго, чѣмъ менѣе онъ будетъ пристрастенъ къ какой-либо одной гипотезѣ, тѣмъ больше шансовъ за то, что онъ не станетъ насиловать факты въ угоду преждевременнаго обобщенія.

Всякая гипотеза, примѣняемая къ еще не изслѣдованной или мало изслѣдованной области, поневолѣ является *пустой*. И чѣмъ шире обобщеніе, чѣмъ больше научнаго матеріала въ него должно войти въ будущемъ, тѣмъ оно пока, на первыхъ стадіяхъ изслѣдованія, пустѣе. Такія „пустыя“ обобщенія долгое время считались главной задачей философіи. Но съ тѣхъ поръ, какъ и философія,—по крайней мѣрѣ, ея наиболѣе прогрессивныя направленія,—стала опираться на науку и провозгласила одной изъ своихъ необходимыхъ основъ опытъ и наблюденіе, съ тѣхъ поръ и она должна относиться отрицательно къ искусственно выведеннымъ эфемернымъ построеніямъ, единственная цѣль которыхъ—монизмъ.

Монизмъ, какъ методологическій принципъ, потому, главнымъ образомъ, вреденъ для научнаго изслѣдованія, что онъ заранѣе предписываетъ ему цѣли, которыя не могутъ не отразиться въ дурную сторону на самомъ ходѣ изученія явленій. Если „чистое“ философское мышленіе уже названо „поэзіей понятій“, то мнимоиндуктивное познаніе, которое даетъ намъ преднамѣренно-монистическое изслѣдованіе, можетъ быть названо „стихотвореніемъ въ прозѣ“. Но стихотворенія, хотя бы въ научной прозѣ, не наука, и тотъ, кто хочетъ служить наукѣ, долженъ научиться

различать дѣло отъ забавы, запросы *научной достовѣрности* отъ запросовъ умственнаго наслажденія. Послѣдніе умѣстны и должны быть приняты во вниманіе только при построеніяхъ философскихъ.

Все это уже тысячи разъ говорилось, но все это еще мало примѣняется на дѣлѣ въ области соціологіи и философіи исторіи. Главная бѣда этихъ наукъ въ томъ, что современные соціологи и исторіософы ставятъ себѣ цѣлью съ самаго начала построить единую цѣльную соціологическую или историко-философскую систему. Если бы Галилей или Торичелли въ свое время руководствовались подобными же цѣлями, если бы они пытались, вмѣсто того, чтобы рѣшать отдѣльные вопросы, создать „систему монистической физики“ (т. е. сдѣлать то, чему Робертъ Майеръ и Гельмгольцъ послѣ долгихъ вѣковъ научнаго изслѣдованія только положили первые основные камни), то мы, можетъ быть, и до сихъ поръ не имѣли бы научно обоснованной физики. Мы потому и обладаемъ теперь физической наукой, подвигающейся вѣрными и быстрыми шагами къ своему монистическому завершенію, что ея первые творцы не думали объ этомъ монизмѣ, сумѣли освободиться, какъ отъ затхлаго аристотелизма среднихъ вѣковъ, такъ и отъ современныхъ имъ фантастическихъ философскихъ построеній эпохи возрожденія, для которыхъ архитектурное единство стиля было дороже научно-упроченнаго основанія. Величіе работъ Галилея и Торичелли въ томъ и состояло, что эти отцы экспериментальнаго изслѣдованія обратились къ изученію отдѣльныхъ явленій и законовъ съ твердымъ рѣшеніемъ взять ихъ такими, какими они даются безпристрастному и не предубѣжденному наблюдателю. Къ сожалѣнію, соціологія, какъ наука, еще далека отъ подобнаго, единственно-научнаго взгляда на вещи. Не изслѣдовавъ ни одного общественнаго явленія порядкомъ, современный соціологъ, за чрезвычайно малыми исключеніями, прямо приступаетъ къ открытію общаго закона тяготѣнія, который долженъ господствовать во всѣхъ сферахъ общественной жизни. Очевидно, что на подобныхъ пріемахъ и методахъ наука далеко не уѣдетъ.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что находить монизмъ достоинствомъ какой-либо научной теоріи, которую самъ не признаешь, которую самъ считаешь только *первымъ шагомъ* въ научномъ изслѣдованіи, значитъ совершенно незаконно смѣшивать задачи науки съ задачами философіи и съ самаго начала поставить научное изслѣдованіе на ложный путь.

Истинная заслуга историко-философскаго марксизма заключается не въ его монизмѣ и не въ томъ, что онъ будто бы нашелъ „ключъ“ ко всѣмъ сокровеннымъ тайникамъ исторіи, а въ томъ, что онъ указалъ съ большей силой, чѣмъ это дѣлали его многіе предшественники, на одинъ изъ наиболѣе крупныхъ фак-

торовъ общественной и исторической жизни, на экономическій факторъ, историческую силу и различные роды вліянія котораго необходимо индуктивнымъ путемъ изслѣдовать. При *оцѣнкѣ* своего открытія Марксъ и его послѣдователи несомнѣнно хватили черезъ край. Они, во всякомъ случаѣ, не имѣли права выдавать за готовый *результатъ* то, что въ лучшемъ случаѣ составляетъ лишь проблему, которую еще предстоитъ рѣшить.

Такимъ образомъ, панегирикъ, преподнесенный Штаммлеромъ марксизму, врядъ-ли можетъ считаться достаточно мотивированнымъ. Не забудемъ при этомъ, что и „экономическое" объясненіе идеаловъ общественнаго устройства, которое такъ плѣняло нашего автора, онъ перетолковываетъ такъ, что въ немъ не остается ничего специфически марксистскаго.

VI.

Гораздо болѣе серьезное значеніе имѣетъ штаммлеровская критика марксизма, хотя и тутъ врядъ ли можно согласиться со всѣмъ, что авторъ говоритъ. Такъ, напримѣръ, его критика Каутскаго, показавшаго на примѣръ индѣйцевъ, какъ измѣненіе въ техникѣ производства повліяло на распредѣленіе продуктовъ, только отчасти попадаетъ въ цѣль, на что мы уже обращали вниманіе выше. Фактъ остается фактомъ, что съ измѣненіемъ техническаго способа производства въ данномъ случаѣ измѣнились и основы общественнаго распредѣленія продуктовъ. Вѣрное возраженіе противъ всѣхъ такихъ единичныхъ примѣровъ заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что единичные примѣры очень мало доказываютъ. Въ безконечно сложной сѣти общественныхъ фактовъ трудно найти такое явленіе, которое когда-нибудь и гдѣ-нибудь не играло бы роли причины, вліявшей извѣстнымъ образомъ на укладъ общественныхъ отношеній. Вопросъ о зависимости способа распредѣленія продуктовъ отъ способа ихъ производства долженъ быть рѣшенъ индуктивнымъ путемъ на основаніи изученія дѣйствительнаго хода экономической жизни человѣчества. Если бы мы дошли до его рѣшенія только на основаніи вѣроятныхъ дедуктивныхъ соображеній, то окончательный голосъ всетаки будетъ принадлежать индуктивной провѣркѣ этого рѣшенія на всемъ количествѣ имѣющихся историческихъ фактовъ. И само это рѣшеніе будетъ ровно настолько научно-достовѣрно, насколько оно будетъ провѣрено индуктивно. Этого требуетъ здоровая научная методологія, единственно вѣрный базисъ всякой *науки*.

Скажутъ, можетъ быть, что не всякія человѣческія знанія, признаваемыя нами за вѣрныя, смогли бы выдержать эти суровыя требованія научности. Что жъ, мы и не отрицаемъ, что въ

нашей умственной жизни добрая половина состоитъ пока изъ разнаго рода гипотезъ и болѣе или менѣе вѣрныхъ догадокъ. Но это значитъ только, что добрая половина нашихъ познаній еще не можетъ претендовать на научную достовѣрность, что надобно называть вещи ихъ настоящими именами, а не слѣдовать примѣру того остроумнаго патера, который окрестилъ порося въ карася и этимъ успокоилъ свою благочестивую совѣсть.

Власть, которую научно установленныя истины имѣютъ надъ направленіемъ нашихъ мыслей и поступковъ и которую онѣ вполнѣ заслужили,—слишкомъ отвѣтственная власть, чтобы можно было вручить ее и такимъ гипотезамъ, теоріямъ и догадкамъ, которыя отнюдь не заслуживаютъ почетнаго званія научно-установленныхъ истинъ. Чѣмъ больше въ насъ уваженія къ научному знанію, тѣмъ съ большимъ уваженіемъ мы будемъ относиться къ его суровымъ требованіямъ.

Къ сожалѣнію, разбираемый нами авторъ довольно далекъ отъ подобнаго научнаго ригоризма. Онъ, очевидно, принадлежитъ къ тому типу мыслителей, для которыхъ „объяснилъ“ значитъ „доказалъ“ и которые забываютъ, что исторія человѣческой мысли знаетъ много „ясныхъ“ конструкцій, несостоятельность которыхъ неопровержимо доказана, и, наоборотъ, много неопровержимо доказанныхъ истинъ, объясненіе которыхъ до сихъ поръ еще не дается человѣческому уму.

Къ счастью, на этотъ разъ его требованіе отъ всякаго построенія прежде всего ясности и его упрекъ марксизму въ невыясненности основныхъ понятій, которыми онъ оперируетъ, какъ разъ у мѣста: точное выясненіе какой-либо гипотезы есть первое необходимое условіе ея научной провѣрки.

Къ числу невыясненныхъ основныхъ понятій марксизма Штаммлеръ, какъ мы видѣли, относитъ и такіе термины, какъ „экономическія явленія“ и „способъ производства“, постоянно указывая на то, что марксисты незаконнымъ образомъ смѣшиваютъ техническую и юридическую стороны дѣла, и напирая на ту мысль, что въ дѣйствительности нѣтъ экономической „матеріи“ безъ юридической формы.

Межъ тѣмъ, *содержаніе* разбираемыхъ имъ терминовъ у самого Маркса и у Энгельса вполнѣ ясно и почти всегда употребляется ими въ одномъ и томъ же смыслѣ: въ смыслѣ общественныхъ отношеній производства, различныхъ какъ отъ его хозяйственныхъ и техническихъ основъ, такъ и отъ тѣхъ юридическихъ нормъ, въ предѣлахъ которыхъ они имѣютъ мѣсто. Право частной собственности и свободнаго договора—вотъ юридическія нормы, въ предѣлахъ которыхъ совершается современный капиталистическій способъ производства. Концентрація капиталовъ, техническое раздѣленіе труда и машинизмъ—вотъ его хозяйственныя и техническія основы. Но ни техническія, ни правовыя

основы его не совпадаютъ съ тѣми *соціальными*, общественными свойствами, которыя присущи капиталистическому способу производства. *Право* свободнаго договора и купли-продажи рабочей силы еще не детерминируетъ собою самаго *факта* этой купли-продажи, на которомъ зиждется капиталистическій строй хозяйства. Этотъ фактъ можетъ имѣть, но можетъ и не имѣть мѣста въ предѣлахъ того же права. Онъ знаменуетъ собою соціальное, общественное отношеніе труда, которое является, такимъ образомъ, *третьимъ* элементомъ разбираемаго явленія, несовпадающимъ ни съ техникой, ни съ правомъ, и въ *этомъ* смыслѣ понимается почти повсюду у Маркса и Энгельса терминъ „экономическій базисъ" общественной жизни.

Невыясненнымъ въ трудахъ Маркса и Энгельса является не *содержаніе* этого термина, а та роль или вѣрнѣе тѣ многочисленныя роли, которыя „экономическій базисъ" можетъ играть при объясненіи историческихъ и общественныхъ явленій,—обстоятельство, на которое мы уже имѣли случай указать въ другомъ мѣстѣ *).

VI.

Переходимъ къ разбору тѣхъ существенныхъ поправокъ, которыя Штаммлеръ внесъ въ систему марксизма.

Спору нѣтъ, что рѣшеніе вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ права и экономіи, даваемое теоріей „соціальнаго монизма", съ философской точки зрѣнія гораздо красивѣе и проще, а стало быть, и удобнѣе того рѣшенія, которое предлагается экономическимъ матеріализмомъ.

Но въ соціологіи дѣло теперь идетъ не объ изяществѣ и удобствѣ какой-либо теоріи—двухъ условіяхъ научнаго комфорта,—а о научныхъ доводахъ въ пользу тѣхъ или другихъ теорій: о насущномъ хлѣбѣ научной истины. А съ этой точки зрѣнія теорія „соціальнаго монизма" Штаммлера врядъ-ли можетъ имѣть какія-либо преимущества передъ матеріалистическимъ монизмомъ Маркса.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ *доказываетъ* авторъ свое основное положеніе, что каждый актъ общественной жизни состоитъ изъ двухъ, логичеекн различныхъ, но фактически неотдѣлимыхъ другъ отъ друга элементовъ: права и хозяйства?

Прежде всего, это доказывается тѣмъ соображеніемъ, что каждый актъ общественной жизни совершается въ предѣлахъ извѣстной правовой регламентаціи, господствующей въ данное время у даннаго народа. Но этотъ доводъ ничего не доказываетъ.

*) «Научно-историческія теоріи и общественная дѣятельность». Новое Слово. 1896. Декабрь.

Каждый общественный актъ совершается также въ предѣлахъ какихъ-либо религіозныхъ или этическихъ воззрѣній, опредѣленныхъ взглядовъ на міръ и людей, и мы съ тѣмъ же правомъ могли бы считать и религію, и этику, и философію неотъемлемыми элементами каждаго соціальнаго явленія. Тѣмъ не менѣе, авторъ относитъ ихъ не къ формальной, а къ матеріальной сторонѣ общественной жизни.

Гораздо большее значеніе для теоріи „соціальнаго монизма" имѣетъ тотъ аргументъ, что всякое сотрудничество людей нуждается въ извѣстномъ регламентѣ, а каждый регламентъ есть правовой актъ. Но не говоря уже о томъ, что понятіе о правѣ здѣсь расширено до совершенно произвольныхъ объемовъ, не надобно еще забывать, что эти регламенты могутъ имѣть исключительно техническій характеръ, какой имѣютъ, напримѣръ, извѣстныя упорядоченія охоты и рыбной ловли у многихъ первобытныхъ народовъ. Эти упорядоченія, поскольку они касаются самого *сотрудничества* людей въ данной отрасли хозяйства, а не распредѣленія продуктовъ, диктуются исключительно техническими потребностями самого производства, да еще, пожалуй, извѣстными религіозными повѣріями о „счастливомъ" или „несчастливомъ" времени для охоты или для улова, или о тѣхъ или другихъ умилостивительныхъ пріемахъ,—стало быть, опять-таки, „техническими" мотивами, естественно возникающими на той или другой ступени развитія. Но техническіе пріемы Штаммлеромъ относятся къ матеріи соціальнаго движенія. Гдѣ же въ подобныхъ случаяхъ искать ея правовую форму? И если разъ навсегда установленные, закономъ предписанные *техническіе* пріемы сотрудничества считать юридической формой, то въ чемъ будетъ заключаться соотвѣтствующая ей матерія? Очевидно, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ матерія и форма *логически* совпадаютъ совершенно, стало быть, не могутъ составлять *двухъ* элементовъ одного и того же явленія.

Кромѣ того, имѣется масса случаевъ общественнаго сотрудничества, гдѣ техническая регламентація не является прочно установленнымъ правиломъ, а мѣняется отъ случая до случая, по временному добровольному соглашенію сотрудниковъ. Здѣсь правовой элементъ уже окончательно отсутствуетъ, если не считать правомъ *всякія* попытки людей столковываться по какому-либо дѣлу и согласовать свои поступки для достиженія общей цѣли, всякое rendez-vous, назначаемое влюбленной парочкой. Такъ далеко не идетъ и Штаммлеръ, для котораго право есть обязательный или необязательный *регламентъ*. Но въ предѣлахъ одного и того же правового регламента возможны различныя формы сотрудничества, различнаго рода упорядоченія „соціальнаго хозяйства". Какъ разнообразны могутъ быть, напримѣръ, отношенія между родителями и дѣтьми или между супругами на почвѣ одного

и того же семейнаго права! Точно также и на почвѣ одного и того же современнаго гражданскаго права мыслимы разнообразныя формы хозяйственной жизни, отъ жизни на началахъ наемнаго труда до тѣснаго и во всемъ солидарнаго товарищества. Когда Марксъ говорилъ объ экономическихъ отношеніяхъ, онъ имѣлъ въ виду именно эти общественныя отношенія производства, которыя *мыслимы* при очень разнообразныхъ правовыхъ формахъ, но которыя на самомъ дѣлѣ всегда, по его мнѣнію, вызываютъ соотвѣтствующія правовыя или политическія нормы. Чтобы разобраться въ этомъ вопросѣ, поднятомъ марксизмомъ, необходимо было прежде всего не упускать изъ виду *разницы* между *общественными* отношеніями и тѣми обязательными юридическими нормами, среди которыхъ они совершаются. „Соціально-монистическое" отождествленіе этихъ двухъ сторонъ общественной жизни только запутываетъ вопросъ, вмѣсто того, чтобы рѣшить его.

Но это еще не все. Общественная жизнь, это—не только *сотрудничество*, но еще и *сожитіе* людей. Вся область симпатій и антипатій, всѣ проявленія дружбы и вражды, товарищества и конкурренціи, при которыхъ люди то сходятся вмѣстѣ, то дѣйствуютъ порознь, не выпуская, однако, изъ виду другъ друга,—всѣ эти многочисленныя, многообразныя проявленія человѣческихъ чувствъ, составляющія содержаніе повседневной жизни общества... неужто выбросить ихъ изъ соціологіи на томъ основаніи, что они лишены признака сотрудничества и въ еще большей степени—„правового" элемента? Мы бы могли привести еще массу примѣровъ изъ общественной жизни, въ которыхъ правовой элементъ, даже въ томъ широкомъ значеніи, которое придаетъ ему Штаммлеръ, отсутствуетъ вовсе. Но уже изъ приведеннаго ясно, что, оставаясь на почвѣ научныхъ требованій теоріи Штаммлера, мы принуждены либо вовсе выкинуть изъ области соціологіи массу несомнѣнно общественныхъ явленій, либо сваливать ихъ въ одну кучу и заранѣе отказаться отъ изслѣдованія ихъ взаимныхъ вліяній.

Затѣмъ, далѣе. Правовая нормировка общественнаго хозяйства представляетъ собою, особенно въ государственномъ періодѣ общественной жизни, тоже своего рода сотрудничество, въ которомъ участвуетъ не малое количество людей,—адвокатовъ, судей, членовъ законодательныхъ учрежденій, чиновниковъ канцелярій и т. д. Сотрудничество это имѣетъ цѣлью удовлетвореніе опредѣленной потребности—правовой нормировки „хозяйственныхъ" явленій и охраненія введенныхъ въ жизнь регламентовъ. Какъ сотрудничество людей для опредѣленной цѣли, дѣятельность юристовъ и чиновниковъ должна быть отнесена къ области соціальнаго хозяйства, на равныхъ правахъ съ педагогіей, религіей, наукой, и другими родами дѣятельности „общественнаго человѣка". Между всѣми областями соціальнаго хозяйства взаимодѣйствіе не-

сомнѣнно существуетъ: этого, какъ мы видѣли, не отрицаетъ и Штаммлеръ; онъ только отъ имени соціологіи отказывается изучать это взаимодѣйствіе и взваливаетъ эту задачу на политико-экономa. Но отказываясь отъ изученія вопроса о взаимодѣйствіи различныхъ областей человѣческаго сотрудничества; а стало быть и вопроса *о взаимодѣйствіи хозяйственной и юридической дѣятельности* членовъ общества, *онъ ео ipso отказывается отъ изученія того вопроса, которому онъ посвятилъ все свое изслѣдованіе.* А межъ тѣмъ отъ рѣшенія этого вопроса многое зависитъ въ направленіи общественной дѣятельности, особенно той отрасли ея, которая имѣетъ въ виду выработку тѣхъ или другихъ правовыхъ и политическихъ нормъ и нахожденіе средствъ, чтобы ввести эти нормы въ жизнь. Отъ тѣхъ или другихъ взглядовъ на характеръ причинной связи, господствующей между хозяйственной и правовой дѣятельностью въ общественной жизни, зависитъ оцѣнка ихъ сравнительной исторической силы и оцѣнка тѣхъ надеждъ, которыя общественной дѣятель возлагаютъ на свою работу въ той или другой изъ этихъ областей.

Соціологъ, добивающійся абсолютно-объективнаго критерія общественной дѣятельности, абсолютно не можетъ обойти этотъ вопросъ молчаніемъ. Совершенно обойти его не могъ и Штаммлеръ, который всетаки попытался дать для него кое-какое рѣшеніе въ своей соціальной динамикѣ.

Какъ мы видѣли, развитіе какой-нибудь отрасли общественнаго хозяйства приводитъ, по его мнѣнію, къ тому, что господствующая правовая норма дѣлается узкой и вызываетъ „борьбу классовъ", направленную на ея измѣненіе. Стало быть, очевидно, что между хозяйственной жизнью и этой „борьбою классовъ" существуетъ *причинная* взаимозависимость, почти такая, какъ ее понималъ Марксъ. И по ученію Маркса, какъ извѣстно, экономическое содержаніе на извѣстной ступени развитія разрываетъ свою правовую оболочку путемъ борьбы классовъ. Разница между Марксомъ и Штаммлеромъ та, что послѣдній понимаетъ шире терминъ „общественное хозяйство" и соотвѣтственно этому растягиваетъ и терминъ „классовая борьба" до полной неузнаваемости. Затѣмъ, Штаммлеръ отказывается, въ отличіе отъ Маркса, отъ изученія *законовъ*, управляющихъ взаимодѣйствіемъ хозяйства и права, и поэтому рѣшительно отрицаетъ возможность предсказанія, за кѣмъ изъ борющихся классовъ въ концѣ концовъ останется побѣда.

Необходимо согласиться съ авторомъ, что такого рода предсказанія не могутъ быть вполнѣ научны. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, это отрицательное отношеніе къ соціологическимъ предсказаніямъ не должно обязательно быть связано съ отказомъ *со стороны соціолога* отъ изученія причинной взаимозависимости всѣхъ сторонъ общеественной жизни.

Причинное объясненіе общественныхъ явленій невозможно потому,—говоритъ Штаммлеръ,—что общественная жизнь очень сложна, и еще потому, что въ ея основѣ лежатъ психическія явленія, трудно поддающіяся учету.

Но сложность и запутанность общественныхъ явленій, какъ и всѣ „объективныя трудности" общественной науки, исчисленныя, напр., Спенсеромъ въ его „Изученіи соціологіи", не могутъ служить аргументомъ въ пользу невозможности добраться до причинныхъ связей, господствующихъ между общественными явленіями. Трудно допустить, чтобы при раціональной организаціи научнаго труда, при планомѣрномъ сотрудничествѣ многихъ мыслителей въ одной и той же области, въ продолженіе ряда лѣтъ, или даже поколѣній, человѣчеству не удалось справиться съ этой чисто *технической* трудностью, съ этимъ неудобствомъ чисто *количественнаго* характера.

Такъ же мало можетъ служить препятствіемъ для объективнаго причиннаго изслѣдованія общественныхъ явленій ихъ психологическій характеръ. Болѣе того, намъ кажется, что этотъ психологическій характеръ даетъ соціологіи крупное философское преимущество передъ естественными науками. Благодаря ему, *сущность* общественныхъ явленій намъ гораздо болѣе доступна, чѣмъ сущность явленій міровыхъ. Со всякимъ психическимъ актомъ, къ которому въ послѣднемъ счетѣ сводится то или другое общественное явленіе, мы непосредственно можемъ познакомиться изъ своей собственной душевной жизни. Есть много основаній полагать, что основные элементы душевной дѣятельности у всѣхъ людей одинаковы, какъ одинакова и та протоплазма, изъ которой возникъ весь біологическій міръ. Гипнотическіе опыты неоднократно и неопровержимо доказали, что человѣческая душа можетъ, по волѣ гипнотизера, вызвать въ себѣ всевозможныя чувства, представленія и волевые акты и прорвать всѣ классовыя, національныя и даже половыя границы, раздѣляющія, подобно плотинамъ, человѣческія души на чуждыя другъ друга озерки и мѣшающія имъ слиться въ одно море. Къ сожалѣнію, для большинства людей, эта „гармонія душъ" возможна пока лишь въ области безсознательной жизни. Но и въ области сознательной жизни эти перегородки, раздѣляющія людскія души, не настолько прочны, чтобы, при горячемъ желаніи проникнуться душевной жизнью другого, нельзя было бы добраться до сокровеннѣйшей сути общественныхъ явленій, до психологическихъ и психофизическихъ основъ дѣйствій индивидуумовъ или группъ — положеніе дѣла, совершенно непримѣнимое къ явленіямъ природы, основа которыхъ останется скрытой для насъ, быть можетъ, навѣки.

Горе соціологіи не въ ея объективныхъ, а въ ея *субъективныхъ* трудностяхъ: въ томъ невольномъ окрашиваніи явленій,

которое возникаетъ, когда мы задаемся цѣлью изучать не то, что *есть*, и даже не то, чему по нашему мнѣнію слѣдовало бы быть, а то, что *будетъ*. Этотъ родъ изслѣдованія, которому до сихъ поръ предавалось большинство соціологовъ, есть только замаскированное изслѣдованіе того, что *должно* быть по мысли того или другого соціолога. „Я хотѣлъ бы, чтобы въ будущемъ было такъ",—безсознательно превращается у изслѣдователя въ формулу: „это такъ будетъ", и онъ невольно ищетъ въ настоящемъ тѣ элементы и силы, которые съ неудержимой энергіей, съ роковой фатальностью *неизбѣжно* приведутъ къ осуществленію его желаній. Но то, чего страстно ищутъ, непремѣнно находятъ. И вотъ сама дѣйствительность коверкается и прилаживается такъ, чтобы изъ нея непремѣнно вытекалъ необходимый для изслѣдователя „непреоборимый ходъ вещей".

Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ тѣхъ методологическихъ средствъ, помощью которыхъ можно побороть эти субъективныя трудности. Одно изъ нихъ, и самое главное, это — сознательно отказаться отъ абсолютныхъ соціологическихъ предсказаній. Въ этомъ отношеніи Штаммлеръ совершенно правъ, когда критикуетъ эту сторону ученій современной соціологіи. Но нѣтъ никакого основанія распространять, подобно ему, нашъ скептицизмъ на всю область объективнаго изслѣдованія общественной жизни. Тѣмъ болѣе, что вѣдь и Штаммлеръ принужденъ былъ признать за „политико-экономомъ" право изслѣдовать взаимныя вліянія соціально-хозяйственныхъ явленій.

Штаммлеръ глубоко ошибается, когда думаетъ, что вопросъ о взаимномъ причинномъ вліяніи общественныхъ явленій долженъ интересовать лишь политико-эконома, но не соціолога. Даже если стать на его точку зрѣнія, что задача соціологіи сводится къ нахожденію той конечной цѣли, къ которой каждый общественный дѣятель долженъ стремиться, то и тогда причинное излѣдованіе соціальныхъ явленій не только не дѣлается излишнимъ, но наоборотъ: диктуется самой постановкой задачи. Для того, чтобы конечныя цѣли были достигнуты, необходимо знать тѣ средства, которыя ведутъ къ нимъ. Это значитъ, что между средствами и цѣлью предполагается причинная связь, дающая возможность предсказать, что *если* данныя средства будутъ употреблены, то ихъ *неизбѣжнымъ* слѣдствіемъ явится дорогая намъ конечная цѣль. Такія *релятивныя* предсказанія не только возможны, но безъ нихъ немыслима никакая общественная дѣятельность, опирающаяся на научныя изслѣдованія. Нельзя установить необходимаго телеологическаго соотношенія между цѣлями и средствами, не установивъ предварительно необходимаго каузальнаго отношенія между *причиною*, роль которой мы возлагаемъ на средства, и *слѣдствіемъ*, котораго мы ожидаемъ въ видѣ достиженія конечной цѣли. *Установленіе такихъ каузально-необхо-*

димыхъ соотвѣтствій между цѣлями и средствами общественной жизни и дѣятельности и есть, на нашъ взглядъ, одна изъ главныхъ, возможныхъ и необходимыхъ задачъ научной соціологіи.

VIII.

Критика причинности въ соціологіи выросла у Штаммлера изъ желанія спасти объективизмъ въ общественной дѣятельности замѣною „апріорной" категоріи причинности столь же „апріорной" категоріей цѣлесообразности, обоснованіемъ этого объективизма, по крайней мѣрѣ, въ области этики. Ибо, въ сущности, вся соціальная философія Штаммлера сводится къ соціальной этикѣ, къ отысканію критерія для объективно-нравственныхъ поступковъ въ общественной дѣятельности. Но тотъ этическій объективизмъ, котораго онъ добивается, тотъ идеалъ „свободно хотящихъ людей", или людей съ свободной волей, въ которомъ онъ усматриваетъ конечную цѣль всякой соціально-нравственной дѣятельности, слишкомъ безсодержателенъ, при своей нравственной красотѣ, чтобы онъ могъ дать какія-либо опредѣленныя указанія для общественной практики.

„Свободно хотящіе люди", это—тѣ, которые руководствуются въ своихъ поступкахъ не своими индивидуальными цѣлями, а объективно необходимыми для всего общества. Но что́ же необходимо для всего общества? Какъ вывернуться изъ необходимости критически относиться къ различнымъ общественнымъ потребностямъ? Гдѣ взять мѣрило для опредѣленія „матеріи" общественнаго идеала, который былъ бы одинаково обязателенъ для всѣхъ? Очевидно, что формула Штаммлера, которую онъ самъ отождествляетъ со старою, но вѣчною моралью: „люби ближняго какъ самого себя", не въ силахъ вывести насъ изъ этого затрудненія, не въ состояніи дать обѣщанный „объективно-научный критерій". Какъ всякое *формальное* ученіе, она, подобно законамъ формальной логики и формальной теоріи познанія, можетъ указать лишь *границы*, которыхъ не слѣдуетъ переступать, но въ предѣлахъ этихъ обширныхъ границъ она совершенно безсильна.

Если бы Штаммлеръ не увлекся своимъ отвлеченно-формальнымъ телеологизмомъ, если бы онъ вѣрнѣе оцѣнилъ роль каузальности въ научномъ изслѣдованіи общественныхъ явленій, онъ долженъ былъ бы значительно модифицировать постановку вопроса и весь ходъ изслѣдованія. Установивъ, какъ *свой* идеалъ, конечную цѣль—общество людей съ свободной, на благо ближняго направленной волей, онъ долженъ былъ задаться съ вопросомъ: *какія* правовыя нормы и *какія* общія соціально-хозяйственныя явленія должны быть введены въ жизнь, чтобы они могли сыграть роль причины, слѣдствіемъ которой появилась бы междучеловѣ-

ческая любовь и солидарность? *Какъ* должно быть организовано общественное сотрудничество, чтобы на его почвѣ могли процвѣтать люди, ставящіе себѣ этотъ возвышенный этическій идеалъ, „люди съ свободной волей“?

И если бы Штаммлеру, дѣйствительно, удалось научно установить ту объективную каузальную связь, которая господствуетъ между его конечной цѣлью и предложенными средствами, то тогда научная соціологія на самомъ дѣлѣ обогатилась бы рядомъ несомнѣнныхъ объективныхъ истинъ. Эти истины не дали бы, конечно, вполнѣ объективнаго, *общеобязательнаго* критерія для общественной дѣятельности. Тѣ люди, которымъ несимпатична конечная цѣль, откажутся отъ реализаціи необходимо ведущихъ къ ней средствъ, хотя бы противъ самихъ этихъ средствъ они ничего не имѣли. Тѣ люди, которымъ симпатична цѣль, но которые не могутъ помириться съ тѣми средствами, которыя необходимы для ея достиженія, волей-неволей должны будутъ отказаться и отъ самой конечной цѣли. За то тѣ люди, которымъ эта конечная цѣль дороже всего, которыхъ не отпугнутъ никакія средства, знали бы, что имъ надо дѣлать, получили бы отъ науки ту руководящую нить, которая одна въ состояніи спасти отъ ошибокъ и заблужденій.

Не смотря на то, что Марксъ принципіально отвертывается отъ телеологической постановки соціологическаго изслѣдованія, у него *можно* найти конечную цѣль, охватывающую, какъ одну изъ своихъ модификацій, ту, которую Штаммлеръ считаетъ общеобязательнымъ для человѣка идеаломъ; у него *можно* найти указанія и на тѣ средства, помощью которыхъ необходимо реализировать эту цѣль, *можно* найти отвѣты на тѣ вопросы, которые мы поставили выше. Штаммлеръ же, благодаря своему телеологическому формализму, благополучно обходитъ ихъ молчаніемъ.

Изъ анализа ученій Штаммлера вытекаетъ, что у него нѣтъ ни одного основного положенія, которое не вызывало бы противъ себя серьезныхъ возраженій. Многое въ его трудѣ несомнѣнно заслуживаетъ вниманія. Его критика марксизма, а въ особенности марксистовъ, подробностей которой мы не приводили, потому что онъ уже не новы, очень часто попадаетъ въ цѣль. Вѣрно въ его ученіи и то, что измѣненія общественныхъ формъ являются слѣдствіемъ тѣхъ многочисленныхъ мелкихъ и крупныхъ, яркихъ и незамѣтныхъ примѣненій, которыя совершаются во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности: въ промышленности, воспитаніи, религіи, нравахъ, наукѣ и т. д. Не лишено научнаго значенія и то, что въ теоріи соціальнаго монизма выдвигается на первый планъ вопросъ объ общественныхъ *формахъ* сотрудничества людей, привлекая къ этому вопросу усиленное вниманіе соціоло-

товъ. Точно также и выдвиганіе нравственнаго элемента, элемента „должнаго“ при изученіи общественныхъ вопросовъ заслуживаетъ всякаго уваженія.

Но теорія соціальнаго монизма, взятая въ общемъ, врядъ-ли подвинула хоть на шагъ впередъ научную соціологію и философію исторіи и врядъ-ли можетъ претендовать на то, чтобы замѣнить собою теорію марксизма, пересмотръ которой все еще не снятъ съ очереди.

Н. Гайдаровъ.

НА ВОЛГѢ.

Будто въ сказкѣ! Раскинулась Волга широко—
Развернулся, летитъ мой коверъ-самолетъ...
И несетъ онъ меня все куда-то впередъ,
Отъ забытаго міра далёко!
Бѣлой чайки крыло по лазури мелькаетъ,
Гдѣ-то пѣсня звучитъ безъисходной тоской,
И задумчивый лѣсъ, наклонясь надъ рѣкой,
Въ ней зеленыя вѣтви купаетъ.
Всей душою моей я живу, отдыхая,
И въ прошедшемъ уже ничего не ищу.
Что̀ тамъ ждетъ, впереди? Я узнать не хочу,
Дикой чайкой на волѣ летая!

Г. Галина.

НАСЛѢДСТВО.

I.

День клонился къ вечеру. Огромное пламя пожарища, охватившее площадь съ постройками, длиною въ пять-шесть верстъ, тянувшихся по правому берегу Амура, боролось съ потухавшимъ дневнымъ свѣтомъ, одолѣвало его, но въ то же время совсѣмъ не освѣщало мѣстности. Свѣтло было только вблизи пожарища, а далѣе сумерки казались еще болѣе сгустившимися отъ тѣней высокихъ кумиренъ, деревьевъ и холмовъ.

Въ самомъ городѣ все горѣло. Грандіозныя кумирни пылали, какъ свѣчки, и ихъ причудливые, типично-китайской архитектуры, купола время отъ времени съ трескомъ валились съ подгорѣвшихъ колоннъ на землю и при паденіи выбрасывали громадные снопы искръ.

Правофланговая стрѣлковая цѣпь N — скаго пѣхотнаго полка давно уже лежала въ бездѣйствіи, но въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ шла еще жаркая ружейная перестрѣлка, трескъ которой временами заглушался тяжелыми артиллерійскими выстрѣлами. Вдругъ, гдѣ-то въ одномъ мѣстѣ, грянуло, сперва какъ-то нерѣшительно, ура, но тотчасъ же подхваченное всею линіей и резервами, превратилось въ какой-то стихійный, могучій ревъ, то затихавшій, то разроставшійся вновь, какъ морскія волны во время бури. Затѣмъ все затихло. Собственно затихло только ура, а другіе звуки, примелькавшіеся за весь день, не призводили никакого впечатлѣнія послѣ громового побѣднаго крика.

— Ну, слава Богу! Кажется, кончилось,—сказалъ, ни къ кому особенно не обращаясь, командиръ баталіона, стрѣлковая цѣпь котораго была расположена на правомъ флангѣ.

Ему никто не отвѣтилъ, такъ какъ всѣ находились въ какомъ-то усталомъ отупѣніи. Ближе всѣхъ стоявшій къ полковнику,—командиръ 1-ой роты былъ занятъ неотвязною

мыслью: успѣетъ-ли подлецъ-вѣстовой, къ приходу на бивакъ, разыскать на китайскихъ огородахъ картошки для ужина?

Насчетъ съѣдобнаго—было совсѣмъ плохо; запасовъ никакихъ, и одна надежда оставалась на картофель. Это не особенно изысканное кушанье, на которое, въ обыкновенное время, штабсъ-капитанъ совершенно не обращалъ вниманія, теперь усиленно раздражало его воображеніе, и ему представлялся дымящійся паромъ мѣдный солдатскій котелокъ, наполненный картофелемъ.

Вдали, какъ будто, послышался звукъ сигнала, но разобрать, что играли, было невозможно.

— Поручикъ!—крикнулъ командиръ баталіона своему адъютанту,—съѣздите и узнайте, что они тамъ играютъ.

Черезъ минуту адъютантъ исчезъ, какъ бы утонулъ, въ надвигавшемся со всѣхъ сторонъ мракѣ.

А городъ продолжалъ горѣть. Огненная стихія бушевала; пламя на всемъ протяженіи города слилось и отражалось въ Амурѣ какими-то зловѣщими и причудливыми формами. Въ горящихъ домахъ, не переставая, разрывались заготовленные патроны, и ихъ трескъ напоминалъ ружейную перестрѣлку.

Богатый старинный городъ исчезалъ въ огнѣ. Еще недавно, три дня назадъ, жители, успокоенные прибывавшими своими войсками, были увѣрены въ побѣдѣ. Бонзы все время, для умилостивленія, служили въ кумирняхъ предъ изображеніемъ бога войны молебны. Зажженныя курительныя палочки вмѣстѣ съ другими пахучими травами и смолами заволакивали клубами дыма изображеніе идола, и его размалеванное лицо, вырисовываясь изъ дыма, имѣло свирѣпый видъ. Четырехголовое божество съ восемью руками, въ которыхъ оно держало мечи, кинжалы и знамена, казалось, грозило врагу, и молящіеся были увѣрены, что богъ не дастъ себя въ обиду. Кромѣ божества, городъ охранялся неприступною, по мнѣнію китайцевъ, крѣпостью. Это обширное пространство, обнесенное стѣною изъ земляныхъ смѣшанныхъ съ соломою кирпичей, принадлежало къ старинѣйшимъ сооруженіямъ въ городѣ. Еще передъ войною мирные жители, проходившіе мимо крѣпости, любовались затѣйливыми башенками, расположенными по серединѣ каждой стѣны на всѣхъ четырехъ углахъ крѣпости. Впрочемъ, башенки, на нашъ взглядъ, имѣли совсѣмъ не воинственный видъ. Сдѣланныя изъ легкаго дерева, украшенныя фонариками и флагами, онѣ скорѣе напоминали сооруженія увеселительнаго загороднаго сада. Но китайцамъ крѣпость представлялась грозною твердынею и несокрушимымъ оплотомъ,—

таково было общее мнѣніе жителей. Единственныя деревянныя ворота, ведущія въ крѣпость, были прикрыты отъ непріятельскихъ выстрѣловъ глинобитною стѣною въ полъ-аршина толщины и украшены какой-то фантастической рожей. Это прикрытіе крѣпостныхъ воротъ и рожа,—послѣднее слово военно-инженернаго искусства, — представляли изобрѣтенія бывшаго фу-ду-туна Чжан-ю-и, который, кажется, получилъ за это лишній шарикъ на свою мандаринскую шапку, какъ обнаружившій недюжинныя военныя способности.

Увы! Послѣ первой же удачно выпущенной русской гранаты, попавшей въ середину крѣпости, внутри загорѣлись многочисленныя деревянныя постройки, а черезъ часъ крѣпость, оставленная своими защитниками, пылала со всѣхъ концовъ.

Богъ войны, на котораго возлагали столько надеждъ, тоже не смогъ защитить себя. Не смотря на оставленные въ его полное распоряженіе съѣстные припасы и артиллерійскіе снаряды, онъ остался равнодушенъ ко всему, и, когда загорѣлась кумирня, лежавшія у его ногъ гранаты и шрапнели, лопаясь отъ жары, разрушили самого бога еще задолго до окончательнаго разрушенія храма...

Наконецъ, адъютантъ вернулся въ цѣпь и еще издали закричалъ:

— Сборъ въ колонну и на бивакъ!

Крикливые звуки ротныхъ сигнальныхъ трубъ нѣсколько разъ протрубили сборъ, и роты, спотыкаясь въ темнотѣ на кочки и канавы, потянулись къ мѣсту расположенія баталіоннаго жалонера.

— Куда идти на бивакъ, поручикъ?—спросилъ командиръ адъютанта.

— А чортъ его знаетъ,—отвѣтилъ поручикъ.—Гдѣ его въ темнотѣ отыщешь! Идите по направленію вонъ той горящей кумирни, можетъ быть, кого-нибудь встрѣтимъ...—И адъютантъ отъѣхалъ въ сторону строющагося баталіона.

— Ну, что?—сказалъ онъ, замѣтивъ вольноопредѣляющагося Горина, который сидѣлъ на кочкѣ и переобувался,—какъ чувствуете себя, Горинъ? Страшновато было? Сидите, сидите,—добавилъ адъютантъ, замѣтивъ, что Горинъ хотѣлъ подняться.

— Не такъ страшновато, какъ глуповато,—отвѣчалъ Горинъ.—Странное состояніе: идешь совершенно здоровый, хоть бы насморкъ!.. Кажется, нѣтъ никакого основанія умирать, а тутъ можетъ тебя, совершенно неожиданно, уложить первая шальная пуля... Не успѣешь и рта разинуть; ужасно глупо.

— Ну, кажется, сегодня мы совершенно покончили. Китайцы бѣжали со всѣхъ пунктовъ. Догонять ихъ будутъ ка

заки, а мы, вѣроятно, пойдемъ въ общемъ резервѣ. А знаете,— понизивъ голосъ, заговорилъ адъютантъ,—мнѣ сегодня все время было какъ-то не по себѣ. Съ утра, какъ всталъ, влѣзъ въ голову мотивъ: „что день грядущій мнѣ готовитъ“ и цѣлый день не выходилъ изъ головы. Ужасно доволенъ, что все кончилось благополучно.

— Да кончилось-ли?—сказалъ Горинъ,—для меня такъ далеко не кончилось.

— А что?

— Вотъ придемъ на бивакъ, а черезъ четверть, много чрезъ полчаса, пойду въ сторожевое храненіе. Всталъ сегодня въ три часа утра, да теперь на всю ночь на съѣденіе комарамъ. Прошлую ночь китайцы прорывались черезъ сторожевую цѣпь... Кто ихъ знаетъ, можетъ, и сегодня надумаютъ...

— Ну, Богъ милостивъ...

— Баталіонъ смирно! На плечо! Шагомъ маршъ. Поручикъ, поѣзжайте впередъ и узнайте, гдѣ расположиться на бивакѣ,—кричалъ командиръ баталіона.

Лязгая штыками, баталіонъ двинулся съ мѣста. Оживленныхъ разговоровъ не было, но все же услышанное отъ адъютанта предположеніе о скоромъ окончаніи кампаніи радостно передавалось въ рядахъ.

— Скоро домой,—говорилъ своему сосѣду унтеръ-офицеръ Григорьевъ, призванный на дѣйствительную службу изъ запаса. И въ голосѣ его слышалось удовольствіе.

— Вамъ-то хорошо,—отвѣчалъ Григорьеву сосѣдъ, — вы изъ запаса, а мнѣ еще два года на службѣ; хоть бы цѣлу остаться, походу и конца краю не видно.

— Ничего, дойдемъ!—отвѣтилъ Григорьевъ тѣмъ-же бодрымъ и радостнымъ тономъ.

Послѣ долгихъ скитаній по вспаханнымъ полямъ, баталіонъ подошелъ къ биваку. Выстроившись въ послѣдній разъ, люди приготовились ставить палатки. Вдругъ, гдѣ-то недалеко, раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ. Пули просвистали близко надъ головами, гдѣ-то въ рядахъ слабо вскрикнули.

— Смирно! Не сходи съ мѣста, послать фельдшера и санитаровъ.

— Кто стрѣлялъ? Гдѣ стрѣляли?—допытывался прискакавшій адъютантъ начальника отряда.

— Есаулъ Шкуринцевъ! Вамъ генералъ приказалъ со взводомъ казаковъ разузнать, кто стрѣлялъ. Отправляйтесь сейчасъ же. Людямъ прикажите не стрѣлять, а то своихъ перебьютъ; ну, съ Богомъ. А у васъ что?—спросилъ „моментъ“ у командира баталіона.

— Убитъ на повалъ унтеръ-офицеръ 2-й роты Григорьевъ,— отвѣчалъ полковникъ,—доложите генералу.

— Сейчасъ убитъ?

— Да, сейчасъ, вотъ этими выстрѣлами.

Тѣмъ временемъ изъ рядовъ вынесли на носилкахъ убитаго и поставили въ сторонѣ.

— Да, вотъ тебѣ и домой!—тихо говорили между собой товарищи убитаго.

Черезъ часъ изъ разъѣзда возвратились казаки и разсказали, что человѣкъ пятнадцать китайскихъ солдатъ, скрывавшихся въ городѣ, выгнанные оттуда огнемъ, пробовали пробраться чрезъ наши биваки, но, наткнувшись на людей, принялись ни съ того, ни съ сего стрѣлять. Этотъ небольшой и непредвидѣнный случай и рѣшилъ судьбу унтеръ-офицера Григорьева... Казаки разыскали китайцевъ въ небольшомъ оврагѣ, гдѣ они пытались спрятаться въ невысокой травѣ.

— Мы ихъ всѣхъ тамъ и „кантамили"...—добавляли казаки на вопросъ, что сдѣлали они съ китайцами.

На разсвѣтѣ Григорьева хоронили. Смерть его вообще произвела мало впечатлѣнія. Даже въ первый моментъ, когда спрашивали, кого убили, всѣ совершенно удовлетворились отвѣтомъ, что убитъ кто-то изъ томскихъ, т. е. изъ дальнихъ. И онъ, дѣйствительно, былъ изъ дальней губерніи, пришелъ въ Забайкалье на заработки и здѣсь угодилъ въ войска во время мобилизаціи. Земляковъ въ ротѣ у Григорьева не было, и никто не зналъ, есть-ли у него семья.

Впрочемъ, на разсвѣтѣ, нѣкоторые, услыхавъ сквозь сонъ пѣніе „со святыми упокой", поднялись и, перекрестившись, отправились вслѣдъ за носилками, на которыхъ несли покойника.

— Кто его знаетъ,—говорили они между собою,—сегодня до вечера, можетъ, и нашъ чередъ придетъ.

Да еще смерть Григорьева чуть не вызвала конфликта между взводнымъ унтеръ-офицеромъ и командиромъ роты.

Обязанный заботиться о сохранности казеннаго имущества, взводный Шалопугинъ вспомнилъ, передъ утромъ, что вчера завернули трупъ въ полотнище отъ палатки убитаго.

— Какъ бы не закопали вмѣстѣ съ полотнищемъ,—подумалъ онъ и отправился взглянуть на покойника. Дѣйствительно, трупъ былъ завернутъ, такъ же, какъ и вчера, въ тряпицу, именуемую полотнищемъ отъ палатки. Находившійся около убитаго причетникъ прогналъ Шалопугина, когда тотъ хотѣлъ снять полотнище.

— Не видишь, чортъ,—сказалъ онъ,—батюшка идетъ.

— Да вѣдь казенная,—пробовалъ говорить Шалопугинъ.

— Ну, и ступай къ ротному, доложи, а снимать батюшка ничего не позволитъ, такъ и сказано.

При участіи денщика, Шалопугинъ пробовалъ разбудить ротнаго командира, но тотъ, хотя и смотрѣлъ открытыми глазами на взводнаго, рѣшительно не понималъ, что ему отъ него нужно.

— Такъ что казенная палатка, ваше благородіе,—почтительно, въ десятый разъ, докладывалъ взводный.

— Мм...—мычалъ ротный командиръ.

— Которая палатка у Григорьева, ваше благородіе.

— Ухмм...

— Какъ прикажете, ваше благородіе?

— Убирайся вонъ, дубина,—полупроснулся ротный.

— Слушаю, ваше благородіе,—такъ что палатка...

— Къ чорту, дьяволъ,—все еще съ просонокъ твердилъ командиръ,—понимаешь, къ чорту!?

— Понимаю, ваше благородіе.

Наконецъ, ротный командиръ окончательно проснулся и узнавъ, въ чемъ дѣло, отпустилъ взводнаго.

— Ну, что-жъ, что казенная. Гробовъ теперь не полагается, такъ нужно же въ чемъ-нибудь хоронить, а что разбудилъ, то хорошо сдѣлалъ: пойдемъ на похороны.

И, позвавъ денщика, ротный командиръ сталъ одѣваться.

— Что не понесли еще покойника? — спросилъ онъ у денщика.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе,—отвѣчалъ тотъ,—батюшка страсть какъ хорошо отпѣваютъ, на волѣ за такую службу дорого нужно заплатить.

— „Святый Боже, святый крѣпкій“,—донеслось издали, и офицеръ поспѣшилъ выйдти изъ палатки.

Нѣсколько человѣкъ солдатъ, подпѣвая дьячку, двигались по травѣ къ невысокому холмику. Слѣдомъ за ними шелъ священникъ въ форменной зеленой съ золотомъ ризѣ. За священникомъ несли носилки съ покойнымъ Григорьевымъ. Завернутый въ казенное полотнище и прикрытый зелеными вѣтками и травой, Григорьевъ лежалъ съ спокойнымъ лицомъ. Смерть была почти мгновенная и не исказила предсмертными страданіями его лица. Напротивъ, на немъ какъ бы застыло то выраженіе, съ которымъ онъ говорилъ еще вчера: „скоро домой“...

А на востокѣ загорались уже первые проблески зари, но сейчасъ они заслонялись дымомъ отъ все еще пылавшаго города. Оттуда неслись на бивакъ ѣдкая гарь и смрадъ отъ сгорѣвшихъ труповъ и животныхъ.

Возвратившійся изъ сторожевого охраненія Горинъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшій утра, смотрѣлъ на застланный ды-

момъ востокъ и думалъ, что кто-то нарочно мѣшаетъ появленію зари...

II.

Прошло болѣе года. На родинѣ покойнаго унтеръ-офицера Григорьева торопливо заканчивалась уборка хлѣбовъ. По свѣдѣніямъ мѣстнаго губернскаго статистическаго комитета, урожай для —ской губерніи могъ назваться среднимъ. Въ общемъ пострадали только 3723 десятины отъ морозовъ, сколько-то отъ засухи, затѣмъ взяла свою долю кобылка и красная муха. Тамъ, гдѣ не было ни морозовъ, ни засухи, ни кобылки, ни красной или зеленой мухи, урожай былъ „удовлетворительный". Таково было мнѣніе губернской статистики, и это обстоятельство способствовало хорошему настроенію мѣстной губернской администраціи. Губернаторъ, человѣкъ добрѣйшей души, увидавъ на вечерѣ въ общественномъ собраніи секретаря губернскаго статистическаго комитета, вздохнулъ облегченно, когда на вопросъ: „ну, какъ у насъ урожай?"—секретарь поспѣшилъ отвѣтить:

— Выше средняго, ваше превосходительство. Хотя собственно по нашимъ даннымъ урожай только средній, но такъ какъ дѣйствительное количество снятого хлѣба всегда уменьшается владѣльцами, то я думаю, что не ошибусь, если назову его выше среднимъ.

— Ну, слава Богу. Значитъ все благополучно?

— Вполнѣ благополучно, ваше превосходительство, урожай, какъ я уже имѣлъ честь доложить, удовлетворительный.

— Очень радъ, а то казенная палата проситъ оказать содѣйствіе къ болѣе энергичному взысканію податей и недоимокъ. У насъ, дѣйствительно, за послѣднее время ихъ накопилось порядочно...

— Ну, а какъ же вы устроитесь съ тѣми тремя тысячами семью стами двадцатью тремя десятинами, которыя погибли отъ морозовъ и засухи?—съехидничалъ управляющій государственными имуществами, обращаясь къ секретарю.

Губернаторъ вопросительно посмотрѣлъ на того и на другого.

— Но это вѣдь пустяки, — отвѣчалъ секретарь,—несомнѣнно, при такомъ огромномъ хозяйствѣ, въ цѣлой губерніи всегда найдутся и пострадавшіе отъ какихъ-либо причинъ.

— А развѣ есть и такіе?—спросилъ губернаторъ, слегка омрачаясь.

— Есть, ваше превосходительство, но очень немного, всего

нѣсколько десятыхъ процента. Но этого уже нельзя избѣжать. Впрочемъ, вообще это сущіе пустяки... Одинъ-два спектакля любителей въ пользу нуждающихся...

— Ну, давай Богъ! А когда будутъ готовы оффиціальныя свѣдѣнія?

— Я думаю, что черезъ мѣсяцъ представлю; задержка только за Краснобаевскимъ округомъ, оттуда еще не поступала часть данныхъ,—сказалъ секретарь, очень довольный, что удалось „подложить свинью“ краснобаевскому окружному начальнику.

— Нужно настоять,—проговорилъ губернаторъ и, ни кѣмъ уже не задерживаемый, направился къ буфету.

Однако, хорошее настроеніе губернской администраціи нисколько не способствовало такому же расположенію духа жителя деревни Топкой, члена топкинскаго сельскаго общества, Митрича и его семейства. Красная муха какъ разъ выбрала его поле для своего визита, уничтожила весь урожай и улетѣла, неизвѣстно куда. Самъ Митричъ сказалъ только: „Господь испытуетъ“, а жена его добавила, что это видно за грѣхи. Такъ или иначе,—всетаки это было большое горе. Семья Митрича состояла изъ жены, его ровесницы, бабы лѣтъ пятидесяти пяти, снохи и четверыхъ внучатъ, изъ которыхъ старшему шелъ одиннадцатый годъ. Сынъ Митрича, вотъ уже болѣе года, вслѣдствіе ряда неурожайныхъ годовъ, ушелъ на заработки и до сихъ поръ о немъ не было ни слуху, ни духу. Что съ нимъ случилось: не загулялъ-ли онъ гдѣ-нибудь на пріискахъ? Да нѣтъ, не должно быть. Парень былъ работящій, служилъ и въ солдатахъ, отслужилъ хорошо, пришелъ домой съ унтеръ-офицерскими галунами, а потомъ дома работалъ лѣтъ десять и ни разу „не зашибалъ“. Можетъ, заболѣлъ и померъ? все можетъ случиться, всѣ подъ Богомъ ходимъ. Когда-то еще дойдутъ вѣсти о его судьбѣ, утѣшительныя или печальныя, а работать старику приходилось одному. На бабъ надежда плохая, гдѣ ужъ имъ управиться, а на подростковъ и того хуже. Были у Митрича и еще сыновья, да Господь прибралъ ихъ уже давно.

Въ тотъ день, когда намъ пришлось познакомиться съ Митричемъ и его семействомъ, эти почтенные люди были въ особенномъ уныніи. Передъ вечеромъ, возвращаясь домой съ возомъ соломы, собранной вмѣсто ожидаемаго хлѣба, Митричъ встрѣтился со своимъ старостой, который, поздоровавшись, сказалъ, что Митрича зачѣмъ-то требуютъ въ волостное правленіе.

Это извѣстіе сразило Митрича. Ужъ, конечно же, не для пріятнаго разговора со старшиной приглашаютъ его. Вообще въ волость за добромъ не вызываютъ, это было отлично извѣстно

всѣмъ. Топкинцевъ мало безпокоили власти и поэтому всякій вызовъ пугалъ ихъ. Деревня отстояла отъ волостного правленія за пятьдесятъ слишкомъ верстъ. Окруженная болотами, она въ лѣтнее время была почти недоступна для начальства, и въ этомъ отношеніи считала себя, по остроумному выраженію сельчанъ, у Христа за пазухой. Да и въ зимнее время, когда морозы скуютъ болота и настроятъ прочные и дешевые мосты, начальство не особенно охотно наѣзжало въ Топкую, — что обитатели деревни приписывали дѣйствію особой молитвы „отъ наѣзда начальства". Молитва эта передавалась отъ одного поколѣнія топкинцевъ къ другому и текстъ ея содержался въ строгомъ секретѣ. Самое существованіе ея топкинцы приписывали экстраординарнымъ добродѣтелямъ прежнихъ стариковъ.

— Поди-ка наживи теперь такую благодать,—говорили они,—теперішій народъ мелкій, ну и заслуги малыя, а въ прежнее-то время старики по средамъ и пятницамъ и въ ротъ ничего не брали.

И вотъ, Митрича зовутъ всетаки въ волость... Нетрудно представить, какой переполохъ произвелъ этотъ вызовъ среди его домочадцевъ.

Кое-какъ дотащившись съ возомъ до двора, Митричъ не сталъ распрягать заморенную лошаденку, а предоставилъ сдѣлать это своему старшему внуку Ванюшѣ. Въ избѣ были всѣ въ сборѣ. Митричъ, не спѣша, снялъ съ себя азямъ, одѣяніе, добросовѣстно прослужившее ему что-то около пятнадцати лѣтъ, затѣмъ взялъ въ руки топоръ и направился къ дверямъ.

Съ топоромъ во дворѣ рѣшительно нечего было дѣлать и Митричъ зналъ это отлично, и топоръ очутился у него въ рукахъ только потому, что попался на глаза. Митричъ чувствовалъ необходимость передать бабамъ о сообщеніи старосты, но какъ приступить къ этому—онъ не зналъ.

Потолкавшись нѣкоторое время у дверей, Митричъ, наконецъ, обратился къ женѣ:

— Вы тутъ ужъ безъ меня управляйтесь...

— А ты куда жъ?—спросила жена.

— А въ волость...

— Пошто въ волость? Одинъ?

— Стало быть требуютъ; Иванъ Пахомычъ сегодня наказывалъ, а до другихъ чередъ еще не дошелъ.

— Господи Ісусе! За што напасть такая?

— Завтра поранѣ пойду,—не отвѣчая на вопросъ, сказалъ Митричъ,—заночевать въ Устинской придется, ишь вѣдь дни какіе короткіе стали.

Больше ничего не было сказано въ этотъ день. Передъ

утромъ, когда мужъ, закусивъ, взялъ узелокъ съ хлѣбомъ, солью и лукомъ и повѣсилъ его черезъ плечо, старуха не выдержала и принялась причитать. Ей представлялось, что мужа вызываютъ для поученія за неплатежъ податей и недоимокъ. Она горько жаловалась, что на свѣтѣ хорошо живется однимъ богатѣямъ... Впрочемъ, богатѣи, которыхъ она имѣла въ виду, жили тутъ же въ Топкой и на самомъ дѣлѣ были почти такіе же бѣдняки, какъ и Митричъ. Но старухѣ казались счастливыми всѣ, кромѣ ея семьи.

Митричъ не сталъ ожидать конца причитаній и, перекрестившись на образа, вышелъ изъ избы и пошелъ по дорогѣ въ волость.

Утро еще начиналось, но деревня проснулась давно. Въ избахъ виднѣлись, сквозь окна, пылающія печи и суетившіяся около нихъ бабы. Мужики во дворахъ запрягали лошадей; нѣкоторые уже ѣхали въ поле, откуда свозили послѣдніе снопы.

До сосѣдней деревни Устинской было верстъ двадцать пять. Дорога до нея и даже дальше, до волости и города, была хорошо извѣстна топкинцамъ. Черезъ эту деревню они возили свои деревенскіе продукты въ городъ на продажу и въ Устинской постоянно дѣлали привалы или заночевывали. Правда, запасы возились зимою, когда дорога избѣгала объѣздовъ безчисленныхъ ручейковъ и болотъ, и потому была значительно короче, но что дѣлать: холода еще не наступали и не заморозили топей, а потому волей не волей приходилось дѣлать крюкъ.

Какъ и разсчитывалъ Митричъ, заночевать пришлось въ Устинской, у кума Василія. За ужиномъ разговорились, и Митричъ откровенно разсказалъ куму о своихъ опасеніяхъ.

Василій, какъ живущій ближе къ властямъ, а потому и болѣе храбрый, старался обнадежить Митрича тѣмъ, что вѣдь въ волость вызываютъ не для одного только дранья и что, вообще, теперь безъ разбору не дерутъ, а прежде разсудятъ. Но все это едва-ли могло совершенно успокоить Митрича. Въ сущности, дранье не такъ ужъ пугало его. Вещь это, конечно, скверная, и даже очень скверная, особенно на старости лѣтъ. Засмѣютъ сосѣди и деревенская молодежь будетъ пальцами показывать... Но все же бываютъ на свѣтѣ вещи и еще похуже. Богъ знаетъ, что еще можетъ придумать начальство...

На третій день, утромъ, Митричъ явился въ волостное правленіе. Писарь не долго задержалъ его. Порывшись въ бумагахъ, онъ отыскалъ оффиціальное отношеніе отъ командира N—скаго полка, на имя Мокринскаго волостного правленія о томъ, что „унтеръ-офицеръ изъ крестьянъ Мокрин-

ской волости, деревни Топкой, Алексѣй Григорьевъ, призванный изъ запаса на дѣйствительную службу, исключенъ изъ списковъ полка за смертью, послѣдовавшей отъ ружейной пули во время взятія китайскихъ укрѣпленій. Причитающееся Григорьеву жалованье за одинъ мѣсяцъ и двѣнадцать дней въ размѣрѣ сорока шести копѣекъ, а за удержаніемъ изъ нихъ на пересылку восьми копѣекъ, всего тридцать восемь копѣекъ, препровождено мѣстному воинскому начальнику для выдачи законнымъ наслѣдникамъ покойнаго, которые обязаны явиться къ этому начальнику съ ясными на право наслѣдства доказательствами. Другого имущества при покойномъ не оказалось."

— Такъ вотъ значитъ,—сказалъ писарь,—мы дадимъ тебѣ удостовѣреніе, что Григорьевъ твой сынъ, и ты отправляйся въ городъ; тамъ и получишь деньги.

Въ этотъ же день случилась и оказія. Изъ волостного правленія отсылались отчетность и образцы снятаго хлѣба, такъ, чтобы не гонять лишняго человѣка, Митричу и поручили доставить все это въ городъ, на обывательской подводѣ.

По пріѣздѣ въ городъ Митричъ явился къ воинскому начальнику и представилъ ему удостовѣреніе волостного правленія.

Черезъ нѣкоторое время его потребовали къ полковнику.

— Къ сожалѣнію,—сказалъ воинскій начальникъ,—я не могу выдать тебѣ деньги, такъ какъ по закону отецъ не можетъ наслѣдовать сыну. Понялъ?

— Понялъ, ваше высокое благородіе,—отвѣчалъ покорно Митричъ, но въ дѣйствительности нечего не понималъ.

По недоумѣвающему лицу Митрича, начальникъ догадался, что онъ не понимаетъ, и принялся разъяснять.

— Сыну твоему должны наслѣдовать его дѣти! Есть у него дѣти? Внуки твои?

— Есть. Четверо.

— Ну, вотъ. Теперь ты отправляйся обратно въ свое волостное правленіе и хлопочи, чтобы тебя назначили опекуномъ твоихъ внуковъ, и тогда я выдамъ тебѣ деньги. Понялъ теперь?

— Понимаю.

— Ну, ступай съ Богомъ... Сынъ-то твой, — сколько ему лѣтъ было?—спросилъ полковникъ.

— Годовъ тридцать пять, ваше высокое благородіе.

— Жаль, старикъ... Очень жаль! но что жъ дѣлать: кому-нибудь надо и умирать, ничего не подѣлаешь.

— Работать некому, ваше высокое благородіе, дѣтей другихъ нѣтъ—всѣ померли. Теперь, все одно, по міру иттить надо; зимы не протянемъ...

— Отчего такъ?

— Хлѣбъ не уродился... Сынъ-то на заработки пошелъ... Все не родитъ хлѣбъ, да не родитъ, вотъ и пошелъ, чтобы поправиться, да видно судьба..

Онъ помолчалъ. Молчалъ и начальникъ.

— Старухѣ-то какъ сказать, ваше высокое благородіе,— скороговоркой добавилъ Митричъ и заморгалъ глазами.

Воинскому начальнику сдѣлалось какъ-то не по себѣ.

— Опять, скажемъ, — продолжалъ старикъ, — ежели къ батюшкѣ, панифиду служить, такъ и то до зимы надо ждать, мы топкіе, ваше высокое благородіе, лѣтомъ-то къ намъ не доѣдешь.

Митричъ путался, видно, ему чрезвычайно было трудно передать словами свои ощущенія и все свое горе. А потребность передать это была.

— Что-жъ, братецъ,—сказалъ полковникъ,—я ничего не могу сдѣлать; вотъ возьми,—сунулъ онъ въ руку Митрича трехрублевую бумажку,—а тамъ мы что-нибудь придумаемъ— спектакль, что-ли... Эхъ! вездѣ только горе. Ну, ну, прощай, прощай,—торопливо заговорилъ полковникъ, замѣтивъ, что Митричъ собирается бухнуться въ ноги. И, быстро отвернувшись, онъ отошелъ къ окну, гдѣ принялся барабанить пальцами по стеклу.

Окно выходило на обширный дворъ, на которомъ кучка дѣтей играла въ солдаты. Митричу надо было пройти мимо ребятъ.

Онъ остановился и поглядѣлъ на дѣтей, можетъ быть вспомнилъ что-то и сказалъ вслухъ:

— Тоже вѣдь солдаты...

Выйдя за ворота, онъ направился на базаръ прикупить хлѣба на дорогу, да кстати посмотрѣть, не окажется-ли кого изъ земляковъ, пріѣзжавшихъ въ городъ. Ему дѣйствительно повезло. На базарѣ онъ встрѣтилъ мужика изъ Мокринской, пріѣхавшаго за покупками для свадьбы своего сына и сегодня же возвращавшагося обратно.

И Митричъ повезъ въ деревню Топкую свое тяжкое горе..

А воинскій начальникъ сдержалъ слово. Вечеромъ, въ этотъ же день, онъ поймалъ въ клубѣ предсѣдателя кружка любителей музыки, пѣнія, изящной словесности и драматическаго искусства и заговорилъ съ нимъ о необходимости устроить спектакль въ пользу Митрича и его семейства.

— Поймите, Петръ Ивановичъ,—вѣдь тутъ такое горе, что и сказать трудно. Единственный работникъ, надежда всей

семьи убитъ на войнѣ. Вдова его, конечно, получитъ пособіе, т. е. пожизненную пенсію восемнадцать рублей въ годъ... Но и это лишь тогда, когда она будетъ совершенно неспособна къ труду и у нея не окажется родственниковъ, обязанныхъ взять ее на попеченіе. А до того-то времени... какъ?

— Не знаю, какъ и быть,—отвѣтилъ Петръ Ивановичъ,—въ этомъ сезонѣ всѣ спектакли распредѣлены; развѣ что-нибудь сверхъ программы? Рублей тридцать-сорокъ соберемъ. Попробую собрать на засѣданіе членовъ кружка, можетъ быть и придумаемъ.

— Да, пожалуйста, поскорѣе, а то они до весны перемрутъ...

— Постараюсь, непремѣнно. А вы ужъ, съ своей стороны, постарайтесь заинтересовать публику... А то спектакль поставимъ, а соберутся на него два-три человѣка...

И предсѣдатель кружка любителей музыки, пѣнія, изящной словесности и драматическаго искусства отошелъ къ кучкѣ посѣтителей...

Н. Степановъ.

Изъ теоріи и практики крестьянскаго хозяйства.

VI.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло, такъ сказать, съ теоріей крестьянскаго быта и хозяйства. Мы видѣли, какъ должна складываться крестьянская жизнь въ силу присущихъ ей самой задатковъ и особенностей *). Но эта жизнь протекаетъ не въ безвоздушномъ пространствѣ, а въ опредѣленной соціальной средѣ и подъ воздѣйствіемъ не безразличныхъ для нея соціально-политическихъ факторовъ. Дѣйствительное содержаніе и общее направленіе ея представляютъ изъ себя, поэтому, равнодѣйствующую, съ одной стороны, внутреннихъ силъ, свойственныхъ данной соціальной формѣ, а съ другой, внѣшнихъ условій крестьянскаго

*) Во избѣжаніе недоразумѣній, считаемъ не лишнимъ оговориться, что мы коснулись этихъ особенностей лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Между прочимъ, говоря о формахъ, въ которыхъ протекаетъ крестьянская жизнь, мы вовсе не касались вопроса объ эволюціи ихъ, поскольку таковая опредѣляется не внѣшними условіями, а свойственными имъ самимъ особенностями. Такъ, напримѣръ, при однихъ и тѣхъ же размѣрахъ семьи равновѣсіе ея съ хозяйствомъ можетъ осуществляться въ крайне разнообразныхъ формахъ, или, говоря образно, коромысло вѣсовъ, при посредствѣ которыхъ достигается это равновѣсіе, не только въ цѣломъ можетъ быть длиннѣе и короче, но и отдѣльныя плечи, соотвѣтствующія семьѣ и хозяйству, имѣть то больше, то меньше. При нормальномъ теченіи жизни, потребности семьи, въ силу присущихъ имъ законовъ развитія, должны рости и усложняться и въ тоже время производительныя силы населенія, благодаря успѣхамъ техники, должны увеличиваться. Такимъ образомъ, при однихъ и тѣхъ же размѣрахъ семьи, по мѣрѣ поступательнаго хода жизни, хозяйство должно становиться крупнѣе и сложнѣе, а общій уровень благосостоянія увеличиваться. Стало быть, форма равновѣсія семьи и хозяйства должна постепенно измѣняться, т. е., если употребить только что использованное образное выраженіе, при прежнихъ размѣрахъ «плеча» семьи, «плечо» хозяйства должно дѣлаться все длиннѣе. Благодаря осложняющимъ моментамъ, которые вносятъ въ эту эволюцію формъ внѣшнія условія, изучить ее въ чистомъ видѣ не представляется возможнымъ. Во всякомъ случаѣ мы сочли за лучшее въ настоящемъ мѣстѣ не осложнять своего изложенія этимъ вопросомъ.

существованія. Значеніе послѣднихъ тѣмъ шире и глубже, что на ряду съ условіями даннаго момента въ крестьянской жизни продолжаютъ сказываться послѣдствія ранѣе пережитаго и подчасъ очень далекаго прошлаго; вліяніе ихъ тѣмъ сложнѣе, что на ряду съ общими условіями, въ которыхъ находится народное хозяйство всей страны, дѣйствуютъ факторы узко-мѣстнаго и спеціально-крестьянскаго характера.

Уже тотъ средній уровень, къ которому, какъ мы видѣли, тяготѣетъ крестьянство въ лицѣ составляющихъ его семейно-хозяйственныхъ союзовъ, не представляетъ изъ себя какой-либо неизмѣнной и напередъ опредѣленной величины. Не только средніе размѣры хозяйства, но и средніе размѣры семьи, какъ показываютъ имѣющіяся данныя, измѣняются въ довольно широкихъ предѣлахъ. По основнымъ земскимъ переписямъ средній семейный составъ крестьянскихъ дворовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ опускается ниже 5 душъ, тогда какъ въ другихъ—средняя семья достигаетъ 7 и болѣе человѣкъ. Къ сожалѣнію, этотъ хорошо извѣстный, но крайне сложный фактъ географическихъ колебаній въ среднихъ размѣрахъ крестьянской семьи не получилъ еще себѣ надлежащаго истолкованія. Въ настоящей статьѣ, посвященной динамикѣ крестьянской жизни, мы не будемъ, однако, останавливаться на этомъ статическомъ ея моментѣ. Для насъ важнѣе сейчасъ другой фактъ, а именно, что не только въ пространствѣ, но и во времени средніе размѣры крестьянской семьи не остаются неизмѣнными.

Наиболѣе извѣстенъ въ этомъ случаѣ фактъ усиленныхъ семейныхъ раздѣловъ и обусловленнаго ими мельчанія крестьянской семьи послѣ освобожденія. Одни находили въ свое время это явленіе вполнѣ нормальнымъ, видя въ немъ естественное послѣдствіе замѣны принудительнаго авторитета въ крестьянскихъ семейныхъ отношеніяхъ самоопредѣленіемъ освобожденной и все болѣе сознающей свои права личности. Другіе, отождествляя такое самоопредѣленіе съ непочтительностью и даже развращенностью молодого поколѣнія, выроставшаго безъ крѣпостной опеки, сосредоточивали вниманіе на невыгодныхъ послѣдствіяхъ семейныхъ раздѣловъ въ экономической жизни и, прикрываясь ими, настойчиво требовали вмѣшательства власти въ крестьянскія семейныя отношенія. Въ срединѣ 80-хъ годовъ, когда сторонники принудительнаго авторитета получили рѣшительный перевѣсъ во внутренней политикѣ, законодательная власть сдѣлала попытку нормировать крестьянскіе раздѣлы, обставивъ совершеніе ихъ нѣкоторыми стѣснительными условіями, и между прочимъ, согласіемъ міра. Послѣ того жалобы на семейные раздѣлы нѣсколько стихли, хотя для всѣхъ было очевидно, что новый законъ, если и возымѣлъ, то очень ограниченное дѣйствіе. Убѣдившись въ невозможности семью и міръ сдѣлать представителями

принудительной власти, сторонники послѣдней начали изыскивать и создавать новыя формы для закрѣпощенія личности. Въ обществѣ же сохранилось представленіе, что семейные раздѣлы продолжаются прежнимъ усиленнымъ темпомъ, что крестьянская семья продолжаетъ мельчать и что крестьянскій дворъ, когда-то напоминавшій семейную общину и во всякомъ случаѣ представлявшій своеобразное явленіе соціальной жизни, не сегодня-завтра окончательно уступитъ мѣсто семьѣ городского типа, жизнь которой регулируется X томомъ свода россійскихъ законовъ.

Тѣмъ неожиданнѣе должны были показаться результаты повторныхъ переписей. Для всѣхъ *) мѣстностей, гдѣ онѣ были произведены, изслѣдованіе констатировало болѣе или менѣе значительное увеличеніе средней крестьянской семьи. Вотъ относящіяся сюда данныя: **)

	Лѣтъ между переписями.	Средніе размѣры семьи: По первой переписи.	По второй переписи.	На сколько % % она увеличилась. За весь періодъ.	За 10 лѣтъ.
Дорогобужскій у.	13	6,92	7,58	9,5	7,3
Михайловскій »	13	6,36	6,85	7,7	5,9
Повѣнецкій »	(5)	5,76	5,91	2,6	5,2
Петровскій »	10	5,81	6,07	4.5	4,5
Крестецкій »	15	4,59	4,89	6,5	4,4
Острогожскій »	15	6,83	7,26	6,3	4,2
Полтавская губ.	(13)	5,5	5,8	5,5	4,2
Вяземскій у.	16	5,92	6,17	4,2	2,6
Новоладожскій у.	12	5,13	5,23	1,9	1,6
Горбатовскій »	12	4,99	5,01	0,4	0.3
Въ среднемъ					4,1

При встрѣчѣ съ этимъ фактомъ изслѣдователи сначала обнаружили склонность отнестись къ нему скептически въ виду воз-

*) Изъ извѣстныхъ намъ повторныхъ изслѣдованій уменьшеніе среднихъ размѣровъ крестьянской семьи было констатировано лишь переписью 1897 г. для нѣкоторыхъ уѣздовъ Саратовской губ. Но эта перепись, произведенная ветеринарнымъ отдѣленіемъ губернской управы на нѣсколько иныхъ основаніяхъ, чѣмъ основныя описанія тѣхъ же уѣздовъ, не можетъ считаться вполнѣ сравнимой съ ними. Авторы изслѣдованія настойчиво напоминаютъ, между прочимъ, о возможной неполнотѣ свѣдѣній о населеніи. Въ виду этого мы и не считаемъ возможнымъ пользоваться ими.

**) Эти данныя относятся: по Дорогобужскому у. ко всѣмъ надѣльнымъ семьямъ (наличн. и отсутствующимъ), по Новоладожскому и Вяземскому—ко всѣмъ приписнымъ, по остальнымъ мѣстностямъ—къ наличнымъ (надѣльнымъ и безнадѣльнымъ). Данныя по Вяземскому у. за 1900 г. мы заимствуемъ изъ корректурнаго оттиска таблицъ, любезно высланнаго намъ С. П. Середою.

можныхъ неточностей въ регистраціи, особенно при первыхъ переписяхъ, иногда менѣе совершенныхъ по техникѣ *). Появлялись, однако, новыя публикаціи, неизмѣнно свидѣтельствовавшія объ увеличеніи крестьянской семьи за послѣдніе 10—15 лѣтъ. По нѣкоторымъ мѣстностямъ это увеличеніе оказалось столь значительнымъ, что отнести его на неточности въ регистраціи было немыслимо. Сомнѣваться долѣе въ этомъ фактѣ едва-ли было бы умѣстно. Въ настоящее время приходится признать не только наличность тенденціи къ увеличенію средняго семейнаго состава крестьянскихъ дворовъ, но и широкую распространенность этого явленія, обусловленную, очевидно, нѣкоторыми общими причинами.

Не послужилъ-ли такою причиною законъ о семейныхъ раздѣлахъ, о которомъ мы упоминали выше? Изслѣдователи, касавшіеся этого вопроса, съ полною увѣренностью отвѣчаютъ на него отрицательно. Семейные раздѣлы регулируются, по ихъ мнѣнію, слишкомъ могучими факторами, чтобы ихъ могли сдержать предписанія власти и тѣмъ болѣе изложенныя въ такой далеко не ка-

---

*) Наиболѣе любопытна въ этомъ случаѣ позиція, занятая Н. Н. Черненковымъ. Съ одной стороны, онъ считаетъ сильно преувеличенными и, можетъ быть, вовсе не соотвѣтствующими истинѣ обычныя представленія о мельчаніи крестьянскихъ семей послѣ освобожденія, а съ другой—не рѣшается признать за доказанный фактъ увеличеніе среднихъ размѣровъ крестьянской семьи, констатированное ко времени появленія его работы въ Петровскомъ, Михайловскомъ и Новоладожскомъ уѣздахъ. Онъ настаиваетъ, поэтому, на малой измѣнчивости крестьянской семьи во времени. Мы не станемъ приводить здѣсь его соображеній и подчасъ очень цѣнныхъ указаній, какія онъ дѣлаетъ, напримѣръ, по вопросу о составѣ крестьянскаго двора по ревизскимъ сказкамъ, съ каковымъ обыкновенно сравнивается составъ двора по земскимъ переписямъ. Отдавая должную дань уваженія изысканіямъ г. Черненкова и даже соглашаясь во многомъ съ нимъ, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что онъ черезчуръ перегибаетъ лукъ и, переоцѣнивая основное тяготѣніе крестьянскихъ хозяйствъ къ опредѣленному семейному уровню, умаляетъ значеніе осложняющихъ его моментовъ. Между тѣмъ, насколько серьезное значеніе могутъ имѣть послѣдніе, ясно видно изъ тѣхъ большихъ колебаній, какія наблюдаются въ среднихъ размѣрахъ крестьянской семьи въ пространствѣ. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что вовсе измѣнчивости семьи во времени г. Черненковъ не отрицаетъ. Онъ допускаетъ возможность мельчанія ея въ свое время у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и новаго увеличенія ея при измѣнившихся условіяхъ. Для послѣдняго онъ указываетъ и нѣкоторыя реальныя основанія. «Съ увеличеніемъ плотности населенія, говоритъ онъ, съ ростомъ арендныхъ цѣнъ, а также государственнаго, земскихъ, волостныхъ и мірскихъ бюджетовъ, съ упадкомъ многихъ промысловъ, съ общимъ развитіемъ денежнаго хозяйства и проч., крестьянскимъ семьямъ приходится вести хозяйство при все болѣе и болѣе трудныхъ условіяхъ, при чемъ въ борьбѣ съ послѣдними отдѣльныхъ хозяйствъ должна играть немаловажную роль величина семьи, т. е. большая способность крупныхъ семей противостоять воздѣйствію неблагопріятныхъ условій... Сохраненіе установившейся раньше нормы (или даже извѣстное повышеніе ея) должно явиться въ данномъ случаѣ однимъ изъ важныхъ средствъ самообороны или борьбы за существованіе мелкаго крестьянскаго хозяйства».

тегоричной формѣ, какую имѣетъ законъ 1886 года. На практикѣ этотъ законъ или остался мертвою буквою или привелъ къ образованію нѣкоторыхъ юридическихъ фикцій, т. е. дворовъ, какъ въ дореформенное время, „числящихся за однимъ номеромъ", но имѣющихъ совершенно раздѣльное и независимое другъ отъ друга существованіе. Такъ какъ земская статистика имѣетъ дѣло съ реальными крестьянскими дворами, а не съ оффиціальнымъ счетомъ ихъ по тѣмъ или инымъ спискамъ, то наличность таких рода фикцій не могла никакъ повліять на тѣ среднія величины, которыя приведены нами выше.

Причины „укрупнѣнія", какъ выражается одинъ изслѣдователь, крестьянской семьи, мы должны искать, такимъ образомъ, въ сферѣ не спеціально-юридическихъ нормъ, а болѣе широкихъ бытовыхъ, правовыхъ и экономическихъ условій крестьянской жизни. Къ сожалѣнію, по свойству имѣющихся въ нашемъ распоряженіи матеріаловъ, какія-либо опредѣленныя заключенія по этому вопросу не представляются возможными.

Наименѣе вѣроятнымъ, во всякомъ случаѣ, является предположеніе, что увеличеніе крестьянской семьи всецѣло явилось результатомъ усиленнаго прироста крестьянскаго населенія за послѣдніе годы, т. е. умноженія въ его составѣ лицъ дѣтскаго возраста, не могущихъ пока основать самостоятельныхъ хозяйствъ. Годы, въ которые произошло укрупнѣніе крестьянской семьи, далеко не были благопріятными для крестьянскаго населенія. Къ числу ихъ по большинству мѣстностей относятся такіе злосчастные, какъ 1891 и 1892 годы, унесшіе въ могилу сотни тысячъ людей сверхъ нормы и давшіе приростъ населенія много ниже обычнаго. Помимо этого общаго соображенія, по нѣкоторымъ мѣстностямъ мы имѣемъ и прямыя указанія, что увеличеніе среднихъ размѣровъ семьи произошло отнюдь не въ силу обогащенія ея вновь народившимися дѣтьми. По Горбатовскому, напримѣръ, уѣзду, гдѣ было констатировано хотя и минимальное, но всетаки увеличеніе семьи, мы имѣемъ такія цифры:

Приходилось на семью лицъ:	1898 г.	1901 г.
въ дѣтскомъ возрастѣ	1,80	1,67
» рабочемъ и полурабочемъ	2,78	2,92

т. е. число дѣтей въ средней семьѣ замѣтно уменьшилось, а число рабочихъ и полурабочихъ увеличилось. Не будь перваго явленія, семья возросла бы замѣтнѣе. Въ этомъ уѣздѣ, при возросшей общей численности населенія, общее число дѣтей (въ дошкольномъ возрастѣ) не только относительно, но и абсолютно даже уменьшилось. По другимъ мѣстностямъ мы не имѣемъ детальныхъ данныхъ о возрастномъ составѣ населенія. Во всякомъ случаѣ увеличеніе семьи сопровождалось въ нихъ умноженіемъ въ ея составѣ не только дѣтей, но и лицъ въ рабочемъ возрастѣ,

которыя могли бы и всетаки не образовали самостоятельныхъ хозяйствъ. Такъ, по разсчету на 1 дворъ приходилось работниковъ и работницъ:

	По первой переписи.	По второй переписи.
Въ Михайловскомъ уѣздѣ	3,36	3,52
» Дорогобужскомъ »	3,33	3,77

Другимъ, болѣе вѣроятнымъ является предположеніе, что укрупнѣніе средней наличной семьи, съ которой мы имѣемъ дѣло, произошло вслѣдствіе усиленнаго ухода малыхъ семей на сторону. Однако, и этимъ обстоятельствомъ, несомнѣнно имѣвшимъ нѣкоторое значеніе, нельзя всецѣло объяснить интересующее насъ явленіе. Семья увеличилась какъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ процентъ отсутствующихъ хозяйствъ увеличился, такъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ онъ уменьшился; она увеличилась не только у наличнаго, но, какъ показываютъ данныя по Дорогобужскому, Вяземскому и Новоладожскому уѣздамъ, и вообще у приписного населенія.

Остается, такимъ образомъ, третье предположеніе, что укрупнѣніе семьи произошло цѣликомъ или въ значительной части вслѣдствіе воздержанія отъ семейныхъ раздѣловъ, обусловленнаго, конечно, прежде и больше всего экономическими соображеніями, играющими въ жизни массъ первенствующую роль. Во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были ближайшія причины увеличенія среднихъ размѣровъ крестьянской семьи, или—правильнѣе—каковы бы ни были пути и средства, которыми это увеличеніе было достигнуто, мы должны ожидать, что въ виду неразрывной связи семьи и хозяйства, этотъ фактъ не прошелъ безслѣдно въ жизни послѣдняго. Въ перемѣнахъ, какія произошли за то же время въ его размѣрахъ и организаціи, могли таиться причины и должны были сказаться послѣдствія предшествовавшихъ или сопутствовавшимъ явленій въ крестьянской семейной жизни.

VII.

Большей по численности семьѣ, какъ мы видѣли, соотвѣтствуетъ болѣе обширное по своимъ размѣрамъ земледѣльческое хозяйство. Въ дѣйствительной жизни происходило, однако, нѣсколько иное явленіе. Съ увеличеніемъ среднихъ размѣровъ семьи средніе размѣры крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства, можно думать, не увеличивались; по нѣкоторымъ же мѣстностямъ они за это время несомнѣнно и значительно уменьшились. Внѣшнія условія,—условія землевладѣнія и аренды,—властно повліяли въ этомъ случаѣ на естественный для крестьянскаго хозяйства процессъ и нарушили его нормальное теченіе. Подъ давленіемъ

земельной тѣсноты, вмѣсто параллельнаго измѣненія въ размѣрахъ семьи и хозяйства, жизнь должна была вырабатывать иныя формы ихъ равновѣсія.

Основной земельный фондъ крестьянства—надѣльныя земли по общей своей площади представляютъ почти неизмѣнную величину. Такіе случаи, какъ полученіе крестьянами по духовному завѣщанію помѣщицы 4 т. дес., имѣвшее мѣсто въ Петровскомъ уѣздѣ въ 1888 г., являются, конечно, исключительными. Чаще случаи добровольнаго или принудительнаго отчужденія крестьянской земли подъ желѣзныя дороги, школы, духовенству и т. п., но и они въ предѣлахъ тѣхъ 10 15 лѣтъ, къ которымъ относятся наши данныя, не могли сколько-нибудь существенно повліять на размѣры надѣльнаго землевладѣнія. Послѣдніе можно считать, какъ мы уже сказали, неизмѣнными. Между тѣмъ, численность крестьянскаго населенія непрерывно, хотя и неравномѣрно возрастаетъ. Соотношеніе его съ надѣльною площадью измѣняется, такимъ образомъ, все въ болѣе и болѣе неблагопріятную для крестьянства сторону. Насколько существенно измѣнилось оно за тотъ періодъ, къ которому относятся наши данныя, легко видѣть изъ слѣдующихъ цифръ. Въ Дорогобужскомъ, напр., уѣздѣ при первой переписи на душу надѣльнаго населенія приходилось удобной надѣльной земли 1,72 дес., а при второй—1, 47 дес.; въ Петровскомъ уѣздѣ на душу приписного населенія 1,77 и 1,62 дес.; въ Новоладожскомъ—2,05 и 1,74 дес. въ Вяземскомъ—1,43 и 1,03 дес. и т. д.

Послушное суровымъ законамъ своего существованія, крестьянство всячески старалось, конечно, расширить площадь своего землепользованія и размѣры своего земледѣльческаго хозяйства въ мѣру прибывавшихъ рабочихъ силъ и возросшихъ семейныхъ потребностей. Нѣкоторую возможность такого расширенія оно нашло въ сферѣ надѣльнаго же землевладѣнія. Усиленная распашка новыхъ пространствъ и захватъ подъ культуру неудобныхъ земель, получившіе крайне широкое распространеніе въ первыя десятилѣтія послѣ освобожденія, оказались наиболѣе доступными для крестьянъ, хотя и очень рискованными средствами поддержать колеблющееся равновѣсіе. Явленія эти имѣли мѣсто и въ позднѣйшіе годы. Въ Петровскомъ уѣздѣ, напримѣръ, въ 1884 г. подъ распашкою находилось 63% удобной надѣльной земли, а въ 1894 г. пашня занимала уже 75% ея, т. е. каждый годъ крестьяне распахивали болѣе десятины изъ каждой сотни ихъ. Развивать въ этомъ направленіи свое земледѣльческое хозяйство крестьянству становилось, однако, съ каждымъ годомъ все труднѣе и труднѣе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьянами были распаханы уже всѣ возможные для этого удобные и неудобные клочки, въ другихъ—этотъ естественный предѣлъ расхищенія земли былъ уже не за горами.

Приходилось изыскивать иные рессурсы. Подъ вліяніемъ естественнаго и непреодолимаго желанія жить и для этого работать, возникла и развилась та жадность къ внѣнадѣльнымъ землямъ, которая такъ поражаетъ наблюдателя въ современномъ крестьянствѣ и которая съ каждымъ годомъ все ростетъ и усиливается. Ради земли въ послѣднія десятилѣтія крестьяне были готовы на все: на наемъ ея по неимовѣрно возросшимъ цѣнамъ, на переселенія при самой удручающей обстановкѣ, на покупку съ рискомъ надѣть себѣ петлю на шею, а въ послѣднее время— и на самовольные захваты, не взирая на неизбѣжныя и жестокія кары за нихъ.

Площадь крестьянскаго землепользованія расширялась, однако, очень медленно. Повторныя переписи показали, что посредствомъ аренды далеко не всѣ крестьяне имѣли возможность расширить и даже поддержать прежніе размѣры своего земледѣльческаго хозяйства. Въ нечерноземныхъ уѣздахъ, каковы Дорогобужскій, Вяземскій, Новоладожскій, площадь арендуемой крестьянами земли, въ промежуткѣ между переписями, замѣтно возросла, однако, все же не настолько, чтобы покрыть тотъ недочетъ, который образовался за это время въ надѣльномъ землевладѣніи. Въ другихъ же уѣздахъ, какъ, напримѣръ, въ Петровскомъ, площадь арендуемой земли даже уменьшилась. Почти столь же неравномѣрно возростала и площадь купчей земли. Въ Дорогобужскомъ и Вяземскомъ уѣздѣ она увеличилась въ три и болѣе раза, въ Михайловскомъ всего лишь на 60%, въ Петровскомъ— на 45%. Эта разница будетъ еще рельефнѣе, если количество купчихъ земель мы выразимъ въ видѣ среднихъ величинъ. При второй переписи по разсчету на дворъ купчей земли приходилось:

Въ Вяземскомъ уѣздѣ	2,3 дес.
» Дорогобужскомъ »	2,3 »
» Михайловскомъ »	0,8 »
» Петровскомъ »	0,5 »

Къ сожалѣнію, повторныя данныя о размѣрахъ внѣнадѣльнаго крестьянскаго землепользованія слишкомъ скудны и отрывочны. Мы не можемъ поэтому касаться причинъ только что отмѣченныхъ различій. Но чѣмъ бы ни были обусловлены эти различія, — тѣмъ ли, что въ однѣхъ мѣстностяхъ арендный и продажный земельный фондъ исчерпанъ полнѣе, чѣмъ въ другихъ, или тѣмъ, что для крестьянъ однихъ уѣздовъ, въ силу меньшей ихъ зажиточности, аренда и въ особенности покупка земли менѣе доступны, чѣмъ для крестьянъ другихъ уѣздовъ, или, наконецъ, какими-либо еще причинами,—во всякомъ случаѣ разница въ размѣрахъ площади внѣнадѣльнаго землепользованія и въ темпѣ ея наростанія должна очень сильно сказываться на хозяйственной жизни крестьянскаго населенія. Вполнѣ возможно,

что въ данномъ случаѣ мы стоимъ передъ одной изъ важнѣйшихъ причинъ тѣхъ болѣзненныхъ и острыхъ явленій, которыми изобиловала за послѣдніе годы жизнь однѣхъ мѣстностей и которыхъ счастливо пока избѣгали другія.

Необходимо, однако, имѣть въ виду, что даже въ такихъ, поставленныхъ въ сравнительно благопріятныя условія, уѣздахъ, какъ Вяземскій и Дорогобужскій, не говоря уже о другихъ повторно-изслѣдованныхъ мѣстностяхъ, общая площадь крестьянскаго землепользованія (т. е. надѣльнаго и внѣнадѣльнаго) возрастала медленнѣе, чѣмъ населеніе. По разсчету на душу у крестьянъ оказывалось земли все меньше и меньше. Значеніе этого факта усугублялось еще однимъ крайне серьезнымъ обстоятельствомъ.

Для характеристики крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства не столь важно, сколько земли приходится вообще на душу, какъ то, сколько приходится ея на душу въ тѣхъ хозяйствахъ, которыя занимаются земледѣліемъ. И вотъ повторныя изслѣдованія вскрыли передъ нами крайне интересный, и для многихъ совершенно неожиданный фактъ: почти во всѣхъ мѣстностяхъ, по которымъ получены соотвѣтствующія данныя, численность крестьянскихъ хозяйствъ, занимающихся земледѣліемъ, а стало быть и населенія, заинтересованнаго въ земледѣльческомъ производствѣ, возростала быстрѣе, чѣмъ общая численность дворовъ и населенія. Больше того; по нѣкоторымъ, по крайней мѣрѣ, мѣстностямъ не только относительное, но и абсолютное число крестьянскихъ дворовъ, не имѣющихъ посѣва, въ промежуткѣ между переписями, замѣтно уменьшилось. Крестьянство за это время не бѣжало, какъ принято было думать, отъ земли и собственнаго земледѣльческаго хозяйства, а напротивъ, возвращалось къ нимъ. Стали сѣять многіе изъ тѣхъ, кто раньше не сѣялъ.

Такъ, по Петровскому уѣзду, гдѣ общее число приписныхъ (наличныхъ и отсутствующихъ) хозяйствъ увеличилось на 9%, число хозяйствъ съ посѣвами на надѣльной землѣ возросло на 13,3%, а число хозяйствъ, не имѣвшихъ надѣльной земли или цѣликомъ сдававшихъ ее въ аренду, сократилось на 6,6%. Въ Острогожскомъ уѣздѣ число хозяйствъ, не обрабатывающихъ земли, уменьшилось на 10%, тогда какъ число имѣющихъ запашку возросло на 19%. Въ Дорогобужскомъ уѣздѣ число надѣльныхъ дворовъ, не пользующихся своею землею, уменьшилось на 36%, а пользующихся увеличилось на 12%. По 9 уѣздамъ Полтавской губерніи число наличныхъ дворовъ, не имѣющихъ посѣва, уменьшилось на 41%, а число хозяйствъ съ посѣвами увеличилось на 13%. Въ Михайловскомъ уѣздѣ число первыхъ сократилось даже на 87% при увеличеніи числа послѣднихъ на 16%. Въ такихъ широкихъ размѣрахъ происходилъ этотъ процессъ „окрестьянствованія“, какъ выразился недавно г. Гельротъ, и

при томъ въ то время, когда мы усиленно толковали объ исшествіи крестьянства изъ деревень, объ „освобожденіи“ его отъ собственнаго хозяйства. Болѣе быстрое возростаніе безпосѣвныхъ дворовъ, чѣмъ хозяйствъ имѣющихъ запашку, было обнаружено, насколько намъ извѣстно, только въ Горбатовскомъ уѣздѣ, гдѣ былъ изслѣдованъ Павловскій сталеслесарный районъ, т. е. совершенно своеобразная мѣстность по широкому развитію въ ней мѣстныхъ промысловъ.

Медленно возроставшій земельный фондъ крестьянства дѣлился такимъ образомъ не только между вновь нарождавшимися, но и вновь бравшимися за земледѣльческое хозяйство претендентами. Само собой понятно, что каждому доставалась все меньшая и меньшая доля. Въ Полтавской губерніи на 1 хозяйство, занимающееся хлѣбопашествомъ, въ 1882—1889 годахъ приходилось 5,3 дес. посѣва, а въ 1899 г.—лишь 4,4 дес., т. е. на 17% меньше. Въ Повѣнецкомъ уѣздѣ при первой переписи на сѣющій дворъ приходилось 16 мѣръ посѣва, а при второй, какихъ-нибудь 5 лѣтъ спустя, лишь 14½. По Новоладожскому уѣзду мы не имѣемъ цифры дворовъ съ посѣвами по первой переписи; но если мы допустимъ, что процентъ ихъ къ общему числу приписныхъ дворовъ былъ тотъ же, что и по второй переписи, то найдемъ:

На сѣющій дворъ приход. мѣръ посѣва на над. и аренд. землѣ:	Ржи.	Яров.	Картоф.
По переписи 1882 г.	10	29	12
» » 1894 »	8	21	9

Даже въ Горбатовскомъ уѣздѣ, гдѣ число хозяйствъ, занимающихся земледѣліемъ, возростало очень медленно, средніе размѣры ихъ запашки нѣсколько уменьшились: въ 1889 г. на 1 дворъ съ посѣвомъ приходилось ея 5,5 дес., а въ 1891 г.—5,3 дес.

Такимъ образомъ, въ то время, какъ семья увеличивалась, земледѣльческое хозяйство ея уменьшалось. При всѣхъ усиліяхъ, крестьянство оказалось безсильнымъ пробить достаточную брешь въ глухой стѣнѣ окружавшихъ его земельныхъ условій. Равновѣсіе между потребностями семьи и рессурсами, какіе давало собственное земледѣльческое хозяйство, было нарушено.

VIII.

Въ распоряженіи крестьянства было, казалось, еще одно средство поддержать равновѣсіе: оно могло, казалось бы, увеличить интенсивность своего земледѣльческаго хозяйства, т. е. въ одну и ту же земельную площадь вкладывать больше и больше труда и капитала и такимъ образомъ добиться отъ земли необходимаго для жизни количества продуктовъ. Несомнѣнно, что и въ эту

дверь при первой къ тому возможности толкалось населеніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьянское хозяйство обнаружило очевидные признаки развитія въ только что указанномъ направленіи. Достаточно напомнить широко уже сказавшійся въ отдѣльныхъ губерніяхъ переходъ крестьянъ къ травопольному хозяйству, происшедшее на нашихъ глазахъ вытѣсненіе кое-гдѣ сохи плугомъ и т. д. Но несомнѣнно и то, что эти „прогрессивныя теченія", какъ бы много ни толковали о нихъ склонные къ оптимизму публицисты, не были повсемѣстны и настолько глубоки, чтобы обезпечить крестьянскому хозяйству нормальныя условія дальнѣйшаго развитія. По характеру имѣющихся въ нашемъ распоряженіи матеріаловъ и въ тѣхъ рамкахъ, которыя намѣчены въ настоящей статьѣ, мы не можемъ подробно останавливаться на этомъ вопросѣ. Не пытаясь поэтому учесть, гдѣ, въ какихъ размѣрахъ и съ какими результатами крестьянству самому или при содѣйствіи земскихъ учрежденій удалось улучшить съ технической стороны свое земледѣліе, напомнимъ лишь, что въ общемъ послѣднее не прогрессивало, а регрессировало. Вмѣсто бо́льшаго количества жизненныхъ продуктовъ, которыхъ требовало возросшее населеніе, ихъ стало получаться меньше, не смотря на то, что посѣвная площадь, хотя и медленно, продолжала увеличиваться. Хроническіе недоборы 90-хъ годовъ, какъ извѣстно, составили въ суммѣ не одинъ милліардъ пудовъ. Очевидно, были какія-то причины, которыя не позволили маленькимъ струйкамъ „прогрессивныхъ теченій" слиться въ общій потокъ и сказаться столько-нибудь замѣтными послѣдствіями въ общей жизни страны. Каковы же эти причины, помѣшавшія крестьянскому населенію разрѣшить неизбѣжную въ ближайшемъ будущемъ, а для многихъ мѣстностей и въ настоящее время неотложную задачу интенсификаціи своего земледѣлія?

Недавно одинъ публицистъ на страницахъ „Новаго Времени" доказывалъ, что больше всего виновато въ этомъ крестьянское многоземелье. Опираясь на указъ китайскаго императора, изданный сколько то тысячъ лѣтъ тому назадъ, на свои дорожныя впечатлѣнія, только что вынесенныя изъ поѣздки по Западной Европѣ, да на какую-то книжку, очевидно, случайно подвернувшуюся подъ руку, онъ высчиталъ, что у мужика земли должно быть столько, сколько онъ самъ, безъ содѣйствія какой-либо скотины, можетъ удобрить и обработать. Хлѣбъ тогда будетъ родиться самъ столько-то (точно не упомню) тысячъ и мужикъ будетъ сытъ, уменъ и счастливъ. Не будетъ у него тогда заботъ ни о скотѣ, ни о сохѣ и ни о чемъ подобномъ. Нужно ему имѣть только банку, чтобы собирать собственное удобреніе, да внимательно слѣдить за процессами, которые въ ней будутъ происходить. Правила обращенія съ этой банкой уже выработаны г. Меньшиковымъ; нуженъ только указъ богдыхана, чтобы ввести ихъ въ дѣйствіе.

Къ сожалѣнію, мужикъ еще не избавленъ отъ „лишней“ земли и рецепты юродствующихъ публицистовъ ему мало пользительны. Крестьянству приходится думать и о скотѣ, и о сохѣ; безъ этого заранѣе накопленнаго труда не только улучшить свое хозяйство, но и хоть какъ-нибудь прокормить себя онъ не въ состояніи. Интенсификація же земледѣлія возможна не иначе, какъ при условіи постояннаго наростанія хозяйственнаго капитала.

Происходило-ли такое наростаніе въ крестьянскомъ хозяйствѣ? Чтобы уяснить себѣ этотъ вопросъ, пересмотримъ данныя о численности скота у крестьянъ, т. е. важнѣйшей и въ тоже время наиболѣе подвижной части крестьянскаго капитала. Если мы сравнимъ цифры скота по первой и по второй переписямъ, то получимъ такія данныя:

Уѣзды:	На сколько %% общее количество увеличилось (+) или уменьшилось (—). Лошадей.	Коровъ.	Жеребятъ.	Телятъ.
Дорогобужскій	+ 4,6	+ 24,6	— 14,9	— 24,6
Крестецкій	+ 9,3	+ 4,8	+ 11,5	— 12,9
Новоладожскій	+17,1	— 17,3	— 38,5	— 34,7
Горбатовскій	— 4,5	— 8,0	+ 0,2	— 11,4
Фатежскій	—19,5	— 2,4	+ 17,5	+ 30,7
Петровскій	—15,3	— 17,7	— 16,2	— 5,8
Михайловскій	—16,8	— 9,1	— 39,8	— 34,5
Въ среднемъ . .	— 3,6	— 3,6	— 10,0	— 13,3

Мы получили на первый взглядъ довольно пеструю картину. На ряду съ уѣздами, въ которыхъ произошла прибыль крупнаго скота и убыль мелкаго, мы имѣемъ уѣздъ, въ которомъ при убыли крупнаго констатирована значительная прибыль мелкаго. Въ Дорогобужскомъ уѣздѣ при небольшой прибыли лошадей, наблюдался значительный приростъ коровъ; въ Фатежскомъ уѣздѣ, при небольшой убыли коровъ, убыль лошадей достигла максимальныхъ размѣровъ; наконецъ, въ Новоладожскомъ уѣздѣ значительная прибыль лошадей сопровождалась столь же значительной убылью коровъ. Но какъ ни пестра эта картина, въ ней есть всетаки нѣкоторая общая тенденція. На 9 плюсовъ въ табличкѣ мы имѣемъ 19, т. е. въ два раза больше минусовъ. Не оказалось ни одного уѣзда, въ которомъ всѣ виды скота дали бы прибыль; напротивъ, мы имѣемъ два уѣзда, въ которыхъ по всѣмъ имъ получилась убыль. Въ трехъ изъ четырехъ столбцовъ максимальныя цифры съ минусами больше такихъ же цифръ съ плюсами, т. е. убыль скота заходила дальше, чѣмъ его прибыль. Въ результатѣ, въ среднемъ для всѣхъ 7 уѣздовъ цифры указываютъ на убыль скота, небольшую для лошадей и коровъ и болѣе значительную для молодняка. Данныя о такомъ небольшомъ числѣ уѣздовъ не позволяютъ, конечно, дѣлать какихъ-либо заключеній по всей Россіи. Но относительно этихъ уѣздовъ, т. е. мѣстностей,

по которымъ имѣются необходимыя данныя, мы можемъ сказать, что въ нихъ количество скота у крестьянъ не прибавилось и что, такимъ образомъ, реальной возможности улучшить свое хозяйство они не имѣли.

Важны, однако, не только общіе результаты измѣненій, происшедшихъ въ крестьянскомъ скотоводствѣ повторно-описанныхъ мѣстностей; еще важнѣе, быть можетъ, тѣ громадныя колебанія въ численности крестьянскаго скота, о которыхъ мы узнаемъ изъ послѣдней таблички. Сейчасъ мы увидимъ, что количество времени, прошедшаго между переписями, въ этомъ случаѣ не имѣетъ значенія: на протяженіи болѣе короткихъ промежутковъ, жизнь знаетъ подчасъ еще болѣе рѣзкія колебанія. А это указываетъ, что крестьянское хозяйство, по крайней мѣрѣ, въ одной изъ важнѣйшихъ его отраслей, шло очень негладко, въ немъ не было равномѣрнаго поступательнаго движенія, оно переживало какіе-то подъемы и еще болѣе быстрыя и глубокія паденія.

Каковы же причины этого колебанія, каковъ ихъ общій смыслъ и каково значеніе ихъ для той хозяйственной интенсификаціи, необходимость которой всѣми чувствуется, но невозможность которой при данныхъ условіяхъ не всѣми сознается? Нѣкоторыя указанія по этимъ вопросамъ могутъ дать намъ свѣдѣнія о движеніи крестьянскаго скота по тѣмъ мѣстностямъ, по которымъ таковыя имѣются не за два только момента, а за нѣсколько лѣтъ.

По Петровскому уѣзду, кромѣ данныхъ за 1884 и 1894 гг., каковыя использованы нами въ предыдущей табличкѣ, свѣдѣнія о численности крестьянскаго скота, хотя и менѣе точныя, имѣются также за нѣкоторые промежуточные и всѣ послѣдующіе годы. Если общее количество скота каждой породы, имѣвшееся у крестьянъ этого уѣзда въ моментъ основного описанія его, мы примемъ за 100, то для дальнѣйшихъ лѣтъ получимъ такія цифры:

Годы.	Лошади всѣхъ возр.	Рогатый скотъ.	Овцы.	Свиньи.
1884	100	100	100	100
1889 . . .	93	103	101	82
1891 (весна)	102	85	88	67
1891 (осень)	80	65	67	?
1892	78	66	63	12
1893	79	81	69	18
1894	78	86	74	31
1895	81	101	81	65
1896	86	107	84	63
1897	91	110	91	69
1898	98	117	95	54
1899	94	103	88	27

Мы не знаемъ, можно-ли количество скота, имѣвшееся у кре-

стьянъ въ 1884 г., считать нормальнымъ, соотвѣтствовавшимъ размѣрамъ земельной ихъ площади и той степени интенсификаціи хозяйства, какую оно имѣло въ то время. Есть основаніе думать, что и тогда крестьянами ощущался въ скотѣ скорѣе недостатокъ, чѣмъ избытокъ. Какъ бы то ни было, представляется интереснымъ прослѣдить колебанія въ численности скота сравнительно съ этимъ исходнымъ моментомъ. Просматривая цифры послѣдней таблички, мы увидимъ, что количество скота, колеблясь изъ года въ годъ, нѣсколько разъ поднималось кверху и потомъ вновь опускалось книзу. Наиболѣе рѣзкое уменьшеніе его произошло лѣтомъ 1891 г.: за нѣсколько мѣсяцевъ крестьяне лишились свыше 20% своего скота. Къ слѣдующему году количество его еще нѣсколько убавилось и потомъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, оставалось на очень низкомъ уровнѣ, хотя и обнаружило тенденцію къ возростанію. Болѣе ощутительно послѣдняя сказалась лишь въ дальнѣшіе годы, при чемъ въ 1898 (для свиней въ 1897 г.) численность скота достигла своего максимума, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ году обнаружить вновь замѣтное паденіе.

1891 годъ, памятный для значительной части Россіи, а въ томъ числѣ и для Петровскаго уѣзда, крупнымъ недородомъ, сказался такимъ образомъ въ крестьянскомъ скотоводствѣ цѣлой катастрофой. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ послѣ того, оно не могло оправиться. Нужно было нѣсколько хорошихъ урожаевъ (1893, 1894, 1895 и 1897 гг.), чтобы количество скота у крестьянъ вновь приблизилось къ своему нормальному (будемъ считать его таковымъ) уровню. Недородъ 1898 г. заставилъ его, однако, вновь пойти на убыль.

Колебанія въ численности скота для Петровскаго уѣзда могутъ быть, такимъ образомъ, почти всецѣло объяснены колебаніями въ урожаяхъ. Крестьянскій скотъ оказался очень чувствительнымъ къ „отсутствію тучъ на небѣ или къ несвоевременному ихъ появленію“, каковымъ обстоятельствомъ, по авторитетному мнѣнію министерства финансовъ, всецѣло обусловлены наши недороды. Эта чрезмѣрная зависимость отъ стихійныхъ условій, отъ случайныхъ, съ извѣстной точки зрѣнія, событій и представляется особенно характерной для современнаго крестьянскаго хозяйства.

Нельзя думать, чтобы крестьяне не старались уберечь свои хозяйственныя предпріятія отъ тучъ и всякаго рода напастей. Всмотритесь въ цифры послѣдней таблички. Въ 1891—1892 гг. крестьяне перевели почти всѣхъ свиней, т. е. ту породу скота, которая имѣетъ наименьшее значеніе въ земледѣльческомъ хозяйствѣ, сберегая въ то же время, насколько это было возможно, другой продуктивный и, въ особенности, рабочій скотъ. Они отказались отъ послѣдняго мяса въ своемъ меню, отъ „убоины“,

которую давали имъ свиньи на великіе праздники Рождества и Пасхи, лишь бы сохранить возможность дальнѣйшаго хозяйствованія. Изслѣдователи измѣненій въ крестьянскомъ скотоводствѣ указываютъ цѣлую, строго-продуманную систему, которой придерживаются крестьяне, когда имъ приходится сбывать скотъ,— систему, въ которой предусмотрѣны и степень необходимости скота въ хозяйствѣ, и условія пріобрѣтенія его вновь, и бо́льшая или меньшая возможность прокормить ту или иную скотину. Продуктивный скотъ, легче выращиваемый въ собственномъ хозяйствѣ и безъ котораго еще можно годъ-два перебиться, сбывается обыкновенно раньше лошади, которую ростить нужно долго и безъ которой пашни въ первый же годъ не спашешь; молоднякъ, большею частью, сбывается раньше взрослаго скота, болѣе цѣннаго и вообще труднѣе пріобрѣтаемаго; но, если кормовъ черезчуръ мало, то оставляется какая-либо мелочь, въ надеждѣ, что хоть ее удастся какъ-нибудь прокормить. Въ этихъ сложныхъ разсчетахъ нѣтъ, однако, мѣста соображеніямъ личнаго удобства и даже простой сытости. Послѣднія отходятъ, обыкновенно, на задній планъ передъ хозяйственными разсчетами и передъ своеобразной любовью къ важнѣйшимъ элементамъ своего хозяйства и хозяйственнаго благополучія. Припомните мужика, вернувшагося съ работы, иззябшаго, проголодавшагося и не нашедшаго въ домѣ чѣмъ согрѣться и чего поѣсть. Припомните его рѣчи къ женѣ:

— Ну, и безъ щей поснѣдаю я, грѣшный.
Ты овсеца бы савраскѣ дала,—
Въ лѣто одинъ онъ управилъ, сердечный,
Пашни четыре тягла...
. . . . . .
— Ну, и безъ хлѣба улягусь я, грѣшный,
Кинь подъ савраску соломки, жена!
Въ зиму-то вывезъ онъ, вывезъ, сердечный,
Триста четыре бревна...

Эта готовность личные и семейные интересы приносить въ жертву хозяйственнымъ соображеніямъ имѣетъ, однако, свой предѣлъ. Передъ лицомъ острой голодовки и голодной смерти нѣтъ мѣста хозяйственнымъ разсчетамъ.

При тѣсной связи крестьянскаго хозяйственнаго бюджета съ семейнымъ и при готовности населенія многимъ и многимъ поступиться ради сбереженія хозяйства, сильное вліяніе неурожаевъ на составъ и численность крестьянскаго скота свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, объ отсутствіи у крестьянъ тѣхъ запасовъ, которые играли бы роль страхового резерва, своего рода буфера на случай несчастія, и въ трудные годы дозволяли бы сводить концы съ концами безъ разрушенія хозяйства; съ другой стороны, оно указываетъ на чрезмѣрную напряженность

крестьянскаго семейнаго бюджета, на невозможность дальнѣйшихъ урѣзокъ въ немъ безъ того, чтобы немедленно не являлся вопросъ о жизни и смерти, чтобы тотчасъ же не становился неизбѣжнымъ выборъ между самосохраненіемъ и хозяйствомъ. Едва-ли нужно говорить, что это отсутствіе запасовъ и это полуголодное существованіе отнюдь не представляютъ изъ себя органическихъ свойствъ крестьянскаго двора; они являются всецѣло результатомъ внѣшнихъ условій, среди которыхъ вынуждено функціонировать современное крестьянское хозяйство. Объ одной категоріи этихъ условій, намъ еще недавно пришлось говорить подробно въ особой статьѣ *); на другихъ—мы остановимся въ дальнѣйшемъ изложеніи. Сейчасъ же вернемся къ цифрамъ послѣдней таблички.

Въ теченіе всего десятилѣтія 90-хъ годовъ крестьянамъ Петровскаго уѣзда такъ и не удалось возстановить прежнее число лошадей, свиней и овецъ. По отношенію къ рогатому скоту они были счастливѣе: въ концѣ 90-хъ годовъ общее число коровъ и и телятъ превысило и, казалось бы, довольно значительно, имѣвшееся въ концѣ предыдущаго десятилѣтія количество ихъ. Этотъ эффектъ объясняется, однако, прибылью, главнымъ образомъ, въ числѣ телятъ, каковое къ 1898 г., сравнительно съ 1884 г. увеличилось почти на 30%, тогда какъ число коровъ возросло менѣе, чѣмъ на 6%. Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло не столько съ дѣйствительнымъ увеличеніемъ рогатаго скота, сколько съ усиліями, какія прилагало въ этомъ направленіи населеніе и которыя остались въ конечномъ счетѣ безрезультатными: въ 1899 г., т. е. прежде, чѣмъ телята, которыми такъ усердно обзаводилось населеніе, успѣли вырости, число рогатаго скота уже упало до прежней нормы.

Предоставляемъ теперь самому читателю судить, могло ли при такихъ условіяхъ улучшаться крестьянское хозяйство. Цѣлыми годами крестьяне выполняли Сизифову работу, стараясь поднять свое скотоводство; но прежде, чѣмъ имъ удавалось довести его до ранѣе имѣвшейся нормы, оно вновь падало. Время, силы и средства цѣликомъ уходили на то, чтобы поддержать какъ-нибудь свое хозяйство на прежнемъ уровнѣ, но и это не удавалось. О дальнѣйшей интенсификаціи его при такихъ условіяхъ, конечно, не могло быть и рѣчи.

Между тѣмъ, Петровскій уѣздъ не представляетъ въ этомъ случаѣ чего-либо исключительнаго. Имѣющіяся свѣдѣнія о движеніи скота въ Вятской, Уфимской и Тамбовской губерніяхъ даютъ ту же картину значительныхъ колебаній въ общемъ его количествѣ, быстрой убыли въ неблагопріятные годы и усиленнаго, хотя болѣе медленнаго и не всегда успѣшнаго пополненія

*) См. ст. «Централизація доходовъ», въ «Р. Б.» 1902 г., мартъ и май.

въ годы хорошихъ урожаевъ. Чтобы не загромождать своей статьи, мы не будемъ приводить относящихся сюда цифровыхъ данныхъ *). Остановимся лучше еще на одномъ обстоятельствѣ.

Кромѣ урожаевъ, сильное вліяніе на движеніе крестьянскаго скота, нужно думать, оказываютъ и другія обстоятельства, опредѣляющія собою размѣры крестьянскаго бюджета и колебанія въ немъ. Пользуясь данными военно-конскихъ переписей за 1888 и 189³/₄ г., П. А. Вихляевъ даетъ въ своей работѣ нѣсколько группировокъ охваченныхъ этими переписями 220 уѣздовъ, въ цѣляхъ выясненія тѣхъ факторовъ, которые обусловили собою значительное сокращеніе рабочаго скота у крестьянъ въ этотъ періодъ. Группируя уѣзды по размѣрамъ урожая 1891 г. въ нихъ, онъ получилъ такія цифры:

	Группы уѣздовъ.	% убыли лошадей.
I.	Наименьшій урожай	22,0
II.	. . . . .	11,7
III.	. . . . .	8,1
IV.	. . . . .	9,2
V.	. . . . .	8,9
VI.	Наибольшій урожай.	9,7

Наиболѣе сильно недородъ 1891 г. сказался въ первыхъ двухъ группахъ уѣздовъ съ наименьшимъ урожаемъ; разница между остальными группами незначительна, при чемъ въ уѣздахъ даже съ наилучшимъ урожаемъ за этотъ періодъ произошла довольно значительная убыль лошадей. Неблагополучные годы сказались и въ нихъ, хотя при посредствѣ не недобора, а какихъ-то иныхъ факторовъ. Каковы эти послѣдніе мы узнаемъ изъ дальнѣйшихъ группировокъ. Остановимся сначала на тѣхъ, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ крестьянскому земледѣльческому хозяйству.

Группируя уѣзды, съ одной стороны, по размѣрамъ крестьянскаго надѣла, а съ другой, по относительному количеству частновладѣльческой земли въ нихъ, г. Вихляевъ получилъ такія цифры:

Надѣльной земли на дворъ.	% убыли лошадей.	Процентъ частновладѣльческой земли.	% убыли лошадей.
I. 12,1—21,6 дес.	6,2	I. Свыше 50% . . .	4.0
II. 10,1—12,0 »	9,9	II. 41,1—50,0	12,0
III. 9,1—10,0 »	13,6	III. 33,6—41,0	15,4
IV. 5,9— 9,0 »	19,5	IV. До 33,6	16,2

Т. е. убыль крестьянскаго рабочаго скота происходила тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ тѣснѣе земельныя условія крестьянства, т. е.

*) Интересующіеся могутъ найти ихъ собранными въ работѣ П. А. Вихляева: «Очерки изъ русской сельско-хозяйственной дѣйствительности» (Книжки »Хозяина», № 21).

чѣмъ меньше оно имѣетъ собственной земли и чѣмъ менѣе возможна для него аренда и прикупка ея. Эта земельная тѣснота довольно хорошо учитывается арендными и продажными цѣнами на землю. И мы, дѣйствительно, видимъ, что убыль скота оказалась тѣмъ больше, чѣмъ выше земельныя цѣны:

Цѣны на землю за десятину:	% убыли лошадей.
I. До 30 руб.	5,3
II. 30— 50 »	5,5
III. 50—100 »	16,6
IV. св. 100 »	21,2

На ряду съ непосредственными результатами собственнаго земледѣльческаго хозяйства и тѣми условіями, въ которыхъ крестьянамъ приходится вести его, не менѣе сильно въ этомъ случаѣ дѣйствовали и сторонніе ихъ заработки. Если сгруппировать уѣзды на высотѣ заработной платы въ сельскомъ хозяйствѣ, то мы получимъ такія цифры:

Высота заработной платы во время ярового сѣва.	% убыли лошадей.
До 30 коп.	19,2
30—40 »	14,0
Свыше 40 »	6,9

Высота заработной платы въ сельскомъ хозяйствѣ въ значительной мѣрѣ, какъ извѣстно, опредѣляется степенью развитія и характеромъ внѣземледѣльческихъ крестьянскихъ промысловъ. Состояніе послѣднихъ, а, вѣроятно, цѣлый рядъ и другихъ факторовъ также властно сказывались на размѣрахъ крестьянскаго хозяйственнаго капитала и въ особенности такой подвижной его части, какъ скотъ.

Крестьянское хозяйство отражало, такимъ образомъ, на себѣ вліяніе крайне разнообразныхъ внѣшнихъ условій, испытывая подъ ихъ давленіемъ непрестанныя и сильныя колебанія и затрачивая всѣ свои силы, чтобы сохранить какое-нибудь равновѣсіе. Оно не имѣло той внутренней устойчивости, которая освободила бы его отъ вліянія внѣшнихъ условій и случайныхъ событій и открыла бы ему возможность дальнѣйшаго развитія. Пользуясь выраженіемъ г. министра финансовъ, мы можемъ сказать, что крестьянство до сихъ поръ „не упрочило своего хозяйственнаго быта“. И пока этотъ бытъ не будетъ упроченъ, — а для этого нужны широкія коренныя реформы въ условіяхъ крестьянскаго хозяйствованія,—до тѣхъ поръ напрасны будутъ всякія попытки поднять уровень крестьянскаго земледѣлія и народнаго благосостоянія.

Необходимо напомнить, что до сихъ поръ мы имѣли дѣло съ абсолютными цифрами крестьянскаго скота, не принимая во вниманіе соотношенія его съ земельною площадью, рабочими силами

и потребительными нуждами крестьянства. Между тѣмъ, въ то время, какъ количество скота колебалось около одной цифры, обнаруживая даже наклонность къ уменьшенію, посѣвная площадь медленно, число хозяйствъ быстрѣе, а численность населенія и еще быстрѣе увеличивались. Соотношеніе хозяйственнаго капитала съ другими факторами производства и всего хозяйства съ потребностями населенія, которыя оно должно обслуживать, измѣнялось, такимъ образомъ, въ неблагопріятную сторону. Все больше земли оставалось безъ удобренія, больше становилось работниковъ, которымъ не на чемъ было пахать, больше оказывалось дѣтей, которымъ вмѣсто молока приходилось довольствоваться соской. Равновѣсіе семьи и собственнаго земледѣльческаго хозяйства въ крестьянскомъ дворѣ все болѣе и болѣе оказывалось нарушеннымъ, и не только потому, что площадь крестьянскаго землепользованія возростала черезчуръ медленно, но и потому что размѣры хозяйственнаго капитала не увеличивались, а уменьшались.

IX.

Лишенное возможности расширить и развить до необходимыхъ предѣловъ собственное земледѣльческое хозяйство, крестьянство, конечно, искало и ищетъ опоры внѣ его, т. е. въ промыслахъ. Къ сожалѣнію, повторныя данныя о промысловыхъ занятіяхъ крестьянскаго населенія имѣются по очень немногимъ мѣстностямъ, и при томъ почти всѣ они не сравнимы съ соотвѣтствующими данными основныхъ изслѣдованій. О тѣхъ измѣненіяхъ, которыя произошли въ этой сферѣ и въ связи съ ними въ общей организаціи крестьянскихъ хозяйствъ мы не имѣемъ, такимъ образомъ, данныхъ непосредственнаго наблюденія и можемъ о нихъ лишь догадываться на основаніи имѣющихся въ литературѣ косвенныхъ указаній. Между тѣмъ, эти измѣненія, нужно думать, были довольно существенны и чреваты своими послѣдствіями.

Прежде всего, и абсолютное, и относительное число хозяйствъ, заинтересованныхъ въ промыслахъ, а также лицъ, принимающихъ въ нихъ непосредственное участіе, за послѣднія десятилѣтія, нужно думать, увеличилось. Правда, это увеличеніе не было столь значительнымъ, какъ еще недавно думали представители извѣстной доктрины. Во всякомъ случаѣ промышленность, транспортъ и торговля оказались не въ состояніи использовать всѣ вновь подроставшія въ странѣ рабочія силы и накормить всѣхъ вновь нарождавшихся ѣдоковъ.

Въ одномъ изъ изданій министерства финансовъ*) мы находимъ

*) Статистика производствъ, облагаемыхъ акцизомъ и гербовыхъ знаковъ. Спб. 1900.

слѣдующія любопытныя данныя о числѣ видовъ на отлучку, выданныхъ въ 90-е годы:

Въ 1890 году	6.107	тыс.
» 1891 »	6.435	»
» 1892 »	6.562	»
» 1893 »	6.628	»
» 1894 »	6.512	»
» 1895 »	6.964	»
» 1896 »	6.946	»
» 1897 »	9.367	»
» 1898 »	8.113	»

До 1897 г. число видовъ на отлучку, хотя и возростало, однако, сравнительно медленно, въ среднемъ на 140 тыс. въ годъ. Въ 1897 г. цифра выданныхъ паспортовъ сразу поднялась на $2^1/_2$ милліона, но это объясняется, главнымъ образомъ, новымъ закономъ (7 апрѣля 1897 г.) о видахъ на жительство, окончательно отмѣнившимъ паспортный сборъ и, благодаря этому, существенно повліявшимъ на сроки и виды выбираемыхъ населеніемъ паспортовъ, а также заставившимъ значительную категорію лицъ взять паспорта, безъ которыхъ они до того жили, обходясь всякаго рода документами. Въ слѣдующемъ году, хотя пертурбаціонное дѣйствіе новаго закона продолжало еще сказываться, цифра выданныхъ паспортовъ вновь уменьшилась на 1,250 тыс. Цифры за эти два года не могутъ, такимъ образомъ, быть принимаемы въ разсчетъ при изученіи явленій хозяйственной жизни. Данныя же за первые 7 лѣтъ позволяютъ хотя отчасти судить о количествѣ промысловыхъ отлучекъ населенія, а стало быть и о темпѣ развитія важнѣйшей категоріи крестьянскихъ промысловъ, а именно отхожихъ.

90-е годы, къ которымъ относятся приведенныя цифры, отличались, какъ извѣстно, особымъ оживленіемъ въ сферѣ торгово-промышленной дѣятельности. Не смотря на это, число вновь привлекавшихся къ ней лицъ (если даже отождествлять послѣднее съ числомъ наново выбиравшихся паспортовъ) достигало, какъ сказано, всего лишь 140 тыс. въ годъ, тогда какъ общая численность населенія въ 50 только губерніяхъ Европейской Россіи возростала въ это время ежегодно на 1,200 тыс., а число мужчинъ-работниковъ почти на 300 тыс. Не поглощая всего прироста рабочихъ силъ, промыслы развивались, тѣмъ не менѣе, относительно быстрѣе, чѣмъ возростало населеніе. Увеличеніе въ числѣ выбиравшихся паспортовъ по отношенію къ цифрѣ ихъ за 1890 г. составляло въ среднемъ болѣе 2% въ годъ, тогда какъ приростъ населенія равнялся въ эти годы лишь $1^1/_4$%. Такимъ образомъ, процентъ промышленниковъ въ составѣ населенія увеличивался, значеніе промысловъ въ хозяйственной жизни страны возростало.

Принято думать, что эта индустріализація хозяйственной жизни сопровождалась дифференціаціей населенія, отдѣленіемъ промысловой его части отъ сельскохозяйственной. По отношенію къ *лицамъ* такое предположеніе, быть можетъ, и является справедливымъ, но по отношенію къ цѣлымъ *семьямъ*, какъ показываютъ имѣющіяся данныя, его приходится считать въ значительной мѣрѣ ошибочнымъ. Вполнѣ возможно, что связь промышленниковъ съ земледѣліемъ въ смыслѣ личнаго ихъ участія въ послѣднемъ стала слабѣе, но несомнѣнно, что участіе промысловыхъ семей въ земледѣльческомъ производствѣ отнюдь не сдѣлалось рѣже. Напротивъ, можно думать, что число крестьянскихъ дворовъ, а, стало быть, и всѣхъ входящихъ въ ихъ составъ лицъ, одновременно заинтересованныхъ въ земледѣліи и промыслахъ, за послѣднія десятилѣтія замѣтно увеличилось. Даже въ такой мѣстности, какъ Павловскій районъ Горбатовскаго уѣзда, гдѣ численность земледѣльческихъ хозяйствъ осталась почти безъ измѣненія, и гдѣ почти всѣ новыя хозяйства должны были отдать свои силы промысламъ, повторною переписью былъ констатированъ приростъ въ числѣ крестьянскихъ дворовъ, одновременно участвующихъ въ томъ и другомъ видѣ производительной дѣятельности. Процентъ такихъ хозяйствъ съ 59 въ 1889 г. поднялся до 62 въ 1901 г., одновременно съ чѣмъ процентъ исключительно земледѣльческихъ дворовъ уменьшился. Еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ тоже явленіе должно было сказаться въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ на ряду съ развитіемъ промысловыхъ занятій наблюдалось обращеніе къ землѣ хозяйствъ, не занимавшихся ранѣе земледѣліемъ и жившихъ только промыслами.

Отдѣльные крестьянскіе дворы, утрачивая прежній, исключительно земледѣльческій или исключительно промысловый характеръ, дѣлались, такимъ образомъ, сложнѣе. Большей же сложности крестьянскаго двора, какъ мы видѣли, соотвѣтствуетъ большій по своимъ размѣрамъ семейный составъ его. Такимъ образомъ, при прежнихъ и даже уменьшившихся размѣрахъ собственнаго земледѣльческаго хозяйства могло происходить и, какъ показали повторныя переписи, дѣйствительно наблюдалось увеличеніе средней крестьянской семьи. Воздержаніе отъ семейныхъ раздѣловъ для крестьянскаго населенія было тѣмъ необходимѣе, что промыслы очень часто оказывались доступными ему только въ видѣ отхожихъ заработковъ и вообще такихъ профессій, которыя требовали далекой отлучки занятыхъ ими лицъ и дѣлали невозможнымъ участіе ихъ въ земледѣльческомъ производствѣ. Послѣднее должны были вести другіе неотдѣленные члены семьи. Едва ли нужно говорить, что на ряду съ этой причиной, задерживавшей крестьянскіе семейные раздѣлы, должна была дѣйствовать и другая. Невозможность расширить площадь землепользованія и увеличить размѣры основного и оборотнаго капи-

таловъ оказывала, конечно, и непосредственное вліяніе на частоту семейныхъ раздѣловъ. Послѣдніе нерѣдко грозили, по крайней мѣрѣ, одну часть населенія оставить безъ средствъ и орудій земледѣльческаго производства. Между тѣмъ жизнь не только не позволяла бросить земледѣліе тѣмъ, кто занимался имъ, но и заставляла, какъ мы видѣли, возвращаться къ землѣ тѣхъ, кто ранѣе уже оставилъ земледѣльческое производство.

Были, конечно, серьезныя причины, сдѣлавшія невозможнымъ отдѣленіе промысловой части населенія отъ сельскохозяйственной. П. А. Вихляевъ въ качествѣ такихъ причинъ указываетъ на преобладаніе у насъ сезонныхъ работъ въ земледѣліи и промышленности и, въ особенности, на неравномѣрность спроса, какой предъявляетъ послѣдняя на мужской, женскій и дѣтскій трудъ. Стягивая по преимуществу мужчинъ-работниковъ, торговля и промышленность оставляютъ безъ заработка, а при низкой заработной платѣ, какая имѣетъ мѣсто въ нихъ, и безъ пропитанія, значительную часть женщинъ и дѣтей. Чтобы прокормить свои семьи, промышленники должны держать ихъ въ деревнѣ, гдѣ содержаніе ихъ обходится дешевле и гдѣ своимъ участіемъ въ сельскохозяйственномъ производствѣ онѣ могутъ хотя отчасти пополнить размѣры своего скуднаго бюджета. Недаромъ, какъ мы видѣли, въ полномъ составѣ покидаютъ деревню лишь тѣ семьи, въ которыхъ мало дѣтей и женщинъ. „Недаромъ, говоритъ г. Вихляевъ, наши крупные промышленные и торговые центры такъ рѣзко отличаются своимъ демографическимъ составомъ (а именно значительнымъ преобладаніемъ мужчинъ) отъ западно-европейскихъ городовъ и недаромъ въ районахъ наивысшаго отхода почти всѣ земледѣльческія работы лежатъ на плечахъ женщинъ, а мѣстная сельская жизнь характеризуются изслѣдователями, какъ „бабье царство“ *). Тяжкія доли, которыя, по выраженію поэта, легли на женщину русской земли, въ пореформенное время не сдѣлались легче: русской крестьянкѣ приходится теперь выносить на своихъ плечахъ главную тяжесть сельскохозяйственнаго производства, дабы могла существовать семья порабощеннаго капиталомъ промысловаго рабочаго.

Встрѣчаясь все чаще и чаще, все въ большей и большей массѣ крестьянскихъ дворовъ, объединеніе въ одномъ семейномъ союзѣ сельскохозяйственныхъ производителей съ участниками торгово-промышленной дѣятельности, конечно, должно было сказаться серьезными послѣдствіями и внѣ сферы крестьянскихъ семейныхъ отношеній. Хозяйственный бытъ крестьянства въ настоящее время уже нельзя упрочить мѣропріятіями, ограниченными сферой сельскохозяйственнаго производства. Для разрѣшенія крестьянскаго вопроса нужна планомѣрная работа не только въ

*) Очерки изъ русской сельско-хозяйственной дѣйствительности, стр. 25.

деревнѣ, но и въ городѣ, куда крестьяне высылаютъ значительную часть своихъ рабочихъ силъ и откуда получаютъ значительную долю необходимыхъ для жизни рессурсовъ.

Въ связи съ промыслами постепенно измѣнился не только объемъ, но и характеръ крестьянскаго вопроса. Участниками промысловой жизни крестьяне являются въ сущности съ давнихъ поръ. Фактъ такого участія не новъ. Новы размѣры этого участія и, главное, новы формы его. Быстрая капитализація промысловъ, имѣвшая мѣсто въ пореформенное время, радикально измѣнила формы крестьянскаго въ нихъ участія, обративъ домашняго производителя, кустаря, ремесленника, вообще мелкаго самостоятельнаго производителя въ рабочаго, принужденнаго жить продажей своей рабочей силы и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ въ предпринимателя, пользующагося наемнымъ трудомъ. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ статистическихъ сборниковъ, а именно по Вяземскому уѣзду, мы находимъ слѣдующія данныя о соціально-экономическомъ положеніи крестьянъ, занимающихся промыслами:

Изъ 100 лицъ, занимающихся промысломъ.	Среди мужчинъ.	Среди женщинъ.	Вообще.
Рабочихъ	60,6	64,2	61,2
Занятыхъ службою и либеральными профессіями	17,8	28,2	19,4
Кустарей, ремесленниковъ и торговцевъ, не пользующихся наемнымъ трудомъ	21,0	7,5	18,9
Предпринимателей-промышленниковъ и торговцевъ, пользующихся наемнымъ трудомъ	0,6	0,1	0,5

Такимъ образомъ, изъ общаго числа крестьянъ-промышленниковъ болѣе $^3/_5$ промышляютъ продажею своей рабочей силы въ чужія хозяйства, стороннимъ предпринимателямъ. Не чужда такой продажи, конечно, и слѣдующая группа, хотя она прибѣгаетъ къ ней въ нѣсколько иной формѣ. Засимъ лишь $^1/_5$ крестьянъ-промышленниковъ удержала за собой самостоятельное положеніе въ промышленной сферѣ. Впрочемъ, и среди кустарей найдется, вѣроятно, не мало лицъ, сохранившихъ лишь по видимости свою самостоятельность, въ дѣйствительности же низведенныхъ изобрѣтательнымъ капиталомъ на уровень простыхъ рабочихъ, получающихъ только заработную плату. Таково соціально-экономическое положеніе крестьянъ-промышленниковъ въ Вяземскомъ, издавна промысловомъ уѣздѣ. Въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе позднѣе обратилось къ промысламъ и уже въ силу этого должно довольствоваться менѣе прибыльными заработками, процентъ рабочихъ въ составѣ промышленниковъ долженъ быть

еще выше. Такимъ образомъ, являясь въ деревнѣ собственникомъ земледѣльческаго предпріятія, на промысловомъ рынкѣ крестьянинъ выступаетъ чаще всего въ чужомъ хозяйствѣ въ видѣ рабочаго, получающаго лишь часть производимыхъ имъ продуктовъ.

Эта двойственность соціальнаго положенія при данныхъ экономическихъ условіяхъ имѣетъ для крестьянскаго населенія роковой характеръ. Если бы собственное земледѣльческое хозяйство у крестьянъ стояло совершенно прочно и имѣло возможность дальнѣйшаго развитія, то крестьяне-промышленники могли бы имѣть въ немъ опору для улучшенія своего положенія на промысловомъ рынкѣ. Они имѣли бы возможность настаивать на высшей заработной платѣ и даже претендовать, какъ собственники, на нѣкоторую долю прибавочной стоимости, равную той, какую даютъ имъ собственныя предпріятія. Но едва поддерживаемое и лишенное возможности дальнѣйшаго развитія собственное крестьянское хозяйство служить такой опорой не можетъ. Крестьяне-промышленники слишкомъ безсильны, чтобы диктовать свои условія на промысловомъ рынкѣ,—они безпрекословно подчиняются тѣмъ, какія предлагаютъ имъ наниматели. Больше того. Размѣры заработной платы, какую крестьянинъ можетъ получить въ чужомъ хозяйствѣ, опредѣляютъ въ конечномъ счетѣ доходность и собственнаго его предпріятія. Вопросы хозяйственнаго разсчета встаютъ предъ нимъ въ видѣ суровыхъ дилеммъ, рѣшая которыя онъ долженъ поступиться всѣми выгодами собственника. Онъ долженъ или распахивать мало-удобные клочки земли или, бросивъ уже имѣющіяся полосы, идти на фабрику. Пользуясь тѣмъ, что мужику иначе, какъ въ батраки, податься некуда, сосѣдній землевладѣлецъ смѣло можетъ повышать арендную плату. Пользуясь тѣмъ же стѣсненнымъ положеніемъ, купецъ назначаетъ цѣну на продукты съ такимъ разсчетомъ, чтобы мужику досталось не больше, чѣмъ онъ можетъ заработать на поденщинѣ. Тѣмъ или инымъ путемъ прибавочный продуктъ ускользаетъ изъ крестьянскихъ рукъ. Претенденты на крестьянскую земельную и предпринимательскую ренту могутъ идти и дальше, посягая даже на заработную плату, въ надеждѣ, что мужикъ не сразу сознаетъ невыгоды собственнаго хозяйства и не сразу рѣшитъ бросить домъ и родину, чтобы хоть ее удержать на нормальномъ уровнѣ. При томъ же и этотъ выходъ, при ограниченности спроса на мужицкій трудъ и въ особенности на трудъ его жены и дѣтей, не всегда для него возможенъ. Въ особой статьѣ *) мы имѣли случай на цифрахъ показать, что при настоящихъ условіяхъ доходы отъ собственнаго хозяйства и промысловые заработки являются по отношенію другъ къ другу ариѳметическимъ дополненіемъ лишь до уровня заработной платы. Сложный ком-

*) См. «Крестьяне и рабочіе въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ». Р. Б. 1898 г.

плексъ экономическихъ условій, въ которыхъ протекаетъ жизнь современнаго крестьянина, и прежде всего цѣны на землю, продукты и трудъ властно лишаютъ его выгодъ собственника и заставляютъ довольствоваться положеніемъ рабочаго. Чѣмъ тѣснѣе земельныя условія, чѣмъ меньше у крестьянъ возможности улучшить свое хозяйство въ смыслѣ дальнѣйшей его интенсификаціи, чѣмъ обязательнѣе для нихъ участіе въ промыслахъ и чѣмъ быстрѣе капитализируются послѣдніе, тѣмъ все больше и больше крестьянскій вопросъ обращается въ вопросъ рабочій.

Въ качествѣ таковаго онъ не можетъ быть разрѣшенъ въ предѣлахъ собственнаго хозяйства крестьянъ. Напрасны поэтому надежды, что какія бы то ни было агрономическія улучшенія могутъ упрочить хозяйственное положеніе крестьянской массы. Допустимъ, что при извѣстной изобрѣтательности возможно даже усовершенствовать съ технической стороны крестьянское хозяйство. Но всѣ такія усовершенствованія будутъ непрочны и пройдутъ безслѣдно въ жизни крестьянства. Все, что принесутъ ему съ собою плугъ, искусственное удобреніе, плодоперемѣнная система и т. д.—все будетъ отобрано у него другими классами, путемъ-ли дальнѣйшаго повышенія арендныхъ и продажныхъ цѣнъ, посредствомъ-ли соотвѣтствующей расцѣнки продуктовъ или, наконецъ, путемъ пониженія заработной платы, какую оно получаетъ при работахъ въ чужихъ хозяйствахъ. Мы уже не говоримъ о налоговой системѣ, являющейся могучимъ средствомъ для обслуживанія тѣхъ же классовыхъ и обще-государственныхъ интересовъ за крестьянскій счетъ. Для разрѣшенія крестьянскаго вопроса, какъ вопроса рабочаго, необходимо государственное вмѣшательство въ отношенія крестьянскихъ хозяйствъ къ другимъ собственникамъ, вмѣшательство въ между-классовыя отношенія страны и при томъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ рукахъ трудящихся оставались, если не всѣ, то возможно большія доли производимыхъ ими продуктовъ. Крестьянина нужно вновь сдѣлать собственникомъ въ его хозяйствѣ и для этого прежде всякихъ агрономическихъ улучшеній необходимо ослабить вліяніе тѣхъ факторовъ, посредствомъ которыхъ экспроріируются крестьянскіе избытки въ пользу государства и правящихъ классовъ. Только какъ собственникъ, крестьянинъ можетъ собрать запасы, необходимые на случай какихъ-либо несчастныхъ событій, вродѣ несвоевременнаго появленія тучъ на небѣ; только за счетъ прибавочнаго продукта можетъ происходить наростаніе капитала въ крестьянскомъ хозяйствѣ, безъ котораго невозможна дальнѣйшая его интенсификація. Рабочему же необходимо предоставить всяческую возможность и поддержку въ его неизбѣжной борьбѣ съ удачниками промышленной жизни.

Интересы крестьянъ и рабочихъ съ этой точки зрѣнія вполнѣ совпадаютъ. Все, что будетъ сдѣлано для крестьянина, улучшитъ

положеніе рабочаго; все, чего добьется рабочій, благотворно отразится на крестьянскомъ хозяйствѣ. Доходъ одного и заработокъ другого поступаютъ въ значительномъ числѣ случаевъ въ общую семейную кассу. Но и помимо этого, условія, въ которыхъ находится крестьянское хозяйство, не безразличны для городского рабочаго. Чѣмъ прочнѣе станетъ оно, тѣмъ менѣе обнищалая теперь деревня будетъ давить и угнетать промысловой рынокъ. И наоборотъ, чѣмъ выше будетъ заработная плата, тѣмъ свободнѣе будетъ крестьянинъ въ своихъ хозяйственныхъ разсчетахъ.

X.

Чтобы рельефнѣе отмѣтить значеніе высказанныхъ въ предыдущей главѣ мыслей о тѣсной связи земледѣльческаго хозяйства крестьянъ съ промысловыми ихъ занятіями и о невозможности упрочить хозяйственный бытъ крестьянской массы внѣ опредѣленныхъ соціально-экономическихъ реформъ, не лишнимъ представляется прослѣдить хозяйственныя судьбы одной изъ группъ крестьянскаго населенія, отличающейся отъ остальной массы своимъ соціально-экономическимъ положеніемъ. Выше нами было указано, что нѣкоторымъ крестьянамъ удалось сохранить самостоятельное положеніе въ промыслахъ. Имъ удалось, такимъ образомъ, избѣгнуть той двойственности соціальнаго существованія, которая сказалась роковыми послѣдствіями для остальнаго крестьянства.

Если выдѣлить такого рода хозяйства и сравнить экономическое положеніе ихъ съ положеніемъ всѣхъ остальныхъ группъ, то съ очевидностью обнаружатся преимущества, какими пользуются они даже при настоящихъ условіяхъ. Такъ по двумъ уѣздамъ Воронежской губерніи мы имѣемъ такія цифры:

	Въ хозяйств. съ торгово-промышлен. заведеніями и промысл.	Въ остальныхъ хозяйствахъ.
Приходится душъ на семью	11,1	7,3
Земли на хозяйство:		
собственной, десят.	21,3	13,3
арендованной, десят.	6,1	1,4
Арендная плата за десятину (руб.)	8,2	9,9
Головъ крупн. скота на хозяйство	9,0	4,8
Расходъ деньгами на хозяйств. надобн. (въ рубл.).	119,0	47,0
% хозяйствъ съ садами.	42,0	31,1
% » » пчелами.	24,1	6,5

	Въ хозяйств. съ торгово-промышлен. заведеніями и промысл.	Въ остальныхъ хозяйствахъ.
Доходъ отъ промышл. завед. на хозяйство (руб.)	131,1	0,4 *)
% лицъ, служащихъ батраками	0,4	1,7
Средній заработокъ батрака	35,0	31,0
% лицъ, занимающихся другими промыслами (внѣ своихъ заведеній)	7,3	13,7
Средній заработокъ промышленника (руб.)	38,0	28,0

Крестьянскіе дворы съ собственными торгово-промышленными предпріятіями имѣютъ болѣе обширное и болѣе развитое земледѣльческое хозяйство. Они располагаютъ значительно большимъ количествомъ собственной земли и въ тоже время успѣваютъ сосредоточить въ своихъ рукахъ относительно большую площадь изъ арендного фонда, чѣмъ остальное населеніе. Они несравненно богаче скотомъ и денежными оборотными средствами. Ихъ сельскохозяйственное производство разнообразнѣе, у нихъ чаще встрѣчаются сады и пчелы. Получая, несомнѣнно, значительно высшій доходъ отъ значительнаго производства, чѣмъ остальные крестьяне, и пользуясь въ тоже время значительными доходами отъ собственныхъ промышленныхъ заведеній, они имѣютъ возможность меньше лицъ высылать на другіе промыслы и, въ особенности, для такихъ скудно оплачиваемыхъ профессій, какъ сельскохозяйственное батрачество. Въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ хозяйствамъ и другимъ классамъ они пользуются несравненно лучшимъ положеніемъ, чѣмъ рядовое крестьянство: за арендуемую землю они платятъ меньшую цѣну, отпускаемые ими промышленники и даже батраки получаютъ высшую заработную плату.

Крестьянскія хозяйства съ торгово-промышленными заведеніями нельзя считать полными собственниками, совершенно независимыми отъ рабочаго рынка. Какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, и имъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ изъ нихъ, приходится отпускать часть своихъ рабочихъ силъ на сторону, для работъ въ чужихъ хозяйствахъ. Но уже то обстоятельство, что продажа рабочей силы для нихъ менѣе необходима и они могутъ отчуждать ее въ меньшихъ размѣрахъ, ставитъ ихъ въ несравненно лучшее положеніе, чѣмъ въ какомъ находятся остальные крестьяне. Если бы была возможность выдѣлить крестьянскіе дворы, совершенно свободные отъ необходимости работать

*) Этотъ доходъ получается въ хозяйствахъ, имѣющихъ доли въ промышленныхъ заведеніяхъ.

въ чужихъ предпріятіяхъ, то мы, вѣроятно, получили бы еще болѣе рельефныя цифры.

Однородныя, хотя и менѣе обильныя данныя мы имѣемъ еще по Вяземскому уѣзду Смоленской губ. *) и при томъ за два момента, раздѣленныхъ 16-лѣтнимъ промежуткомъ времени. И въ этомъ уѣздѣ экономическое положеніе владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій несравненно лучше, чѣмъ вообще крестьянства. Такъ по разсчету на дворъ приходилось:

	Въ 1884 году.		Въ 1900 году.	
	У владѣльцевъ крестьянскаго населенія.	У владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій.	У всего крестьянскаго населенія.	У владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій.
Душъ обоего пола	5,9	7,8	6,2	8,6
Земли десятинъ:				
надѣльной	8,8	10,7	6,4	9,4
купчей	0,8	1,2	2,3	5,6
арендован	1,4	3,1	2,8	5,4
Лошадей	1,5	2,3	1,5	2,3
Коровъ	1,6	2,6	1,6	2,5

Изъ этого видно, что явленіе, которое вскрыли передъ нами воронежскія, данныя не представляетъ какого-либо географическаго или хронологическаго исключенія. Большіе размѣры земледѣльческаго хозяйства и повышенный уровень благосостоянія, свойственные крестьянскимъ хозяйствамъ, сохранившимъ экономическую самостоятельность въ торгово-промышленной сферѣ, были констатированы въ различныхъ мѣстностяхъ и въ разные годы. Данныя по Вяземскому уѣзду за 1900 годъ содержатъ также прямыя указанія на болѣе совершенный съ технической точки зрѣнія характеръ земледѣльческаго хозяйства у промышленниковъ сравнительно съ остальнымъ населеніемъ. Такъ на 100 дворовъ приходится усовершенствованныхъ орудій:

	Въ хозяйствахъ.	
	Съ промышленными заведеніями.	Безъ заведеній.
Плуговъ	201	115
Льномялокъ	54	27
Вѣялокъ	34	8

*) Мелкая сельская промышленность Вяземскаго у. Оттискъ изъ матеріаловъ по оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ. Смоленскъ 1902 г.

Повторный характеръ и детальная разработка данныхъ по Вяземскому уѣзду позволяютъ намъ пойти нѣсколько дальше и посмотрѣть, какъ измѣнялось экономическое положеніе всего крестьянства и, въ частности, тѣхъ хозяйствъ, которыя имѣютъ промышленныя заведенія. Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что разница между промысловыми и непромысловыми дворами, по отношенію къ размѣрамъ земельной площади, находящейся въ ихъ пользованіи, сдѣлалась за 16 лѣтъ больше, а по отношенію къ количеству скота — осталась прежней. Необходимо, однако, имѣть въ виду, что данныя 1884 и 1900 гг. относятся въ сущности не къ однимъ и тѣмъ же хозяйствамъ. Нѣкоторые дворы, имѣвшіе промышленныя заведенія въ 1884 г., утратили ихъ, другіе, неимѣвшіе,—пріобрѣли. Если принять во вниманіе это обстоятельство и сравнить одни и тѣ же дворы за оба года, то мы получимъ такія цифры:

	Всей земли десятинъ на дворъ.		Отношеніе.	
	1884 г.	1900 г.	1884 г.	1900 г.
У всего населенія	11,0	11,5	100	100
Въ хозяйствахъ, потерявшихъ пром. заведенія	13,7	13,5	125	117
Въ хозяйствахъ, пріобрѣвшихъ ихъ	15,2	19,6	138	170
» » имѣвшихъ и сохранившихъ ихъ.	16,9	21,9	154	190

Наиболѣе рѣзко выдѣляется изъ остальной массы размѣрами своего земледѣльческаго хозяйства послѣдняя группа дворовъ, т. е. имѣвшихъ и сохранившихъ промышленныя заведенія. Разница между ними и остальными дворами за 16 лѣтъ сдѣлалась значительно больше: въ то время, какъ въ среднемъ количество земли, приходящейся на одинъ дворъ, увеличилось на полъ-десятины, въ этой группѣ оно увеличилось на 5 десятинъ. По разсчету на душу мы имѣемъ такія цифры:

	Земли десятинъ.	
	1884 г.	1900 г.
У всего населенія	1,87	1,85
Въ хозяйствахъ, имѣвшихъ заведенія и сохранившихъ ихъ . .	2,09	2,55

Т. е. въ то время, какъ у всего населенія количество земли по разсчету на ѣдока нѣсколько уменьшилось, въ хозяйствахъ съ промышленными заведеніями оно значительно увеличилось (болѣе, чѣмъ на 20%). Такимъ образомъ, экономическое положеніе послѣднихъ, поскольку оно опредѣляется площадью землепользованія, измѣнялось въ иную сторону и надъ ними имѣли менѣе власти тѣ земельныя условія, въ которыхъ протекала хозяйственная дѣятельность остального крестьянства.

Цифры предыдущей таблички отмѣчаютъ еще одно любопытное явленіе. Въ хозяйствахъ, потерявшихъ за послѣднее время

промышленныя заведенія, уже 16 лѣтъ тому назадъ размѣры земельнаго хозяйства, хотя и превосходили средніе размѣры по уѣзду, были значительно ниже, чѣмъ въ другихъ дворахъ съ промышленными заведеніями. Въ промежуткѣ между переписями площадь ихъ землепользованія еще уменьшилась и приблизилась къ средней по уѣзду. Съ другой стороны, дворы, пріобрѣвшіе промышленныя заведенія, уже въ 1884 г. выдѣлялись значительными размѣрами своей земельной площади, которая къ 1900 г. еще замѣтно прибавилась. Такимъ образомъ, утрата промышленныхъ заведеній была какъ бы обусловлена недостаточными размѣрами земельнаго хозяйства, а пріобрѣтенію ихъ, напротивъ, предшествовало расширеніе послѣдняго. Изъ этого слѣдуетъ, что не только положеніе крестьянскаго двора въ промыслахъ вліяетъ на размѣры его сельскохозяйственнаго производства, но и, наоборотъ, большая или меньшая устойчивость земледѣльческаго хозяйства опредѣляетъ промысловую судьбу его собственника.

Само собой понятно, что послѣдній выводъ, иллюстраціи къ которому и составляли задачу настоящей главы, имѣетъ не абсолютное, а относительное значеніе. Самостоятельное положеніе въ промыслахъ можетъ ослабить для отдѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ значеніе общихъ неблагопріятныхъ условій, въ которыхъ приходится вести земледѣльческое хозяйство, но не можетъ радикально измѣнить ихъ. Являясь ничтожнымъ меньшинствомъ, такіе дворы безсильны существенно повліять, напримѣръ, на арендныя цѣны, общій уровень которыхъ опредѣляется экономическимъ положеніемъ всей массы населенія; они могутъ лишь воспользоваться наиболѣе выгодными въ нихъ колебаніями, какія встрѣчаются въ данной мѣстности, но выгодными лишь относительно и въ ограниченныхъ предѣлахъ. Отдѣльныя хозяйства не въ состояніи также парализовать дѣйствіе общей финансово-экономической политики, обусловливающей крайне невыгодную для земледѣльческаго населенія расцѣнку продуктовъ. Не могутъ они избѣгнуть вліянія и налоговой системы. Такимъ образомъ, наличность собственнаго торгово-промышленнаго предпріятія еще не гарантируетъ крестьянину нормальныхъ условій для веденія земледѣльческаго хозяйства и возможности безостановочнаго его развитія. Въ этомъ, можетъ быть, нужно видѣть причину, почему въ томъ же Вяземскомъ уѣздѣ промысловые дворы, значительно расширившіе свою земельную площадь, оказались не въ состояніи, какъ и остальное крестьянство, увеличить количество своего скота.

Съ другой стороны, поддержка, какую владѣлецъ промышленнаго предпріятія находитъ въ своемъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, далеко не вполнѣ застраховываетъ его отъ тѣхъ неблагопріятныхъ условій, какія онъ можетъ встрѣтить въ промышлен-

ной сферѣ. Среди такихъ условій наиболѣе общимъ и наиболѣе пагубнымъ для крестьянской промышленности явилась капитализація промысловъ. Исторія хозяйственной жизни страны за послѣднія десятилѣтія была наполнена борьбой фабрики съ кустаремъ и другими мелкими промышленниками. Находя поддержку въ своемъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, послѣдніе вели ее съ упорствомъ и успѣли затянуть на долгій срокъ, но при данныхъ условіяхъ они не могли и не могутъ выйти изъ нея побѣдителями. Между тѣмъ, отстаивая себѣ самостоятельное положеніе въ промышленности, кустари и другіе промышленники изъ крестьянъ значительную долю необходимыхъ для этого силъ и средствъ черпали изъ своего земледѣльческаго хозяйства, истощая послѣднее. Данныя по Вяземскому уѣзду представляютъ намъ возможность на цифрахъ прослѣдить это вліяніе общихъ промысловыхъ условій на отдѣльныя крестьянскія хозяйства. Возьмемъ три промысла, изъ которыхъ первый—кузнечный—принадлежитъ, по мнѣнію изслѣдователей, „къ самымъ прочнымъ видамъ сельской промышленности Вяземскаго уѣзда", другой — волночесный—занимаетъ колеблющееся положеніе и, наконецъ, третій—синильный или красильный,—безусловно падающій. Сравнивая экономическое положеніе владѣльцевъ соотвѣтствующихъ промышленныхъ предпріятій за разные (1884 и 1900) годы, мы получимъ такія цифры:

	Прибыль (+) или убыль (—) по разсчету на дворъ въ %%.			
	Населенія.	Земли.	Лошадей.	Коровъ.
У кузнецовъ	+5,5	+39	+13	+16
» волночесовъ	+6,0	+23	—13	—21
» красильщиковъ . . .	—9,8	—13	—38	—24

Кузнецы, не угрожаемые кризисомъ, замѣтно упрочили свое хозяйственное положеніе. У волночесовъ, промыселъ которыхъ, хотя и продолжаетъ количественно расти, но, благодаря вмѣшательству капитала, реорганизуется на новыхъ началахъ, семейный составъ и земельная площадь увеличились, но количество скота обнаружило значительную убыль. Наконецъ, у красильщиковъ, переживающихъ, благодаря вытѣсненію домашнихъ тканей фабричнымъ ситцемъ, тяжелый кризисъ, всѣ признаки хозяйственнаго благополучія рѣзко понизились.

Такимъ образомъ, хотя въ составѣ крестьянскаго населенія и имѣется небольшая группа производителей, пользующихся повышеннымъ достаткомъ *), однако, и ея хозяйственное положеніе,

*) Нѣкоторое количество такихъ хозяйствъ можно встрѣтить и среди исключительно земледѣльческихъ крестьянскихъ дворовъ. Мы сочли, однако, возможнымъ не останавливаться на этой группѣ производителей, такъ какъ хозяйственное положеніе ихъ представляется во всякомъ случаѣ менѣе проч-

при настоящихъ общихъ условіяхъ, нельзя считать прочнымъ. Быстрая капитализація промысловъ, поощряемая при томъ государственной властью и не встрѣчающая противовѣса въ коопераціяхъ и союзахъ, ставитъ мелкихъ предпринимателей все въ болѣе и болѣе тяжелыя условія. Съ другой стороны, явно ненормальныя условія земледѣльческаго хозяйства въ большей или меньшей степени сказываются на всѣхъ сельскохозяйственныхъ предпріятіяхъ, а, стало быть, и на предпріятіяхъ владѣльцевъ промышленныхъ заведеній. Хозяйственное положеніе послѣднихъ, такимъ образомъ, легко можетъ быть поколеблено и со стороны ихъ промысла, и со стороны ихъ земледѣлія. Тѣмъ или инымъ путемъ болѣе сильные классы легко могутъ добраться до производимаго ими прибавочнаго продукта и экспропріировать его въ свою пользу.

Въ жизни и происходитъ, нужно думать, этотъ процессъ постепеннаго превращенія немногихъ остающихся крестьянъ-собственниковъ въ фиктивныхъ хозяевъ, т. е. въ замаскированныхъ рабочихъ. По отношенію къ крестьянамъ, какъ сельскохозяйственнымъ производителямъ, имѣющіяся данныя позволяютъ это апріорное предположеніе подкрѣпить фактическими данными.

XI.

Выпуклое положеніе, которое занимаютъ хозяйства, подобныя описаннымъ въ предыдущей главѣ, давно уже обратило на себя вниманіе изслѣдователей; на ряду же съ наличностью хозяйства батрацкаго типа и вообще крайнею разнородностью крестьянскихъ дворовъ со стороны ихъ хозяйственной мощи и экономическаго достатка—привело къ убѣжденію въ дифференцированномъ состояніи общей массы ихъ. Послѣднее можно считать въ настоящее время за доказанный и общепринятый фактъ. Ни одинъ изслѣдователь, ни одинъ публицистъ, ни одинъ общественный дѣятель не станетъ теперь разсматривать крестьянство, какъ однородную массу. Къ сожалѣнію, этотъ несомнѣнный фактъ въ послѣдніе годы все чаще и чаще сталъ получать себѣ предвзятое и далеко необоснованное истолкованіе. Распространяя на

нымъ, чѣмъ положеніе владѣльцевъ промышленныхъ заведеній, ведущихъ въ то же время земледѣльческое хозяйство. При томъ же исключительно земледѣльческіе дворы съ обширнымъ и достаточно развитымъ хозяйствомъ встрѣчаются въ настоящее время сравнительно рѣдко и, какъ увидитъ читатель изъ слѣдующей главы, число ихъ съ каждымъ годомъ быстро уменьшается. Въ составѣ крестьянскаго населенія имѣется еще группа, занимающая исключительное положеніе. Мы имѣемъ въ виду кулацкія или торгово-ростовщическія хозяйства. Къ сожалѣнію, имѣющіяся данныя совершенно недостаточны для изученія ихъ хозяйственной эволюціи.

крестьянское хозяйство добытыя наукой данныя объ эволюціи иныхъ соціально-экономическихъ формъ, нѣкоторые ученые и публицисты стали разсматривать и изображать дифференцированное *состояніе* крестьянской массы, какъ *процессъ* дифференціаціи или разслоенія его и при томъ на совершенно иные классы. Съ особою послѣдовательностью и даже съ нѣкоторымъ азартомъ такую точку зрѣнія проводили въ своихъ работахъ представители экономическаго матеріализма и именно та группа ихъ, которая сдѣлалась извѣстна подъ именемъ „русскихъ учениковъ" Маркса. „Старое крестьянство,—говоритъ одинъ изъ нихъ,—совершенно разрушается, перестаетъ существовать, вытѣсняется новыми типами сельскаго населенія,—типами, которые являются базисомъ общества съ господствующимъ товарнымъ хозяйствомъ и капиталистическимъ производствомъ. Эти типы,—сельская буржуазія и сельскій пролетаріатъ, классъ товаропроизводителей въ земледѣліи и классъ сельскохозяйственныхъ наемныхъ рабочихъ" *). Въ этой цитатѣ говорится лишь о разслоеніи сельскохозяйственныхъ производителей, но съ неменьшей энергіей представители названной доктрины настаивали и на другомъ разслоеніи крестьянства—на отдѣленіи сельскохозяйственной его части отъ промысловой, на ошибочность какового утвержденія намъ уже пришлось указать выше. Проводившаяся „русскими учениками" точка зрѣнія, получила довольно широкое распространеніе въ обществѣ. Въ настоящее время ссылки на происходящее, а по мнѣнію нѣкоторыхъ, чуть-ли не завершившееся разслоеніе крестьянства на классы, и при томъ какъ на несомнѣнный фактъ, приходится встрѣчать очень часто. При посредствѣ этой точки зрѣнія была сдѣлана даже извѣстная попытка оправдать общее направленіе финансово-экономической политики и представить въ благопріятномъ свѣтѣ ея результаты.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ первой статьѣ своей по крестьянскому вопросу **), мы напоминали, что разслоеніе крестьянства, въ только-что изложенномъ его пониманіи, не можетъ считаться за доказанный фактъ, и указывали на возможность совершенно иного его истолкованія. Въ настоящее время, когда въ нашемъ распоряженіи имѣются матеріалы повторныхъ переписей, мы можемъ говорить объ этомъ вопросѣ съ гораздо бо́льшей опредѣленностью.

При тѣсной связи въ крестьянскомъ дворѣ семьи и хозяйства, дифференцированное до извѣстной степени состояніе крестьянской массы представляется естественнымъ и неизбѣжнымъ.

---

*) Ильинъ. «Развитіе капитализма въ Россіи».

**) См. «Къ вопросу о роли собирателей земли въ русскомъ земледѣльческомъ производствѣ». Р. Б. 1897 г. № 7.

Большей по численности семьѣ соотвѣтствуетъ, какъ мы видѣли, болѣе обширное по своимъ размѣрамъ и болѣе сложное по своей организаціи хозяйство. Такъ какъ отдѣльныя семьи, въ силу физіологическихъ и экономическихъ факторовъ, далеко не одинаковы по своему численному, половому и возрастному составу, то и принадлежащія имъ хозяйства должны быть различны по своимъ размѣрамъ и организаціи. Эта основная причина дифференцированнаго состоянія крестьянства не обусловливаетъ, однако, разслоенія его на противоположные, по своимъ признакамъ, классы. Напротивъ, въ силу той же тѣсной связи между семьей и хозяйствомъ, крестьянскимъ дворамъ свойственно, какъ мы видѣли, тяготѣніе къ нѣкоторому, среднему для всѣхъ нихъ, семейному уровню, каковое тяготѣніе и осуществляется при посредствѣ такихъ процессовъ, какъ семейные раздѣлы, обмираніе, выселеніе и т. п. Анализируя основныя свойства крестьянства, какъ особой формы соціальныхъ отношеній, мы не нашли среди нихъ такихъ, которыя вели бы къ его разложенію.

Дифференцированное состояніе крестьянской массы обусловлено, однако, отнюдь не одними семейными различіями. Еще большее, быть можетъ, значеніе имѣли въ этомъ случаѣ тѣ условія, въ которыя съ самаго начала были поставлены крестьянскія хозяйства или которыя получили по отношенію къ нимъ силу въ дальнѣйшее время. Эти условія были далеко не одинаковы для отдѣльныхъ группъ крестьянскаго населенія. Такъ, одни крестьяне получили больше надѣльной земли, другіе меньше; у однихъ земля была плодороднѣе, чѣмъ у другихъ; возможность расширенія площади землепользованія путемъ аренды или покупки также была неодинакова въ различныхъ мѣстностяхъ и т. д. Громадное вліяніе этихъ внѣшнихъ условій на группировку крестьянскихъ хозяйствъ много разъ уже указывалось изслѣдователями. Мы позволимъ себѣ иллюстрировать его слѣдующими цифровыми данными по Воронежской губерніи.

% хозяйствъ:	Въ селеніяхъ, имѣющихъ на дворъ земли: до 5 дес.	свыше 15 дес.
Безземельныхъ	8,2	3,5
Имѣющихъ до 5 дес.	82,3	5,2
« 5—15 «	9.0	37,9
« 15—25 «	0,3	33,1
« свыше 25 «	0,2	20,3

Въ селеніяхъ съ разнымъ надѣломъ группировка крестьянскихъ хозяйствъ по количеству надѣльной земли оказывается совершенно различной. Такимъ образомъ дифференцированное состояніе общей массы крестьянскихъ хозяйствъ въ значительной своей части должно быть поставлено на счетъ различій въ пер-

воначальныхъ географическихъ, поразрядныхъ и т. д. условіяхъ, въ которыхъ они должны были функціонировать.

Идя дальше, съ извѣстною вѣроятностью можно допустить, что и вновь возникшія условія, въ которыхъ крестьяне должны были вести земледѣльческое производство, начали сказываться въ разное время и имѣли неодинаковую силу для различныхъ хозяйственныхъ группъ. Всѣ послѣдствія земельной тѣсноты, напримѣръ, въ однѣхъ мѣстностяхъ могли обнаружиться раньше, чѣмъ въ другихъ; необходимость искать заработка въ чужихъ хозяйствахъ однѣми группами населенія стала ощущаться раньше и сильнѣе, чѣмъ другими и т. д. Вмѣстѣ съ этимъ различія въ размѣрахъ и организаціи отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ могли становиться больше и рельефнѣе.

Легко, однако, понять, что обусловленное указанными причинами дифференцированное состояніе крестьянской массы и даже усиленіе въ ея средѣ семейныхъ, хозяйственныхъ и имущественныхъ неравенствъ, отнюдь не равнозначуще еще съ тѣмъ разслоеніемъ на противоположные классы, на которомъ настаиваютъ, какъ мы видѣли, „русскіе ученики“ Маркса. Чтобы признать послѣднее, необходимо допустить, что въ силу внутреннихъ особенностей крестьянскаго хозяйства или внѣшнихъ условій, въ которыхъ оно находилось, хозяйственная эволюція различныхъ группъ крестьянскаго населенія не только по темпу, но и по характеру была существенно различна. A priori можно, конечно, предполагать, что уменьшеніе, напримѣръ, среднихъ размѣровъ крестьянскаго хозяйства сопровождалось особенно быстрымъ мельчаніемъ однихъ хозяйственныхъ предпріятій и наростаніемъ другихъ, а увеличеніе среднихъ размѣровъ крестьянской семьи сопровождалось такимъ же расхожденіемъ крестьянскихъ дворовъ и по семейному ихъ составу. Можно даже предполагать, что въ конечномъ счетѣ въ однихъ крестьянскихъ дворахъ оказались многодушныя семьи, въ другихъ—наиболѣе обширныя и развитыя хозяйства. Если бы такія предположенія оказались справедливыми, если бы отдѣльныя группы крестьянскихъ дворовъ развивались въ разныхъ направленіяхъ, при чемъ связь между семьей и хозяйствомъ оказалась бы въ нихъ исчезнувшей, то, конечно, необходимо было бы признать „разрушеніе“ крестьянства, разслоеніе его на классы съ противоположными интересами и совершенно уже иными, чѣмъ крестьянство, признаками. Видимымъ показателемъ такого разслоенія было бы уменьшеніе численности среднихъ группъ и возрастаніе за счетъ ихъ крайнихъ.

Имѣющіяся въ настоящее время фактическія данныя отнюдь не оправдываютъ, однако, подобныхъ предположеній. Измѣненія, происходившія въ группировкѣ крестьянскихъ хозяйствъ, имѣли совершенно иной характеръ. Такъ, напримѣръ, если мы сравнимъ

по Новоладожскому уѣзду группировку крестьянскихъ дворовъ по числу входившихъ въ ихъ составъ душъ во время первой и второй переписей, то увидимъ, что одновременно съ увеличеніемъ среднихъ размѣровъ семьи (на 2%) произошло замѣтное передвиженіе дворовъ изъ низшихъ группъ въ высшія:

% семей, состоявшихъ:	1882 г.		1894 г.	
Изъ 1 ѣдока	4,2	16,0	2,5	11,7
» 2 ѣдоковъ	11,8		9,2	
» 3—5 »	39,1	77,2	40,8	76,5
» 6—8 »	38,1		35,7	
» 9—11 »	5.9	6,8	10,2	11,8
Свыше 11 »	0,9		1,6	

Въ Дорогобужскомъ уѣздѣ увеличеніе средней семьи на 9,5% сказалось слѣдующимъ значительнымъ передвиженіемъ хозяйствъ по степени обезпеченія ихъ рабочей силой:

Число хозяйствъ безъ работника	уменьшилось	на	36,2%	
» » съ 1 работникомъ	»	»	11.1%	—0,2%
» » » 2 работниками	увеличилось	»	17,6%	
» » » 3 и болѣе раб.	»	»	54,4%	

Такимъ образомъ, незначительное на первый взглядъ увеличеніе среднихъ размѣровъ семьи сказалось въ томъ и другомъ уѣздѣ на положеніи цѣлой массы крестьянскихъ дворовъ. Въ результатѣ этого движенія наиболѣе рѣзко измѣнилась численность крайнихъ группъ въ то время, какъ численность среднихъ осталась почти прежней. Изъ этого слѣдуетъ, что передвиженіе происходило въ одномъ направленіи,—въ томъ же, въ какомъ измѣнялись и средніе размѣры крестьянской семьи. Во всякомъ случаѣ, если и было какое-либо движеніе въ обратномъ направленіи или отъ средины къ краямъ, то оно не оставило замѣтныхъ слѣдовъ на группировкѣ крестьянскихъ дворовъ.

Не менѣе характерныя измѣненія происходили тоже въ группировкѣ крестьянскихъ хозяйствъ по ихъ размѣрамъ. Уменьшеніе средняго количества надѣльной земли, приходящейся на дворъ, во всѣхъ мѣстностяхъ, по которымъ имѣются соотвѣтствующія данныя, сопровождалось быстрымъ исчезновеніемъ многонадѣльныхъ хозяйствъ и умноженіемъ малонадѣльныхъ. Такъ въ Новоладожскомъ уѣздѣ за 12 лѣтъ процентъ хозяйствъ, имѣющихъ менѣе 2 надѣловъ, увеличился съ 15 до 33, а имѣющихъ 3 и болѣе надѣла уменьшился съ 24 до 17. Еще сильнѣе надѣльное малоземелье сказалось на группировкѣ хозяйствъ въ Дорогобужскомъ уѣздѣ: процентъ хозяйствъ, имѣющихъ до 2 надѣловъ, увеличился здѣсь съ 22 до 66, а имѣющихъ 3 и болѣе надѣла уменьшился съ 36 до 12. Для отдѣльныхъ частей Горбатовскаго и Козельскаго уѣздовъ мы имѣемъ такія цифры:

		% хозяйствъ, имѣвшихъ надѣльной земли:		
		До 5 десят.	5 — 10 дес.	Свыше 10 десят.
Въ Горбатовскомъ уѣздѣ	въ 1889 г.	26,4	44,8	28,8
	» 1901 г.	33,0	44,7	22,3
Въ Козельскомъ уѣздѣ	въ 188⁴/₅ г.	19,8	49,7	30,5
	» 1896 г.	31,2	48,2	20,6

Въ томъ и другомъ уѣздѣ произошло болѣе или менѣе значительное возрастаніе малонадѣльныхъ хозяйствъ за счетъ многонадѣльныхъ при неизмѣнившейся почти относительной численности средней группы. Такимъ образомъ, ни о какомъ „собираніи" надѣльной земли на правѣ владѣнія ею не можетъ быть и рѣчи: происходило общее обѣднѣніе крестьянъ надѣльною землею.

Однимъ изъ важнѣйшихъ препятствій къ собиранію земли въ сферѣ надѣльнаго землевладѣнія явилась, конечно, общинная форма послѣдняго въ тѣхъ мѣстностяхъ, къ которымъ относятся приведенныя нами данныя,—общинная форма, препятствовавшая, съ одной стороны, движенію земли, а съ другой—содѣйствовавшая уравнительному распредѣленію ея среди населенія. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ такихъ же данныхъ по мѣстностямъ съ подворнымъ владѣніемъ, но не сомнѣваемся, что и въ нихъ уменьшеніе среднихъ размѣровъ надѣльнаго землевладѣнія сопровождалось общимъ мельчаніемъ надѣльныхъ хозяйствъ.

Не отрицая сдерживающаго вліянія общины на концентрацію надѣльной земли, лица, настаивающія на разслоеніи крестьянства, полагаютъ, что такая концентрація осуществляется путемъ аренды. Выше, однако, мы приводили данныя, свидѣтельствующія о томъ, что, благодаря „обращенію къ землѣ", не только относительное, но и абсолютное число дворовъ, не обрабатывающихъ своей земли, во многихъ мѣстностяхъ значительно сократилось. Такимъ образомъ, уже въ силу этого количество предлагаемой къ сдачѣ надѣльной земли должно было уменьшиться, а, стало быть, должна была уменьшиться и возможность ея собиранія. По отношенію къ отдѣльнымъ мѣстностямъ мы имѣемъ прямыя указанія и на то, что сдача надѣльной земли отдѣльными клочками также за послѣднія десятилѣтія значительно сократилась.

Наиболѣе несомнѣнной многимъ представляется концентрація земли въ сферѣ внѣнадѣльнаго крестьянскаго землепользованія и землевладѣнія. По отношенію къ арендѣ внѣнадѣльной земли ни по одной мѣстности мы не имѣемъ вполнѣ сравнимыхъ данныхъ за разные годы. Но имѣющіяся въ матеріалахъ, которыми мы пользуемся, косвенныя указанія заставляютъ почти съ полною увѣренностью предполагать, что при медленномъ увеличеніи

арендного фонда и при быстро возраставшей нуждѣ въ землѣ, число претендентовъ на внѣнадѣльную аренду съ годами не уменьшалось, а увеличивалось, и что достающаяся такимъ путемъ крестьянамъ земля также дробилась. Что касается купчаго крестьянскаго землевладѣнія, то имѣющіяся для нѣкоторыхъ мѣстностей данныя заставляютъ очень сильно сомнѣваться въ наличности концентраціи и въ этой сферѣ. Такъ:

	% хозяйствъ съ купчей землей.		На дворъ съ купчей землей приходилось десятинъ ея.	
	По первой переписи.	По второй переписи.	По первой переписи.	По второй переписи.
Въ Вяземскомъ у. . . .	13,8	39,7	5,8	6,2
» Дорогобужскомъ . .	9,4	33,7	7,5	6,8
» Михайловскомъ . .	9,7	17,3	5,2	4,7

Изъ этихъ данныхъ видно, что расширеніе площади крестьянскаго внѣнадѣльнаго землевладѣнія происходило, главнымъ образомъ, не за счетъ прикупки земли хозяйствами, уже имѣвшими таковую, а благодаря умноженію въ составѣ крестьянскаго населенія процента владѣльцевъ купчей земли (въ значительной мѣрѣ, вѣроятно, благодаря семейнымъ раздѣламъ). При этомъ средніе размѣры крестьянскаго внѣнадѣльнаго владѣнія не обнаружили сколько-нибудь замѣтной тенденціи къ возростанію.

Наконецъ, по 9 уѣздамъ Полтавской губерніи мы имѣемъ данныя за разные годы о группировкѣ крестьянскихъ хозяйствъ по общимъ размѣрамъ ихъ посѣвной площади. Данныя эти тѣмъ интереснѣе, что они относятся къ губерніи съ подворнымъ землевладѣніемъ, т. е. къ такой, гдѣ юридическія препятствія къ концентраціи земли были наименьшія. На ряду съ значительнымъ уменьшеніемъ числа не сѣющихъ хозяйствъ (почти на 40%), эти данныя рисуютъ намъ такую картину перераспредѣленія остальныхъ по посѣвнымъ группамъ:

Группы хозяйствъ:	Общее число ихъ.		Увеличеніе или уменьшеніе въ %%.	% къ общему числу хозяйствъ.	
	Въ 80-хъ годахъ.	Въ 1899 г.		Въ 80-хъ годахъ.	Въ 1899 г.
Засѣвающія менѣе 3 дес.	51,724	82,836	+60	29	42
Засѣвающія 3—6 дес.	65,565	69,773	+ 6	37	35
Засѣвающія свыше 6 дес.	58,732	46,534	—21	34	23
Итого . .	176,021	199,143	+13	100	100

Произошло, такимъ образомъ, общее передвиженіе крестьянскихъ хозяйствъ отъ многосѣющихъ къ малосѣющимъ, при чемъ численность крайнихъ группъ измѣнилась особенно рѣзко, тогда какъ средняя группа по общей своей численности, если не по внутреннему составу, обнаружила значительную устойчивость. Не лишне будетъ замѣтить, что число малосѣющихъ хозяйствъ увеличилось не только за счетъ сѣявшихъ больше, но въ значительной мѣрѣ, нужно думать, и за счетъ тѣхъ, которыя раньше не имѣли посѣва, а потомъ обратились къ землѣ. Если исключить послѣднихъ (22.884 хозяйства) изъ первой группы, то увеличеніе ея къ 1899 году опредѣлится въ 16%, т. е. въ нѣсколько меньшей цифрѣ противъ того, на сколько уменьшилась многосѣющая группа.

Такимъ образомъ, поскольку вопросъ идетъ о площади землепользованія, повторныя переписи не обнаружили сколько-нибудь значительныхъ группъ крестьянскаго населенія, хозяйство которыхъ развивалось бы въ иномъ направленіи, чѣмъ измѣнялись средніе размѣры крестьянскаго землепользованія, т. е. которыя увеличивали бы размѣры своего земледѣльческаго производства въ то время, какъ остальная масса крестьянства вынуждена была сокращать ихъ. Отсутствіе дифференцирующихъ въ этомъ смыслѣ тенденцій еще съ большею наглядностью подчеркиваютъ данныя о крестьянскомъ скотоводствѣ. Если бы указанныя тенденціи имѣли мѣсто въ жизни, то онѣ съ особою силою сказались бы именно въ сферѣ распредѣленія хозяйственнаго капитала между крестьянскими дворами, каковымъ опредѣляются не только размѣры хозяйственныхъ предпріятій, но и степень техническаго ихъ совершенства. Между тѣмъ, повторными переписями были констатированы скорѣе нивеллирующія, чѣмъ дифференцирующія тенденціи въ этой сферѣ. Такъ, сравнивая группировку хозяйствъ по количеству рабочаго скота за разные годы, мы получимъ такія цифры *):

*) По уѣздамъ Крестецкому и Дорогобужскому эти данныя относятся къ надѣльнымъ дворамъ, по остальнымъ—ко всѣмъ наличнымъ. По Фатежскому уѣзду всѣ безнадѣльные дворы по первой переписи считаны нами безлошадными, такъ какъ распредѣленіе скота между ними за 1883 годъ неизвѣстно. Если допустить, что всѣ они имѣли лошадей, то приростъ безлошадныхъ по этому уѣзду будетъ равенъ 50%.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ между переписями:	Приб. или убыль въ % %. Въ общемъ числѣ хозяйствъ.	Въ общемъ числѣ лошадей.	На сколько % % увеличилось или уменьшилось число хозяйствъ: Безъ рабочаго скота.	Съ 1 лошадью.	Съ 2 лошадьми.	Съ 3 лошадьми.	Съ 4 и болѣе.
а) *произошла прибыль лошадей.*							
Острогожскій у.	+ 15	+ 42	— 28	+ 23	+ 36	+ 71	+ 10
Крестецкій »	+ 10	+ 9	— 21	+ 18		+ 7	
Дорогобужскій »	+ 11	+ 5	+ 7	+ 27	+ 20	— 9	
б) *произошла убыль лошадей:*							
Михайловскій у.	+ 2	— 14	+ 7	+ 20	— 2	— 36	
Петровскій »	+ 7	— 16	+ 32	+ 39	— 8	— 43	— 57
Фатежскій »	+ 12	— 19	+ 43	+ 46	— 12	— 46	— 59

Какъ видно изъ этихъ данныхъ, группировка крестьянскаго скота измѣнялась въ томъ же направленіи, въ какомъ измѣнялось общее количество послѣдняго. Въ мѣстностяхъ, въ которыхъ количество скота увеличилось, общая масса хозяйствъ передвинулась въ сторону лучшаго обезпеченія скотомъ и, наоборотъ, гдѣ количество лошадей уменьшилось, произошло массовое передвиженіе хозяйствъ въ обратную сторону *). Такимъ образомъ, и въ этой сферѣ мы не видимъ группы, хозяйственная эволюція которой происходила бы въ иномъ направленіи, чѣмъ всего крестьянства той или иной мѣстности.

Этимъ не ограничиваются, однако, тѣ выводы, которые можно сдѣлать изъ послѣдней таблички. Всмотримся нѣсколько въ детали рисуемаго ею общаго движенія. Въ Острогожскомъ, напримѣръ, уѣздѣ произшедшее увеличеніе скота наименѣе замѣтно сказалось на самой многолошадной группѣ, численность каковой увеличилась всего лишь на 10%. Въ Крестецкомъ у. численность многолошадныхъ хозяйствъ увеличилась также менѣе значительно, чѣмъ однолошадныхъ, а въ Дорогобужскомъ у., не смотря на нѣкоторое общее увеличеніе скота, число многолошадныхъ хозяйствъ даже уменьшилось. Такимъ образомъ, въ случаяхъ прибыли скота численность многолошадныхъ хозяйствъ возростаетъ наименѣе быстро и можетъ даже уменьшаться. Наоборотъ, въ случаѣ убыли

*) Исключеніе, какое представляетъ Дорогобужскій уѣздъ (приростъ безлошадныхъ и убыль многолошадныхъ хозяйствъ при общей прибыли лошадей) только кажущееся. Въ этомъ уѣздѣ приростъ хозяйствъ былъ больше, чѣмъ лошадей: въ то время какъ число первыхъ увеличилось на 366, лошадей прибавилось лишь 326, т. е. не всѣмъ новымъ хозяйствамъ могло достаться даже по одной лошади. Вполнѣ понятно поэтому, что число безлошадныхъ хозяйствъ увеличилось на 20, а число многолошадныхъ сократилось на 96.

лошадей, число такихъ хозяйствъ уменьшается съ наибольшею быстротою. На ряду съ этимъ представляется крайне важнымъ тотъ фактъ, что число однолошадныхъ хозяйствъ въ мѣстностяхъ, какъ съ прибылью, такъ и съ убылью лошадей увеличилось и при томъ въ послѣднихъ болѣе значительно, чѣмъ цифра безлошадныхъ. Такимъ образомъ, отъ тѣхъ временныхъ и сильныхъ колебаній, какимъ подвержено, какъ мы видѣли, общее количество крестьянскаго скота, наиболѣе сильно должны были проигрывать многолошадныя группы и выигрывать однолошадныя: относительная численность первыхъ имѣетъ, такимъ образомъ, тенденцію уменьшаться, а послѣднихъ—возростать. И дѣйствительно, какъ видно изъ нижеслѣдующихъ данныхъ, процентъ многолошадныхъ хозяйствъ даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ произошла прибыль лошадей, уменьшился. Такъ въ Острогожскомъ уѣздѣ процентъ 4-лошадныхъ и болѣе хозяйствъ уменьшился съ 9,3 до 8,8; въ Крестецкомъ у. процентъ хозяйствъ съ двумя и болѣе лошадьми съ 38,2 упалъ до 37 и, наконецъ, въ Дорогобужскомъ процентъ трехъ- и болѣе лошадныхъ понизился съ 33 до 27. Наоборотъ, процентъ однолошадныхъ хозяйствъ во всѣхъ взятыхъ нами мѣстностяхъ увеличился,—а именно:

Въ Острогожскомъ	уѣздѣ	съ 32	до 34
» Крестецкомъ	»	» 52	» 56
» Дорогобужскомъ	»	» 23	» 27
» Михайловскомъ	»	» 22	» 26
» Петровскомъ	»	» 32	» 41
» Фатежскомъ	»	» 29	» 37

Такимъ образомъ, если какая-либо група хозяйствъ и обнаруживаетъ замѣтную тенденцію къ возростанію за счетъ другихъ, то одна изъ среднихъ, а именно группа однолошадныхъ хозяйствъ. Впрочемъ, среднею ее можно назвать лишь условно, имѣя въ виду, что есть группа безлошадныхъ хозяйствъ. Среди же хозяйствъ, еще не лишившихся рабочаго скота, она является крайнею, такъ какъ дробленіе хозяйственнаго капитала, заключающагося въ рабочемъ скотѣ, дальше идти не можетъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно бѣдныхъ скотомъ, какъ напримѣръ, Павловскій районъ Горбатовскаго уѣзда, убыль въ числѣ лошадей сказалась уменьшеніемъ числа даже однолошадныхъ хозяйствъ. И абсолютно, и относительно тамъ умножились лишь безлошадныя хозяйства. Такимъ образомъ, и въ сферѣ крестьянскаго скотоводства передъ нами выясняется картина мельчанія крестьянскихъ хозяйствъ.

Повторныя данныя о численности и распредѣленіи крестьянскаго скота, какъ мы уже упоминали, имѣются по цѣлому ряду другихъ мѣстностей, а по нѣкоторымъ даже за цѣлый рядъ лѣтъ. Мы ограничимся, однако, приведенными выше, какъ наиболѣе однородными и относящимися къ мѣстностямъ, о которыхъ намъ

чаще всего приходилось говорить въ предыдущемъ изложеніи. Интересующихся отсылаемъ къ работѣ П. А. Вихляева, который, въ результатѣ обстоятельнаго анализа матеріаловъ земской статистики и военно-конскихъ переписей по этому вопросу, пришелъ, какъ и мы, къ заключенію, что „вытѣсненіе крупно-крестьянскаго хозяйства съ арены земледѣльческаго производства является однимъ изъ крупнѣйшихъ фактовъ экономической жизни обширнѣйшихъ районовъ Европейской Россіи за послѣднее десятилѣтіе“ *). Если же это такъ, то нужно говорить объ общемъ мельчаніи крестьянскихъ хозяйствъ, а не о ихъ дифференціаціи.

Во избѣжаніе недоразумѣній необходимо, однако, остановиться еще на одномъ обстоятельствѣ. Выше мы имѣли дѣло со сравнительно крупными группами крестьянскихъ хозяйствъ. Между тѣмъ, высшія изъ этихъ группъ поддаются дальнѣйшему дробленію. Можно предполагать, что хозяйственная эволюція самыхъ высшихъ изъ такихъ мелкихъ группъ носила иной характеръ, чѣмъ у остального крестьянства. Это предположеніе по отношенію къ нѣкоторымъ мѣстностямъ (но не ко всѣмъ) подтверждается фактическими данными, въ чемъ сторонники дифференціаціи и находили послѣдній, а иногда и единственный аргументъ для защиты своей точки зрѣнія. Чтобы оцѣнить значеніе этого аргумента, присмотримся нѣсколько ближе къ этому явленію. Воспользуемся для этого наиболѣе детальными изъ имѣющихся данныхъ—для земли по Полтавской губ., а для скота по Петровскому уѣзду.

Въ Полтавской губ. убыль хозяйствъ обнаружена, начиная съ группы, располагающей посѣвомъ свыше 6 дес. на дворъ. Раздробивъ ее на болѣе мелкія части, мы получимъ такія цифры:

	Число хозяйствъ.			% ихъ въ общей массѣ хозяйствъ.	
	Въ 80-хъ годахъ.	Въ 1899 году.	Насколько % % число ихъ увеличилось или уменьшилось.	Въ 80-хъ годахъ.	Въ 1899 г.
Засѣвающія 6—9 дес.	33.135	26.707	— 19	14,3	11,5
» 9—15 »	18.733	13.815	— 26	8,1	6.0
» 15—20 »	3.822	3.123	— 18	1,7	1,3
» 20—50 »	2.794	2.631	— 6	1,2	1,1
» 50 и болѣе	248	258	+ 4	0,1	0,1

По Петровскому уѣзду такія же детальныя данныя о скотѣ имѣются для промежутка 1894—1897 г. г. (а не для 1884—1894 г. г., какими мы пользовались выше). Въ теченіе этого періода произо-

*) Вихляевъ. Очерки изъ русской сельско-хозяйственной дѣйствительности, стр. 140.

шла значительная прибыль въ скотѣ у крестьянъ, каковая сопровождалась наибольшимъ увеличеніемъ процента 4-лошадныхъ хозяйствъ. Въ болѣе высшихъ группахъ произошли при этомъ такія измѣненія:

	Число хозяйствъ.			% ихъ въ общей массѣ хозяйствъ.	
	Въ 1894 году.	Въ 1897 году.	На сколько %% увеличилось или уменьшилось оно.	Въ 80-хъ годахъ.	Въ 1899 году.
Хозяйства, имѣющія:					
4 лошади	537	789	+ 47	1,3	1,7
5 лошадей.	179	251	+ 40	0,4	0,6
6 »	66	106	+ 61	0,2	0,2
7 и болѣе лошадей *) .	47	80	+ 70	0,1	0,2

Изъ этихъ данныхъ видно, что при уменьшавшейся площади землепользованія, наибольшая убыль произошла въ группѣ хозяйствъ, засѣвающихъ 9—15 дес. Въ высшихъ группахъ убыль была меньше, а въ самой высшей обнаружилась даже нѣкоторая прибыль хозяйствъ. При возростаніи общаго количества скота наименьшая прибыль хозяйствъ оказалась также не въ крайней группѣ, а въ одной изъ среднихъ многолошадныхъ; въ высшихъ же группахъ обнаружился усиленный приростъ дворовъ. Такимъ образомъ, въ одной изъ большеземельныхъ и многолошадныхъ группъ происходитъ какъ бы переломъ, при чемъ всѣ дальнѣйшія группы при ухудшеніи экономическихъ условій теряютъ меньше, а при улучшеніи ихъ выигрываютъ больше, чѣмъ остальныя хозяйства. Изъ этого какъ бы слѣдуетъ, что самыя крупныя крестьянскія хозяйства отличаются сравнительно большою устойчивостью и обладаютъ (хотя очень слабо выраженною) тенденціею къ развитію въ иномъ направленіи и даже къ возростанію за счетъ другихъ слоевъ крестьянства, т. е. при желаніи среди послѣдняго можно, дѣйствительно, найти слѣды вновь нарождающагося „класса“.

Необходимо, однако, имѣть въ виду, что то же явленіе можетъ быть объяснено совершенно иначе. Выше мы указывали на вѣроятность предположенія, что вновь возникавшія стѣснительныя условія для крестьянскаго хозяйства начали сказываться въ разное время на отдѣльныхъ группахъ. Вполнѣ возможно, что нѣкоторая доля крестьянскихъ хозяйствъ, а именно наилучше

*) Если взять болѣе мелкія группы, то въ нѣкоторыхъ приростъ былъ еще больше, въ другихъ—значительно меньше, въ третьихъ же была констатирована даже убыль. Изъ этого видно, какъ трудно избѣжать случайныхъ выводовъ при столь незначительныхъ цифрахъ.

обезпеченныя землей и скотомъ, до сихъ поръ находится внѣ пагубнаго вліянія ихъ или испытываетъ его въ болѣе слабой степени, чѣмъ остальное крестьянство. Этимъ, а не инымъ направленіемъ развитія и можно объяснить сравнительно большую устойчивость такого рода хозяйствъ. Напомнимъ, что въ составѣ крестьянскаго населенія имѣется, какъ мы видѣли, группа, которая, благодаря лучшему положенію въ промыслахъ, сохранила возможность расширять и улучшать свое земледѣльческое производство. Едва ли, однако, эти остатки самостоятельнаго крестьянства можно разсматривать, какъ зачатки вновь нарождающагося и при томъ *сельскохозяйственнаго* класса.

Не менѣе вѣроятнымъ представляется и другое объясненіе. Данныя земскихъ переписей, съ которыми мы имѣли дѣло, относятся не ко всѣмъ земледѣльческимъ хозяйствамъ, а только къ крестьянскимъ, т. е. къ обособленнымъ лишь юридически, а не экономически. Измѣненія же въ группировкѣ земледѣльческихъ хозяйствъ должны быть изучаемы не въ юридическихъ, а въ экономическихъ границахъ. Довольствуясь данными лишь о крестьянскихъ предпріятіяхъ, мы должны имѣть въ виду, что они не полны, такъ какъ захватываютъ не всѣ земледѣльческія предпріятія, не всѣ даже предпріятія даннаго типа. Особенно не полны они по отношенію къ высшимъ группамъ, непосредственно примыкающимъ къ частновладѣльческимъ хозяйствамъ. Вполнѣ вѣроятно поэтому предположеніе, что нѣкоторая задержка въ убыли ихъ компенсируется усиленною, но оставшеюся внѣ наблюденія, убылью однородныхъ хозяйствъ другихъ сословій. Въ этомъ объясненіи можно идти дальше. Измѣненія въ распредѣленіи хозяйствъ имѣютъ характеръ диффузіи, т. е. въ то время, какъ одни хозяйства переходятъ въ высшія группы, другія изъ этихъ послѣднихъ передвигаются въ низшія. Перевѣсъ того или иного изъ этихъ теченій и опредѣляетъ общій характеръ процесса. Вполнѣ вѣроятно поэтому предположеніе, что самыя крупныя крестьянскія хозяйства, обнаруживающія нѣкоторыя особенности въ своей эволюціи, вполнѣ или отчасти утратили типическіе признаки крестьянскихъ хозяйствъ и должны быть относимы къ типу частновладѣльческихъ, капиталистическихъ. Мы допускаемъ, такимъ образомъ, возможность выдѣленія нѣкоторой доли крестьянскихъ хозяйствъ и реорганизаціи ихъ на иныхъ началахъ. Но это явленіе, можетъ быть, уравновѣшивается и даже перевѣшивается преобразованіемъ на крестьянскій ладъ еще большей доли частновладѣльческихъ хозяйствъ, оставшихся внѣ нашего наблюденія.

Мы не настаиваемъ ни на томъ, ни на другомъ объясненіи, мы указываемъ только на возможность ихъ. Въ вопросѣ о дифференціаціи крестьянства для насъ несравненно болѣе важной представляется другая сторона приведенныхъ выше данныхъ.

Численность крупныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, по отношенію къ которымъ можно допускать нѣкоторыя особенности въ эволюціи, въ сущности ничтожна. Такъ въ 8 уѣздахъ Полтавской губерніи хозяйствъ, засѣвающихъ 50 дес. и болѣе, насчитано лишь 258, т. е. немного болѣе, чѣмъ по 30 на уѣздъ. Между тѣмъ, только эти хозяйства обнаружили очевидную тенденцію развитія въ иномъ направленіи, чѣмъ въ какомъ измѣнялось экономическое положеніе остальныхъ хозяйствъ. Въ Петровскомъ уѣздѣ, хозяйства, имѣющія 6 и болѣе лошадей,—т. е. тѣ, съ которыхъ начинается переломъ,—составляютъ въ общей массѣ менѣе $^1/_2$%. Говорить на основаніи такихъ цифръ о разслоеніи всего крестьянства, о появленіи въ его средѣ цѣлыхъ „классовъ", конечно, невозможно. Статистика не такая точная наука, какъ химія, которая можетъ съ пользою если не для практики, то для теоріи искать „слѣды" элементовъ. Во всякомъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о положеніи многомилліонной массы, сосредоточивать вниманіе на ничтожныхъ цифрахъ не приходится. Иначе, это значило бы вмѣсто серьезнаго дѣла заниматься игрою въ бирюльки.

Отвлекаясь же мыслью отъ указанныхъ ничтожныхъ по своей численности и, нужно думать, по соціальному своему вѣсу группъ крестьянскаго населенія, мы должны признать, что во всей массѣ крестьянскихъ дворовъ происходили одни и тѣ же явленія: семья разросталась, а земледѣльческое хозяйство мельчало. Все въ большемъ и большемъ числѣ дворовъ, все съ большею и большею силою обнаруживалось давно уже зародившееся несоотвѣтствіе между наличными рабочими силами и имѣющимися въ распоряженіи ихъ средствами и орудіями производства, между возросшими потребностями и уменьшившимися доходами отъ собственнаго хозяйства; все настоятельнѣе и неизбѣжнѣе становилась для крестьянства необходимость пополнять свои рессурсы работами въ чужихъ предпріятіяхъ, отказываясь передъ лицомъ этой необходимости отъ всѣхъ выгодъ собственника. Внѣшнія условія, въ которыхъ протекала крестьянская жизнь, пагубно сказались, такимъ образомъ, не на одной какой-либо группѣ сельскохозяйственныхъ производителей, а на всемъ крестьянскомъ населеніи, — сказались разстройствомъ его земледѣльческаго хозяйства и существеннымъ измѣненіемъ его соціально-экономическаго положенія, въ конечномъ же счетѣ — тѣмъ массовымъ обнищаніемъ деревни, острыя проявленія котораго мы такъ часто видѣли за послѣдніе годы.

Тѣмъ необходимѣе, тѣмъ неотложнѣе для измѣненія этихъ условій реформы.

XII.

Отчасти по свойству матеріаловъ, имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи, отчасти благодаря недостаточной стройности нашего изложенія, настоящая статья получила нѣсколько мозаичный и даже калейдоскопный характеръ. Въ виду этого мы рѣшаемся еще двумя-тремя страницами утруждать читателя, чтобы нѣсколько сблизить отдѣльныя части набросанной нами картины и яснѣе формулировать важнѣйшіе выводы изъ изложенныхъ въ статьѣ фактовъ и соображеній.

Анализируя добытыя основными и повторными земскими переписями данныя, мы пришли къ заключенію, что существеннымъ признакомъ крестьянскаго хозяйства является неразрывная связь, въ какой оно находится съ семейнымъ составомъ крестьянскаго двора. Такая связь, обусловливая собою постоянное равновѣсіе между рабочими силами населенія и его семейными потребностями, при свободномъ, не стѣсненномъ внѣшними рамками, существованіи, могла бы обезпечить, казалось, гармоническое развитіе тѣхъ и другихъ. Среди органическихъ свойствъ крестьянскаго двора мы не нашли такихъ, которыя дѣлали бы неизбѣжными разрушеніе данной соціальной формы и распаденіе крестьянства на соціально-различные классы. Между отдѣльными крестьянскими дворами всегда, конечно, было и, вѣроятно, надолго еще сохранилось бы нѣкоторое имущественное и хозяйственное неравенство. Но это неравенство, поскольку оно обусловлено семейными и индивидуальными различіями, объясняемыми факторами физіологическаго и психологическаго порядка, само по себѣ не можетъ выйти за извѣстные предѣлы и,—скажемъ въ видѣ предположенія, въ несомнѣнности котораго мы увѣрены,—легко могло бы быть компенсировано цѣлесообразно поставленнымъ общественнымъ хозяйствомъ. Накопленію указанныхъ неравенствъ въ крестьянской средѣ и превращенію ихъ въ факторъ соціальнаго порядка препятствуетъ указанная связь между семьей и хозяйствомъ, обусловливающая собою постоянное тяготѣніе крестьянскихъ дворовъ къ одному семейному и хозяйственному уровню. Внутренняя неустойчивость, обусловленная ненормальностями семейнаго состава, и происходящее въ силу этого непрерывное обновленіе семейно-хозяйственныхъ союзовъ крайнихъ группъ не позволяютъ послѣднимъ установиться по своему конкретному составу и обособиться въ видѣ самостоятельныхъ классовъ. Это тяготѣніе крестьянскихъ дворовъ къ среднему уровню имѣетъ такую силу, что его не въ состояніи оказались преодолѣть внѣшнія условія,—отъ географическихъ до политическихъ включительно,—каковыя въ пространствѣ и во

времени были не одинаковы для различныхъ группъ крестьянскаго населенія. Значительно усиливъ имущественныя и хозяйственныя неравенства среди крестьянства, эти условія не разслоили его, однако, на различно-эволюціонирующіе классы. Дѣйствіе внѣшнихъ факторовъ, можетъ быть не одновременно, можетъ быть не одинаково сильно, сказывалось, однако, на всей массѣ крестьянскихъ дворовъ, давая общее направленіе ихъ семейно-хозяйственной жизни *).

Безсильныя разслоить крестьянство, внѣшнія силы сказались, однако, очень рѣзко и весьма пагубно на крестьянскомъ бытѣ и хозяйствѣ. Земельныя условія лишили крестьянство возможности свободно расширять свое земледѣльческое хозяйство въ мѣру подроставшихъ рабочихъ силъ и увеличивавшихся потребностей, на ряду же съ общимъ направленіемъ финансово-экономической политики и цѣлымъ рядомъ другихъ факторовъ, посредствомъ которыхъ экспропріировались почти всѣ возможные въ крестьянскомъ хозяйствѣ избытки, они до-нельзя затруднили развитіе таковаго вглубь, путемъ дальнѣйшей его интенсификаціи. Чтобы пополнить свои рессурсы и использовать свои рабочія силы, крестьянству пришлось обратиться къ работѣ по найму у сосѣднихъ землевладѣльцевъ и налечь на промыслы, которые также, благодаря быстрой ихъ капитализаціи, все чаще и чаще оказывались доступными лишь въ видѣ работъ въ чужихъ хозяйственныхъ предпріятіяхъ.

Такое направленіе хозяйственной жизни не сопровождалось, однако, сколько-нибудь замѣтнымъ выдѣленіемъ изъ среды крестьянства обособленнаго класса рабочихъ и полнымъ отдѣленіемъ промысловой части населенія отъ сельскохозяйственной. Капитализмъ оказался не въ состояніи использовать всѣ, остававшіяся свободными отъ сельскаго хозяйства, рабочія силы крестьянства. Главное же, при сезонномъ характерѣ работъ, какой преобладаетъ въ странѣ, и при неравномѣрности спроса, какой предъявляетъ промышленность на мужской, женскій и дѣтскій трудъ, капитализмъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не могъ использовать силы цѣлыхъ семей, а, стало быть,—при низкомъ уровнѣ заработной платы—и прокормить ихъ. Значительной массѣ крестьянскихъ дворовъ пришлось распредѣлять свои силы между промыслами и земледѣліемъ, отчуждая мужскую рабочую силу

*) Не лишне, можетъ быть, будетъ упомянуть здѣсь, что одной изъ причинъ общаго вліянія тѣхъ или иныхъ факторовъ на всю массу крестьянскихъ хозяйствъ, несомнѣнно, являлось, между прочимъ, то постоянное передвиженіе ихъ по доступной имъ соціальной лѣстницѣ, какое происходитъ благодаря семейнымъ раздѣламъ, обмиранію и т. п. процессамъ, равно какъ и болѣе медленно накопляющимся измѣненіямъ въ ихъ составѣ. Хозяйство, еще сегодня свободное отъ дѣйствія какого-либо фактора, завтра можетъ оказаться подъ полнымъ его вліяніемъ.

по преимуществу на сторону, и эксплуатируя женскій и дѣтскій трудъ, главнымъ образомъ, въ своемъ хозяйствѣ. Для значительной части крестьянскихъ дворовъ создалась, такимъ образомъ, двойственность соціально-экономическаго положенія, каковая сказалась роковыми послѣдствіями на всемъ крестьянствѣ.

Мѣркою всѣхъ хозяйственныхъ разсчетовъ мужика силою вещей сдѣлалась заработная плата. Сообразно съ тѣмъ, сколько онъ и вся его семья могли бы заработать на поденщинѣ, батрачествомъ или въ промыслахъ, стали устанавливаться арендныя цѣны, цѣны на продукты и т. д. Доходы отъ собственнаго хозяйства и заработки внѣ его по отношенію другъ къ другу сдѣлались лишь ариѳметическимъ дополненіемъ, прибавочный продуктъ тѣмъ или инымъ путемъ сталъ цѣликомъ ускользать изъ крестьянскихъ рукъ. Крестьянство, въ истинномъ пониманіи этого слова, какъ классъ трудящихся собственниковъ, перестало существовать. Крестьянинъ теперь ни больше, ни меньше, какъ замаскированный рабочій. Это „разрушеніе“ крестьянства шло не изъ средины, а отъ одного края къ другому и въ настоящее время, за ничтожными исключеніями, захватило всю его массу.

Между тѣмъ, этотъ замаскированный рабочій долженъ былъ нести на своихъ плечахъ главную тяжесть сельскохозяйственнаго производства страны. Легко понять, что онъ не могъ сколько нибудь успѣшно выполнить эту отвѣтственную функцію. Какъ у рабочаго, вынужденнаго въ своей жизни довольствоваться только самымъ необходимымъ, у него не могли накопляться избытки. Онъ былъ лишенъ возможности улучшать сельскохозяйственное производство, такъ какъ дальнѣйшая интенсификація послѣдняго можетъ происходить не иначе, какъ при условіи постояннаго наростанія хозяйственнаго капитала за счетъ прибавочнаго продукта. Съ другой стороны, у него не оказывалось запасовъ, которые могли бы служить для него страховымъ резервомъ на случай несчастій. При всей готовности свои личныя удобства приносить въ жертву интересамъ хозяйственной устойчивости, крестьянское населеніе въ годины несчастій, передъ лицомъ голодной смерти, вынуждено бывало за счетъ хозяйства поддерживать свое существованіе. Тщетно оно старалось потомъ всячески восполнить уронъ, какой претерпѣвало хозяйство въ годины несчастій. Прежде чѣмъ оно успѣвало оправиться, на небѣ вновь появлялись несвоевременныя тучи. Земледѣльческое производство не прогрессировало; напротивъ, оно стало обнаруживать все съ большею и большею очевидностью несомнѣнные признаки упадка. Послѣдствія этого регресса въ сельскохозяйственной сферѣ исчисляются, какъ извѣстно, милліардами рублей.

Крестьянство всячески, конечно, старалось отстоять себя въ этой трудной борьбѣ за существованіе, такъ или иначе поддержать равновѣсіе въ своемъ семейно-хозяйственномъ бюджетѣ.

Но при невозможности расширить и развить свое хозяйство, а нерѣдко найти работу и въ чужихъ предпріятіяхъ, эта задача очень часто оказывалась для него непосильной. Давленіе соціально-экономическихъ факторовъ было столь сильно, что передъ ними блѣднѣли факторы физіологическаго, психологическаго и бытового порядка. Возникновеніе новыхъ семейно-хозяйственныхъ союзовъ было затруднено. Среди наименѣе обезпеченныхъ группъ крестьянства и въ обычные годы болѣзненность и смертность много выше, а приростъ населенія много ниже нормальныхъ; въ годины же несчастій цынга, тифъ и всякія дѣтскія болѣзни пріобрѣтаютъ повальный характеръ. Происходитъ массовая задержка въ приростѣ населенія, лишеннаго нормальныхъ условій для развитія своей хозяйственной дѣятельности.

Таковъ общій смыслъ крестьянскаго вопроса въ наши дни. Уклониться отъ него или отсрочить—нельзя, такъ какъ это грозило бы окончательнымъ разстройствомъ всей хозяйственной жизни страны. Разрѣшить его посредствомъ какихъ-либо „частныхъ“ мѣръ, вродѣ агрикультурныхъ и другихъ техническихъ мѣропріятій, не мыслимо. Для разрѣшенія крестьянскаго вопроса необходимы широкія соціально-экономическія реформы въ области междуклассовыхъ отношеній. Необходимо крестьянина сдѣлать собственникомъ производимыхъ имъ продуктовъ, а для этого нужно прежде всего обезпечить его средствами и орудіями производства.

А. Пѣшехоновъ.

СОНЪ.

Въ безвѣстную даль, одинокій, бездомный,
Въ пустынѣ сыпучими шелъ я песками;
Жгло солнце усталую грудь.
И труденъ былъ путь мой далекій и темный,—
Весь острыми былъ онъ усѣянъ камнями...
Я шелъ, я не смѣлъ отдохнуть!

Безоблачно небо... Конца нѣтъ дорогѣ...
Все шелъ я... Въ дали разстилался свинцовой
Удушливый знойный туманъ...
Мнѣ острые камни изрѣзали ноги;
Кровь, слѣдъ на пескѣ оставляя багровый,
По каплямъ сочилась изъ ранъ.

Отъ боли въ глазахъ все порою мутилось...
Я падалъ... Отчаянья слезы кипѣли
Въ моей наболѣвшей груди.
Умру... не дойду до невѣдомой цѣли...
Но сердце отвагой и мужествомъ билось,—
Иди,—мнѣ твердило—иди!..

И, властною жаждою жить окрыленный,
Шелъ дальше я моремъ пустыни безбрежной,
Вновь падалъ и снова вставалъ;
И снова, въ порывѣ тоски безнадежной,
Безсильный, лежалъ на пескѣ раскаленномъ,
Какъ трупъ, неподвижно лежалъ.

И видѣлъ, какъ въ небѣ высоко-высоко,
Могучими гордо блистая крылами,
Парилъ надо мною орелъ.
Свободный, какъ я, и, какъ я, одинокій,—
„Иди!—мнѣ кричалъ онъ—тамъ жизнь за песками“!..
И медленно дальше я шелъ...

Л. Андрусонъ.

КАРМЕЛИТКА.

Романъ *Крауфорда.*

Переводъ К. И. Саблиной.

I.

Субіако,—маленькій городокъ въ 7000 жителей, лежитъ на юго-востокъ отъ Рима и славится своей древностью. Преданіе говоритъ, что тамъ родились и жили святые Бенуа и Схоластика.

Городокъ расположенъ на горѣ; на самомъ возвышенномъ мѣстѣ, въ центрѣ, красуется кардинальскій дворецъ. Съ трехъ сторонъ громоздятся Самнитскія горы; съ четвертой открывается видъ на глубокое, дикое ущелье, гдѣ протекаетъ Личенца.

Въ данное время кое-что изъ современной цивилизаціи успѣло проникнуть въ этотъ уголокъ; но въ 1844 году Субіако представлялъ изъ себя въ полномъ смыслѣ средневѣковый городъ, какъ по внѣшнему виду, такъ и по складу внутренней жизни. Снаружи его охраняли зубчатыя стѣны, башни и бастіоны; внутри — грозная сила вѣковыхъ предразсудковъ.

Жители Субіако смотрѣли на вещи трагически; сила замѣняла законъ; любовь и ненависть управляли вѣсами правосудія; о справедливости никто не имѣлъ понятія; патріархальный строй держалъ семьи въ желѣзныхъ тискахъ, въ безусловномъ подчиненіи традиціямъ. Вотъ почему никто не подумалъ удивиться, когда глава рода Брачіо заставилъ одну изъ дочерей своихъ постричься въ монастырѣ Кармелитокъ въ Субіако. Таковъ былъ изстари обычай въ знатномъ родѣ принцевъ Джероно,—одну или двухъ дѣвушекъ посвящали служенію святой Терезы въ каждомъ поколѣніи; въ упомянутомъ монастырѣ почти всегда игуменьей была одна изъ счастливыхъ избранницъ этого дома, предназначенная муд-

рымъ предопредѣленіемъ главы служить посредницей между небомъ и свѣтскими родственниками, замаливать ихъ грѣхи своей благочестивой жизнью и молитвами, поддерживая, между прочимъ, монастырь богатыми вкладами, то есть своимъ приданымъ. Возможно-ли, при такихъ важныхъ соображеніяхъ, принимать во вниманіе ничтожныя возраженія какой-нибудь неопытной молодой дѣвушки? Разумѣется, нѣтъ. Пришлось и Маріи Брачіо, не смотря на необъяснимое отвращеніе, преклониться передъ родительской волей; пробывъ условный срокъ послушницей, она приняла постриженіе въ 1841 году, съ утѣшительной перспективой унаслѣдовать со временемъ теткѣ въ санѣ настоятельницы, когда Господу угодно будетъ призвать старушку къ Себѣ. Кстати надо замѣтить, что старушкѣ не было еще шестидесяти лѣтъ, что здоровьемъ она пользовалось прекраснымъ, и почетное положеніе, обѣщанное юной Маріи, взамѣнъ грѣховной мірской суетности, грозило отодвинуться на слишкомъ долгій срокъ. Но не въ томъ дѣло... Марія Брачіо вообще не создана была для монастырской жизни. Ея вкусы и инстинкты влекли ее въ иную сферу, на ту арену, полную свѣта, радостей, блеска и шума, гдѣ столько женщинъ изъ ея семьи занимали въ прошломъ видное мѣсто. Годъ выѣздовъ въ свѣтъ, даруемый по традиціямъ дѣвушкѣ, обреченной на постриженіе (дабы она утвердилась въ своемъ призваніи...), только укрѣпилъ въ сердцѣ Маріи сознаніе, что мѣсто ея не въ монастырѣ. Она поняла свою красоту, благодаря поклоненію мужчинъ, въ короткій срокъ своего свѣтскаго искуса; пылкая натура ея опьянялась восхищенными взглядами красавцевъ, слѣдившими за ней на балахъ, тогда какъ она, поневолѣ холодная и неприступная патриціанка, обязана была укрѣпляться въ своемъ презрѣніи къ мірской суетѣ... Кругомъ нея воздухъ напоенъ былъ страстнымъ призывомъ, а она готовилась къ отреченію отъ всѣхъ земныхъ радостей.

Но увы! она знала, что ея мнѣнія не спросятъ; о протестѣ, о борьбѣ не могло быть рѣчи; съ дѣтства пріученная считать родительскую волю равносильной судьбѣ, она покорилась; безропотно преклонила свою красивую головку, произнесла обѣтъ, опустила на лицо черный вуаль, и съ тѣхъ поръ вотъ ужъ три года, гордая и печальная, несла свой крестъ, убѣждая себя, что повинуется долгу и чести. Она была смѣлая дѣвушка и, вѣроятно, съ такой же энергіей встрѣтила бы всякую иную невзгоду въ жизни. Итакъ, все кончено. Ей суждено кончить дни свои среди высокихъ монастырскихъ стѣнъ, печальной, безличной тѣнью, среди другихъ такихъ же тѣней, не имѣя даже и съ ними ничего общаго, благодаря своему высокому происхожденію, пред-

назначавшему ее къ роли настоятельницы. Прекрасное лицо ея навѣки закрыто отъ мужскихъ взоровъ; въ воспоминаніи единственный отрадный, свѣтлый лучъ—тотъ незабвенный годъ, который, словно на смѣхъ, былъ ей дарованъ, чтобы она поняла, чего лишила ее судьба.

А между тѣмъ, Маріи Брачіо,—въ постриженіи, сестрѣ Маріи Адолоратѣ — давались въ монастырѣ рѣдкія привилегіи, не въ примѣръ прочимъ затворницамъ, возбуждавшія въ этихъ послѣднихъ скрытую зависть; такъ напримѣръ, келья сестры Маріи считалась лучшей, благодаря балкончику, выходившему въ садикъ, который примыкалъ къ самой оградѣ; съ балкона виднѣлись окрестныя горы; все это напоминало свободу и представляло нѣкоторое разнообразіе и независимость... хоть для глаза.

Вторая привилегія состояла въ томъ, что на сестру Марію возложена была обязанность кастелянши, вносившая нѣкоторое развлеченіе въ жизнь затворницы, посвященную исключительно молитвѣ, и дававшая ей возможность имѣть сношенія съ свѣтскими людьми, то есть съ прачкой Сорой Нанной, являвшейся нерѣдко въ сопровожденіи дочери своей, Анеты. Нагруженныя корзинами съ бѣльемъ, прачки, во избѣжаніе переходовъ по монастырскимъ корридорамъ, входили прямо черезъ маленькую калитку, которая вела въ садикъ сестры Маріи, оттуда балконной дверью въ ея келью; рядомъ находилась комната для бѣлья, а за нею келья матери игуменьи.

Даже сосѣдство съ игуменьей считалось между монахинями привилегіей и честью. Сестра Марія племянница матушки,—съ завистью говорили затворницы,—имъ всегда найдется о чемъ поговорить между собой, помимо монастырскихъ дѣлъ! Семья, знакомые въ міру. Къ тому же архіепископъ (онъ же и кардиналъ) доводился роднымъ братомъ настоятельницѣ, лѣто проводилъ въ Субіако, часто навѣщалъ сестру свою; а его высокопреосвященство славился какъ своими рѣдкими добродѣтелями, такъ и необыкновеннымъ умомъ; онъ бывалъ за границей, при иностранныхъ дворахъ и умѣлъ вести разговоръ не исключительно о божественныхъ предметахъ. Какое отрадное развлеченіе должны были вносить его визиты въ монотонную жизнь кармелитокъ! А наслаждались его присутствіемъ и рѣчами только игуменья да сестра Марія!..

Не надо думать, что монахини злобно завидовали, роптали или выражали протестъ; о нѣтъ! Подумаютъ, иногда робко обмѣняются мнѣніемъ насчетъ выпавшаго на долю сестры Маріи счастья, повздыхаютъ и тутъ же почувствуютъ упреки совѣсти. Неестественный и вѣчный контроль надъ своими

помыслами влечетъ за собою преувеличенную щепетильность: маленькая ошибка кажется страшнымъ грѣхомъ и преступленіемъ; зависть, даже въ подобныхъ размѣрахъ, строго осуждается уставомъ.

Но вопреки всему, въ обращеніи монахинь съ печальной красивой Маріей сказывалась холодная отчужденность, излишнее почтеніе; бѣдняжка чувствовала себя одинокой, какъ, бываетъ юная принцесса, окруженная штатомъ фрейлинъ, при дворѣ своей матери, королевы...

Было и еще одно обстоятельство, способствовавшее такому отчужденію: сестра Марія окружена была ореоломъ какой-то таинственности, за ней словно ходила тѣнь какой-то роковой угрозы, что-то необъяснимое, чего она и сама не подозрѣвала, но всѣ инстинктивно чувствовали и опасливо сторонились... Замолчитъ вдругъ сестра Марія и впадетъ въ такую задумчивость, что все окружающее перестаетъ для нея существовать; случалось это съ нею и въ церкви, среди богослуженія; гдѣ витаютъ ея мысли въ такія минуты? Богъ вѣсть! Или выйдетъ на балконъ, устремитъ взглядъ на разстилающійся пейзажъ и замретъ... Едва-ли глаза ея видятъ передъ собою; душа ея далеко отъ тюрьмы, гдѣ обречена жить и умереть ея тлѣнная оболочка; черты лица блѣдны до прозрачности; темные большіе глаза мрачны; ее можно принять за изваяніе, за привидѣніе,—только не за живое существо.

Врядъ-ли и она сама сумѣла бы сказать, что съ нею происходитъ въ такія минуты; это не религіозный экстазъ, въ который впадаютъ нерѣдко монахини; за нимъ не слѣдовало ни нервнаго припадка, ни прострации: найдетъ, какъ облако, задернетъ солнце—затѣмъ уйдетъ, исчезнетъ безъ слѣда. Бытъ можетъ, какая-нибудь тайна наслѣдственности, безотчетный возвратъ духа къ кровавой страницѣ прошлаго въ хроникѣ рода Брачіо? Какъ знать! Не одна знатная фамилія воздвигла свое могущество на кровавыхъ ужасахъ, но, по счастью, не всякому потомку дано вспоминать объ этомъ, хотя бы и безсознательно! Въ противномъ случаѣ на многихъ изъ смиренныхъ подругъ сестры Маріи должны бы находить минуты такой трагической абстракціи. Да никто и не задавался такими глубокими вопросами; итальянцы, не взирая на всю свою впечатлительность, плохо подчиняются вѣрѣ въ роковую наслѣдственность, свившую себѣ прочное гнѣздо въ грустномъ воображеніи сѣверныхъ расъ.

— Мама,—сказала вдругъ Анета, когда обѣ онѣ возвращались изъ монастыря,—скажи мнѣ, не совершила ли сестра Марія какого-нибудь страшнаго грѣха въ ранней молодости?

— Въ умѣ ли ты? Съ чего взяла такую глупость? Или и

впрямь съ ума спятила? Да ты подумай, объ комъ говоришь! Кто она, знаешь? Принцесса, настоящая принцесса, вотъ кто сестра Марія Адолората! Племянница самого кардинала, его высокопреосвященства! Вотъ объ комъ ты говоришь, дура!

Подбоченясь одной рукой, а другой придерживая корзину на головѣ, Сора Нанна ловко и твердо ступала по извилистой тропинкѣ подъ гору, пошевеливая крутыми бедрами.

— Если не дѣломъ грѣшитъ, такъ помышленіемъ!—съ убѣжденіемъ возразила Анета,—ужъ я знаю, что говорю!

Молодая дѣвушка шла слѣдомъ за матерью, также неся корзину на головѣ и съ такою же увѣренностью ступая граціозными ножками по каменистой дорожкѣ.

— Молчи, дурища! Руки чешутся побить тебя, право. Про такую благочестивую особу что выдумала, тьфу!

— Да вы присматривались ли къ ней?—спросила упрямо Анета,—все время уткнете носъ въ корзинку: столько-то простынь, скатертей, того—сего. До того ли вамъ! А я все смотрю, смотрю въ оба, да примѣчаю.

— Мнѣ что смотрѣть?—раздраженно крикнула мать,—я прихожу за дѣломъ, принять или сдать бѣлье, а не глазѣть, какъ нахалка, на благородную дѣвицу.

— А я такъ глазъ не могу оторвать онъ нея! И потомъ ея лицо чудится мнѣ вездѣ... Какъ хотите, а великая она грѣшница... мысленно.

Отъ ярости Нанна не нашла больше что отвѣтить на дерзкое мнѣніе своевольной дочери. Анетѣ было пятнадцать лѣтъ. Это была маленькая, строптивая, пылкая дикарка, какія нерѣдко попадаются въ итальянскомъ простонародьи: смуглая, черноглазая, острая на языкъ, тоненькая, ловкая, какъ ящерица, дѣйствующая всегда подъ первымъ впечатлѣніемъ, неукротимая, неразумная. Она такъ же, какъ и мать, носила костюмъ поселянки, излюбленный живописцами: пунцовый корсажъ, бѣлую рубашку съ широкими рукавами, темную юбку, передничекъ, длинныя серьги, коралловое ожерелье въ нѣсколько рядовъ.

Пока она шла за матерью и сердила ее своими дерзкими предположеніями,—черные глазенки ея проворно и безпокойно бѣгали по сторонамъ, словно высматривали добычу; тонкая шейка хищно вытягивалась; красивыя темныя брови скрадывали и до извѣстной степени облагораживали маленькіе хитрые глазки и выпуклый лобъ; уши были некрасивы и плоски; зубы мелки, остры, бѣлы; верхняя губа чрезвычайно подвижна и легко поднималась вверхъ, напоминая оскалъ дикаго звѣрка; волосы изсиня-черны, густыми косами уложены низко въ плоскій шиньонъ, полузакрытый традиціонной бѣлой полоской головного убора.

Послѣ нѣкотораго молчанія мать снова заговорила, очевидно, отыскивая новые аргументы для спора съ дочерью.

— Что ты тутъ болтала, глупая, о томъ, что сестра Марія Адолората грѣшитъ мысленно?.. Или ты не знаешь, что она никого изъ мужчинъ не видитъ, кромѣ священника, да садовника?..

— Ну, такъ что-жъ?—упрямо возразила Анета,—теперь не видитъ, а видѣла много ихъ въ Римѣ. Всякихъ насмотрѣлась, и молодыхъ, и красивыхъ. Почему вы знаете, что она не влюбилась въ одного изъ нихъ и теперь грезитъ о немъ... думаетъ, какъ бы свидѣться съ нимъ, если ужъ замужъ за него нельзя?.. Вы этого не можете знать. Нечего и ругать меня. А я говорю, грѣшитъ мысленно. О мужчинѣ думаетъ. Вотъ вамъ и все.

— Дура!—снова накинулась на нее мать.

— А впрочемъ,—продолжала Анета,—это дѣло ея. Мнѣ-то что? Я лучше люблю смотрѣть на англичанина, когда онъ пожираетъ свои бифштексы, чѣмъ на сестру Марію, когда она считаетъ бѣлье. Господи! какой мужчина! Не знаешь право, то-ли это человѣкъ, то-ли волкъ.

— Совѣтую тебѣ почаще глазѣть на твоего рыжаго дьявола съ бѣлыми клыками! Доглазѣешься до того, что Джиджето подстережетъ его гдѣ-нибудь за угломъ да пырнетъ ножомъ въ бокъ! Каково всѣмъ намъ будетъ послѣ этого! Либо застрѣлитъ его...

— Намъ то что? Джиджето и отвѣтитъ!—спокойно рѣшила Анета.

— Ну не дура-ли ты?—Вѣдь у него ружья нѣтъ, онъ возьметъ у твоего отца. А мы и будемъ въ отвѣтѣ...

Анета хладнокровно пожала плечами.

— Шутки въ сторону,—берегись!—предостерегала мать. Отецъ зорокъ. Слѣдитъ за твоимъ англичаниномъ и за тобой. А кулакъ у него увѣсистый, что добрый булыжникъ. Было бы тебѣ сказано, стрекоза!

Онѣ дошли до дому и исчезли въ сѣняхъ. Стефанонъ, мужъ Соры Нанны, былъ человѣкъ зажиточный; домъ внутри отличался просторомъ и чистотой, за исключеніемъ, впрочемъ, комнаты неряшливой Анеты; въ верхнемъ этажѣ комнаты содержались въ порядкѣ, кровати и незатѣйливая мебель были удобны, по стѣнамъ висѣли старинныя гравюры, въ родѣ изображеній святого Бенуа, святой Схоластики и Адолораты, то есть Скорбящей Богоматери.

Чердакъ былъ обильно снабженъ запасами провизіи: кистями винограда, подвѣшанными къ поперечной балкѣ, ворохомъ каштановъ, винныхъ ягодъ, ячменя и маиса; копчеными окороками, сырами, травами. Была въ домѣ и ком-

ната для пріѣзжихъ, тщательно меблированная; Стефанонъ при случаѣ отдавалъ ее внаймы либо иностраннымъ путешественникамъ, либо знакомымъ, которые пріѣзжали изъ Рима по дѣламъ. Въ настоящую минуту ее занималъ молодой англичанинъ, аппетитъ котораго приводилъ въ изумленіе Анету и заставлялъ ее „глазѣть“ на „рыжаго“ иностранца, къ неудовольствію ея родителей.

Энгусъ Дельримпль былъ родомъ изъ Шотландіи; онъ дѣйствительно отличался рыжими волосами и бѣлыми зубами; но Сора Нанна забыла прибавить, что онъ былъ очень недуренъ собой, сложенъ прекрасно и высокъ ростомъ; вся наружность его дышала добродушіемъ; улыбался онъ хоть и рѣдко, но улыбка освѣщала всю его физіономію словно лучомъ солнца; углы рта обличали несомнѣнную чувствительность и сдержанную страстность; блестящіе голубые глаза сверкали смѣлостью и энергіей.

Дельримпль былъ младшимъ сыномъ богатой семьи; окончивъ курсъ наукъ, онъ почувствовалъ призваніе къ медицинѣ; родные находили эту карьеру несовмѣстимой съ аристократическими традиціями, но Энгусъ настоялъ на своемъ, горячо принялся за дѣло и получилъ дипломъ на званіе доктора. Но борьба съ предразсудками не кончилась: родные уговаривали его сдѣлаться адвокатомъ, или военнымъ, или священникомъ, какъ, по ихъ мнѣнію, подобало младшему члену хорошей семьи. Ему-же ни одна изъ этихъ карьеръ не улыбалась; придя къ убѣжденію, что съ маленькимъ капиталомъ, приходившимся на его долю, онъ будетъ считаться на родинѣ бѣднякомъ, а за границей человѣкомъ состоятельнымъ, онъ рѣшилъ переселиться въ Европу и пріѣхалъ въ Италію, чтобы прежде всего изучить на мѣстѣ интересовавшій его вопросъ о средствахъ борьбы съ маляріей, считавшейся въ то время неизлѣчимой болѣзнью. Останавливаясь, по мѣрѣ изслѣдованій, то тутъ, то тамъ, Энгусъ пріѣхалъ въ Субіако и случайно очутился жильцомъ Стефанона на всю осень. Ему уступили двѣ комнаты, изъ которыхъ одну онъ превратилъ въ химическую лабораторію, рабочій кабинетъ и аптечку, а въ другой спалъ. Онъ чувствовалъ себя довольнымъ и счастливымъ, увлекался своими изысканіями и микроскопомъ и забывалъ весь міръ. Вначалѣ его поведеніе ставило втупикъ Стефанона и его семью; они съ недоумѣніемъ и тревогой слѣдили за жильцомъ, серьезно побаиваясь, не спознался-ли онъ съ нечистымъ, да не занялся-ли чернокнижіемъ, обрекая на вѣчную погибель душу свою, а чего добраго и души пріютившихъ его хозяевъ...

Вѣдь итальянецъ-простолюдинъ вполнѣ убѣжденъ, что

всѣ иностранцы, за исключеніемъ французовъ, еретики,—не даромъ жрутъ скоромное по пятницамъ!—и находятся подъ непосредственнымъ покровительствомъ сатаны, который допускаетъ ихъ жирѣть на этомъ свѣтѣ, съ разсчетомъ лучше поджарить на томъ. Но, съ другой стороны, молодой человѣкъ платилъ хозяину исправно и не торгуясь, ежедневно поглощая изумительное количество мяса и мѣстнаго вина,—чѣмъ и снискалъ расположеніе всей семьи Стефанона. Пораскинувъ умомъ, дальновидный хозяинъ рѣшилъ не прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ, а пока что, удовольствоваться слѣдующей: въ отсутствіи англичанина приглашенъ былъ священникъ со святой водой, и самъ Стефанонъ, вооружась ружьемъ, повелъ почтеннаго патера въ комнаты жильца, гдѣ и былъ отслуженъ молебенъ, съ очистительными молитвами и окропленіемъ святой водой. Послѣ этой мѣры хозяева вздохнули свободнѣе.

— Въ паспортѣ его сказано, что онъ докторъ,—сказалъ мѣстный врачъ,—еретикъ онъ или нѣтъ,—это до насъ не касается!

Томазо Таддси, мѣстный и единственный эскулапъ, обезоруженъ былъ тѣмъ обстоятельствомъ, что молодой коллега, при случаѣ, объявилъ ему о своемъ твердомъ намѣреніи отнюдь не заниматься практикой, а только изслѣдованіями по поводу маляріи; затѣмъ, безукоризненное вниманіе, съ которымъ иностранецъ выслушалъ допотопныя теоріи Томазо Таддси о способахъ борьбы съ маляріей, окончательно примирили послѣдняго съ пребываніемъ Дельримпля въ Субіако. Вотъ почему старый Томазо такъ снисходительно отнесся къ вопросу о возможной ереси англичанина и вѣроятныхъ сношеній его съ чортомъ.

II.

Сестра Марія Адолората сидѣла одна въ своей кельѣ у окна, устремивъ задумчивый взглядъ на облака, плывшія по осеннему небу; солнце клонилось уже къ закату. Не смотря на октябрь мѣсяцъ, ей было жарко, и въ церкви чуть не сдѣлалось дурно отъ духоты. Тонкіе бѣлые пальцы ея держали работу, но она не вышивала. Тамъ, за окномъ въ саду, благоухали цвѣты; разноцвѣтные шарики наверху монастырской ограды пестрѣли и искрились, какъ драгоцѣнные каменья, отъ косыхъ лучей заходящаго солнца; даже холодная голая келья, съ убогой кроватью и мебелью, казалась привѣтливѣе отъ внѣшняго блеска природы. Подъ крышей, во всякомъ углубленіи стѣны, лѣпились гнѣзда ласточекъ; гра-

діозныя пташки поминутно выпархивали, ныряли въ золотистомъ воздухѣ, кружились и быстро возвращались назадъ.

Невольно раскрылись губы сестры Маріи, и она запѣла. Странная то была мелодія, не менѣе странны и слова пѣсни; безысходной грустью вѣяло отъ нихъ; но дивный былъ голосъ пѣвицы, и за сердце хваталъ всякаго, кому удавалось слышать его, и забыть звуки этого голоса никто не смогъ бы.

А пѣть, между тѣмъ, строго воспрещалось уставомъ. Но человѣку, обладающему голосомъ, бываетъ порой такъ же трудно не пѣть, какъ не дышать. Подавить эту потребность почти невозможно; вѣдь жестъ и улыбка не всегда подчиняются волѣ, даже у самыхъ вымуштрованныхъ людей. Въ особенности, когда сестра Марія оставалась одна, эта потребность охватывала ее съ такой силой, что она забывала уставъ, дисциплину и пѣла, пѣла,—балладу за балладой, пѣсню за пѣсней.

Опустивъ на колѣни неподвижныя руки, устремивъ взглядъ вдаль, она съ глубокимъ чувствомъ пѣла:

„Я люблю тебя, о смерть! Прекрасны твои печальные глаза".

Дверь кельи неслышно отворилась.

— Марія!—послышался голосъ.

На порогѣ стояла игуменья, возмущенная, негодующая.

Но пѣвица продолжала:

„Руки твои нѣжны. Объятія холодны, но успокоительны! Приди, о возлюбленная! Я жду тебя"!

— Марія!—строго повторила игуменья,—что за вздоръ произносятъ твои уста?

Марія вздрогнула, словно спросонья, встала и, все еще держа въ рукѣ вышиванье, опустила голову передъ своей начальницей. Старуха тихими шагами подошла къ балкону, вдохнула въ себя струю живительнаго воздуха и, повидимому, залюбовалась красотой мирнаго пейзажа. Она была небольшого роста, полная женщина, держала себя со спокойнымъ достоинствомъ, присущимъ людямъ съ высокимъ положеніемъ. Крупныя черты лица ея были величественны, вслѣдствіе необычайной блѣдности и выраженія темныхъ глазъ, окруженныхъ синевой; въ общемъ наружность была значительная и сходство между теткой и племянницей несомнѣнно существовало.

Наконецъ, игуменья сѣла на стулъ.

— Сколько разъ говорила я тебѣ, что пѣть дозволяется только въ церкви?

Марія чуть замѣтно шевельнула плечами.

— Что мнѣ дѣлать? Я и сама не замѣтила, какъ запѣла!—отвѣчала она, не поднимая глазъ.

— Странно. Иль ты глуха? Едва-ли, если судить по тво-

ему пѣнію. Пожалуйста, чтобъ это было въ послѣдній разъ. Я слышала тебя изъ моей комнаты. И вдобавокъ какую-то любовную пѣсню, гадость какая!

— Обращенную къ смерти!—объяснила Марія.

— Все равно. Смущаешь весь монастырь. Уставъ знаешь? Подчиняйся ему. Если есть потребность пѣть, пой на клиросѣ.

— И такъ всегда пою.

— И отлично. Удовольствуйся этимъ. Вообрази, если бъ кардиналъ случился у меня въ гостяхъ сегодня, что бы подумалъ онъ о дисциплинѣ въ общинѣ?

— Дядя не разъ слышалъ мое пѣніе и хвалилъ мой голосъ!—просто сказала Марія.

— Голосъ—даръ Божій, который надо употреблять во славу Его!—проговорила смягченная настоятельница.—Злой духъ бодрствуетъ, дитя мое, и всегда сумѣетъ изъ самыхъ благородныхъ атрибутовъ сдѣлать орудіе для нашего искушенія. Когда кардиналъ похвалилъ твой голосъ, то, несомнѣнно, ты пѣла что-нибудь подходящее къ твоему званію монахини. Что сказалъ бы онъ, если бъ услыхалъ непристойныя слова, которыя ты только-что произносила? Какую-то смѣсь грѣховной любви и кощунственнаго воззванія къ смерти!

— Матушка, увѣряю васъ, что о любви нѣтъ помину въ этой балладѣ...

— Позорная пѣсня, повторяю тебѣ!—строго перебила тетка.—Довольно объ этомъ. Помни уставъ. Исполняй его.

Марія больше не возражала; она прислонилась къ косяку балконной двери и снова впала въ задумчивость. Сидя прямо на стулѣ, игуменья тоже замолчала, высказавъ все, что требовалось, и не имѣя привычки говорить лишнія слова. Обѣ женщины, близкія по крови и жизни, были абсолютно чужды другъ другу по духу и взглядамъ. Чуть умолкли сухія замѣчанія и нравоученія тетки, Марія снова умчалась воображеніемъ въ фантастическій міръ грезъ и безплотныхъ мечтаній. Практичная игуменья обдумывала происшедшій инцидентъ, давая себѣ слово не допускать его повторенія.

Старуха была не зла и не жестока и излишней строгостью не изводила своихъ подчиненныхъ; но характера была сильнаго и настойчиваго, опиравшагося на сознаніе наслѣдственнаго права и долга совѣсти. Въ общинѣ строгое замѣчаніе ея нагоняло тоскливый страхъ. Марія Брачіо съ дѣтства усвоила убѣжденіе, что тетка ея—человѣкъ особенный, исключительный; а годы, которые она провела въ монастырѣ и насмотрѣлась на царскія почести, окружавшія старуху,—только укрѣпили въ ней это убѣжденіе. И легкія возраженія, которыя она себѣ позволяла относительно тетки, свидѣтель-

ствовали лишь о недюжинной смѣлости молодой затворницы, Ни одна изъ остальныхъ монахинь не осмѣлилась бы подумать о подобной дерзости: община только и держится, пока подчиненіе и дисциплина безусловны.

Но, съ другой стороны, слѣдуетъ замѣтить, что строгая игуменья сама находила возможнымъ нѣсколько выдѣлять изъ прочаго безотвѣтнаго стада дѣвицу такой знатной крови, какъ Марія Брачіо; для нея старуха снисходила на нѣкоторыя уступки, напримѣръ, милостиво допускала ее выражать свое мнѣніе, хотя бы и несходное съ ея собственнымъ, иногда даже старалась вразумить ее, объяснить, почему и зачѣмъ... Она прекрасно знала, что племянница далеко не по доброй волѣ приняла постриженіе; но крѣпко уповала, что, подъ ея благотворнымъ вліяніемъ, Марія измѣнитъ образъ мыслей и со временемъ окажется на высотѣ своего положенія, чтобы замѣнить тетку на ея отвѣтственномъ и почетномъ посту. Ежедневно старуха молилась объ этомъ, въ твердомъ убѣжденіи, что молитвы ея будутъ услышаны, и что она все, все сдѣлала, чтобы привлечь къ Богу душу своей молодой намѣстницы.

Марія такъ предалась своимъ мечтамъ, что чуть снова не запѣла ту-же „грѣховную“ балладу, но, по счастью, во время опомнилась и удержалась; за то насиліе надъ ея волей заставило ее еще сильнѣе почувствовать гнетъ неволи и пожелать улетѣть куда-нибудь, вонъ туда вдаль, на свободу, исчезнуть, избавиться отъ ферулы. О, хоть бы на одинъ день вернуть свободу, вздохнуть полной грудью внѣ монастырскихъ стѣнъ, пробѣжаться по горнымъ тропинкамъ, забыть безотрадное однообразіе монастыря! Уснуть подъ небеснымъ сводомъ, проснуться съ пѣніемъ птичекъ вокругъ... Но крѣпка ея тюрьма и не вырваться изъ нея. Сегодня, какъ вчера, какъ завтра: молчаливая трапеза, душная церковь, пѣніе псалмовъ, затѣмъ одинокая, холодная келья, чуткій, тревожный сонъ до перваго удара колокола... Ночное богослуженіе и заря... слѣдующаго, точно такого-же дня!.. Непосильная тоска сдавила сердце Маріи; ей захотѣлось плакать, кричать, ломать руки...

Но игуменья, величественная, строгая, сидитъ тутъ, въ двухъ шагахъ; это олицетвореніе суроваго долга, добродѣтели, не знающей искушенія, безусловнаго совершенства; она не только смирились, но всей душой любитъ свое отреченіе, привязана къ монастырю всѣмъ своимъ застывшимъ сердцемъ, суевѣрно преклоняется передъ малѣйшей подробностью устава; упивается сѣрымъ однообразіемъ этой жизни, торжественно и непоколебимо проводитъ день за днемъ, симметрично, математически: молитва, пѣніе псалмовъ, благочестивое размышленіе, грубый обѣдъ изъ овощей... Она не допускаетъ

возможности, что можно иначе мыслить, по другому смотрѣть на вещи, иного желать!..

„Къ чему высказываться?—думала молодая затворница, стараясь усмирить свою мятежную потребность поговорить, излить душу.—Эта скала гранитная. Мы родныя только по крови; но были и будемъ чужды другъ другу по духу. Что изъ того, что мы съ ней знатнаго рода? Къ чему эти привилегіи здѣсь, гдѣ нѣтъ главнаго блага, свободы?..“

Отсюда вопросы еще грустнѣе, еще безотраднѣе: къ чему жизнь при такихъ условіяхъ? Къ чему обречена она быть заживо похороненной? Съ какимъ восторгомъ подставила-бы она шею подъ ножъ! Такой конецъ казался ей желаннымъ избавленіемъ отъ предстоящей долгой пытки!

О, ей хорошо извѣстны возраженія благочестивыхъ монахинь и наставниковъ на подобный грѣховный ропотъ: терпѣніе величайшая заслуга передъ Господомъ; молись, смирись, такъ угодно Богу. Это потруднѣе, чѣмъ пожертвовать жизнью въ минуту экзальтаціи и гордости, зная, что люди превознесутъ твою храбрость и будутъ дивиться твоему величію. Нѣтъ, ты томись, неси свой крестъ годъ за годомъ, умерщвляй свою плоть, проводи безсонныя ночи на молитвѣ, лежи распростертой на сырыхъ камняхъ, довольствуйся скудной пищей, не допускай себя никогда до веселаго настроенія, не смѣйся, когда муха упорно садится сто разъ на носъ игуменьи, не жалѣй объ обстриженныхъ волосахъ своихъ, задыхайся лѣтомъ и мерзни зимой въ твоей кельѣ. Совокупностью всѣхъ этихъ добродѣтелей ты спасешься... Такъ твердили сестрѣ Маріи при постриженіи, такъ твердятъ и теперь. Но она не проникается этими доводами, а ужъ, кажется, чего убѣдительнѣе?! Она все болѣе и болѣе подчиняется духу мятежнаго ропота, считаетъ себя жертвой фамильныхъ традицій, жестокихъ условностей свѣта, и душа ея бунтуетъ и возмущается.

Ну пусть бы монастырь служилъ убѣжищемъ грѣшницамъ, которымъ совѣсть не даетъ покоя, или несчастнымъ, потерявшимъ самое дорогое въ жизни: ихъ отреченіе отъ свѣта понятно, законно, утѣшительно. Онѣ пожили, любили, принесли сюда разбитыя сердца... А она, Марія, не жила. Ей только позволили мелькомъ взглянуть на земныя радости и заперли навѣки въ тюрьму. Нѣтъ, нѣтъ, смерть, желанная, милая избавительница, какъ не призывать ее? Возможно-ли, чтобы милосердный Богъ желалъ и требовалъ продолжительныхъ, медленныхъ страданій для созданныхъ Имъ твореній?!

Послѣднюю фразу сестра Марія, не отдавая себѣ отчета, произнесла вслухъ. Игуменья вздрогнула.

— Вотъ странный вопросъ! О чемъ ты думаешь, дочь моя? Тебѣ-ли, кармелиткѣ изъ рода Брачіо-Джероно, сомнѣваться въ необходимости и пользѣ страданія, въ величіи мученій? Или ты забыла про славный сонмъ мучениковъ, пострадавшихъ за вѣру?..

— Нѣтъ, не забыла! — съ живостью сказала Марія, — и въ величіи страданія не думаю сомнѣваться! Напротивъ, жалѣю, что я не могу принять мученическаго вѣнца. Почему не выпало мнѣ на долю этого счастья? Почему не обречены мы на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, на распятіе, на сожженіе на кострѣ, вообще, на жестокую, но быструю смерть? Почему?

— Спаси Господи и помилуй!—въ ужасѣ воскликнула игуменья, вовсе не жаждавшая мученической кончины.— Подобные порывы грѣховны и не угодны Богу, Марія. Мы должны со смиреніемъ и терпѣніемъ исполнять Его волю, преклоняться передъ необъяснимой мудростью Его промысла...

— Зачѣмъ мы здѣсь?—не унималась Марія, не слушая тетку,—что хорошаго дѣлаемъ мы? Для чего переносимъ столько медленныхъ мученій? Кому отъ этого польза? Не лучше-ли бы разомъ убивать насъ, обреченныхъ на постриженіе?

Игуменья въ негодованіи развела своими пухлыми руками и, нагнувшись всѣмъ корпусомъ впередъ, укоризненно уставилась глазами на племянницу.

— Въ умѣ-ли ты, Марія?—глухимъ голосомъ спросила она,—въ умѣ-ли ты?

— Кажется, въ умѣ,—спокойно отвѣтила молодая дѣвушка, повернувъ къ теткѣ свое блѣдное лицо.—Что-же такого безумнаго я сказала? Я приговорена и желала-бы сама избрать для себя родъ смерти,—вотъ и все. Не вижу въ этомъ желаніи ничего безумнаго...

— Злой духъ говоритъ твоими устами!—взволнованно перебила тетка,—но мы сумѣемъ побѣдить его! Молитва и эпитимья вотъ наши несокрушимыя орудія!

— Молитва и эпитимья, знаю...—съ горечью повторила Марія,—это вѣрная смерть... но какая медленная!

— Мнѣ подъ шестьдесятъ лѣтъ,—съ гордостью сказала игуменья,—я всю жизнь молилась и исполняла эпитимьи, и видишь, сильна и здорова до сихъ поръ.

— Ради всего святого, не говорите такъ!—взмолилась Марія,—не сглазьте себя! Вдругъ заболѣете, храни Богъ!

— Наша жизнь въ рукахъ Божіихъ!—уже гораздо спокойнѣе проговорила старуха.—Слушай меня, дитя мое: не поддавайся опаснымъ мыслямъ, гони ихъ прочь. Мы всѣ обязаны терпѣливо нести тотъ крестъ, который возложилъ на насъ Господь; Ему одному предоставимъ знать, какъ и когда

освободить насъ. Въ особенности мы, монахини, должны подчиняться Его волѣ съ радостью и благодарностью. Мы не должны забывать, что насъ Онъ избралъ между тысячами, предназначилъ на великій подвигъ подвижничества, что это исключительная милость и честь, залогъ спасенія, надежный оплотъ противъ соблазна свѣта, завидная привилегія! Жаловаться, роптать, желать уменьшить положенный намъ срокъ жизни,—это тяжкій грѣхъ, черная неблагодарность, достойная страшнаго наказанія. Бди и молись, дочь моя, наложи на себя эпитимью. И я за тебя буду молиться, чтобъ отогналъ отъ тебя Господь искушеніе!

Тутъ игуменья остановилась, чтобы отдышаться: она страдала астмой. Къ тому же краснорѣчіе ея изсякло. Волненіе еще не улеглось и, не смотря на сквознякъ между окномъ и дверью, старую игуменью даже бросило въ жаръ; обыкновенно безкровное, лицо ея покрылось багровыми пятнами, она схватила свой широкій рукавъ и принялась обмахиваться имъ.

Что касается до Маріи Адолората, то она вовсе не была удовлетворена и внушеніе тетки не приняла за отвѣтъ. И вотъ въ стѣнахъ угрюмой кельи изъ устъ молодой кармелитки, конечно, не читавшей Шекспира, вырвался мучительный вопросъ Гамлета:

— Что мы такое? Зачѣмъ живемъ на землѣ? Зачѣмъ прикованы здѣсь? Неужели мы обязаны жить? Не имѣемъ права самовольно умереть? Но въ такомъ случаѣ, мы, монахини, вдвойнѣ преступны: мы разсчитанно убиваемъ себя ежечасно въ этой могилѣ! Не даромъ окутываютъ насъ покровомъ при постриженіи, словно покойницъ! Зачѣмъ возмущаться самоубійствомъ? Въ чемъ разница? Мы добровольно сокращаемъ свою жизнь лишеніями, постомъ, умерщвленіемъ плоти. Я не о васъ говорю, матушка, и не о себѣ... Вы сильны и здоровы... Я, къ сожалѣнію, тоже. Мы съ вами долго продержимся. Но есть другія въ общинѣ, слабыя и болѣзненныя; тѣ чахнутъ и таютъ у насъ на глазахъ. Онѣ вѣдь сознательно покушаются на свою жизнь, изводятъ себя— тѣ же самоубійцы. Разрѣшите-же и мнѣ взять острый ножъ съ тонкимъ лезвіемъ и... навѣки успокоиться!

Игуменья вскочила съ мѣста съ широко-раскрытыми глазами; ужасъ былъ написанъ на ея вновь поблѣднѣвшемъ лицѣ.

— Несчастная, замолчи!.. Нечистый духъ вселился въ нее! Или она съума сошла! Господи, умилосердись надъ ней, прости ее! Она не знаетъ, что говоритъ!

При видѣ ужаса и отчаянія тетки, Марія поняла, что за-

былась. Она улыбнулась холодной, печальной улыбкой и сказала:

— Простите, матушка, я возмущаю васъ. Но я не предвидѣла этого. Говорила я искренно и отвѣта отъ васъ не получила. Сваливать все на нечистаго духа, это вѣдь не отвѣтъ!..

Но старуха не дала ей кончить. Въ неописанномъ гнѣвѣ, внѣ себя отъ ужаса, она схватила трепетными руками племянницу за плечи и съ силой пригнула ее къ полу.

— На колѣни! На колѣни! Молись, пока не поздно! Проси у Бога прощенія! Молись, слышишь? Не подымайся съ колѣнъ, пока Христосъ не выгонитъ изъ тебя бѣса!.. Давай молиться вмѣстѣ, о дочь моя, чтобы не погибла бѣдная душа твоя навѣки!

Старуха сама грузно опустилась на колѣни, сильной рукой придерживая распростертую на полу грѣшницу, и потокъ горячихъ молитвъ полился съ устъ ея. Она пылко взывала къ помощи Всевышняго, говорила и своими словами и заученными молитвами, прося отогнать злого духа, смущающаго юную душу, оградить отъ него всю обитель, ввѣренную ея материнскимъ попеченіямъ и заботамъ.

III.

Хотя докторъ Томазо Таддси и принялъ сторону пріѣзжаго товарища по профессіи, не грозившаго стать ему поперекъ дороги, но это не мѣшало ему при случаѣ посплетничать на его счетъ, посмѣяться надъ его странностями, словомъ, промыть ему косточки, какъ принято въ провинціальномъ захолустьи. Въ этотъ вечеръ, почувствовавъ непреодолимую потребность почесать языкъ,—любимое занятіе большинства людей съ узкимъ кругозоромъ,—ему вдругъ пришлось убѣдиться, что онъ ступилъ на опасную почву. Ему уже случалось высказывать догадки, что, вѣроятно, прелести юной Анеты, столько-же, сколько и изслѣдованія о маляріи, удерживаютъ англичанина въ Субіако; но на сей разъ онъ вздумалъ высказать тоже предположеніе самому Стефанону, отцу Анеты, и вышло нѣчто совсѣмъ неожиданное для болтливаго Томазо Таддси.

— Чортъ возьми!—рявкнулъ въ отвѣтъ на шуточки взбѣшенный Стефанонъ и съ трескомъ поставилъ стаканъ на столъ.—Кто дорожитъ своей шкурой, пусть не повторяетъ мнѣ такихъ штукъ!..

Жена Стефанона, Нанна, сравнивала кулакъ мужа съ булыжникомъ; кромѣ этого преимущества, у него имѣлось ослиное упрямство. Было ему тридцать пять лѣтъ; природа на

дѣлила его среднимъ ростомъ, смуглой кожей, римскимъ профилемъ и жгучими глазами; онъ обладалъ недюжинною силой, легко выходилъ изъ себя и въ ярости не останавливался ни передъ чѣмъ. Носилъ костюмъ крестьянина и брилъ лицо; занимался торговлей виномъ. Когда онъ уѣзжалъ въ Римъ, молодой парень, Джиджето, занимался его дѣлами, и вскорѣ порѣшили, что со временемъ Анета выйдетъ замужъ за этого помощника отца. Но всѣмъ также было извѣстно, что нареченному жениху сильно не нравится кокетство Анеты, хотя бракъ съ нею и казался заманчивымъ. При такомъ положеніи дѣла станетъ понятнымъ, почему щекотливыя шуточки доктора Томазо Таддси сыграли роль искры, брошенной въ порохъ. Къ несчастью, старый болтунъ спохватился слишкомъ поздно. Онъ вынулъ табакерку,—въ трудныхъ случаяхъ онъ всегда прибѣгалъ къ этому средству,—медленно втянулъ ноздрями щепотку табаку, раздумывая, какъ бы поправить дѣло. Но всякому извѣстно, что гораздо легче сболтнуть лишнее, чѣмъ поправить сдѣланную неловкость, а субіакскій докторъ къ тому-же не отличался быстротой соображенія.

— Беру свои слова назадъ!—нашелся онъ, наконецъ, съ усердіемъ разсматривая мозаичную картинку на своей табакеркѣ,—перестанемъ и думать объ этомъ.

— Пусть лопнуть мои глаза, если я забуду!—крикнулъ Стефанонъ, и ноздри его раздулись, глаза разгорѣлись еще пуще.—Услыхать, что дочь моя дѣлаетъ глазки этому англичанину! Чортъ побери!.. Не будемъ думать! Ишь что сказалъ. Слова ранятъ, какъ кинжалы, и такія раны не залѣчить докторамъ. И время ихъ не вылѣчитъ. Если вы этого не знаете, такъ вы неучъ, невѣжда, вотъ вы кто!

— Да вы такъ?—возвысилъ голосъ и докторъ, серьезно разобиженный,—вы смѣете обзывать меня невѣждой? Меня, ученаго человѣка? Какъ у васъ языкъ повернулся сказать это? Да вы-то сами, что такое? Есть у васъ дипломъ изъ сапіенскаго университета? А?

— А если бъ и былъ, такъ я бы завернулъ въ него кусокъ ветчины для перваго покупателя,—туда ему и дорога. По крайней мѣрѣ, польза!.. Плевать я хотѣлъ на ваши дипломы, да и на васъ самого въ придачу! Внушилъ-ли вамъ дипломъ-то вашъ, что значитъ дочь для отца, кровь и плоть его?

— Знайте, безграмотный, сѣрый мужикъ, что не вашего ума дѣло понять, что даетъ дипломъ!

— Да, я мужикъ,—разсвирѣпѣлъ Стефанонъ,—но я не дуракъ!

— Кого вы называете дуракомъ?

— Да хоть бы васъ, если желаете знать. Дуракъ вы и невѣжда.

— Замолчишь-ли ты, безсовѣстный грубіянъ?

— Прежде ты заткни свой ротъ, сплетникъ и невѣжда!

— Опять? Повтори, повтори!..

— Невѣжда, невѣжда, невѣжда! На!

— Скотина!

— Поставщикъ падали!

— Животное!

— Въ стачкѣ съ могильщиками!

— Ciociaro!—завопилъ докторъ.

„Ciociaro“ въ горахъ—ругательное слово, означающее послѣдняго негодяя, бродягу, отребье человѣческаго рода.

Такое оскорбленіе не проходитъ даромъ.

— Что?? Ciociaro, я? Эй, кто тамъ?—Стефанонъ вскочилъ какъ ужаленный,—тысячу чертей! Я его убью.

Онъ поднялъ кулакъ; по счастью, между ссорившими былъ столъ, на которомъ стояли пустыя бутылки; это оказало временную защиту доктору и позволило ему усмотрѣть возможность спастись бѣгствомъ. Онъ поспѣшно отодвинулъ стулъ, но въ эту минуту высокая фигура показалась на порогѣ двери.

— Плохія условія для сраженія,—произнесъ насмѣшливый голосъ, съ иностраннымъ акцентомъ:—вамъ не достать противника, синьоръ Стефанонъ, рука ваша короче стола.

Эффектъ вышелъ поразительный. Хозяинъ упалъ на свое мѣсто, а искаженное злобой лицо доктора приняло выраженіе профессіональной привѣтливости.

— Мы шутили... разговаривали... дружески... пустяки!—заикаясь отъ волненія, произнесъ Томазо Таддси,—другъ нашъ, Стефанонъ, старался убѣдить меня.

— Будь столъ покороче, его аргументы тронули бы васъ, надо полагать!—сказалъ Энгусъ Дельримпль, ставя на столъ свой ящикъ съ травами и обмѣниваясь рукопожатіемъ съ докторомъ. Затѣмъ онъ спокойно усѣлся возлѣ Стефанона, который тоже, повидимому, счелъ за лучшее отложить ссору до болѣе удобнаго момента.

— Это такъ... ничего... шутки,—повторилъ и онъ сдержанно, хотя налитые кровью глаза и противорѣчили такому объясненію.

Вошла въ залу Анета, съ лампой въ одной рукѣ и съ виномъ въ другой. Лампу она поставила посреди стола, а вино и стаканъ передъ англичаниномъ.

— Вотъ вамъ!—она улыбнулась, сверкнула зубами и глазами.—Я видѣла съ верху, что вы вернулись съ прогулки, и знаю, что вамъ требуется пропустить стаканчикъ, для возбужденія аппетита, не такъ-ли? Вѣрно вѣдь?

Дельримпль кивнулъ только головой въ знакъ согласія

и сдѣлалъ движеніе, собираясь наполнить стаканы собесѣ
никовъ; но тѣ прикрыли свои стаканы ладонями, отказываяс
принять угощеніе, съ вѣжливой, впрочемъ, улыбкой. Тогд
онъ налилъ себѣ и медленными глотками началъ пить, н
преминувъ сначала брызнуть нѣсколько капель вина н
полъ, по мѣстному обычаю: не исполнить этого, значит
оскорбить хозяина.

— Теперь кушать?—спросила Анета жильца, съ очеви
нымъ удовольствіемъ поглядывая на него.

— Да, пожалуй, я не прочь. Изрядно проголодался. Чѣм
покормите меня сегодня?

— Проголодались? Вотъ чѣмъ удивили!—дѣвушка сно
раскатисто захохотала—когды вы бываете сыты? Слава Бог
всегда въ аппетитѣ. Смотрѣть пріятно, какъ вы кушаете
Чѣмъ буду кормить васъ? Вареным мясомъ или баранино
выбирайте, ветчиной,—хорошенькой, свѣжей ветчинкой... За
ней ножкой нашего покойнаго, жирненькаго „Лакомки
Помните „Лакомку", синьоръ Томазо? Чудный боровъ был
красавецъ! Вотъ попробуйте-ка его окорочекъ, да скажите-
каковъ? Есть еще салатъ и мягкій хлѣбъ, какъ вы любит
Объ винѣ не говорю. Вы наше вино одобряете, синьор
англичанинъ.

— Больно много трещишь!—угрюмо замѣтилъ ей отец

— Почему же и не поболтать, папа? Не деньги сыплютс
у меня изо рта, а слова... Сколько ихъ ни сыпь, все мно
останется!—шутила дѣвушка, мотнула черной головкой
упла.

— Хорошенькая и умница!—произнесъ Томазо Таддс
примирительно, бросая взглядъ на Стефанона.

— Васъ, вѣрно, скоро пригласятъ въ монастырь кармел
токъ,—сказалъ Энгусъ Дельримпль, обращаясь къ доктор
Томазо Таддси.—Я проходилъ мимо и случайно узналъ, чт
настоятельница заболѣла.

— Мать игуменья? Заболѣла?—всполохнулся докторъ,—
отъ кого вы слышали, синьоръ Ангосція?

— Энгусъ,—поправилъ Дельримпль.

Не смотря на всѣ старанія, докторъ Томазо никакъ н
могъ запомнить имени англичанина и звалъ его послѣдо
вательно: то Лангустомъ, то Ангуасомъ, то Ангосціемъ; н
тотъ съ британскимъ хладнокровіемъ и упорствомъ кажды
разъ поправлялъ его, не отчаиваясь внушить ему прибли
зительно-вѣрное произношеніе.

— Имя мое—Энгусъ,—въ сотый разъ повторилъ онъ.—От
кого я слышалъ? Отъ монастырскаго садовника, съ которым
перекинулся парой словъ, мимоходомъ.

— И опасно заболѣла, не знаете? Не молода ужъ она... Что надъ ней стряслось?—волновался докторъ Томазо.

— Простуда, насколько я могъ понять.

— Бѣгу домой!—заторопилоя Томазо.—Съ минуты на минуту могутъ явиться за мной, нельзя заставлять ждать матушку. Простуда... Богъ знаетъ, чѣмъ это можетъ кончиться... Бронхитъ, плевритъ, воспаленіе легкихъ... Надо приготовить мушки... ланцетъ... почемъ знать, что понадобится? До свиданія, синьоръ Ангосціа, бѣгу... Добраго вечера, Стефанонъ, не сердись! Если вырвалось у меня непріятное слово, я сожалѣю объ этомъ. До свиданія!

— Пошелъ къ чорту! Проваливай!—пробурчалъ Стефанонъ, когда спина доктора исчезала за дверью.

— Что такъ?—спросилъ Дельримпль.

— Я ничего... молчу!—отозвался хозяинъ, убавляя пламя лампы.

— Хорошо. А я пойду передъ ужиномъ вымою руки,—сказалъ Энгусъ.

У двери молодой человѣкъ встрѣтился съ Анетой, несшей приборъ.

— Не мѣшкайте!—крикнула она ему вслѣдъ,—баранина готова!—и по обыкновенію весело расмѣялась.

Стефанонъ молчалъ, пока не стихли шаги жильца, затѣмъ съ угрозой обратился къ накрывавшей на столъ дочери:

— А ты, егоза, посмѣй еще дѣлать глазки англичанину,—увидишь тогда!

— Вы, вѣрно, не мнѣ говорите?—спросила Анета, поднявъ брови.

— Тебѣ, тебѣ. Кому же еще? Берегись, помни, что я сказалъ!—угрюмо, опустивъ глаза, повторилъ Стефанонъ.

— А кто вамъ сказалъ, что я занимаюсь англичаниномъ? Чтобъ лопнуть мерзавцу, который сказалъ это вамъ! Чтобъ его разорвало... Чтобъ ему...

— Ай да дѣвица, какъ выражается прилично! Синьоръ Томазо сказалъ мнѣ, вотъ кто, если желаешь знать. Еще бы немножко, и я выцарапалъ бы ему глаза...

Глаза Анеты гнѣвно сверкнули, верхняя губа оскалилась, обнажая острые зубы.

— Мы съ нимъ посчитаемся!—прошипѣла она.

— А всетаки есть правда въ его словахъ,—замѣтилъ Стефанонъ, — куда англичанинъ, туда и ты. Заботишься о немъ, зубоскалишь съ нимъ, служишь ему... Мнѣ это не нравится.

— Служу ему? Да кто же станетъ служить жильцу, какъ не я? Вы думаете, мнѣ весело жариться у плиты, готовить для него? Наймите прислугу, я буду очень рада. Плевать мнѣ на

вашего англичанина... А до синьора Томазо я доберусь. погоди!

Она умолкла. Но отецъ, знавшій свою дочку, тревожн поднялъ голову.

— Ну, ну, ты того... смотри!—предостерегъ онъ.

— Хорошо, хорошо!—упрямо повторила Анета, ставя пр боръ.

— Я бы въ первую минуту самъ готовъ былъ задуши его,—сказалъ отецъ,—да вошелъ англичанинъ и помѣшал Теперь я радъ: не тотъ виноватъ, кто сказалъ. Только помн бойся моего гнѣва! Поймаю опять твои ужимки, не сдобр вать тебѣ!

— Попадетъ отъ меня перво наперво доносчику! — пр ворчала себѣ подъ носъ неукротимая дѣвушка.

— Чего бурчишь тамъ?

— Говорю, что пока англичанинъ живетъ у насъ, ни вы ни докторъ Томазо не помѣшаете мнѣ смотрѣть на него!- огрызнулась она.

— Дрянь! Смѣешь ты грубить отцу?

— Чѣмъ грубить? Какая тутъ грубость? Глаза даны, чтоб смотрѣть! — Анета дерзко засмѣялась, — да и по правдѣ го воря, пріятнѣе смотрѣть на синьора Ангосціа, чѣмъ... хот бы на васъ, или на доктора Томазо, или на Джиджето!..

— Дерзкая тварь!—крикнулъ отецъ,—признаешься? Н боишься сказать мнѣ въ глаза, что тебѣ нравится мужчин не изъ нашихъ? Что ты предпочитаешь его честному парн который готовъ жениться на тебѣ? Постой, негодяйка, я тебя

Онъ всталъ и началъ пробираться между скамьей и ст ломъ, стараясь, не смотря на волненіе, не стащить за собо скатерть. Но Анета не струсила и съ вызывающимъ видом остановилась, подперевъ бока руками.

— Что дальше?

— А дальше то, что убью тебя, чуть что замѣчу!

— Убейте сейчасъ... Успѣете до прихода англичанин Онъ еще моетъ руки!

Раздалась звонкая пощечина.

— Чортъ!—сквозь зубы выругалась Анета, не удостоив даже схватиться за покраснѣвшую щеку; но когда отец нѣсколько успокоенный экзекуціей, вышелъ за дверь, он потрясла ему вслѣдъ кулакомъ.—Отомщу за все!—тихо ска зала она,—главному виновнику отомщу, какъ Богъ святъ!

Она взяла со стола ножъ, осторожно провела пальцам вдоль лезвія и съ презрѣніемъ положила его на мѣсто.

Въ эту минуту шаги англичанина послышались на л стницѣ Анета встрепенулась и встрѣтила его со своим обычнымъ веселымъ видомъ.

— Сію секунду несу жаркое!—крикнула она и бѣгомъ кинулась въ кухню.

Дѣйствительно, черезъ мгновеніе она вернулась съ дымящимся блюдомъ баранины, поставила его передъ жильцомъ, сама усѣлась противъ него и приготовилась смотрѣть, какъ онъ будетъ ѣсть.

— Синьоръ, вы, должно быть, очень сильны?—сказала она, не вытерпѣвъ двухъ минутъ молчанія.

— Почему вы такъ думаете?—спросилъ въ свою очередь Энгусъ, уписывая жаркое съ замѣчательнымъ аппетитомъ.

— Вы такъ много ѣдите! Хорошо, кто можетъ столько ѣсть!—съ восхищеніемъ замѣтила дѣвушка.

— Кто-же мѣшаетъ вамъ слѣдовать моему примѣру?—отозвался Энгусъ, залпомъ осушивъ стаканъ.

— Да я не могу! А у васъ всѣ такъ ѣдятъ?

— У насъ больше питаются овсомъ,—съ улыбкой отвѣтилъ Дельримпль.

— Точно лошади. Какъ странно! А я вотъ съѣмъ тартинку съ сыромъ, или фигу, или салату—и сыта по горло.

— Точно кармелитка,—замѣтилъ онъ.

— Да, бѣдныя кармелитки! Не завидую имъ. Вѣчно на молитвѣ, взаперти весь вѣкъ... Ѣдятъ одну вареную капусту. Вокругъ монастыря такъ и стоитъ капустный духъ... А тѣсто хорошее умѣютъ печь, это я знаю.

— Вы часто ходите въ монастырь?—освѣдомился англичанинъ, энергично принимаясь за окорокъ „Лакомки“.

— Я хожу туда, когда надо отнести тонкое бѣлье,—охотно принялась объяснять болтунья,—покровы на алтари и аналои, вещи самой матушки-игуменьи. Тяжелое бѣлье носитъ мама. Она же считаетъ съ сестрой Маріей, а я смотрю...

— Такъ вамъ разрѣшается видѣть лица монахинь?—полюбопытствовалъ заинтересованный Дельримпль,—чѣмъ занимаются онѣ цѣлые дни? Вѣдь есть между ними и молодыя?

— Еще бы! И сколько даже красивыхъ! Вотъ хоть бы племянница матушки... Ахъ, кабы вы видѣли! Она кастелянша... Подумайте: такая знатная барышня, и бѣлье считаетъ!

— Развѣ знатная?

— Да откуда вы? Дочь самого принца Джероно! Это всякому извѣстно. Она со временемъ будетъ настоятельницей, когда теперешняя матушка помретъ. Она вѣдь тоже изъ рода Брачіо-Джероно. Только она еще здорова, Богъ съ ней, и крѣпка. Не скоро умретъ. Долгонько придется подождать сестрѣ Маріи Адолоратѣ!

Анета значительно покачала головой, потомъ вдругъ спросила:

— А что бы вы дали, чтобы видѣть ее? Господи, какая

красавица! И всегда печальная... печальная! Такіе черны мягкіе глаза, лицо—какъ у ангела, а волосы—чистое золото. Я разъ видѣла ее простоволосую. Она бѣлокурая... не рыжая какъ вы... а бѣлокурая...

— Да, я, конечно, рыжій,—спокойно согласился Энгусъ.— И эта бѣдная сестра Марія всегда грустна, говорите вы?

— Ага, знать хотите побольше? Заинтересовались? См трите, не потеряйте сердца! Влюбиться въ кармелитку, шутк сказать! То-то бы скандалъ! Да вы къ тому же еретикъ! Хо рошо, что вы, какъ я вижу,—Анета расхохоталась,—больш заняты окорокомъ нашего „Лакомки", чѣмъ моими исторіями Не шутя, вы увлеклись имъ? Хорошъ? Что я говорила? Соч ный, мягкій,—самому святому отцу не совѣстно бы подать!

— Окорокъ великолѣпный! Лучшаго, поистинѣ, не ѣдал Но всетаки разскажите еще о вашей печальной монахинѣ Что дѣлаетъ она цѣлые дни?

— Что ей дѣлать? Стоитъ по часамъ на колѣняхъ, мо лится, ѣстъ овощи. Скучная жизнь, правда? Но она счи таетъ бѣлье...

— Плохое развлеченіе!

— Вы думаете? Посидѣли бы въ монастырѣ, не то бы запѣли. И бѣлью обрадуешься. Ей, поди, всѣ сестры зави дуютъ,—а почти всѣ благородныя, знатныя дѣвицы, не знав шія дома, что значитъ отдавать и принимать бѣлье. Ахт невеселая жизнь въ монастырѣ, увѣряю васъ! Сестра Марі иногда поетъ, когда остается одна... какой голосъ! Влады чица, какой голосъ!.. Только игуменья сердится за это: уставъ не велитъ пѣть! Не желала бы я быть кармелиткой, ни з какія горы золота!

— Что же заставило такую знатную красавицу уйдти в монастырь? Несчастная любовь?

— Нѣтъ, нѣтъ! Неужели вы думаете, что ея мнѣнія спра шивали? Какъ бы не такъ. Просто такъ ужъ изстари ведется надо имѣть наготовѣ одну дѣвицу Брачіо, чтобъ замѣнит со временемъ игуменью. Родители выбрали ее, вотъ и все О, это важные, сильные господа! Чтó они рѣшатъ, такъ том и быть. Легче сдвинуть съ мѣста эту скалу, чѣмъ заставит ихъ отступиться отъ своего рѣшенія. Вотъ ее и заперли в монастырь. Прочно заперли, нечего и говорить. Эту дверь н отопрешь!.. Остановитесь когда-нибудь около ограды, окол маленькой калиточки, можетъ быть, на ваше счастье, и услы шите ея пѣнье. Ахъ, синьоръ Ангосціо, врядъ-ли ангел такъ поютъ на небѣ! Я двинуться съ мѣста не могу, когд заслышу ея голосъ... Но я дура, что все это говорю вамъ Вы, чего добраго, услышите да и влюбитесь въ сестру Ма рію! А на моей душѣ грѣхъ будетъ...

— Да какой-же въ этомъ грѣхъ?—спросилъ Энгусъ, наполняя свой стаканъ.

— Какъ? Въ монахиню?—всплеснула руками Анета,—Богъ знаетъ, что вы болтаете! Видно, что чужестранецъ!..

Вдругъ лицо и голосъ дѣвушки измѣнились; входилъ въ дверь новый гость.

— Войдите, войдите, синьоръ Томазо!—преувеличенно ласково пригласила она,—не прикажете-ли стаканчикъ вина?

— Глоточекъ, дитя мое, одинъ глоточекъ. Благодарю, дитя мое!—говорилъ докторъ Томазо Таддси, войдя въ столовую, закутанный въ широчайшій плащъ и съ аптечкой подъ мышкой.—Игуменья очень больна. За мной прислали, и я могу тамъ задержаться. А ужъ, конечно, сестры не догадаются угостить меня стаканомъ винца! Полстаканчика, не больше, дитя мое!

— Кушайте на здоровье, синьоръ Томазо...

IV.

Не часто приглашали доктора кармелитки; или онѣ отличались крѣпкимъ здоровьемъ, или, въ случаѣ болѣзни, довольствовались домашними средствами, переходившими къ нимъ по традиціямъ старины. Да, по правдѣ говоря, и прекрасно дѣлали: едва-ли было бы лучше подчиняться лошадиному лѣченію того времени. Главнымъ образомъ, онѣ хворали отъ всѣхъ видовъ простуды, начиная отъ насморка и до воспаленій,—благодаря сырымъ каменнымъ поламъ и сквознякамъ, промозглому холоду корридоровъ и келій, запрещенію укрываться теплыми одѣялами зимой и согрѣться чашкой теплаго питья съ виномъ. Если заболѣвшая была не стара и крѣпкаго сложенія, то выдерживала и приспособлялась къ невзгодамъ среды; если—нѣтъ, то умирала въ болѣе или менѣе короткій срокъ. Надо полагать, что вмѣшательство доктора не внесло бы существенной перемѣны въ такой порядокъ вещей, и смертность въ монастырѣ не уменьшилась бы отъ его заботъ.

Но хотя игуменья и не разъ хворала, однако, такъ скверно себя никогда не чувствовала, такъ что не большого труда стоило уговорить ее послать за докторомъ,—что немедленно и сдѣлали. Томазо явился, снабженный такимъ количествомъ снадобій, что съ успѣхомъ могъ бы отравить всю общину. Онъ позвонилъ у главнаго подъѣзда; послышалось отдаленное хлопаніе дверей, шуршаніе ногъ по каменнымъ плитамъ, и, наконецъ, подошла сестра-привратница съ другой монахиней, вооруженныя лампой; сквозь щели старыхъ дверей за-

мелькалъ свѣтъ и заигралъ на треснувшихъ мраморны ступенькахъ крыльца. Затѣмъ послышался вопросъ:

— Кто тамъ?

Докторъ назвалъ себя. Начались сдержаннымъ шопото оживленныя пререканія между монахинями; одна говори что разъ посылали за докторомъ, то слѣдуетъ его немедле впустить; другая возражала, что это быть можетъ злоумы ленникъ.

Первая предлагала убѣдиться въ этомъ, посмотрѣвъ замочную скважину; вторая напомнила, что обѣ онѣ лич не знаютъ доктора. Та, которая какъ будто обладала нѣ торымъ здравымъ смысломъ, выразила мнѣніе, что отлич почтеннаго доктора отъ разбойника довольно легко. Наконе открылось крошечное окошечко около двери, снопъ св вырвался оттуда и освѣтилъ фигуру доктора Томазо Тадд нетерпѣливо топтавшагося на крыльцѣ; за рѣшетчатымъ о шечкомъ виднѣлось закрытое вуалемъ лицо; два глаза оп ливо уставились на пришедшаго посѣтителя; затѣмъ окошеч захлопнулось.

— Да вы точно-ли докторъ?

— Господи, да, конечно. Я Томазо Таддси, призванъ . чить ея преподобіе, мать-игуменью.

Еще о чемъ то пошептались; загремѣли ключи, заск пѣли засовы; дверь боязливо отворили, и докторъ прони въ святилище.

— Слава Богу!—воскликнулъ онъ.

— Хвала имени Его!—подхватили разомъ монахини.

Онѣ тщательно заперли снова двери. поставивъ лам на полъ, въ то время, какъ синьоръ Томазо ежился отъ лода, охваченный промозглой сыростью корридора со свода потомъ, взяли лампу и понесли впередъ по лабиринту реходовъ, закоулковъ, спускались внизъ, подымались ввер докторъ слѣдовалъ за ними, кутаясь въ свой плащъ. Таки образомъ, достигли, наконецъ, до прихожей игуменьи. Воз двери стояла стройная тѣнь съ закрытымъ лицомъ,—то бы сестра Марія. Она привѣтствовала доктора и пригласила въ гостиную; оставшіяся монахини методическимъ жесто засунули руки въ широкіе рукава своихъ рясъ и встали дежурство по обѣ стороны дверей, въ корридорѣ.

Не смотря на серьезную болѣзнь, игуменья ни за что хотѣла допустить доктора къ себѣ въ спальню. Пришл поднять ее черезъ силу, одѣть, закрыть ей лицо вуалем вывести въ гостиную, гдѣ она, утомленная до безч ствія, помѣстилась, наконецъ, въ креслѣ, обложенная поду ками и чувствуя себя еще хуже, чѣмъ днемъ.

Въ комнатѣ замѣтна была попытка сдѣлать нѣкотор

обстановку: лампы были серебряныя, съ абажурами въ видѣ вѣеровъ, съ гербами Брачіо; спинки стульевъ рѣзныя, высокія, въ церковномъ стилѣ; полъ мраморный, черной и бѣлой мозаики; большой портретъ его святѣйшества Григорія XVI, великолѣпное серебряное распятіе; наволоки на подушкахъ батистовыя, съ изящной вышивкой,—все, не смотря на условную суровость, указывало, что хозяйка знатная дама, важное лицо въ церковной іерархіи.

Не безъ трепета принялся докторъ Томазо за оскультированіе больной, да и не легкимъ это было дѣломъ. Бѣдная игуменья съ отвращеніемъ позволила пощупать свой пульсъ, воображая, что дальше этого снисхожденія ужъ некуда идти; только послѣ усиленныхъ просьбъ племянницы, она дозволила приподнять на мгновеніе свой вуаль и тотчасъ-же поспѣшно спустила его на лицо, едва успѣвъ показать языкъ.

— Не могу же я по наитію лѣчить ваше высокопреподобіе!—воскликнулъ, наконецъ, выведенный изъ терпѣнія старикъ, послѣ безуспѣшныхъ попытокъ выслушать грудь больной.—Сестрица,—обратился онъ къ Маріи,—уложите матушку въ постель. Большую неосторожность сдѣлали вы, допустивъ ее встать. Болѣзнь серьезная,—я обязанъ предупредить васъ,—надо дѣйствовать энергично!

— Да будетъ воля Господня!—произнесла изъ-подъ вуаля игуменья, слабымъ глухимъ голосомъ.

— Объясните мнѣ, что надо дѣлать,—сказала торопливо Марія,—все, что вы предпишете, будетъ въ точности исполнено.

Докторъ полѣзъ въ аптечку.

— Вотъ,—сказалъ онъ, извлекая изъ ящика мази и пластыри и объясняя ихъ назначеніе.—А еще лучше будетъ,—прибавилъ онъ,—если мы вмѣстѣ съ вами разотремъ больную и налѣпимъ пластырь... Дѣло будетъ проще...

Но игуменья вздрогнула отъ ужаса.

— Съ нами крестная сила!.. Вы видно забыли, у кого вы? Съ кѣмъ говорите?

Припадокъ кашля прервалъ ея негодующую рѣчь; бѣдная женщина задыхалась отъ волненія.

— Уходите лучше, докторъ!—шепнула Марія,—я все поняла, увѣряю васъ. Исполню пунктуально. Завтра утромъ опять навѣстите матушку. Я подробно разскажу вамъ, какъ пройдетъ ночь... Вы видите,—ваше присутствіе раздражаетъ и волнуетъ ее!

Не совсѣмъ довольный, но принужденный покориться, заперъ Томазо свою аптечку, взялъ ее подъ мышку, захватилъ шляпу и отвѣсилъ низкій поклонъ.

— Спокойной ночи и скораго выздоровленія желаю в
шему преподобію!—проговорилъ онъ.

Сестра Марія проводила его до дверей корридора
оставшись вдвоемъ съ глазу на глазъ, спросила:

— Ваше мнѣніе?

— Какъ могу я отвѣтить?—съ горечью отвѣтилъ с
рикъ,—ни осмотрѣть, ни выслушать! Я и языка-то больн
можно сказать, не видалъ. Скажу одно: очень плоха. Бро
хитъ-ли, плевритъ-ли, или начинается воспаленіе,—одно
Богу извѣстно. Я зналъ бы какъ лѣчить, если бъ выслуша
паціента. Потогонное, мушки, горчишники, слабительн
мало-ли средствъ. Главное,—діета... А теперь я лѣчу наудач
Откровенно говорю, сестрица: не ждите чудесъ отъ тако
лѣченія.

— Попробуйте, всетаки,—кротко сказала Марія,—завт
придите пораньше.

Она поклонилась и вернулась въ комнаты игуменьи
докторъ вышелъ въ корридоръ и увидалъ обѣихъ мо
хинь на часахъ у двери. Одна изъ нихъ взяла лам
съ пола, и обѣ двинулась впередъ, указывая ему доро
Прошли безконечные корридоры со сводами, добрались
дверей; снова застучали запоры, звякнули ключи, завизжа
петли, и докторъ очутился внѣ ограды, въ потемкахъ.

Ночь была бурная, ни зги не видно; осенній вѣте
дулъ съ горъ и неистово трепалъ широкій плащъ докто
хлопавшій, словно крылья гигантской ночной птицы.

Довольно долго шелъ докторъ, ощупью отыскивая нога
тропинку; наконецъ, ему неудержимо захотѣлось понюха
табачку. Но это оказалось дѣломъ не легкимъ. Онъ оста
вился, поставилъ на землю аптечку и принялся шарить
карманамъ, отыскивая табакерку. Но вѣтеръ съ удвоенн
яростью трепалъ полы его плаща, воротникъ хлесталъ е
по лицу; наконецъ, онъ нашелъ табакерку, открылъ ее, взя
щепотку табаку и ужъ донесъ было до ноздрей, какъ вдру
одна порошинка попала ему въ правый глазъ и причини
нестерпимую боль. Наполовину ослѣпленный, онъ нагнул
нащупалъ свою аптечку, проклиная свою идею понюх
табачку, и вдругъ замѣтилъ, что кто-то приближается
нему сзади.

— Эй! Кто тамъ! Не налетите на меня, осторожнѣй!
чортъ побери этотъ вѣтеръ!—выругался онъ, снова собир
разлетѣвшіяся полы плаща.

— Чортъ побери тебя самого!—прошипѣлъ надъ самы
его ухомъ женскій голосъ, и въ ту же минуту его три ра
подрядъ ударили ножомъ.

Послышался крикъ; докторъ Томазо упалъ носомъ

землю, а вѣтеръ закуталъ его голову плащомъ. Легкіе шаги замерли въ темнотѣ. Буря усилилась; сухіе листья крутились и неслись дальше; тьма становилась еще непроглядн-нѣе; по тропинкѣ никто больше не шелъ.

V.

Послѣ ужина Дельримпль принялся читать при свѣтѣ лампы, но не могъ сосредоточить свое вниманіе на книгѣ. Вначалѣ онъ подумалъ, что виной тому Анета, убиравшая со стола и шумѣвшая больше, чѣмъ когда-либо. Но вотъ она ушла, а ему все какъ-то не читалось. Болтовня дѣвушки, странная смѣсь испорченности и ребячества, не выходила у него изъ головы: описаніе молодой кармелитки, ея необычайной красоты, печали, ангельскаго пѣнія,—сильно заняло его воображеніе.

Подъ спокойной и строгой внѣшностью Энгуса скрывалась пылкая романическая душа, необыкновенная впечатлительность, поклоненіе красотѣ во всѣхъ проявленіяхъ, сердце мягкое и доброе, способное толкнуть его на великодушные и безумные порывы. Но онъ ничего этого въ себѣ не подозрѣвалъ и серьезно былъ увѣренъ въ томъ, что разумъ всегда удержитъ его отъ всякаго увлеченія. До сихъ поръ онъ жилъ исключительно умственнымъ трудомъ и не могъ знать, кто оказался бы побѣдителемъ,—воля или страсть, если бы ему представился случай выбирать между тѣмъ и другимъ.

Итакъ, онъ никакъ не могъ сосредоточить свое вниманіе на книгѣ; противъ его желанія, образъ Маріи Адолораты поминутно вставалъ въ его воображеніи; онъ ловилъ себя на составленіи плановъ, какъ бы подслушать ея пѣніе, это дивное, несравненное, по словамъ Анеты, пѣніе; почему бы ему не пойти вечеромъ побродить мимо ограды, съ той стороны, гдѣ есть калитка (онъ знаетъ эту сторону, случайно замѣтилъ и калитку, едва примѣтную въ толстой стѣнѣ)?.. Можно вѣдь и перелѣзть за ограду, въ случаѣ нужды... При сильномъ желаніи, вѣрно, удастся услыхать ея голосъ... даже, почемъ знать?—взглянуть на ея прекрасное лицо, остающееся иногда безъ вуаля, когда нѣтъ постороннихъ... Анета увѣряетъ, что лицо это нельзя забыть, разъ увидишь... И Дельримпль невольно улыбался, представляя себѣ, какъ онъ перелѣзетъ черезъ ограду, какъ школьникъ, рискуя сломать себѣ шею, лишь бы только послушать и увидать незнакомую кармелитку. Какія глупости лѣзутъ въ голову! Нѣтъ, надо углубиться въ чтеніе, принудить себя...

Но черезъ двѣ минуты онъ оказывался во власти тѣхъ-
глупыхъ мыслей, подъ обаяніемъ печальной красавицы по
вуалью.

Съ нетерпѣніемъ захлопнулъ онъ книгу, взглянулъ
часы,—было уже поздно,—замѣтилъ съ удивленіемъ, что
допилъ свой стаканъ, и поспѣшилъ исправить эту забывч
вость. Джентльмэнъ того времени, да еще англичанин
счелъ бы позоромъ оставить недопитый стаканъ; ему вм
нялось почти въ обязанность поглощать ежедневно извѣс
ное количество вина и всегда ощущать желаніе выпить еш

„У нея мягкіе, черные глаза, по выраженію Анеты,—ме
талъ онъ,—и золотистые волосы... дивная, печальная крас
вица, съ ангельскимъ голосомъ. Почему печальная? О
безотрадной жизни? Отъ опредѣленныхъ сожалѣній? Бѣ
няжка! Но правда-ли, что она такъ красива? Анета, конечн
некомпетентный судья... Впрочемъ, красоту можно понимат
не имѣя образованія и развитія; даже дѣти и животныя по
чиняются ей“.

Энгусъ былъ убѣжденъ, что Марія Адолората дѣйств
тельно красавица и поетъ божественно; что увидѣть ее
завидная привилегія, услыхать—восторгъ... Но ему не д
стичь этого! Абсолютно немыслимо. Глупо даже допуска
подобныя мечты

Онъ нетерпѣливо всталъ, подошелъ къ двери и выглянул
наружу, съ наслажденіемъ подставляя свой пылающій ло
вѣтру. Могло быть часовъ десять, или „четыре ночи“,
итальянскому счисленію, которое начинаетъ свой счетъ
Ave Maria, полчаса послѣ захода солнца. Затѣмъ Энгу
снова усѣлся за книгу. Сора Нанна, которая весь вече
пробыла гдѣ-то на работѣ, вернулась домой; услыхавъ ра
говоръ между нею и Анетой, англичанинъ удивился и по
нялъ голову.

Странное дѣло! Хотя онъ и не замѣтилъ, когда выш
изъ дому молодая дѣвушка, послѣ того какъ убрала со стол
но онъ былъ увѣренъ, что она все время отсутствовала.

— А я думалъ, что васъ дома нѣтъ,—разсѣянно сказа
онъ ей.

— Меня?—съ живостью отозвалась Анета,—что́ вы? Ку
я пойду одна въ такой поздній часъ? За кого вы меня пр
нимаете, синьоръ? Я весь вечеръ сидѣла у себя... А вы, в
вѣрно, опять проголодались? Не дать-ли вамъ чего покушат

— Покушать? Да я только-что ѣлъ.

— Ровно три часа тому назадъ! Было время собраться
новыми силами.

— Я совсѣмъ сытъ.

— Какъ угодно. Не говорите только, что мы моримъ васъ голодомъ.

— Дай-ка поскорѣе мнѣ чего-нибудь поужинать!—приказалъ вошедшій въ эту минуту Стефанонъ, казавшійся въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа.—Игра возбуждаетъ аппетитъ.

— Выигралъ или проигралъ?—полюбопытствовала жена.

— Выигралъ пять байоковъ!

— А десять, навѣрно, пропилъ, да еще на скверное вино. Такъ всегда выходитъ съ вашими выигрышами!—ворчала хозяйка.

— Что-жъ подѣлаешь? Угостятъ тебя, и ты долженъ поднести. Такое ужъ заведеніе... Не намъ мѣнять обычаи.

Анета приготовляла ужинъ отцу и матери, носилась взадъ и впередъ; но Энгусъ замѣтилъ, что она была блѣдна и молчаливѣе обыкновеннаго; черные глазки ея лихорадочно горѣли. Потомъ сама сѣла къ столу.

— Ты себѣ не принесла стакана,—замѣтилъ ей отецъ.

— Не надо. Я не хочу вина,—сказала она съ усталымъ видомъ.

— Выпьемъ съ тобой изъ одного стакана, дочурка,—заискивающимъ голосомъ предложилъ Стефанонъ, поднося стаканъ къ ея губамъ. Не смотря на свой бѣшеный нравъ, онъ обожалъ свою единственную дочь.

Анета пристально и многозначительно поглядѣла ему прямо въ глаза.

— *Теперь*, пожалуй... выпью.

— Отлично!—обрадовался Стефанонъ.

— Что случилось у васъ? Вышло что-нибудь между вами?—спросила Нанна.

— Ничего,—рѣзко отвѣтилъ мужъ,—мы ужъ забыли.

Послѣ ужина всѣ разошлись по своимъ комнатамъ и улеглись спать; только Дельримпль долго не могъ уснуть, самъ удивляясь, что мысли его упорно возвращались все къ одному и тому-же предмету; а когда онъ, наконецъ, уснулъ, то и во снѣ видѣлъ образъ, занимавшій его воображеніе весь вечеръ. Онъ перелѣзъ монастырскую ограду, подошелъ къ стрѣльчатому окну, смутно понимая, что это *ея* окно, и остановился возлѣ ступенекъ балкона; сердце его билось до боли... И вотъ раздалось пѣніе среди вечерней тишины. Онъ слушалъ очарованный. Да, то былъ ангельскій, несравненный голосъ. Анета сказала сущую правду... Увы, это былъ только сонъ!..

Странное вліяніе на его душу возымѣли пылкія росказни дѣвушки: Энгусу надо было услышать пѣніе кармелитки или умереть!

— Марія Адолората!—страстно прошепталъ онъ спросонь. какъ вдругъ въ дверь его стукнули три раза:

— Вставайте, синьоръ Ангосціа! Поскорѣе, ради Бог Очень, очень нужно васъ!

Дельримпль узналъ голосъ Стефанона, быстро зажег свѣчку и, наполовину одѣтый, вышелъ.

— Что случилось?

— Доктора Томазо убили, вотъ что!

— Не можетъ быть!—зѣвая, произнесъ Энгусъ.

— Вѣрно говорю вамъ. Его нашли лежащимъ на дорог неподалеку отъ монастыря, безъ чувствъ, съ головой, зак танной въ плащъ. Онъ весь истыканъ ножомъ... Одѣньте скорѣе, синьоръ, идите помочь ему!

— Чего-жъ помогать, когда онъ ужъ убитъ!—возразил Энгусъ резонно, —сколько бы я ни торопился, толку будет немного.

— Да нѣтъ-же, онъ не умеръ. Дышетъ еще. Его пер несли...

— Такъ бы и сказали!—заторопился Энгусъ, быстро одѣ ваясь,—да вы-то не теряйте времени, синьоръ Стефанон Раздобудьте старыхъ полотняныхъ тряпокъ, нарѣжьте их полосами, шириной въ ладонь; женщинамъ велите нащипат поскорѣе корпіи... Черезъ минуту я готовъ. Куда его пер несли?

— Къ нему на домъ.

— Тѣмъ лучше. Готовьте бинты.

Стефанону извѣстны были пріемы ухода за ранеными, онъ живо принялся исполнять инструкціи молодого врач Четверть часа спустя оба они были у дома доктора Тома Таддси, на площади. У подъѣзда собралась уже кучка лю бопытныхъ; они, сдержанными голосами, толковали о прои шествіи, оживленно жестикулируя. Заря только что занима лась; осенній туманъ густой, неясный окутывалъ ущелье, н поминая занавѣсъ театра, готовый подняться передъ нач ломъ представленія, или декорацію, изображающую морску глубину.

Начинались мало-по-малу звуки просыпающейся жизн шаги мула, колокольчики стада козъ. Въ монастырѣ ударил къ „Angelus“, эхо горъ гулко вторило колоколу.

Дельримпль скоро убѣдился, что случай съ доктором Томазо не такъ серьезенъ, какъ онъ думалъ; раны был правда, порядочныя, но не смертельныя. Продолжительны обморокъ произошелъ отъ ужаса и потери крови; внутренн органы повреждены не были. Конечно, вѣтеръ и плащъ п служили раненому защитой, но видно также было, что на павшій плохо знакомъ съ ножомъ.

Вскорѣ любопытные у крыльца узнали, что синьоръ Томазо не смертельно раненъ, и хотя старый докторъ скорѣе пользовался популярностью въ городѣ, чѣмъ наоборотъ, извѣстіе это принято было съ нѣкоторымъ разочарованіемъ. Всѣ разбрелись по домамъ, почти досадуя, что результатъ драмы вышелъ такой ничтожный.

— Навѣрно, женщина ударила его!—рѣшилъ одинъ изъ любопытныхъ, съ презрѣніемъ.—Моя кошка также удачно справилась бы съ ножомъ. Оцарапаютъ, да и дадутъ стрекача—всѣ онѣ такъ.

— Женщина? Вы думаете? Хе, хе, до сихъ поръ падокъ на эти дѣла? Не устарѣлъ ли синьоръ Томазо?

— Эдакіе-то самые бѣдовые... Самъ развѣ считаешь себя устарѣвшимъ когда-нибудь? Вышелъ шумъ изъ пустяковъ, вотъ и все. Выпьемъ по стаканчику, да и по домамъ.

Между тѣмъ, Дельримпль промывалъ и бинтовалъ раны перепуганнаго и стонавшаго Томазо; Стефанонъ присутствовалъ, сохраняя молчаніе и, по мѣрѣ надобности, ловко помогая англичанину; служанка сидѣла на лѣстницѣ и рыдала.

— Напрасно стараетесь! Я умру!—стоналъ Томазо,—умру, умру, говорю вамъ.

— Могу ошибаться, — спокойно возражалъ Энгусъ, — но думаю, что не умрете.

И онъ умѣлой рукой продолжалъ свое дѣло, къ искреннему восхищенію Стефанона, опытнаго знатока и цѣнителя такихъ процедуръ; онъ любовался бѣлыми, аристократическими пальцами, работавшими съ такой ловкостью и искусствомъ,—какъ онъ потомъ выразился...

Между тѣмъ, мало-по-малу, спокойствіе и надежда проникали въ душу раненаго; кончилось тѣмъ, что онъ пересталъ хныкать и стонать, а спокойно лежалъ на кровати, съ выраженіемъ недоумѣнія и растерянности въ глазахъ.

Когда раны были забинтованы, и все въ комнатѣ прибрано, Стефанонъ ушелъ къ себѣ, а Дельримпль сѣлъ возлѣ стараго доктора, желая ободрить и развлечь его.

— Если я переживу,—умирающимъ голосомъ проговорилъ Томазо,—это будетъ истиннымъ чудомъ, синьоръ Ангосціа, — истиннымъ чудомъ! Поэтому недурно бы мнѣ заняться душой, такъ какъ о тѣлѣ моемъ вы уже позаботились...

— Препятствій къ этому не вижу, — сказалъ Дельримпль,— только не волнуйтесь. Пожалуй, даже вамъ полезнѣе будетъ думать о душѣ, чѣмъ о ранахъ.

— Охъ, ужъ вы протестанты! Ничего въ этихъ вещахъ не понимаете!..—съ сожалѣніемъ вздохнулъ Томазо.—Когда смерть близко, необходимо исповѣдаться... Ну, да вамъ этого не понять. Но я не о себѣ одномъ думаю, синьоръ Ангосціа.

Какъ быть съ несчастной игуменьей? Вѣдь утромъ я должен
былъ навѣстить ее. Кто теперь позаботится о ней? Бѣдная
женщина! Погибнетъ, это несомнѣнно... Да и я, вѣроятно
тоже!..

Голосъ старика задрожалъ.

— Слушайте, синьоръ Томазо,—серьезно сказалъ Энгусъ,—
еще разъ повторяю вамъ, что раны ваши не опасны; но вы
знаете не хуже меня, что слѣдуетъ избѣгать всякихъ волне
ній. Что касается до вашихъ паціентовъ, то вотъ что я пред
ложу вамъ. Вамъ извѣстно, что я тоже имѣю докторскій
дипломъ, значитъ въ правѣ практиковать. Въ Субіако дру
гого врача нѣтъ; если хотите, я возьму на себя заботу о ва
шихъ больныхъ, до полнаго вашего выздоровленія. По правдѣ
сказать, я нахожу, что это мой долгъ.

— Вы? Будете лѣчить моихъ больныхъ?—синьоръ Томазо
до того былъ изумленъ, что позабылъ говорить умирающимъ
голосомъ.

— Или боитесь, что я спроважу ихъ на тотъ свѣтъ?—
спокойно освѣдомился англичанинъ.

— Почемъ знать?.. Иностранецъ... Силы небесныя!.. Что
скажутъ здѣсь? Да знаете ли, что васъ подозрѣваютъ въ
сношеніяхъ съ нечистымъ духомъ?.. Конечно, простонародье..
Человѣкъ науки, какъ я, такими сплетнями не интересуется...

— Надо надѣяться,—улыбнулся Энгусъ.

— Но какъ же впустить васъ въ монастырь? Васъ, англи
чанина, еретика? Ничего подобнаго отъ роду не случалось.
Вообразите, что̀ за скандалъ: игуменью лѣчитъ протестантъ!
Да она предпочтетъ умереть, я отвѣчаю за нее.

— Всетаки не мѣшаетъ предложить ей мои услуги,—не
возмутимо стоялъ на своемъ Энгусъ,—если игуменья пред
почтетъ умереть, чѣмъ довѣриться моимъ совѣтамъ,—всегда
успѣетъ, это отъ нея не уйдетъ. Но я не вполнѣ раздѣляю
ваше убѣжденіе. Когда возникаетъ дѣйствительная опасность,
въ средствахъ становятся не такъ разборчивы...

— Ступайте, предложите ей ваши услуги! Вы воображаете,
что стоитъ вамъ заявиться, и васъ сейчасъ допустятъ къ
ней? Что доступъ въ монастырь такъ же простъ, какъ на
мельницу? Заблуждаетесь! Да я самъ, пожилой человѣкъ,
извѣстный и уважаемый въ Субіако въ теченіе пятидесяти
лѣтъ, простоялъ цѣлый часъ у дверей, прежде чѣмъ меня
впустили. И замѣтьте, что за мной присылали. Да и послѣ
того какъ впустили, сколько затрудненій было. Вмѣсто того,
чтобы застать больную въ постели, какъ разумнаго чело
вѣка,—я вижу спеленутую, закутанную мумію въ креслѣ, съ
покрываломъ на лицѣ. Тронуть нельзя, взглянуть—оборони
Богъ! Дала пульсъ пощупать по исключительному снисхож

денію. Языкъ... да я и не успѣлъ видѣть его. Все тайна и осталось тайной! По разсказамъ, я смутно заподозрилъ воспаленіе—велѣлъ обложить ее горчишниками и мушками. Благодаря имъ, она едва-ли будетъ сегодня въ состояніи встать съ постели, - и меня просто на просто не допустили бы въ спальню; пришлось бы удовольствоваться отчетомъ ухаживающей за ней сестры. Вотъ и лѣчи тамъ! Представьте, какой пріемъ ожидаетъ васъ, —иностранца, неизвѣстнаго, еретика... Нѣтъ, говорю вамъ, это невозможно, немыслимо! И бѣдная игуменья умретъ отъ недостатка медицинской помощи!—заключилъ, волнуясь, синьоръ Томазо.

— Вы слишкомъ много говорите, синьоръ Томазо,—замѣтилъ Энгусъ, внимательно выслушавъ его.—И всетаки препятствія, по моему мнѣнію, можно преодолѣть. Однако, я съ удовольствіемъ замѣчаю, что вы въ состояніи соображать и объясняться; скажите-ка мнѣ лучше, кто ударилъ васъ ножомъ? Я, не мѣшкая, пойду въ полицію и назову имя злоумышленника.

— Вы не знаете, что говорите! внушительно произнесъ Томазо,—у этой твари есть близкіе люди, которые сумѣютъ лучше нея пырнуть ножомъ.

И повернувшись носомъ къ стѣнѣ, онъ отказался отъ дальнѣйшихъ объясненій.

IV.

Было уже совсѣмъ утро, когда Дельримпль оставилъ раненаго на попеченіе служанкѣ, а самъ вернулся домой, чтобы совершить свой туалетъ, прежде чѣмъ явиться въ монастырь; онъ твердо рѣшилъ предложить свои услуги игуменьѣ, что бы изъ этого ни вышло.

Часъ спустя онъ звонилъ у дверей монастыря. Темный, корректный костюмъ, безукоризненное бѣлье и тщательная прическа дѣлали его самого похожимъ на чопорнаго молодого проповѣдника. Онъ улыбнулся при мысли, что вламывается въ обитель кармелитокъ; но мгновеніе спустя былъ снова невозмутимъ и хладнокровенъ, какъ подобаетъ медику.

Та же возня, шарканье, звяканье ключами и засовами, что и вчера, послѣ звонка Томазо Таддси. Только теперь, днемъ, сестра-привратница явилась одна, и рѣшетчатое окошечко отворилось скорѣе. Хорошимъ итальянскимъ языкомъ, хоть и съ иностраннымъ акцентомъ, Энгусъ повѣдалъ привратницѣ, что случилось съ докторомъ Томазо ночью, назвалъ себя, объяснилъ, что онъ взялся заботиться о больныхъ раненаго доктора до тѣхъ поръ, пока тотъ поправится,

и вотъ явился предложить свои услуги игуменьѣ, о которой въ особенности скорбитъ Томазо Таддси.

Сестра-привратница выслушала, не перебивая, до конца.

— Потрудитесь подождать минуту, синьоръ,—сказала она безразличнымъ голосомъ,—я доложу.

Окошечко со стукомъ затворилось, и Дельримпль остался на крыльцѣ, пока шаги монахини удалялись, гулко раздаваясь подъ сводами.

Прошло порядочно времени, когда издали снова послышались шаги.

Вторично открылось окошечко, опять обрисовалась закутанная фигура, и монотонный голосъ сестры-привратницы произнесъ нѣсколько словъ,—самыхъ обыкновенныхъ, но которыя электрическимъ токомъ пробѣжали по всѣмъ нервамъ Энгуса.

— Вотъ сестра Марія Адолората, синьоръ. Она желаетъ, чтобъ вы повторили ей все то, что разсказывали мнѣ.

Сестра Марія Адолората! Въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ Энгусъ оставался неподвижнымъ и нѣмымъ; вся кровь его прилила къ сердцу. Возможно-ли? Вотъ она тутъ, стоитъ передъ нимъ, эта греза, прилетавшая къ нему ночью, и которую онъ отогнялъ наяву, какъ несбыточную мечту, плодъ впечатлительной фантазіи! Гдѣ же всѣ непреодолимыя препятствія? Неужели ему суждено увидать ее,—ее, безжалостно обреченную на вѣчное затворничество, отдѣленную отъ міра заколдованнымъ кругомъ произнесенныхъ обѣтовъ, поставленную въ недосягаемую сферу, куда не достигаютъ ни взоръ, ни голосъ мужчины?.. Неужели, благодаря чудесному случаю, измѣнится для него желѣзная монастырская дисциплина?

Энергичнымъ усиліемъ воли заставилъ онъ свой голосъ принять нормальный тонъ и толково повторилъ разсказъ о докторѣ Томазо. Сквозь окошечко, въ глубинѣ корридора, онъ смутно различалъ вторую тѣнь съ закрытымъ лицомъ, повыше первой, но неясную, таинственную. Сестра же Марія, наоборотъ, имѣла возможность вполнѣ ознакомиться съ наружностью посѣтителя, сама оставаясь невидимкой. Пока онъ говорилъ, она отодвинулась еще подальше назадъ и слегка отбросила съ лица вуаль, откинувъ голову назадъ, чтобы лучше видѣть.

Достаточно ей было взглянуть, чтобы убѣдиться, что замѣститель синьора Томазо похожъ на порядочнаго человѣка, его манера говорить окончательно повліяла на ея рѣшеніе; въ первый разъ ей приходилось рѣшать вопросъ самостоятельно,—и для начала случай, поистинѣ, оказался незаурядным. Но судьбѣ угодно было, чтобы въ то время, какъ мо-

лодая монахиня съ опасеніемъ и любопытствомъ разглядывала англичанина, солнечный лучъ неожиданно проскользнулъ въ рѣшетчатое окошечко и освѣтилъ ея фигуру. То было одно мгновеніе, быстрое какъ зарница, но Энгусъ успѣлъ разглядѣть всѣ подробности: сырыя стѣны, толстую, низенькую фигуру сестры-привратницы и стройный обликъ Маріи съ запрокинутой головой и приподнятымъ вуалемъ. Рука, форма подбородка, глаза, вся поза — показались ему прекрасными, неотразимо-граціозными и привлекательными. Въ то же мгновеніе спустился вуаль, и бѣлая ручка соединилась съ другой подъ широкими рукавами рясы; но въ пылкой душѣ молодого человѣка навсегда запечатлѣлся сверкнувшій образъ „печальной затворницы съ ангельскимъ голосомъ“.

— Сестра Филомена, отоприте двери,—приказала она

Сонъ оказался ниже дѣйствительности: голосъ, который произнесъ эту фразу, самъ по себѣ былъ музыка!

Сестра Филомена принялась исполнять приказаніе, не преминувъ, впрочемъ, проворчать какія-то возраженія. Все это было такъ необычайно, что за все время ея пребыванія въ монастырѣ ничего подобнаго не случалось. Допустила-ли бы матушка-игуменья подобное нарушеніе устава? Въ томъ то и бѣда, что она больна и, говорятъ, не въ состояніи отдавать распоряженія и наблюдать за порядкомъ! Твердая рука бросила бразды правленія, и это отразилось на дисциплинѣ. Но что дѣлать? Сестра Марія дочь принца Джероно, а Филомена—ничто. Въ сущности большая дерзость, со стороны такого ничтожества, даже въ сердцѣ своемъ осуждать поступки знатной особы... Черезъ нѣсколько дней, быть можетъ, часовъ Марія Брачіо будетъ настоятельницей монастыря, это всѣ отлично знали; и теперь она замѣстительница своей полновластной тетки. Значитъ, приходится повиноваться волей неволей,—и старая привратница отперла двери. Дельримпль переступилъ черезъ порогъ и, снявъ шляпу, отвѣсилъ почтительный поклонъ.

— Сестра Филомена, идите скорѣй, предупредите сестеръ...— сказала Марія Адолората и въ то время, какъ та поспѣшно отправилась, прибавила, обращаясь къ молодому доктору,— необходимо предупредить общину о вашемъ посѣщеніи, синьоръ. Можетъ случиться, что одна изъ сестеръ встрѣтитъ васъ съ открытымъ лицомъ, а это было бы нарушеніемъ основныхъ правилъ устава. Прошу васъ подождать минутку.—Она говорила спокойно и важно, тономъ королевы, привыкшей повелѣвать. Дельримпль вторично поклонился, продолжая наблюдать за Маріей и восхищаясь величественной граціей ея манеръ и движеній. Она стояла возлѣ него въ небрежной и

естественной позѣ статуи, скрестивъ свои прекрасныя руки привлекавшія особенное вниманіе англичанина; кромѣ порс дистой красоты, онъ усматривалъ въ нихъ цѣлую поэм борьбы, безплодныхъ возмущеній, смертельнаго унынія; форм пальцевъ обличала артистическую натуру; нервная сила ска зывалась въ манерѣ сжимать ихъ. О, зачѣмъ обречены эт руки всю жизнь считать четки! Имъ бы управлять горяче лошадью, или бѣгать по струнамъ арфы, или, при случаѣ схватиться за оружіе для самозащиты... Ненужные таланты сила, безполезная красота, излишняя жизненность! Взгляд Энгуса, какъ очарованный, приникъ къ этимъ рукамъ, а по этическая фантазія унесла его мысли далеко. Голосъ Марі вернулъ его къ дѣйствительности.

— Вы англичанинъ, синьоръ?—спросила она.

Вѣроятно, она поняла, что незнакомецъ принадлежитъ к высшему классу общества, и инстинктъ знатной дѣвушк подсказалъ ей, что невѣжливо молчать въ присутстві равнаго.

— Я шотландецъ, сударыня. Зовутъ меня - Энгусъ Дел римпль.

— Протестантъ?

— Да, сударыня.

— Жаль. Да пошлетъ вамъ Богъ свѣтъ истинной вѣры

— Благодарю васъ, сударыня.

Сестра Марія не могла удержаться отъ улыбки, усл шавъ этотъ простой, вѣжливый отвѣтъ.

— Позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ просьбой,- мягко сказала она,—не зовите меня „сударыней"; надо гов рить: сестра Марія или просто—сестрица.

— Да... знаю... сестра Марія Адолората! — прошептал Дельримпль, находя тайное удовольствіе произносить эт имя.—Можно спросить васъ, сестрица, какъ провела ноч синьора игуменья?

— Ея высокопреподобіе спала очень плохо, — отвѣтил монахиня, какъ бы желая внушить свѣтскому иностран манеру выражаться.

— Согласится-ли ея высокопреподобіе принять меня?- продолжалъ онъ, охотно подчиняясь наставленію.

— О нѣтъ! Но вы будете находиться въ гостиной, при мыкающей къ ея спальнѣ, я буду передавать вамъ ея слов объясню все, что она чувствуетъ. Надѣюсь, что этого б детъ достаточно.

— Будемъ надѣяться. Постараюсь сдѣлать все, чт можно.

Шуршанье шаговъ привратницы послышалось вдали.

— Пойдемте, обитель предупреждена! — пригласила Марія и пошла впередъ.

Энгусъ молча послѣдовалъ за нею, восхищаясь ея мягкой, благородной поступью и едва вѣря своему счастью. Онъ въ душѣ благословлялъ случай, постигшій синьора Томазо, и желалъ, чтобы благословенныя царапины его подольше не заживали. Все шло, какъ по писанному, и Дельримпль подумывалъ ужъ о томъ, что отзывы Томазо преувеличенны, что ничего удивительнаго не будетъ, если сестра Марія предложитъ ему въ гостиной чашку чая, какъ сдѣлала бы его соотечественница... Но бѣдный протестантъ-сѣверянинъ не имѣлъ вѣрнаго представленія о монастырѣ кармелитокъ, не зналъ, что монахини должны отказаться отъ всякаго комфорта и пріема посѣтителей, и что, къ тому же, чай въ то время считался у нихъ не болѣе, какъ потогоннымъ средствомъ, какъ и вообще въ Италіи.

Добрались до конца корридора, привратница осталась на часахъ у двери, а англичанина ввели въ гостиную игуменьи. Сестра Марія вошла въ спальню и затворила за собой дверь. Пробывъ тамъ довольно долго, она вернулась.

— Я заставила васъ ждать...

— Сдѣлайте одолженіе. Я весь въ вашемъ распоряженіи. Какъ чувствуетъ себя больная?

— Очень плохо. Просто не знаю, что дѣлать... Мнѣ кажется необходимымъ, чтобъ ее видѣлъ докторъ; а она и слышать не хочетъ объ этомъ. Съ трудомъ дышетъ... Боюсь самаго худшаго. Но идти противъ ея воли не смѣю...

Дельримплю захотѣлось успокоить ее немного.

— Подчинимся ея волѣ, пока что,—рѣшительно сказалъ онъ,—не будемъ настаивать и тревожить больную противорѣчіемъ. Волненіе ей очень вредно. Потрудитесь отвѣчать на мои вопросы. Очень она кашляетъ?

— Нѣтъ, не слишкомъ. Ночью кашляла больше. Но тяжесть въ груди, стѣсненіе...

Молодой докторъ сдѣлалъ тщательный допросъ, и сестра Марія пунктуально отвѣчала. Между двумя лицами, ухаживающими за однимъ больнымъ, невольно устанавливается интимность, — всякій замѣчалъ это. Общія усилія спасти ближняго, тревога, необходимость говорить откровенно и отбросить условныя приличія выраженій, — все это вызываетъ обоюдное довѣріе, какого никогда не въ силахъ вызвать годы совмѣстной жизни. Достаточно было получасового разговора, чтобы Марія Брачіо и Энгусъ Дельримпль перестали быть чужими другъ другу.

— Надѣюсь,—сказалъ онъ, вставая,—что предписанія мои принесутъ нѣкоторое облегченіе нашей больной; но лишнее

прибавлять, что я въ этомъ далеко не увѣренъ... Не п
думаемъ-ли мы какого-нибудь способа воздѣйствовать
нее? Не уговоритъ-ли ее кардиналъ принять меня и доз
лить выслушать ее?

— Это хорошая мысль!—съ живостью воскликнула
стра Марія,—говорятъ, дядя широко смотритъ на вещи. М
тушка очень привязана къ нему, высоко ставитъ его умъ
взгляды: его совѣтъ долженъ подѣйствовать на нее. С
часъ напишу ему, что докторъ Таддси заболѣлъ, а что
городѣ случайно оказался знаменитый иностранный врач

— Пожалуйста, не знаменитый!..

— Ахъ, не все-ли равно!—нетерпѣливо продолжала М
рія,—напишу знаменитый, скорѣе рѣшится совѣтовать
тушкѣ. А если она согласится принять васъ, я немедлен
дамъ вамъ знать...—Она замялась.—Можетъ быть, это случит
на разсвѣтѣ, ночью... вамъ будетъ неудобно?

— Ахъ, полноте! Рѣчи объ этомъ не должно быть!—
ребилъ ее Энгусъ,—я во всѣ часы готовъ служить больны
которыхъ взялся лѣчить.

— Я такъ и думала!—вырвалось у Маріи.

— Благодарю васъ за довѣріе...

Онъ поклонился и привычнымъ жестомъ приготовил
пожать ей руку, позабывъ, что онъ не въ Англіи.

— Извините, синьоръ, здѣсь это не принято,—сказа
она просто.

— Это я долженъ извиниться!—сконфузился онъ.

— До свиданія, синьоръ.

— До свиданія, сестрица. Вашъ покорный слуга...

VII.

Эгоистичному пожеланію Энгуса, повидимому, сужде
было осуществиться, такъ какъ Томазо Таддси плохо
правлялся. Онъ былъ толстъ, старъ и страдалъ подагр
все это, вмѣстѣ взятое, замедляло его выздоровленіе. Кро
того, онъ былъ трусъ и не отличался терпѣніемъ и возд
жанностью; волновался черезъ мѣру, ѣлъ и пилъ такъ же
слѣдовательно, самъ замедлялъ улучшеніе, точно нароч

Тѣмъ временемъ кардиналъ, исполняя просьбу плем
ницы, настойчиво сталъ уговаривать игуменью покорит
необходимости и принять услуги доктора; такимъ образо
Дельримплю разрѣшено было вести переговоры съ сам
паціенткой, сквозь открытыя двери ея спальни, съ непрем
нымъ условіемъ не стараться видѣть ее и разговаривать
иначе, какъ повернувшись къ спальнѣ спиной. Любой италь

скій докторъ, которому доводилось лѣчить въ женскихъ монастыряхъ, могъ бы припомнить изъ своей практики еще болѣе комичныя и невѣроятныя предосторожности. Послѣ переговоровъ дверь въ спальню затворялась; Марія Адолората проходила въ гостиную, чтобы получить инструкціи касательно ухода за больной; Энгусъ всѣми способами старался продолжить визитъ, цѣпляясь за всякій предлогъ.

Такъ прошло недѣли двѣ.

Въ этотъ періодъ сношеній съ нею, молодой человѣкъ ограничивался только стремленіемъ пробыть съ нею какъ можно дольше, насладиться ея присутствіемъ; центромъ его жизни сдѣлались эти свиданія, и всѣ помыслы его стремились къ нему. Но вскорѣ возникло, конечно, страстное желаніе видѣть ея лицо, услыхать ея пѣніе. Голосъ ея, даже во время разговора, приводилъ его въ трепетъ.

Дельримпль былъ сдержанъ, но не застѣнчивъ. Онъ умѣлъ управлять нервами и словами. Такъ что въ одинъ прекрасный день, когда простыя отношенія были прочно установлены, онъ съ самоувѣренной смѣлостью приступилъ къ мучившему его вопросу.

— Дорого бы я далъ, чтобы послушать ваше пѣніе, сестра Марія! Говорятъ, вы дивно поете...

— Кажется, дѣйствительно, хорошо пою, а главное охотно!—былъ наивный отвѣтъ.—Но уставъ запрещаетъ намъ пѣть иначе, какъ на клиросѣ.

Она вздохнула.

— Посторонніе допускаются въ церковь? — съ живостью освѣдомился молодой человѣкъ.

— По воскресеньямъ только.

— Въ воскресенье я приду слушать васъ, сестра Марія.

— Какъ узнать мой голосъ въ хорѣ?.. Мы вѣдь отдѣлены, кромѣ того, отъ публики рѣшеткой...

— О, вашъ голосъ я отличу изъ сонма ангельскихъ хоровъ! Онъ единственный, ему нѣтъ подобнаго.

— Изъ сонма ангельскихъ хоровъ! — повторила она, тихонько смѣясь,—не много-ли?

Въ смѣхѣ ея было что-то нѣжное и печальное; сердце Энгуса сжалось; почудилась ему въ этомъ смѣхѣ и ласковая, теплая нотка; онъ инстинктивно взглянулъ на ея руки: какъ нѣжно сумѣли бы онѣ приласкать!

— Сестра Марія... Въ воскресенье я приду въ церковь... Будьте великодушны, снисходительны!.. Выдѣляйте свой голосъ изъ хора, не давайте ему затеряться... Вы понимаете!.. Позвольте мнѣ ясно услышать его... Если бы вы знали, какъ я желаю этого! Честное слово, это сдѣлалось у меня пунктомъ помѣшательства!

— Что вы просите? Это было бы грѣхомъ... — возрази
она, но не слишкомъ строго.

— Почему?

— Значило бы, что я думаю о постороннемъ во вре
богослуженія.

— Развѣ это преступленіе?

— Это проступокъ, —пояснила она.—Но для васъ, про
стантовъ, все это непонятно, я полагаю. Такія соображе
кажутся нелѣпыми, мелочными?..

— По вашему мнѣнію, мы всѣ демоны? — улыбнул
Дельримпль.

— Болѣе или менѣе... Знаете-ли вы, что васъ подоз
вали въ сношеніяхъ съ нечистымъ?

— Какъ? Субіакскія сплетни проникаютъ и сюда?

— Иногда. То садовникъ принесетъ новости, то С
Нанна съ дочерью. Не всегда интересно, а всетаки жизн
вѣетъ...

Опять послышался вздохъ.

— Сестра Марія,—понизивъ голосъ, сказалъ вдругъ
гусъ,—неужели я никогда не увижу васъ?

— Меня? Вы видите меня всякій день.

— Да, но лица вашего? Открытаго?

Она покачала головой.

— Немыслимо.

— Почему?

— Уставъ...

— А уставъ ничего не имѣетъ противъ того, что
каждый день свободно разговариваемъ наединѣ?

— Можетъ быть... Вѣроятно, имѣетъ... Но случай иск
чительный. Сюда допущенъ медикъ, а не мужчина.

Дельримпль улыбнулся. Правда-ли, что всѣ рѣчи от
сятся только къ медику? Въ разговорахъ, которые оба ста
лись продолжить, какое мѣсто занимала медицина? Но
придираться же къ ней по этому поводу!

— Скажите,—повторилъ онъ послѣ нѣкотораго мол
нія,—неужели я не увижу ваши прекрасныя черты?

— Почему вы думаете, что онѣ прекрасны?

— Достаточно взглянуть на эти руки...

— О!..

Она взглянула на нихъ и не слишкомъ торопливо,
жестомъ, полнымъ достоинства и граціи, спрятала ихъ
рукава.

— Всѣ уставы ваши кажутся мнѣ безполезными ст
гостями!—пылко произнесъ англичанинъ,—послѣ того, ка
мы вмѣстѣ надѣялись и опасались за жизнь ближняго,
смѣть даже обмѣняться дружескимъ взглядомъ! Это варв

ство, безчеловѣчность... Вы говорите о грѣхѣ... Да настоящій грѣхъ, по моему, состоитъ въ томъ, что приказано ревниво прятать подъ вуалемъ лицо... Лицо, которое, по вашему катехизису, Создатель сдѣлалъ по образу и подобію Своему!

— Мы такъ поступаемъ, синьоръ, во славу Господа! — сказала Марія съ оттѣнкомъ строгаго упрека.

Дельримпль испугался, что обидѣлъ ее, просилъ простить его и всталъ, чтобъ уйти.

А какъ хотѣлось ему излить передъ ней обожаніе, восторгъ, уваженіе, участіе къ ея тяжкой долѣ! Какъ страстно хотѣлось прижать ея руку къ своимъ губамъ и этой почтительной лаской выразить все то, что просилось на языкъ! Но нѣтъ. Надо подавить въ себѣ всѣ эти желанія, чтобъ не повредить дружескимъ отношеніямъ, установившимся между ними. Однако, не могъ онъ запретить своему голосу нѣжныхъ интонацій и, разумѣется, между ними уже существовала та тонкая симпатія, которая понимаетъ безъ словъ, потому что сестра Марія безъ дальнѣйшихъ объясненій, поняла недоговоренное и неожиданно, на прощанье, протянула ему руку.

Но едва онъ успѣлъ прикоснуться къ ней, какъ она снова спрятала ее, говоря, какъ бы въ оправданіе себѣ:

— Здѣсь это не принято... Я только хотѣла доказать вамъ, что не горжусь. Прощайте, до завтра!..

Она ушла къ больной, а Дельримпль послѣдовалъ по корридору за нѣмой тѣнью Филомены съ ея связкой ключей.

Энгусъ былъ вполнѣ уравновѣшенъ, какъ физически, такъ и нравственно; ноги его не знали устали; однако, въ этотъ день ему не разъ случалось, возвращаясь въ Субіако по горнымъ тропинкамъ, спотыкаться безъ всякой видимой причины, точно онъ выпилъ лишнее.

Въ первый разъ вздумалъ онъ провѣрить себя, заглянуть въ свою совѣсть—и ему пришлось сознаться, что онъ почти влюбленъ. Влюбленъ въ кармелитку! Въ дѣвушку, которую ему запрещено любить всѣми законами, божескими и человѣческими. Въ тѣнь съ закрытымъ лицомъ! Возможно ли? Онъ, Энгусъ Дельримпль, человѣкъ серьезный, положительный, ученый—допустилъ себя до такой нелѣпости! До такого безумія! Къ слову сказать, если бъ онъ далъ себѣ трудъ поглубже проанализировать себя, то увидѣлъ бы фактъ еще изумительнѣе, еще неправдоподобнѣе: ему не понадобилось ни близко подойти къ этой тѣни, ни услыхать ея голосъ, чтобъ влюбиться въ нее всей силой романическаго воображенія, безконечной жалости и состраданія къ ея участи. Точно

до этой минуты всѣ страсти его спали, какъ порохъ первой искры; и искрой этой оказался туманный обли незнакомой кармелитки! Вначалѣ онъ принялъ это за пр стое любопытство, за обыкновенную жалость къ загубленн жертвѣ высокомѣрныхъ традицій; но когда, благодаря сл чаю, ему удалось приблизиться къ ней, настоящія чувст его обнаружились.

Удостовѣрившись въ состояніи своего сердца, Дельримпл какъ практичный человѣкъ, принялся урезонивать и бр нить себя. Куда это приведетъ его? Есть ли хоть малѣ шая надежда уничтожить, пошатнуть могучія преграды, о дѣляющія его отъ Маріи Брачіо? Очевидно, нѣтъ.

Нечего и пробовать, не къ чему надѣяться. Что жде ихъ обоихъ, если они во время не спохватятся и предадут своему чувству? Ему и теперь ясно, что когда кончатся и свиданія, жизнь покажется ему невыносимой. Онъ живе этими минутами, упивается присутствіемъ милой тѣни, зв комъ ея голоса, видомъ ея рукъ, ея стройной фигуры. она? Ей еще тяжелѣе, еще несноснѣе покажется существ ваніе, послѣ проблеска живого счастья... Дельримпль не бы фатомъ, но и не страдалъ фальшивой скромностью или о моуниженіемъ; онъ зналъ себѣ цѣну и считалъ себя впра поднять глаза на гордую красавицу; обѣты ея, такіе важн для католиковъ, мало имѣли для него значенія. Его толь занималъ вопросъ: что будетъ съ нею, если она беззавѣт увлечется имъ? Расположеніемъ ея онъ уже пользуется, з несомнѣнно; она ему бываетъ всегда рада, все болѣе и о лѣе довѣряетъ ему, каждое движеніе ея, интонація голо тихій смѣхъ,—все говоритъ о ея безотчетномъ желаніи пр виться ему... Нечего обманывать себя: она къ нему нерав душна... При этой мысли, сердце его хотѣло выпрыгну изъ груди. А дальше что? Великодушно ли допустить чувству развиться или, чистосердечно говоря, старатель развивать его и сдѣлать источникомъ новыхъ страданій, и ваго горя для нея?

Вѣдь говоря по правдѣ, подъ прикрытіемъ лѣченія и меньи, съ первой минуты,—всякимъ словомъ, всякимъ взг домъ, жестомъ, онъ, Энгусъ, молитъ ея любви, объясняет ей въ своей. Онъ необдуманно, безсовѣстно велъ себя. К ково ей будетъ жить въ тюрьмѣ, снова одинокой, послѣ о отъѣзда? Слишкомъ дорогой цѣной заплатитъ она за пр зракъ минутнаго счастья. Какимъ образомъ поправить з если оно ужъ сдѣлано? Облечься въ неприступную, проф сіональную холодность? Говорить исключительно о болѣз игуменьи? Перестать бывать въ монастырѣ? Противъ послѣ няго рѣшенія все существо его запротестовало. Отказать

отъ свиданій, добровольно? И безъ того они скоро прекратятся. Томазо скоро выздровѣетъ; поправится, быть можетъ, и игуменья... Нѣтъ, нѣтъ, совѣсть его черезчуръ щепетильна. Опасность, вѣроятно, не такъ велика, какъ онъ вообразилъ. Протянутая ручка, трепетный голосъ,—всему этому онъ придалъ преувеличенное значеніе... Надо надѣяться... Но при одномъ воспоминаніи его бросало въ жаръ и въ холодъ, и въ груди дѣлалось больно отъ счастья.

Заставивъ молчать внутренній голосъ, твердившій ему, что онъ любимъ, Дельримпль принялъ рѣшеніе, не совсѣмъ удовлетворительное, но неизбѣжное,—то есть, что онъ будетъ попрежнему навѣщать игуменью, но взвѣшивать каждое слово, каждый взглядъ, оставаясь съ глазу на глазъ съ сестрой Маріей.

Поздненько было принимать такія мѣры, и человѣкъ, болѣе Энгуса опытный въ наукѣ увлекать женщинъ, понялъ бы, что въ такомъ фазисѣ развитія интимности напускная холодность приведетъ какъ разъ къ обратному результату. Но онъ былъ въ этихъ вешахъ новичокъ и, вѣрный своему рѣшенію, онъ на слѣдующій день принялъ тонъ церемонной натянутости, который горестно поразилъ недоумѣвавшую Марію и ему самому стоилъ неимовѣрныхъ усилій. Но густой вуаль скрывалъ выраженіе ея лица; а Энгусъ умѣлъ владѣть собой и стоически выдерживалъ роль. Войдя въ гостиную, онъ наскоро привѣтствовалъ Марію и, вмѣсто обычныхъ, продолжительныхъ разговоровъ вдвоемъ, попросилъ открыть дверь въ спальню больной.

Марія Адолората молча склонила голову, исполнила его желаніе, а онъ, по обыкновенію, усѣлся спиной къ спальнѣ, добросовѣстно опасаясь заглянуть въ запретную комнату; игуменья, надтреснутымъ больнымъ голосомъ, отвѣчала на всѣ его вопросы, неизмѣнно всякій день терзаясь сознаніемъ, что она лежитъ въ кровати, съ непокрытымъ лицомъ и неодѣтая, а посторонній мужчина сидитъ въ комнатѣ рядомъ и разговариваетъ съ ней. Сестра Марія считала пульсъ больной, мѣрила температуру, объясняла состояніе языка, сердца, и т. д.—какъ Дельримпль научилъ ее. На этотъ разъ онъ нашелъ у паціентки осложненіе, котораго давно опасался.

По окончаніи комедіи, дверь въ спальню обыкновенно затворялась, и Марія Адолората оставалась снова съ глазу на глазъ съ докторомъ; игуменья слышала изъ спальни ихъ голоса и естественно воображала, что они говорятъ о ея болѣзни, объ уходѣ за ней. Къ слову сказать, старушка благоволила къ молодому врачу своему; во-первыхъ, его снадобья облегчали ея страданія; во-вторыхъ, не видя его, она одобряла его спокойную, сдержанную манеру говорить, изобли-

чавшую джентельмэна; сравненіе было не въ пользу суе
ливаго, вульгарнаго Томазо Таддси; въ-третьихъ, она понял
что попала въ руки настоящаго, ученаго доктора, знающа
свое дѣло. Словомъ, игуменья ощущала, по отношенію к
Энгусу, какой-то приливъ материнской любви, чего отъ род
не бывало въ ея окаменѣвшемъ, старомъ сердцѣ. Въ пром
жуткахъ улучшенія и сравнительнаго спокойствія, она сла
бымъ голосомъ разспрашивала племянницу: Кто онъ такой
Шотландецъ? Энгусъ Дельримпль? Да, да, хорошей фам
ліи. Одинъ изъ Дельримплей былъ посланникомъ во Фра
ціи при Людвикѣ XIV. Историческое имя. Какимъ образом
потомокъ попалъ въ доктора? Странно, просто непостижим
А, вотъ что! Младшій сынъ! Увы, Марія Брачіо въ душ
сравнивала и себя съ младшимъ Дельримплемъ: не пр
несли-ли и ее, младшую дочь, въ жертву семейнымъ тр
диціямъ, на которыя опирались могущество и незыблемост
рода Джероно.

— Да, онъ младшій,—продолжала игуменья,—теперь во
объясняется. О, это обстоятельство многое извиняетъ. Жал
что онъ протестантъ! Еретикъ! Какое несчастье! Такой пр
личный, серьезный. Какъ только я, Богъ дастъ, поправлюс
поговорю о немъ съ кардиналомъ: надо заняться его обр
щеніемъ. Онъ достоинъ этого,—такъ усердно заботится обо мнѣ

Въ этотъ день, послѣ переговоровъ съ больной, кого
дверь въ ея спальню затворилась, Марія Адолората, вмѣс
того, чтобы сѣсть по обыкновенію въ кресло съ рѣзной спи
кой, остановилась въ нерѣшительности. Дельримпль стоял
и, повидимому, не намѣревался присѣсть. Серьезнымъ тоном
выразилъ онъ свое мнѣніе о сегодняшнемъ состояніи бол
ной, прибавилъ нѣсколько указаній на счетъ режима и пр
готовился откланяться. Удивленная и огорченная, Марія п
молчала нѣсколько секундъ и храбро заговорила:

— Я чѣмъ нибудь навлекла на себя ваше неудовольстві
синьоръ? Можетъ быть, не вѣрно поняла ваши инструкці
Не такъ исполняла ихъ?

— Наоборотъ! — отвѣтилъ докторъ, дѣлая невѣроятны
усилія, чтобъ выдержать оффиціальный тонъ,—трудно найт
болѣе понятливую и самоотверженную помощницу.

Она сдѣлала было нетерпѣливый жестъ, но тотчасъ ж
опомнилась; онъ понялъ, что она чуть не сказала: „Что с
вами? Или ужъ я пользуюсь такимъ избыткомъ счасть
что необходимо лишить меня нѣсколькихъ радостныхъ м
нутъ“? Но гордость не допустила ее выговорить этихъ слов
только не удержалась она отъ глубокаго вздоха.

— До свиданія, сестра Марія!—сказалъ Энгусъ, удерж
ваясь отъ желанія броситься къ ея ногамъ.

— До свиданія, синьоръ.

Она наклонила голову, но провожать его не пошла, а осталась на мѣстѣ, печальная и неподвижная, придерживаясь бѣлой рукой за рѣзную спинку кресла. А онъ ушелъ, унося въ сердцѣ воспоминаніе объ ея трогательномъ смиреніи и покорности судьбѣ.

Энгусъ былъ одаренъ сильнымъ характеромъ, но, очутившись за дверями, вздохнулъ съ облегченіемъ. Еще минута,— и онъ измѣнилъ бы себѣ. Какъ могъ онъ устоять, не вернулся отъ двери, не упалъ къ ея ногамъ, не расцѣловалъ безумно ея ручки, не утѣшилъ ея? Выдержитъ-ли онъ такой искусъ вторично?

Лучше бы онъ спросилъ себя: не безполезное-ли огорченіе выдумалъ я и себѣ, и ей? Или необдуманнымъ измышленіемъ не подтолкнулъ ли впередъ слѣпую силу, не ускорилъ ли ходъ событій? Буду ли я теперь слушаться голоса благоразумія и считать монастырскіе путы непреодолимой преградой?..

Когда въ корридорѣ умолкли шаги его, Марія Адолората упала въ кресло, откинула душный вуаль и пригорюнилась.

Такъ сидѣла она довольно долго, глядя куда-то въ окно; лицо ея снова омрачилось выраженіемъ безжизненнаго, мрачнаго отчаянія,—чего за послѣднее время съ ней не бывало. Нетерпѣливый глухой голосъ больной, звавшій ее изъ сосѣдней комнаты, вывелъ ее изъ оцѣпенѣнія. Она поспѣшила къ теткѣ.

— Докторъ ушелъ сегодня раньше обыкновеннаго?—слабо спросила та.

— Да, матушка. Онъ, повидимому, торопился...

— Что сказалъ онъ обо мнѣ?

— Онъ доволенъ; совѣтуетъ побольше питаться. Сегодня вы скушаете крылышко цыпленка...

— Хорошо,—согласилась больная,—буду слушаться его. Онъ искусный докторъ... Марія!—вдругъ возвысила она голосъ и ужасъ изобразился на ея лицѣ,—неужели ты такъ была при немъ?..

— Какъ, такъ?

— Безъ вуаля... съ открытымъ лицомъ? Господи, она такая разсѣянная! Забыла спустить, чего добраго!

— Успокойтесь, матушка, никогда не забывала!—съ горечью отвѣтила Марія.

— Увѣрена-ли ты? Хорошо-ли помнишь? И сегодня? Ты пришла изъ гостиной съ открытымъ лицомъ!

— Я сидѣла одна. Докторъ давно уже ушелъ, когда вы позвали меня,—объяснила Марія усталымъ голосомъ.—Я вы-

слушала его инструкціи и сѣла отдохнуть... жарко было... и откинула вуаль... Его уже давно не было въ комнатѣ.

— Хорошо, дитя мое. Будь осмотрительна и на будуще время. Было-бы ужаснымъ позоромъ для которой-нибудь из монахинь показаться ему съ непокрытымъ лицомъ! И так ужъ, Господи, Ты видѣши! сколько нарушеній устава я вы нуждена была допустить!..

— Не волнуйте себя, матушка,—успокаивала ее Марія,- постарайтесь поскорѣе выздоровѣть, чтобъ прекратить вс эти нарушенія.

— Ты права, дочь моя, надо выздоравливать. Пора. Да тебѣ не мѣшаетъ отдохнуть.—Старуха почти нѣжно взгла нула на племянницу,—ты и сама поблѣднѣла и похудѣла ухаживая за мной... Утомилась... Жарко и душно здѣсь. Мнѣ порой кажется, что дышать нечѣмъ и сердце вотъ-вот разорвется...

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ЛЮБОВЬ КУКЛЫ.

(Повѣсть).

Окончаніе.

XIII.

Вернувшись въ обитель съ своей куклой, Половецкій цѣлыхъ три дня не показывался изъ своей комнаты. Братъ Павлинъ приходилъ по нѣскольку разъ въ день, но дверь была заперта, и изъ-за нея слышались только тяжелые шаги добровольнаго узника.

„А все строптивецъ Ираклій виноватъ, — со вздохомъ думалъ братъ Павлинъ.—Слѣдовало бы его на поклоны поставить, чтобы чувствовалъ“...

По вечерамъ можно было слышать, какъ Половецкій разговаривалъ самъ съ собой, и это особенно пугало брата Павлина, какъ явный признакъ того, что съ Михалъ Петровичемъ творится что-то неладное и даже очень вредное. Такъ не долго и ума рѣшиться...

Въ первый разъ Половецкій вышелъ изъ затвора ко всенощной. Братъ Ираклій увидѣлъ его издали и со свойственнымъ ему малодушіемъ спрятался.

— Что, не бойсь, совѣстно глазамъ то?—укорилъ его братъ Павлинъ.—Знаетъ кошка, чье мясо съѣла...

— А твоей скорбной главѣ какое дѣло?—огрызнулся братъ Ираклій.—Вмѣстѣ идолопоклонству предаетесь... Все знаю и все отлично понимаю. Я еще ему одну штучку устрою, чтобы помнилъ брата Ираклія...

— Перестань ты, строптивецъ!..

— А вотъ увидишь...

— И откуда въ тебѣ столько злости, Ираклій? Бѣсъ тебя мучитъ... Живетъ человѣкъ въ обители тихо, благородно, никому не мѣшаетъ, а ты лѣзешь, какъ осенняя муха.

— Можетъ, я ему же добра желаю?

Прошло еще дня два. Разъ вечеромъ, когда братъ Па линъ чинилъ у себя въ избушкѣ сѣти, Половецкій пришел къ нему. Онъ замѣтно похудѣлъ, глаза свѣтились лихор дочно.

— Не здоровится вамъ, Михалъ Петровичъ?

— Нѣтъ, такъ... вообще...

Онъ сѣлъ на лавку и долго наблюдалъ за работой бра Павлина. Потомъ поднялся и, молча простившись, ушел Брату Павлину казалось, что онъ хотѣлъ что-то ему сказа и не могъ разговориться.

Черезъ полчаса Половецкій вернулся.

— Братъ Павлинъ, вы скоро кончите свою работу?

— Да хоть сейчасъ, Михайло Петровичъ... Работа не ме вѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ.

— Такъ пойдемте ко мнѣ... посидимъ... Мнѣ скучно... Да

Онъ посмотрѣлъ кругомъ и спросилъ тихо:

— Братъ Павлинъ, вамъ бываетъ страшно? Вотъ ког обступитъ темнота, когда кругомъ дѣлается мертвая тишина

— Чего же бояться, Михайло Петровичъ?

— А такъ... Сначала тоска, а потомъ страхъ... этакое ос бенное жуткое чувство... У васъ здѣсь хорошо. Простая р бочая обстановка...

— Да вы присядьте, Михайло Петровичъ.

Половецкій сѣлъ въ уголокъ къ столу и вытянулъ ног По его лицу, какъ тѣнь, пробѣгала конвульсія.

— Надо сѣти выправить,—говорилъ братъ Павлинъ.— озеро встанетъ—будемъ тони тянуть... Апостольское ремесл рыбку ловить.

— А вѣдь рыба чувствуетъ, когда ее убиваютъ?

— У ней кровь холодная, Михайло Петровичъ. Потом она кричать не умѣетъ... Заказано ей это.

Черезъ часъ Половецкій и братъ Павлинъ сидѣли кипѣвшимъ самоваромъ. На окнѣ въ комнатѣ Половецка начали появляться цвѣты—астры, бархатцы, флоксы. Он думалъ, что ихъ приносилъ братъ Павлинъ, и поблагодарил его за эту любезность.

— Нѣтъ, это не я-съ, Михайло Петровичъ,—сконфужен признался братъ Павлинъ.

— Значитъ, Ираклій?

— Больше некому... Онъ у насъ руководствуетъ по цв точной части.

Половецкій зашагалъ по комнатѣ. У него на лицѣ вы ступили отъ волненія красныя пятна.

— У него всю зиму цвѣты цвѣтутъ, ну, вотъ онъ и вам приспособилъ... Ужъ такой человѣкъ.

— Да, человѣкъ...

Послѣ чая Половецкій досталъ изъ своей котомки куклу, съ особеннымъ вниманіемъ поправилъ на ней костюмъ, привелъ въ порядокъ льняные волосы и посадилъ на кровать.

— Нравится она вамъ? — спросилъ онъ, улыбаясь.—Она умѣетъ закрывать глазки и говоритъ „папа“ и „мама“.

— Красивая кукляшка, — согласился братъ Павлинъ.— Тоже и придумаютъ... т. е. на счетъ разговору.

— Самая простая машинка...

Онъ дернулъ за ниточку и кукла тоненькимъ голоскомъ сказала „папа“. Братъ Павлинъ смотрѣлъ на нее и добродушно улыбался. Половецкій съ особеннымъ вниманіемъ наблюдалъ за каждымъ его движеніемъ.

— Вы ничего не замѣчаете... особеннаго?—тихо спросилъ онъ.

— Нѣтъ, ничего, Михайло Петровичъ... Такъ, кукла, какъ ей полагается быть.

Этотъ отвѣтъ заставилъ Половецкаго поморщиться, и онъ подозрительно посмотрѣлъ на брата Павлина, изъ вѣжливости считавшаго нужнымъ улыбаться.

— А вы помните этотъ случай,—съ трудомъ заговорилъ Половецкій, усаживая куклу на кровать.—Да, случай... Однимъ словомъ, когда Ираклій въ первый разъ вытащилъ куклу изъ моей котомки?.. Она валялась вотъ здѣсь на полу...

— Какъ же, помилуйте, даже очень хорошо помню...

— Отлично... Вы стояли вотъ здѣсь у дверей, она лежала вотъ здѣсь, и вы не могли ея не видѣть... да...

Для ясности Половецкій показалъ оба мѣста.

— Вотъ-вотъ,—согласился братъ Павлинъ, не понимая, въ чемъ дѣло, и еще больше не понимая, почему такъ волнуется Михайло Петровичъ изъ-за такихъ сущихъ пустяковъ.

— Она лежала съ закрытыми глазами,—продолжалъ Половецкій.—Лѣвая рука была откинута... да...

— Вотъ-вотъ... Какъ сейчасъ вижу, Михайло Петровичъ. А вы вотъ объ это мѣсто стояли...

Половецкій взялъ опять на руки куклу, показалъ ее брату Павлину и спросилъ:

— Вы увѣрены, что это та самая кукла?

— Та самая...

Этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ Половецкаго. Онъ поставилъ брата Павлина на то мѣсто у двери, гдѣ онъ стоялъ тогда, положилъ куклу на полъ, придавъ ей тогдашнюю позу, и повторилъ вопросъ.

— Она самая,—увѣрялъ братъ Павлинъ.

— Зачѣмъ вы меня обманываете?!.

— Помилуйте...

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Вы заодно съ Иракліемъ... О, все я отлично понимаю!.. Это не моя кукла...

— Что вы, Михайло Петровичъ, да какъ это возможно Конечно, поваръ Егорушка поступилъ неправильно, что п слушался тогда Ираклія и поволокъ вашу куклу... А толь другой куклы негдѣ въ обители добыть, какъ хотите.

— А въ Бобыльскѣ развѣ нельзя добыть?.. Перестаньте, п жалуйста, я не вчера родился... Вы всѣ противъ меня.

— Помилуйте...

— И не говорите лучше ничего... Вы не знаете, какъ измучился за эти дни... Мнѣ даже больно видѣть васъ се часъ...

— Я уйду-съ, Михайло Петровичъ... Простите, что есл что и неладно сказалъ. А только кукла та самая...

Увѣренный тонъ брата Павлина, а главное—его искре няя простота подѣйствовали на Половецкаго успокаивающим образомъ.

— Да, да, хорошо,—говорилъ онъ, шагая по комнатѣ,- да, очень хорошо...

Да, конечно, братъ Павлинъ съ его голубиной кротость не могъ обманывать... Есть особенные люди, чистые, как ключевая вода. Половецкій даже раскаялся въ собственном невѣріи, когда братъ Павлинъ ушелъ. Развѣ такіе люди о манываютъ? И какъ онъ могъ подозрѣвать этого чистаго ч ловѣка...

Наступала ночь. Половецкій долго шагалъ по своей ко натѣ. Кукла продолжала оставаться на своемъ мѣстѣ, и Половецкаго явилась увѣренность, что она настоящая, та с мая, которую онъ любилъ и которая его любила — именн важно было послѣднее. Да, она его любила, какъ это ни к залось бы дикимъ и нелѣпымъ со стороны, для чужого ч ловѣка... Вмѣстѣ съ этимъ Половецкій испытывалъ жутк чувство, а именно, что онъ не одинъ, не смотря на зав шанное окно и запертую дверь. Это его и возмущало, и п гало. Онъ прислушивался къ малѣйшему шороху и сл шалъ только, какъ билось его собственное сердце. Ускорен повышеннымъ темпомъ, съ нервной задержкой отработа шаго аппарата. „Это бродитъ Ираклій"—рѣшилъ Половецкі

Но онъ ошибался. Братъ Ираклій заперся у себя въ кел и со всеусердіемъ писалъ какой-то новый доносъ на обител скую жизнь.

За послѣднее время у Половецкаго все чаще и чаш повторялись тяжелыя безсонныя ночи, и его опять начина одолѣвать смертная тоска, отъ которой онъ хотѣлъ укрыть подъ обительскимъ кровомъ. Онъ еще съ вечера зналъ, ч не будетъ спать. Являлась преждевременная сонливость, н опредѣленная тяжесть въ затылкѣ, конвульсивная зѣвот Лѣтомъ его спасалъ усиленный физическій трудъ на св

жемъ воздухѣ, а сейчасъ наступилъ періодъ осеннихъ дождей и приходилось сидѣть дома. Зимняя рубка дровъ и рыбная ловля неводомъ были еще далеко.

XIV.

Дня черезъ три Половецкій слегъ. Онъ ни на что не жаловался, а только чувствовалъ какое-то томящее безсиліе.

— Вы, можетъ, простудились, Михайло Петровичъ?—пробовалъ догадаться братъ Павлинъ.—Хорошо на ночь малинки напиться или липоваго цвѣту... Очень хорошо помогаетъ, потому какъ сейчасъ происходитъ воспареніе.

— Нѣтъ, спасибо, ничего мнѣ не нужно... Такъ, само пройдетъ помаленьку.

Половецкій смотрѣлъ на брата Павлина совсѣмъ больными глазами и напрасно старался улыбнуться.

— Вотъ пищи вы не желаете принимать—это главное,—соображалъ братъ Павлинъ вслухъ.—Это вотъ даже который ежели потеряетъ жаръ—очень нехорошо...

— Совершенно вѣрно...

— А ежели принатужиться, Михайло Петровичъ, и поѣсть? Можно шинкованной капустки съ лучкомъ, солененькихъ грибковъ, бруснички... рыбки солененькой...

Братъ Павлинъ самымъ трогательнымъ образомъ ухаживалъ за больнымъ и напрасно перебиралъ всѣ извѣстныя ему средства. Половецкій терпѣливо его слушалъ, отказывался и кончилъ очень странной просьбой:

— Братъ Павлинъ, мнѣ необходимо переговорить съ Иракліемъ... Позовите его ко мнѣ.

Эта просьба удивила брата Павлина до того, что онъ стоялъ, раскрывъ ротъ, и ничего не могъ сказать.

— Вы можете его предупредить, что я рѣшительно ничего не имѣю противъ него,—объяснялъ Половецкій.—Да, онъ можетъ быть совершенно спокоенъ... Скажу больше: я съ нимъ просто желаю поговорить по душѣ. Пусть приходитъ вечеркомъ, и мы побесѣдуемъ.

Это неожиданное приглашеніе не въ шутку перепугало трусливаго брата Ираклія.

— Онъ меня убьетъ!—увѣрялъ онъ, дергая шеей.—Благодарю покорно... Стара шутка. Недавно еще читалъ въ газетахъ, какъ вотъ этакъ же одинъ господинъ заманилъ къ себѣ другого господина и лишилъ его жизни черезъ удушеніе. Да вотъ точно такой же случай...

— Опомнись, Ираклій, какъ тебѣ не стыдно!..

— И даже весьма просто... Шея у меня тонкая, а онъ

вонъ какой здоровенный. Какъ схватитъ прямо за шеи
Нѣтъ, братъ, стара шутка! Это онъ мнѣ хочетъ за свою ч
тову куклу отомстить... А я ему покажу еще не такую кук
Х-ха...

— Перестань молоть вздоръ...

— Я?!. А вотъ увидишь...

Братъ Ираклій постукалъ себя по лбу пальцемъ и, п
мигнувъ, съ кривой улыбкой прибавилъ:

— О, на этомъ чердакѣ цѣлый ювелирный магазин
Надо это очень тонко понимать.

— А вотъ ты и покажи свой-то магазинъ Михаилу П
ровичу... да. А трусость свою оставь.

— Я, по твоему, трусъ? Ахъ, ты, капустный червь...
я... я никого на свѣтѣ не боюсь! Слышалъ? Ираклій Катан
никого не боится и даже могъ бы быть великимъ полков
цемъ... О, вы меня совсѣмъ не понимаете, потому что я п
падаю въ вашей обители, какъ подкопенная мышь.

Въ доказательство своего величія братъ Ираклій схвати
со стола бюстъ Наполеона, выпрямился и, отступивъ
сколько шаговъ, проговорилъ:

— Ну, смотри: вѣдь два родныхъ брата...

— А къ Михайлу Петровичу всетаки трусишь идти?

— А вотъ и пойду, на зло тебѣ пойду... Михайло Пет
ровичъ, Михайло Петровичъ... Не велико кушанье.

— И всетаки не сходишь: душа у тебя, Ираклій, коротк

Братъ Ираклій презрительно фыркнулъ и даже покр
нѣлъ. Поставивъ бюстъ Наполеона на письменный столъ, о
проговорилъ уже другимъ тономъ:

— Вотъ что, Павлинъ... да... Я пойду... да... а ты постои
въ корридорѣ... Въ случаѣ, ежели онъ бросится меня
шить, ты бросишься въ дверь...

— Непремѣнно...

— Ну, и отлично... Я закричу тебѣ, а ты стрѣлой и б
сайся...

Какъ всѣ очень нервные люди, братъ Ираклій поступи
совершенно неожиданно, неожиданно даже для самого себя. О
пришелъ къ Половецкому поздно вечеромъ, на огонекъ.

— Вы меня желали видѣть?—съ затаенной дерзостью сп
силъ онъ, останавливаясь у двери.

— Ахъ, да... Садитесь, пожалуйста, къ столу. Встать я
могу, въ чемъ и извиняюсь...

— Такъ-съ... гмъ...

Братъ Ираклій подозрительно посмотрѣлъ на любезна
хозяина, а потомъ на глазъ смѣрялъ разстояніе отъ сто
до двери, мысленно высчитывая, можетъ-ли онъ убѣжа
если притворяющійся больнымъ гостепріимный хозяинъ вск

чить съ постели и бросится его душить. Но Половецкій продолжалъ лежать на своей кровати, не проявляя никакихъ кровожадныхъ намѣреній.

— Можетъ быть, вы хотите чего, братъ Ираклій?

— Нѣтъ, благодарю васъ...

— Вѣдь вы любите варенье, и я угощу васъ поленикой. Мнѣ недавно привезли изъ города.

— Я уважаю сладкое, но во благовременіи...

Небольшая дешевенькая лампочка освѣщала только часть лица Половецкаго, и онъ казался брату Ираклію какимъ-то циклопомъ.

— Да, такъ я желалъ васъ видѣть,—заговорилъ Половецкій, облокачиваясь на подушкѣ.—Предупреждаю, что я совсѣмъ не сержусь на васъ, и вы спокойно можете забыть о послѣднемъ эпизодѣ съ куклой... да.

Братъ Ираклій сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и тревожно посмотрѣлъ на дверь.

— Меня удивляетъ только одно, что моя кукла такъ васъ интересуетъ,—продолжалъ Половецкій.—И мнѣ хотѣлось бы кое-что вамъ объяснить...

— Я приковываю мое ухо на гвоздь вниманія, какъ выразился одинъ философъ...

Половецкій сдѣлалъ паузу, подбирая выскальзывавшія изъ головы слова.

— Исторія моей куклы очень недлинная,—заговорилъ онъ, сдерживая невольный вздохъ.—Я даже не могу припомнить, какъ она попала ко мнѣ въ домъ, какъ множество другихъ совершенно ненужныхъ вещей... Кстати, у меня есть въ Петербургѣ собственный домъ особнякъ, т. е. два этажа, набитые совершенно ненужными вещами, т. е. вещами, безъ которыхъ совершенно легко обойтись и безъ которыхъ, какъ вы видите, я обхожусь сейчасъ совершенно свободно. Есть дурныя привычки богатыхъ людей, которыхъ они не замѣчаютъ... У меня было, напримѣръ, двѣнадцать или пятнадцать шубъ... Вѣдь я не могъ же ходить заразъ въ двухъ?.. Въ Москвѣ у меня тоже былъ домъ,—продолжалъ Половецкій, перемѣняя положеніе.—Т. е. не мой домъ, а домъ моей жены. И мнѣ было пріятно думать, что у меня два дома..

— И кромѣ того имѣнья?

— И имѣнья въ трехъ губерніяхъ. Тоже было пріятно думать, что гдѣ хочу—тамъ и живу. Даже думалъ о старости, которую мечталъ кончить добрымъ, старымъ помѣщикомъ въ какой-нибудь почетной общественной должности...

— Мысль весьма невредная, г. Половецкій. Я вѣдь давно знаю вашу фамилію, извините...

— Да, такъ было все, братъ Ираклій... Прибавьте къ этому

молодость, кругъ веселыхъ товарищей по полку, безконе
ныя удовольствія... Жизнь катилась совершенно незамѣт
какъ у всѣхъ богатыхъ людей. Моя жена очень красив
женщина, какъ она мнѣ казалась до женитьбы и какъ ув
ряли потомъ другіе мужчины, но дома красивой женщи
нѣтъ, потому что и красота пріѣдается. Но мы сохрани
дружескія чувства... Это много значитъ.

Братъ Ираклій превратился весь во вниманіе Онъ
первый разъ видѣлъ предъ собой на такомъ близкомъ ра
стояніи настоящаго богатаго человѣка. Всѣ богачи предста
лялись въ его воображеніи какими-то полумифическими с
ществами.

— Я сказалъ, что мы съ женой жили друзьями, — пр
должалъ Половецкій. — На нашемъ языкѣ это значитъ, ч
мы жили каждый своей отдѣльной жизнью. У меня бы
свой кругъ знакомства, у нея — свой... Мы съ ней встрѣч
лись, главнымъ образомъ, за столомъ, а потомъ разыгрыва
передъ добрыми знакомыми комедію счастливой парочк
Намъ завидовали, насъ ставили въ примѣръ другимъ, и н
кто не зналъ, какъ мы живемъ въ дѣйствительности. Одни
словомъ, все шло хорошо, какъ понимается это слово
нашемъ кругу. И вдругъ у насъ является ребенокъ... д
вочка... При ея появленіи я получилъ анонимное письм
что настоящій отецъ не я.

Послѣдовала длинная пауза. Братъ Ираклій задерга
шеей, точно это анонимное письмо писалъ онъ. Половецк
лежалъ, запрокинувъ голову на подушку и закрывъ гла

— Да, это было тяжело... — глухо заговорилъ онъ. — Э
въ сущности была первая серьезная непріятность въ мо
жизни. И я выдержалъ характеръ — въ нашемъ кругу э
считается величайшимъ достоинствомъ — т. е. я ничего
сказалъ женѣ и не подалъ ни малѣйшаго повода къ сомн
нію. Раньше мы были счастливой парочкой, а тутъ нача
разыгрывать второй актъ комедіи — счастливыхъ роди
лей...

— Михайло Петровичъ, почему вы мнѣ все это разск
зываете? — неожиданно спросилъ братъ Ираклій. — Я вѣ
для васъ совершенно посторонній человѣкъ, и мнѣ даж
какъ-то неловко слушать...

Половецкій улыбнулся больной улыбкой и перекатил
голову на подушкѣ.

— Почему?—повторилъ онъ вопросъ брата Ираклія.—Я
самъ хорошенько не знаю, но мнѣ хочется выговориться
Можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что вы один
меня поймете—я веду свой разсказъ къ куклѣ. Введеніе в
много странное и нелѣпое, но необходимое... Я, наконец

хочу, чтобы вы поняли мое сумасшествіе. Вѣдь въ вашихъ глазахъ я сумасшедшій, маньякъ...

— Не все-ли вамъ равно, что я думаю?

— Но вы существуете для меня не лично, какъ такой-то имя-рекъ, а такъ сказать собирательно... Можете, впрочемъ, не слушать, если вамъ скучно.

— Нѣтъ, отчего-же...

XV.

Братъ Ираклій сидѣлъ у стола, облокотившись на стулѣ, какъ обезьяна. Его страшно интересовала дальнѣйшая исповѣдь Половецкаго, и онъ терпѣливо ждалъ ея продолженія.

— Да, у меня была дѣвочка... звали ее Сусанной...— глухо заговорилъ Половецкій, подбирая слова.—Неправда-ли, какое красивое имя? Она росла какъ-то въ сторонѣ отъ нашей жизни, на попеченіи сначала бонны-швейцарки, а потомъ гувернантки-англичанки. Мать и отца она видѣла только утромъ, когда приводили ее здороваться, и вечеромъ, когда она прощалась. Весь ея дѣтскій день проходилъ среди чужихъ, наемныхъ людей... Что она думала, что она дѣлала— отецъ и мать не интересовались. Ребенокъ росъ хорошенькій, здоровенькій—и этого было достаточно. Но въ одно прекрасное утро англичанка съ большими предосторожностями объяснила мнѣ, что замѣчаетъ въ дѣвочкѣ кое-какія ненормальности: безцѣльное упрямство, вспышки безпричиннаго гнѣва, несвойственную ея возрасту апатію... Мы, конечно, не обратили на это никакого вниманія. Мало ли бываетъ дѣтей упрямыхъ, вспыльчивыхъ и, вообще, несносныхъ? Время шло, а вмѣстѣ съ нимъ разростались ненормальности, такъ что пришлось обратиться къ спеціалисту-врачу, который далъ намъ понять, что положеніе дѣвочки безнадежно...

Половецкій сѣлъ на кровати, спустивъ босыя ноги... Онъ сильно похудѣлъ за послѣдніе дни и показался брату Ираклію даже страшнымъ. Лицо осунулось, глаза округлились и казались больше.

— Это былъ ударъ грома, — продолжалъ онъ, растирая колѣни рукой.—Т. е. ударъ для меня. Я смутно почувствовалъ какую-то вину за собой... Не помню, въ который разъ, но мнѣ казалось, что я попалъ въ дѣтскую въ первый разъ и въ первый разъ увидѣлъ, что моя дѣвочка сидитъ вотъ съ этой самой куклой на рукахъ, улыбается и что то наговариваетъ ей безсвязное и любовное, какъ живому человѣку. Меня это почему-то кольнуло... Какая то безсмысленная кукла и безсмысленный дѣтскій лепетъ. Но больная не разставалась

съ своей куклой ни днемъ, ни ночью... Ее и за границу повезли лѣчиться съ этой же куклой. Европейскіе корифеи науки только подтвердили діагнозъ нашего домашняго врача... Положеніе получалось самое безнадежное. Да... Жена воспользовалась имъ, чтобы изображать изъ себя жертву. Я ее возненавидѣлъ именно за эту послѣднюю ложь, хотя она и лгала цѣлую жизнь... Ничего нѣтъ ужаснѣе лжи, которая, какъ ржавчина, разъѣдаетъ и губитъ живую душу. Говорятъ о святости материнства, но я, къ сожалѣнію, видѣлъ другое, и мою душу постепенно захватывалъ ужасъ... Мнѣ случалось участвовавать въ сраженіяхъ, переживать очень опасные моменты, но удивительно то, что настоящій страхъ появлялся уже въ то время, когда опасность миновала. Я хочу сказать, что жизнь, вообще, страшная вещь, но мы это не желаемъ замѣчать, а сознаніе является только заднимъ числомъ... Мы идемъ, какъ лунатики, по карнизу и не замѣчаемъ окружающей со всѣхъ сторонъ опасности... Вы согласны со мной?...

— Право, не знаю... Мнѣ кажется, что ничего ужаснаго нѣтъ.

— Нѣтъ, есть... Вы только подумайте, что каждый могъ бы прожить свою жизнь на тысячу ладовъ иначе, чѣмъ живетъ. Насъ опутываютъ тѣ мелочи, которыя затемняютъ нашъ день и даже преслѣдуютъ во снѣ.

Братъ Ираклій вскочилъ, но, взглянувъ на Половецкаго, опять сѣлъ. Онъ страдалъ галлюцинаціями не аскетическаго характера, надъ чѣмъ смѣялся Теплоуховъ. Половецкій не замѣтилъ его движенія и продолжалъ, глядя на полъ.

— И этотъ ужасъ разростался... Я бросилъ свою службу, прекратилъ ненужныя знакомства и заперся у себя въ квартирѣ. Я былъ убѣжденъ, что одной силой любви могу спасти свою дѣвочку, наперекоръ всѣмъ медицинскимъ діагнозамъ. Вѣдь одна любовь творитъ чудеса... Мнѣ стоило громаднаго труда принизиться до чарующей простоты дѣтскаго міросозерцанія, и я ползкомъ добирался до архитектуры дѣтскихъ мыслей. Я сказалъ: принизиться — это не вѣрно. Вѣрнѣе сказать: возвыситься, потому что всякая простота—это снѣговая вершина въ каждой области. Но я опоздалъ... Огонь уже потухалъ... Отдѣльные всполохи дѣтскаго сознанія говорили о какомъ-то другомъ мірѣ, невѣдомомъ, необъятномъ и безгранично-властномъ... Маленькая душа шла навстрѣчу этому міру, роняя только послѣднія искры сознанія для того маленькаго мірка, который оставляла. И я, такой большой и сильный, носилъ этотъ погасавшій свѣтъ въ маленькомъ существѣ... Полное безсиліе сильнаго... И тутъ у меня вспыхнула страстная, безумная любовь къ моему ребенку...

До сихъ поръ я не зналъ даже приблизительно, что такое любовь, потому что не понималъ, что любовь есть правда жизни. То, что принято называть этимъ словомъ—одна мистификація... И тогда я полюбилъ вотъ эту куклу, которую держали холодѣвшія маленькія ручки, отдавая ей свою послѣднюю теплоту.

Сдѣлавъ паузу, Половецкій съ удивленіемъ посмотрѣлъ кругомъ, на сгорбленную фигуру брата Ираклія, на расплывавшееся пятно свѣта вокругъ лампы, на давно небѣленыя стѣны, на свои босыя ноги... Ему казалось, что онъ гдѣ-то далеко-далеко отъ обительской страннопріимницы, и что вмѣсто брата Ираклія сидитъ онъ самъ и слушаетъ чью-то скорбную, непонятную для него исповѣдь.

— Ваша дочка, какъ вы выражались раньше, изволила умереть?—почтительно рѣшился прервать молчаніе братъ Ираклій, исполнившійся уваженіемъ къ Половецкому.

— Ахъ, да...—отозвался Половецкій, точно просыпаясь отъ охватившаго его раздумья.—Да, изволила... И всѣ этого желали. Я переживалъ молчаливое отчаяніе, больше—я сходилъ съ ума... На меня напалъ паническій ужасъ, и я нигдѣ не могъ найти себѣ мѣста. У меня не было даже слезъ, и я прятался отъ всѣхъ, чтобы не видѣли моего горя... Эта дорогая смерть точно открыла мнѣ глаза на всю мою безобразную жизнь... Есть чудная русская поговорка: покойникъ у воротъ не стоитъ, а свое возьметъ. Какое прекрасное слово: покойникъ... Мой маленькій покойникъ стоялъ у моего сердца... Маленькія ручки точно указывали мнѣ на все безобразіе моей жизни. Ужасъ все сильнѣе охватывалъ меня, щемящая пустота, давящая темнота... Я плакалъ, я кричалъ—и отвѣта не было... Это ощущеніе заблудившагося въ лѣсу человѣка, потерявшаго всѣ силы и послѣднюю надежду когда-нибудь выбраться изъ этого лѣса... У меня явилось непреодолимое желаніе покончить съ собой, чтобы разомъ прекратить невыносимыя муки. У меня было обдумано и приготовлено все до мельчайшихъ подробностей, включительно до стереотипной записки: „Въ смерти моей прошу никого не обвинять“, и т. д.

— Да, да, я мысленно простился со всѣмъ и со всѣми,—продолжалъ Половецкій.—Въ сущности, это былъ хорошій моментъ... Жилъ человѣкъ и не захотѣлъ жить. У меня оставалось доброе чувство ко всѣмъ, которые оставались жить, даже къ женѣ, которую ненавидѣлъ. Все было готово... Я уже хотѣлъ уйти изъ дома, когда вспомнилъ о дѣтской, освященной воспоминаніями пережитыхъ страданій. Я вошелъ туда... Комната оставалась даже неубранной, и въ углу валялась вотъ эта кукла...

съ своей куклой ни днемъ, ни ночью... Ее и за границу повезли лѣчиться съ этой же куклой. Европейскіе корифеи науки только подтвердили діагнозъ нашего домашняго врача... Положеніе получалось самое безнадежное. Да... Жена воспользовалась имъ, чтобы изображать изъ себя жертву. Я ее возненавидѣлъ именно за эту послѣднюю ложь, хотя она и лгала цѣлую жизнь... Ничего нѣтъ ужаснѣе лжи, которая, какъ ржавчина, разъѣдаетъ и губитъ живую душу. Говорятъ о святости материнства, но я, къ сожалѣнію, видѣлъ другое, и мою душу постепенно захватывалъ ужасъ... Мнѣ случалось участвовавать въ сраженіяхъ, переживать очень опасные моменты, но удивительно то, что настоящій страхъ появлялся уже въ то время, когда опасность миновала. Я хочу сказать, что жизнь, вообще, страшная вещь, но мы это не желаемъ замѣчать, а сознаніе является только заднимъ числомъ... Мы идемъ, какъ лунатики, по карнизу и не замѣчаемъ окружающей со всѣхъ сторонъ опасности... Вы согласны со мной?...

— Право, не знаю... Мнѣ кажется, что ничего ужаснаго нѣтъ.

— Нѣтъ, есть... Вы только подумайте, что каждый могъ бы прожить свою жизнь на тысячу ладовъ иначе, чѣмъ живетъ. Насъ опутываютъ тѣ мелочи, которыя затемняютъ нашъ день и даже преслѣдуютъ во снѣ.

Братъ Ираклій вскочилъ, но, взглянувъ на Половецкаго, опять сѣлъ. Онъ страдалъ галлюцинаціями не аскетическаго характера, надъ чѣмъ смѣялся Теплоуховъ. Половецкій не замѣтилъ его движенія и продолжалъ, глядя на полъ.

— И этотъ ужасъ разростался... Я бросилъ свою службу, прекратилъ ненужныя знакомства и заперся у себя въ квартирѣ. Я былъ убѣжденъ, что одной силой любви могу спасти свою дѣвочку, наперекоръ всѣмъ медицинскимъ діагнозамъ. Вѣдь одна любовь творитъ чудеса... Мнѣ стоило громаднаго труда принизиться до чарующей простоты дѣтскаго міросозерцанія, и я ползкомъ добирался до архитектуры дѣтскихъ мыслей. Я сказалъ: принизиться — это не вѣрно. Вѣрнѣе сказать: возвыситься, потому что всякая простота—это снѣговая вершина въ каждой области. Но я опоздалъ... Огонь уже потухалъ... Отдѣльные всполохи дѣтскаго сознанія говорили о какомъ-то другомъ мірѣ, невѣдомомъ, необъятномъ и безгранично-властномъ... Маленькая душа шла навстрѣчу этому міру, роняя только послѣднія искры сознанія для того маленькаго мірка, который оставляла. И я, такой большой и сильный, носилъ этотъ погасавшій свѣтъ въ маленькомъ существѣ... Полное безсиліе сильнаго... И тутъ у меня вспыхнула страстная, безумная любовь къ моему ребенку...

До сихъ поръ я не зналъ даже приблизительно, что такое любовь, потому что не понималъ, что любовь есть правда жизни. То, что принято называть этимъ словомъ—одна мистификація... И тогда я полюбилъ вотъ эту куклу, которую держали холодѣвшія маленькія ручки, отдавая ей свою послѣднюю теплоту.

Сдѣлавъ паузу, Половецкій съ удивленіемъ посмотрѣлъ кругомъ, на сгорбленную фигуру брата Ираклія, на расплывавшееся пятно свѣта вокругъ лампы, на давно небѣленыя стѣны, на свои босыя ноги... Ему казалось, что онъ гдѣ-то далеко-далеко отъ обительской страннопріимницы, и что вмѣсто брата Ираклія сидитъ онъ самъ и слушаетъ чью-то скорбную, непонятную для него исповѣдь.

— Ваша дочка, какъ вы выражались раньше, изволила умереть?—почтительно рѣшился прервать молчаніе братъ Ираклій, исполнившійся уваженіемъ къ Половецкому.

— Ахъ, да...—отозвался Половецкій, точно просыпаясь отъ охватившаго его раздумья.—Да, изволила... И всѣ этого желали. Я переживалъ молчаливое отчаяніе, больше—я сходилъ съ ума... На меня напалъ паническій ужасъ, и я нигдѣ не могъ найти себѣ мѣста. У меня не было даже слезъ, и я прятался отъ всѣхъ, чтобы не видѣли моего горя... Эта дорогая смерть точно открыла мнѣ глаза на всю мою безобразную жизнь... Есть чудная русская поговорка: покойникъ у воротъ не стоитъ, а свое возьметъ. Какое прекрасное слово: покойникъ... Мой маленькій покойникъ стоялъ у моего сердца... Маленькія ручки точно указывали мнѣ на все безобразіе моей жизни. Ужасъ все сильнѣе охватывалъ меня, щемящая пустота, давящая темнота... Я плакалъ, я кричалъ—и отвѣта не было... Это ощущеніе заблудившагося въ лѣсу человѣка, потерявшаго всѣ силы и послѣднюю надежду когда-нибудь выбраться изъ этого лѣса... У меня явилось непреодолимое желаніе покончить съ собой, чтобы разомъ прекратить невыносимыя муки. У меня было обдумано и приготовлено все до мельчайшихъ подробностей, включительно до стереотипной записки: „Въ смерти моей прошу никого не обвинять“, и т. д.

— Да, да, я мысленно простился со всѣмъ и со всѣми,—продолжалъ Половецкій.—Въ сущности, это былъ хорошій моментъ... Жилъ человѣкъ и не захотѣлъ жить. У меня оставалось доброе чувство ко всѣмъ, которые оставались жить, даже къ женѣ, которую ненавидѣлъ. Все было готово... Я уже хотѣлъ уйти изъ дома, когда вспомнилъ о дѣтской, освященной воспоминаніями пережитыхъ страданій. Я вошелъ туда... Комната оставалась даже неубранной, и въ углу валялась вотъ эта кукла...

съ своей куклой ни днемъ, ни ночью... Ее и за границу повезли лѣчиться съ этой же куклой. Европейскіе корифеи науки только подтвердили діагнозъ нашего домашняго врача... Положеніе получалось самое безнадежное. Да... Жена воспользовалась имъ, чтобы изображать изъ себя жертву. Я ее возненавидѣлъ именно за эту послѣднюю ложь, хотя она и лгала цѣлую жизнь... Ничего нѣтъ ужаснѣе лжи, которая, какъ ржавчина, разъѣдаетъ и губитъ живую душу. Говорятъ о святости материнства, но я, къ сожалѣнію, видѣлъ другое, и мою душу постепенно захватывалъ ужасъ... Мнѣ случалось участвовавать въ сраженіяхъ, переживать очень опасные моменты, но удивительно то, что настоящій страхъ появлялся уже въ то время, когда опасность миновала. Я хочу сказать, что жизнь, вообще, страшная вещь, но мы это не желаемъ замѣчать, а сознаніе является только заднимъ числомъ... Мы идемъ, какъ лунатики, по карнизу и не замѣчаемъ окружающей со всѣхъ сторонъ опасности... Вы согласны со мной?...

— Право, не знаю... Мнѣ кажется, что ничего ужаснаго нѣтъ.

— Нѣтъ, есть... Вы только подумайте, что каждый могъ бы прожить свою жизнь на тысячу ладовъ иначе, чѣмъ живетъ. Насъ опутываютъ тѣ мелочи, которыя затемняютъ нашъ день и даже преслѣдуютъ во снѣ.

Братъ Ираклій вскочилъ, но, взглянувъ на Половецкаго, опять сѣлъ. Онъ страдалъ галлюцинаціями не аскетическаго характера, надъ чѣмъ смѣялся Теплоуховъ. Половецкій не замѣтилъ его движенія и продолжалъ, глядя на полъ.

— И этотъ ужасъ разростался... Я бросилъ свою службу, прекратилъ ненужныя знакомства и заперся у себя въ квартирѣ. Я былъ убѣжденъ, что одной силой любви могу спасти свою дѣвочку, наперекоръ всѣмъ медицинскимъ діагнозамъ. Вѣдь одна любовь творитъ чудеса... Мнѣ стоило громаднаго труда принизиться до чарующей простоты дѣтскаго міросозерцанія, и я ползкомъ добирался до архитектуры дѣтскихъ мыслей. Я сказалъ: принизиться — это не вѣрно. Вѣрнѣе сказать: возвыситься, потому что всякая простота—это снѣговая вершина въ каждой области. Но я опоздалъ... Огонь уже потухалъ... Отдѣльные всполохи дѣтскаго сознанія говорили о какомъ-то другомъ мірѣ, невѣдомомъ, необъятномъ и безгранично-властномъ... Маленькая душа шла навстрѣчу этому міру, роняя только послѣднія искры сознанія для того маленькаго мірка, который оставляла. И я, такой большой и сильный, носилъ этотъ погасавшій свѣтъ въ маленькомъ существѣ... Полное безсиліе сильнаго... И тутъ у меня вспыхнула страстная, безумная любовь къ моему ребенку...

До сихъ поръ я не зналъ даже приблизительно, что такое любовь, потому что не понималъ, что любовь есть правда жизни. То, что принято называть этимъ словомъ—одна мистификація... И тогда я полюбилъ вотъ эту куклу, которую держали холодѣвшія маленькія ручки, отдавая ей свою послѣднюю теплоту.

Сдѣлавъ паузу, Половецкій съ удивленіемъ посмотрѣлъ кругомъ, на сгорбленную фигуру брата Ираклія, на расплывавшееся пятно свѣта вокругъ лампы, на давно небѣленыя стѣны, на свои босыя ноги... Ему казалось, что онъ гдѣ-то далеко-далеко отъ обительской страннопріимницы, и что вмѣсто брата Ираклія сидитъ онъ самъ и слушаетъ чью-то скорбную, непонятную для него исповѣдь.

— Ваша дочка, какъ вы выражались раньше, изволила умереть?—почтительно рѣшился прервать молчаніе братъ Ираклій, исполнившійся уваженіемъ къ Половецкому.

— Ахъ, да...—отозвался Половецкій, точно просыпаясь отъ охватившаго его раздумья.—Да, изволила... И всѣ этого желали. Я переживалъ молчаливое отчаяніе, больше—я сходилъ съ ума... На меня напалъ паническій ужасъ, и я нигдѣ не могъ найти себѣ мѣста. У меня не было даже слезъ, и я прятался отъ всѣхъ, чтобы не видѣли моего горя... Эта дорогая смерть точно открыла мнѣ глаза на всю мою безобразную жизнь... Есть чудная русская поговорка: покойникъ у воротъ не стоитъ, а свое возьметъ. Какое прекрасное слово: покойникъ... Мой маленькій покойникъ стоялъ у моего сердца... Маленькія ручки точно указывали мнѣ на все безобразіе моей жизни. Ужасъ все сильнѣе охватывалъ меня, щемящая пустота, давящая темнота... Я плакалъ, я кричалъ—и отвѣта не было... Это ощущеніе заблудившагося въ лѣсу человѣка, потерявшаго всѣ силы и послѣднюю надежду когда-нибудь выбраться изъ этого лѣса... У меня явилось непреодолимое желаніе покончить съ собой, чтобы разомъ прекратить невыносимыя муки. У меня было обдумано и приготовлено все до мельчайшихъ подробностей, включительно до стереотипной записки: „Въ смерти моей прошу никого не обвинять“, и т. д.

— Да, да, я мысленно простился со всѣмъ и со всѣми,—продолжалъ Половецкій.—Въ сущности, это былъ хорошій моментъ... Жилъ человѣкъ и не захотѣлъ жить. У меня оставалось доброе чувство ко всѣмъ, которые оставались жить, даже къ женѣ, которую ненавидѣлъ. Все было готово... Я уже хотѣлъ уйти изъ дома, когда вспомнилъ о дѣтской, освященной воспоминаніями пережитыхъ страданій. Я вошелъ туда... Комната оставалась даже неубранной, и въ углу валялась вотъ эта кукла...

съ своей куклой ни днемъ, ни ночью... Ее и за границу п
везли лѣчиться съ этой же куклой. Европейскіе корифе
науки только подтвердили діагнозъ нашего домашня
врача... Положеніе получалось самое безнадежное. Да... Же
воспользовалась имъ, чтобы изображать изъ себя жерт
Я ее возненавидѣлъ именно за эту послѣднюю ложь, хотя о
и лгала цѣлую жизнь... Ничего нѣтъ ужаснѣе лжи, котора
какъ ржавчина, разъѣдаетъ и губитъ живую душу. Говоря
о святости материнства, но я, къ сожалѣнію, видѣлъ др
гое, и мою душу постепенно захватывалъ ужасъ... Мнѣ сл
чалось участвовавать въ сраженіяхъ, переживать очень опа
ные моменты, но удивительно то, что настоящій страхъ п
являлся уже въ то время, когда опасность миновала. Я хо
сказать, что жизнь, вообще, страшная вещь, но мы это
желаемъ замѣчать, а сознаніе является только заднимъ ч
сломъ... Мы идемъ, какъ лунатики, по карнизу и не зам
чаемъ окружающей со всѣхъ сторонъ опасности... Вы с
гласны со мной?...

— Право, не знаю... Мнѣ кажется, что ничего ужасна
нѣтъ.

— Нѣтъ, есть... Вы только подумайте, что каждый мо
бы прожить свою жизнь на тысячу ладовъ иначе, чѣмъ ж
ветъ. Насъ опутываютъ тѣ мелочи, которыя затемняютъ нап
день и даже преслѣдуютъ во снѣ.

Братъ Ираклій вскочилъ, но, взглянувъ на Половецка
опять сѣлъ. Онъ страдалъ галлюцинаціями не аскетическа
характера, надъ чѣмъ смѣялся Теплоуховъ. Половецкій
замѣтилъ его движенія и продолжалъ, глядя на полъ.

— И этотъ ужасъ разростался... Я бросилъ свою служб
прекратилъ ненужныя знакомства и заперся у себя въ ква
тирѣ. Я былъ убѣжденъ, что одной силой любви могу спас
свою дѣвочку, наперекоръ всѣмъ медицинскимъ діагнозам
Вѣдь одна любовь творитъ чудеса... Мнѣ стоило громадна
труда принизиться до чарующей простоты дѣтскаго міро
зерцанія, и я ползкомъ добирался до архитектуры дѣтски
мыслей. Я сказалъ: принизиться — это не вѣрно. Вѣрн
сказать: возвыситься, потому что всякая простота—это сн
говая вершина въ каждой области. Но я опоздалъ... Ого
уже потухалъ... Отдѣльные всполохи дѣтскаго сознанія гов
рили о какомъ-то другомъ мірѣ, невѣдомомъ, необъятном
и безгранично-властномъ... Маленькая душа шла навстрѣч
этому міру, роняя только послѣднія искры сознанія дл
того маленькаго мірка, который оставляла. И я, такой бол
шой и сильный, носилъ этотъ погасавшій свѣтъ въ мален
комъ существѣ... Полное безсиліе сильнаго... И тутъ у мен
вспыхнула страстная, безумная любовь къ моему ребенку

До сихъ поръ я не зналъ даже приблизительно, что такое любовь, потому что не понималъ, что любовь есть правда жизни. То, что принято называть этимъ словомъ—одна мистификація... И тогда я полюбилъ вотъ эту куклу, которую держали холодѣвшія маленькія ручки, отдавая ей свою послѣднюю теплоту.

Сдѣлавъ паузу, Половецкій съ удивленіемъ посмотрѣлъ кругомъ, на сгорбленную фигуру брата Ираклія, на расплывавшееся пятно свѣта вокругъ лампы, на давно небѣленыя стѣны, на свои босыя ноги... Ему казалось, что онъ гдѣ-то далеко-далеко отъ обительской страннопріимницы, и что вмѣсто брата Ираклія сидитъ онъ самъ и слушаетъ чью-то скорбную, непонятную для него исповѣдь.

— Ваша дочка, какъ вы выражались раньше, изволила умереть?—почтительно рѣшился прервать молчаніе братъ Ираклій, исполнившійся уваженіемъ къ Половецкому.

— Ахъ, да...—отозвался Половецкій, точно просыпаясь отъ охватившаго его раздумья.—Да, изволила... И всѣ этого желали. Я переживалъ молчаливое отчаяніе, больше—я сходилъ съ ума... На меня напалъ паническій ужасъ, и я нигдѣ не могъ найти себѣ мѣста. У меня не было даже слезъ, и я прятался отъ всѣхъ, чтобы не видѣли моего горя... Эта дорогая смерть точно открыла мнѣ глаза на всю мою безобразную жизнь... Есть чудная русская поговорка: покойникъ у воротъ не стоитъ, а свое возьметъ. Какое прекрасное слово: покойникъ... Мой маленькій покойникъ стоялъ у моего сердца... Маленькія ручки точно указывали мнѣ на все безобразіе моей жизни. Ужасъ все сильнѣе охватывалъ меня, щемящая пустота, давящая темнота... Я плакалъ, я кричалъ—и отвѣта не было... Это ощущеніе заблудившагося въ лѣсу человѣка, потерявшаго всѣ силы и послѣднюю надежду когда-нибудь выбраться изъ этого лѣса... У меня явилось непреодолимое желаніе покончить съ собой, чтобы разомъ прекратить невыносимыя муки. У меня было обдумано и приготовлено все до мельчайшихъ подробностей, включительно до стереотипной записки: „Въ смерти моей прошу никого не обвинять“, и т. д.

— Да, да, я мысленно простился со всѣмъ и со всѣми,—продолжалъ Половецкій.—Въ сущности, это былъ хорошій моментъ... Жилъ человѣкъ и не захотѣлъ жить. У меня оставалось доброе чувство ко всѣмъ, которые оставались жить, даже къ женѣ, которую ненавидѣлъ. Все было готово... Я уже хотѣлъ уйти изъ дома, когда вспомнилъ о дѣтской, освященной воспоминаніями пережитыхъ страданій. Я вошелъ туда... Комната оставалась даже неубранной, и въ углу валялась вотъ эта кукла...

Половецкій досталъ спрятанную подъ подушкой кукл
показалъ ее брату Ираклію.

— Вотъ эта самая... да... Она смотрѣла на меня живы
глазами и сказала... Вы не смѣйтесь — она, дѣйствител
сказала... „Безумецъ, я тебя люблю“. Понимаете?.. Да,
сказала, я это слышалъ... Никто не разувѣритъ меня
этомъ. „Безумецъ, я тебя люблю“... Мнѣ трудно сейч
припомнить по порядку, что потомъ было, но у меня явил
такое чувство, точно отъ меня отвалилась каменная гора
она дѣйствительно меня любила, потому что спасла
самоубійства... Оставался всего одинъ моментъ — и меня
не было. Это со стороны и нелѣпо, и смѣшно, и даже глу
но это было... Она меня любила, и я это чувствовалъ.
этому не вѣрите? Вы слушаете меня, какъ человѣка, к
рый бредитъ во снѣ?

— Нѣтъ, проще: я не понимаю, въ чемъ дѣло.

— А, не понимаете... Вѣдь вы учили въ вашей семи
ріи философію? Да? Вѣроятно, знаете, что былъ такой
мецкій философъ Фихте?

— Очень просто... О немъ у насъ въ запискахъ б
отдѣльная глава, которая начиналась такъ: „Фихте, замкн
шись въ свое „я“, разорвалъ всякую связь съ дѣйствите
ностью“...

— Вотъ, вотъ... этотъ философъ праздновалъ день, ко
его дочь въ первый разъ сказала „я“.

— Позвольте, при чемъ же тутъ кукла?

— А вы подождите... Когда человѣкъ родится, онъ
отдѣляетъ себя отъ остального міра. Онъ—весь міръ... А
остальная жизнь заключается только въ томъ, что челов
постепенно отдѣляетъ себя отъ міра. Смерть—это заклю
тельное звено этого рокового процесса. Рельефнѣе во
первый зародышъ этого процесса проявляется у ребенка
его куклѣ, въ которой онъ смутно начинаетъ чувствов
своего двойника... Это величайшій моментъ въ жизни к
даго, хотя мы и не даемъ себѣ въ этомъ отчета. Вѣдь
дѣти любятъ куколъ. Изъ этихъ дѣтей потомъ выростал
и герои, и обыкновенные люди, и преступники...

— Всетаки не понимаю...

— А почему дикарь лѣпитъ себѣ идола изъ глины,
стругиваетъ изъ дерева, выдалбливаетъ изъ камня, отлива
изъ металла? Вѣдь это продолженіе дѣтской куклы, въ
торой человѣкъ ищетъ самого себя... Онъ помѣщаетъ име
въ ней самую лучшую часть самого себя и въ ней же ищ
отвѣта на вѣчные вопросы жизни. Вотъ и моя кукла
могла мнѣ узнать хоть немного самого себя, оглянуться
свою безобразную жизнь, задуматься надъ самымъ главным

Вѣдь она говоритъ со мной... Вотъ почему она мнѣ такъ и дорога. Въ ней мой двойникъ...

Братъ Ираклій все ждалъ вопроса о кражѣ куклы, но Половецкій ни однимъ словомъ не заикнулся объ этомъ трагическомъ обстоятельствѣ.

— Ну, я усталъ... — говорилъ Половецкій, укладываясь снова на кровать.—До-свиданья... Извините, что побезпокоилъ васъ, братъ Ираклій.

XVI.

Осень выдалась суше и холоднѣе обыкновеннаго, такъ что не было даже осенняго водополья, и между обителью и Бобыльскомъ сообщеніе не прерывалось. Листъ на деревьяхъ опалъ, трава пожелтѣла, вода въ озерѣ сдѣлалась темной. Въ обители веселья не полагалось вообще, но сейчасъ воцарилось что-то унылое и безнадежное. Братія отсиживалась по своимъ кельямъ. Пріѣзжихъ было мало. Братъ Ираклій чувствовалъ себя особенно скверно и успѣлъ перессориться со всѣми, такъ что даже игуменъ счелъ нужнымъ сдѣлать ему серьезное внушеніе.

— Такъ нельзя, Ираклій... Понимаешь? Ты скоро, пожалуй, кусаться начнешь. А еще умный и начитанный человѣкъ, философію училъ...

Братъ Ираклій принялъ увѣщаніе съ подобающимъ смиреніемъ и заперся у себя въ кельѣ. Онъ обложился книгами и что-то такое писалъ. По вечерамъ онъ уходилъ къ Половецкому, и ихъ бесѣда затягивалась за полночь. Разъ вечеромъ, когда братъ Ираклій только-что собрался идти въ страннопріимницу, какъ къ нему въ келью вошелъ братъ Павлинъ. Онъ былъ чѣмъ-то взволнованъ и, осторожно оглядѣвшись кругомъ, шопотомъ сообщилъ:

— Ираклій, тебя желаетъ видѣть нѣкоторая госпожа...

— Какая-такая госпожа?

— А такая... Духъ отъ нея такой пріятный... идетъ, какъ отъ мощей. Сейчасъ только пріѣхала изъ Бобыльска, и прямо спросила тебя. „Мнѣ, гритъ, необходимо переговорить съ братомъ Иракліемъ“... Такъ и сказала. Она ждетъ въ страннопріимницѣ...

Братъ Ираклій тоже взволновался. Онъ наскоро переодѣлся, намазалъ рѣдкіе волосы деревяннымъ масломъ и отправился въ страннопріимницу. Кто была „нѣкоторая госпожа“—онъ догадался сразу.

Въ одномъ изъ номеровъ женской половины страннопріимницы нетерпѣливо ходила высокая красивая дама вся въ черномъ.

— Вы—братъ Ираклій?—довольно строго спросила она подавая смятое письмо, прибавила.—Узнаете, кто это писа

— Точно такъ-съ... Это я писалъ, но писалъ по злоб

— Мнѣ это рѣшительно все равно... Я желаю вид мужа.

— Михайло Петровичъ не здоровы и не могутъ сейч принять. Впрочемъ, я могу къ нимъ сходить...

— Будьте любезны...

Когда братъ Ираклій уходилъ, „госпожа“ невольно думала: „Уродится же такой идіотъ“...

«Вотъ это такъ кукла налетѣла... — думалъ братъ Ир лій по дорогѣ.—И дернуло меня тогда ей письмо напис про Михайла Петровича... Охъ, грѣхи, грѣхи! А все ви ватъ дурень Егорка... Ну, зачѣмъ онъ ей отдалъ письмо?»

Половецкій выслушалъ брата Ираклія совершенно с койно и также спокойно отвѣтилъ:

— Передайте m-me Половецкой, что я ее видѣть не лаю... да. Она напрасно безпокоила себя, разыскивая ме Я останусь жить въ обители... Мнѣ здѣсь нравится.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

Воспоминанія врача о Карійской каторгѣ *).

(Посвящаю памяти дорогой моей матери).

I.

Вѣра молодости.

Обращайтесь съ виновникомъ зла, какъ съ себѣ подобнымъ, и болѣе чѣмъ вѣроятно, что вашъ призывъ найдетъ откликъ въ его душѣ. *Dr. Vines.*

Мнѣ было 26 лѣтъ отъ роду, когда, на второмъ году послѣ окончанія курса въ медико-хирургической академіи, условія службы и воля начальства рѣшили мою командировку на Карійскую каторгу. Это было въ мартѣ 1872 г.

Смутно представлялась мнѣ эта каторга. „Мертвый домъ" Достоевскаго, до глубины души когда-то поразившій меня при чтеніи, былъ чуть-ли не единственнымъ источникомъ моихъ свѣдѣній о каторжной жизни и ея обстановкѣ. Въ Иркутскѣ, гдѣ около года я прослужилъ ординаторомъ военнаго госпиталя, также очень мало знали о Карѣ. „Ну, батюшка! Поздравить не съ чѣмъ!"—„Да, жизнь тяжелая"... „Трудно будетъ, хорошаго мало".—„Мерзость настоящая"!—таковы были краткіе, но внушительные отзывы моихъ мѣстныхъ знакомыхъ.

— Ну, да, вѣроятно, командировка будетъ непродолжительная,—утѣшали другіе.—Годъ, два года, ну, самое бóльшее—три... Не можетъ быть, чтобы продержали на каторгѣ дольше...

Забѣгая впередъ, скажу, что предсказанія эти не сбылись: на каторгѣ я пробылъ цѣлыхъ десять лѣтъ, десять лучшихъ лѣтъ жизни!

---

*) Прежняя Карійская каторга, просуществовавъ около 50 л.. въ концѣ 80-хъ годовъ упразднена переводомъ каторжныхъ на О-въ Сахалинъ и въ Нерчинскіе рудники. *Авт.*

Итакъ, приходилось ѣхать въ настоящую terra incognit
Впрочемъ, въ то время меня мало смущало новое назначені
Я былъ молодъ, безпеченъ, непрактиченъ въ житейскомъ
служебномъ отношеніи и — что таить грѣха,—склоненъ иногд
покутить на послѣдній грошъ, залежавшійся въ карман
недавняго еще студента. Все это не давало мнѣ серьезно зад
маться о близкомъ будущемъ, ожидавшемъ меня въ глухом
каторжномъ углу. Назначили, значитъ, надо ѣхать,—тѣм
болѣе, что и вообще-то ни о какой блестящей карьерѣ н
мечталось.

Мелькало только представленіе о трудности привыкнут
къ военно-служебной субординаціи послѣ студенческой жизн
шестидесятыхъ годовъ. Недавно еще—академія, интерес
студенчества, лекціи профессоровъ Грубера, Сѣченова, Бо
кина, Якубовича, Руднева, Богдановскаго; товариществ
споры, надежды и ожиданія,—все то свѣтлое, что дѣйств
тельно помогло мнѣ впослѣдствіи вытянуть тяжелую лямк
не пустить себѣ пулю въ лобъ, не спиться съ кругу и гла
ное—не примкнуть къ шайкѣ грабителей, набивавшихъ ка
маны на счетъ арестанта, солдата, служилаго казака...
послѣ этого недавняго еще праздника молодости—необход
мость тянуться въ струнку и „исполнять безпрекословно“

Уже въ самомъ началѣ моей службы—обученіе суборд
націи давало себя знать... „Вы знаете-ли, съ кѣмъ говорите“
„Вы не понимаете служебныхъ отношеній“... „Предписыва
съ полученіемъ сего немедленно“... И т. д., и т. д. Все э
сыпалось на меня, какъ изъ рога изобилія, сначала оче
чувствительно раня молодое самолюбіе. Понемногу чуткос
къ этимъ униженіямъ притуплялась, оставляя, однако, н
душѣ непріятный и тяжелый осадокъ. И я понималъ, ч
впереди, на Карѣ, вѣроятно, предстоитъ еще больше испыт
ній въ этомъ родѣ...

И, дѣйствительно, объ этихъ десяти годахъ на каторгѣ
еще о многихъ послѣдующихъ я вспоминаю теперь, какъ
періодѣ долгаго одиночнаго заключенія, можетъ быть, наиболѣ
тяжкаго именно потому, что это одиночество всетаки бы
„на людяхъ“, съ которыми не было ничего общаго...

Оставались только собственные рессурсы, да еще... связ
завязавшіяся еще тамъ, назади, въ храмѣ науки, во врем
свѣтлаго праздника юности...

И, повторяю,—я не могу безъ благодарности вспомни
объ академіи и обо всемъ, что съ нею соединено въ памят
хотя эти связи въ прямомъ значеніи, т. е. непосредственн
сношенія, взаимная нравственная поддержка, товарищеск
содѣйствіе питомцевъ одной almae matris, для меня, по н
счастью, не существовали. Въ самые мрачные періоды мо

„каторжной службы“, подавленный ея ужасными условіями, готовый искать забвенія въ горькомъ пьянствѣ, съ душой, содрогавшейся отъ ужаса одиночества, я пытался протянуть спасительную ниточку къ свѣтлому прошлому, завязать хоть письменныя сношенія съ школьными товарищами, болѣе счастливыми, работавшими въ лучшихъ условіяхъ. Но я былъ несчастливъ въ этой перепискѣ: мои письма, которыя я писалъ въ своей глухой каторжной каморкѣ, передѣланной въ квартиру врача изъ бывшаго родильнаго пріюта каторжанокъ, съ окномъ, забраннымъ рѣшоткой и открывавшимъ мрачные каторжные виды,—эти письма уходили въ безвѣстную даль и пропадали безъ отвѣта...

Съ первыхъ-же шаговъ на новомъ мѣстѣ службы у меня вышло „столкновеніе“. Причиной его было исполненіе перваго-же начальственнаго порученія: осмотрѣть въ санитарномъ отношеніи каторжныя тюрьмы. Я осмотрѣлъ и написалъ донесеніе о томъ, что пришлось увидѣть...

А видѣть пришлось, разумѣется, самыя ужасныя вещи... Переписывая на бѣло мое донесеніе о санитарномъ состояніи каторги, Иванъ Павловичъ Меньшихъ (фельдшеръ каторжнаго лазарета, старожилъ и знатокъ каторжнаго быта и отношеній) неодобрительно закачалъ головой.

— Напрасно! напрасно, г-нъ докторъ, написали вы все это,—не понравится! Толку не будетъ, а придираться станутъ ко всякой пустяковинѣ... Смотрите: со свѣту сживутъ!

— Ничего, Иванъ Павловичъ! Знаете пословицу: Богъ не выдастъ, никто не съѣстъ,—отвѣтилъ я безпечно.

— Такъ то оно такъ... Пословица такая, дѣйствительно, существуетъ, только не для нашей Кары. Вотъ увидите сами! Не пришлось-бы покаяться. Написали-бы коротенько: „въ санитарномъ отношеніи тюрьмы удовлетворительны“, и было-бы чудесно: волки сыты, и овцы цѣлы!.. А вы вотъ тутъ пишете: хлѣбъ съ пескомъ, съ закалой, сырой... Баланда (супъ) съ тараканами, съ мышинымъ пометомъ... Въ камерахъ двойныя нары для спанья; спанье подъ нарами, на облитомъ помоями, заплеванномъ полу. Воздухъ вонючій, невозможно-тяжелый, и того не хватаетъ! Даже жигановъ, въ камерахъ, сосчитали,—сорокъ человѣкъ голыхъ нашли въ одной верхней тюрьмѣ... Ну, гдѣ-же и когда этого жиганья въ тюрьмахъ не бывало, помилуйте? Отъ сотворенія каторги это ужъ такъ ведется, а вы изъ-за этого станете ссориться съ начальствомъ. Напрасно, г-нъ докторъ, ей-Богу напрасно...

— Что-же дѣлать, добрѣйшій Иванъ Павловичъ,—куда-же мнѣ ихъ дѣвать прикажете. Голы, какъ Адамъ,—безъ рубахъ и портовъ; заморыши! Развѣ я ихъ выдумалъ? Виноватъ я, что-ли, въ этомъ?

— Вы не выдумали и не виноваты,—да начальству-т это очень не понравится...

— Ну, и пусть не нравится! это уже дѣло начальства, не мое...

Иванъ Павловичъ искоса взглянулъ на меня и больш не сказалъ ни слова...

Донесеніе пошло своимъ порядкомъ и въ скоромъ вре мени послѣдовало начальственное требованіе оффиціальной запиской,—чтобы я явился „по дѣламъ службы".

— Я васъ, батюшка, не литературой посылалъ зани маться,—сказалъ мнѣ полковникъ сердито, указывая на мо донесеніе,—а только осмотрѣть тюрьмы... А вы что это на писали? Богъ знаетъ, что такое! И какъ вы смѣете касаться моихъ распоряженій?

— Я, г-нъ полковникъ, вашихъ распоряженій не касался я только писалъ то, что видѣлъ, по долгу службы...

— Прошу не разсуждать, когда съ вами разговаривает старшій! Вы позволяете себѣ слишкомъ много: третируете служащихъ, чиновниковъ... позволяете себѣ громко выска зываться передъ каторжными о хлѣбѣ, о камерахъ, о пищѣ Кто вамъ далъ это право? Какъ вы смѣете? Я здѣсь хозяин всему,—вы меня оскорбляете! Губернаторъ былъ недавно видѣлъ каторгу, нашелъ все въ отличномъ порядкѣ,—а вы тутъ критику вздумали наводить! Кто вамъ позволилъ какъ вы смѣли? Я донесу! Вы мнѣ не нужны съ вашей ли тературой... Прослужилъ безъ году недѣлю, и уже вздумал указывать начальнику!.. Да знаете-ли вы? захочу,—въ тюрьму на Сахалинъ васъ закатаю, какъ бродягу, безъ суда и слѣд ствія...

Таковъ былъ первый опытъ добросовѣстнаго исполнені своей обязанности. То, что я сдѣлалъ, было до такой степен элементарно и просто, что мнѣ не приходило и въ голов написать что-нибудь другое. И вотъ, оказывалось, что эт простая на взглядъ—недавняго студента—вещь является чуть не преступленіемъ съ точки зрѣнія господствующей суровой практики. Это было явное противорѣчіе между всѣмъ что я вынесъ изъ храма науки, и „требованіями жизни" Совершенно понятно, что меня потянуло тотчасъ-же—обра титься къ тому далекому, прежнему, что мнѣ свѣтило на зади. И вотъ, вскорѣ-же послѣ столкновенія, я сижу в своей каморкѣ и пишу товарищу (26-го мая 1872 г.) одно курснику въ Петербургъ:

„Дорогой товарищъ! немного болѣе полуторыхъ лѣт прошло, какъ видѣлся я съ тобой въ послѣдній разъ, спо рилъ и горячился. Наше товарищеское житье-бытье въ Пе терѣ до 1871 г. осталось для меня, при настоящихъ усло

віяхъ, единственнымъ утѣшеніемъ, надеждой, соломенкой, за которую хватается утопающій, чтобы окончательно не задохнуться въ мутныхъ водахъ сибирскаго житейскаго моря! Я не терялъ и пока не теряю вѣры въ нашу товарищескую связь, хотя и обжигался уже на этой вѣрѣ. Берусь за перо, вѣруя и исповѣдуя, что товарищескія связи не прерываются... Неужели я ошибусь? Что, если такъ, что, если и онѣ оборвутся? Вѣдь тогда явится другой вопросъ, пожалуй, болѣе интересный съ житейской точки зрѣнія: черезъ сколько же лѣтъ, послѣ окончанія курса въ Академіи, каждый изъ насъ, окончившихъ, превратится въ завзятаго мерзавца подъ давленіемъ одиночества и житейскихъ условій?..

„Прости мнѣ, что отнимаю у тебя время на чтеніе этого письма, но, прочитавши его, можетъ быть, не только извинишь, но и отвѣтишь заживо-замурованному человѣку.

„Представь себѣ такой контрастъ: годъ и восемь мѣсяцевъ тому назадъ: Боткинъ, Сѣченовъ, Груберъ, Бородинъ и другіе... Товарищеская семья, книги, литература, вся совокупность вліяній шестидесятыхъ годовъ, и теперь—Карійская каторга, палачъ Сашка со скрученой ременной плетью... тюрьмы, кандалы, полуобритыя, обезображенныя, каторжныя головы,—до 4000 въ совокупности,—свора чинушей большихъ и малыхъ ранговъ, грабящихъ и истязующихъ эту каторгу, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти! Подневольные, каторжные,—стадо, которое стонетъ и молчитъ, молчитъ и стонетъ... И среди всего этого твой покорнѣйшій слуга, единственный врачъ на всю каторгу, съ прибавленіемъ тысячи двухсотъ человѣкъ пѣшаго казачьяго конвоя, съ пятью наличными фельдшерами при лазаретѣ (а вѣдь каторга-то разбросана на тридцати верстахъ протяженія)—занимается лѣченіемъ исполосованныхъ плетьми и розгами нижнихъ частей арестантскаго тѣла и молитъ Господа Бога только о томъ, какъ бы плеть палача Сашки (спеціалистъ своего дѣла первосортный!) не прогулялась по его собственной спинѣ; здѣсь, братъ, все возможно въ этой области полнаго начальническаго произвола... Да, жизнь, друже, ударила меня сразу по носу,—не кулакомъ, а плетью палача, пропитанною арестантскою кровью...

„Пишу тебѣ, а невольныя слезы навертываются на глаза...

„Въ Питерѣ, какъ ты знаешь, я былъ назначенъ въ Иркутскъ врачомъ для командировокъ при медицинскомъ управленіи. Пріѣхавъ въ Иркутскъ, въ іюнѣ 1871 г., чинъ-по-чину, явился по начальствамъ и былъ прикомандированъ къ военному госпиталю завѣдывать сифилитическимъ отдѣленіемъ. Жизнь пошла новая, съ выучкой военной субординаціи, которой, какъ оказалось съ первыхъ же служеб-

ныхъ шаговъ, мы обучались плоховато. Субординація,—эт особая наука, довольно простая по виду: держи руки п швамъ; смотри въ глаза начальству весело; не отставля ноги; не оттопыривай животъ; не перебивай въ разговорѣ не возражай; исполняй неопустительно; отвѣчай односложн (руби, какъ топоромъ!): „слушаю-съ“! „Такъ точно“! „Никак нѣтъ“! и т. д. Далась мнѣ эта наука не сразу, а доучи ваться пришлось ѣхать въ Карійскую каторгу, около 120 верстъ далѣе на востокъ, въ Нерчинскій округъ, на неболь шой притокъ р. Шилки, сто верстъ ниже казачьей станиц Стрѣтенской. Ты, года черезъ два, навѣрное, будешь коман дированъ за границу: въ Берлинъ, Вѣну, Парижъ и т. д для усовершенствованія въ химіи... Ну, вотъ и я, какъ ви дишь, отправленъ тоже для усовершенствованія, только н въ Парижъ и не въ Вѣну!..

„Въ апрѣлѣ сего 1872-го г. прибылъ я въ Кару. Въ Ир кутскѣ жилось не дурно: товарищи врачи (Головачевскій даже однокурсникъ), сослуживцы, книги, журналы, газеты люди тоже встрѣчались,—а здѣсь многогрѣшная каторга и грозное начальство...

„Устроился я оригинально, да, пожалуй, и черезчуръ ори гинально. Поселился въ комнатѣ съ однимъ двойнымъ окномъ около лазаретной кухни, а въ окнѣ желѣзная тю ремная рѣшетка. Ранѣе въ моей комнатѣ помѣщался ро дильный покой арестантокъ (родятъ вѣдь, шельмы, и в каторгѣ!), переведенный въ другое помѣщеніе, а желѣзна рѣшетка осталась...

„Въ комнатѣ деревянная лазаретная кровать, некрашены столъ у окна и пять табуретокъ. Въ углу, вмѣсто комода питерскій чемоданъ, съ „лопотью“, какъ здѣсь называют одежду и все къ ней относящееся.

„Въ пятнадцати шагахъ лазаретное казарменное здані съ желѣзными рѣшетками во всѣхъ безъ исключені окнахъ, охраняемое денно и нощно часовыми съ заряжен ными ружьями. Съ 9-ти час. вечера только и слышиш время отъ времени, протяжное, громкое: „Слу-ш-а-а-а-й“!

Постоянныхъ часовыхъ четыре: двое наружныхъ, фасад ный и противоположный, два остальныхъ внутренніе, у вход ныхъ дверей зданія, которыхъ двѣ, на противоположных концахъ корридора (35 саж. длины), раздѣляющаго здані на двѣ равныя половины. Больничныхъ палатъ восемнад цать, по 9-ти на каждой сторонѣ. Больныхъ пока меньш 180-ти не было. Передняя сторона лазарета окаймлена са домъ изъ могучихъ березъ, чуть не въ обхватъ толщинок и этотъ садъ, издали, скрадываетъ гнилость и убогост дряхлаго зданія.

„Саженяхъ въ 50-ти отъ задней стороны лазарета возвышается оригинальная сопка (гора), которую величаютъ „арестантской каторжной головой“,—половина ея, до верхушки, покрыта лѣсомъ и кустарникомъ; другая, сѣверная,—голая,—что придаетъ ей, дѣйствительно, сходство съ полуобритой арестантской головой. Книгъ, журналовъ, газетъ не имѣется: любителей этого продукта на Карѣ нѣтъ. Что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, не знаю. Въ Иркутскѣ въ чтеніи недостатка не было, — здѣсь этими пустяками не занимаются,—народъ все чиновный: сотники, хорунжіи, губернскіе секретари (всего одинъ!), коллежскіе регистраторы, а большинство канцелярскіе служители временъ Очакова и покоренья Крыма. Есть военные, а большинство въ гражданской службѣ: заурядъ-сотники, заурядъ-хорунжіе. Это особая порода дикобразовъ, бывшая раньше писарями въ штабахъ, войсковомъ правленіи, бригадахъ и т. д. и надѣвшая офицерскій мундиръ по волѣ мѣстнаго начальства, которое и можетъ снять его, до форменныхъ штановъ включительно, по своему усмотрѣнію, во всякій часъ дня и нощи! Губернскіе секретари, коллежскіе регистраторы, канцелярскіе служители и писарская заурядчина, малограмотные, закорузлые въ подвигахъ воровства и грабительства, царствуютъ здѣсь надъ всѣмъ житьемъ-бытьемъ грѣшнаго стада. Дирижируетъ всѣмъ этимъ волчьимъ стадомъ полковникъ Марковъ, попавшій на Кару съ береговъ благословеннаго Амура, гдѣ онъ чинно и благородно скушалъ свой вѣрный баталіонъ. Здѣсь онъ на мѣстѣ: здѣсь царство разбоя, невѣжества, полнаго господства извращенныхъ понятій о правѣ и чести людской, здѣсь воры считаются силою, главною въ мірѣ... Грустно и тяжело, товарищъ!

„Выписывать книги, журналы, газеты пока средствъ не имѣю: живу на 15-ти рубляхъ въ мѣсяцъ—это жалованье, квартирныя, столовыя и все, что хочешь, — отъ тюремнаго вѣдомства за завѣдываніе лазаретомъ на 280 кроватей, санитарной частью всей каторги, которая разбросана на 30-ти-верстномъ протяженіи, въ 6-ти отвратительныхъ тюрьмахъ. Прибавь еще къ этому: военный конвой,—1200 человѣкъ пѣшихъ казаковъ, плюсъ четыре тысячи каторжныхъ, плюсъ сотни женъ и дѣтей, добровольно пришедшихъ за мужьями, отцами, матерями; затѣмъ—офицеровъ, чиновниковъ, ихъ женъ и дѣтей,—и получится изрядная цифра алчущихъ и жаждущихъ врачебной помощи. На одного врача, пожалуй, и многонько.

„Слѣдующаго мнѣ, какъ военному врачу, содержанія 65 рублей въ мѣсяцъ не получено, ибо затерялъ, по глупости и пьяному дѣлу, нужныя бумаги, выданныя мнѣ въ

Иркутскѣ о времени, по которое получилъ содержаніе, когда эти бумаги выдадутся вновь, — не знаю. Говоря „дошлые“ люди—не ранѣе пяти, шести мѣсяцевъ, а до тѣ поръ—помогъ бы Господь хоть съ голоду не издохнуть, газеты, книги и журналы остаются только въ праздно мечтаніи...

„Къ довершенію благополучія, первое начальничес порученіе заправилы каторги: осмотрѣть тюрьмы и вооб санитарное состояніе каторги и мое донесеніе о найденно показалось ему почему-то личнымъ оскорбленіемъ.

„Оскорбленіе состояло въ сообщеніи, что каторга живе въ помойныхъ, вонючихъ, изгнившихъ ямахъ—зданія имѣя по 5—7 кубическихъ аршинъ воздуха на каждаго ключеннаго; ходитъ на работы полунагая, въ лохмотья безъ штановъ, босая и поѣдается миріадами едва не вер ковыхъ вшей, не говоря уже о болѣе благородныхъ насѣ мыхъ—блохахъ и клопахъ. Человѣкъ по 15—20 въ кажд тюрьмѣ ходятъ въ костюмѣ праотца Адама до его грѣ паденія, имѣя единственное одѣяніе (вмѣсто фиговаго ста) гашникъ отъ портовъ, препоясывающій поясницу. „жиганье“,—какъ зоветъ ихъ начальство, да и арестантск братія. Костюмъ Адама очень дешевъ,—не спорю, но „смѣтамъ“ и „положеніямъ“ полагается всетаки друг Здѣсь на Карѣ, друже, все по „смѣтамъ“ и „положеніям выдается, начиная съ плетей, розогъ и до золотника со включительно. Бѣда лишь въ томъ, что плети всегда в даются полностью: не убавятъ, не прибавятъ, развѣ усу бятъ по усмотрѣнію силу ударовъ. За то жизненные пр дукты, воздухъ, одежда и все прочее урѣзывается,—дѣти камъ на молочишко,—по особымъ уже „смѣтамъ“ и „по женіямъ“, закономъ не предусмотрѣннымъ.

„Вообще, санитарное благополучіе каторги зиждется трехъ китахъ: „параша“, „баланда“ и „крошево“; ка подспорье къ этимъ основамъ благополучія, добавляет ременная, крученая, троехвостая плеть, ударомъ которой м жетъ быть переломленъ позвоночный столбъ самаго здор веннаго быка, а не только человѣка.

„Объясню тебѣ значеніе и суть этихъ трехъ китовъ к торжной жизни.

„Баланда“ (прозваніе арестантское) — это супъ, щ каша, жареное, пирожное и т. д. арестантскаго завтра обѣда и ужина: горячая пищевая смѣсь мяса, крупы, ка сты, таракановъ, мочалы, „подболтки“—ковшъ, два яричн муки для „скусу и цвѣта“ и неограниченное количест воды. Три фунта печенаго хлѣба, 1/2 фунта мяса (лѣто 1 фунтъ, время усиленной земляной работы), крупы; кар

феля, капусты и т. д., полагающихся по закону, было бы за-глаза достаточно для сноснаго, даже хорошаго обѣда, но... усмотрѣніе творитъ „баланду",—что-то ослизлое, грязное, отвратительнаго вкуса и запаха.

„Крошево",—зеленые листья капустныхъ вилковъ, кочни этихъ вилковъ, вообще всѣ капустные отбросы, которые рубятся, квасятся съ прибавкой горсточки соли на ушатъ въ 8—9 ведеръ... Получается червоточина, которой не станутъ ѣсть порядочныя свиньи (если таковыя бываютъ), а каторга ѣстъ поневолѣ... Въ маѣ мѣсяцѣ жаровъ особыхъ еще не не было, а „крошево" шевелилось, двигалось, ползало по ушатамъ и воняло, воняло, воняло...

„И эта дрянь выводится „по смѣтамъ", „положеніямъ" и „справочнымъ цѣнамъ" (главнѣйшая опора всякой бухгалтеріи!) отъ $1^1/_2$ руб. до $2^1/_2$ руб. за ведро!

„Параша" (fundamentum)—деревянный, ведеръ въ пять-шесть вмѣстительности, ушатъ, который ставится на ночное время въ каждой арестантской камерѣ, съ 9-ти часовъ вечера до 5-ти часовъ утра, т. е. отхожее мѣсто переносится въ жилое помѣщеніе (камеру), для надобностей сорока, пятидесяти человѣкъ въ теченіе восьми часовъ. Сей сосудъ, самъ по себѣ находясь на вольномъ воздухѣ, въ пустопорожнемъ состояніи, заставляетъ затыкать носъ мимо-проходящихъ, а внесенный въ теплое помѣщеніе и переполненный,—нѣчто совсѣмъ невѣроятное и даже описанію не подлежащее. А вблизи его спятъ живые люди, созданные, какъ и мы съ тобою, по образу и подобію Божію...

„Получивъ мое подробное и добросовѣстное описаніе этихъ трехъ китовъ въ оффиціальномъ донесеніи (и старался же я отличиться на первыхъ порахъ!), полковникъ потребовалъ меня къ себѣ „по дѣламъ службы". Въ грубѣйшемъ тонѣ, въ неприличной формѣ аракчеевскаго фельдфебеля, насказалъ онъ мнѣ такихъ комплиментовъ и угрозъ, что меня охватило даже сомнѣніе: нормальный ли онъ человѣкъ въ умственномъ отношеніи?—„Знаете ли вы,—кричалъ онъ на меня,—что я васъ на Сахалинъ закатаю вмѣстѣ съ бродягами, непомнящими родства? Вы узнаете тогда, что значатъ личныя оскорбленія! Губернаторъ былъ на Карѣ недавно, ревизовалъ каторгу и нашелъ все въ отличномъ порядкѣ, а у васъ выходитъ какая-то помойная яма! Просить, требовать буду убрать васъ, какъ неуживчиваго, безпокойнаго человѣка!"

„Подучившись достаточно военной субординаціи, я молча выслушивалъ наставленія отца-командира, а на душѣ было скверно. Исполняя, по совѣсти, его же порученіе, какъ оказалось, я нечаянно задѣлъ его слабую струнку: львиная доля всѣхъ благополучій перепадаетъ ему... Слѣдуя примѣру ко-

мандира, и остальная служебная, чиновная братія отшат
лась отъ меня, какъ отъ зачумленнаго.

„И теперь я „единый“, или даже какъ бы „единственный
Однако, шутки въ сторону: я, дѣйствительно, очень одино
и... понимаю, что спиться на Карѣ съ кругу не очень трудн

„Итакъ, поддержи и отвѣчай“!

Отвѣта не было, и 24 мая слѣдующаго 1873 года я
салъ другое письмо, дѣлясь съ товарищемъ дальнѣйши
впечатлѣніями...

„Дорогой товарищъ!

„Въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго 1872 г. я писалъ тебѣ дл
ное, длинное письмо, вызванное тѣми желѣзными, служеб
житейскими обстоятельствами, которыя давили меня б
всякой пощады и милосердія, но отвѣта до сихъ поръ
получилъ. Посылалъ письмо страховымъ, адресъ въ Меди
Хирургическую Академію такому-то, но почему-то отв
нѣтъ.. Полагаю, затерялось... Придя къ этому убѣжденію
снова пытаюсь протянуть ниточку изъ каторги, гдѣ я пре
ваю врачемъ уже восемь мѣсяцевъ, — къ товарищамъ,
бѣлому свѣту, ясному солнышку! Порвись эта желан
нитка, тяжело будетъ жить на бѣломъ свѣтѣ,—здѣсь на Ка
въ особенности,—и грѣхъ этой тяжести падетъ и на ва
товарищи, головы!

„Не хочется вѣрить, чтобы менѣе чѣмъ черезъ два г
послѣ выпуска товарищество рушилось, и, разбросанные
дальнимъ угламъ, товарищи были выброшены за бортъ
мяти и забыты навсегда. Не спорю, и даже допускаю,
лѣтъ черезъ двадцать-тридцать какой нибудь врачъ-чин
никъ, нахватавшій большихъ или среднихъ чиновъ,—раз
сетъ на славу (не хуже Маркова, грозившаго мнѣ Сахал
номъ) старика-коллегу, уткнувшагося безнадежно въ чи
коллежскаго совѣтника и застрявшаго на одномъ мѣст
Но вѣдь это еще въ отдаленномъ будущемъ... Два года, п
шедшіе съ окончанія нами курса, — такой еще малый сро
для чиновъ и жизненныхъ благополучій...

„А вѣдь товарищескій откликъ можетъ совершить,
истинѣ, чудо: воскресить изъ мертвыхъ человѣка, заброш
наго судьбою (должно быть, за прегрѣшенія!) въ отдаленнѣ
шее мѣсто Сибири.

„Итакъ, повторяю: вѣрую и исповѣдую, что товарищи ос
нутся товарищами, а товарищеская семья сохранитъ св
связи, гдѣ-бы изъ насъ кто ни жилъ: „низко-ли, высоко-
близко-ли, далеко-ли“!

„Продолжаю описаніе своего житья-бытья...

„Потянулась Карійско-каторжная жизнь своимъ чередомъ
начальственныхъ предписаній, словесныхъ распоряженій

лазаретной, ежедневной работы по пріему и уходу за больными. Мало-по-малу и я втягивался, вглядывался въ невиданный ранѣе порядокъ и обиходъ кандально-каторжнаго люда, съ которымъ приходилось соприкасаться изо дня въ день, во всѣхъ его большихъ и малыхъ нуждахъ, до... (Боже мой! Боже мой!) присутствованія при наказаніи плетьми по приговорамъ судовъ, а то и по личному усмотрѣнію заправилы каторги, и лѣченія этихъ полосованныхъ спинъ...

„Про эту отвратительную операцію — про эти истязанія временъ варварства и людоѣдства—говорить съ тобой пока не буду; оставляю описаніе ихъ для будущаго, когда уляжется въ душѣ вся эта мука. Скажу только: избави, Господи, не только присутствовать при этомъ, но даже слышать издали вопли истязуемаго всякому крещеному и не крещеному человѣку!.. А ужъ врачу быть соучастникомъ этого завѣдомаго калѣченія, истязанія, нравственнаго и физическаго, подобія Божія — это пытка, переносимая только въ пьяномъ, ненормальномъ видѣ!.. Какая горькая насмѣшка, какое издѣвательство надъ назначеніемъ врача, — цѣлителя, утѣшителя, по профессіи, а не соучастника въ насильственномъ, намѣренномъ разрушеніи человѣческаго здоровья, тѣлеснаго и душевнаго!.. Не укладывается все это въ совѣсти, въ сознаніи, даже въ привычкѣ, да и можетъ ли быть привычка къ такому гнусному дѣлу? Впрочемъ, Богъ знаетъ! Говорятъ, человѣкъ ко всякой мерзости можетъ привыкнуть... Неужели правда?.. Нѣтъ, товарищъ! лучше пулю въ лобъ, лучше пріемъ морфія, чѣмъ равнодушіе, потомъ привычка, а потомъ, пожалуй, и наслажденіе въ истязаніи... А я видѣлъ здѣсь и такихъ... О Господи! Господи! куда это забросила меня злая судьба?.. Отъ всего этого я... пока только начиналъ запивать... Пропадай все: здоровье, надежды, стремленія...

„Сознанія гадости самой выпивки въ одиночку, къ ночи, потомъ гдѣ и съ кѣмъ угодно,—я не терялъ, не запускалъ ни на іоту и дѣла, которое было мнѣ поручено,—но пилъ и пилъ, не сваливаясь съ ногъ и никогда не теряя сознанія... Не задоръ, не буйство вызывали во мнѣ эти отравленія алкоголемъ, а полную пришибленность, сознаніе безпомощности, безсилія помочь чѣмъ либо беззащитному четырехтысячному патологическому человѣческому стаду, каторжному люду... Рыдалъ я нерѣдко надъ каторжникомъ, избитымъ плетью и положеннымъ, для излѣченія, на лазаретную койку, въ особенности надъ избитой плетью женщиной... И странное дѣло: избитый, окровавленный, лежавшій неподвижно „варнакъ“ порой и утѣшалъ меня... „Чего, ваше благородіе, плачешь, убиваешься? Иди-тко ты спать! Насъ, варнаковъ, много на Карѣ: обо всѣхъ будешь плакать, изведешься совсѣмъ,—

не надолго тебя хватитъ. Твои слезы и то уже лучше к
прессовъ помогли... Иди-ко ты съ Господомъ Богомъ
отдохни...“

„Пьянство,—это было тоже своего рода временное по
мательство нравственнаго свойства, вызванное перенапря
ніемъ, встряской всего нравственнаго, внутренняго „я“...
жалуй, вышло и къ лучшему: можетъ быть, безъ этого я
окончательно помѣшался...

„Восемь мѣсяцевъ продолжалось это ненормальное,
пряженное состояніе, поддерживаемое скверной каторж
водкой, съ примѣсями табаку и купороса... Впрочемъ, Б
съ нимъ, съ этимъ поганымъ временемъ! Что было,
прошло...

„Главное и самое важное: наступило полное излѣче
а еще легче стало, когда сознался въ своихъ прегрѣшені
откровенно, безъ всякой утайки, старому другу и товари
Аминь!

„За все это время, т. е. въ теченіе восьми мѣсяц
ежедневно принималъ, осматривалъ, лѣчилъ больныхъ,
ходившихся въ лазаретѣ; я разъѣзжалъ по тюрьмамъ
казармамъ сводно-карійскаго пѣшаго баталіона, составл
щаго конвой каторги; исполнялъ начальственныя распоря
нія, порученія по осмотрамъ, свидѣтельствамъ и т. д.
пивалъ, гдѣ предлагали; ходилъ на родины, крестины
приглашенію, конечно) семейныхъ каторжныхъ, живущ
внѣ тюрьмы, такъ называемой вольной команды; куми
роднился съ ними и, такъ сказать, завелъ своеобразный
чиновный кругъ знакомства и родства. Отъ пренебрежені
остракизма чиновной братіи (прости имъ, Царица Небес
я уклонился въ совершенно нечиновную, безправную, ка
жанскую . . .

„Пять наличныхъ фельдшеровъ лазарета: Меньшихъ,
розовъ, Шотенъ, Васильевъ и Далининъ, люди пожи
измятые, потрепанные жизнью и бѣдностью, но простые,
дечные люди — прекрасные товарищи и исполнители; м
образованные, но дорогіе, безотвѣтные работники — вот
весь кругъ моего знакомства! Былъ я за эти восемь м
цевъ очевидцемъ потрясающихъ происшествій и событій
смертной казни черезъ повѣшеніе включительно. Былъ
дѣтелемъ звѣрскихъ убійствъ цѣлыхъ семействъ, до гр
ного ребенка въ колыбели,—каторжныхъ позажиточнѣе,
вущихъ своимъ домишкомъ; видѣлъ смерть или выздоровл
десятковъ людей послѣ раненія пулей, штыкомъ, приклад
во время побѣговъ или при одной попыткѣ къ поб
Испыталъ на себѣ проявленіе изумительной честности
исполненіи даннаго слова со стороны безсрочнаго кат

наго; наблюдалъ невиданный „патологическій“ характеръ, съ желѣзною волею и невѣроятнымъ терпѣніемъ каторжнаго Рожкова, котораго всѣ здѣсь называютъ „Не нашимъ“... *) И все это въ общемъ помогло противъ отчаянія... Люди вездѣ люди—честные и плуты, благородные и мерзавцы, отвратительные и достойные удивленія,—все тоже! Тотъ же *человѣкъ* со слабостями, честностью, героизмомъ, порокомъ, преступленіемъ... Патологія, физіологія, психологія...

„Репутація у меня создалась двойственная.

„Вся совокупность чиновниковъ, зиждущихъ на арестантскомъ пайкѣ свое благополучіе, считаетъ меня „не своимъ братомъ“, отщепенцемъ карійской корпораціи, случайно заброшеннымъ сюда вреднымъ идіотомъ, съ которымъ нельзя поговорить по душѣ: „Сколько то, или это, иное, или прочее даетъ дохода“. „Гдѣ и когда можно ловко сорвать, ухватить, составить авансовый счетъ расхода, по всѣмъ правиламъ простой или итальянской бухгалтеріи“... „Живетъ человѣкъ почти нищимъ,—на 15 рублей въ мѣсяцъ (деньги отъ военнаго вѣдомства все еще не получены), питается чортъ знаетъ чѣмъ, куритъ простой табакъ, а туда же фордыбачитъ, хорохорится, задираетъ! Бракуетъ „крошево“, хлѣбъ, мясо. Правда, всѣ его рапорты, доклады и донесенія лежатъ себѣ, къ счастью, подъ сукномъ, но всетаки—человѣкъ вредный и неспокойный“...

„Каторжная братія выработала другое мнѣніе: она попросту считаетъ меня „блаженненькимъ“, „юродивымъ“, котораго, пожалуй, не только обидѣть, но и обмануть грѣшно будетъ передъ Господомъ Богомъ, да и рукъ марать не стоитъ о такого человѣка“! „Не ругается, не дерется“! „Плачетъ надъ избитыми плетью“. „Всему вѣритъ, что скажетъ ему нашъ братъ о своихъ болѣстяхъ“. „Лѣзетъ на рожонъ изъ-за нашего „крошева“, „баланды“ и т. д. и ничего то ему не подѣлать, не измѣнить порядковъ, изстари заведенныхъ. На смѣхъ только себя поднимаетъ! Свернутъ и ему блаженненькому голову, выгонятъ со службы“.

„Правда, сила обстоятельствъ заставляетъ иной разъ и чиновную братію приглашать меня къ себѣ въ домъ, посылать за мной лошадь, когда кто либо заболѣетъ въ семьѣ. Пріѣдешь, осмотришь, сдѣлаешь что нужно и „айда“ опять въ свою берлогу. Когда пилъ — выпьешь, бывало, водки, закусишь; денегъ не бралъ... Но это не измѣняло общаго отношенія ко мнѣ, какъ къ отщепенцу и вредному человѣку.

„И скверныя же штуки продѣлывала иногда со мной эта честная братія! Такъ, однажды меня, якобы случайно, заперли

*) См. «Русское Богатство», 1902 г., № 5.

въ верхней тюрьмѣ, и мнѣ пришлось ночевать вмѣстѣ
каторжными.

„Въ то время мнѣ опять былъ порученъ санитарный осм
тюремъ: „осмотрѣть подробно и донести". Къ чему собств
эта комедія,—ей Богу, не знаю. За первое донесеніе о та
осмотрѣ надругались, грозили, приняли за личное ос
леніе,—а всетаки: поѣзжай, опять осматривай и доноси
всѣхъ этихъ донесеніяхъ по осмотрамъ я предсказываю
тифъ, цынгу, вообще—катастрофу. Не знаю, вѣрятъ ил
вѣрятъ, но во всякомъ случаѣ недовольны. Мѣръ, одв
никакихъ не принимается... Какъ бы то ни было, я уже
чился субординаціи и поѣхалъ осматривать. Всѣхъ кат
ныхъ тюремъ шесть, крайнія въ тридцати верстахъ друг
друга; приходилось, осмотрѣвши одну тюрьму, возвраща
на нижнюю Кару, чтобы на другой день утромъ осмот
приходящихъ и находившихся въ лазаретѣ больныхъ, по
ѣхать осматривать другую, возвращаться опять и т. д. Осм
верхней тюрьмы пришлось начать часовъ въ 7 вечера
пріѣздѣ и входѣ моемъ въ тюрьму смотритель зналъ отли
а въ 9 часовъ (когда проиграли зорю) заперъ тюрьму на
имѣющіеся запоры. Я и остался въ тюрьмѣ, какъ уловлен
въ ловушку...

— Ну, братишки, пустите ночевать къ себѣ своего
тора. Не найдется-ли мнѣ мѣстечка?—обратился я тогда
арестантамъ первой-же камеры.

„Самымъ радушнымъ образомъ меня пригласили, устро
постель, захвативъ для таковой „подстилку" чуть не у
человѣкъ, и устроили отлично. Спать мнѣ не хотѣлось
и обстановка для сна была необычна, и я чуть не всю
разсказывалъ имъ о всякой всячинѣ. На всю жизнь за
нился мнѣ этотъ ночлегъ, и картина, дѣйствительно, б
безъ сомнѣнія, оригинальна и интересна: аудиторія, со
явшая изъ каторжниковъ душегубовъ,—была вся одно
маніе. И среди кандальниковъ—военный врачъ, въ фор
номъ сюртукѣ, съ погонами, затертый съ ними во-ед
разсказывающій сказки сорока патентованнымъ душегуба
На другой день я подробно записалъ въ свой дневникъ
оригинальную ночевку...

„Утромъ меня, конечно, выпустили и самымъ униженн
образомъ просили не доносить по начальству о случивше
казусѣ. Я охотно завѣрилъ честнымъ словомъ, что ни сл
не скажу о случившемся: „понимаю, дескать, что произо
недоразумѣніе, ошибка, оплошность". Въ сущности, я ли
былъ даже доволенъ этимъ опытомъ. Однако, послѣ, как
слышалъ, чинуши злорадствовали, что всетаки хоть на о
ночь закатали меня въ тюрьму вмѣстѣ съ каторжными...

„Эхъ, дружище! Что мнѣ все это злорадство, подвохи, мелкое торжество подлости и всякаго поскудства? А вотъ отклика, отзыва, товарищеской поддержки моему одиночеству,— вотъ что нужно моей одинокой, заброшенной душѣ. Отзовись-же! откликнись!“

Но тянулись мѣсяцы, годы. Почта приходила за почтой въ далекую Кару, а отклика мнѣ не было.

. . . . . .

Прошло послѣ всего этого цѣлыхъ двадцать три года. Въ ноябрѣ 1895 г., служа въ Читѣ, я получилъ *первое* товарищеское письмо, съ приглашеніемъ „принять участіе въ 25-тилѣтнемъ юбилеѣ окончанія курса“.

„Привѣтъ вамъ, дорогіе товарищи,—писалъ я въ отвѣтъ,— за братской трапезой, 7-го января 1896 г., въ воспоминаніе дня, бывшаго двадцать пять лѣтъ назадъ! Вѣрьте совѣсти, привѣтъ этотъ искренно и сердечно выливается изъ глубины души 50-ти лѣтняго человѣка, 25-ть лѣтъ пребывающаго въ 6.000 верстахъ отъ дорогой нашей Академіи и за все это долгое время не слыхавшаго товарищескаго голоса. Спасибо вамъ за братское привѣтствіе и призывъ отъ 20-го октября, въ письмѣ товарища А—ви, которое получено на 40-й день послѣ его посылки... Это письмо произвело въ моемъ сердцѣ блескъ молніи въ темную, ненастную ночь! Оно освѣтило, хотя на мгновеніе, то далекое прошлое, что называлось товарищеской семьей студентовъ Медико-хирургической Академіи, братски дѣлившихъ съ бѣднякомъ-товарищемъ послѣднюю рубашку или оставшійся билетъ, въ 20 копѣекъ, на обѣдъ въ Славянской кухмистерской. Спасибо вамъ, товарищи, за эти чудныя минуты, которыя пережилъ я, получивъ ваше письмо: истинно говорю вамъ, прочитавши его, я едва не упалъ въ обморокъ отъ радости,—а ужъ, кажется, 25 лѣтъ пребыванія въ Дауріи достаточно притупили мою нервную систему...

„Да, товарищи! Двадцать пять лѣтъ это большой періодъ въ жизни человѣка... Но 25 лѣтъ въ захолустьяхъ далекаго Забайкалья способны унести всю энергію молодости, всю бодрость духа. Я оглядываюсь назадъ, и самому мнѣ дѣлается и горько, и страшно.

„Вереницы начальствующихъ лицъ, десятки тысячъ каторжныхъ и тысячи тысячъ казаковъ и солдатъ тянутся длинными, длинными рядами въ моихъ воспоминаніяхъ и жутко, страшно и до нестерпимости больно переживать даже въ памяти все прожитое въ эти двадцать пять лѣтъ! Но во всѣхъ безобразнѣйшихъ, невозможныхъ, кажется, положеніяхъ и жизненной обстановкѣ, въ трущобѣ карійской, въ роли единственнаго врача на 4000 каторжныхъ и 1200

II.

Каторжникъ Срублевовъ.

Въ связи съ этой вѣрой встаетъ въ моей памяти слѣ дующій эпизодъ.

Іюньское солнце 1872 г. пекло немилосердно; весна лѣто начались полной засухой,—съ апрѣля не было ни капл дождя. Горы (сопки), покрытыя лѣсомъ и легкимъ кустарн комъ, окружавшія долину р. Кары, справа и слѣва по тече нію; самая долина (падь), съ тюрьмами, казармами, домам чиновниковъ и сельскихъ обывателей, были подернуты п леною дыма отъ горѣвшей гдѣ-то тайги:—„марево", „хмара"- выражались жители. Солнце краснымъ, тусклымъ шаром выдѣлялось на небѣ сквозь нависшую „хмару" и, казалос не грѣло грѣшную долину, а духота и жаръ были невын симыя. За отсутствіемъ воды въ рѣчкѣ Карѣ и ея запрудах золотопромывательныя машины въ разрѣзахъ стояли без дѣла; вольно-рабочій и каторжный людъ исключительно был занятъ снимкою торфовъ, для обнаженія золотосодержащаг пласта.

День лазаретной работы уже начался: съ 7 ч. утра под шла партія, человѣкъ въ восемь арестантовъ, заявивших себя больными при утренней раскомандировкѣ на работы в пересыльной тюрьмѣ Нижне-Карійскаго промысла, гдѣ н ходился и каторжный лазаретъ.

При отсутствіи медицинскаго надзора въ тюрьмахъ и к зармахъ, смотрителя тюремъ и сотенные командиры, въ сил необходимости, отправляли въ лазаретъ для медицинска осмотра всякаго, заявившаго себя больнымъ при утреннем раскомандированіи на работы.

Верхняя тюрьма отстояла отъ Нижней Кары на 10 верст Средняя на 5 верстъ; Новая (нижняя) на 5 верстъ и Уст Кара на 15 верстъ.

Съ 4—5 часовъ утра въ лѣтнее время, съ 6—7 ч. въ зимнее,- заявившіе себя больными въ верхней тюрьмѣ отправлялис подъ конвоемъ, до Средней тюрьмы, гдѣ мѣнялся конво Со смѣной и усиленіемъ конвоя, прибавлялась новая парт заявившихъ себя больными, и набиралась толпа въ 15—2 человѣкъ, которая и приходила въ лазаретъ къ 8—9 часам утра. Тоже самое происходило и на другомъ, противоп ложномъ концѣ каторги; изъ Усть-Кары заявившіе о болѣзн отправлялись до новой тюрьмы (нижней) 10 верстъ, гдѣ см нялся конвой, присоединялись больные этой тюрьмы, и нова

толпа въ 15—20 человѣкъ направлялась къ лазарету; трудно-больные отправлялись на подводахъ. Толпа болящихъ съ обѣихъ сторонъ каторги двигалась медленно и находилась въ дорогѣ не менѣе 4—5 часовъ до лазарета, и являлась утомленной, голодной, не ѣвшей со вчерашняго вечера. Не принятый въ лазаретъ, возвращенный обратно въ тюрьму, голодалъ цѣлыя сутки.

Больные, отправляемые въ лазаретъ смотрителями тюремъ, записывались ими въ шнуровыя тетради и, кромѣ того, каждый снабжался особымъ билетомъ отъ смотрителя. Въ случаѣ пріема въ лазаретъ, врачемъ дѣлалась помѣтка въ тетради: „принятъ", и тогда билетъ принятаго передавался смотрителю лазарета. Иногда дѣлалась отмѣтка: „подано медицинское пособіе и дать отдыху отъ работы два, три дня" и т. д. Или же: „подано медицинское пособіе и отправляется обратно". Наконецъ, иногда отмѣчалось просто: „обратно" или: „приходилъ безъ надобности". Возвращеннымъ обратно, какъ обманувшимъ, подлежащее начальство, по возвращеніи ихъ въ тюрьму, отпускало порцію розогъ или сажало въ одиночный карцеръ на хлѣбъ и на воду; этого требовали административныя распоряженія...

Безъ привычки, въ первыя служебныя недѣли на каторгѣ трудно было разобраться и приспособиться къ ежедневному наплыву 30—40 человѣкъ, заявившихъ себя больными. Начинается, бывало, осмотръ, опросъ: „что болитъ"?—„Голова кружится; плечи ломитъ, ноги ломитъ, ѣсть ничего не могу,—всего разбило"!—„Сердце болитъ; тошнитъ, рвота часто бываетъ"!—„Силушки нѣтъ! ослабъ,—годы мои стары: шестой, седьмой десятокъ пошелъ!"—„Все болитъ: руки, ноги отнялись,—хоть убейте, идти обратно не могу"!—„Отдохнуть-бы, ваше благородіе, денекъ, другой,—а больше мнѣ ничего на нужно!"—„Я, ваше благородіе, сознаюсь: утромъ, вставши, недомогался,—какъ будто причина была, а теперь размялся въ дорогѣ и особого ничего не сознаю за собой!"

Часы проходятъ, а тутъ все не можешь окончить осмотра, пріема, измѣрить температуру, выслушать, выстукать... Сознаюсь, что не менѣе половины—симулянты, „лодыри", которымъ смертельно надоѣла однообразная, безпросвѣтная, тюремная обстановка, подневольная работа, „баланда", „параша", да и лица товарищей, заключенныхъ въ одной камерѣ! Заявилъ себя больнымъ, прошелся 5—10 верстъ, въ лазаретѣ побывалъ, „не своихъ", надоѣвшихъ до смерти каторжниковъ, повидалъ, чего-же лучше? А тамъ пусть что хотятъ, то и дѣлаютъ: „Розги, такъ розги; карцеръ, такъ карцеръ"!

Дождь, слякоть, холодъ или смертельная жара,—ничто не останавливало ежедневнаго прихода десятковъ заявив-

шихъ себя больными. Исключенія бывали 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, когда каторга на работу не „выгонялась“ топились тюремныя бани; каторга обмывалась, парилась, наслаждалась и отдыхала.

Прошло довольно времени, прежде чѣмъ я привыкъ къ новому складу жизненныхъ условій, да и ко мнѣ привыкли, узнали вновь прибывшаго врачевателя и рѣшителя подчасъ судебъ арестантской шкуры. Какъ ни дешево цѣнилась эта шкура на Карійскомъ тюремномъ рынкѣ, а не поднималась рука поставить требуемую „инструкціей“ отмѣтку: „обратно“, или „приходилъ безъ надобности“, за чѣмъ должна была послѣдовать порція административныхъ взысканій... Суди меня за это Господь Богъ и неиспорченное человѣческое сердце!

Въ описываемый день, 22 іюня 1872 г., подошла такая партія больныхъ, въ 18 человѣкъ, изъ средней и верхней тюрьмы. Между пришедшими находился каторжный верхней тюрьмы, прикованной къ телѣжкѣ (тачкѣ), Ѳедоръ Срублевовъ. Пока осматривались, записывались, распредѣлялись его товарищи, онъ стоялъ въ сторонкѣ пріемной комнаты, прислонивъ прикованную тачку къ стѣнѣ.

— Ѳедоръ Срублевовъ!—окликнулъ я, когда до него дошла очередь.

Къ столу подошелъ, придерживая тачку съ боку, коренастый, плотный арестантъ, лѣтъ 37, немного выше средняго роста; лицо у него было продолговатое, въ веснушкахъ, съ небольшой русо-рыжеватой бородкой и закрученными, по военному, усами. Лицо это выражало утомленіе, усталость отъ продолжительной ходьбы по горячему іюньскому солнцу и пыльной дорогѣ. Его полуобритая голова къ темени была несоразмѣрно широка; лобъ былъ узкій, съ бѣлымъ поперечнымъ шрамомъ надъ правой бровью. Сѣрые глаза его, немного на выкатѣ, постоянно жмурились, какъ бы отъ боязни солнечнаго свѣта. При приближеніи Срублевова къ столу, за которымъ я сидѣлъ, два казака-конвоира, съ заряженными ружьями и примкнутыми штыками, очутились съ обѣихъ сторонъ подошедшаго.

— Вотъ что, молодцы: отойдите къ пріемной двери, здѣсь, у стола очень тѣсно, и это затрудняетъ при осмотрѣ,—распорядился я.

Конвоиры отошли шаговъ на шесть. Глаза Срублевова замигали, зажмурились учащенно, и онъ ближе пододвинулъ къ себѣ свою тачку.

— Чѣмъ боленъ, Срублевовъ?

— Вотъ извольте посмотрѣть!—И онъ показалъ нарывныя опухоли на правой ладони и лѣвомъ колѣнѣ. Лѣвое колѣно

и правая ладонная поверхность были воспалены, напряжены, темно-краснаго цвѣта и очень болѣзненны при давленіи. Нарывы ладонныхъ поверхностей, въ особенности правой, и лѣваго колѣна, были частыми случаями заболѣваній каторжныхъ, да и вольныхъ горныхъ рабочихъ. Причина этихъ заболѣваній: нажиманіе правой ладонью на конецъ деревянной ручки желѣзной лопаты при земляной работѣ и необходимость дѣйствовать лѣвымъ колѣномъ при подъемѣ земли, гальки или камня для накладыванія въ тачку.

Нечего грѣха таить: большинство нарывовъ ладони и колѣна были искусственными, чтобы имѣть возможность пролежать, „отдохнуть“ въ лазаретѣ недѣлю, другую. Завѣдомо нарочитые болѣзненные процессы, въ большинствѣ наружные, до полнаго калѣченія себя, встрѣчались нерѣдко въ первые года моей службы. Раздробить ударомъ кайлы или лома пальцы на лѣвой рукѣ; натереть глаза известью или золой; вызвать искусственныя язвы, выворачиваніе вѣкъ; укусъ языка; проколы слизистой оболочки губъ или вѣкъ, иглой или шиломъ и т. п. были на каторгѣ довольно частыми явленіями.

У Срублевова нарывы были, сравнительно, давняго происхожденія, флюктуировали и не вскрывались наружу отъ утолщенной, омозоленой, загрубѣлой кожи ладони и колѣна. Онъ былъ принятъ въ лазаретъ и въ первый-же день послѣ его поступленія смотрителю лазарета была дана записка: „каторжнаго Ѳедора Срублевова необходимо, по болѣзненному его состоянію,—нарывы лѣваго колѣна и правой ладони,—освободить отъ оковъ, впредь до его выздоровленія“.

Записка врача, при рапортѣ смотрителя, представлялась въ управленіе Нерчинскими ссыльно-каторжными, отъ котораго и исходило распоряженіе о временномъ освобожденіи отъ оковъ.

Черезъ четыре дня Срублевовъ былъ освобожденъ отъ ножныхъ оковъ и тачки, которую онъ таскалъ за собою день и ночь около года. Вмѣстѣ съ распоряженіями о снятіи оковъ и тачки, пришло предписаніе:

„Срублевову, ни подъ какимъ видомъ, не дозволять свидѣться съ женой, Аграфеной, добровольно за нимъ пришедшей и проживающей на Верхне-Карійскомъ промыслѣ“.

Приковываніе къ тачкѣ (телѣжкѣ) на годъ или на два—высшая мѣра наказанія тяжкимъ преступникамъ (убійцамъ, грабителямъ), бѣгавшимъ не одинъ разъ съ пути слѣдованія этаповъ, каторги. Срублевовъ былъ безсрочный каторжный, бѣгавшій съ пути два раза, пойманный и судимый за два побѣга въ совокупности, получившій сорокъ плетей и прикованный къ телѣжкѣ на два года.

За Срублевовымъ въ каторгу прибыла добровольно его молодая жена, Аграфена, лѣтъ двадцати пяти, довольно бойкая, очень разбитная и симпатичная женщина; дѣтей у нихъ не было.

По какимъ-то соображеніямъ тюремной администраціи, Срублевову, во все время его пребыванія въ каторгѣ (третій годъ), свиданія съ женой не разрѣшались. Всѣмъ пришедшимъ добровольно за мужьями женамъ свиданія были разрѣшены, а Срублевовъ, по всей вѣроятности, какъ тяжкій и опасный преступникъ, былъ лишенъ этой льготы.

Всѣ эти подробности я узналъ уже послѣ, спустя довольно продолжительное время.

Каторжный карійскій лазаретъ былъ та же тюрьма: въ окнахъ—желѣзныя рѣшотки, постоянные часовые, съ заряженными ружьями, передъ переднимъ и заднимъ фасадомъ (наружные) и два внутреннихъ, у двухъ входахъ дверей корридора, раздѣлявшаго, по длинѣ, зданіе на двѣ равныя половины. Суточный караулъ изъ 16-ти пѣшихъ казаковъ Забайкальскаго войска, подъ начальствомъ урядника, приказнаго,—онъ-же и караульный начальникъ,—смѣнялся въ 8 часовъ утра. Караулъ располагался въ срединѣ лазаретнаго зданія, въ помѣщеніи, огороженномъ тремя стѣнами, изъ которыхъ передняя, съ однимъ окномъ, выходила наружу.

Пространство къ продольному корридору не было огорожено и составляло какъ-бы боковое его продолженіе. Единственное окно караульнаго помѣщенія въ достаточной степени освѣщало его, но почти не освѣщало корридора. Двери лазаретныхъ палатъ, выходившія въ корридоръ, были постоянно заперты, а небольшія окошечки въ этихъ дверяхъ, назначенныя для наблюденія за больными, тоже мало давали свѣта, и въ корридорѣ стоялъ полумракъ.

Служилые, пѣшіе, казаки до 1878 г. несли одногодичную службу: каждое первое января старый составъ сводно-карійскаго баталіона смѣнялся полностью на вновь прибывшихъ и являлся вновь на службу черезъ два года. Составъ офицеровъ своднаго баталіона, охранявшаго каторгу, былъ далеко не изъ лучшихъ. Выгнанные и не терпимые на службѣ въ россійскихъ полкахъ и баталіонахъ, не терпимые, даже въ воинскихъ частяхъ областного города, они посылались въ каторжный баталіонъ, какъ въ послѣднее возможное для нихъ служебное мѣсто. И творили-же они тамъ, Боже мой, что творили: заѣхать въ храмъ Божій пьяному верхомъ на лошади, во время церковной службы; надругаться надъ каторжной женщиной; подраться за картами; избить товарища-офицера, плюнуть ему въ лицо, дать пощечину, валяться пьяному на улицѣ; допиться до бѣлой горячки и

быть привезеннымъ въ лазаретъ со связанными руками,— все это считалось почти обычнымъ.

Кромѣ этихъ дѣйствительныхъ офицеровъ, служили и, такъ называемые, заурядъ-офицеры, заурядъ-хорунжіе, заурядъ-сотники,—эти больше по гражданской части. Малограмотные, не образованные,—произведенные въ заурядъ офицеры изъ писарей войскового правленія, штаба, бригадъ, или изъ фельдфебелей и урядниковъ строевыхъ частей еще во время Муравьева, въ 50-хъ годахъ и въ началѣ 60-хъ, они значительно отличались отъ первыхъ. Военные, правда, пили, безобразничали и скандалили, но не воровали, не грабили, не изводили нижняго чина нападеніемъ на его „паекъ", а сплошь и рядомъ, въ пьяномъ видѣ, отдавали тѣмъ-же нижнимъ чинамъ свои послѣднія деньги и не давали ихъ въ несправедливую обиду,—стояли за нихъ горой.

Вторые тоже пили, безобразничали, скандалили, но жали своего брата-казака, сосали его, какъ паукъ сосетъ попавшую въ тенета муху. Помаленьку, да потихоньку они обрабатывали свои дѣлишки по обиранію нижняго чина и каторжнаго и не рѣдко входили въ сдѣлку съ вольными каторжными по скупкѣ золота, арестантскихъ казенныхъ вещей (полушубковъ, шинелей и т. д.); продавали контрабандой водку и добывали „изрядную копѣйку". Лучше ихъ никто не составлялъ авансовыхъ счетовъ по расходамъ казенныхъ денегъ на разныя заготовленія, безъ всякаго теоретическаго обученія простой или итальянской бухгалтеріи. Вообще въ 1872—1873 гг. на каторгѣ была форменная всеобщая уголовщина!

Черезъ недѣлю пребыванія Срублевова въ лазаретѣ вскрытые нарывы ладони и колѣна стали подживать и давали ему возможность свободно ходить по палатѣ. Самъ онъ чувствовалъ себя отлично. При ежедневныхъ осмотрахъ и перевязкѣ на разспросы онъ отвѣчалъ бойко, охотно, даже предупредительно. Лишь только я подходилъ къ его кровати, Срублевовъ уже предупреждалъ мои вопросы:

— Повязка мало промокла, г-нъ докторъ; ногѣ и рукѣ не больно; двигаю ногой свободно. Ѣмъ, сплю хорошо...

При этомъ мнѣ все казалось, что, щуря свои глаза, предупреждая вопросъ о болѣзни, снѣ и аппетитѣ, онъ присматривается, прислушивается къ моимъ дѣйствіямъ, разговорамъ и бесѣдамъ съ больными. Большинство находившихся въ лазаретѣ каторжныхъ обыкновенно просили прибавки: булки, водки, курительнаго табаку и т. д. Срублевовъ прибавокъ не просилъ, довольствовался назначаемой ему первой

ординарной порціей: двумя фунтами яричнаго хлѣба, фунтом мяса во щахъ или супѣ и кружкой квасу.

— Какъ поживаешь, Срублевовъ? Каково поправляешься?— спрашивалъ я.

— Благодаримъ Бога, поправляемся. Дѣло у насъ идет на поправу!—И всегда онъ отвѣчалъ во множественном числѣ...—Мы, пожалуй, скоро и на выписку приготовимся

По тюремнымъ и лазаретно-тюремнымъ правиламъ пола галось, при обходѣ тюрьмы или лазарета кѣмъ-либо из начальствующихъ лицъ, брать съ собою, изъ свободных нижнихъ чиновъ караула, двухъ, трехъ конвоировъ съ за ряженными ружьями и примкнутыми штыками, для охран безопасности посѣтителя. Въ глазахъ каторжныхъ конво понимался, какъ начальническая трусость, и вызывалъ н лестные отзывы.

— А еще — генералъ! полковникъ! Военный, кажись, че ловѣкъ, а боится нашего брата. Что̀ мы, собаки что-ли, что бы накидываться на всякаго прохожаго? Эхъ ты, горе, а н жизнь, проклятая!..

Самъ лично я входилъ въ палаты вечеромъ одинъ, при утреннемъ осмотрѣ больныхъ — съ фельдшеромъ то палаты, которой онъ завѣдывалъ, и лазаретнымъ старосто Петромъ (изъ вольныхъ каторжныхъ). Палатный фельдшеръ— съ бумагой для записыванія рецептовъ, назначеній, пере мѣнъ, и староста Петръ — съ намоченнымъ полотенцемъ че резъ плечо.

Подобный обычай привился какъ-то самъ собою. Не при ходило въ голову опасенія, что вотъ-вотъ кто-нибудь уда ритъ ножомъ ни за что, ни про что.

Конвоиры и караульный начальникъ явились сопров ждать меня въ первый-же день моего вступленія въ долж ность врача Карійскаго лазарета, но я попросилъ ихъ во вратиться въ караульное помѣщеніе: этотъ конвой с ружьями и караульный начальникъ съ пистолетомъ въ ко бурѣ у пояса — прямо стѣсняли меня при откровенныхъ ра спросахъ больного, да и больные, видимо, стѣснялись... Н было въ этомъ, съ моей стороны, ни молодечества, ни хра рости,—простое, обычное дѣло человѣка, посѣщавшаго бол ныхъ людей.

22 іюня 1872 г. утренній обходъ больныхъ, пріемъ при ходящихъ изъ тюремъ и т. д. прошелъ заведеннымъ поряд комъ. Срублевовъ только менѣе предупредительно отвѣчал на вопросы и, видимо, былъ не въ обычномъ настроеніи; не обратилъ на него особаго вниманія: мало ли отъ чего бы ваетъ человѣкъ не въ своей, какъ говорится, тарелкѣ.

Около 9-ти часовъ вечера, съ дежурнымъ фельдшером

Иваномъ Павловичемъ мы обошли палаты и послѣ обхода прошли въ квартиру аптечнаго фельдшера Александра Васильевича Шотенъ.

Аптека отстояла отъ зданія лазарета саженяхъ въ восьми и была соединена съ главнымъ зданіемъ не закрытымъ съ боковъ корридоромъ, но съ крышей и поломъ на одинаковомъ уровнѣ съ лазаретнымъ зданіемъ. Лазаретный корридоръ оканчивался у двери, ведущей въ сѣни, гдѣ было три двери: въ аптеку, въ лазаретъ и въ отхожее мѣсто. Часовой стоялъ въ этихъ сѣняхъ у дверей, ведущихъ къ аптекѣ.

На противоположномъ концѣ корридора, у главнаго входа, часовой стоялъ въ корридорѣ у самой двери, съ правой стороны. Видѣть другъ друга часовые не могли, да и въ корридорѣ было очень темно.

Черезъ полчаса пребыванія у Шотена я возвращался одинъ, направляясь по корридору къ своей квартирѣ; Иванъ Павловичъ остался посидѣть у Шотена.

— Ваше благородіе! Ваше благородіе! Господинъ докторъ! Позвольте слово сказать, — окликнулъ меня кто-то негромкимъ голосомъ. Я вздрогнулъ отъ неожиданности.

— Что тебѣ нужно?.. А, это ты, Срублевовъ! что скажешь, братецъ? Испугалъ меня своимъ шопотомъ и нечаянностью...

— Ваше благородіе, господинъ докторъ, смилуйтесь! — началъ онъ торопливо, скороворкой, глядя въ мое лицо моргающими глазами; онъ былъ очень возбужденъ и взволнованъ.—Не обезсудьте! Дайте возможность повидаться, истомился... мочи нѣтъ... Христа ради!

— Чѣмъ истомился? Отъ чего мочи нѣтъ? ничего, братъ, не понимаю... Заболѣлъ опять, что-ли?

— Никакъ нѣтъ, здоровъ... истомился! моченьки нѣтъ! Христа ради...

— Да въ чемъ же дѣло? Говори, пожалуйста, толкомъ!

— Разрѣшите съ женой повидаться!—выговорилъ онъ полушопотомъ.—Истомился, моченьки нѣтъ,—хоть руки на себя накладывай... Помилосердуйте!

— Что ты, что ты? Богъ съ тобой, Срублевовъ! Что ты говоришь? Что же я сдѣлаю? Сюда, въ лазаретъ, ея не пустятъ,—есть запрещеніе: свиданья тебѣ съ ней не дозволены... Что же я то тутъ подѣлаю?

— Г-нъ докторъ!—повторялъ онъ въ сильномъ волненіи.— Не обезсудьте! Помогите! мочи моей нѣтъ... зарѣзаться въ пору! Помилосердуйте.

— Да пойми ты, чудакъ: не отъ меня зависитъ. Радъ бы душой, да не моя воля... Вѣрно тебѣ говорю: ничего не могу сдѣлать.

— Дайте записку караульному начальнику: онъ вы
стить! Повидаюсь... вернусь, безпремѣнно вернусь... къ утр
къ смѣнѣ караула: вѣкъ не забуду! Помилосердуйте!—
слышались сдержанныя, глухія рыданія...

Жгучее чувство боли охватило меня. Это была какая
особенная жалость, точно къ ребенку, рыдающему о по
рянной навсегда матери... забылось теперь это сложн
чувство въ полномъ его объемѣ,—давно это было!

Кончилось тѣмъ, что мы съ Срублевовымъ зашли
пріемную комнату, и я написалъ записку такого содержан
„Лазаретному караульному начальству. Больному каторжно
Срублевову разрѣшается выходъ изъ лазарета до 7-ми
совъ утра завтрашняго дня“.

— Бери записку Срублевовъ и къ сроку явись!

— Безпремѣнно явлюсь! Что вы? Что вы? Будьте не
мнительны... вѣрьте слову...

Совершенно стемнѣло; было часовъ десять съ полови
вечера, я сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ за поданны
на столѣ самоваромъ и наслаждался чаепитіемъ. Вдру
входитъ ко мнѣ, или, вѣрнѣе, вбѣгаетъ Иванъ Павлови
озабоченный, взволнованный и блѣдный.

— Что новаго, добрѣйшій Иванъ Павловичъ? Не
лаете ли чаю?—спросилъ я.

— Новаго-то ничего... А вотъ что вы надѣлали, г
докторъ?

— Какъ, что надѣлалъ? Ничего я не надѣлалъ... Что
это, Иванъ Павловичъ...

— А Срублевова зачѣмъ выпустили? И себѣ вы эти
бѣду надѣлали, да караульнаго начальника подвели,—по
луй, въ ту же каторгу угодитъ... Срублевовъ вѣдь безср
ный, прикованный къ телѣжкѣ, а вы его на волю вы
стили... Съ женой повидаться! Покажетъ онъ вамъ теп
жену; подъ судъ угодите... Караульному начальнику, то
совсѣмъ бѣда! Двадцать лѣтъ служу въ каторгѣ, так
происшествія не слыхивалъ...

— Да полно же, Иванъ Павловичъ, успокойтесь! Ср
левовъ далъ слово вернуться къ смѣнѣ утренняго карау

— Далъ слово! далъ слово! Надѣйтесь на его слово!
ракъ караульный начальникъ, что послушался васъ,—вы
стилъ по вашей запискѣ... Не имѣлъ никакого права с
шаться... Вѣдь онъ отвѣчаетъ больше всѣхъ, просто с
зать: головой отвѣчаетъ... Эхъ, я-то дуракъ,—засидѣлся
Шотена: не допустилъ бы я этого! Срублевову только и на
было вырваться на волю. Жену повидать! дурака наш
знаю я ихъ! Ищите теперь вѣтра въ полѣ, — свою голо

подставляйте... Въ тайгѣ теперь вашъ Срублевовъ, посвистываетъ да посмѣивается надъ вашей простотой.

У меня екнуло сердце не на шутку... „Вотъ и дослужился!“ промелькнуло въ головѣ.

— Иванъ Павловичъ, будьте добры, позовите караульнаго начальника,—сказалъ я.

Явился пожилой человѣкъ, съ добродушнѣйшимъ, крестьянскимъ лицомъ, съ обритой бородой, въ сѣрой военной шинели и съ пистолетомъ въ кабурѣ у форменнаго пояса (револьверовъ, берданокъ, въ Карѣ тогда и въ поминѣ не было: это новѣйшее оружіе появилось съ 1878 г.).

— Здорово!

— Здравія желаю, ваше благородіе!

— Срублевова выпустилъ?

— Такъ точно, ваше благородіе, по вашей запискѣ, — исполнилъ...

— Такъ-то оно такъ... Спасибо! А вотъ Иванъ Павловичъ, послушай-ка, что говоритъ: намъ съ тобой обоимъ плохо придется за это, а тебѣ больше всего...

— Не могу знать! По вашему приказанію, — вотъ записка...

По разъясненіи дѣла и всѣхъ обстоятельствъ, старый служака испугался не на шутку.

— Жена, дѣтки есть... малыя... пропалъ теперь... бѣда мнѣ... совсѣмъ пропалъ...

И онъ горько заплакалъ. Жутко мнѣ было видѣть плачущаго, по моей винѣ, пожилого человѣка.

— Вотъ что, вояка,—сказалъ я,—слезами теперь горю не поможешь... попали мы, вѣроятно, съ тобой въ бѣду... Я, конечно, виноватъ во всемъ, подвелъ и тебя, и себя подвелъ... Прости меня! Пока еще рано могилу копать; подождемъ утра; не вернется Срублевовъ, тогда я самъ донесу на себя и заявлю, что я виноватъ во всемъ... Тамъ, что будетъ! А пока иди и ни кому ни гу-гу! слышишь?

— Слушаю, ваше благородіе! Пропалъ, видно, я, пропали дѣтушки!—И слезы градомъ текли по его добродушному лицу.

— Иди! иди съ Богомъ! Не хнычь! завтра увидимъ...

Памятна для меня эта іюньская ночь 1872 г. Не то, чтобы я боялся за собственную шкуру или служебную карьеру: какая забота о собственной шкурѣ могла быть у 26-ти лѣтняго студента шестидесятыхъ годовъ, а тѣмъ болѣе какая забота о карьерѣ?

Жаль было не себя, а простоватаго, добродушнаго служаку, караульнаго начальника, который, по невѣдѣнію службы и точному исполненію приказанія всетаки „его благородія“,

совершилъ преступленіе противъ устава гарнизонной, раульной службы, безпощадно караемое воинскими закон

Меня мучила совѣсть... Я подвелъ неповиннаго ч вѣка! Онъ можетъ угодить на каторгу, а ужъ въ арест скія исправительныя роты непремѣнно. А у него жена, д хозяйство, родныя мѣста...

Я прилегъ на кровать: картины прошлаго, студенче жизни, споровъ о братствѣ людей, о пользѣ народу, о ботѣ, работѣ безъ конца,—мелькали въ головѣ. Ярко, очію, проходили въ воображеніи пять лѣтъ пребыванія Академіи, а тутъ, подъ самымъ окномъ, отъ времени времени раздавалось громкое, протяжное, тоскливое „ ш-а-а-й!“

Было около часа ночи; мнѣ стало нестерпимо одн и я попросилъ къ себѣ изъ лазарета Ивана Павловича.

— Посидите со мной, добрѣйшій Иванъ Павловичъ, и ночуйте здѣсь: лазаретъ близехонько, что случится приведутъ больного, вмѣстѣ сходимъ...

— Извольте, г-нъ докторъ, съ большимъ удовольствіе лазаретъ — близехонько!—отвѣтилъ добрякъ, располагаясь моей комнатѣ.

— Такъ, по вашему, не вернется Срублевовъ?

— Не вернется, г-нъ докторъ! За это можно поручит Подумать только: безсрочный онъ, телѣжникъ; тоже доѣло таскать за собою прикованную обузу... Да и слу выпалъ отличнѣйшій... Въ каторгѣ ему быть еще чуть двадцать лѣтъ... А тутъ: вырвался изъ-подъ замка, кандаловъ и телѣжки избавился и — валяй на всѣ чет стороны!.. По Бушелею дорога извѣстная, прямая, та непроглядной! Разбойники вѣдь они, убійцы, варнаки,— торга, чего и говорить! Двадцать лѣтъ служу съ ними, з достаточно!..

— Да,—продолжалъ онъ, отдаваясь воспоминаніям при Разгильдѣевѣ еще служилъ! Мальчишкой поступ въ лазаретъ, для обученія. Господи помилуй! Вотъ б времена! Каторгу пороли, горныхъ служителей пороли, н служащихъ,—мелкоту, пороли,—всѣхъ пороли! Съ палач Ѳомкой на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, Разгильдѣевъ р ѣзжалъ по промысламъ и по каторгѣ... Погоны срывалъ ственноручно. По скуламъ, бывало, лупитъ, лупитъ, только з трещатъ. Да что! Не одинъ Разгильдѣевъ, всѣ пороли, в всѣхъ били... Управляющіе, смотрителя, приставники, штеге вся эта горная братія—мертвымъ боемъ били... Вотъ тамъ купальней, ниже лазарета, особый разгильдѣевскій разр велся, туда сотнями мертвыхъ складывали,—горячка был такъ сотнями мерли... Нынѣ куда лучше! Служащихъ, фел

шеровъ не бьютъ,—время отошло! Изводить изводятъ, а не бьютъ... Пожалуй, и безъ строгости опять нельзя, тоже каторга,—палецъ въ ротъ не клади... Да вотъ на-дняхъ, сказать кстати,— въ Верхней тюрьмѣ каторжному непомнящему, бродягѣ, рѣшеніе вышло: шестьдесятъ плетей... Васъ позовутъ всенепремѣнно. Вы еще этого не видали... Вотъ только, что завтра со Срублевовымъ будетъ?.. Заварили вы кашу!

— Выпьемте, Иванъ Павловичъ!—сказалъ я.—Тамъ что будетъ, то будетъ! На все воля Божія... Подъ судъ, такъ подъ судъ... Мнѣ то ничего. А вотъ старика, караульнаго начальника, жаль...

— Выпить можно, если позволите... И васъ, да и старика жаль,—дѣйствительно,—дѣти!

На столѣ появилась водка и кусокъ чернаго хлѣба съ солью. Слу-ш-а-а-й!—раздалось протяжно и громко у окошка.

— Здорово выкрикиваетъ!—сказалъ, улыбнувшись, Иванъ Павловичъ.

— Для чего это, Иванъ Павловичъ?—спросилъ я,—трудно больныхъ только безпокоятъ, подъ самыми окнами палатъ выкрикиваютъ...

— Такъ полагается, г-нъ докторъ,—веселѣе и часовымъ, когда перекликаются, слышите? вонъ другой затянулъ отвѣтъ... „Слу-ш-а-а-й!“

Передъ утромъ свалился я на свою постель и уснулъ мертвымъ сномъ. Проснувшись, я тотчасъ взглянулъ на часы: половина девятаго, караулъ смѣняется въ восемь,— а Срублевовъ?—точно кипяткомъ обдало меня это воспоминаніе. Сердце забило тревогу, мысли побѣжали одна за другой: вотъ! вотъ! Сейчасъ начнется тревога! переполохъ! нагрянетъ начальство, въ обычное время и носу не показывавшее въ лазаретъ, начнутся спросы, допросы... Какъ? Почему? На какомъ основаніи? Какъ вы смѣли позволить? „нарушеніе“, „преступленіе“, „сообщничество“... Слѣдствіе, судъ... Холодный потъ проступилъ у меня по всему тѣлу...

Быстро соскочивъ съ кровати, я началъ будить Ивана Павловича, мирно спавшаго на полу, на постланной постели.

— Иванъ Павловичъ! Иванъ Павловичъ! вставайте ради Бога. Восемь съ половиною часовъ, караулъ смѣнился!

Иванъ Павловичъ быстро вскочилъ на ноги и заговорилъ испуганно:

— Что? Что такое? Что случилось?

— Половина девятаго; старый караулъ смѣнился... Гдѣ-то Срублевовъ?.. Узнайте, ради Бога.

— Хорошо, хорошо, сейчасъ! Сейчасъ узнаю!—Онъ торопливо пригладилъ свои волосы ладонью и, такъ какъ спалъ,

въ качествѣ дежурнаго, не раздѣваясь, то вышелъ быс
изъ комнаты.

Лазаретное зданіе находилось въ пяти-шести саженя
отъ моей комнаты. Въ полуотворенную дверь я видѣлъ, к
онъ вошелъ въ лазаретныя двери, которыя сейчасъ-же
крылись за нимъ. Прошелъ въ лазаретъ староста Петръ,
нимъ человѣкъ шесть служителей на длинныхъ дерев
ныхъ доскахъ пронесли хлѣбныя порціи. Стояла обычн
полная тишина. Сердце у меня глухо колотилось, ча
усиленно, перебоями... Въ груди не хватало воздуха. Во
вотъ, сейчасъ начнется,—думалось мнѣ.—„А, попался, гол
чикъ! безсрочныхъ выпускать? Способствовать побѣгамъ,
сдѣлки входить! Подъ судъ захотѣли"?.. Состояніе мое бы
близкое къ обмороку: я схватилъ стоявшій на столѣ графи
и налилъ стаканъ водки, потомъ другой...

Иванъ Павловичъ не являлся, время тянулось безконеч

Было болѣе половины десятаго, когда онъ, наконецъ,
шелъ въ мою комнату.

— Ну что? какъ? гдѣ Срублевовъ?..—кинулся я къ н
съ разспросами.

— Все хорошо и благополучно, г-нъ докторъ!—отвѣти
онъ спокойно.—Срублевовъ давно пришелъ, явился ран
8 часовъ, еще до смѣны... Сидитъ себѣ въ палатѣ, какъ
въ чемъ не бывало. Чего ему дѣется?—Бывалый служака
общилъ мнѣ все это равнодушнѣйшимъ тономъ.

— Такъ какъ-же вы цѣлый смертный часъ томили м
Иванъ Павловичъ? Бога вы не боитесь?—крикнулъ я за
хающимся голосомъ.

— Да я... я... я, господинъ докторъ, перевязки дѣла
требованія писалъ... думалъ: вернулся онъ, ладно. Чего
больше?

— Иванъ Павловичъ! голубчикъ! да вѣдь я... тутъ... сме
ный часъ провелъ!—И меня захватилъ истерическій при
докъ. Неудержимо полились слезы, судорожныя рыда
всхлипыванія безъ конца. Иванъ Павловичъ, какъ стол
стоялъ передо-мной, съ удивленнымъ, испуганнымъ лиц
и растопыренными руками.

— Пришелъ!? Явился!? Ха! ха! ха! Срублевовъ—безср
ный, телѣжникъ, человѣкомъ оказался! ха! ха! Не обману
Вернулся! — Я обнялъ оторопѣвшаго окончательно Ив
Павловича и цѣловалъ его, цѣловалъ, судорожно рыдая.

Въ концѣ концовъ, расплакался и растерявшійся Ив
Павловичъ.

Успокоившись, мы пошли въ лазаретъ и начался на
обычный трудовой день. Послѣ осмотра больныхъ въ па
тахъ, я вызвалъ Срублевова въ пріемную комнату, гдѣ, кр

меня и дежурнаго фельдшера, никого не было. Срублевовъ вошелъ, какъ будто чувствуя себя виноватымъ въ чемъ-то: нерѣшительно и медленно подошелъ онъ къ столу, за которымъ я сидѣлъ.

— Спасибо тебѣ, Срублевовъ, за честно исполненное слово! Русское тебѣ спасибо отъ меня!—сказалъ я и протянулъ ему руку. Каторжникъ отшатнулся: лицо его нервно подернуло, перекосило; онъ оглянулся, упалъ на колѣни, схватилъ обѣими руками мою протянутую руку и судорожно, торопливо сталъ цѣловать ее.

— Не надо! не надо! Что ты? Срублевовъ? оставь!—говорилъ я, но не могъ выдернуть у него своей руки,—спасибо тебѣ!!

— Бѣжать? отъ васъ?! обмануть? Никогда! Никогда!—бормоталъ онъ.—Понимаю вѣдь я, знаю... Безпомощный вы... простой... Воскресили... Зарѣзаться было въ пору... Воскресили... Не забуду!..

Черезъ два года Срублевовъ бѣжалъ изъ разрѣза съ земляныхъ работъ среди бѣлаго дня, „на ура", подъ градомъ выстрѣловъ караульной цѣпи, окружавшей разрѣзныя работы Верхняго промысла, и съ тѣхъ поръ онъ уже въ каторгѣ не появлялся. Скрылась и его жена.

III.

Исполненіе судебнаго приговора.

Четыре мѣсяца прошло со дня прибытія моего на мѣсто врача Карійской каторги, и я начиналъ втягиваться въ исполненіе самыхъ разнообразныхъ порученій по своимъ разнообразнымъ должностямъ.

Въ одинъ изъ сентябрьскихъ вечеровъ мы мирно бесѣдовали въ моей комнаткѣ-квартирѣ, рядомъ съ лазаретной кухней,—со старшимъ фельдшеромъ, Иваномъ Павловичемъ Меньшихъ, о прошломъ и настоящемъ невѣдомой еще для меня карійской жизни.

Во время нашего разговора въ мою комнату вошелъ сторожъ тюремнаго управленія, каторжнаго разряда исправляющихся, и подалъ запечатанный конвертъ за №. Расписавшись въ полученіи, я развернулъ бумагу и прочиталъ слѣдующее:

„Предписываю вашему благородію завтрашняго числа, въ 2 часа пополудни, присутствовать при наказаніи плетьми, 60-ю ударами, каторжнаго, разряда испытуемыхъ Верхне-Карійской тюрьмы, Ивана Непомнящаго, 57 лѣтъ отъ роду, судившагося за третій побѣгъ и кражу со взломомъ разнаго имущества у крестьянина Маликійской волости, Степана

Терпугова. Наказаніе плетьми Непомнящаго имѣетъ бы произведено въ паляхъ (оградѣ) Верхне-Карійской тюрьм подъ наблюденіемъ смотрителя оной тюрьмы, губернска секретаря Одинцова".

— Вотъ, Иванъ Павловичъ, бѣда, которой я не ожидалъ сказалъ я.—Что вы посовѣтуете мнѣ дѣлать? Не поѣду смотрѣть, какъ будутъ полосовать человѣка...

— Никакой бѣды нѣтъ, г-нъ докторъ,—отвѣтилъ бывал Иванъ Павловичъ.—Дѣло это здѣсь обычное: службой пря требуется присутствіе врача при наказаніи плетьми... Неп ятно-то оно, конечно... стонетъ человѣкъ, бьется, надрывае душу дикими нечеловѣческими воплями... Молишь Бо чтобы поскорѣе это кончилось... Да что-же мы-то съ ва тутъ подѣлаемъ? Ѣхать вамъ придется непремѣнно... А вдругъ умретъ онъ при наказаніи?—тогда-то вотъ наст щая вамъ бѣда и будетъ... При докторѣ умри хоть съ п ваго удара—ничего, все законно! Да безъ васъ Одинцо и наказывать не станетъ, донесетъ завѣдующему ссыльн каторжными... вы и такъ не въ особенной милости... А ту „ослушаніе"... „неисполненіе"... „неповиновеніе"... Нѣтъ уж какъ это можно—не ѣхать!

Я сидѣлъ молча, понуривъ голову, обрывки мыслей, в поминаній, проносились въ головѣ. Не болѣе полуторы лѣтъ прошло со дня окончанія курса въ Медико-хирур ческой Академіи; неотвязно лѣзло въ голову то недавн свѣтлое прошлое, что называется студенческой семьей, еще шестидесятыхъ годовъ въ Петербургѣ! А настоящее кандалы, полубритыя головы и необходимость присутст при одномъ изъ жесточайшихъ и позорнѣйшихъ наказані

— Да ужъ возьмите меня съ собой, г-нъ докторъ,—п должалъ невозмутимо Иванъ Павловичъ.—Я ужъ всета обтерпѣлся. Нужно будетъ захватить свинцовой примочк нашатырнаго спирта, компрессовъ...

— Свинцовой примочки? Для чего?—спросилъ я маш нально.

— А какъ-же-съ? Раздуетъ вѣдь... почернѣетъ все... кро сочится, вотъ увидите сами... Когда кончится наказаніе, обвернемъ избитое мѣсто холодными, мокрыми свинцовы компрессами, на телѣгу его, да и въ лазаретъ... я съ ни и поѣду!

На этомъ мы и разошлись, часовъ въ 11 вечера, съ Ив номъ Павловичемъ, рѣшивъ, что „обложимъ компресса съ свинцовой примочкой и отвеземъ въ лазаретъ" сегод еще здороваго человѣка.

Доводы Ивана Павловича были практичны: „служба дѣйствительно, „прямо требовала" моего присутствія и уч

стія въ предстоящемъ наказаніи, но жутко-щемящее чувство не покидало меня. Въ глубинѣ души росло ощущеніе ужаса, нравственной боли и отвращенія. Какъ отброшенный, забытый всѣми, ходилъ я изъ угла въ уголъ по своей неприглядной комнатѣ, съ желѣзными рѣшетками въ окнахъ (она была когда-то арестантскимъ родильнымъ покоемъ, переведеннымъ въ другое помѣщеніе), голова лихорадочно работала въ одномъ направленіи. Въ памяти вставала одна картина изъ временъ моего дѣтства.

Въ субботніе дни уроки въ пермской бурсѣ, гдѣ я учился, оканчивались въ 12 часовъ дня; послѣобѣденныхъ занятій не было (время, о которомъ вспоминаю, относится къ 1852 г.). Въ субботніе же дни, дни еженедѣльнаго торга (базара), совершалась торговая казнь на базарной городской площади, о чемъ бурса узнавала наканунѣ, такъ какъ въ пятницу, на срединѣ площади, устраивался черный деревянный, квадратный эшафотъ. Торговая казнь совершалась обычно около 2 часовъ пополудни, и семинарское начальство не возбраняло своимъ питомцамъ разныхъ возрастовъ присутствовать при наказаніи плетьми „грѣшниковъ", какъ называлъ ихъ народъ. На такую то торговую казнь, съ пятью товарищами-бурсаками, попалъ однажды и я. Мы вышли изъ бурсы сейчасъ послѣ обѣда, около половины перваго, и бывалые ребята-товарищи повели меня на площадь, гдѣ стоялъ эшафотъ. Сотни людей разнаго пола и всѣхъ возрастовъ толпились около невиданной мною постройки. Аршина на два отъ земли поднимался выкрашенный черной краской, неправильный четвероугольный срубъ, съ поломъ наверху. По бокамъ, надъ помостомъ, торчали столбики, сквозь отверстія которыхъ продернута была въ двухъ мѣстахъ веревка, изображавшая ограду площадки; ограда оканчивалась у западной стороны свободнымъ, не огороженнымъ пространствомъ. Въ это свободное пространство упиралась, поставленная другимъ концомъ на землю, лѣсенка съ четырьмя ступенями. На противоположной сторонѣ отъ лѣсенки, на востокъ, на площадкѣ помоста возвышался кругловатый столбъ, аршина два съ половиной или три высотою, съ круглой маковкой на верху. На высотѣ человѣческаго роста въ столбъ вдѣланъ былъ желѣзный крюкъ, на которомъ висѣли двѣ цѣпи.

— Это позорный стобъ,—къ нему приковываютъ „грѣшника" и читаютъ ему бумагу,—поучали меня бывалые товарищи.—По срединѣ эшафота лежитъ подъемная „кобыла", на нее палачъ привязываетъ его и бьетъ плетьми...

— Айда, ребята, къ острогу! Тамъ увидимъ, какъ его повезутъ...—скомандовалъ одинъ изъ бывалыхъ. „Ребята" припустили, что было духу. Дѣло было въ концѣ октября, снѣгу

еще не было, но холодъ давалъ себя знать бурсакамъ, одѣтымъ въ тиковые халаты и обутымъ на босую ногу.

У окованныхъ желѣзомъ воротъ острога толпилось человѣкъ сорокъ зрителей: мужчинъ, женщинъ и ребятишекъ. Человѣкъ двадцать солдатъ гарнизонной команды, съ ружьями на плечахъ, и штукъ восемь жандармовъ, на высокихъ рыжихъ лошадяхъ, были расположены по ту и другую сторону воротъ. Впереди шеренги стояли два солдатика съ барабанами у пояса, съ палочками въ рукахъ, положенными накрестъ на барабанѣ.

Въ толпѣ и среди солдатъ стояла поражающая тишина; изрѣдка кто-либо торопливо кашлялъ или сморкался, и тогда головы какъ бы невольно поворачивались къ нарушителю тишины. Тишина подѣйствовала и на насъ; мы присмирѣли и, подчиняясь вліянію толпы, упорно смотрѣли на запертыя ворота. Минутъ черезъ десять напряженнаго ожиданія за воротами послышалось громыханье,—медленно, со скрипомъ, ворота растворились на обѣ половины внутрь ограды, и показалась пара заморенныхъ клячъ, запряженныхъ въ дышло и тащившихъ за собою высокую черную, дребежавшую, на четырехъ колесахъ, телѣгу. На козлахъ сидѣлъ возница, въ сѣромъ одѣяніи и сѣрой круглой шапкѣ. Позади возницы, на другомъ сидѣньи, значительно выше,—не менѣе аршина,—спиной къ лошадямъ, сидѣлъ мертвенно-блѣдный человѣкъ въ сѣромъ халатѣ и сѣромъ кругломъ малахаѣ (шапкѣ), съ болтающимися наушниками. Обѣ его руки, въ локтевыхъ суставахъ, были привязаны къ столбикамъ, торчавшимъ по бокамъ сидѣнья.

Помню и теперь его блѣдное лицо съ закрытыми глазами, русой, окладистой бородой, русыми мокрыми усами. На груди его, на ремешкѣ черезъ шею, висѣла квадратная черная дощечка съ надписью бѣлыми буквами „убійца“.

На телѣгѣ, у ногъ убійцы, сидѣлъ не менѣе блѣдный священникъ съ крестомъ въ рукѣ. Позади телѣги шелъ высокій, коренастый, сѣдоватый мужчина въ плисовой потертой поддевкѣ и широкихъ шароварахъ. На головѣ у него надѣта была черная круглая мерлушковая шапка. Черезъ правое плечо, на ремнѣ, висѣлъ длинный деревянный ящичекъ, формой похожій на небольшой гробикъ.

— Грѣшника везутъ! Грѣшника везутъ!—пронеслось шопотомъ въ толпѣ.

Грянула барабанная дробь, раздалась какая то воинская команда, задвигались солдаты и жандармы на высокихъ лошадяхъ и обступили съ трехъ сторонъ двигавшуюся телѣгу, на которой на высокомъ сидѣньи, болтался изъ стороны въ сторону привязанный, блѣдно-сѣрый человѣкъ. Двое сол-

дать-баранщиковъ пошли впереди лошадей, саженей на десять, и непереставая выбивали барабанную дробь. Сидѣвшій высоко надъ толпою человѣкъ, „убійца“, „грѣшникъ“, безпомощно болтался во всѣ стороны, какъ старый куль, набитый соломой. Его голова, изуродованная безобразнымъ съ болтающимися ушами малахаемъ, качалась во всѣ стороны, какъ у трупа, а туловище и ноги, какъ бы совершенно независимо отъ движеній головы, подбрасывались кверху при каждомъ толчкѣ дребезжащей телѣги. Его окладистая борода и усы покрывались ледяными сосульками отъ замерзавшихъ на нихъ слезъ или слюны, и эти ледяныя сосульки также мѣрно качались при толчкахъ телѣги.

— Батько ѣдетъ, чтобы исповѣдать его передъ казнью, чтобы не померъ безъ покаянія,— говорилъ мнѣ на ходу попотомъ бывалый товарищъ. — А тотъ, что идетъ позади высокій, въ шароварахъ, съ коробкой черезъ плечо, это палачъ, Иванъ Ивановичъ... Я знаю это, навѣрно! Силища, братъ, у него не помѣ-ѣ-р-ная!

Барабанная дробь раздавалась непрерывно. Изъ побочныхъ переулковъ подходили новыя лица и приставали къ движущейся толпѣ. У воротъ встрѣчавшихся по пути домиковъ стояли зрители. Многіе осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ... Толпа росла и росла... А сѣрый, возвышавшійся надъ толпою человѣкъ, какъ автоматъ, мѣрно покачивался изъ стороны въ сторону...

— Идемъ скорѣе на базаръ,—проговорилъ торопливо товарищъ,—слышишь—гудятъ? Это народъ на базарѣ... Скоро привезутъ... Пожалуй, и мѣста не захватимъ.

Мы быстро обогнали медленно двигавшуюся процессію... На базарѣ, дѣйствительно, тысячная толпа гудѣла своимъ особеннымъ говоромъ... Сотни телѣгъ, нагруженныхъ деревенскими товарами, были облѣплены человѣческими фигурами. Въ толпѣ слышались вздохи и вырывались слова: „Господи, батюшка! Царица небесная... Господи, помилуй насъ грѣшныхъ“!

Дробь барабана приближалась, народъ широко разступался передъ печальной процессіей, и головы тысячной толпы напряженно поворачивались за подъѣзжавшей телѣгой.

— Дай дорогу! Дай дорогу! — раздавалось въ толпѣ. Съ грохотомъ подъѣхала черная телѣга къ эшафотной лѣсенкѣ и остановилась. Блѣдный батюшка, сидѣвшій у ногъ несчастнаго, торопливо поднесъ къ губамъ „грѣшника“ святое распятіе, соскочилъ съ телѣги и скрылся въ толпѣ. На мѣсто батюшки на телѣгу поднялся тотъ здоровенный, высокій, сѣдоватый человѣкъ, съ коробкой черезъ плечо, который все время неотступно слѣдовалъ за телѣгой осужден-

наго. Онъ казался громаднымъ темнымъ столбомъ сравни
тельно со скрючившимся, съежившимся, привязаннымъ з
локти сѣрымъ человѣчкомъ. Руки были быстро отвязаны и
поддерживаемый палачомъ, путаясь въ полахъ сѣраго, ар
стантскаго одѣянія, сошелъ или, скорѣе, сползъ онъ н
землю и по лѣсенкѣ взведенъ на эшафотъ.

Раздалась воинская команда; солдаты быстро размѣсти
лись по всѣмъ сторонамъ эшафота въ разстояніи отъ нег
сажени на три. Позади цѣпи солдатъ, по два на каждо
сторонѣ, на своихъ высокихъ лошадяхъ, выстроились жан
дармы съ обнаженными саблями. Барабанная дробь замолкла
Слѣдомъ за палачомъ и осужденнымъ, на эшафотъ, по то
же лѣсенкѣ, взошелъ человѣкъ въ форменной одеждѣ с
шпагой у лѣваго бока. Посрединѣ эшафота эта группа из
трехъ лицъ остановилась: палачъ и осужденный стояли ря
домъ, лицомъ къ лѣсенкѣ, а человѣкъ въ формѣ впереди.

Раздалась громкая команда, брякнули ружья, — народ
обнажилъ головы. Снялъ свою шапку и палачъ онъ ж
снялъ съ головы осужденнаго его сѣрый малахай, съ бол
тающимися наушниками и бросилъ его на платформ
эшафота.

Показалось русское, круглое, со впалыми щеками, лиц
съ коротко остриженными, русыми на головѣ волосами; сѣ
рые мертвенно-блѣдные глаза его были закрыты, онъ, ви
димо, не вполнѣ сознавалъ происходившее съ нимъ и едв
ли что-нибудь видѣлъ...

— „По указу Его Императорскаго Величества...—начал
читать громкимъ голосомъ форменный человѣкъ, держа в
рукѣ бумагу. Чтеніе приговора продолжалось не менѣе пят
или семи минутъ. Въ приговорѣ была прописана вина под
судимаго, — „убійство“, за каковое крестьянинъ такой-т
приговоренъ судомъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія
ссылкѣ въ каторжныя работы на двадцать лѣтъ и наказа
нію плетьми, чрезъ палача, восьмидесятью ударами.

— Восемьдесятъ ударовъ! Господи помилуй! спаси Ца
рица Небесная!—раздался чей-то испуганный полушопотъ з
нашими спинами.

Во все время чтенія приговора и ранѣе, лишь тольк
осужденный взошелъ на помостъ эшафота, — сквозь ряд
солдатъ, рѣдкой цѣпью окружавшихъ эшафотъ, проходил
десятки и сотни мужскихъ и женскихъ фигуръ изъ просте
народья и, приблизясь къ платформѣ, клали мѣдные пятаки
трёшки, копѣйки, грошики.

Большинство при этомъ осѣняли себя крестнымъ знаме
ніемъ. Побрякиваніе мѣди о помостъ одно только нарушал

мертвую тишину. Это было Христово подаяніе русскаго простого человѣка несчастному...

Чтеніе приговора окончилось: форменная фигура сбѣжала съ эшафота.

Палачъ взялъ за руку осужденнаго, снялъ съ него сѣрый халатъ, бросилъ на помостъ, подвелъ къ столбу и поставилъ къ нему спиною. Цѣпями, висѣвшими на крюкѣ столба, приковалъ онъ его за локти. Черная квадратная дощечка висѣла на груди и надпись бѣлыми буквами: „убійца“ виднѣлась явственно и четко.

Окончивъ это дѣло, палачъ снялъ коробку, висѣвшую чрезъ плечо, скинулъ съ себя черную длинную поддевку и очутился въ красной кумачной рубахѣ, подпоясанной чернымъ поясомъ. Коробку и поддевку онъ положилъ на помостъ. Затѣмъ онъ снялъ съ своей головы шапку, подъ которой оказался надѣтый на волосы узкій ремешекъ, чтобы волосы не падали на глаза. Поднявши съ пола деревянную коробку, онъ подошелъ съ ней къ правой сторонѣ платформы и показалъ ее стоявшему тамъ полицейскому чиновнику. Тотъ молча кивнулъ головой. Палачъ отошелъ на средину, раздвинулъ крышку коробки и, вынувъ изъ нея два длинныхъ ремня съ пряжками по концамъ и ременную, крученую, троехвостную плеть съ круглой, объемистой, короткой деревянной ручкой,—положилъ ихъ на помостъ. Движенія его были медленны, размѣренны, неторопливы.

Взмахомъ одной руки онъ поднялъ, вдѣланную посреди помоста, подвижную доску („кобылу“) на 40—50 градусовъ наклона и укрѣпилъ подпоркой, придѣланной съ внутренней стороны на шарнирѣ. Поднявъ затѣмъ съ помоста сѣрый халатъ преступника, онъ разослалъ его на кобылѣ, внутренней стороной кверху. Неторопливо подошелъ онъ затѣмъ къ стоявшему у столба, отомкнулъ его прикованныя руки, подвелъ къ кобылѣ, снялъ съ него арестантскую сѣрую куртку и, положивъ его на кобылу, спиною кверху, началъ припутывать ремнями ноги и руки. Окончивъ это, палачъ опустилъ „кобылу“ съ привязаннымъ на ней человѣкомъ не болѣе аршина отъ помоста, въ наклонномъ же положеніи, завернулъ рубаху привязаннаго до головы, опустилъ шаровары и порты до колѣнъ, оголивъ спину и заднюю часть...

Жутко-мертвая тишина стояла надъ многочисленной базарной толпой. Тихо, какъ мертвые, стояли солдаты и жандармы, потупивъ свои суровыя, усатыя лица.

Палачъ взялъ въ правую руку плеть, распустилъ концы ея по помосту, наступилъ лѣвой ногой, продернулъ подъ подошвой, отступилъ шага на два и быстро, съ прискочкой подбѣжавъ вплотную, ударилъ... Ударъ отчетливо, рѣзко раз-

дался въ тишинѣ. Душу раздирающій, нечеловѣческій, д
кій, животный вой огласилъ базарную площадь...

— О-о-о-ой! О-о-о-ой! Ба-т-ю-ш-ки, от-ц-ы ро-о-д-ные, помил
сердуйте!

— Разъ!—воскликнулъ чей-то громкій отчетливый голос

Раздался или, скорѣе, шлепнулъ второй ударъ плети
живому тѣлу, и тотъ же дикій вой огласилъ площадь.

— О-о-о-о-ой! Батюшки, отцы родные, помилосердуйте!

— Два!—громко выкрикнулъ счетчикъ.

Послѣ каждаго удара проходило секундъ десять, преж
чѣмъ повторялся новый, а вопль продолжался безостановочн
протяжно, безъ перерыва.

— О-о-о-ой! Батюшки, отцы родные, помилосердуйте! О-о-о
Помилосердуйте! Отцы родные, помилосердуйте!..

Но милосердія не было въ тѣ жестокія времена...

Правая оголенная часть, по которой приходились удар
чернѣла, багровѣла, вздувалась. Послѣ громкаго выкри
„десять“ палачъ обошелъ кобылу и, очутившись съ прав
стороны, нанесъ ударъ, который пришелся по лѣвой оголе
ной половинѣ. Протяжно, непрерывно раздавались вопл
несчастнаго! Въ толпѣ слышны были сдержанныя всхлип
ванія... У меня дрожали ноги и подгибались колѣни, а глаз
какъ прикованные, не отрывались отъ чернѣвшаго тѣла...

Послѣ каждыхъ десяти ударовъ, палачъ переходилъ
одной стороны на другую и продолжалъ свою ужасную р
боту... Слышны были удары плети и выкрики громкаго
лоса: „двадцать! двадцать одинъ! тридцать! тридцать тр
тридцать четыре“. При шестидесятомъ ударѣ, вопли и в
внезапно прекратились и голова несчастнаго безжизнен
повисла. Палачъ опустилъ поднятую съ плетью руку.
эшафотной лѣсенкѣ торопливо поднялся не молодой у
человѣкъ съ небольшою склянкой въ правой рукѣ и сова
ее замолкшему страдальцу подъ носъ. Послышались хри
лые, харкающіе звуки и протяжный, протяжный стонъ... Ост
новка продолжалась минуты три, четыре, а можетъ быть,
больше.

Снова поднялись руки палача, снова послышались воп
и стоны и выкрики: „помилосердуйте! Батюшки! о-о-о-о“!
теперь вопли раздавались хрипло, глухо, скорѣе, какъ
выванiе голодной собаки.

На послѣднихъ двадцати ударахъ крики и вопли пр
кращались три раза, голова безжизненно опускалась, и
лачъ останавливался. Торопливо взбѣгалъ тотъ же человѣк
возился все дольше и дольше съ приведеніемъ въ чувст
обмершаго...

— Семьдесятъ пять!.. Семьдесятъ шесть!.. Семьдеся

семь!.. Семьдесятъ восемь!.. Семьдесятъ девять!—выкрикивалъ громкій голосъ, а наказуемый лежалъ, не издавая ни стона, ни звука...

— Во-се-мь-десятъ!—Палачъ бросилъ плеть и, подбѣжавъ къ головной части кобылы, снова поднялъ ее подъ угломъ не менѣе 50 градусовъ.

— О-о-охъ!—вылетѣлъ тысячеголосный вздохъ народа...

Передъ глазами тысячъ людей на приподнятой эшафотной кобылѣ лежало прикрученное, распростертое тѣло; ни звука, ни стона... Чернѣла, какъ уголь, оголенная нижняя часть лежавшаго, и струйки теплой крови медленно стекали на эшафотъ. Палачъ взялъ изъ коробки какой-то блеснувшій предметъ, лѣвой рукой приставилъ его ко лбу лежавшаго и, размахнувшись правой, ударилъ—голова откачнулась кверху...

Быстро продѣлалъ онъ тоже самое съ правымъ и лѣвымъ висками, а безжизненная голова откачивалась при ударѣ въ противоположную сторону. Это было наложеніе позорнаго клейма, на всю послѣдующую жизнь, почти неистребимое. На лбу была буква „у“, на правомъ вискѣ „б“, на лѣвомъ „и“. Инструментъ клеймленія набирался изъ тонкихъ иголокъ, длиною въ толщину наружныхъ покрововъ лба и висковъ; изъ этихъ иголъ, какъ на ручномъ штемпелѣ, составлялись игольчатыя буквы. При наложеніи и ударѣ по клейму, иголки пробивали покровы до кости; пробитое мѣсто, изъ котораго сочилась кровь, натиралось какою-то спеціальной черной массой...

Чрезъ двадцать лѣтъ послѣ этого пришлось мнѣ видѣть сотни восьмидесятилѣтнихъ стариковъ-каторжниковъ „штемпелеванныхъ“, „клейменыхъ“ тридцать, сорокъ лѣтъ назадъ, а знаки клейма были замѣтны совершенно ясно...

Окончивъ „наложеніе клеймъ“, палачъ сталъ развязывать ремни, прикручивавшіе лежавшаго.

Снова поднялся на эшафотъ человѣкъ, подававшій помощь при обморокахъ, поводилъ склянкой около носа лежавшаго, бралъ его за руку и что-то приговаривалъ. Явились два человѣка въ сѣрыхъ курткахъ, подняли несчастнаго, набросили на него его же халатъ, лежавшій подъ нимъ, сняли съ эшафота, уложили въ приготовленную четырехъ-колесную телѣгу и увезли, уже безъ всякой помпы, должно быть—въ больницу, а можетъ быть, и на кладбище...

Раздалась воинская команда. Солдаты и жандармы повернулись отъ помоста, выстроились и пошли мѣрнымъ шагомъ, но безъ барабаннаго боя.

Базарная площадь загудѣла человѣческимъ говоромъ, какъ прорванная плотина, отъ долгаго напора воды. Масса

народа подвинулась къ стѣнкамъ эшафота и жадно слѣди
за всѣми движеніями палача, одиноко оставшагося на пл
формѣ.

Опять-таки медленно, не торопясь, собиралъ онъ с
орудія казни, валявшіяся на помостѣ, и бережно, даже какъ
рисуясь передъ толпою, укладывалъ въ коробку. Надѣ
скинутую поддевку и шапку, онъ началъ собирать мѣдн
пятаки, копѣйки и гривны, набросанныя „несчастному“ на
домъ. Собравъ ихъ. онъ сосчиталъ и положилъ въ карма
своихъ широкихъ шароваръ. Затѣмъ спустился, держа по
лѣвою мышкою коробку съ инструментами, по лѣстницѣ
землю, гдѣ поджидалъ полицейскій служитель въ форменн
сѣрой шинели; съ нимъ онъ и скрылся изъ глазъ толпы

Было около 5 ч. пополудни, когда окончилась эта траге
Бывалые товарищи-бурсаки, затянувшіе меня на позори
были блѣдны, разстроены, потрясены, не менѣе мен
Младшій изъ нихъ, Гриша, заливался горячими, нервны
слезами... Хныканье, „распусканіе нюней“ въ бурсѣ не т
пѣлось, но на этотъ разъ никто не обругалъ его „плаксо
„дѣвчонкой“, „рюмой“...

Когда-мы добѣжали до бурсы и предъявили кому с
дуетъ увольнительные билеты, сказавъ, гдѣ именно мы бы
то начальство, разспросивъ о видѣнномъ, благословило н
и прибавило: „Всякое преступленіе карается закономъ.
мните казнь сію, въ назиданіе“!..

Да, я помнилъ эту торговую казнь, помню и теперь...

Съ тѣхъ поръ прошло двадцать лѣтъ. Волею Госуда
Освободителя были уничтожены торговыя казни и клейме
гражданъ русскаго государства, совершившихъ *первое* п
ступленіе и не *лишенныхъ* правъ состоянія. Десять лѣтъ
этихъ двадцати, начиная съ 1861 г., прошли недаромъ и д
моей личной жизни. И вотъ, обстоятельства жизни и служ
закинули меня на долгіе десять лѣтъ въ тѣ мѣста, куда
всей обширной Россіи сгоняли народъ, къ которому не от
силось освобожденіе отъ этого позора. И въ составъ мои
служебныхъ обязанностей вошли функціи того памятн
мнѣ человѣка, который подавалъ помощь истерзанному... д
новыхъ истязаній!..

Наступила полночь. Надо бы отдохнуть, собраться съ
лами, заставить себя смотрѣть на предстоящее, какъ на
избѣжность. Шестьдесятъ плетей... Тогда, въ эти мр
ныя времена, въ описанномъ выше случаѣ — было
семьдесятъ; меньше только на двадцать ударовъ. Но
значатъ эти двадцать ударовъ, послѣ шестидесяти... П
говаривать къ плетямъ не такъ трудно, когда имѣе
дѣло съ юридической формулой, прилагаемой вдобавокъ

постороннему, незнакомому человѣку. И при томъ судья самъ по большей части избавленъ отъ зрѣлища наказанія. Для него это—цифры: 60, 80, 100 плетей! Но знаете ли вы, что такое ударъ плети?..

Въ моемъ присутствіи, за обѣщанный рубль, съ дозволенія, конечно, смотрителя Средне-Карійской тюрьмы Б—на, палачъ Сашка, чтобы показать свое искусство, съ одного удара плетью разбилъ казенную деревянную, массивную, табуретку вдребезги, удививъ не мало собравшуюся въ тюремной канцеляріи публику. Теперь представьте сто такихъ ударовъ по живому, чувствующему тѣлу... Правда,—и это еще счастіе,—палачъ—не машина, а всетаки человѣкъ, различающій живое тѣло отъ дерева.

Такъ я и не заснулъ до утра...

Въ восемь часовъ началось мое обычное дѣло по лазарету: осмотръ больныхъ каторжныхъ, которыхъ менѣе двухсотъ бывало рѣдко. Работы было много, и было надъ чѣмъ забыться хоть на время...

Наконецъ, пріемъ кончился, и Иванъ Павловичъ доложилъ, что все готово для „надобностей" предстоящей поѣздки; лошадь придетъ за нами часовъ въ 12 и надо не опоздать.

Исправнѣйшій былъ служака этотъ Иванъ Павловичъ, добрѣйшій, гуманнѣйшій человѣкъ, беззавѣтно преданный болѣвшему арестантскому люду. Это былъ чистый самородокъ, человѣкъ съ душой и сердцемъ въ суровой и безсердечной средѣ; но всѣ эти свойства онъ уложилъ въ рамки этой суровой жизни, дальше которой почти не смотрѣлъ. Присутствіе при наказаніи и помощь наказанному онъ считалъ своимъ нравственнымъ, служебнымъ долгомъ, къ которому готовился методически, какъ и ко всякому другому.

— Ничего намъ не подѣлать, г. докторъ! Изстари плеть гуляетъ по спинѣ арестанта; рѣшеніе выйдетъ, ну и бьютъ! Никто тутъ ничего не подѣлаетъ. Одинъ смотритель бьетъ до безпамятства или до увѣчья; другой, глядишь, немного пообмякнетъ, когда придется драть старика или женщину... Вотъ и все. Тоже бываютъ люди... Одинцовъ, верхне-карійскій смотритель, тотъ ужъ не помилуетъ! Глаза кровью нальются, надуется весь,—страшно смотрѣть... И чего онъ усердствуетъ — Богъ его видитъ! А только, повѣрите: лютѣе палача Сашки... Не его спину бьютъ, такъ видно, за чужую не больно! Эхъ, попробовалъ бы два, три удара на собственной кожѣ, вотъ бы и узналъ, что значитъ восемьдесятъ или шестьдесятъ. Да! Не шутка, г. докторъ, перенести шестьдесятъ ударовъ! Вотъ увидите сами... Случалось, до смерти забивали на моихъ глазахъ... Вмѣсто лазарета, отвяжутъ отъ кобылы, да прямо на кладбище. Шутка ли: сто ударовъ,—

когда ихъ кончишь? Кричитъ, кричитъ, а тамъ и замолчит на вѣки вѣчные, и спиртъ нашъ не поможетъ...

Въ половинѣ перваго мы отправились на казенной т ремной телѣжкѣ, запряженной парой сытыхъ лошадокъ. Т лѣжка, оказалось, была послана смотрителемъ Верхней тюрьм На козлахъ сидѣлъ ссыльно-каторжный той же тюрьмы, ра ряда исправляющихся—внѣ тюремный. Отъ Нижней Кары, Верхней проѣхать нужно было восемь верстъ. На пути, четырехъ верстахъ, была расположена Средняя Кара и м новать ее было нельзя. Чувство стыда такъ и поднималос во мнѣ при встрѣчѣ съ рѣдкими прохожими, обычно-каторж ными „вольной“ внѣ-тюремной команды, переходившими с промысла на промыселъ, или съ вольно-наемными рабочим горнаго вѣдомства.

Во все время пути, около часу, не перешепнулись мы с Иваномъ Павловичемъ ни единымъ словомъ. Инстинктив почувствовалъ бывалый, видавшій виды фельдшеръ, что с ѣхавшимъ въ первый еще разъ на дѣло докторомъ разговор были неумѣстны. Я курилъ папиросу за папиросой и бро салъ недокуренныя на дорогу.

— Ваше благородіе!—нарушилъ молчаніе возница-кучер

— Что тебѣ нужно?

— Не позволите ли закурить трубочку? Что-то во р пересохло...

— Закуривай, братецъ, закуривай... сдѣлай милость... Д не хочешь ли моей папиросы?

Къ намъ повернулось удивленное лицо возницы, молож ваго парня лѣтъ тридцати-пяти, съ небольшой, рыжеватс бородкой и такими же рыжеватыми усами.

— Какъ это вашу, ваше благородіе?

— Очень просто! Вотъ возьми и кури!—И я подалъ ем открытый кожаный папиросникъ.

— Много благодарны, ваше благородіе! Чувствитель благодарю... Побаловаться можно!—И ротъ его осклабило добродушнѣйшей улыбкой.

— Какъ тебя зовутъ?

— Три-фа-но-омъ!—протянулъ онъ, втягивая дымъ от зажженной папиросы.—Три-ф-а-номъ, ваше благородіе!

— Верхне-карійскій?

— Такъ точно, верхне-карійскій! Внѣтюремный... Трет годъ уже на слободѣ... Отбылъ испытуемый... Украшені давно сняли!

— Какія украшенія?

— А вотъ, что на ноги, фунтовъ по пяти, надѣваютъ, голову изукрасятъ—половину обрѣютъ... Все украшенія наш арестантскія...

— Надолго пришелъ?

— На восемь.

— Какой губерніи?

— Дальній я, ваше благородіе, Олонецкой губерніи... Не опоздать бы намъ, ваше благородіе?— вопросительно проговорилъ онъ. Я взглянулъ на часы.

— Не опоздаемъ, дядя Трифонъ, не опоздаемъ! Времени еще довольно. Да и то сказать: не на свадьбу ѣдемъ...

— Это точно, ваше благородіе,—проговорилъ онъ и началъ подергивать лошадей возжами и помахивать кнутикомъ.

Минутъ черезъ двадцать мы подъѣхали къ зданію тюремной канцеляріи. Покосившееся, какъ бы приплюснутое отъ старости и дряхлости, сѣро-грязное, оно расположено было въ десяти-пятнадцати саженяхъ отъ тюремныхъ воротъ. Зданіе Верхне-Карійской тюрьмы находилось въ паляхъ *) по среди тюремнаго двора и, какъ всѣ карійскія зданія 1872 г., было ветхо, грязно и напоминало загаженныя коровьи или лошадиныя конюшни.

Въ тюремной канцеляріи собралось человѣкъ восемь-десять разнаго званія и состоянія. Смотритель тюрьмы, губернскій секретарь Одинцовъ, толстоватый, высокаго роста человѣкъ съ брюшкомъ, въ черномъ форменномъ сюртукѣ съ желтыми пуговицами, сидѣлъ на табуретѣ у длиннаго, некрашенаго стола, приставленнаго къ окну. Гладко выбритые подбородокъ и усы его отливали синеватымъ цвѣтомъ. Узковатые, восточнаго типа глаза постоянно моргали. Черные на головѣ волосы были коротко острижены и торчали, какъ говорится, ежомъ. Приплюснутый носъ и толстыя губы, кривившіяся въ улыбку, дополняли остальное. Было ему лѣтъ 45, не болѣе.

Помощникъ смотрителя, Алексѣй Алексѣевичъ, суховатый старикъ съ плѣшивой головой и клинообразной сѣдой бородой, съ запачканными въ табакѣ усами, стоялъ въ сторонѣ и что-то передавалъ стоявшему тутъ же казачьему уряднику и тюремному приставнику Титычу. Три писаря (изъ каторжныхъ) въ арестантскихъ, сѣрыхъ халатахъ сидѣли за особымъ столомъ, заваленнымъ бумагами, форменными книгами, и усердно выводили строчки на бумагѣ. Одинъ изъ нихъ сѣдой, лѣтъ шестидесяти, обращалъ на себя вниманіе шрамами на лбу и вискахъ отъ бывшихъ вытравленныхъ уже клеймъ. Это былъ знаменитый въ тѣ времена Жуковскій, болѣе десяти разъ бѣгавшій съ каторги и посылавшій съ

*) Паля четырехъ саженное, заостренное бревно, закопанное на два аршина въ землю, остріемъ кверху. Изъ палъ, поставленныхъ рядомъ, устраивается тюремная ограда.

дороги, вмѣсто себя, десять смѣнныхъ Жуковскихъ. Бит
кнутомъ, десять разъ—плетьми, когда-то клейменый,
представлялъ изъ себя въ настоящее время сгорбившаг
сѣдого старика, окончатально примирившагося съ каторж
долей. Всего въ каторгѣ Жуковскій пробылъ болѣе 35 лѣ
пора было и примириться! „Да и ноги плохи стали, ва
благородіе, куда убѣжишь? не уйдешь, все равно",—говор
онъ, улыбаясь старческой улыбкой.

У косяка входной двери, съ лѣвой стороны, стоялъ
ловѣкъ средняго роста, коренастый, въ сѣрой арестантс
курткѣ и сѣрыхъ арестантскихъ шароварахъ, заправленн
въ голенищи старыхъ высокихъ сапогъ. Круглое лицо,
мяное, откормленное, съ длинными русыми, подстриженн
въ скобку, волосами на головѣ, съ проборомъ посреди
сильно напоминали приказчика изъ мучного лабаза. Онъ
селю оглядывалъ сѣрыми глазами собравшуюся компанію
стоялъ почтительно, не шевелясь. Подъ лѣвой рукой
держалъ деревянную, продолговатую коробку.

Это былъ знаменитый карійскій палачъ Сашка, единст
ный на всю каторгу „крестный арестантскій батюшка". Ж
живая постоянно въ Средне-Карійской тюрьмѣ, какъ
тральномъ мѣстѣ каторги, онъ, по мѣрѣ надобности, п
двигался пѣшимъ порядкомъ изъ тюрьмы въ тюрьму, п
надзоромъ полицейскаго казака. Передвиженія эти совер
лись обязательно наканунѣ предстоящаго наказанія.
прибытіи, онъ не запирался въ тюремное помѣщеніе
боязни сговора съ наказуемымъ, а ночевалъ въ тюрем
канцеляріи.

— Прибыли, докторъ? Ну, и отлично!—проговорилъ с
ритель, вставая и подавая мнѣ руку.—Здравствуйте! Зд
ствуйте! Какъ поживаете?—зачастилъ онъ сиповатымъ
сомъ.—Захватили все нужное? Ну, конечно, захватили, з
знаю... Иванъ Павловичъ знаетъ свое дѣло, не первый ра
Старый воробей, усовершенствованный... А вы сами, докт
не видывали еще этой комедіи? Интереснаго ничего, н
поучительнаго для нихъ, подлецовъ, много. Смѣю доложи
прохвосты, народъ, отпѣтый,—одно слово варначье, чалд
да еще карійское варначье, каторжное... Гонятъ ихъ на К
со всѣхъ сторонъ тысячами, а тутъ и возись съ ними,
лецами... Восемьсотъ человѣкъ этого варначья въ моей тюр
понапихано. Извольте съ ними повозиться изо дня въ де
Поживете съ ними, докторъ, подольше, узнаете сами... Н
ѣстъ! Только и можно справляться, приглашая почаще Са
да розгачами, розгачами... Ты у меня смотри, Сашка,—о
тился онъ круто къ палачу,—не вздумай фальшивить...
порю и тебя розгами, если замѣчу эту повадку.

— Слушаю, ваше благородіе!—проговорилъ палачъ, тряхнувъ волосами, и смѣющимися глазами оглядѣвъ присутствующихъ.

— Тамъ все готово, Алексѣй Алексѣевичъ?—обратился смотритель къ плѣшивому старику, своему помощнику.

— Все въ готовности,—отвѣчалъ тотъ, пришамкивая.

— Двинемтесь, господа!

Мы двинулись: впереди, размахивая руками, шелъ смотритель, потомъ плѣшивый помощникъ съ казачьимъ урядникомъ, за ними тронулся Сашка, за послѣднимъ и мы съ Иваномъ Павловичемъ.

Иванъ Павловичъ былъ серьезенъ и старался не встрѣчаться со мной глазами.

Я машинально передвигалъ ноги и упорно смотрѣлъ на широкую спину, коренастую фигуру заплечнаго мастера, легкой походкой съ перевальцемъ двигавшагося впереди. Подлѣвымъ плечомъ онъ прижималъ деревянную, четверти три длиною, продолговатую, не окрашенную коробку, которую то и дѣло придерживалъ правой рукой.

Брякнулъ замокъ калитки, вдѣланной въ тюремныхъ воротахъ, и мы перешагнули, одинъ по одному, внутрь ограды.

Восемьсотъ сѣрыхъ человѣческихъ фигуръ, безъ шапокъ на полубритыхъ головахъ, стояли двумя полукружіями отъ тюремной калитки до тюремнаго крыльца. Тишина была въ этой толпѣ поражающая: только изрѣдка слышалось побрякиваніе кандаловъ, при движеніи ногами. Было довольно свѣжо, но солнце свѣтило ярко и играло странными тѣнями на полубритыхъ головахъ...

А мѣсто, къ которому мы подошли, было самаго заурядъ наго свойства. Шагахъ въ десяти отъ тюремнаго крыльца, служившаго входомъ въ тюремное зданіе, была поставлена некрашеная, обыкновенная деревянная скамейка, четверти три шириною, длиною немного болѣе $2^1/_2$ аршинъ. Нижній конецъ ея упирался въ землю, а другой, верхній, на двухъ придѣланныхъ деревянныхъ ножкахъ поднимался отъ земли аршина на полтора; скамейка представляла, такимъ образомъ, наклонную поверхность.

Предъ толпою арестантовъ, выстроенныхъ полукругомъ около скамейки, стояло человѣкъ двѣнадцать казаковъ съ заряженными ружьями, держа ихъ на плечо.

Смотритель, его помощникъ, урядникъ, Иванъ Павловичъ и я остановились у тюремнаго крыльца, обойдя стороной наклонно стоявшую скамейку. Заплечный мастеръ остановился у самой скамейки, съ противоположной стороны.

— Алексѣй Алексѣевичъ,—проговорилъ смотритель, обра-

щаясь къ плѣшивому старику-помощнику,—идите поско
за *тѣмъ*! Пора начинать!

Алексѣй Алексѣевичъ сказалъ что-то уряднику, т
захватилъ съ собою двухъ казаковъ съ ружьями и всѣ
веро вошли въ тюремное зданіе.

Тотъ, т. е. Непомнящій, которому предстояло наказа
сидѣлъ въ полутемномъ тюремномъ карцерѣ, куда удалял
изъ общихъ арестантскихъ камеръ, дня за два, всѣ, к
выходило судебное рѣшеніе наказанія плетьми. Для
практиковалось удаленіе изъ общей камеры—право, не зн
Вѣроятно, тюремное начальство было убѣждено, что выдѣле
на двое-трое сутокъ въ одиночное заключеніе передъ по
ченіемъ *рѣшенія* могло благотворно дѣйствовать на грѣш
душу.

Какъ ни проста была обстановка предстоящей казни ср
нительно съ тѣмъ, что практиковалось лѣтъ двадцать
задъ, — ни барабаннаго боя, ни позорной колесницы,
болтающагося на ней человѣка съ дощечкой на шеѣ
надписью „убійца“, ни эшафота,—тѣмъ не менѣе на м
сильно подѣйствовала эта, повидимому, обычная каторж
картина... Кругомъ тюрьмы четырехъ саженной высоты огр
изъ палей, загораживавшая божій міръ; въ десяти шаг
грязное, покосившееся, облѣзлое зданіе тюрьмы, съ жел
ными рѣшетками въ окнахъ, и сѣрая толпа арестантовъ
кандалами на ногахъ (человѣкъ пять были прикованы
телѣжкамъ-тачкамъ). Вся толпа стояла угрюмо, безъ ва
ховъ, пожалуй, равнодушно... За толпой лежали пара быко
запряженныхъ въ простую водовозную телѣгу, и мирно
вали жвачку.

Трудно передать мои впечатлѣнія въ ожиданіи прих
„рѣшеннаго“: сердце усиленно колотилось, нервная др
пробѣгала по тѣлу, по спинѣ бѣгали мурашки... Я чувс
валъ, что лицо у меня горитъ отъ прилива крови, дрож
ноги, подгибаются колѣни; глаза застилаются слезой...
головѣ проносились какіе-то обрывки мыслей и не было
можности остановиться на чемъ либо...

— Понюхайте спирту, г. докторъ,—проговорилъ тихо Ив
Павловичъ,—вамъ, кажется, дѣлается дурно.

Я поднесъ къ носу склянку съ нашатырнымъ спирт
и закашлялся. Въ корридорѣ тюрьмы послышались торопли
шаги, бряканье кандаловъ, и на крыльцѣ показался стар
высокій человѣкъ съ всклокоченной, клинообразной, сѣ
ватой бородой, съ полуобритой головой, безъ шапки,
наброшенномъ на плечи сѣромъ арестанскомъ халатѣ.
шелъ между двумя конвойными казаками, впереди его ш
плѣшивый Алексѣй Алексѣевичъ, позади—казачій урядни

Быстро спустившись съ крыльца, группа остановилась шагахъ въ двухъ отъ наклонной скамейки.

Громкимъ голосомъ началъ смотритель читать приговоръ суда, и, пока продолжалось чтеніе, я не могъ оторвать глазъ отъ приговореннаго. Онъ стоялъ, понуривъ полубритую голову, постоянно шевеля губами, какъ бы повторяя про себя читаемое, и время отъ времени проводилъ языкомъ по синеватымъ губамъ. Его сгорбленная, старообразная фигура, казалось, становилась ниже и ниже ростомъ, съ каждымъ прочитаннымъ словомъ. Ноги его дрожали все время, невольно побрякивая кандалами... Опущенныя по швамъ руки висѣли, какъ плети, только пальцы рукъ судорожно сгибались и разгибались, бороздя сукно халата. По блѣдно-сѣрому, сухощавому лицу пробѣгали судороги, какъ отъ нестерпимой зубной боли: оно морщилось, ежилось, кривилось, и, наконецъ, онъ истерически зарыдалъ...

— Простите, ваше благородіе, простите Христа ради... помилосердуйте!—рыдая, говорилъ онъ, заплетаясь языкомъ,— не вынести мнѣ, охъ не вынести! смерть моя!

По окончаніи чтенія приговора, онъ упалъ на колѣни, рыдалъ и рыдалъ, стукаясь лбомъ въ землю и приговаривая:—Ваше благородіе, простите! ваше благородіе, простите!

— Взять его!—раздался громкій голосъ Одинцова...

Четверо арестантовъ выскочили изъ толпы, схватили приговореннаго за руки, ноги и голову, сдернули халатъ и въ одно мгновеніе растянули на скамейкѣ; затѣмъ сдернули его бѣлые грязные порты до колѣнъ, забросили на голову грязную бѣлую рубаху и оголили...

Двое изъ нихъ держали за ноги, двое за голову и руки...

— Берегись! Ожгу! — крикнулъ Сашка, очутившись съ правой стороны скамейки, и раздался ударъ... Нечеловѣческій, дикій крикъ, совершенно такой, какой я слышалъ еще ребенкомъ, зазвенѣлъ у меня въ ушахъ:

— О, о, о, о, о! О-о-ой! помилосердуйте!..

Послѣ удара на тѣлѣ показались три синебагровыхъ полосы и засочилась кровь.

Удары повторялись одинъ за другимъ, безконечный вой оглашалъ тюремную ограду, а арестантская кандальная толпа стояла, не шевелясь... Вздувалось, какъ подушка, синебагровое, черное тѣло наказуемаго... слышалась шлепанье плети: такъ! такъ!

— Помилосердуйте! о, о, ой! помилосердуйте! батюшки... отцы родные!..

Два раза въ теченіе наказанія прерывался крикъ лежавшаго, и два раза Иванъ Павловичъ подносилъ ему къ носу

нашатырный спиртъ: опамятуется, очнется человѣкъ,—сно
и снова удары, снова вой и крики.

Кто-то считалъ удары, кажется, Алексѣй Алексѣевичъ,
его громкіе выкрики: „разъ! два! десять! двадцать! двадца
пять! тридцать“! были единственными откликами окружа
шихъ на безконечное: „помилуйте! помилосердуйте“!

Самъ смотритель Одинцовъ, съ выпяченнымъ брюхом
стоялъ, потупя голову, и только изрѣдка взбрасывалъ глазам
на чернѣвшую спину кричавшаго.

— Шестьдесятъ!—выкрикнулъ, наконецъ, счетчикъ.

Привели въ чувство ошеломленнаго безчувственнаго ч
ловѣка. Пульсъ у него былъ нитевидный, слабый, едва ощ
щаемый... Глаза безсмысленно ворочались въ орбитахъ, д
кіе, расширенные, налившіеся кровью... Въ груди бурча
и переливалась накопившаяся мокрота: его тошнило и п
зывало на рвоту... И жалкимъ, жалкимъ, истерзаннымъ, бе
жизненнымъ трупомъ казался онъ съ кандалами на сухи
ногахъ.

Сняли со скамейки, набросили халатъ на плечи, предв
рительно обмотавъ избитое тѣло компрессами со свинцов
примочкой и уложили въ телѣгу, выложенную соломой.

Иванъ Павловичъ примостился съ боку лежавшаго,
телѣга тронулась въ карійскій лазаретъ.

— Въ камеры! маршъ по мѣстамъ! — громкимъ голосо
скомандовалъ смотритель, и толпа кандальныхъ зрителей дв
нулась къ тюремному крыльцу... Было часа четыре.

— Вотъ и покончили службу, докторъ,—теперь закуси
да и выпить не мѣшаетъ!—обратился ко мнѣ смотритель.

— Скверное, подлое положеніе нашего брата, Петръ П
тровичъ,—сказалъ я невольно.

— Что же тутъ подлаго?—отвѣтилъ онъ, пожимая пл
чами,—мерзавецъ получилъ достойно и праведно... Бродя
изъ бродягъ, третій разъ бѣжалъ съ каторги, убѣжитъ и че
вертый!Не безпокойтесь, не околѣетъ! Живучъ ихъ братъ: бьют
бьютъ, а все неймется... Въ ротъ имъ пальца не клади,—
кусятъ! Вамъ все это вновѣ; въ четыре мѣсяца каторги
узнаете, а вотъ поживете годика два-три, и вы ихъ люды
считать не будете. Слышалъ, слышалъ, батюшка, про вас
И къ намъ слухи дошли... Лазаретнаго смотрителя выгна
изъ пріемной, оконфузили передъ конвоемъ и каторжными
Въ морду ударилъ лазаретнаго старосту—эка невидаль!
человѣка оконфузили, да и пріятеля въ немъ не нажили
А безъ пріятелей здѣсь худо, докторъ...

— Спасибо за откровенность, Петръ Петровичъ...

— Не за что! чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ! Не брезгай
нами, мы тоже можемъ пригодиться, народъ мы простой,

съ волками жить, по волчьи выть... Да что-же мы стоимъ на одномъ мѣстѣ?—пойдемте ко мнѣ: закусить и выпить слѣдуетъ. Вѣдь службу окончили! Хе! хе! хе! Да и расписаться вамъ еще приходится.

— Въ чемъ расписаться?

— А въ томъ, милѣйшій докторъ, что вы присутствовали при исполненіи приговора надъ Непомнящимъ,—говорилъ онъ скороговоркой, уже на ходу.

Его казенная квартира была по близости отъ тюремной ограды. Въ одной половинѣ дома жилъ Одинцовъ, другую половину занималъ командующій верхне-карійской пѣшей казачьей сотней, заурядъ-хорунжій Яковъ Львовичъ Б—въ.

Квартира состояла изъ трехъ небольшихъ комнатъ, съ передней и кухней. Одинцовъ жилъ на холостую ногу и въ услуженіи держалъ каторжанку, молодую, здоровую бабу, пришедшую за убійство мужа.

— Эй, Хавроньюшка! Подавай-ка намъ выпить и закусить отъ трудовъ праведныхъ,—командовалъ онъ, лишь только мы переступили порогъ.—Заходите докторъ, милости просимъ—гостемъ будете! А пока судъ, да дѣло, за обѣдомъ и выпивкой покончимъ и дѣльце: вотъ и приговоръ,—распишитесь-ка!

На столѣ появились чернила, перо и судебная бумага.

Мы расписались: смотритель,—что, согласно предписанію управленія Нерчинскими ссыльно-каторжными, отъ такого-то числа, за такимъ-то номеромъ, онъ привелъ въ исполненіе приговоръ Забайкальскаго суда надъ ссыльно-каторжнымъ Непомнящимъ, а я,—что присутствовалъ при исполненіи приговора. Расписались въ томъ же Алексѣй Алексѣевичъ и казачій урядникъ, находившіеся уже въ квартирѣ смотрителя.

Бойкая Хавронья подала на столъ водку и закуску. Началась выпивка по первой и по второй, общіе разговоры о тюремныхъ дѣлахъ, о бѣжавшихъ арестантахъ; объ урокахъ, не законченныхъ каторжными при разрѣзныхъ работахъ; о неудовольствіи, по этому случаю, завѣдующаго ссыльно-каторжными; объ усышкѣ муки, недостачѣ мяса. Но о только что свершившемся никто не вспоминалъ, какъ будто ничего не бывало, какъ будто здѣсь собрались добрые знакомые по любезному зову хозяина на его именины!..

Часамъ къ десяти вечера вернулся я на Нижнюю Кару, на тѣхъ же смотрительскихъ лошадяхъ, съ тѣмъ же кучеромъ Трифономъ. Ни Трифонъ, ни я не перекинулись единымъ словомъ во всю дорогу: всякій думалъ и раздумывалъ самъ про себя...

На вопросъ прибѣжавшаго служителя, изъ каторжныхъ, Петра — „не прикажете-ли чего?“ — я спросилъ — давно-ли привезли наказаннаго?

— Давно, г. докторъ!

— Гдѣ положили?

— Въ восьмой палатѣ.

— Иванъ Павловичъ здѣсь?

— Ушли домой, смѣнились. На мѣсто ихъ Морозовъ.

— Хорошо. Иди себѣ съ Богомъ...

Неприглядная комната, въ которой пришлось мнѣ п мѣститься, чтобы имѣть подъ рукой лазаретъ, показала мнѣ настоящей тюремной камерой. Желѣзныя рѣшет въ окнахъ дополняли сходство. Полное душевное один чество охватило меня. Молодая душа, жаждавшая работ мечтавшая о борьбѣ съ житейскими невзгодами и препя ствіями, столкнулась съ самой горчайшей дѣйствительност жизни! Громкій протяжный крикъ наружнаго часового „сл-ш-а-й“! долетѣлъ снаружи и какъ-то встряхнулъ меня.

Быстро одѣвшись, я пошелъ въ лазаретъ. Отвѣтивъ на окри часового: кто идетъ? — я вошелъ въ полутемный, тридца саженной длины, корридоръ и завернулъ въ пріемную ко нату. Дежурный фельдшеръ, Морозовъ, спалъ сномъ праве ника на казенной кровати; не тревожа его покоя, я пове нулъ обратно и пошелъ по палатамъ, которыхъ было восе надцать.

Полумракъ отъ сальной свѣчки, вставленной въ обыкн венный, самодѣльный фонарь, висѣвшій на бичевкѣ поср динѣ потолка палаты, только, только давалъ возможнос разглядѣть лежавшихъ на кроватяхъ. Я прошелъ одну, дв пять, семь палатъ,—всюду было тихо и спокойно; виднѣли спящія полубритыя головы. Въ восьмой палатѣ мой слух уловилъ стонъ и тяжелое дыханіе. На четвертой кровати от входа, на животѣ, съ оголенной спиной, лежалъ Непомнящі Онъ лежалъ, повернувъ голову направо по подушкѣ, ти стоналъ и бредилъ. Губы его шевелились, языкомъ онъ п водилъ по засохшимъ губамъ; дыханіе было частое и уск ренное. Сидѣвшій рядомъ, на другой кровати, палатный сл житель вскочилъ на ноги.

— Что больной?

— Часто пить проситъ; нутро, должно быть, жжетъ ем а теперь вотъ забылся...

— Иди, отдыхай! Я посижу у больного, когда нужно б детъ, позову.

Служитель вышелъ изъ палаты.

Больной очнулся отъ нашего разговора.

— Испить-бы,—проговорилъ онъ.

Я подалъ пить, приподнявъ его голову, и опять положил на подушку. Сосчиталъ пульсъ: 140, температура 40,2. Нам чивъ компрессъ въ стоявшемъ на табуретѣ тазу съ ледяно

водой, перемѣнилъ прежній, уже нагрѣвшійся. Темно-бурая, кровавая опухоль, величиною въ подушку, занимала нижнюю часть тѣла. Темно-багровыя, припухшія полосы шли поперечно; кровь сочилась во многихъ мѣстахъ изъ нарушеныхъ покрововъ. Опухоль была тверда и горяча на ощупь. Блѣдность покрововъ выше поясницы казалась еще блѣднѣе отъ рѣзкаго контраста.

Всю ночь, до 8 часовъ утра, сидѣлъ я около больного; онъ все время лежалъ на животѣ, шевелилъ губами, облизывая ихъ языкомъ, и тихо бредилъ. Клейменое когда-то лицо, лобъ и щеки, выдавшіяся скулы, всклокоченная сѣдая борода, полуобритая голова, при мерцаніи сальнаго огарка, напоминали изуродованный трупъ. Я сидѣлъ у его кровати, а жгучіе слезы стыда и безпомощности застилали мнѣ глаза...

В. К—въ.

БЕЗЪ ДОЛИ.

I.

Звѣзды мерцаютъ вдали золотистыя,
Всюду разлитъ безмятежный покой;
Тихо плывутъ облака серебристыя
Къ горней обители свѣтлой толпой.
Все, что̀ холоднымъ разсудкомъ осмѣяно,
Все, что̀ несчастьемъ убито во мнѣ,—
Грустью минувшаго счастья обвѣяно,
Снова проснулось въ ночной тишинѣ!
Если бъ всю грязь, что̀ въ душѣ накопилася,
Можно омыть было жгучей слезой,
Я бы опять воскресилъ, что̀ разбилося,
Все, что поругано, смято грозой!..

II.

Пахнутъ травы томительно-сладостно,
На душѣ хорошо и свѣтло!
Хоть усталъ я отъ жизни безрадостной,
Но что было—быльёмъ поросло!
Убѣжалъ я отъ міра жестокаго
На свободу ночною порой...
Ширь степная! меня, одинокаго,
Исцѣли, ободри и укрой!
Не темна моя доля печальная,—
Хоть немного досталося мнѣ:
Степь да ночь, да дороженька дальняя,
Да тоска по родной сторонѣ!..

Г. Вилліамъ.

Естественное право и субъективная соціологія.

По поводу одной новой книги.

I.

Недавно, въ статьѣ „Нужно-ли возрожденіе естественнаго права?“ *) мною было отмѣчено нѣкоторое сходство, существующее, по моему мнѣнію, между „естественнымъ правомъ“ въ новой его постановкѣ и субъективнымъ направленіемъ „русской соціологической школы“ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ Положимъ, названное право и не „право“ вовсе, а если и право то ни въ какомъ уже случаѣ не „естественное“, но вопросъ, конечно, не въ терминологіи, а въ пониманіи самаго существа дѣла, оно же, это существо, заключается въ томъ, что и „естественное право“, и „субъективная соціологія“ ставятъ передъ нашею мыслью одну и ту же задачу не одного только теоретическаго, но и этическаго отношенія къ вопросамъ общественной жизни. Къ сожалѣнію,—указывалъ я при этомъ,—русскіе юристы, воскрешающіе въ наши дни естественное право, совершенно игнорируютъ то, что сдѣлано было русскими соціологами по вопросу, интересующему представителей этого новаго направленія въ современной юриспруденціи. Это было нами обнаружено на разборѣ статьи проф. Гессена, послужившей поводомъ къ написанію нашей замѣтки, и то же самое подтверждается книгой проф. Новгородцева „Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ“ (М. 1901), о которой будетъ идти рѣчь въ настоящей статьѣ.

Книга г. Новгородцева—докторская диссертація, находящаяся въ тѣснѣйшей связи съ его магистерской диссертаціей „Историческая школа юристовъ“ (М. 1896), такъ какъ обѣ темы были ему внушены интересомъ къ судьбамъ естественнаго права въ

---

*) Рус. Бог., 1902 г., апрѣль.

юридической литературѣ. Г. Новгородцевъ принадлежитъ
числу новыхъ юристовъ, стремящихся возродить естестве
право, и при томъ, конечно, вовсе не въ смыслѣ теоріи происхо
нія права, а въ смыслѣ нравственнаго суда надъ правомъ. Э
та же точка зрѣнія, что и г. Гессена, т. е. точка зрѣнія, съ кот
философская теорія права не можетъ ограничиваться одним
нетическимъ и объективнымъ изученіемъ дѣйствительности, а
буетъ еще субъективно-этическаго къ ней отношенія. Все
очень хорошо, и будь г. Новогородцевъ знакомъ съ такъ н
ваемой „субъективной соціологіей", конечно, онъ въ ней нашел
бы много родственныхъ для себя воззрѣній. Но дѣло въ томъ
русскіе юристы, возрождающіе въ настоящее время естестве
право, воспитались почти исключительно подъ вліяніемъ о
нѣмецкой юридической литературы и очень мало (чтобы не
разиться сильнѣе) обращаютъ вниманія на литературу соці
гическую, которая имѣетъ представителей своихъ преимуществе
внѣ Германіи, а именно во Франціи, въ Англіи съ Америко
наконецъ, въ Россіи. Это мы сказали о г. Гессенѣ и это по
ряемъ теперь о г. Новгородцевѣ. Вотъ и частная черта сход
между ними, указывающая на то, что свои взгляды относите
русской соціологической литературы они черпаютъ изъ одно
того же источника, такъ сказать, на слово вѣря этому источн
Въ послѣднемъ десятилѣтіи XIX в. у насъ усиленно пропа
дировался экономическій матеріализмъ, сторонники котораго
чески старались дискредитировать „субъективную соціоло
Если съ какой-либо стороны экономическій матеріализмъ вт
шей литературѣ и встрѣтилъ отпоръ, то именно со стороны
званной соціологической школы. Между тѣмъ, г. Гессенъ, го
сочувственно объ оппозиціи экономическому матеріализму,
объ одномъ изъ важныхъ явленій современности, называет
качествѣ оппонента—одного изъ главныхъ его представите
который только позднѣе отказался отъ свойственнаго этому
правленію догматизма, чтобы стать на критическую точку зр

Равнымъ образомъ и г. Новгороодцевъ, повидимому, знает
однимъ, впрочемъ, исключеніемъ, о которомъ послѣ) лишь т
русскихъ представителей соціологическаго мышленія, кото
писали только въ самое послѣднее время: это именно гг.
дяевъ, Булгаковъ, Випперъ, Кистяковскій, Милюковъ, Петру
скій и Струве, которые всѣ въ большей или меньшей сте
во имя научнаго реализма высказывались противъ субъектив
въ соціологіи, причемъ нѣкоторые изъ нихъ были прямыми
повѣдниками экономическаго матеріализма. Мнѣ думается,
самое представленіе г. Новгородцева о „субъективной соціоло
сложилось подъ вліяніемъ той характеристики ея, какую он
шелъ въ полемическихъ заявленіяхъ сторонниковъ экономичес
матеріализма. Во-первыхъ, самый терминъ былъ пущенъ въ

ими. Во-вторыхъ, кто слѣдилъ за соціологической полемикой въ русской литературѣ въ послѣднемъ десятилѣтіи XIX в. *), тотъ, вѣроятно, не забылъ, съ какою настойчивостью экономическіе матеріалисты твердили, что въ ихъ ученіи чуть-ли не впервые стала проводиться идея закономѣрности общественныхъ явленій и что прежняя соціологическая школа, наоборотъ, чужда этой идеи. Теперь вотъ и г. Новгородцевъ отмѣчаетъ, что противъ субъективной соціологіи „достаточно возражали сторонники научной закономѣрности" (стр. 93), а таковыми въ упомянутой полемикѣ являлись именно проповѣдники экономическаго матеріализма, каковы г. Бельтовъ, Струве и др. Г. Новгородцевъ въ сущности возстаетъ противъ яко-бы допускаемаго „субъективной соціологіей" смѣшиванія или „сливанія вмѣстѣ" теоретическихъ положеній съ нравственными постулатами и думаетъ, что въ данномъ случаѣ къ нему ближе стоятъ „сторонники научной закономѣрности", „чѣмъ субъективные соціологи".

Если бы г. Новгородцевъ лучше былъ знакомъ съ направленіемъ, съ которымъ такъ, повидимому, легко расправляется на двухъ страницахъ своей книги (93—94), то увидѣлъ бы, что въ немъ отнюдь не смѣшиваются между собою задачи научнаго изслѣдованія и этической оцѣнки, и что, напротивъ, представители его очень хорошо понимаютъ разницу между міромъ реальныхъ явленій, какъ предмета науки, изслѣдующей ихъ закономѣрность, и міромъ нашихъ нравственныхъ и общественныхъ идеаловъ, съ точки зрѣнія которыхъ закономѣрно совершающіяся явленія могутъ нами оцѣниваться. Если бы, далѣе, нашъ критикъ внимательнѣе отнесся къ недавней полемикѣ между „матеріалистами" и „субъективистами", то увидѣлъ бы, что и въ ней „субъективисты" занимали прежнюю позицію, тогда какъ ихъ противники проповѣдовали строгій объективизмъ, тѣмъ самымъ отрицая законность особой этической точки зрѣнія рядомъ съ теоретическою, и даже прямо рекомендовали выводить общественные идеалы не изъ самостоятельныхъ принциповъ должнаго, а изъ законовъ, управляющихъ дѣйствительностью. Однимъ словомъ, выходитъ такъ, что упрекъ, дѣлаемый г. Новгородцевымъ со словъ экономическихъ матеріалистовъ соціологамъ - субъективистамъ, эти послѣдніе какъ разъ дѣлали людямъ, признаваемымъ г. Новгородцевымъ—въ этомъ пунктѣ, по крайней мѣрѣ,—за союзниковъ.

Это мы и увидимъ, но прежде о самой книгѣ г. Новгородцева или вѣрнѣе—объ ея основной идеѣ, такъ какъ въ детальный разборъ его труда я не вхожу и даже не намѣреваюсь дать общую его характеристику.

---

*) Примѣры см. въ моей книгѣ «Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ» (Спб., 1896).

Позволю себѣ напомнить читателю то, что было нами с
зано въ названной выше статьѣ объ естественномъ правѣ вооб
Тамъ именно было отмѣчено, что въ понятіи естественнаго пр
слиты были воедино идеальная норма права и предполагае
его общая естественная основа, т. е. долженствующее быт
дѣйствительно существующее. Реакція противъ идеи естествен
права породила новыя юридическія ученія, которыя не тол
стали отвергать существованіе какого-то естественнаго пра
лежащаго въ основѣ всякаго положительнаго права, но и
обходимость творчества нравственныхъ идеаловъ въ области пр
Современное воскрешеніе естественнаго права въ юридичес
литературѣ касается не теоретической проблемы объ его прои
жденіи, рѣшаемой нынѣ совершенно инымъ образомъ безъ
кихъ метафизическихъ предположеній, а именно этическаго
проса о томъ, чѣмъ должно быть право, дабы удовлетворить
щимъ нравственнымъ отъ него требованіямъ. На такой, впо
правильной точкѣ зрѣнія стоитъ и г. Новгородцевъ. Для н
„центръ естественно-правовой доктрины заключался вовсе не
ея взглядѣ на происхожденіе права, а въ вопросѣ о возможно
нравственнаго суда надъ нимъ". Поэтому, говоритъ онъ, „и
ресъ при изслѣдованіи идеи естественнаго права долженъ б
переставленъ отъ вопроса объ условіяхъ правообразованія
проблемѣ о самостоятельномъ значеніи нравственной оцѣ
явленій". Съ этимъ утвержденіемъ почтеннаго автора я со
шенно согласенъ, какъ и съ слѣдующими затѣмъ словами: „
нетическая точка зрѣнія не покрываетъ собою этической и в
сто того, чтобы отвергнуть эту послѣднюю, она сама должна б
отвергнута въ своихъ исключительныхъ притязаніяхъ" (стр.
Ставя такой тезисъ,—который охотно приняли бы уже четве
вѣка тому назадъ русскіе соціологи-субъективисты въ полем
съ объективистами, стоявшими за полное уравненіе гуманит
ныхъ наукъ съ естествознаніемъ,—г. Новгородцевъ указыва
на то, что родоначальникомъ идеи о самостоятельномъ значе
этической точки зрѣнія былъ Кантъ, чѣмъ и объясняется осо
интересъ, возбуждаемый въ авторѣ этимъ философомъ при изс
дованіи идеи естественнаго права.

Пропуская большое введеніе (стр. 1 — 42), въ которо
г. Новгородцевъ, главнымъ образомъ, защищаетъ право фи
софскаго изученія идей противъ односторонняго историзма
повторяетъ при этомъ многіе аргументы, уже прежде бывшіе
ходу у „субъективистовъ" противъ односторонняго объективи
(см., напр., стр. 16), мы отмѣтимъ, прежде всего, что авто
очень подробно знакомитъ читателя съ тѣмъ, какъ смотрѣли
интересующій его вопросъ до Канта (стр. 43—72). „Вообще,
говоритъ онъ, — если до-кантовской философіи права чего-л
недоставало, такъ это яснаго представленія о нравственной ав

номіи личности, о самостоятельномъ достоинствѣ и значеніи отдѣльнаго человѣка“ (стр. 53). Это былъ одинъ недостатокъ, другой же состоялъ въ томъ, что въ разсматриваемой философіи по вопросу объ отношеніи естественнаго права къ положительному господствовала „полная путаница понятій“ (стр. 63). Заслуга Канта заключалась въ томъ, что онъ установилъ разграниченіе теоретическаго и практическаго разума, провозгласивъ вмѣстѣ съ тѣмъ самостоятельность этическаго начала. Пользуясь понятіями нашей старой соціологіи, мы могли бы сказать, что до Канта субъективное не было отдѣлено отъ объективнаго, что Кантъ первый строго разграничилъ объективно-научное пониманіе дѣйствительности и предъявленіе ей субъективно-этическихъ требованій, и что онъ хорошо сдѣлалъ, поставивъ субъективизмъ рядомъ съ объективизмомъ, т. е. не ограничилъ нашего идейнаго отношенія къ дѣйствительности однимъ теоретическимъ ея изслѣдованіемъ съ запрещеніемъ творчества идеаловъ и нравственной оцѣнки явленій, какъ того требовали односторонніе „позитивисты“. Важно для насъ и то, что Кантъ утвердилъ идею самостоятельнаго достоинства и значенія человѣческой личности: кто знакомъ съ исторіей возникновенія русскаго соціологическаго субъективизма, тотъ очень хорошо долженъ помнить, что исходнымъ пунктомъ этого направленія была именно идея личности въ ея этическомъ пониманіи *).

Г. Новгородцевъ особенно настаиваетъ на важности проведеннаго Кантомъ разграниченія. „Тѣ изъ современныхъ послѣдователей Канта,—говоритъ онъ,—которые ближе стоятъ къ его основамъ, воспроизводятъ это разграниченіе съ большою строгостью. Руководящимъ стремленіемъ первой области полагаютъ открытіе законовъ существованія, основною цѣлью второй области —установленіе нормъ долженствованія. Отсюда вытекаетъ различіе научнаго объясненія и нравственной оцѣнки. Никогда норма должнаго,—продолжаетъ нашъ авторъ,—не можетъ стать принципомъ объясненія или законъ природы — основаніемъ для оцѣнки. Поэтому-то никоимъ образомъ нельзя замѣнять одну дѣятельность разума другою, и столь же невозможно путать ихъ между собою, примѣняя, напримѣръ, оцѣнку по нормамъ тамъ, гдѣ слѣдуетъ произвести объясненіе по законамъ“ (стр. 92). Этой-то простой истины, по мнѣнію г. Новгородцева, и не понимаетъ „субъективная соціологія“, которая будто бы, какъ онъ утверждаетъ, „смѣшиваетъ двѣ области, столь удачно разграниченныя Кантомъ“, внося „элементъ этической оцѣнки въ теоретическое изслѣдованіе“ и „сливая вмѣстѣ двѣ потребности разума къ одинаковому ущербу для науки и для этики“. По словамъ

*) См. нашу статью «*Теорія личности*» *П. Л. Лаврова* (Историч. Обозр., т. XII).

г. Новгородцева выходитъ такъ, будто „субъективная соціолог возвратилась „къ до-кантовской философіи права или къ старо направленію юриспруденціи, которое представляло собою спл ное смѣшеніе нравственныхъ постулатовъ съ теоретическими ложеніями“ (стр. 94).

Г. Новгородцевъ привѣтствуетъ возвращеніе къ кантовск разграниченію, видя въ этомъ возвращеніи, повидимому, како совершенно новое явленіе и называя въ русской литературѣ, к сторонниковъ возврата къ идеализму, гг. Струве, Булгак Бердяева, т. е. представителей направленія, которое снач хвалилось своимъ объективизмомъ и только послѣ совершив гося въ немъ кризиса стало возвращаться къ традиціямъ „суб тивной соціологіи“. Если бы, повторяю, г. Новгородцевъ б лучше знакомъ съ литературой „субъективной соціологіи“, увидѣлъ бы, что гг. Струве и Бердяевъ въ своей книгѣ, о торой говорится на стр. 98 его труда, только возвратились отвергнутому экономическими матеріалистами соціологическ субъективизму *).

Нашъ авторъ привѣтствуетъ и „*новое* движеніе, стремящ возстановить права этики“, а вмѣстѣ съ нимъ и „проявляющ *въ послѣднее время* (курсивъ въ обоихъ случаяхъ нашъ) стре ніе отстоять особое этическое разсмотрѣніе яаленій на ряду теоретическимъ“ (стр. 99). Смѣю его увѣрить, что и въ эт отношеніи русскіе писатели, на которыхъ онъ ссылается, по ряютъ лишь то, что въ русской „субъективной соціологіи“ мо было прочесть тридцать лѣтъ тому назадъ. Въ частности минаемая г. Новгородцевымъ статья г. Кистяковскаго „Катег необходимости и справедливости при изслѣдованіи соціальн явленій“, каковы бы ни были ея идейные источники, не ситъ ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что тридцать л тому назадъ въ своихъ многочисленныхъ статьяхъ проповѣдо покойный Лавровъ, который, кстати сказать, какъ никто, по луй, изъ нашихъ позитивистовъ, возстановлялъ „права этики

Привѣтствуетъ г. Новгородцевъ современное направлені за то, что оно „старается показать недостаточность научн данныхъ при построеніи идеаловъ будущаго и на этомъ осн ваетъ права этики“ (стр. 100). Читая эти строки, такъ и п носишься въ недавнее время полемики съ экономическими м ріалистами. Они-то тогда и стояли на той точкѣ зрѣнія, кото съ такою настойчивостью опровергаетъ г. Новгородцевъ, т какъ права этики именно защищали ихъ оппоненты. Если те многіе изъ экономическихъ матеріалистовъ сочувственно п руются г. Новгородцевымъ, то произойти могло это лишь вслѣд

*) См. мою статью «Поворотъ экономическаго матеріализма къ су ивной соціологіи» (Рус. Вѣд. за 1901 г., № 3)..

ихъ поворота къ Канту, оказавшагося въ данномъ случаѣ и поворотомъ къ „субъективной соціологіи“.

Разсмотрѣнное г. Новгородцевымъ разграниченіе у Канта теоретической и этической областей онъ считаетъ важнымъ въ томъ отношеніи, что оно „служитъ фундаментомъ для идеи естественнаго права, какъ обосновываетъ ее Кантъ“. „При посредствѣ этого дуализма,—говоритъ нашъ авторъ,— естественно-правовыя стремленія утверждаются на почвѣ самозаконнаго нравственнаго сознанія и становятся недоступными для возраженій историзма. Но въ свою очередь и они оставляютъ историзмъ неприкосновеннымъ, какъ *теорію, имѣющую значеніе только въ извѣстныхъ предѣлахъ*“ (стр. 100). Подъ этими словами, я думаю, подписался бы каждый „субъективистъ“ и въ особенности, мнѣ кажется, Н. К. Михайловскій.

Такова положительная сторона постановки вопроса у Канта. Г. Новгородцевъ разбираетъ и отрицательную. Не входя въ анализъ всего ученія Канта, отмѣтимъ лишь, что результатомъ его стремленія поставить моральную свободу человѣка внѣ всякихъ связей съ эмпирическими побужденіями, было то, что у него „вся область морали отрывалась отъ міра дѣйствительности и превращалась въ чистую идею“ (стр. 104). Въ философіи Канта поэтому произошелъ разрывъ между нравственнымъ закономъ и опытнымъ міромъ“ (стр. 106). По той же причинѣ Кантъ „указалъ вѣрно различіе нравственности отъ права, но связи ихъ установить не могъ“ (стр. 111). То же самое г. Новгородцевъ находитъ и по отношенію къ связи между моралью и политикой (стр. 127). Все это, однако, не помѣшало Канту вѣрно понять идею естественнаго права, т. е. „отношеніе его къ праву положительному, какъ отношеніе нравственнаго требованія къ дѣйствительнымъ установленіямъ. Согласно взгляду Канта,—говоритъ г. Новгородцевъ,—естественное право представляетъ собою нравственный критерій для оцѣнки, существующей независимо отъ фактическихъ условій правообразованія. Оригинальность и заслуга его въ ученіи объ естественномъ правѣ заключается именно въ томъ, что онъ поставилъ это ученіе совершенно независимо отъ тѣхъ или другихъ взглядовъ на происхожденіе права“ (стр. 147). Въ такомъ пониманіи естественно-правовая идея, по выраженію автора, „знаменуетъ собою независимый и самостоятельный судъ надъ положительнымъ правомъ. Это—призывъ къ усовершенствованію и реформѣ во имя нравственныхъ цѣлей“ (стр. 150). Къ сожалѣнію, и при всемъ томъ Кантъ на дѣлѣ всетаки „воздвигаетъ глухую стѣну между идеаломъ и дѣйствительностью“ (стр. 155).

Есть, значитъ, какой-то пробѣлъ въ самой постановкѣ вопроса о реальномъ и идеальномъ. Самъ г. Новгородцевъ указываетъ на то. что „современные послѣдователи Канта стремятся

исправить его односторонность и возстановить связь между н
ственнымъ закономъ и опытнымъ міромъ“ (стр. 106).

Но еще раньше, чѣмъ за это дѣло стали браться теперем
философы, ту же задачу разрѣшилъ по своему Гегель, кото
объединилъ идеи бытія и долженствованія, сливъ вмѣстѣ но
тивный моментъ съ онтологическимъ (стр. 182). Конечно,
было ложнымъ шагомъ. „Смѣшеніе должнаго и сущаго въ о
ной сферѣ,—говоритъ г. Новгородцевъ,—приводитъ съ естест
ной необходимостью къ искаженію каждаго изъ этихъ поня
(стр. 183). Сказано это вполнѣ справедливо, но г. Новгородц
должно быть извѣстно, что до поворота нашихъ экономическ
матеріалистовъ къ Канту, еще тогда, когда они были гегельянц
(какъ скоро все это мѣнялось!), какъ-разъ соціологическіе суб
тивисты находили, что у экономическихъ матеріалистовъ дѣйс
тельное и разумное чрезмѣрно смѣшиваются между собою и д
сливаются вмѣстѣ.

Сопоставляя по интересующему насъ пункту взгляды Ка
и Гегеля, г. Новгородцевъ, конечно, постоянно отдаетъ пре
чтеніе первымъ, прослѣживая и въ частностяхъ разные слу
смѣшенія этическаго и онтологическаго моментовъ въ филос
Гегеля. Между прочимъ, знаменитый берлинскій профессоръ
въ началѣ XIX столѣтія проповѣдовалъ идею, очень похожу
принципъ крайнихъ объективистовъ. Гегель,—говоритъ наш
торъ,—рѣшительно отвергаетъ попытки построенія должнаго
собственнаго сердца, чувства и воодушевленія“. Идея долж
кажется ему „проявленіемъ суетности и обособленности лич
мнѣнія, которое, враждуя съ существующимъ, пренебрегаетъ
ковой работой разума и хочетъ начинать все сызнова“ (
208). Mutatis mutandis, то же самое говорили у насъ эконом
скіе матеріалисты противъ „субъективной философіи“: теперь
возвращаются къ послѣдней, при чемъ ихъ путь отъ Гегеля
житъ черезъ Канта.

Шагъ впередъ, сдѣланный Гегелемъ сравнительно съ К
томъ въ области философіи права, усматривается г. Новгоро
вымъ въ томъ, что у Гегеля этика перестаетъ быть чисто и
видуальной и пріобрѣтаетъ общественный характеръ (стр. 2
а это дѣлаетъ ее и болѣе подходящею для построенія сист
естественнаго права. Въ русской соціологической литературѣ
койный Лавровъ давно уже поставилъ проблему индивидуал
на ту почву, расчистка которой кажется г. Новгородцеву, п
димому, только дѣломъ самыхъ новыхъ писателей, а въ ихъ
слѣ г. Бердяева (стр. 225).

Насъ, впрочемъ, въ виду самой темы настоящей статьи, не
жетъ здѣсь занимать вообще отношеніе г. Новгородцева ко во
вопросу объ юридическихъ и политическихъ воззрѣніяхъ Ка
и Гегеля. Мы извлекли изъ книги все наиболѣе важное,

только характеризуетъ взглядъ г. Новгородцева на сущность естественнаго права. Для него ученія обоихъ философовъ — „два основныхъ типа этической мысли, которые являются классическими даже въ своихъ недостаткахъ“ (стр. 244). Отмѣтивъ односторонности обоихъ (вѣра въ одни личныя усилія у Канта и подчиненіе личнаго момента общественному у Гегеля), г. Новгородцевъ видитъ бо́льшую опасность тамъ, гдѣ „пормативвая точка зрѣнія смѣшивается съ соціально-философской или поглощается ею, какъ это было у Гегеля. Правильное отношеніе состоитъ въ ихъ сосуществованіи и взаимномъ признаніи“ (стр. 245).

Мы видѣли, что взаимныя отношенія теоретической и нормативной точекъ зрѣнія въ „субъективной соціологіи“ кажутся г. Новгородцеву совершенно неправильными. Къ разсмотрѣнію этого вопроса мы теперь и перейдемъ.

II.

Когда экономическіе матеріалисты, нападавшіе на „субъективную соціологію“, останавливались на отдѣльныхъ ея представителяхъ, то называли Лаврова, Н. К. Михайловскаго и пишущаго эти строки. Въ книгѣ г. Новгородцева эти критики названы „сторонниками научной закономѣрности“, словно мы были ея противниками, и возраженія, сдѣланныя намъ, кажутся автору „достаточными“ (стр. 93). Я, однако, позволяю себѣ усомниться, достаточно ли самъ г. Новгородцевъ знакомъ съ писателями, проповѣдовавшими субъективизмъ въ соціологіи. При этомъ я говорю не о себѣ, потому что какъ разъ по отношенію ко мнѣ имъ сдѣлано исключеніе, такъ какъ въ доказательство того, что мы всѣ смѣшиваемъ между собою и сливаемъ вмѣстѣ теоретическіе и нормативные элементы, авторъ приводитъ три небольшихъ выдержки изъ моего „Введенія въ изученіе соціологіи“. Къ строкамъ, цитируемымъ г. Новгородцевымъ, я еще вернусь, когда очередь дойдетъ до того, что можно назвать „pro domo sua“, самое же важное въ данномъ случаѣ, это—вопросъ вѣрности или невѣрности приговора нашего автора надъ „субъективной соціологіей“, смѣшивающей, по его словамъ, „двѣ области, столь удачно разграниченныя Кантомъ“. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, лучше всего, конечно, обратиться къ разсмотрѣнію взглядовъ Лаврова и г. Михайловскаго и къ болѣе полной передачѣ моихъ взглядовъ, нежели та, которая (моими, впрочемъ, словами) сдѣлана въ трехъ приведенныхъ г. Новгородцевымъ фразахъ.

По вопросу о субъективизмѣ въ соціологіи и о томъ, что это такое—„методъ“ или „элементъ“, представители разсматриваемаго направленія не во всемъ были между собою согласны, но среди

нихъ не было никакихъ разногласій относительно необходимо строгаго различенія между теоретической и практической фи софіей. На этомъ послѣднемъ пунктѣ мы только и останови на слѣдующихъ страницахъ.

Чтобы показать, какъ другіе толкуютъ ученіе Лаврова, я с лаю выписку изъ статьи о немъ въ „Энциклопедическомъ с варѣ“ Брокгауза-Ефрона (т. XVII, стр. 216), въ основѣ кото лежитъ работа г. Колубовскаго „Philosophie in Russland“ въ 103 т „Zeitschrift für Philosophie“. Для Лаврова „философская мы есть спеціально мысль объединяющая, теоретически-творчес Она черпаетъ весь свой матеріалъ изъ знанія, вѣрованія и пр тическихъ побужденій, но вноситъ во всѣ эти элементы требо ніе единства и послѣдовательности. *Всякое мышленіе* *) *и д ствіе предполагаетъ, съ одной стороны, міръ, какъ онъ есть, закономъ причинности, связывающимъ явленія, съ другой — можность постановки нами цѣлей и выбора цѣлей по кат ріямъ пріятнѣйшаго, полезнѣйшаго, должнаго...* Исходною т кою философскаго построенія является человѣкъ, провѣряю себя *теоретически* и *практически* и развивающійся въ об житіи“. „Нравственныя побужденія“ и „научное мышленіе“— отдѣльныя категоріи въ философіи Лаврова. „Нравственная жи начинается въ элементарной формѣ выработкою представлені личномъ достоинствѣ и стремленіемъ воплотить его въ жизни“, куда у Лаврова выводится и „требованіе нравственности обществ ной, заключающейся въ укрѣпленіи и расширеніи обществен солидарности“. Ставя соціологіи задачу изслѣдованія именно э солидарности, онъ находилъ, что названная наука „охватываетъ только *существующія уже формы человѣческаго общежитія*, и тѣ *общественные идеалы*, въ которыхъ человѣкъ надѣется о ществить болѣе солидарное, а вмѣстѣ и болѣе справедливое об житіе, и тѣ *практическія задачи*, которыя вытекаютъ изъ стр ленія осуществить эти идеалы“.

Вотъ короткое, но очень ясное изложеніе взглядовъ Лавр по интересующему насъ вопросу. Съ одной стороны, теорети ская область знанія и вѣрованія, съ другой — область практи скихъ побужденій, міръ, какъ онъ есть, въ качествѣ предм научнаго мышленія, и міръ идеаловъ, выростающій на по нравственныхъ побужденій. Основная идея Лаврова въ этой в рой области—личное достоинство человѣка, совершенно кант ская идея, и я прибавлю еще, что въ ученіи Лаврова о нр ственномъ долгѣ, въ эпоху господства у насъ утилитаристи скихъ воззрѣній, слышится отголосокъ категорическаго импе тива Канта. Отношеніе соціологіи Лаврова къ обществу двойн существующія общественныя формы сами по себѣ (категорія д

*) Курсивъ нашъ.

ствительнаго), общественный идеалъ самъ по себѣ (категорія должнаго). Онъ не смѣшивалъ этихъ двухъ категорій, и въ его любимомъ лозунгѣ: „истина и справедливость“ различены были въ сущности именно обѣ названныя категоріи.

Это толкованіе приведеннаго мною изложенія взглядовъ Лаврова по интересующему насъ пункту можно было бы подкрѣпить массою выдержекъ изъ философскихъ работъ самого Лаврова, и мы это когда-нибудь сдѣлаемъ, здѣсь же ограничимся немногимъ.

Уже въ одной изъ первыхъ своихъ работъ „Очерки вопросовъ практической философіи“ (1860), указывая на необходимость разработки „теоріи личности“, Лавровъ различалъ двѣ разныя точки зрѣнія, научную и этическую. „Къ чему теорія личности? скажутъ иные. Безчисленныя проповѣди нравственныхъ философовъ не сдѣлали слушателей совершеннѣе. Подъ вліяніемъ физическаго устройства, обстоятельствъ жизни и общества, личность развивается по необходимымъ законамъ и не можетъ быть лучше, какъ она есть“. Такимъ оппонентамъ, „смотрящимъ на личность съ безстрастіемъ ученыхъ наблюдателей“, авторъ возражалъ, ссылаясь на то, что въ личности происходитъ извѣстная психическая работа, переходящая въ дѣйствіе и тѣмъ самымъ вводящая насъ въ практику жизни. Практическая философія, которой была посвящена одна изъ первыхъ работъ перваго по времени русскаго соціолога, строго отдѣлялась имъ отъ философіи теоретической уже въ то время, когда онъ болѣе всего проявлялъ на себѣ вліяніе лѣваго гегельянства, главнымъ образомъ при посредствѣ Фейербаха, который, какъ и другіе представители его лагеря, очень рѣзко выставлялъ на видъ противоположность между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, что должно быть. Позднѣе на Лаврова оказалъ большое вліяніе позитивизмъ Конта, но онъ не примкнулъ къ числу тѣхъ послѣдователей Конта, которые ограничивали наше идейное отношеніе къ жизни въ философіи однимъ научнымъ знаніемъ безъ предъявленія къ ней этическихъ требованій: въ этомъ вѣдь смыслѣ Лавровъ и выступилъ защитникомъ субъективизма противъ объективизма. Ему предстояло не столько разграничивать (потому что въ этомъ не было надобности при наклонности большинства позитивистовъ отрицать законность этической точки зрѣнія), сколько доказывать необходимость сочетанія обѣихъ точекъ зрѣнія, т. е. того ихъ „сосуществованія и взаимнаго признанія“, которое находитъ правильнымъ и самъ г. Новгородцевъ. Со многими частями аргументаціи Лаврова мы сами несогласны, но это не касается основной точки зрѣнія о „сосуществованіи и взаимномъ признаніи“, и г. Новгородцевъ не могъ бы найти въ соціологіи Лаврова ни одного мѣста, въ которомъ примѣнялась бы „оцѣнка по нормамъ“ въ случаяхъ, требующихъ „объясненія по законамъ“... „къ одинаковому ущербу для науки и для этики“.

Субъективизмъ г. Михайловскаго не совпадаетъ вполнѣ съ

субъективизмомъ Лаврова, но и у него нѣтъ приписываем г. Новгородцевымъ смѣшенія двухъ точекъ зрѣнія. Конечно, лучше самъ могъ бы, если бы нашелъ нужнымъ, защитить с отъ упрека, дѣлаемаго г. Новгородцевымъ „субъективной соі логіи“, но и я позволю себѣ сказать кое-что по этому пово Замѣчу, что мои взгляды на такъ называемый „субъективный тодъ“ во многомъ не сходятся со взглядами г. Михайловска и въ нѣкоторыхъ существенныхъ пунктахъ вопроса я приним критическія замѣчанія г. Южакова *), но по тому пункту, ко рый интересуетъ г. Новгородцева, мы всѣ солидарны и съ его с роны подвергаемся упреку совершенно незаслуженно. Быть жетъ, г. Михайловскій даже менѣе всего подаетъ поводовъ обвиненію въ смѣшеніи категорій реальнаго и идеальнаго.

Вотъ что читаемъ мы, напр., въ одной полемической ста г. Михайловскаго, изъ которой онъ сдѣлалъ большую выдержку предисловіи къ послѣднему изданію своихъ сочиненій: „Прав истина, разлученная съ правдою-справедливостью, правда тео тическаго неба, отрѣзанная отъ правды практической земли, все оскорбляла меня, а никогда не удовлетворяла. И наоборотъ, б городная житейская практика, самые высокіе нравственные общественные идеалы представлялись мнѣ всегда обидно-безси ными, если они отворачивались отъ истины, отъ науки. Я нико не могъ повѣрить и теперь не вѣрю, чтобы нельзя было на такую точку зрѣнія, съ которой правда-истина и правда-спра ливость являлись бы рука объ руку, одна другую пополняя. всякомъ случаѣ, выработка такой точки зрѣнія есть высшая задачъ, какія могутъ представиться человѣческому уму... Б боязненно смотрѣть въ глаза дѣйствительности и ея отраженіі правдѣ-истинѣ, правдѣ объективной, и въ то же время охран правду-справедливость, правду субъективную—такова задача в моей жизни. Не легкая эта задача... Слишкомъ часто люди, лагая спасти нравственный или общественный идеалъ, отвора ваются отъ непріятной истины, и, наоборотъ, другіе люди, л объективнаго знанія, слишкомъ часто норовятъ поднять гол фактъ на степень незыблемаго принципа“. Итакъ, г. Михайл скій различаетъ объективную правду-истину и субъективн правду-справедливость, дѣйствительность съ ея необходимос и идеалъ съ его долженствованіемъ, науку и этику. Онъ не „с шиваетъ ихъ между собою“, не „сливаетъ вмѣстѣ“, но счита нужнымъ, чтобы онѣ шли рука объ руку, одна другую дополн Истина можетъ быть непріятной, но она остается истиной наука не терпитъ никакого ущерба отъ того, что дѣйствите ность подвергается этической оцѣнкѣ, какъ не страдаетъ и эти когда тѣ или другіе благородные идеалы оказываются передъ

*) См. мое «Введеніе въ соціологію» (Спб. 1897), стр. 326 и слѣд.

учной критикой обидно-безсильными, хотя бы и оставаясь по-прежнему благородными. Мало того: въ своихъ автобіографическихъ признаніяхъ авторъ приведенныхъ словъ разсказываетъ намъ, какую внутреннюю борьбу онъ вынесъ въ свое время, сознавъ несовпаденіе обѣихъ правдъ. Въ частности я посовѣтовалъ бы г. Новгородцеву обратить свое вниманіе на такую статью г. Михайловскаго, какъ „Идеалы человѣчества и естественный ходъ вещей". Въ этой статьѣ, какъ и во множествѣ другихъ разсужденій этого писателя на ту же тему, г. Новгородцевъ нашелъ бы немало иллюстрацій къ признаваемому имъ антагонизму теоретическаго и практическаго разума (стр. 76). Г. Новгородцевъ находитъ достаточною критику „субъективной соціологіи" у „сторонниковъ научной закономѣрности", не зная, повидимому, того, что въ первомъ періодѣ этой критики они считали нелѣпымъ обсужденіе естественнаго хода вещей съ точки зрѣнія человѣческихъ идеаловъ.

Подвергая философской оцѣнкѣ русскій соціологическій субъективизмъ, не нужно вообще упускать изъ виду исторіи если не возникновенія его, то его формулировки. Онъ явился на сцену, какъ протестъ противъ тѣхъ позитивистовъ въ общественной наукѣ, которые совершенно разлучали этику съ наукой и желали знать только правду-истину, иногда даже „норовя при этомъ поднимать голые факты на степень незыблемыхъ принциповъ", какъ это можно сказать, наприм., о соціологахъ-дарвинистахъ, подвергавшихся критикѣ г. Михайловскаго.

Пишущій эти строки выступилъ впервые со своими заявленіями о субъективномъ элементѣ въ соціологіи тоже въ качествѣ оппонента противъ того „объективизма", который проповѣдовался съ нѣкоторыхъ юридическихъ каѳедръ. Въ 1879 г. въ московскомъ юридическомъ обществѣ я прочиталъ рефератъ о субъективизмѣ въ соціологіи, который былъ потомъ напечатанъ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ" *). Это было время, когда юридическое преподаваніе въ Московскомъ университетѣ, дѣятельность юридическаго общества и веденіе названнаго изданія были сильно оживлены рядомъ молодыхъ профессоровъ, воззрѣнія которыхъ болѣе или менѣе были проникнуты духомъ позитивизма въ его объективистическомъ толкованіи. Сочувствуя ихъ борьбѣ съ „метафизикой", я не раздѣлялъ ихъ „объективизма", проповѣдниками котораго выступали проф. Муромцевъ, Ковалевскій и др. Отрицательное отношеніе второго изъ нихъ къ естественному праву было мною отмѣчено и недавно въ упоминавшейся уже статьѣ „Нужно-ли возрожденіе естественнаго права?" Что касается до проф. Муромцева, то его „позитивистическая попытка представить право

*) Перепечатанъ въ моихъ «Историко-философскихъ и соціологическихъ этюдахъ».

исключительно, какъ фактическое и реальное явленіе", недавно пришла на память и г. Новогородцеву (стр. 158). Такимъ образомъ, первое заявленіе, сдѣланное мною о своей принадлежности къ субъективистамъ, было протестомъ противъ направленія, такъ сказать, отрицавшаго этику ради науки. Съ другой стороны, въ послѣдніе годы, до поворота экономическихъ матеріалистовъ отъ Гегеля къ Канту, приходилось полемизировать противъ другого пониманія взаимныхъ отношеній между субъективнымъ и объективнымъ, т. е. противъ положенія, будто субъективное творчество идеаловъ совершенно излишне въ виду того, что, дескать, объективное изслѣдованіе естественнаго хода вещей само даетъ намъ все то, чего мы думаемъ достигнуть путемъ указаннаго творчества. Говорю все это потому, что многія мѣста моихъ заявленій о субъективизмѣ имѣютъ значеніе только возраженій противъ односторонности объективистовъ и недоразумѣнія, лежавшаго въ основѣ первоначальнаго взгляда экономическихъ матеріалистовъ. Въ трехъ выдержкахъ изъ моего „Введенія въ соціологію", сдѣланныхъ въ книгѣ г. Новгородцева, говорится именно о необходимости *восполненія односторонности* объективистическаго отношенія къ обществу внесеніемъ въ пониманіе его и этическаго элемента. Самъ г. Новгородцевъ находитъ, что я „совершенно правъ настаивая на возможности этихъ двухъ точекъ зрѣнія", но, по его мнѣнію, я „впадаю въ противорѣчіе съ самою сущностью науки, когда требую, чтобы она приносила въ свою сферу этическій элементъ" (стр. 93). Другими словами, я смѣшиваю, спутываю или сливаю въ одно нераздѣльное цѣлое „научное объясненіе", т. е. „открытіе законовъ существованія", съ одной стороны, и „установленіе нормъ долженствованія" и вытекающую отсюда „нравственную оцѣнку явленій", съ другой, или не дѣлаю различія между „объясненіемъ по законамъ" и „оцѣнкою по нормамъ", (стр. 92) „смѣшиваю практику съ теоріей", какъ еще выражается г. Новгородцевъ, характеризуя, вообще точку зрѣнія „субъективной соціологіи" (стр. 93).

Г. Новгородцевъ судитъ о моихъ взглядахъ на основаніи „Введенія въ соціологія", и именно изъ этой книги я сдѣлаю нѣсколько выписокъ, дабы читатель самъ могъ видѣть, насколько я на самомъ дѣлѣ во всемъ вышесказанномъ повиненъ.

Нѣкоторые писатели XVIII в., сказано у меня въ началѣ главы объ объективизмѣ и субъективизмѣ, „создавали системы, которыя должны были не только представить, каковы настоящіе принципы идеальнаго устройства, но и объяснить, на какихъ началахъ основывается въ самой дѣйствительности общественная жизнь человѣка. Пріемы, годные для рѣшенія вопроса о томъ, каково должно быть общество, прилагались къ рѣшенію вопроса о томъ, что представляетъ собою общество въ дѣйствительности, и вотъ тутъ-то наблюденіе, какъ выражается Контъ, совершенно

подчинялось воображенію *). Таково первое различіе между субъективизмомъ и объективизмомъ. Это—*различіе двухъ задачъ, которыя, конечно, не должны смѣшиваться одна съ другою,* но изъ коихъ одна отнюдь не мѣшаетъ другой. Оставаясь строго вѣрными требованію *научнаго* объективизма въ области *изслѣдованія общественныхъ явленій,* мы въ то же самое время можемъ воображать такія соціальныя формы, которыя удовлетворяли бы наше *нравственное чувство* или вообще соотвѣтствовали бы нашимъ *представленіямъ о должномъ.* Въ данномъ случаѣ субъективизмъ только *дополняетъ* объективизмъ, и весь вопросъ заключается въ томъ, нуждается-ли соціологія въ такомъ дополненіи или нѣтъ" (Введеніе, стр. 297—298).

„Къ человѣку и ко всему человѣческому, а въ томъ числѣ и къ обществу, кромѣ отношеній теоретическаго (научнаго), эмоціональнаго (эстетическаго) и утилитарнаго, грубо-практическаго, можетъ существовать еще особаго рода отношеніе, которое мы называемъ этическимъ (стр. 305)... Нужно, однако, имѣть въ виду, что эта точка зрѣнія не есть нѣчто противоположное точкѣ зрѣнія теоретической и прямо ее исключающее: одна только *дополняетъ* другую и при томъ лишь тамъ, гдѣ это требуется существомъ дѣла" (стр. 307).

А вотъ какъ говорится о различіи задачъ: „научный объективизмъ и этическій субъективизмъ одинъ другому не противорѣчатъ. Одинъ долженъ совершенно *безпристрастно констатировать факты* и *безпристрастно же дѣлать выводы изъ данныхъ посылокъ,* не заботясь о томъ, чтобы результаты изслѣдованія были намъ пріятны или совпадали съ нашими желаніями. Задача этическаго субъективизма — *безпристрастно оцѣнивать* объективно констатированные факты и *безпристрастно же дѣлать тѣ или другія нравственныя заключенія,* отправляясь отъ дознанныхъ истинъ, хотя бы оцѣнка эта и эти заключенія вызывали въ насъ горькое чувство и разрушали въ нашихъ глазахъ дорогія намъ иллюзіи" (стр. 309—310).

„*Справедливость* требованій еще *не гарантируетъ научности* тѣхъ принциповъ, на которыхъ эти требованія хотятъ обосновать, равно какъ и *не оправдываетъ съ научной точки зрѣнія* тѣхъ средствъ, при помощи которыхъ эти требованія пытаются осуществить. Можно быть морально правымъ, и неправымъ научно" (стр. 314).

Пусть читатель теперь самъ рѣшитъ, правъ ли г. Новгородцевъ, обвиняя „субъективную соціологію" въ грубомъ смѣшеніи задачъ чисто теоретической науки и этики. Правда, онъ приводитъ

---

*) Замѣчу, что понятія наблюденія и воображенія стоятъ въ родствѣ съ понятіями изслѣдованія и творчества, т. е. отыскиванія законовъ сущаго и идеаловъ должнаго.

мѣста изъ моей книги, говорящія, повидимому, въ его пользу, но это происходитъ отъ того, что мѣста эти вырваны изъ контекста, въ которомъ они имѣютъ совсѣмъ иное значеніе, а именно заключаютъ въ себѣ протестъ противъ тѣхъ соціологовъ, которые считаютъ возможнымъ изслѣдовать и объяснять соціальныя явленія, исключая изъ числа этихъ явленій—мысли, чувства, стремленія, словомъ, весь внутренній міръ людей, живущихъ или жившихъ въ изслѣдуемыхъ и объясняемыхъ общественныхъ формахъ. Это уже защита не этической оцѣнки, а *психологическаго изслѣдованія*, которое само уже вызываетъ *этическую оцѣнку*. Здѣсь, собственно говоря, затрогивается вопросъ, котораго прямо не касается книга г. Новгородцева *).

Однимъ словомъ, сами субъективисты могли бы подписаться подъ формулировкой правильнаго отношенія между теоретическимъ и этическимъ, выставляемой г. Новгородцевымъ противъ меня: „мораль,—говоритъ онъ,—проявляетъ свою особенность въ томъ, что она судитъ, независимо отъ закономѣрности, раскрываемой наукой, съ другой стороны, наука по необходимости должна быть индифферентна къ выводимымъ изъ нея результатамъ: она ищетъ законовъ, раскрываетъ причины явленій, и, кромѣ этого, ничего не знаетъ“ (стр. 94). Но это не устраняетъ вопроса о необходимости, чтобы одна точка зрѣнія считалась съ другою, сохраняя свою самостоятельность, и потому не смѣшиваясь съ этою другою точкою зрѣнія.

Ставя вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ соціологіи и этики, я, между прочимъ, затронулъ въ своемъ „Введеніи“ и вопросъ о взаимныхъ отнощеніяхъ права и морали. Г. Новгородцевъ долженъ былъ найти тамъ взглядъ на естественное право, тоже совпадающій съ его взглядомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ общимъ духомъ „субъективной соціологіи“.

Этотъ взглядъ таковъ:

„Естественное право есть не что иное, какъ юридическое выраженіе истинъ нравственнаго порядка... Историческая школа отвергла идею естественнаго права во имя права положительнаго. Это было въ нѣкоторомъ родѣ замѣною въ юриспруденціи субъективизма объективизмомъ. Не отрицая научныхъ заслугъ исторической школы, мы не можемъ, однако, не отмѣтить, что упомянутая замѣна была до извѣстной степени разлученіемъ юриспруденціи съ этикой“ (стр. 318).

И съ точки зрѣнія „субъективной соціологіи“ на той же страницѣ, откуда взяты сейчасъ лишь приведенныя строки, только-что начинавшееся у насъ тогда (въ 1896 г.) возрожденіе естественнаго права привѣтствовалось, какъ возстановленіе связи

*) При томъ «изучать» можно и ради знанія дѣйствительности, и ради ея оцѣнки, и «понимать» явленіе тоже можно въ двухъ смыслахъ.

между философіей права и этикой безъ ошибокъ прежней метафизической доктрины естественнаго права. Мы и теперь привѣтствуемъ это возрожденіе, если оно будетъ держаться истинныхъ требованій научности и просвѣтленнаго нравственнаго сознанія.

Н. Карѣевъ.

О томъ, когда павлинъ чрезвычайно радуется.

Вопіющая нужда нашей деревни въ медицинской помощи до такой степени очевидна, что ее не рѣшаются отрицать даже такіе неунывающіе оптимисты, которые вообще, во всѣхъ случаяхъ. весьма склонны повторять шаблонное: „все обстоитъ благополучно“.

Недостаточность медицинскаго персонала въ Россіи не есть какое-нибудь специфическое явленіе, свойственное исключительно лишь медицинской профессіи, но служитъ лишь частнымъ выраженіемъ общаго явленія: малочисленности образованныхъ людей въ Россіи. Если русской деревнѣ недостаетъ научно-образованныхъ врачей, то ей недостаетъ также, наприм., и научно-образованныхъ адвокатовъ. Мало того, не смотря на всѣ выгоды, присвоенныя служебной карьерѣ, и наше правительство, и наше дворянство не могутъ найти достаточнаго числа лицъ съ высшимъ образованіемъ для замѣщенія даже наиболѣе значительныхъ должностей мѣстнаго управленія. Читатели „Русс. Бог“. помнятъ, конечно, двѣ статьи г. М. К. (въ 4 № за 1901 г. и въ 3 № за 1902 г.), въ которыхъ разсматривался „образовательный цензъ“ земскихъ начальниковъ, уѣздныхъ предводителей дворянства, предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ и исправниковъ. Они помнятъ, конечно, что по даннымъ г. М. К. среди этихъ должностныхъ лицъ людей съ высшимъ образованіемъ оказалось: среди предводителей—40,79%, среди земскихъ начальниковъ—30,80%, среди предсѣдателей — 29,41%, среди исправниковъ—1,96%. Очевдино, людей съ высшимъ образованіемъ въ Россіи такъ мало, что ихъ не хватаетъ для уѣзда, не говоря уже о деревнѣ (несомнѣнно, не вполнѣ хватаетъ ихъ и для высшихъ губернскихъ должностей, но относительно этого у насъ нѣтъ точныхъ данныхъ), и если недостаточность врачебнаго персонала осо-

бенно очевидна, то это объясняется, *между прочимъ*, тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ остальныя должности могутъ быть замѣщены людьми со среднимъ и даже низшимъ образованіемъ, а функцію врача можетъ выполнять лишь человѣкъ со спеціальнымъ высшимъ образованіемъ...

Очевидно, естественнымъ выходомъ изъ этого печальнаго и опаснаго положенія можетъ быть только принятіе мѣръ для увеличенія въ Россіи числа людей съ высшимъ образованіемъ вообще и съ высшимъ медицинскимъ образованіемъ въ частности. Однако, именно этого-то единственно-логичнаго выхода и не желаютъ весьма многіе; поэтому у насъ постоянно появляются различные проекты, стремящіеся создать для деревни особаго рода врачей, врачей, такъ сказать, упрощеннаго типа: то подымается вопросъ о преподаваніи въ семинаріяхъ медицины (именно „медицины", а не просто гигіены, которую, конечно, полезно было бы преподавать и не въ однѣхъ семинаріяхъ); то вырабатывается проектъ объ образованіи особаго класса „лѣкарей-практиковъ"; то, наконецъ, говорятъ о необходимости создать „среднія медицинскія школы". Этотъ послѣдній проектъ обсуждался недавно нашими газетами, и хотя надняхъ появилось категорическое сообщеніе, что въ правительственныхъ сферахъ въ настоящее время не возникало вопроса объ упрощенной медицинѣ, тѣмъ не менѣе мы считаемъ небезполезнымъ сказать нѣсколько словъ относительно этого проекта, ибо новаго возникновенія такого или подобнаго проекта всегда можно ожидать до тѣхъ поръ, пока наша деревня будетъ оставаться лишенною медицинской помощи; а, къ сожалѣнію, нѣтъ основанія предполагать, чтобы положеніе дѣлъ въ этомъ отношеніи измѣнилось къ лучшему въ ближайшемъ будущемъ.

Всѣ разсужденія защитниковъ упрощенной медицины сводятся къ слѣдующему: врачей у насъ очень мало, но мы слишкомъ бѣдны, чтобы имѣть достаточное число вполнѣ образованныхъ врачей; слѣдовательно, нужно заняться фабрикаціей полуобразованныхъ, но дешево стоющихъ врачей. Если авторы подобныхъ проектовъ имѣютъ въ виду лишь то, чтобы медицинская безпомощность деревни не мозолила намъ глаза, чтобы *на бумагѣ* числилось, что деревня достаточно снабжена медицинскимъ персоналомъ, тогда ихъ проекты являются вполнѣ цѣлесообразными; но если они думаютъ, что послѣ осуществленія ихъ проектовъ деревнѣ *дѣйствительно* будетъ обезпечена медицинская помощь, тогда, какъ намъ кажется, нужно предварительно доказать, что проектируемые ими полуобразованные врачи дѣйствительно будутъ въ состояніи успѣшно лѣчить своихъ паціентовъ. А этого то именно авторы проектовъ и не доказываютъ.

Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ поднятъ вопросъ о созданіи „лѣкарей-практиковъ", обучаемыхъ медицинѣ по упро-

щенной программѣ, мы писали въ „Русск. Бог.“ (1893 года № 12, статья: „Одинъ изъ „современныхъ“ проектовъ“) слѣдующее: „Авторы проекта о лѣкаряхъ-практикахъ, очевидно, судили о медицинской дѣятельности по аналогіи съ какимъ-нибудь ремесломъ. Они, вѣроятно, разсуждали такъ: „Свѣтская дама заказываетъ свои платья у Ворта; это стоитъ ей сотни и тысячи рублей, но за то „божественный“ Вортъ соорудитъ ей такое платье, которое не только подчеркнетъ все, что есть красиваго въ ея тѣлѣ, но еще и присочинитъ не мало добавочныхъ красотъ. Деревенская-же модница, принужденная обращаться къ грошовой портнихѣ, получитъ отъ нея платье, способное обезобразить самую красивую фигуру. Однако, въ концѣ концовъ, обѣ онѣ, и свѣтская дама и деревенская модница, будутъ имѣть одежды, одинаково удовлетворяющія своему единственному назначенію защиты отъ холода и прикрытія наготы. Точно также могутъ поступать и больные. Городской житель обратится къ образованному врачу, который поставитъ тонкій діагнозъ и начертаетъ сложный планъ лѣченія; а деревенскій людъ пусть обращается къ своему лѣкарю-практику, который, правда, немножко ошибется въ діагнозѣ, немножко неправильно будетъ лѣчить, но, всетаки, его больной немножко выздоровѣетъ, а немножко, правда, и... умретъ“.

„Но дѣло въ томъ, что въ медицинѣ не можетъ быть „немножко“ и „отчасти“. Нельзя отчасти выздоровѣть, отчасти умереть. Немножко неправильное лѣченіе по своимъ результатамъ ничѣмъ не отличается отъ совершенно неправильнаго лѣченія“.

Теперь, когда вновь поднятъ вопросъ о созданіи полуобразованныхъ врачей, мы не встрѣтили у защитниковъ этого проекта ничего, что могло бы опровергнуть вышеприведенное наше разсужденіе. Г. К. Толстой—главный представитель проекта „средней медицинской школы“, рисуетъ, напримѣръ въ 9503 № „Нов. Врем.“ передъ нами такую картину: „въ пригородѣ, въ селѣ, въ деревнѣ... (имѣется) лиценціатъ, человѣкъ, умѣющій не только кровь пустить или вывихъ вправить, какъ наши старые фельдшера, но и артерію перевязать и ампутацію сдѣлать, когда время не терпитъ, и, кромѣ того, распознать тифъ и прослѣдить за діэтой тифознаго больного; распознать нефритъ и посадить въ ванну нефритика; назначить ртуть сифилитику; во время пустить въ глаза атропинъ, во время замѣтить появленіе эпидеміи и провести свыше предписанныя противъ нея мѣры или даже самъ таковыя придумать, указать кому слѣдуетъ на негодность питьевой воды, уговорить кого нужно лечь въ городскую больницу для производства сложной операціи, научить бабу толково кормить ребятъ, произвести поворотъ, наложить щипцы и проч. и проч.“.

Въ этой идиллической картинкѣ мы видимъ нашего „лиценціата“ не только въ роли терапевта, хирурга, акушера, окулиста, но еще и въ роли гигіениста, администратора и даже просто до-

брожелательнаго совѣтчика. Не доказано лишь одно, а именно то, что нашъ полуобразованный „лиценціатъ“ дѣйствительно сумѣетъ все это хорошо выполнить.

Прежде, чѣмъ перейти къ болѣе детальному разсмотрѣнію вышеприведеннаго утвержденія г. К. Толстого, мы отмѣтимъ слѣдующій характерный эпизодъ. Въ той-же своей статьѣ онъ говоритъ слѣдующее: „Деревня наша пока еще не въ состояніи оплатить полноправнаго врача, съ его хотя и скромными, но все же слишкомъ для нея высокими житейскими требованіями не только матеріальными но и духовными. А лиценціатъ будетъ проще. Зарабатывая въ деревнѣ 300 — 500 р. (преимущественно „натурою“—хлѣбомъ, сѣномъ, яйцами), получивъ небольшое вознагражденіе отъ земства или правительства за агентуру, да живя можетъ быть на родинѣ въ своемъ маленькомъ хозяйствѣ, занимаясь, пожалуй, какой-нибудь торговлей, онъ проживетъ припѣваючи“. Въ подстрочномъ примѣчаніи г. К. Толстой спрашиваетъ: „Не пора-ли намъ, въ самомъ дѣлѣ, отрѣшиться отъ того взгляда, по которому всякія такія занятія (какъ занятія торговлей) считаются профанаціей науки?“ И такъ, лиценціатъ г-на К. Толстого будетъ вдобавокъ ко всему еще и торговецъ. А такъ какъ тотъ же самый г. К. Толстой издалъ въ 1900 году брошюру (напечатанную „по распоряженію Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей“) „Потребленіе алкоголя, какъ предметъ научныхъ изслѣдованій“, въ которой между прочимъ, на стр. 31 мы читаемъ, что *„въ извѣстныхъ границахъ, при извѣстныхъ условіяхъ, весьма часто встрѣчающихся, но плохо изученныхъ, алкоголь для большинства представляетъ собою предметъ первой необходимости“*, — то насъ только удивляетъ, почему это г. К. Толстой не сдѣлалъ одного шага дальше и не предложилъ соединить должность „лиценціата медицины“ съ должностью сидѣльца въ казенной винной лавкѣ. Вѣдь такой совмѣститель могъ бы не только „научить бабу толково кормить ребятъ“, но еще и научить мужика „толково“ пить водку.

Но возвратимся къ идиллической картинѣ г-на К. Толстого. Мы оставимъ безъ разсмотрѣнія роль „лиценціата“, какъ благого совѣтчика, уговаривающаго мужика лечь въ городскую больницу; оставимъ безъ разсмотрѣнія его роль, какъ администратора, во время сообщающаго куда слѣдуетъ о появленіи эпидеміи (это можетъ сдѣлать и учитель, и священникъ, и толковый староста); оставимъ, наконецъ, безъ разсмотрѣнія его роль, какъ гигіениста, указывающаго негодность питьевой воды,—это послѣднее (и многое иное въ томъ же родѣ) гораздо удобнѣе можетъ сдѣлать учитель, внушая элементарныя понятія о гигіенѣ воспріимчивымъ дѣтскимъ умамъ, привыкшимъ, къ тому же, вообще получать авторитетныя указанія и разъясненія отъ своего учителя, тогда какъ торговецъ-лиценціатъ будетъ обращаться со своими непро-

шенными совѣтами къ закоренѣлымъ въ предразсудкахъ взрослымъ людямъ. Разсмотримъ только роль лиценціата, какъ врача въ узкомъ смыслѣ слова. Мы видѣли, что этотъ лиценціатъ г-на К. Толстого распознаетъ тифъ, распознаетъ нефритъ и посадитъ больного въ ванну, во-время пуститъ въ глазъ атропинъ и т. п. Боюсь, что этотъ лиценціатъ какъ разъ именно „не во-время" пуститъ въ глазъ атропинъ. Но болѣе детально можно говорить лишь о болѣе опредѣленныхъ указаніяхъ г-на К. Толстого: о тифѣ и нефритѣ. Прежде всего, насъ крайне удивляетъ утвержденіе автора, что лиценціатъ посадитъ нефритика въ ванну (о ваннѣ при тифѣ г. Толстой почему-то не говоритъ, хотя и тутъ она была бы очень умѣстна): вѣдь, по проекту г. К. Толстого, его лиценціатъ не будетъ стоять во главѣ больницы, а въ такомъ случаѣ, не думаетъ ли г. К. Толстой, что въ крестьянскихъ избахъ можно устраивать ванны?! Затѣмъ, хотя г. К. Толстой и врачъ, но онъ говоритъ о распознаніи тифа и нефрита (очевидно, подразумѣвается и не одинъ лишь тифъ и нефритъ) съ такою легкостью, которая прилична лишь публикѣ, не знакомой съ трудностями, связанными съ постановкою діагноза. Г. Вересаевъ въ своихъ „Запискахъ врача", конечно, нѣсколько сгустилъ краски при описаніи тѣхъ затрудненій, которыя угрожаютъ правильности діагноза, но, всетаки, его точка зрѣнія далеко ближе къ истинѣ, чѣмъ легкомысленныя утвержденія г. К. Толстого о томъ, что его полуобразованный торговецъ-лиценціатъ такъ легко и просто поставитъ свой діагнозъ. Г. К. Толстому, конечно, хорошо извѣстно, что, напримѣръ, относительно діагноза тифа постоянно появляются все новые и новые, все болѣе тонкіе способы діагностированія: ему, конечно, извѣстно, что даже „проба Видаля" не даетъ абсолютнаго указанія, а продѣлать что-либо вродѣ „пробы Видаля" нашъ торговецъ-лиценціатъ не будетъ имѣть никакой возможности, какъ вслѣдствіе ограниченности своихъ свѣдѣній, такъ и вслѣдствіе отсутствія соотвѣтствующихъ научныхъ инструментовъ. Но этого мало: вѣдь, терапевтическое вмѣшательство при лѣченіи самаго тифа, какъ извѣстно, довольно ограничено: важны, главнымъ образомъ, всевозможныя осложненія; а это ведетъ къ необходимости рѣшать при каждомъ новомъ заболѣваніи каждый разъ новую сложную и неопредѣленную загадку. Авторы проектовъ упрощенной медицины разсуждаютъ такъ, какъ будто бы медицина выработала уже вполнѣ точные шаблоны лѣченія каждой болѣзни; какъ будто бы при лѣченіи больныхъ можно пользоваться готовыми формулами лѣченія, *не понимая, въ сущности, какую цѣль преслѣдуетъ составитель этой формулы,* т. е. не понимая на какой физіологическій эффектъ надѣются при включеніи въ данную лѣкарственную формулу того или иного средства. Вѣдь г. К. Толстой предлагаетъ обучить своихъ лиценціатовъ всего въ теченіе трехъ лѣтъ „не

перегружая (?!) ученика теоретическими знаніями", при чемъ, конечно, предложеніе „не перегружать" знаніями сдѣлано лишь потому, что г. К. Толстому было неловко сказать на чистоту: „не сообщая ученику теоретическихъ знаній". А если лиценціатъ будетъ лишенъ теоретическихъ знаній, то, слѣд., онъ будетъ лишенъ и возможности отнестись сознательно къ лѣкарственнымъ формуламъ и видоизмѣнять и комбинировать ихъ, сообразно съ видоизмѣненіемъ и комбинированіемъ болѣзненныхъ процессовъ.

Въ сущности, защищать проекты, вродѣ проекта г. К. Толстого, можно только, исходя изъ того совершенно ложнаго положенія, будто деревенскому врачу достаточно умѣть лѣчить болѣе простыя болѣзни. Самъ г. К. Толстой, очевидно, не рѣшился открыто стать на эту точку зрѣнія. Но одинъ изъ его послѣдователей, г. Алкановъ, обнаруживаетъ бо́льшую откровенность: въ № 9510 „Нов. Вр." онъ уже не говоритъ ни о тифахъ, ни о нефритахъ; онъ говоритъ просто о чесоткѣ, перемежающейся лихорадкѣ, ревматизмѣ (не упоминая о томъ, что ревматизмъ страшенъ, главнымъ образомъ, своимъ осложененіемъ со стороны сердца), бронхитахъ и мелкихъ травматическихъ поврежденіяхъ. Но стоитъ-ли изъ-за этого заводить многочисленный и въ концѣ концовъ поглощающій милліоны рублей штатъ лиценціатовъ? Вѣдь чесотка такая болѣзнь, что больной всегда можетъ дождаться пріѣзда земскаго врача или того времени, когда онъ самъ будетъ имѣть время съѣздить къ этому врачу. То же самое, въ значительной степени, можно сказать и о перемежающейся лихорадкѣ (въ нашемъ климатѣ), не говоря уже о томъ, что теперь не только каждый сельскій учитель, каждый священникъ, каждая помѣщица, но и почти каждый крестьянинъ знаетъ о существованіи хинина и вѣритъ въ его цѣлебное свойство. Что касается бронхитовъ, то они сами собою пройдутъ, если, конечно, крестьянинъ не будетъ принужденъ мокнуть и мерзнуть, занимаясь полевыми работами, извозомъ и т. п. Да крестьянинъ больной только бронхитомъ и не считаетъ себя больнымъ и не будетъ лѣчиться. Наконецъ, и мелкія травматическія поврежденія пройдутъ сами собою, особенно, если сельскій учитель научитъ своихъ учениковъ понимать всю негигіеничность неопрятности. А въ такомъ случаѣ, стоитъ-ли, повторяю, бросать милліоны рубл. и создавать многотысячный контигентъ лиценціатовъ лишь для того, чтобы они лѣчили лишь тѣ болѣзни, которыя или сами собою проходятъ, или могутъ быть излѣчены и безъ помощи врача?

Г. Алкановъ пытается опереться на примѣръ Западной Европы. Онъ говоритъ: „изъ западныхъ государствъ народное врачеваніе наиболѣе раціонально поставлено въ Англіи, и мы видимъ, что тамъ, наряду съ врачами, получившими высшее обра-

зованіе на медицинскихъ факультетахъ, работаютъ и въ несравненно большемъ количествѣ такъ называемые common practitioner'ы, не обладающіе университетскими дипломами." „Не служитъ-ли,—восклицаетъ онъ далѣе,—этотъ примѣръ наилучшей практической постановки врачебнаго дѣла противовѣсомъ утопическимъ положеніямъ, созданнымъ на почвѣ теоретическаго увлеченія?" Отвѣчаю: не служитъ, и не служитъ по той простой причинѣ, что такого примѣра совсѣмъ не существуетъ, что самое утвержденіе г. Алканова ложно, что *никакихъ common practitioner'овъ въ Англіи не существуетъ.* Авторъ самоувѣренно берется разсуждать о томъ, чего онъ не знаетъ: онъ, вѣроятно, слышалъ отъ кого-нибудь, что въ Англіи существуютъ General practitioner'ы и, не зная хорошенько въ чемъ дѣло, перепутавши даже термины, съ легкимъ сердцемъ вздумалъ пугнуть своихъ противниковъ примѣромъ Англіи. Дѣло въ томъ, что медицинская профессія въ Англіи такъ дифференцировалась, что это отразилось даже и на языкѣ. Говоря о врачѣ, въ Англіи не называютъ его, какъ у насъ, общимъ именемъ врача, а называютъ или physician, т. е. въ сущности терапевтъ, или surgeon, т. е. хирургъ. Конечно, дифференціація врачей идетъ въ Англіи и далѣе, т. е. и терапевты, и хирурги дѣлятся по спеціальностямъ, но языкъ закрѣпилъ лишь это первичное и основное дѣленіе. Однако, сверхъ тѣхъ врачей, которые только терапевты или только хирурги, въ Англіи есть довольно многочисленный классъ врачей, которые являются и терапевтами и хирургами; эти-то врачи и называются въ Англіи General practitioner'ами. *По своему образовательному цензу они совершенно равны, какъ physician'амъ, такъ и surgeon'амъ,* но только, живя, наприм., въ деревнѣ, гдѣ нѣтъ достаточнаго числа врачей на каждую спеціальность, они лѣчатъ всѣ болѣзни. Слѣдов., эти General practitioner'ы въ Англіи есть то же самое, что у насъ земскіе врачи, которые тоже по образовательному цензу равны врачамъ-спеціалистамъ, но не могутъ спеціализоваться въ виду условій деревенской практики.

Такимъ образомъ „примѣръ Англіи" оказался легкомысленно выдуманной сказкой. Какъ въ Западной Европѣ, такъ и въ Россіи всѣ понимающіе дѣло люди хлопочутъ не о сокращеніи, не объ упрощеніи обученія медицинѣ, а объ удлиненіи и усложненіи этого обученія. Мы считаемъ весьма вѣроятнымъ, что передовыя страны Западной Европы скоро перейдутъ къ тому, чтобы обязать молодыхъ врачей по окончаніи ими университета прослужить года два младшими врачами при различныхъ больницахъ, руководимыхъ болѣе опытными врачами. А наши прожектеры какъ разъ въ это самое время предлагаютъ сократить обученіе. Единственное подобіе довода, приводимое обыкновенно всѣми этими господами, заключается въ указаніи на нашу бѣдность: нѣтъ денегъ, нѣтъ средствъ, вопіютъ они; но если бы, вмѣсто этого, они ясно видѣли, какъ

убыточна даже съ чисто матеріальной точки зрѣнія медицинская необезпеченность народа, то они вмѣсто малодушныхъ воплей о томъ, что денегъ нѣтъ, сказали-бы твердо: государство, имѣющее почти двухмилліардный бюджетъ, должно найти деньги на медицину, какъ должно оно найти деньги и на народное образованіе, ибо, помимо всего прочаго, это—два самыхъ производительныхъ расхода, какіе только можно себѣ представить.

Наши прожектеры, желая замаскировать вопіющую нужду народа, желая дать вмѣсто медицинской помощи одну только (дорогостоющую въ концѣ концовъ) видимость ея, для большаго контраста съ будущимъ процвѣтаніемъ народнаго здоровья при попечительствѣ торговцевъ-лиценціатовъ, черными красками изображаютъ нынѣшнее положеніе медицины въ деревнѣ. Но при этомъ выходитъ такое курьезное совпаденіе обстоятельствъ. Г. Алкановъ въ № 9505 „Нов. Врем.“ пишетъ: „Неудивительно... что на Руси процвѣтаетъ и та громадная темная сила, представителями которой являются знахари, бабушки, дѣды, вѣдуны, вѣдуньи, *нерѣдко вступающіе въ борьбу съ научною медициною и иногда торжествующіе, благодаря невѣжеству темной массы*“. Намъ крайне любопытно было прочитать подобныя строки именно въ „Нов. Вр.“, въ томъ самомъ „Нов. Вр.“, которое тутъ-же рядомъ ведетъ энергическую кампанію въ защиту одного изъ подобныхъ знахарей и въ посрамленіе научной медицины. Напрасно врачи старались образумить редакцію „Нов. вр.“. Напрасно раздался авторитетный голосъ въ сентябрьской книжкѣ „Извѣстій императорской военно-медицинской академіи“, который напомнилъ, что „тибетская медицина не представляетъ для врачей ничего таинственнаго. Это остатки древней египетской и греческой медицины, занесенной черезъ Индію въ Тибетъ еще со временъ походовъ Александра Македонскаго. Изъ этой-же медицины развилась и современная врачебная наука. Но по сравненію съ послѣдней тибетская медицина то же, что лепетъ ребенка по отношенію къ рѣчи взрослаго человѣка. Мало того, здоровые научные зачатки древней врачебной науки въ Тибетѣ сильно изуродованы“ („Научная и Тибетская медицина“. стр. 93). Далѣе тотъ-же авторъ приводитъ изъ книги прославляемаго „Нов. Вр.“ „тибетскаго врача“ Бадмаева нѣсколько выдержекъ, наглядно показывающихъ, какую цѣну имѣетъ эта излюбленная „Нов. Вр.“ тибетская медицина. Вотъ, напр., одна изъ этихъ выдержекъ: „Отравленная пища имѣетъ особенный цвѣтъ, запахъ и вкусъ; брошенная въ огонь при сгораніи отравленная пища даетъ дымъ, похожій на цвѣтъ павлиньихъ перьевъ и особенное пламя; горѣніе сопровождается особыми звуками: лебедь и воронъ при видѣ этого пламени издаютъ особенные крики, а павлинъ чрезвычайно радуется“.— Повторяемъ, напрасны были всѣ эти увѣщанія и доводы; „Нов. Время“ продолжало слѣпо вѣрить въ своего знахаря. Такимъ образомъ,

съ одной стороны „Нов. Вр.“ предлагаетъ намъ бросить милліоны рублей для созданія хотя-бы видимости научной медицины въ деревнѣ, утѣшая насъ тѣмъ соображеніемъ, что, всетаки, эти quasi-научные торговцы-лиценціаты отвлекутъ народъ отъ знахарей, а съ другой стороны то же самое „Нов. Вр.“ повергаетъ всю научную медицину къ ногамъ своего излюбленнаго знахаря и негодуетъ на то, что столичные врачи не позволяютъ этому знахарю хозяйничать въ ихъ больницахъ. Такимъ образомъ, очевидно, что сила знахарей основана не на одномъ только отсутствіи въ мѣстѣ ихъ дѣятельности представителей научной медицины, но еще и на „невѣжествѣ темной массы“, какъ справедливо выразился въ вышеприведенной цитатѣ г. Алкановъ, хотя бы эта „темная масса“ и умѣла писать въ газетахъ.

Какъ эта защита знахарства противъ научной медицины, такъ и эта проповѣдь борьбы со знахарствомъ при содѣйствіи полуобразованныхъ торговцевъ-лиценціатовъ,—все это одинаково характерно для того отравленнаго „дыма“ нашей публицистики, при видѣ котораго, говоря словами „тибетской мудрости“, „павлинъ чрезвычайно радуется“.

П. Мокіевскій.

Новыя книги.

Умеръ талантъ!.. Повѣсть **А. А. Лугового.** Спб. 1902.

Умеръ талантъ... Но передъ смертью онъ много и краснорѣчиво говорилъ съ г. Луговымъ или съ лицомъ, отъ имени котораго ведется разсказъ, и тотъ записалъ его рѣчи, прибавивъ къ нимъ кое-какія свѣдѣнія о покойникѣ отъ себя. Такимъ образомъ составилась „повѣсть“, въ которой всего два дѣйствующія лица,—точнѣе не дѣйствующія, а говорящія, потому что никакого дѣйствія въ повѣсти нѣтъ. Это не бѣда, конечно: повѣсть, такъ повѣсть, и отчего же не послушать, хотя бы и подъ этимъ, не совсѣмъ подходящимъ названіемъ, рѣчей талантливаго человѣка и его друга.

Смерть есть удѣлъ всякой жизни. Тѣмъ не менѣе, когда человѣкъ умираетъ, близкіе къ нему люди горюютъ (иногда, впрочемъ, и радуются), а когда умираетъ „талантъ“, у котораго близкихъ несравненно больше, чѣмъ у незамѣтныхъ рядовыхъ людей, мы либо оплакиваемъ похороненныя вмѣстѣ съ нимъ надежды, либо съ благодарнымъ умиленіемъ вспоминаемъ его заслуги. Но во всякомъ случаѣ надежды или заслуги или и то, и

другое вмѣстѣ, должны быть на лицо. Относительно „таланта“ г. Лугового мы этого не знаемъ. Изъ повѣсти видно только, что это былъ человѣкъ чрезвычайно высокаго о себѣ мнѣнія и чрезвычайно раздраженный тѣмъ, что это высокое мнѣніе не раздѣляется другими. Отъ чего же умеръ этотъ „талантъ“ (будемъ ужъ такъ называть его въ угоду автору повѣсти)?

„Талантъ“ разсказываетъ, отъ чего умеръ Вл. Соловьевъ, вѣрнѣе, заднимъ числомъ пророчествуетъ отъ чего онъ умретъ. „Талантъ“ описываетъ убогую обстановку, въ которой онъ засталъ однажды Соловьева. Оказывается, однако, что ему случалось видѣть Соловьева и „въ барскихъ помѣщеніяхъ“; такъ что та, убогая, обстановка была выбрана послѣднимъ не по нуждѣ, а добровольно, въ силу „діогеновскаго равнодушія къ внѣшнимъ условіямъ жизни“, а въ „барскихъ помѣщеніяхъ“ онъ, повидимому, не могъ „безъ помѣхи, безъ заботы отдаваться своему любимому труду“. И вотъ,— пророчитъ „талантъ“,—„когда онъ преждевременно, непремѣнно преждевременно, умретъ, скажутъ, что онъ умеръ „отъ философіи“ или отъ своей непрактичности, или еще проще—отъ какой-нибудь болѣзни. И никто не рѣшится сказать правду: что онъ и преждевременно состарился, и умеръ отъ отсутствія сердечнаго попеченія о немъ со стороны общества, которое, повидимому, носилось съ нимъ больше, чѣмъ съ кѣмъ бы то ни было другимъ“. Такъ вотъ отъ этого самого умеръ и „талантъ“ г. Лугового, а совсѣмъ не „отъ какой-нибудь болѣзни“. Есть, однако, и разница. Соловьевъ никогда не нуждался въ средствахъ и выбиралъ себѣ обстановку по своему вкусу и настроенію, а „талантъ“ г. Лугового нуждался постоянно; Соловьевъ печатался гдѣ хотѣлъ, — въ Аксаковской-ли „Руси“ или въ „Вѣстникѣ Европы“, а „таланту“ часто возвращали изъ редакцій его труды; въ „авансахъ“ Соловьеву, надо думать, не отказывали, а „таланту“ отказывали часто; о Соловьевѣ критика говорила много, и если не всегда благосклонно, то иногда даже съ преувеличенною хвалою, а о „талантѣ“ она либо молчала, либо отзывалась непріязненно... Ну, и достается же отъ „таланта“ издателямъ, редакторамъ и критикамъ! Онъ говоритъ: „Только настоящая любовь къ литературѣ, любовь безкорыстная, можетъ содѣйствовать расцвѣту талантовъ. Прошу васъ оглянуться на всѣ современныя изданія и сказать мнѣ: кто изъ этихъ торговцевъ моднымъ литературнымъ товаромъ смѣетъ говорить о любви къ литературѣ?“ (стр. 9—10). Ну, конечно, никто не смѣетъ, то есть изъ издателей, редакторовъ и критиковъ никто не смѣетъ, потому что все это сплошь, безъ единаго исключенія, корыстолюбцы, и корыстолюбію ихъ нѣтъ оправданія. Другіе представители литературы, „таланты“, не подлежатъ столь строгому суду. Ихъ „упрекаютъ въ безшабашной погонѣ за крупнымъ литературнымъ заработкомъ, изъ котораго они, дескать, сдѣлали себѣ бога и въ

жертву ему иногда готовы принести все, что нѣкогда было единымъ святымъ для писателя". Это, пожалуй, вѣрно, но „не видятъ-ли современные писатели на каждомъ шагу культъ матеріальнаго успѣха и полное невниманіе къ тѣмъ, кто идетъ внѣ общаго теченія?" (107). Естественно, что и „таланты" увлекаются теченіемъ. „Прежде у правдиваго писателя была борьба съ цензурой", теперь этого, должно быть, нѣтъ, но „нынче еще горшая борьба съ промышленнымъ направленіемъ литературнаго рынка", и борьба эта, по мнѣнію „таланта", естественно состоитъ въ томъ, что сами писатели выносятъ свой товаръ на рынокъ... Вообще немножко трудно разобраться въ громѣ и молніяхъ „таланта". То онъ гремитъ противъ партій, направленій, гнету которыхъ должны подчиняться таланты, если не хотятъ умирать съ голоду, а то оказывается, что „въ области публицистики еще можно различить какія-то направленія,—въ области художественнаго творчества примѣняются только два направленія: холопское и хамское; холопство—передъ извѣстностью, хамство передъ талантомъ, еще не прославленнымъ" (10). Самъ „талантъ", конечно, не холопъ и не хамъ. Онъ только „раздѣляетъ литераторовъ на писателей каботажнаго и писателей дальняго плаванія... Одинъ писатель представляетъ собою, можетъ быть, прекрасный экземпляръ родной осины, другой—какая ни на есть, плохо акклиматизировавшаяся на нашей почвѣ, но всетаки пальма. Для одного достаточно простого болотнаго перегноя, на которомъ онъ будетъ превосходно распускаться,—для другого необходима теплица и стеклянная крыша" (81—82).

Бѣдный „талантъ" г. Лугового! Ему нужны были теплица и стеклянная крыша, а его посадили на простой болотный перегной. И онъ умеръ... Миръ его праху, но да позволено всетаки будетъ сказать, что его громовыя рѣчи слишкомъ огульны. Есть праведники въ томъ Содомѣ, который населенъ издателями, редакторами и критиками. За критиковъ, впрочемъ, не рѣшаемся замолвить слово; слишкомъ ясно, что они обременены всѣми семью смертными грѣхами, съ придачей бездарности и глупости. Но редакторы и издатели... Ну хоть бывшій недавно редакторомъ „Нивы" А. А. Луговой и издатель той же „Нивы" А. Ф. Марксъ, и доселѣ издающій не только „Ниву", а и нѣкоторыя произведенія А. А. Лугового? Эти-то, надѣемся, не страдаютъ ни самолюбіемъ, ни корыстолюбіемъ и смѣютъ сказать о себѣ: мы любимъ литературу...

Графъ Аранда. Драматическія сцены изъ XVIII вѣка. **И. Раковичъ.** Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1902.

Г. Раковичъ сопроводилъ свои драматическія сцены предисловіемъ, въ которомъ парируетъ предвидимыя имъ критическія замѣчанія. На возможный вопросъ—неужели нѣтъ достаточно инте-

ресныхъ своихъ и современныхъ темъ, чтобы стоило обращаться за ними къ Испаніи XVIII вѣка?—онъ отвѣчаетъ указаніемъ на „свободное вдохновеніе, которое, какъ медоносная пчела, садится на одни или на другіе цвѣты“. Это разъ. А кромѣ того, „вѣчные уроки грядущему таятся въ оконченномъ прошломъ, и не смотришь—какому народу оно принадлежитъ: вѣчное и человѣческое принадлежитъ одинаково всѣмъ“. Г. Раковичъ предвидитъ далѣе замѣчанія историковъ относительно нѣкоторыхъ его уклоненій отъ исторической дѣйствительности. На это онъ возражаетъ: „на то и „свободное искусство“, оно не обязано рабски слѣдить за всѣми деталями исторіи и жизни“. Вѣдь и Шекспиръ, и Шиллеръ, и Кальдеронъ не вполнѣ держались исторической правды. „Мое дѣло, какъ драматурга,—говоритъ г. Раковичъ,—запечатлѣть характеры. Какіе характеры? Характеры моей творческой мечты, которымъ я далъ историческія имена“. Историческія драмы и романы пишутся не затѣмъ, чтобы по нимъ учились исторіи, „но самую душу явленій вскрываютъ только они одни: только сила поэтическаго рѣзца можетъ намъ возсоздать обликъ явленія... Не важнѣе ли сообщить вѣчную правду образу, чѣмъ рабски разыскивать его подлинныя черты? Довольно того, что этотъ образъ толкнулъ воображеніе, и дѣло писателя создать изъ него идеалъ“. Но „иной неугомонный читатель“ можетъ спросить—какой интересъ читать про сравнительно мало извѣстныхъ историческихъ лицъ? И на это есть отвѣтъ у автора. „Боже мой,—говоритъ онъ,—это дѣло писателя сдѣлать ихъ болѣе извѣстными и сообщить имъ интересъ. Для чего и дана ему эта власть отъ Бога? Писатель тревожитъ тѣни минувшихъ временъ и властной рукой заставляетъ ихъ вновь трепетать и жить, и эта жизнь ихъ можетъ быть болѣе вѣчной, чѣмъ была ихъ собственная“.

Итакъ, „свободное вдохновеніе“ г. Раковича, „какъ медоносная пчела, сѣло“ на Испанію XVIII вѣка, и, презирая мелочи исторической дѣйствительности, извлекло изъ нея „вѣчные уроки“ и въ частности даровало графу Арандѣ „болѣе вѣчную жизнь, чѣмъ его собственная“. Заслуга огромная передъ человѣчествомъ и въ особенности передъ Испаніей, что и даетъ автору право обратиться къ послѣдней съ слѣдующею пламенною рѣчью въ заключеніи предисловія:

Кто тебя разберетъ, прекрасная страна! Въ тебѣ, какъ въ женщинѣ, все непонятно, но все влечетъ! Пѣсни, танцы, бои быковъ, цвѣты и вино—вотъ твоя жизнь! Жарче огня страстные глаза твоихъ женщинъ, острѣе холодной стали молніи этихъ прекрасныхъ очей: то тлѣютъ они, какъ черные угли подъ длиннымм рѣсницами, то вспыхиваютъ, какъ яркіе огни!.. Кому же и посвятить мою драму, какъ не этой прекрасной Испаніи, давшей ей жизнь: ея героическому народу, этому рыцарю человѣчества, ея чуднымъ женщинамъ, которыя отдаютъ жизнь любви, ея строгому сѣверу и мягкому югу, ея трудолюбивой Каталоніи и воинственной Арагоніи, гордой Кастиліи и жизнерадостной Андалузіи; ея синему небу и блаженному воздуху степей, ея ди-

кимъ пустынямъ и сладко-душистымъ апельсиннымъ садамъ; ея красавицѣ Барселонѣ и безсмертной Саррагоссѣ, шумному Мадриту и тихому Аранхуэсу, смѣющейся Севильѣ—этой красоткѣ сеньоритѣ въ семьѣ испанскихъ городовъ, и задумчивой Гренадѣ, этой поэтической мавританкѣ...

Чужеземецъ, плѣненный твоими чарами, приноситъ тебѣ, прекрасная Испанія, вѣнокъ изъ розъ, которыя ты такъ любишь!

Можно себѣ представить, какой восторгъ вызоветъ этотъ даръ чужеземца во всей Испаніи „отъ Севильи до Гренады", какъ одушевленно исполнятъ на улицахъ шумнаго Мадрита и безсмертной Саррагоссы польщенныя женщины свои сегедильи и качучи, какъ гордо будутъ щелкать ихъ кастаньеты, какіе великолѣпные бои быковъ будутъ даны по этому случаю во всѣхъ городахъ! Подумайте—„вѣнокъ изъ розъ"...

Почему, однако, г. Раковичъ такъ увѣренъ, что его произведеніе есть „вѣнокъ изъ розъ", а не изъ какихъ-нибудь, напримѣръ, сорныхъ травъ? и что его „свободное вдохновеніе сѣло" на Аранду, „какъ медоносная пчела", а не какъ простая муха? и что онъ далъ Арандѣ „болѣе вѣчную жизнь", чѣмъ та, которая отведена ему исторіей? Аранда, какъ одинъ изъ крупныхъ дѣятелей такъ называемой эпохи „просвѣщеннаго деспотизма", имя котораго тѣсно связано съ изгнаніемъ іезуитовъ изъ Испаніи, поминается во всѣхъ учебникахъ новой исторіи. Этого всѣмъ извѣстнаго Аранду г. Раковичъ дѣлаетъ любовникомъ королевы, жены Карла III, и заставляетъ кончить самоубійствомъ на глазахъ Карла. Исторія ничего этого не знаетъ, такъ какъ Аранда пережилъ Карла и умеръ естественною смертью. Это бы еще не бѣда. Но если мы и признаемъ за художникомъ право такого „свободнаго" обращенія съ историческими фактами, то надо же знать, ради чего производится эта перетасовка и это сочиненіе фактовъ. Г. Раковичъ говоритъ о „вѣчныхъ урокахъ", извлекаемыхъ художникомъ изъ исторіи. Но страннымъ образомъ, не смотря на свое презрѣніе къ историческимъ „деталямъ", г. Раковичъ, повидимому, довольно тщательно изучалъ избранную имъ для художественнаго воспроизведенія эпоху, тогда какъ художественнаго таланта, на который онъ претендуетъ, у него нѣтъ ни малѣйшаго. Наивный пріемъ, которымъ онъ заставляетъ папу, короля, іезуитовъ въ длиннѣйшихъ, въ нѣсколько страницъ, монологахъ излагать свои professions de foi, производитъ мѣстами прямо комическое впечатлѣніе. Но все это слишкомъ длинно и мы приведемъ для образца только конецъ сцены объясненія въ любви между Арандой и королевой:

Аранда.

Ваше величество, такъ у одного скандинавскаго поэта говорила осенью сосна березѣ: «гдѣ поэтическій шумъ твоей листвы, гдѣ твоя тѣнь? Ты теперь стоишь, какъ мертвецъ безъ савана! Къ чему такіе дни, которые проходятъ? Лучше вѣчный, безстрастный покой, какъ мой!.. Посмотри: твои

листики, ища пріюта, облѣпляютъ мои иглы, и я ничѣмъ не могу имъ помочь»!..—Мнѣ ли плакаться на свою судьбу»?—отвѣтила, встрепенувшись, береза,—«не въ моихъ ли молодыхъ объятіяхъ запѣлъ впервые въ тишинѣ ночи сладкій пѣвецъ любви? Да, ты вѣчно юная, вѣчно прекрасная... но за то ты вѣчно безстрастная и ко всему на свѣтѣ безучастная, какъ эта холодная туча, которая проносится надъ нами»!.. Скажите, ваше величество, кто вы въ душѣ: сосна или береза?

Королева (тихо):

Береза! (Съ этимъ словомъ Аранда ее заключаетъ въ объятія).

Если бы насъ спросили, что такое произведеніе г. Раковича: сосна или береза?—мы бы затруднились отвѣтомъ. Похоже на сосну, но похоже и на березу, только во всякомъ случаѣ не на вѣнокъ изъ розъ.

Книга разсказовъ и стихотвореній. М. 1902.

Книга эта есть сборникъ произведеній гг. Златовратскаго, Мамина-Сибиряка, Елпатьевскаго, Горькаго, Андреева, Куприна, Чирикова, Тимковскаго и другихъ. Нѣкоторые изъ вошедшихъ въ него разсказовъ, при томъ изъ лучшихъ, мы хорошо помнимъ, такъ какъ они производили болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе при первомъ своемъ появленіи въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Можетъ быть, и весь сборникъ состоитъ изъ перепечатокъ. Это не мѣшаетъ ему быть очень интереснымъ. Есть въ немъ, конечно, вещи и сильнѣе, и слабѣе, но въ общемъ сборникъ производитъ хорошее впечатлѣніе, какъ талантливостью вошедшихъ въ него разсказовъ (о стихотвореніяхъ не говоримъ), такъ и ихъ содержаніемъ. Писателей столь различныхъ поколѣній, какъ, напримѣръ, маститый Н. Н. Златовратскій и почти начинающій, хотя уже пользующійся широкою популярностью, Л. Н. Андреевъ, объединила въ сборникѣ старая и вѣчно юная правда, и нельзя не отмѣтить полнаго отсутствія въ „Книгѣ разсказовъ и стихотвореній“ декадентщины, мистицизма и прочихъ кривляній, безъ которыхъ не обходились другіе подобные сборники, появившіеся въ послѣднее время. Мы не знаемъ, кому принадлежитъ иниціатива этого изданія („Книга“ издана „книжнымъ магазиномъ торговаго дома С. Курнинъ и К“) и каковы цѣли иниціаторовъ. Быть можетъ, сборникъ есть дѣло чистой спекуляціи. Но во всякомъ случаѣ читатели ея переживутъ не одну хорошую минуту, хотя бы и не въ первый разъ знакомясь съ тѣмъ или другимъ разсказомъ.

А. Шнитцлеръ. Поручикъ Густль. Харьковъ, 1902.

Непосредственная тема этого очень оригинальнаго по формѣ и сильнаго по художественному выполненію разсказа—условная честь поручика Густля. Завтра поручикъ Густль дерется на

дуэли съ человѣкомъ, заподозрѣвшимъ безкорыстіе офицерства въ его служеніи отечеству; сегодня этотъ поручикъ молча проглатываетъ грубую брань, сказанную ему съ глазу на глазъ и никѣмъ, кромѣ него, не услышанную. Драма, служащая предметомъ разсказа,—та борьба, которая происходитъ въ душѣ поручика между диктуемой „честью мундира“ необходимостью реагировать на полученное оскорбленіе, и страстнымъ желаніемъ избѣгнуть этой необходимости. Все время его поручичья совѣсть требуетъ опредѣленныхъ дѣйствій, тогда какъ мелкая душонка человѣка, привыкшаго въ жизни только снимать пѣнки, подкапываетъ эту необходимость настолько, что когда устраняется навсегда опасность оглашенія полученнаго оскорбленія — уже ничто не волнуетъ поручичью совѣсть.

Какъ видитъ читатель, тема, повидимому, очень несложная, на самомъ дѣлѣ оказывается многогранною, благодаря трактовкѣ ея авторомъ. Къ драмѣ поруганной офицерской чести присоединяется съ одной стороны драма конфликта человѣческихъ инстинктовъ, а съ другой—драма соціальной среды. Особенность выбранной авторомъ формы—изложеніе цѣпи мыслей, проходящихъ въ мозгу поручика Густля—позволяетъ ему прекрасно оттѣнить, отшлифовать, такъ сказать, грани изображаемой драмы введеніемъ мелочныхъ воспоминаній и мыслей, ассоціирующихся съ главною нитью описываемаго психологическаго процесса. Благодаря этому, фигура героя встаетъ передъ читателемъ во весь ростъ, не заслоняя, однако, слишкомъ индивидуальными деталями идею разсказа.

Не смотря на оригинальную форму разсказа—мыслительнаго монолога,—онъ очень реаленъ, и даже въ переводѣ не чувствуешь почти нигдѣ фальшиваго или условнаго построенія. Читатель сразу вводится подъ черепную крышку ограниченнаго фанфарона, мозги котораго сотканы изъ смѣси пошлаго самодовольства и себялюбія съ условностями офицерской морали. Удачное примѣненіе такой формы зависитъ, правда, въ значительной мѣрѣ, отъ особенностей сюжета — переживаніе остраго психическаго момента, созданнаго полученнымъ оскорбленіемъ,— но только при большомъ художественномъ чутьѣ можно было взять такой моментъ въ этой именно формѣ настолько цѣльно и настолько полно, какъ онъ взятъ въ „Поручикѣ Густлѣ“.

Въ русскомъ изданіи книжка эта составляетъ одинъ изъ выпусковъ „библіотеки современныхъ европейскихъ беллетристовъ“ и сопровождается краткимъ очеркомъ г. В. Г. объ Артурѣ Шнитцлерѣ. Мы ничего не имѣли бы противъ этого очерка (за исключеніемъ, быть можетъ, нѣкоторой тяжеловѣсности стиля), если бы самъ авторъ не дѣлалъ рѣзкаго противоположенія между всею предшествовавшею литературною дѣятельностью Шнитцлера (кстати, почему не просто *Шницлера?*) и настоящимъ разска-

зомъ. Этимъ онъ придаетъ разсказу значеніе изолированнаго пока факта, который долженъ привлечь вниманіе читателя совершенно независимо отъ интереса, представляемаго въ литературѣ его авторомъ; а при такихъ условіяхъ отдѣльное изданіе небольшого разсказа могло бы съ удобствомъ обойтись безъ критическаго предисловія.

Гансъ Файгингеръ. Ницше, какъ философъ. Переводъ съ нѣмецкаго А. А. Малинина. М. 1902.

Небольшая книжка Файгингера заслуживаетъ полнаго вниманія. Въ обширной литературѣ о Ничше и его философіи она занимаетъ совершенно особое положеніе. „Изъ всей литературы о Ничше мнѣ до сихъ поръ неизвѣстно ни одно сочиненіе, которое бы сдѣлало излишней мою характеристику этого философа“,—говоритъ авторъ. И онъ имѣетъ право такъ говорить. Не принадлежа ни къ пламеннымъ и безусловнымъ поклонникамъ несчастнаго мыслителя, ни къ яростнымъ его хулителямъ, онъ старается лишь съ возможною выпуклостью представить основныя черты его философіи, воздерживаясь, насколько это въ данномъ случаѣ возможно, отъ критики. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ желаетъ опредѣлить мѣсто Ничше въ исторіи философіи и прослѣдить ходъ его собственнаго развитія. Общій выводъ, къ которому онъ приходитъ, состоитъ въ слѣдующемъ: міросозерцаніе Ничше есть „Шопенгауерово ученіе о волѣ, надѣленное положительными чертами, возникшими подъ вліяніемъ дарвинизма и его принципа—борьбы за существованіе“. Мысль эта не нова, ее уже высказывалъ, напримѣръ, Людвигъ Штейнъ. Но Файгингеру удалось въ очень сжатомъ и тѣмъ не менѣе достаточно полномъ видѣ прослѣдить всѣ существенныя черты духовнаго наслѣдія Ничше. Это какъ бы конспектъ, толковый и безпристрастный. Въ заключеніи авторъ приглашаетъ своихъ читателей къ основательному знакомству съ писаніями Ничше. „Только когда зрѣлые умы основательно познакомятся съ этимъ міросозерцаніемъ, они сумѣютъ предотвратить злоупотребленіе, которое изъ него могутъ сдѣлать незрѣлые умы“. Но, значитъ, кромѣ основательнаго знакомства, надо еще имѣть зрѣлый умъ... Этого послѣдняго книжка Файгингера, конечно, дать не можетъ, но какъ руководящее вступленіе къ „основательному знакомству“, она можетъ оказать большую пользу.

В. Гюго. Маленькій Наполеонъ. Переводъ Г. М. Марморштейна. Изд. Дороватовскаго и Чарушникова. Москва, 1902.

Знаменитый памфлетъ Гюго появился въ оригиналѣ почти полъ-вѣка назадъ, но онъ своевремененъ и теперь, какъ будетъ своевременнымъ всегда—хотя бы безконечная даль времени

и условій жизни отдѣлила насъ отъ обстоятельствъ, вызвавшихъ книгу Гюго. Ибо паѳосъ публициста—подобно паѳосу поэта—не умираетъ. Онъ безсмертенъ,—если неподдѣленъ, потому что выражаетъ собою индивидуальность; это тоже „жизнь сквозь темпераментъ"; сквозь темпераментъ и настроеніе политическаго бойца, преходящимъ пораженіемъ возбужденнаго къ дальнѣйшей борьбѣ и увѣреннаго въ конечной побѣдѣ своего дѣла. И едва ли настанетъ моментъ, когда пройдетъ навсегда потребность смотрѣть подчасъ на жизнь сквозь это настроеніе.

Могучій потокъ исторіи смываетъ громадныя плотины, пытавшіяся задержать его, такъ, что отъ нихъ не остается въ памяти людской ни слѣда. Едва полъ-вѣка прошло съ декабрьскаго переворота, едва тридцать лѣтъ минуло съ паденія второй имперіи—и ужъ немногіе могутъ себѣ представить, какую силу представляло собою въ свое время это гнилое сооруженіе. Теперь легко видѣть, до какой степени оно было гнило и пусто, но вѣдь какой разгромъ понадобился для того, чтобы очистить страну отъ него. Теперь глубокая, непреложная увѣренность Гюго, что его дорогая родина стряхнетъ съ себя иго рабства, уже не кажется пророческой и исключительной, а его бѣшеныя инвективы противъ Наполеона III представляются преувеличенными тому, кто за тридцать лѣтъ, протекшихъ съ паденія второй имперіи, привыкъ видѣть въ ея создателѣ безсильную куклу. Но книга Гюго воскрешаетъ настроеніе побѣжденныхъ 2 декабря — и сообщаетъ его читателю. Быть можетъ, кой кому ея яркость покажется чрезмѣрной, но это только поверхностное впечатлѣніе читателя, который остался чуждымъ автору. Какъ и всегда у Гюго, эта книга полна фразы и позы; но эта поза оправдана жизнью, эта фраза освящена внутренней правдой. Она вся изъ гиперболъ; но это только ея форма: потому что невозможно преувеличить ни гнусность преступленія, ни бѣшенство негодованія, имъ порожденнаго.

Полъ-вѣка, отдѣляющіе насъ отъ появленія книги Гюго, предъявляютъ нѣкоторыя требованія, которыя было бы желательно видѣть исполненными при новыхъ ея изданіяхъ: ее необходимо снабдить историческимъ предисловіемъ и примѣчаніями, объясняющими хоть самыя малоизвѣстныя собственныя имена, которыми такъ охотно и такъ умѣло пользовался въ своихъ пышно красочныхъ метафорахъ Гюго. Едва ли многіе изъ читателей, къ которымъ обращена эта книга, знаютъ, кто такіе Друо, Барошъ, Сибуръ, Фортулъ, Ратопуаль, что такое „свадьба Гамаша" и „способы Пульмана и Шуффлара". Было бы также интересно присоединить къ „Маленькому Наполеону" хоть кой-что изъ „Каръ".

Древнѣйшая исторія востока. Исторія Халдеи съ отдаленнѣйшихъ временъ до возвышенія Ассиріи. З. А. Рагозиной. Съ 113 рисунками и 2 картинами. Спб. 1902.

Книга г-жи Рагозиной обстоятельна и обильна фактами. Считая эту работу, въ общемъ, полезною, для (самаго первоначальнаго) ознакомленія съ исторіей Халдеи, мы находимъ необходимымъ прежде всего отмѣтить ея недостатки. Начнемъ съ формы. Вотъ, напримѣръ, какъ начинается изложеніе: „Въ 606 г. до Р. Х. столичный градъ Ниневія погибъ совершенно. Сотни лѣтъ стоялъ онъ, надменный, великолѣпный; башни его высились надъ рѣкой Тигромъ, отражаясь въ ея „быстротечныхъ волнахъ“ и т. д. и т. д. Для какой надобности читателю вся эта словесность? Замѣтимъ, что подобное велерѣчіе попадается еще во многихъ мѣстахъ (стр. 114, 115, 116, 117, 269, 270, 334, 336 и др.). Можетъ же г-жа Рагозина обойтись безъ такихъ пышныхъ словесныхъ выпадовъ, ведетъ же она десятками страницъ свой разсказъ въ живомъ, современно-принятомъ стилѣ, — такъ зачѣмъ умышленно кое-гдѣ одѣвать свое произведеніе въ старомодное платье, уже болѣе полувѣка вышедшее изъ употребленія? Далѣе. Въ книгѣ г-жи Рагозиной приводятся отрывки изъ религіозныхъ псалмовъ шумиро-аккадскаго происхожденія, — и она въ переводѣ ихъ часто допускаетъ безъ всякаго основанія церковно-славянскія слова: „яко“, „седмиждыкратъ“, „сей“ и т. д. Это не только неосновательно, но и вредитъ мѣстному колориту, привноситъ въ изложеніе какой-то совсѣмъ чуждый и лишній тонъ. При чемъ, въ самомъ дѣлѣ, въ Месопотаміи славянскій языкъ?

Переходимъ къ недостаткамъ содержанія. Спору нѣтъ, историкъ не можетъ никогда совершенно устранить личныя свои воззрѣнія изъ разсказа; его міросозерцаніе почти всегда оказываетъ вліяніе на отношеніе къ фактамъ, къ людямъ, къ эпохѣ. Но совершенно излишне вставлять въ научную (а еще тѣмъ болѣе въ научно-популярную) книгу свои ничѣмъ не провѣренныя догадки и пришедшія почему либо въ голову случайныя соображенія. А этого добра въ разсматриваемой книгѣ болѣе, нежели достаточно. На стр. 217 читаемъ:... „правда, большинство китайцевъ нынѣ буддисты, тогда какъ турки и огромное большинство татаръ, монголовъ и манчжуровъ, не говоря о менѣе значительныхъ урало-алтайскихъ племенахъ—мусульмане. Но и буддизмъ, и мусульманство—привитыя религіи, которыя они приняли готовыми, не выработали изъ самихъ себя. Значитъ, мы и тутъ встрѣчаемъ роковой законъ, который во всѣ времена какъ бы ставилъ грани развитію желтокожихъ, узкоглазыхъ, широкоскулыхъ людей, говоря имъ: „доселѣ,—и ни шагу далѣе!“ Сказано горячо, но даже и восклицательный знакъ не въ силахъ сдѣлать выдумку—историческимъ закономъ. Если бы г-жа Рагозина вспомнила *обстоятельнѣе* о существованіи *древнѣйшей* китайской религіи (Тьянь-

Шаньди), она бы удержалась отъ своего рѣшительнаго: „доселѣ и ни шагу далѣе“! Вотъ слова новѣйшаго историка религій *): „сказанія о Тьянь и Шаньди такъ возвышенны и глубоки, что многіе (Legge, Faber, Happel и др.) придавали древне-китайской религіи громадное значеніе, называли ее монотеистической, сравнивали съ религіей евреевъ, утверждали даже, что китайцы нѣкогда познавали истиннаго Бога“ и т. д. Объ этомъ взглядѣ нѣкоторыхъ ученыхъ на религію „узкоглазыхъ, широкоскулыхъ людей“ слѣдовало хотя бы упомянуть предъ произнесеніемъ своего вердикта. А вотъ уже безспорное, нераздѣльно царящее въ наукѣ мнѣніе о болѣе новой религіи китайцевъ, объ ученіи Лао-цзы: „дао-де (сочиненіе Лао-цзы) наряду съ Новымъ Завѣтомъ и буддійской суттой стоятъ выше всѣхъ другихъ священныхъ книгъ по возвышенности идей, глубинѣ нравственныхъ понятій и полному отсутствію какого бы то ни было магическаго элемента“ (ibid., стр. 71).

Другихъ примѣровъ мы не приводимъ за ненадобностью: ибо уже приведенныхъ вполнѣ достаточно для разрушенія новооткрытаго историческаго закона съ восклицательнымъ знакомъ („доселѣ“ и пр.). Вообще, по части исторической философіи дѣло обстоитъ тутъ не вполнѣ благополучно. Воздерживаясь отъ детальной критики, замѣтимъ лишь, что стр. 153, 154, 155, 157, 164, не обличаютъ въ авторѣ особнно могущественныхъ аналитическихъ дарованій. Въ библіографіи, предпосланной въ началѣ книги, г-жа Рагозина упоминаетъ, между прочимъ, знаменитый трудъ Джоржа Раулинсона; очень жаль, что она не позаимствовала у англіскаго ученаго его умѣнья отмѣчать характерныя стороны версій—еврейской и халдейской—объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ. Предлагаемъ г-жѣ Рагозиной сравнить, напр., ея страницы о потопѣ со страницами Раулинсона (The five great monarchies of the ancient world, т. I. (London, 1862, стр. 184, 185, 186, 187, 188). И онъ, и другіе изслѣдователи (судя по библіографіи, не оставшіеся невѣдомыми г-жѣ Рагозиной) могли бы дать ей многочисленныя указанія, какъ смотрѣть на библію въ научномъ изслѣдованіи. Исторія Халдеи тяжкими трудами раздобывалась и выкапывалась изъ месопотамскихъ кургановъ въ теченіе всего XIX вѣка и у людей, ее возсоздавшихъ, есть чему поучиться... (Кстати, г-жа Рагозина причисляетъ къ нимъ и себя: „мы, новѣйшіе изслѣдователи“ и т. д. стр. 220. По нашему мнѣнію, въ иныхъ случаяхъ рискованно употреблять мѣстоимѣніе „мы“, столь скомпрометтированное въ одной баснѣ еще дѣдушкою Крыловымъ).

Не смотря на эти недостатки, книга г-жи Рагозиной и полезна, и интересна. Полезна она потому, что даетъ полное изложеніе

*) Шантепи-де-ла-Соссей, исторія религій (1898), вып. I, стр. 59.

халдейской исторіи и цивилизаціи, очень мало у насъ извѣстныхъ,—хотя и не совсѣмъ „впервые“, какъ читаемъ въ предисловіи: напомнимъ хотя бы русскій переводъ Масперо, гдѣ собрано много фактовъ, касающихся Халдеи. Во всякомъ случаѣ, книга г-жи Рагозиной, вѣроятно, у насъ прочтется. Интересна эта работа еще и живостью и литературностью изложенія. Искренняя любовь къ наукѣ, согрѣвающая страницы, гдѣ разсказывается о трудахъ и страданіяхъ востоковѣдовъ на берегахъ Тигра и Евфрата, дѣлаетъ эту часть работы прямо увлекательною: эти страдальцы и идеалисты исторической науки внушаютъ автору энтузіазмъ, который своею искренностью подкупаетъ читателя. Вышеотмѣченныя слишкомъ краснорѣчивыя мѣста, хотя и попадаются въ изложеніи и портятъ отдѣльныя его мѣста, но, *въ общемъ*, повторяемъ, не лишаютъ его характера естественности и, даже, изящества. Еще и потому можно рекомендовать эту работу читателю, что она прекрасно вводитъ въ литературу предмета, а приложенная библіографія указываетъ, дѣйствительно, важнѣйшія произведенія; удивляемся только, почему мы здѣсь не нашли огромнаго двухтомнаго труда M.-Simcox о первобытной собственности (Outline of the primitive ownership) въ Египтѣ и др. восточныхъ странахъ. Тамъ, кстати, есть немало матеріала и прямо касающагося исторіи Месопотаміи; вышла книга Симкоксъ въ 1895—96, а библіографія г-жи Рагозиной доходитъ до 1900 года, такъ что могла бы включить и ее. Авторъ обѣщаетъ дать исторію и другихъ странъ древняго востока. Пожелаемъ полной удачи его полезному предпріятію и будемъ надѣяться, что слѣдующіе выпуски обойдутся безъ тѣхъ легко устранимыхъ недостатковъ, которые намъ пришлось отмѣтить теперь. Внѣшность этого популярнаго изданія, многочисленные рисунки, алфавитный указатель, приложенный къ книгѣ,—все это исполнено очень тщательно. Въ картахъ—есть только тотъ недостатокъ, что онѣ не даютъ представленія о географическомъ положеніи Халдеи относительно другихъ, болѣе извѣстныхъ странъ (напр., хотя бы относительно Аравійскаго полуострова); самая же Месопотамія нанесена на карты очень подробно.

В. Б. На рубежѣ XIX столѣтія. Переводъ Г. Ф. Львовича. Спб. 1902.

Эта книга представляетъ собою исторію великой французской революціи. Авторъ, принадлежащій къ людямъ, быть можетъ, нѣсколько односторонняго, но вполнѣ опредѣленнаго историческаго взгляда, старается на протяженіи всей книги выяснить вопросъ, какъ отражалась классовая борьба въ событіяхъ французской исторіи конца XVIII вѣка, какъ, въ частности, та или иная партія, то или иное собраніе относились къ бѣдствовавшему рабо-

чему пролетаріату. Къ сожалѣнію, ровно ничего цѣннаго въ научномъ смыслѣ авторомъ тутъ не сдѣлано. Нельзя и сравнивать эту работу съ другою книгою того же автора, не переведенною на русскій языкъ, съ „Die Deutsche Revolution“, вышедшею еще въ 1893 году. Та книга читается съ захватывающимъ интересомъ, ибо каждая изъ ея 670 страницъ кричитъ объ исторической и жизненной правдивости излагаемаго и читатель видитъ передъ собою не попытки втиснуть предвзятую голую схему въ традиціонные (и традиціонно изложенные) факты, а рядъ богатѣйшихъ иллюстрацій къ основной мысли автора, иллюстрацій не подогнанныхъ, но вполнѣ естественно располагающихся вокругъ теоретической красной нити. Это объясняется больше всего тѣмъ, что въ „Die Deutsche Revolution“ авторъ—самостоятельный историкъ, исчерпывающе знакомый съ предметомъ, отлично знающій каждую фактическую мелочь и мѣсто этой мелочи въ нѣмецкихъ дѣлахъ 1848—49 гг., а въ лежащей передъ нами книгѣ онъ—типичный компиляторъ—и только. Для нѣмецкихъ 12—14 *мѣсяцевъ* онъ отвелъ *670* страницъ, а для французскихъ 15 *лѣтъ*, да еще какихъ? отъ 1789 до 1804 года—ему показалось достаточнымъ около 500. Немудрено, что получился всего только — распространенный учебникъ, сшитый при томъ на живую нитку. Настоящіе учебники по этому періоду (Карно, Лависса и Рамбо, Минье) имѣютъ даже надъ книгою В. Б. немалое преимущество: въ нихъ нѣтъ тѣхъ натяжекъ и произвольностей, которыя пестрятъ разбираемую книгу. Съ обстоятельными же научными трудами новѣйшей исторіографіи, напр., съ работой Олара, нельзя и сравнивать книгу В. Б. Нѣсколько странная и, такъ сказать, старомодная тенденція В. Б. во что бы то ни стало „оправдывать“ дѣятелей крайней лѣвой революціонныхъ собраній — производитъ довольно курьезное впечатлѣніе. Такая манера была — и давно быльемъ поросла въ научной исторіографіи, и, конечно, революція ничего не проиграетъ и не выиграетъ ни въ чьихъ глазахъ, повѣритъ ли, напримѣръ, кто или не повѣритъ нашему автору, что Симонъ, собственно, вѣроятно, не мучилъ какъ-нибудь особенно маленькаго Людовика (наслѣднаго принца), а, просто, обращался съ нимъ, какъ принято у сапожниковъ обращаться „обыкновенно“ съ учениками. Все это никому не нужно для оцѣнки историческаго смысла переворота, — а довѣріе къ автору невольно подрывается, что, конечно, препятствуетъ цѣльности впечатлѣнія отъ чтенія работы. И любопытно, что, въ общемъ, авторъ старается не извращать фактовъ, а только неизвѣстно зачѣмъ снабжаетъ ихъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о репутаціи, напримѣръ, Марата или кого-нибудь изъ монтаньяровъ,—безвкусными и произвольными оцѣнками, до курьеза не подходящими къ самой природѣ излагаемыхъ фактовъ. Экономическая сторона революціи затронута нѣсколькими бѣглыми

и общими фразами, и то, по преимуществу, только касающимися рабочаго пролетаріата столицы. Впрочемъ, этотъ пробѣлъ извинителенъ въ популярной книгѣ, ибо экономическая исторія великаго французскаго переворота еще не написана, и всего лѣтъ восемь, какъ начала обстоятельно разрабатываться. (См., напр., любопытное признаніе проф. Ph. Sagnac'a въ „Revue d'histoire moderne"—1901 г. іюль, стр. 171 *), что до послѣднихъ трудовъ Лучицкаго исторія земельной собственности во Франціи XVIII вѣка *не существовала*). Но за то чисто политическая картина кризиса разработана въ наукѣ превосходно,—и съ точки зрѣнія фактической обстоятельности и обоснованности сужденій книга В. Б. отнюдь не есть шагъ впередъ.

Весьма живой и легкій слогъ, очень хорошо исполненный переводъ—заставляютъ только больше пожалѣть о недостаткахъ содержанія. Будемъ надѣяться, что основная мысль В. Б. гораздо удачнѣе и солиднѣе будетъ проведена въ коллективной огромной „Исторіи Франціи въ XIX в.", предпринятой теперь въ Парижѣ. По крайней мѣрѣ, первый томъ ея „Histoire de la Constituante" заставляетъ возлагать большія надежды на продолженіе этого колоссальнаго научно-литературнаго предпріятія.

В. Ѳ. Дерюжинскій. Судебные дѣятели объ университетской подготовкѣ молодыхъ юристовъ. Спб. 1902.

Одно время нашу періодическую печать сильно интересовалъ вопросъ о такъ называемыхъ практическихъ занятіяхъ въ университетахъ. Министерство народнаго просвѣщенія также обратило вниманіе на этотъ вопросъ, и стоявшій тогда во главѣ министерства генералъ-адъютантъ П. С. Ванновскій обратился къ министру юстиціи съ просьбой высказать свои соображенія по этому предмету. Статсъ-секретарь Н. В. Муравьевъ, съ своей стороны, запросилъ старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ, и полученные отъ нихъ отзывы подвергъ разсмотрѣнію въ особомъ совѣщаніи подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ. Отзывы и письмо, въ которомъ министръ юстиціи высказалъ свои замѣчанія и соображенія, использованы г. Дерюжинскимъ, съ разрѣшенія министра юстиціи, въ статьѣ, помѣщенной въ сентябрьской книжкѣ „Журнала Министерства юстиціи" и одновременно выпущенной въ свѣтъ отдѣльнымъ оттискомъ. Таково происхожденіе этой брошюры, представляющей, несомнѣнно, цѣнный историческій документъ.

Всѣ отзывы единодушно признаютъ, что уровень какъ общеобразовательной, такъ и спеціальной подготовки молодыхъ юри-

---

*) «...*il crée l'histoire de la propriété fonciere en France au XVIII siècle*»... I. с. Курсивъ Саньяка.

стовъ поразительно низокъ. Прежде всего они „недостаточно владѣютъ письменнымъ русскимъ языкомъ“ (стр. 5); „неумѣнье выражаться и писать по-русски доходитъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ до степени прискорбной малограмотности“; „*за рѣдкими исключеніями*“ они „не могутъ передать и выразить ни устно, ни письменно въ ясной, логической формѣ свои мнѣнія, при чемъ неподготовка въ этомъ отношеніи нерѣдко доходитъ до совершеннаго неумѣнья выражать связно и послѣдовательно свои мысли и до грубыхъ грамматическихъ и орѳографическихъ погрѣшностей“ (стр. 6). „Абсолютное незнаніе новыхъ языковъ“; „скудость свѣдѣній въ области наукъ и литературы“; „отсутствіе привычки къ серьезному чтенію“,—вотъ какими чертами характеризуется общая подготовка молодыхъ юристовъ, поступающихъ кандидатами на судебныя должности. Естественно, что при такихъ данныхъ и спеціальная подготовка не можетъ стоять высоко. Это опять-таки единогласно подтверждается отзывами. Они удостовѣряютъ, что молодые юристы оказываются „непривычными къ юридическому мышленію“ (стр. 5); что значительное большинство ихъ „совершенно незнакомо съ теоріей доказательствъ по гражданскимъ дѣламъ“; что „большинство не можетъ объяснить различія между такими основными понятіями уголовнаго права, какъ разбой, кража, грабежъ; не знаетъ различія между полнымъ Собраніемъ Законовъ, Сводомъ Законовъ, Собраніемъ Узаконеній; не знаетъ, что выноски подъ статьями закона представляютъ ссылки на Полное Собраніе Законовъ, что указываетъ на отсутствіе умѣнья истолковать законъ исторически; не имѣетъ никакого понятія о томъ, что такое владѣнная запись, надѣлъ, а понятіе „конкурсъ“ является для нихъ иностраннымъ словомъ, смысла котораго они не понимаютъ“ (стр. 10). Есть такіе кандидаты на судебныя должности, которые „никогда не видѣли Свода Законовъ Россійской имперіи и не знаютъ, изъ сколькихъ томовъ онъ состоитъ“ (стр. 9); которые на вопросъ: „что такое запрещеніе, налагаемое на недвижимое имущество“?—отвѣчаютъ: „Это, когда оно заложено“, а на вопросъ о различіи между грабежемъ и кражей—„грабежъ совершается днемъ, а кража ночью“, и т. д., и т. д.

Такова поразительная картина, нарисованная высшими представителями магистратуры, которыхъ, конечно, никто не обвинитъ въ „тенденціозности“, въ преднамѣренномъ сгущеніи красокъ, какъ это обычно дѣлается по отношенію къ газетамъ, когда онѣ указываютъ хотя бы на общеизвѣстное зло... Оказывается, что въ тѣхъ кадрахъ, изъ которыхъ происходило въ послѣдніе годы и происходитъ теперь замѣщеніе судейскихъ должностей, царитъ почти поголовное невѣжество, доходящее до неграмотности, и что это положеніе дѣлъ еще ухудшается съ каждымъ годомъ: „каждый послѣдующій выпускъ,—по свидѣтельству одного изъ компетентныхъ наблюдателей,—слабѣе предыдущаго“. Если мо-

лодые люди покидаютъ школьную скамью не только безъ элементарнѣйшихъ знаній, но и безъ „привычки къ серьезному чтенію“, безъ навыка „къ отвлеченному логическому мышленію“ (стр. 8—9, отзывъ статсъ-секретаря Н. В. Муравьева), то во что обратятся они черезъ нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ имъ предстоитъ уже не учиться, а дѣйствовать,—дѣйствовать безъ образовательной подготовки, безъ всякихъ руководящихъ началъ? Нетрудно измѣрить всю ужасающую глубину опасности, угрожающей такому важному органу государственной жизни, какъ судъ, отъ вторженія въ него подобныхъ дѣятелей. Не трудно уяснить себѣ и всю неотложность серьезной борьбы съ этимъ зломъ... Но гдѣ средства борьбы?

Авторы цитируемыхъ отзывовъ признаютъ такимъ средствомъ соотвѣтствующую учебную реформу. „Главный современный вопросъ,—пишетъ прокуроръ одной изъ палатъ,—несомнѣнно заключется въ опредѣленіи значенія древнихъ языковъ и низведенію ихъ на подобающее имъ мѣсто. Неограниченное господство классической системы, дѣйствующей и до сихъ поръ въ полномъ объемѣ въ старшихъ классахъ гимназій, стѣсняетъ до крайности занятія остальными, дѣйствительно образующими умъ и полезными для жизни предметами... Подъ этимъ губительнымъ вліяніемъ постепенно исчезаетъ энергія, бодрость, отзывчивость къ окружающимъ явленіямъ и создается существо апатичное, ничѣмъ не интересующееся и лишенное иниціативы“ (стр. 7—7). Н. В. Муравьевъ въ письмѣ на имя ген. П. С. Ванновскаго указываетъ на необходимость обезпечить „болѣе серьезное отношеніе къ преподаванію отечественнаго языка въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ до сего времени изученію этого предмета посвящается слишкомъ мало времени и вниманія“ (стр. 7). Вообще, по мнѣнію министра юстиціи, изъясненные въ отзывахъ недостатки „коренятся въ несовершенствахъ постановки всего нашего образованія, какъ средняго, такъ высшаго, и могли бы быть устранены лишь путемъ болѣе или менѣе серьезныхъ измѣненій во всемъ нынѣ дѣйствующемъ строѣ учебно-воспитательнаго дѣла (стр. 9).

Въ виду значительности того зла, которое засвидѣтельствовано „отзывами“, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что и предстоящія измѣненія должны быть очень серьезны, очень обширны. Очевидно, прежде всего, что они не могутъ ограничиться однимъ лишь преобразованіемъ учебныхъ программъ, а должны коснуться всего учебнаго быта. Какъ бы ни было губительно вліяніе системъ, искуственно устраняющихъ изъ школы наиболѣе жизненныя отрасли знанія,—однимъ этимъ нельзя объяснить тѣхъ безнадежныхъ результатовъ, которые засвидѣтельствованы органами министерства юстиціи. Всѣ, учившіеся въ гимназіяхъ и университетахъ за послѣднія полтора—два десятка лѣтъ, припомнятъ не-

мало товарищей, стоявшихъ довольно высоко по своимъ познаніямъ и общему развитію. Охотно согласимся съ тѣмъ, что они поднялись на эту высоту не столько благодаря окружавшимъ ихъ образовательнымъ вліяніямъ, сколько вопреки имъ; это возможно и даже весьма вѣроятно; но фактъ тотъ, что такіе люди были и есть. Куда же они дѣвались? Увы! Переходя съ курса на курсъ, мы замѣчали, что ихъ остается все меньше и меньше... Большинство изъ нихъ, по горькой ироніи судьбы, такъ и остались „недоучками", а это обстоятельство не могло не вліять на средній уровень выпуска, и неудовлетворительность учебныхъ программъ тутъ была, конечно, не при чемъ.

Съ другой стороны,—возвращаясь къ отзывамъ судебныхъ дѣятелей,—мы не должны упускать изъ виду и того, что объектомъ ихъ наблюденій были не всѣ молодые юристы, а только одна, хотя, быть можетъ, и наиболѣе численная группа ихъ,—кандидаты на судебныя должности. Разсуждая чисто-теоретически, мы вправѣ, поэтому, допустить, что установленный отзывами средній уровень не вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, который получился бы, если бы изслѣдованіе было распространено и на лицъ, посвящающихъ себя, по окончаніи факультета, адвокатской дѣятельности, частной службѣ и пр. Возможно, что при такомъ расширеніи сферы изслѣдованія средняя оказалась бы нѣсколько ниже, но возможно и то, что она оказалась бы нѣсколько выше. И добавимъ, что послѣднее кажется намъ болѣе вѣроятнымъ. Прежде всего уже самая безпросвѣтность отзывовъ заставляетъ усомниться въ томъ, чтобы содержащаяся въ нихъ характеристика могла быть примѣнена ко всей молодежи, выпускаемой юридическими факультетами. Скорѣе слѣдуетъ поставить себѣ вопросъ: нѣтъ-ли еще особыхъ причинъ, удерживающихъ молодыхъ юристовъ отъ вступленія въ ряды магистратуры? Не умалился-ли, напримѣръ, престижъ суда въ результатѣ цѣлаго ряда новеллъ, низведшихъ его съ той высоты, на которую онъ былъ поставленъ первоначально? Другими словами: кромѣ того общаго „отбора", о которомъ рѣчь была выше, не дѣйствуетъ-ли, по отношенію къ магистратурѣ, еще другой, такъ сказать, спеціальный отборъ, еще болѣе понижающій, для ея кандидатовъ, невысокій и безъ того средній уровень?..

Нельзя, конечно, въ короткой журнальной замѣткѣ исчерпать всѣ стороны важнаго вопроса, возбужденнаго министерствомъ народнаго просвѣщенія и разработаннаго министерствомъ юстиціи. Мы хотѣли лишь отмѣтить его обширность и указать на глубину тѣхъ преобразованій, въ которыхъ онъ могъ бы найти удовлетворительное рѣшеніе. Реформа общеобразовательной школы, возстановленіе равновѣсія между числомъ поступающихъ въ высшія учебныя заведенія и числомъ оканчивающихъ ихъ, судебная реформа, направленная къ поднятію суда на уровень современныхъ

требованій,—вотъ нѣкоторыя изъ желательныхъ мѣръ, сравнительно съ которыми вопросъ о характерѣ практическихъ занятій на юридическихъ факультетахъ отступаетъ далеко на задній планъ...

І. В. Гессенъ. Юридическая литература для народа. (Опытъ критическаго анализа). Спб. 1902.

Юридическая литература для народа находится въ самомъ плачевномъ состояніи, — ибо нѣтъ ничего плачевнѣе небытія, а эта литература, какъ блистательно доказывается обзоромъ г. Гессена, есть нѣчто несуществующее. Между тѣмъ г. Гессенъ ввелъ въ свой обзоръ—и долженъ былъ такъ поступить, за отсутствіемъ другого матеріала—многое такое, что имѣетъ весьма отдаленное касательство къ популяризаціи юридическихъ свѣдѣній для народа. Въ числѣ изданій, разобранныхъ г. Гессеномъ, преобладаютъ „руководства“ и „памятныя книжки“ для сельскихъ старостъ, волостныхъ старшинъ и судей, сборщиковъ податей и прочихъ сельскихъ властей, появившіяся въ изобиліи на книжномъ рынкѣ вслѣдъ за учрежденіемъ земскихъ участковыхъ начальниковъ и составленныя, въ большинствѣ случаевъ, тѣми же земскими начальниками. Для этой литературы отеческихъ наставленій и начальственныхъ инструкцій былъ обезпеченъ обширный и болѣе или менѣе обязательный спросъ среди подвѣдомственныхъ органовъ крестьянскаго управленія; но, само собою разумѣется, всѣ эти руководства гг. Безровъ и Чижовыхъ преслѣдуютъ свои особенныя цѣли, не только не совпадающія, но расходящіяся съ тѣми, какія должна ставить себѣ популяризація правовѣдѣнія для народа, и какъ по содержанію своему, такъ и направленію юридическіе труды земскихъ начальниковъ находятся въ ближайшемъ родствѣ съ различными печатными инструкціями для урядниковъ, городовыхъ и другихъ нижнихъ полицейскихъ чиновъ, издаваемыми попеченіемъ высшаго полицейскаго начальства. Естественно, что въ такого рода произведеніяхъ идея начальства занимаетъ центральное мѣсто и оттѣсняетъ на задній планъ идею законности, и начальственные циркуляры и предписанія выдвигаются впереди закона. Впрочемъ, и законы разные бываютъ; есть „незаконные законы“, какъ выразился, помнится, Глѣбъ Успенскій: если законъ устанавливаетъ, какъ норму, „свободу усмотрѣнія“, то онъ служитъ только рамкой для болѣе или менѣе живописной картины произвола. Г. Гессенъ задается вопросомъ: „знаетъ ли народъ вообще, что существуютъ законы, т. е. нѣчто объективное, стоящее выше воли отдѣльныхъ лицъ и равное для всѣхъ“?— и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. Въ подтвержденіе онъ ссылается на наблюденія знатоковъ народной жизни; онъ цитируетъ очерки г. Соколовскаго, печатавшіеся въ „Русскомъ Богатствѣ“, и записки г. Новикова.

„Жизнь нашихъ захолустьевъ, — говоритъ г. Соколовскій, — складывалась и складывается такъ, что въ деревенскомъ міровоззрѣніи крѣпко засѣла пословица: законъ, что дышло, куда повернешь, туда и вышло; а потому въ глазахъ крестьянина нѣтъ законности и беззаконности, а есть только ваше желаніе или нежеланіе помочь ему". Тоже подтверждаетъ и г. Новиковъ: „Крестьянинъ не вѣритъ въ законъ, для него законъ есть приказаніе начальства. Вы все можете, говоритъ вамъ мужикъ, когда вы ему толкуете про законъ". Такой взглядъ меньше всего можетъ служить доказательствомъ народнаго невѣжества; напротивъ, народъ опытомъ своей жизни добылъ совершенно правильное обобщеніе, соотвѣтствующее дѣйствительности; есть законность и законность, и та законность, съ которою чаще, чѣмъ съ другою, приходится сталкиваться народу, проявляется преимущественно въ томъ, что ею санкціонируется благоусмотрѣніе. Лучшимъ и, пожалуй, единственнымъ средствомъ популяризаціи законности было бы внѣдреніе законности въ самую жизнь; изданіе популярныхъ брошюрокъ можетъ имѣть въ этомъ отношеніи весьма и весьма второстепенное значеніе,—которымъ, однако, пренебрегать не слѣдуетъ, такъ какъ что-нибудь, всетаки, больше, чѣмъ абсолютное ничто. Поэтому приходится съ сожалѣніемъ констатировать, вмѣстѣ съ г. Гессеномъ, что юридическая литература для народа, ничтожная по количеству, въ качественномъ отношеніи не выдерживаетъ и самой снисходительной критики. „За единичными исключеніями,—говоритъ г. Гессенъ,—всѣ эти произведенія чисто ремесленныя, неодухотворяемыя никакой идеей", — но за то испещренныя грубѣйшими ошибками противъ элементарнаго правовѣдѣнія. Но наличность хотя бы единичныхъ исключеній, возвышающихся надъ низменнымъ общимъ уровнемъ, доказываетъ, что задача популяризаціи юридическихъ свѣдѣній не недостижима, нашлись бы только умѣлыя руки, готовыя отдаться этому полезному дѣлу.

І. В. Гессенъ. Узаконеніе, усыновленіе и внѣбрачныя дѣти. Спб. 1902.

Недавно опубликованный законъ о внѣбрачныхъ дѣтяхъ подалъ поводъ къ недоразумѣнію, не лишенному нѣкоторой забавности. Въ печати законъ этотъ встрѣтилъ сочувственный пріемъ— и вполнѣ заслуженно; онъ составляетъ, безспорно, шагъ впередъ въ развитіи нашего законодательства. Но въ извѣстныхъ газетахъ, славословящихъ по призванію, новый законъ вдругъ былъ объявленъ какимъ-то небывалымъ откровеніемъ, новымъ словомъ человѣческой правды, невѣдомымъ европейскому западу и долженствующимъ посрамить этотъ буржуазно-черствый и лицемѣрный западъ. Забавна тутъ самая внезапность, съ которою ударились въ восторгъ именно теперь,—хотя законъ о внѣбрач-

ныхъ дѣтяхъ въ формѣ проекта сталъ извѣстенъ, т. е. былъ печатно обнародованъ коммиссіей по составленію гражданскаго уложенія, еще года три назадъ, а въ проектѣ основная тенденція закона была выражена рѣшительнѣе и послѣдовательнѣе, чѣмъ въ нынѣшнемъ утвержденномъ текстѣ. Три года откровеніе—если откровеніе было—сіяло передъ нами и напрасно добивалось нашего вниманія, а какъ только откровеніе появилось въ Собраніи узаконеній и распоряженій, мы тотчасъ прозрѣли и поверглись передъ нимъ ницъ. Еще забавнѣе то, что восторгъ вызванъ не столько гуманнымъ содержаніемъ новаго закона, сколько самобытностью этого гуманнаго содержанія, чуждою будто бы Европѣ и европейскому законодательству, и даже европейскому складу души,—между тѣмъ, въ дѣйствительности новый законъ есть только блѣдный и урѣзанный списокъ съ нѣкоторыхъ постановленій западно-европейскихъ законодательствъ. Списокъ поблѣднѣлъ по сравненію съ оригиналомъ особенно въ одномъ и, быть можетъ, существенномъ отношеніи, въ которомъ преимущественно проявляется соціальное значеніе всякаго законодательства о внѣбрачныхъ дѣтяхъ. Характернымъ признакомъ съ этой точки зрѣнія представляются не правовыя отношенія внѣбрачнаго ребенка къ его матери, а къ *роду* матери и къ отцу, а также къ отцовскому роду; въ особенности это вѣрно, когда рѣчь идетъ о соціальной средѣ, которая, подобно нашей, расчленена сословіями, такъ что юридическій status лица опредѣляется, главнымъ образомъ, принадлежностью его къ тому или иному сословію. А въ этомъ отношеніи новый законъ сдѣлалъ очень мало, если не ничего; онъ призналъ родительскую связь между внѣбрачнымъ ребенкомъ и его матерью, но ребенокъ остается чужимъ, попрежнему, для рода матери, а тѣмъ болѣе для отцовскаго рода, и не пріобрѣтаетъ ни сословныхъ правъ родителей, ни права наслѣдованія въ какой бы то ни было части родового имущества; даже фамилія матери можетъ быть присвоена внѣбрачному ребенку лишь съ совмѣстнаго разрѣшенія матери и ея отца (въ проектѣ право ребенка на фамилію матери признавалось безъ всякихъ ограниченій). Безправныя до сихъ поръ, внѣбрачныя дѣти и по новому закону надѣляются правами довольно скудно, и, вообще говоря, нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній утверждать, что этотъ законъ знаменуетъ какой-то разрывъ съ традиціями прежняго законодательства объ этомъ предметѣ. Если отличительной чертой прежняго законодательства было то, что оно служило не интересамъ самихъ дѣтей, а посторонней цѣли, вродѣ поддержанія устоевъ семьи, укрѣпленія нравовъ и т. п.—то этой же цѣли отнюдь не противорѣчитъ, а скорѣе способствуетъ, возложеніе новымъ закономъ на мать внѣбрачнаго ребенка почти цѣликомъ всего бремени его признанія, содержанія и воспитанія. Безспорно, что новый законъ

проникнутъ гуманной мыслью, но односторонняя санкція, которую онъ даетъ правовой связи ребенка съ одной лишь матерью, заключаетъ въ себѣ гуманность также одностороннюю; достаточно вспомнить, что восемнадцатый вѣкъ, исходя изъ той же гуманной мысли, остановился на воспитательныхъ домахъ, и остановился на нихъ именно съ тѣмъ, чтобы облегчить мать въ несеніи бремени, которое нерѣдко оказывается для нея непосильнымъ. Дѣйствительной реформой въ законодательствѣ о внѣбрачныхъ дѣтяхъ было бы установленіе правовой связи ребенка съ отцомъ,—но въ этомъ отношеніи новый законъ дѣлаетъ шагъ умѣренный и робкій. Отецъ также можетъ быть привлеченъ къ участію въ расходахъ на содержаніе ребенка, но обязанность его имѣетъ лишь вспомогательный характеръ—на случай недостатка средствъ у матери ребенка и лишь въ мѣру этого недостатка. Новый законъ предоставляетъ требовать отъ отца алименты и за прошедшее время, но не болѣе чѣмъ за годъ до предъявленія такого требованія; со смертью же отца право внѣбрачнаго ребенка на алименты прекращается и не переходитъ на наслѣдниковъ отца. Въ проектѣ коммиссіи по составленію гражданскаго уложенія была статья, въ силу которой обязанность давать содержаніе внѣбрачнымъ дѣтямъ переходила на наслѣдниковъ, но проектированное правило, которое, кстати сказать, принято важнѣйшими иностранными законодательствами, не вошло въ новый законъ. Точно также не было принято предложенное коммиссіей правило о томъ, что искъ о доставленіи содержанія внѣбрачному ребенку можетъ быть предъявленъ не только матерью, но и опекуномъ. „Исключивъ эту статью,—говоритъ по этому поводу авторъ комментарія къ новому закону г. Гессенъ,—новый законъ сохраняетъ, слѣдовательно, общій порядокъ, въ силу коего, при отсутствіи опеки, право предъявленія иска принадлежитъ матери, какъ имѣющей по новому закону родительскую власть надъ ребенкомъ; если же ребенокъ состоитъ подъ опекой, то искъ предъявляется опекуномъ“. Такое толкованіе сомнительно. Если въ проектѣ было особое постановленіе о правѣ опекуна на предъявленіе иска, а изъ закона это постановленіе исключено, то можно сдѣлать только тотъ выводъ, что законъ желаетъ сохранить право иска исключительно за матерью внѣбрачнаго ребенка—и не при отсутствіи опеки, какъ полагаетъ г. Гессенъ (ибо не можетъ быть рѣчи о правѣ несуществующаго опекуна на предъявленіе иска), а именно при наличности ея. Сдѣлано это, очевидно, съ намѣреніемъ, чтобы искъ объ алиментахъ не имѣлъ характера иска объ отцовствѣ. Законъ не признаетъ, такимъ образомъ, ни одной подлинно отцовской обязанности въ отношеніи внѣбрачнаго ребенка; есть только обязанность помогать матери внѣбрачнаго ребенка въ содержаніи послѣдняго, эта обязанность существуетъ только въ

отношеніи къ матери, и она одна вправѣ требовать ея исполненія. Если же мать умираетъ прежде, чѣмъ успѣли предъявить искъ, то ребенокъ лишается той поддержки, которую, черезъ посредство матери, могъ получить отъ отца.

Книжка г. Гессена, заглавіе которой приведено выше, является комментаріемъ къ новому закону. Комментаріемъ, однако, не узко-практическимъ,—хотя въ смыслѣ полноты и обстоятельности указаній онъ удовлетворяетъ и всѣмъ практическимъ требованіямъ; авторъ, кромѣ того, даетъ критическое освѣщеніе новаго закона, во многихъ пунктахъ весьма удачное. Книжка раздѣлена на двѣ части: первая содержитъ подробный разборъ и толкованіе правилъ новаго закона, преимущественно на основаніи объяснительной записки коммиссіи по составленію проекта гражданскаго уложенія, а во второй собраны важнѣйшія узаконенія, а также разъясненія сената, сохранившія свою силу и при дѣйствіи новаго закона.

Годъ на крейсерѣ „Адмиралъ Нахимовъ“. (Судовыя замѣтки и впечатлѣнія 1899—1900 г. съ 20 рисунками въ текстѣ). Священника **Н. Дьякова.** СПб. 1902 г.

Удивительно бѣдна наша литература печатными трудами, посвященными недавнимъ событіямъ на Дальнемъ Востокѣ, а между тѣмъ несомнѣнно, что съ „китайскимъ вопросомъ“ въ той или иной формѣ придется еще очень и очень считаться. Въ виду этого приходится отмѣчать каждую, хотя бы и незначительную, работу въ этой области, а тѣмъ болѣе интересно послушать разсказы очевидца. Но хотя о. Дьяковъ и былъ очевидцемъ, къ сожалѣнію, его работу приходится отнести къ категоріи незначительныхъ. Онъ не сумѣлъ оріентироваться въ массѣ новыхъ впечатлѣній, полученныхъ имъ во время долгаго перехода отъ Кронштадта до Портъ-Артура, не принялъ во вниманіе, что путь этотъ тысячи разъ описанъ, что новое что-либо трудно прибавить, и что публикѣ интересна именно та послѣдняя часть книжки автора, которая названа имъ „На стражѣ въ Китаѣ“. И вышло, что авторъ двѣ трети книжки заполнилъ никому не нужными описаніями Кадиксовъ, Неаполей и т. д., да еще пополняя свои впечатлѣнія свѣдѣніями, заимствованными не только у Рэклю, а и у архимандрита Сергія и даже у В. Розанова изъ его новоременскихъ фельетоновъ, и только одна треть—всего 80 страничекъ осталась на долю „событій“.

Тѣмъ не менѣе и на этихъ 80 страничкахъ мы находимъ кой что-цѣнное. И первое, что слѣдуетъ поставить въ заслугу автору, это что онъ сумѣлъ подмѣтить всю глубину пропасти непониманія, отдѣляющей китайцевъ отъ европейцевъ. На двухъ страницахъ въ бѣгломъ перечнѣ приводитъ онъ примѣры обычаевъ, вѣрованій, привычекъ, какъ первыхъ такъ и вторыхъ, „со-

вершенно сознательно мѣшая важное и неважное", и картина получается довольно яркая. Оказывается, что мы, европейцы, говоримъ съ китайцами на разныхъ, совершенно непонятныхъ другъ для друга языкахъ, не только въ смыслѣ лингвистическомъ, но и въ смыслѣ привычныхъ, съ молокомъ матерей воспринятыхъ идей. А если гдѣ и есть пункты соприкосновенія, то эти общія идеи китайцами проводились въ жизнь, а у насъ они хотя и признавались, чтились, но были „въ забвеніи", какъ въ забвеніи оказался въ сказкѣ Щедрина для щуки законъ о неприкосновенности непровинившихся карасей.

О. Дьяковъ приводитъ слѣдующія слова Менце, ученика Конфуція: „любящій войну заслуживаетъ величайшаго наказанія; человѣкъ, утверждающій, что онъ можетъ собрать войско, или что онъ искусенъ въ сраженіи, есть величайшій преступникъ", и утверждаетъ, что „китаецъ не понимаетъ, чтобы дѣятельность человѣка могла быть непосредственно направлена къ уничтоженію, а не къ созиданію" и этимъ свойствомъ мышленія китайцевъ, онъ пытается объяснить прославленную „трусость" китайцевъ.

Вопросъ этотъ—очень сложенъ, но заслуга автора въ томъ заключается, что онъ указываетъ гордымъ своей „культурой" европейцамъ ихъ истинное мѣсто въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не впереди китайцевъ, а рядомъ съ ними и, быть можетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ даже и позади.

Надо сказать, что хотя „Адмиралъ Нахимовъ" и пришелъ въ Таку уже послѣ знаменитаго боя, т. е. тогда уже, когда военныя дѣйствія велись исключительно на сушѣ, но все же автору записокъ пришлось видѣть издали бой при взятіи форта Бейцангъ. И здѣсь любопытно отмѣтить, какъ даже зрѣлище боя издали вселяетъ въ душу зрителя „какое-то новое, оригинальное возбужденіе", такъ что даже „о проливаемой крови и не думалось" (201). И такое впечатлѣніе испытываетъ человѣкъ отнюдь не военный, съ доброй душой, съ гуманными взглядами на человѣка, безотносительно мѣста, имъ среди остальныхъ людей занимаемаго. Понятно, что люди грубые, мало развитые, какими являются въ массѣ солдаты — звѣрѣютъ въ бою, и авторъ приводитъ поразительный случай съ молодымъ вѣстовымъ, „скромнѣйшимъ, — по свидѣтельству его, — матросомъ". Дѣло было въ томъ, что на походѣ отряду былъ данъ приказъ: „не брать въ плѣнъ вооруженныхъ боксеровъ", т. е. попросту убивать ихъ. Одного, спрятавшагося въ каульнѣ боксера случайно открылъ этотъ „скромнѣйшій матросъ", когда тотъ, боясь быть открытымъ, отбросилъ отъ себя оружіе, чтобы прикинуться мирнымъ китайцемъ; но матросъ это видѣлъ и „инстинктивно оберегая себя, проткнулъ китайца штыкомъ. Тотъ „только крякнулъ и скорючился", а матросъ продолжалъ „работать штыкомъ", пока трупъ врага, проткнутаго первымъ же ударомъ въ сердце, „не растя-

нулся пластомъ", какъ чистосердечно разсказывалъ самъ этотъ „герой". Сосчитано потомъ было 14 штыковыхъ ранъ на китайцѣ, изъ нихъ 13 пришлись уже по трупу" (216). Разсказавъ дальше, какъ боксеры въ свою очередь однимъ ударомъ своихъ длинныхъ ножей обезглавливали нашихъ солдатиковъ, нашъ авторъ не выдерживаетъ присущей ему сдержанности и взволнованно восклицаетъ: „Возмутительное это дѣло—война!" Да, возмутительное, тѣмъ болѣе еще возмутительное, что старанія отдѣльныхъ, не поддающихся общему озвѣрѣнію, людей защитить мирныхъ гражданъ и ихъ имущество отъ ярости озвѣрѣвшихъ—остаются безсильными, о чемъ свидѣтельствуетъ разсказъ „поручика N. В. С. полка М. объ эпизодѣ, относящимся ко дню взятія Пекина". „Имъ самимъ была занята съ бою одна кумирня", „онъ забилъ двери гвоздями и (для охраны) приколотилъ на нихъ свой эполетъ и сдѣлалъ надпись объ охранѣ кумирни на русскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ. Тутъ же, рядомъ съ кумирней, въ частномъ мирномъ домѣ, онъ далъ охранную записку семейству китайцевъ, состоявшую изъ трехъ мужчинъ и двухъ женщинъ, одной дѣвушки и трехъ дѣтей. Но, вернувшись изъ обхода знакомою дорогой, онъ нашелъ кумирню разграбленною на чисто и самъ видѣлъ убѣгавшихъ изъ нея французовъ. Въ частномъ же домѣ онъ былъ свидѣтелемъ возмутительнѣйшаго варварства: мужчины-китайцы, истыканные штыками, найдены мертвыми, надъ мертвыми женщинами совершено гнусное поруганье, у дѣтей разбиты головы". „Очевидецъ возмущался до слезъ,—добавляетъ авторъ,—при разсказѣ объ этомъ дѣйствительномъ фактѣ" (198). Да и вообще „каковы сами эти культуртрегеры и воинствующіе миссіонеры, о томъ здѣсь на рейдѣ въ Таку пришлось понаслушаться"—замѣчаетъ г. Дьяковъ.

Много крупныхъ и мелкихъ эпизодовъ подмѣчаетъ и описываетъ авторъ, но мы ихъ перечислять не будемъ, отсылая интересующихся къ самой книжкѣ. Однако, въ виду намека автора на возможность продолженія настоящаго труда, посовѣтуемъ ему быть нѣсколько поосмотрительнѣй, а то у него попадаются совсѣмъ нежелательные ляпсусы, наприм., въ разсказахъ о медузахъ (97), о кашалотахъ (109), о Золотой горѣ Портъ Артура (168). Есть и другіе, да еще слѣдуетъ повнимательнѣе перечитывать написанное, чтобы не попадались непонятныя мѣста, подобныя нижеслѣдующему: „моря, воды не напрасно же составляютъ въ земномъ мірѣ двѣ трети цѣлаго: двое отображаютъ Творца" (219).

Девятый годовой отчетъ Московской городской санитарной станціи, устроенной при гигіеническомъ институтѣ Императорскаго Московскаго университета, за 1900 годъ. Составленъ подъ редакціей завѣдующаго станціей С. Ѳ. Бубнова. М. 1902. г. Безплатное приложеніе къ журн. «Извѣстія московской городской думы». Апрѣль 1902.

За отчетный годъ станція произвела нѣсколько сотъ анализовъ пищевыхъ продуктовъ московскаго рынка. Приводимъ нѣкоторые выводы, къ которымъ пришла станція.

Топленное „русское" масло. „Результаты изслѣдованія представляются не только грустными, но во многихъ отношеніяхъ поучительными. Они обнаруживаютъ, что $^1/_3$ находящагося у насъ въ продажѣ топленнаго „русскаго" масла представляется продуктомъ фальсифицированнымъ посторонними жирами (маргариномъ). Это значитъ, что московскіе торговцы „коровьимъ" масломъ весьма мало церемонятся съ покупателемъ, часто продавая ему не только недоброкачественный продуктъ, но такой продуктъ, который въ силу существующихъ у насъ узаконеній воспрещенъ къ продажѣ и долженъ быть отбираемъ у производителей и торговцевъ. При такихъ условіяхъ нельзя разсчитывать на возможное улучшеніе масла, полагаясь лишь на добропорядочность производителей и продавцовъ, на ихъ личную иниціативу; въ этомъ дѣлѣ необходимъ бдительный санитарный надзоръ".

Растительные консервы (горошекъ, бобы и пр.) „Изслѣдованія обнаружили, что, не смотря на вполнѣ ясно и опредѣленно выраженное въ законѣ запрещеніе примѣнять мѣдныя соли для подкраски въ зеленый цвѣтъ растительныхъ консервовъ, на московскомъ рынкѣ оказалось таковыхъ содержащихъ въ себѣ мѣдную соль въ большемъ или меньшемъ количествѣ 70% обслѣдованныхъ образцовъ".

„Столь же полное пренебреженіе требованіями нашего закона, вполнѣ опредѣленно воспрещающаго примѣнять смоляные пигменты (анилиновыя краски) при изготовленіи пищевыхъ продуктовъ, мы встрѣчаемъ и со стороны производителей окрашенныхъ пряниковъ. Всѣ обслѣдованные образцы (16) оказались окрашенными въ заманчивый красивый цвѣтъ недозволенными красками (100%). Продажа такихъ народныхъ лакомствъ, совершаемая открыто, на глазахъ у всѣхъ, убѣдительно свидѣтельствуетъ о слабости въ Москвѣ санитарнаго надзора за пищевыми и вкусовыми веществами".

Вареная колбаса и ветчина въ огромномъ большинствѣ случаевъ подкрашена селитрой. „Окраска колбасъ зависитъ не отъ внесенія уже готоваго красящаго вещества въ колбасный фаршъ, а она развивается въ мясѣ самостоятельно подъ вліяніемъ примѣняемой при изготовленіи консервовъ селитры".

Не смотря на такую крайнюю безцеремонность московскаго рынка, санитарный надзоръ въ Москвѣ за пищевыми продуктами

функціонируетъ въ высшей степени слабо, чтобы не сказа вполнѣ отсутствуетъ. Такъ, за 9 лѣтъ существованія санитари станціи со стороны городского санитарнаго надзора было все лишь 12 обращеній къ станціи съ вопросомъ о доброкачестве ности „коровьяго“ масла.

Это—общая болѣзнь нашихъ большихъ городовъ. Производ тели и продавцы пищевыхъ продуктовъ годъ отъ году ста вятся все беззастѣнчивѣе, въ погонѣ за наживой нарушая зако и подрывая здоровье населенія; а города ничего или почти чего не дѣлаютъ для борьбы съ этимъ страшнымъ зломъ.

Въ предисловіи къ отчету завѣдующій станціей проф. Бубно высказывается за усиленіе и расширеніе дѣятельности санитарн станціи и превращеніе ея въ самостоятельное городское учре деніе. (Теперь Москва тратитъ на содержаніе станціи все 7.271 р. 02 к. въ годъ!) Вполнѣ присоединяясь къ этому по ланію, мы вмѣстѣ съ тѣмъ должны высказаться за болѣе цѣ сообразную программу дѣятельности станціи.

Произведенные станціей въ отчетномъ году 612 анализо распредѣляются такъ. Питьевой воды 183 анализа, масла „р скаго“—128, другихъ пищевыхъ продуктовъ—190, сточны водъ—45, фармацевтическихъ препаратовъ — 46, не пищевы продуктовъ—18, мусора—2 анализа. Непонятно, почему отда такое исключительное вниманіе изслѣдованію питьевой воды „русскаго“ (топленнаго) масла (вмѣстѣ составляютъ больше ловины всѣхъ анализовъ). Непонятно, почему масло „русск (топленное) изслѣдовано 128 разъ, а масло сливочное только 1 ра молоко—только 3 раза. Далѣе, весьма мало употребительв ароматическія лепешки для домашняго приготовленія ликер и шипучихъ водъ изслѣдованы 16 разъ, пчелинный медъ—11 ра а предметы такого массоваго употребленія, какъ квасъ,—7 ра квашенная капуста—1 разъ. Частные (платные) анализы—60 годъ, а также анализы фармацевтическихъ препаратовъ изъ родского склада—46 за годъ—можно бы совсѣмъ исключить программы станціи.

Такимъ образомъ, тѣ 612 анализовъ въ годъ, которые въ лахъ произвести теперь станція, могли бы быть болѣе цѣлесо разно распредѣлены.

Наконецъ, слѣдуетъ въ отчетѣ называть тѣ мѣста прода откуда берутся продукты для изслѣдованія. Это было бы силь мѣрой борьбы съ фальсификаціей.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Собраніе сочиненій ***Эрнеста Ренана***. Переводъ съ франц. подъ редакціей В. Н. Михайлова. Изданіе Б. К. Фукса. Т. VI. Кіевъ. 1902. Ц. за все изданіе, 12 томовъ, 5 р., съ перес. и доставкой 6 р.

Полное собраніе сочиненій ***К. Головина (К. Орловскаго)***. Т. V. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Полное собраніе повѣстей и разсказовъ ***Вацлава Сѣрошевскаго***. Т. II. Изданіе магазина «Книжное дѣло». М. Ц. 1 р.

Иванъ Рукавишниковъ. Книга вторая. Стихотворенія. Спб. 1902. Ц. 1 р. 80 к.

Мих. Могилянскій. Миражъ. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Спб. 1902. Ц. 50 к.

Викторъ Рышковъ. Разсказы. Вторая книжка. Изданіе П. А. Картавова. Спб. 1903. Ц. 75 к.

Ночь и другіе разсказы. ***Левъ Урванцовъ***. Спб. 1902. Ц. 1 р.

В. В. Подкольскій. Вечеромъ. Разсказы, Изданіе т-ва «Трудъ». Спб. 1903. Ц. 1 р.

Григорій де-Волланъ. Полная чаша. Изъ семейной хроники Ногайцевыхъ. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

И. И. Забрежневъ. Цѣна счастія. Романъ. Изданіе Г. Г. Арищенко. Спб. 1902. Ц. 70 к.

Историческіе разсказы ***П. Н. Полевого***. Съ 65 рис. К. В. Лебедева. Изданіе 2-е А. Ф. Маркса. Спб. 1902. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

С. Р. Минцловъ. Бѣглецы. Повѣсть. Съ 14 рис. въ текстѣ. Изданіе Ц. Крайзъ. Спб. 1902. Ц. 75 к.

Г. Л. Вадужевъ. Позднее раскаяніе. Разсказъ. Луганскъ. 1902. Ц. 20 к.

Милліонъ терзаній. (Житейская драма). М. 1902. Два тома. Ц. 1 р. за томъ.

В. Вересаевъ. Разсказы. Т. II Спб. 1902. Ц. 1 р.

Вячеславъ Висковскій. Разсказы. Одесса. 1902. Ц. 60 к.

В. Анучинъ. Вѣчный скиталецъ. Сибирская легенда. Спб. 1901. Ц. 5 к.—Такмакъ. Сибирская легенда. Спб. 1902. Ц. 3 к.

Э. Зола. Трудъ. Романъ. Переводъ и изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Сельма Лагерлёфъ. Чудеса Антихриста. Переводъ со шведск. М. Благовѣщенской. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1903. Ц. 1 р. 20 к.

Жюль Ренаръ. Рыжикъ (Современные европейскіе беллетристы. Вып. V). Переводъ съ франц. Э. Г. Изданіе Э. М. Головкиной. Харьковъ. 1902. Ц. 40 к.

Хозяинъ. Комедія на 4 діи. ***Иванъ Тобилевичъ***. (Карпенко-Карый). Кыивъ. 1902. Ц. 10 к.

Марко Вовчокъ. Народна оповидання. 2 тома. Кыивъ. 1902. Ц. 50 к. томъ.

А. Е. Крымсьный. Пальмове гылля. Звыногородка. 1902. Ц. 50 к.

Гнатъ Хотневичъ (Галайда). Поезія въ прози. Харьковъ. 1902.

К. С. Баранцевичъ. Изданія т-ва И. Д. Сытина. М, 1902. Пусть живетъ! Три разсказа для дѣтей старшаго возраста. Ц. 20 к., въ папкѣ 30 к.—На волю! Разсказы для дѣтей. Ц. 20 к., въ папкѣ 30 к.—«Други». Разсказы для дѣтей средняго возраста. Ц. 20 к., въ папкѣ 30 к.

Опытъ о природѣ человѣческаго мышленія. ***А. В. Казаронова***. Спб. 1902. Ц. 50 к.

Гансъ Файгингеръ. Ницше какъ философъ. Съ портретомъ Ницше. Перевелъ съ нѣм. А. А. Малининъ. М. 1902. Ц. 50 к.

В. Ѳ. Трохимовичъ. Письма о приличіи и стыдливости. Спб. 1902. Ц. 1 р. 45 к.—Афоризмы. Спб. 1902. Ц. 40 к.

Нищіе духомъ. (Объясненіе первой заповѣди блаженства). ***Мирянинъ***. Спб. 1902. Ц. 10 к.

Вильгельмъ Оствальдъ. Натуръ-философія. Лекціи, читанныя въ берлинскомъ университетѣ. Пер. Г. А. Котляра подъ ред. М. М. Филиппова. Изд. Д. П. Ефимова. М. Ц. 2 р.

В. Ф. Залѣскій. Лекціи по исторіи философіи и права. Казань. 1902. Ц. 3 р.

Бернаръ Лаваръ. Соціальная задача юдаизма и еврейскій народъ. Переводъ Н. Л. Геккера подъ редакціей Я. Л. Сакера. Одесса. 1903. Ц. 30 к.

Изданія К-ва «Улей» въ Харьковѣ 1902. Сіонистская библіотека. Рѣчь д-ра ***Герцля*** на 5-мъ конгрессѣ въ Базелѣ. Ц. 3 к.—Рѣчь ***Макса Нордау*** на 5-мъ конгрессѣ въ Базелѣ. Ц. 5 к.—Новый организаціонный уставъ сіонистовъ. Ц. 5 к.—***С. Хайкисъ.*** Будущій герой или юность одного мечтателя. Ц. 25 к.—Д-ръ ***М. Шляпошниковъ.*** 5-й всемірно-еврейскій конгрессъ сіонистовъ въ Базелѣ. Ц. 25 к.—Рѣчь ***Израиля Зангвилля.*** на 5-мъ конгрессѣ. Ц. 3 к.—Еврейское искусство. ***Мартина Бубера.*** Ц. 10 к.—Очерки сіонистскаго движенія. Д-ра ***М. Шляпошникова.***—Очерки 5-го конгресса сіонистовъ. Ц. 1 р.

Еврейскіе мотивы. Сборникъ сіонистскихъ стихотвореній Изданіе 2-е Бецалела Яффе. Гродно. 902.

Еврейская семейная библіотека подъ редакціей М. Д. Рыбкина. Изданіе Ш. Бусселя. Спб. 1902. Вып. VII. Еврейскіе мотивы ***Генриха Гейне.*** Переводъ Петра Вейнберга. Съ портретомъ автора и статьей ***А. Штрадтмана*** «Гейне и еврейство».—Вып. VIII. Хасидскіе разсказы и друг. ***Леона Переца.*** Переводъ съ еврейск. Ц. каждаго вып. 42 к., съ перес. 50 к.; по подпискѣ на 12 вып. 3 р. 20 к., съ перес. 4 р.

С. С. Вермель. Исаакъ Ильичъ Левитанъ и его творчество. Спб. 1902.

Исторія русской живописи въ XIX вѣкѣ. ***Александра Бенуа.*** Часть II. Изданіе т-ва «Знаніе». Спб. 1902.

Рихардъ Мутеръ. Исторія живописи. Т. II. Переводъ съ нѣм. подъ редакціей К. Бальмонта. Изданіе т-ва «Знаніе». Спб. 1902. Ц. 2 р. 50 к.

А. Ж. Антокольскій и евреи. Вильна. 1902. Ц. 40 к.

М. Чайковскій. Жизнь П. И. Чайковскаго. Вып. XXI.

М. В. Остроградскій. Празднованіе столѣтія дня его рожденія Полтавскимъ кружкомъ любителей физико математическихъ наукъ. Съ біографіей Остроградскаго, его портретомъ, факсимиле и видомъ дома, гдѣ онъ родился. П. ***Трипольскій.*** Полтава. 1902. Ц. 75 к.

Замѣтки изъ исторіи славянофильства. ***В. Ефременковъ.*** Воронежъ. 1902.

С. А. Андреевскій. Литературные очерки (3-е дополненное изданіе «Литературныхъ чтеній»). Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Вып. I. Составилъ ***В. Зелинскій.*** 4-е изданіе. М. 1902. Ц. 2 р.

Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Вопросы психологіи творчества. Изданіе Д. Е. Жуковскаго. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Синктаксисъ русскаго языка. Изданіе Д. Е. Жуковскаго. Спб. 1902. Ц. 1 р. 75 к.

Ечинацъ. Мысли о языкахъ. Спб. 1902. Ц. 40 к.

Русская исторія. Руководство и пособіе. Составилъ ***Михаилъ Коваленскій.*** Изданіе П. И. Шанина. М. 1902. Ц. 15 к.

Очеркъ всеобщей и русской исторіи. Составилъ ***Михаилъ Коваленскій.*** Изданіе П. И. Шанина. М. 1902. Ц. 75 к.

В. В. Къ исторіи общины въ Россіи. (Матеріалы по исторіи общиннаго землевладѣнія). М. 1902. Ц. 1 р. 35 к.

Н. Е. Онучковъ. О расколѣ на низовой Печорѣ. Спб. 1902.

Проф. ***Н. Н. Любовичъ.*** Люблинскіе вольнодумцы XVI вѣка. Антитринтаріи и анабаптисты. Варшава. 1902.

Р. Роммъ. (R. Romme). Страхованіе рабочихъ въ Германіи. Переводъ Н. А. Гольцевой. Изданіе маг. «Книжное Дѣло». М. 1902. Ц. 15 к.

В. П. Литвиновъ-Фалинскій. Отвѣтственность предпринимателей за увѣчья и смерть рабочихъ по дѣйствующимъ въ Россіи законамъ. 3-е изданіе. Спб. 1903. Ц. 3 р.

В. Ѳ. Дерюжинскій. Судебные дѣятели объ университетской подготовкѣ молодыхъ юристовъ. (Изъ «Журнала Министерства Юстиціи»). Спб. 1902.

Докторъ ***Л. Кюльцъ,*** практикующій врачъ. Отвѣтъ на исповѣдь врача Вересаева. Переводъ съ нѣм. М. 1903. Ц. 50 к.

Н. Н. Исполатовъ. Мысли стараго врача по поводу «Записокъ врача» Вересаева. Новороссійскъ. 1902. Ц. 40 к.

Бесѣды о здоровьи женщины. Женщины-врача ***М. Волковой.*** 2-е изданіе. Спб. 1902. Ц. 2 р.

Городъ Троицкосавскъ со слободами Кяхтой и Усть-Кяхтой въ санитарно-экономическомъ отношеніи. ***И. П. Михайловскаго.*** Иркутскъ. 1902.

Священникъ ***Н. Дьяковъ.*** Годъ на крейсерѣ «Адмиралъ Нахимовъ». Съ

20 рис. въ текстѣ. Спб. 1902. Ц. 1 р. 20 к.

В. П. Троицкій. Вліяніе казенной продажи вина на благосостояніе населенія въ 35 губерніяхъ Европейской Россіи въ 1898 г. Ташкентъ. 1902.

Памятная книжка Тенишевскаго училища въ С.-Петербургѣ за 190⁰/₁ учебный годъ. Спб. 1902. Ц. 50 к.

Тридцать лѣтъ жизни учебнаго отдѣла о-ва распространенія техническихъ знаній. Съ 5-ю портретами и 15-ю біографіями. Составилъ ***А. Е. Грузинскій*** М. 1902. Ц. 1 р.

Общее дѣло. Сборникъ статей по вопросамъ распространенія образованія среди взрослаго населенія. Составленъ подъ редакціей В. С. Костроминой. Вып. II. М. 1902. Ц. 1 р. 60 к.

Изданія К. И. Тихомирова. М. 1902. Сто животныхъ. Опытъ краткой зоологіи. По датскому учебнику проф. А. Феддерина составилъ для русскихъ школъ ***Георгій Ланге.*** II. 50 к.— ***В. Раевскій.*** Ботаническія экскурсіи. Книжка для образовательныхъ прогулокъ съ дѣтьми. Ц. 2 р. въ папкѣ.— Руководство къ зоологическимъ экскурсіямъ и собиранію зоологическихъ коллекцій. Составлено комиссіей для изслѣдованія фауны Московской губ. подъ редакціей прив.-доц. Г. А. Кожевникова. Ц. 1 р.—***Эрнстъ Пильцъ.*** Задачи и вопросы для наблюденія окружающей природы. Переводъ Павла Фрейберга. Ц. 50 к.—Краткое руководство къ уходу за комнатными растеніями и устройству цвѣтниковъ. Составили ***Р. Г. Треспе*** и ***В. Н. Спасскій.*** Ц. 1 р. 25 к. въ папкѣ.

Изданія С. Курнина и К⁰. М. 1902. ***М. А. Князева.*** Природа. Первое знакомство съ животными и ихъ бытомъ. Подъ редакціей проф. К. Э. Линдемана Часть I. Ц. 45 к., часть II. Ц. 40 к.—***М. А. Князева.*** Природа. Первыя понятія о физическихъ явленіяхъ. Подъ редакціей В. Д. Соколова. Ц. 30 к.

Г. Григорьевъ. Краткій курсъ химіи. Изданіе 2-е т-ва «Знаніе». Спб. 1902. Ц. 80 к.

Ѳ. П. Борисовъ. Практическій курсъ русскаго правописанія. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1902. Вып. I. Ц. 5 к.; вып. II. Ц. 20 к.

Учебникъ географіи Россійской Имперіи. Съ приложеніемъ двухъ картъ. Составилъ учитель ***Д. Г. Онацкій.*** Изданіе К. И. Тихомирова. Ц. 50 к.

«Eile mit Weille». Lehrbuch der deutschen Sprache. Von ***Anna Kalina.*** St. Petersburg 1902. Preis 1 Rubel.

Отчетъ Одесской городской управы за 1901 годъ по народному образованію. Одесса. 1902.

Отчетъ о съѣздѣ учителей и учительницъ народныхъ училищъ Аккерманскаго у.. Бессарабской губ. съ 26 мая по 1 іюня 1902. Аккерманъ. 1902.

Художественно-архитектурный журналъ «Архитектурный Музей». Выходитъ 10 разъ въ годъ. Издатель В. Эриксонъ. Редакторъ В. Карповичъ. Вып. I—VI. Выходитъ 10 разъ въ годъ. Ц. 10 р. въ годъ, съ перес. 12 р., за границу 14 р.

Промышленность и здоровье. Вѣстникъ профессіональной гигіены, фабричнаго и санитарнаго законодательства. Выходитъ съ 1 октября ежемѣсячно, кромѣ трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Редакторъ-издатель А. В. Погожевъ. Кн. I. Ц. 6 р. въ годъ, за 15 мѣсяцевъ съ 1 окт. 8 р.

Russische Medicinische Rundschau. Monatsschrift für die gesamte russische medicinische Wissenschaft und Litteratur. Herausgegeben und redigiert von dr. Semjon Lipliawsky und dr. S. Weissbein in Berlin. 1902. № 1. Pr. in Russland 7 Rub., im übrigen Ausland und in Deutsland 15 Mark.

Рудольфъ Вирховъ.

1821—1902.

Вирховъ умеръ...

Прошло почти шестьдесятъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ
полный юныхъ силъ, горячей любви къ знанію и непреклон
вѣры въ будущее, выступилъ на научное поприще. И силы
не изсякли до конца дней его, любовь къ знанію принесла об
ные плоды, будущее съ избыткомъ оправдало надежды.
Вирхова четко вырѣзано на скрижаляхъ исторіи науки и бу
переходить изъ поколѣнія въ поколѣніе, окруженное ореол
немеркнущей славы и искренней признательностью потомков

Капризная старушка „Мойра“ щедро осыпала Вирхова
ими дарами и напередъ пріуготовила ему видное мѣсто въ
дахъ „великихъ міра сего“. „Но развѣ тутъ рѣчь идетъ тол
о дарахъ природы? Развѣ такіе люди рождаются, подобно Аф
дитѣ анадіоменской, изъ пѣны волнующагося моря? О, разумѣе
нѣтъ! Тяжелый трудъ, упорная борьба, заботливое прилежа
украшали эту долгую благородную жизнь“ *). Такъ говор
Вирховъ о Гёте, и сказанное о великомъ поэтѣ можно полнос
примѣнить къ только что сошедшему въ могилу знаменит
ученому. Однако, геній и трудъ еще не все. Счастливое соч
ніе въ одномъ человѣкѣ этихъ важнѣйшихъ условій всяв
творчества (художественнаго, научнаго и философскаго) мож
разрѣшиться—да и на самомъ дѣлѣ не разъ разрѣшалось — п
тоцвѣтомъ: вспомнимъ хотя бы многихъ „метафизиковъ“, к
рымъ никто не откажетъ ни въ геніи, ни въ трудолюбіи. Ч
же не хватало имъ? Умѣнья, а часто и просто желанія восп
зоваться данными, выработанными коллективнымъ опытомъ и
знаніемъ предшествующихъ работниковъ на поприщѣ науки.
говорю ужъ о томъ, что временами такихъ данныхъ вовсе
имѣлось на лицо, такъ что и пользоваться было нечѣмъ. С
вомъ, для плодотворной дѣятельности генія, идущаго рука
руку съ трудомъ, нужна соотвѣтствующая духовная атмосфе
своего рода историческіе prolegomen'ы: духовная атмосфера ок
ляетъ природное дарованіе, а данныя предшествующаго оп
развиваютъ его въ опредѣленномъ направленіи, удерживая
блудныхъ шатаній и лукаваго мудрствованія. „Онъ былъ д

---

*) *R. Virchow.* «Göthe als Naturforscher».

своего времени,—говоритъ Вирховъ о Іоганнѣ Мюллерѣ,—и потому именно, что онъ былъ таковымъ, потому, что изъ даннаго состоянія развитія онъ неудержимо рвался впередъ, его вліяніе стало столь могущественнымъ" *). И опять-таки, сказанное о „величайшемъ изъ біологовъ всѣхъ временъ" можно полностью примѣнить къ самому Вирхову.

„Дитя своего времени"! Значитъ ли это, что геній не привноситъ ничего существенно новаго въ сокровищницу мысли? Нисколько: тогда онъ не былъ бы геніемъ. Чтобы топтаться на одномъ и томъ же мѣстѣ, варьируя старое на новые лады, не надо исключительныхъ дарованій: на это хватитъ и полезной посредственности. Сила и значеніе большого человѣка кроется въ его реформаторскихъ тенденціяхъ. Разбить тѣсныя рамки традиціонной догмы, разнести поддерживающія ее основы и расчистить мѣсто для новаго строя идей—это одна сторона его работы; а отобрать изъ обломковъ стараго все годное для новаго, использовать цѣлесообразно весь опытъ современниковъ, заготовить самому обильный строительный матеріалъ, чтобъ затѣмъ, раздувши искры носящихся въ воздухѣ идей въ яркое пламя, приняться при свѣтѣ его за сооруженіе новаго зданія — такова другая половина задачи реформатора. Эта двойная работа, работа разрушенія и созиданія, идетъ по большей части одновременно. Вся научная дѣятельность Вирхова служитъ яркимъ примѣромъ такой двойной работы генія. Будучи блестящимъ реформаторомъ, онъ въ то же время „дитя" не только своего времени, но и цѣлаго ряда предшествующихъ состояній науки.

Сдѣлаемъ же небольшую экскурсію въ сферу этихъ „предшествующихъ состояній" и обрисуемъ хотя бы въ общихъ чертахъ умственное настроеніе того времени, которое выдвинуло Вирхова.

Вплоть до XVI-го вѣка въ наукѣ о жизни царило ученіе въ *pneum'ѣ*, а въ наукѣ о болѣзни—ученіе о *humor'ѣ*. Пущенныя въ оборотъ еще отцомъ медицины, Гиппократомъ, оба эти ученія были обстоятельно развиты Галеномъ во второмъ вѣкѣ нашей эры и съ того времени получили силу властной, непоколебимой догмы. Триединый „жизненный духъ" — *pneuma psyhikon*, возсѣдающая въ мозгу, затѣмъ *pneuma zotikon*, избравшая себѣ резиденцію въ сердцѣ, и, наконецъ, *pneuma physikon*, примостившаяся въ печени—управлялъ съ такимъ же успѣхомъ всѣми функціями человѣческаго тѣла, какъ и авторитетъ Галена умами мыслящихъ людей на протяженіи долгихъ тринадцати вѣковъ. Четыре *основныхъ сока*—кровь, слизь, желчь желтая и желчь черная — были признаны матеріаломъ, изъ котораго строится человѣческое тѣло; а „*дурные соки*" считались первоисточникомъ и причиной всевозможныхъ болѣзней.

---

*) *R. Virchow.* «Johannes Müller». Eine Gedächtnissrede.

Разумѣется, Галенъ зналъ цѣну и точному наблюденію даже эксперименту. Но тяготѣніе къ законченной во что бы ни стало „системѣ“ окутало густымъ туманомъ мистики скуд матеріалъ имѣвшихся въ его распоряженіи данныхъ, добыт наблюденіемъ и опытомъ. Эпоха возрожденія и реформаці эпоха начинающагося освобожденія мысли, борьбы съ „си мами“, критики авторитетовъ и крушенія многихъ догмъ—в вые подорвала вѣру и въ догмы галенизма. Везалій и Па цельсъ стали во главѣ новаго, освободительнаго движенія области естествознанія и медицины. Одинъ — великій анато задавшійся цѣлью бороться съ апріорными положеніями Гал путемъ точныхъ изслѣдованій, самоотверженный новаторъ, тавшійся создать основы анатоміи въ духѣ строго научн обобщеній; другой — всеобъемлющій умъ, предавшій прокля всѣ авторитеты и догмы, самостоятельный изслѣдователь, б тящій алхимикъ и фантазеръ, согнавшій съ престола гале скую Pnum'у лишь для того, чтобы посадить на него сво *архея*,—„Везалій и Парацельсъ въ своемъ нападеніи на догм ковъ медицины были не менѣе счастливы, чѣмъ Лютеръ и К винъ въ борьбѣ съ догматиками церкви: ихъ дѣло, соверш оно на политической аренѣ, было бы навѣрное названо рево ціей“ *).

Со времени этой „революціи“ развитіе естествознанія по по двумъ направленіямъ. Одна часть изслѣдователей двину по стопамъ Везалія. Непосредственное изученіе явленій приро положительный методъ изслѣдованія, сравнительное равноду къ широковѣщательнымъ обобщеніямъ и всяческимъ „системамъ таковъ былъ лозунгъ представителей народившагося точнаго нія. Другая часть натуралистовъ и медиковъ предпочла т путь, который былъ указанъ Парацельсомъ. Отдавая дол наблюденію и опыту—хотя больше на словахъ, чѣмъ на дѣл сторонники этого направленія съ особеннымъ рвеніемъ заня выработкой общаго міросозерцанія, при свѣтѣ котораго мо было бы истолковать полностью всѣ процессы живой и мер природы, объяснить всѣ явленія, совершающіяся какъ въ зд вомъ, такъ и въ больномъ организмѣ. Одни изощряли силы на анализѣ, другіе тяготѣли къ синтезу; въ то время, какъ вые подчеркивали значеніе индуктивнаго метода, послѣдніе употребляли дедукціей. За Парацельсомъ пошли Фанъ-Гельмо и Шталь — блестящіе теоретики естествознанія XVII и пер половины XVIII вѣка; а за Везаліемъ потянулась цѣлая пле натуралистовъ и медиковъ, трудившихся на пользу точнаго нія и положительнаго метода. Конечно, оба направленія ч скрещивались и переплетались, но историку науки все же

*) *R. Virchow.* «Hundert Jahre allgemeiner Pathologie». 1895.

трудно отмѣтить, въ какую сторону гнули послѣдователи Везалія и куда влекло сторонниковъ Парацельса.

Куда влекло ихъ?! Въ сторону пустыхъ абстракцій и мистики—туда именно, откуда они бѣжали, горячо протестуя противъ догмы галенизма и сокрушая власть общепризнанныхъ авторитетовъ. *Archeus maximus* или *Spiritus rector* Парацельса былъ не болѣе понятенъ, чѣмъ пресловутая *Pneuma* Галена. Это — тотъ же „жизненный духъ", отдѣльный отъ матеріи, властвующій надъ нею, оживотворяющій ее. Ему, однако, приходилось считаться съ болѣзнью, которую Парацельсъ разсматривалъ, какъ нѣчто положительное, самостоятельное, способное обижать Архея и вообще строить ему всякія каверзы. Въ особенный почетъ Архей попалъ съ той поры, какъ Фанъ-Гельмонтъ воздвигнулъ ему тронъ въ желудкѣ, выбралъ ему министровъ, далъ ему право войны и мира, надѣлилъ особенною чувствительностью и вздорнымъ сварливымъ нравомъ, что и ставило его часто во враждебныя отношенія къ органамъ того самаго тѣла, которое онъ одушевлялъ. Болѣзнь Фанъ-Гельмонтъ разсматривалъ какъ *особенное состояніе Архея*: испугъ его причинялъ тѣлу лихорадку, враждебное отношеніе къ почкамъ порождало водянку, разсѣянность — ненормальную дѣятельность мозга (Молешоттъ: „Единство жизни")...

Пока Фанъ-Гельмонтъ возился съ Археемъ и со всею свитой подчиненныхъ ему духовъ низшаго порядка, Гарвей, современникъ Фанъ-Гельмонта, открылъ кровообращеніе и написалъ два трактата: „De motu sanguinis"—о движеніи крови и „De generatione animalium" — о размноженіи животныхъ; въ послѣднемъ онъ выставилъ знаменитое положеніе „omne vivum ex ovo"—все живое изъ яйца—положеніе, сыгравшее впослѣдствіи такую важную роль въ наукѣ о жизни. Эти работы составили эпоху въ исторіи естествознанія и положительнаго метода. Вслѣдъ за этимъ Борелли дѣлаетъ впервые попытку свести физіологію органовъ движенія къ физическимъ и механическимъ законамъ и становится, такимъ образомъ, основателемъ извѣстной школы *іатро-физиковъ*, поставившихъ себѣ цѣлью истолковать вообще всѣ жизненныя явленія путемъ законовъ физики; а одинъ изъ послѣдователей Борелли, Глиссонъ, изучаетъ работу мускуловъ и нервовъ и устанавливаетъ понятіе о возбудимости (Irritabilität) живого вещества. Эта способность реагировать на внѣшнія раздраженія выставляется какъ характерная особенность живой матеріи. Глиссонъ даетъ ей имя *Principium energeticum*, выдвигая этотъ принципъ, покоющійся на конкретныхъ свойствахъ живой матеріи, противъ Архея, вымышленнаго Парацельсомъ. Однако, одностороннее движеніе іатрофизиковъ выдвигаетъ къ жизни новую школу *іатрохимиковъ* съ Сильвіусъ во главѣ. Находя невозможнымъ объяснить всѣ жизненные про-

цессы на основаніи законовъ одной лишь физики, іатрохим
настаиваютъ на изученіи химическихъ процессовъ, имѣюш
мѣсто въ физіологическихъ явленіяхъ, и такимъ образомъ
сятъ въ науку о жизни рядъ новыхъ методологическихъ пріем

Но тутъ наступаетъ временный кризисъ въ развитіи поло
тельнаго метода, и идеи Парацельса вновь овладѣваютъ ум
натуралистовъ и медиковъ конца XVII и первой полов
XVIII вѣка. Въ то время, какъ знаменитый Боэргаве—энци
педистъ по образованію и эклектикъ по уму—пытался соб
воедино разнохарактерныя данныя и обобщенія физіологі
свести всю совокупность жизненныхъ процессовъ къ дѣйс
особеннаго „principium energeticum", который онъ представл
себѣ какъ нѣчто матеріальное, какъ разъ въ это самое вр
не менѣе знаменитый Шталь выступилъ со своею *анимист*
ской системой. Іатрофизики и іатрохимики не оправдали во
женныхъ на нихъ надеждъ: свести физіологію на одну л
физику и химію имъ не удалось, да и не мудрено: это
сихъ поръ еще не сдѣлано. Разочарованіе, какъ всегда, вызв
реакцію и обезпечило на нѣкоторое время успѣхъ ученію Шт
Въ основѣ ученія лежала, какъ извѣстно, мысль о дуалист
скомъ характерѣ жизненныхъ процессовъ. Тѣло въ своихъ м
ріальныхъ отправленіяхъ,—говорилъ Шталь,—подчиняется з
намъ физики, химіи и механики; но то, что даетъ ему жизн
сохраняетъ отъ разрушенія, есть *anima*—духъ, нѣчто, стоя
внѣ законовъ физики и химіи. Такъ, Archeus, къ великому
скорбію сторонниковъ точнаго знанія, преобразился въ ani
и часть натуралистовъ вступила на скользкій путь спекуля
Но только часть.

Завѣты Везалія не только были живы, но и нашли себѣ
соко-талантливыхъ выразителей въ лицѣ Галлера, Морганы
Гунтера. Физіологія и медицина дѣлаютъ небывалые до
времени успѣхи. Галлеръ выпускаетъ въ свѣтъ свои „Elem
physiologiae corporis humani"—Основы физіологіи человѣчес
тѣла, трудъ единственный въ своемъ родѣ. Тутъ физіологія в
вые выставлялась какъ самостоятельная наука, представляю
высокій теоретическій интересъ и долженствующая служ
фундаментомъ для научной медицины. Приблизительно въ
же самое время народилась новая наука — *патологичес*
анатомія, наука, трактующая о строеніи измѣненныхъ болѣз
нымъ процессомъ органовъ. Основателемъ ея по справедливо
долженъ быть названъ итальянецъ Морганьи. Его трудъ
sedibus et causis morborum"—объ очагахъ и причинахъ болѣзне
произвелъ громадное впечатлѣніе не только въ самой Италіи,
и далеко за предѣлами ея. И не мудрено. Въ книгѣ Морга
впервые были собраны въ одно цѣлое всѣ извѣстныя въ
время фактическія данныя о болѣзненныхъ измѣненіяхъ въ ор

низмѣ. Патологическая анатомія становилась основою патологіи, ученія о болѣзняхъ, а медицина возводилась на степень естественно-исторической дисциплины. XVIII вѣкъ былъ ужъ на исходѣ, когда другой знаменитый ученый и врачъ, англичанинъ Джонъ Гунтеръ, счелъ нужнымъ развить и дополнить общія положенія Морганьи введеніемъ въ патологію *экспериментальнаго метода изслѣдованія.* Съ этого времени стали производиться опыты надъ животными съ цѣлью провѣрки и расширенія тѣхъ данныхъ, которыя получались путемъ патолого-анатомическихъ изслѣдованій и наблюденій надъ больными. „Когда,—говоритъ Вирховъ—наступилъ 1795 годъ, анатомія и физіологія пріобрѣли уже прочныя основы, патологическая анатомія только что народилась, а экспериментальная патологія находилась еще въ младенческомъ возрастѣ“ (noch in den Kinderschuhen *).

Но, спрашивается, какъ отразились всѣ эти успѣхи анатоміи, физіологіи и медицины на общихъ теоретическихъ представленіяхъ о сущности болѣзни? Открытіе кровообращенія и изученіе состава крови воскресили ученіе „о вредныхъ сокахъ“, какъ о первоисточникѣ всѣхъ болѣзней. Правда, это была ужъ не *гуморальная патологія*—такъ именуется ученіе о болѣзнетворныхъ сокахъ въ духѣ Гиппократа и Галена, но основная тенденція, исходная теоретическая посылка обновленнаго ученія осталась та-же, что и раньше. По смыслу старой теоріи, кровь была лишь составною частью тѣхъ четырехъ „основныхъ соковъ“, которые играли такую важную роль въ жизни организма; теперь значеніе трехъ „основныхъ соковъ“ было отодвинуто совсѣмъ на задній планъ, и только на долю крови выпала почетная роль вершительницы судебъ живого существа. Въ крови—источникъ жизни, *въ измѣненіяхъ ея состава*—причина всяческихъ заболѣваній; таковъ лозунгъ, выставленный новою гуморальной патологіей, которую стали величать ужъ *гемопатологіей* (отъ слова hemos—кровь). Такъ „вредные соки“ вновь приковали къ себѣ, и на довольно долгое время, вниманіе теоретиковъ медицины.

Однако рядомъ съ гемопатологіей шло и другое теоретическое теченіе, зачатки котораго были провозглашены еще въ достославныя времена Цицерона и Катилины однимъ греческимъ врачемъ, Асклепіадомъ. Неудовлетворенный ученіемъ Гиппократа и считая это ученіе не только одностороннимъ, но и совершенно ложнымъ, Асклепіадъ рѣшилъ, что источникъ жизни и причина болѣзней не въ „сокахъ“, а въ твердыхъ частяхъ тѣла. Такъ возникла извѣстная *солидарная патологія*—отъ слова solidus, что значитъ твердый—или иначе „патологія твердыхъ частей“. Во время царствованія *системы* Галена солидарная патологія находилась въ полномъ загонѣ. Но въ вѣкъ крушенія авторите-

*) *R. Wirchow.* «Hundert Iahre allgemeiner Pathologie».

товъ и школъ она вновь возродилась къ жизни, и не только возродилась, но и окрѣпла, пріобрѣла множество сторонниковъ и послѣдователей. Расцвѣту и укрѣпленію ея особенно способствовало изученіе дѣятельности мускульной и нервной системы со временъ Глиссона. (См. выше).

Обѣ эти „системы"—патологія гуморальная и патологія солидарная—дожили благополучно до того времени, когда Вирховъ выступилъ на научное поприще.

II.

Нѣмцы вообще большіе метафизики; а въ первой половинѣ XIX вѣка они были метафизиками по преимуществу. Философія Шеллинга въ это время безконтрольно царила надъ умами многихъ видныхъ представителей точнаго знанія. „Натурфилософія, какъ говоритъ Вирховъ, стала маніей" (Die Naturphilosophie war Manie geworden). Чтобы судить о степени этой маніи, достаточно указать, напримѣръ, на то, что одинъ врачъ, профессоръ и широко образованный для своего времени ученый, задался цѣлью—*установить a priori метафизическія основоположенія медицины*. И все это при наличности тѣхъ *положительныхъ* знаній по анатоміи, физіологіи и патологической анатоміи, которыя восемнадцатый вѣкъ оставилъ девятнадцатому *).

Когда восемнадцатилѣтній Вирховъ поступилъ въ число студентовъ медико-хирургическаго института въ Берлинѣ, натурфилософія боролась жестоко съ естественно-исторической школой. Геніальные представители послѣдней—Іоганнъ Мюллеръ и Лука Шёнлейнъ—были учителями Вирхова. Во имя чего же они боролись? Что разрушали и что строили? Чему учили своихъ приверженцевъ вообще и Вирхова въ частности?

„Пусть наше поколѣніе собираетъ матеріалъ для науки, а слѣдующее ужъ используетъ его... Опираться на книгу природы—вотъ наше намѣреніе, вотъ въ чемъ естественно-историческое направленіе. Естественныя науки должны руководить нами; онѣ должны намъ показать, какъ надо вести наблюденія, какъ производить опыты и примѣнять ихъ къ дѣлу. Итакъ, прежде всего методъ — Also vor allem die Methode". Таковъ девизъ Шёнлейна, выдвинутый имъ противъ натурфилософіи, вторгнувшейся безцеремонно въ предѣлы точнаго знанія и подчинившей себѣ даже медицину. Это credo онъ строго проводилъ и у постели больного, и за вивисекціоннымъ столомъ, и въ лабораторіи. Въ его клиникѣ, по словамъ Вирхова, нѣмцы-студенты и врачи стали впервые примѣнять выстукиваніе и выслушиваніе

*) *R. Virchow*, «Gedächtnissrede auf Ioh. Lucas Schönlein.»

больныхъ. Онъ первый указалъ на необходимость микроскопическихъ и химическихъ изслѣдованій для опредѣленія болѣзни; онъ научилъ слѣдить за ходомъ совершающихся въ организмѣ измѣненій, съ цѣлью установить генезисъ и причины болѣзни; онъ привелъ въ связь клиническую картину многихъ заболѣваній съ данными, найденными при вскрытіи. Изученіе при помощи микроскопа патологически измѣненныхъ тканей, анализъ крови больного и различныхъ ненормальныхъ выдѣленій, исторія болѣзни и данныя анатомическаго театра—все это въ рукахъ знаменитаго клинициста служило могучимъ орудіемъ какъ для опредѣленія болѣзни и борьбы съ нею, такъ и для дальнѣйшихъ успѣховъ научной медицины. Врачъ-мыслитель, стяжавшій славу великаго діагноста, училъ и другихъ не только распознавать болѣзнь и лѣчить ее, но и наблюдать, соединять факты въ связный рядъ причинъ и слѣдствій, училъ мыслить. Подъ руководствомъ такого учителя можно было многому научиться, и понятно почему Вирховъ впослѣдствіи говорилъ: „я съ благодарностью признаю, что Шёнлейнъ оказалъ на меня громаднѣйшее вліяніе".

Однако, на ряду съ вліяніемъ Шёнлейна шло едва-ли не бо̀льшее вліяніе другого учителя, Іоганна Мюллера. Могучій умъ, обширныя познанія по всѣмъ отраслямъ біологіи, безграничная любовь къ наукѣ на ряду съ ненавистью къ предвзятой доктринѣ гармонично сочетались въ этомъ истинно великомъ физіологѣ. Наблюденіе и опытъ считалъ онъ основаніемъ всякаго строго научнаго изслѣдованія, а самостоятельность въ работѣ, критическое отношеніе къ фактамъ и выводамъ изъ нихъ онъ цѣнилъ особенно высоко. Общія, наиболѣе животрепещущія проблемы науки его интересовали прежде и больше всего. Будучи выдающимся спеціалистомъ въ различныхъ отрасляхъ знанія—въ физіологіи и зоологіи, въ сравнительной анатоміи и палеонтологіи—Мюллеръ никогда не терялъ изъ виду тѣ великія проблемы, во имя которыхъ и должно вестись всякое спеціальное изслѣдованіе. И это тяготѣніе къ широкимъ обобщеніямъ онъ воспитывалъ и сумѣлъ воспитать въ наиболѣе даровитыхъ изъ своихъ учениковъ. Другое не менѣе цѣнное качество Мюллера состояло въ поразительномъ умѣніи пользоваться всякими методами, всякимъ научнымъ пріемомъ, который ему казался особенно подходящимъ для рѣшенія той или иной важной проблемы. Онъ одинаково пользовался и физическимъ экспериментомъ, и химическимъ анализомъ, и микроскопическими или эмбріологическими изслѣдованіями, и фактами зоологіи или палентологіи, если только этого требовала намѣченная имъ тема. Отъ этого добытые имъ результаты становились только полнѣе и содержательнѣе, а воспитанные въ атмосферѣ его лабораторіи молодые ученые привыкали всесторонне испытывать природу, заставляя ее давать отвѣты тамъ, гдѣ она при болѣе деликатномъ обращеніи съ ней

не захотѣла бы вовсе отвѣчать. „Область физіолога,—говорил Мюллеръ,—не абстрактное мышленіе о природѣ. Физіологъ испы тываетъ природу, чтобы затѣмъ судить о ней“ *). И онъ не только самъ испытывалъ ее всѣми имѣющимися въ его распоряженіи средствами, но и другихъ научилъ этому. Независимый в своихъ взглядахъ, онъ и другимъ не навязывалъ ихъ; враг догмы, онъ и своихъ собственныхъ выводовъ не выдавалъ безусловную, не подлежащую критикѣ доктрину; свободный изсл дователь, онъ и другихъ училъ быть свободными. „Какъ сам онъ,—говоритъ Дю Буа-Реймонъ,—всюду стоялъ на собственны ногахъ, такъ и отъ учениковъ своихъ онъ требовалъ умѣнія бы самостоятельными. Онъ задавалъ темы и давалъ толчекъ, а остальномъ довольствовался, выражаясь языкомъ химіи, свое рода каталитическимъ воздѣйствіемъ. Но бо̀льшаго и не требов лось. Онъ дѣйствовалъ, какъ говоритъ Гёте о красотѣ, одни лишь своимъ присутствіемъ... Стараясь не вмѣшиваться въ ход имъ самимъ возбужденныхъ изслѣдованій, Мюллеръ тѣмъ самы предоставлялъ ученикамъ самую широкую свободу въ ихъ ра витіи и склонностяхъ... Такимъ образомъ, Мюллеръ никогда устно, ни письменно не выставляя себя учителемъ, никогда употребивъ слова „ученикъ“, на самомъ дѣлѣ и по истинѣ осн валъ не одну, а, соотвѣтственно своей собственной многосторо ности, нѣсколько школъ, которыя, продолжая работать въ с вершенно различныхъ направленіяхъ, вопрошаютъ природу указанномъ имъ смыслѣ и берегутъ и поддерживаютъ тотъ огон что впервые показался въ его горнѣ“ **)...

Отношеніе Мюллера къ студентамъ средняго пошиба, инт ресующимся научными занятіями постольку, поскольку это н обходимо для окончанія курса, было довольно безразличное. Е если въ комъ-нибудь изъ своихъ слушателей онъ замѣчалъ хо искру таланта, хоть слабый намекъ на призваніе къ самосто тельному изслѣдованію, отношенія его становились совершен иными: свои знанія, книги, учебныя пособія—все предоставля онъ съ радостью въ распоряженіе любознательному юнцу, ли бы поставить его на ноги. Въ числѣ такихъ счастливыхъ и бранниковъ Мюллера очень скоро оказался и Рудольфъ Ви ховъ, сперва любимый ученикъ, потомъ товарищъ по профессу и, наконецъ, другъ Мюллера.

Итакъ, мы знаемъ, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, ч было положительнаго и отрицательнаго въ медицинской нау въ ту пору, когда Вирховъ, защитивши диссертацію на степе доктора медицины (въ 1843 г.), долженъ былъ приняться за

*) *R. Virchow.* «Iohannes Müller». Eine Gedächtnissrede.

**) *Du Bois-Reymond.* Reden. Zweite Folge. Gedächtnissrede auf Iohan Müller.

мостоятельную работу; мы знаемъ также и то, какую школу онъ прошелъ, какія воспринялъ идеи, что долженъ былъ отстаивать и съ чѣмъ бороться. Передъ нимъ открылась широкая дорога. Надо было одновременно вести борьбу на два фланга: добивать старое и проводить въ жизнь новое. И для того, и для другого имѣлась благодатная почва и вполнѣ благопріятныя условія. Работа не заставила себя ждать долго.

1844 году Вирхова назначаютъ ассистентомъ при патологоанатомическомъ институтѣ „Королевской больницы Charité" въ Берлинѣ. Прозекторъ института, Фроріпъ, дѣльный, свѣдующій труженикъ науки, становится на первыхъ порахъ руководителемъ Вирхова, который оставляетъ занятія въ клиникахъ и отдается всецѣло изученію патологической анатоміи. Обильный матеріалъ и опытный руководитель, съ одной стороны, а живой интересъ къ наукѣ и способность упорно работать—съ другой, приносятъ довольно быстро обильные плоды. Вирховъ намѣчаетъ и выполняетъ блестяще рядъ самостоятельныхъ работъ, которыя не только отличаются новизною фактическихъ данныхъ и оригинальнымъ ихъ толкованіемъ, но и проводятъ въ науку новые пріемы изслѣдованія. Какія же это работы и что въ нихъ было новаго по существу для медицины?

Прежде всего изслѣдованіе о воспаленіи венъ (*флебитъ*), вопросъ спорный для того времени. Вирховъ нашелъ, что причину этой болѣзни нужно искать не въ измѣненіи стѣнокъ сосудовъ, а въ измѣненіи ихъ содержимаго, т. е. крови. Ну, а такъ какъ въ этомъ случаѣ измѣненіе, согласно Вирхову, сводилось къ свертыванію крови внутри сосудовъ и къ образованію такъ называемыхъ кровяныхъ пробокъ (тромбъ), то вслѣдъ за работою о воспаленіи венъ естественно и логически послѣдовалъ цѣлый рядъ новыхъ изслѣдованій по вопросу о закупоркѣ кровяными сгустками кровеносныхъ сосудовъ вообще и легочной артеріи въ частноти (*тромбитъ*). Изученіе патологическихъ измѣненій крови выдвинуло передъ Вирховымъ еще одну задачу—прослѣдить и истолковать явленія такъ называемаго бѣлокровія (*лейкомія*). Молодой ученый и тутъ оказался на высотѣ своего призванія. Онъ доказалъ, что бѣлокровіе вызывается чрезмѣрнымъ увеличеніемъ числа бѣлыхъ кровяныхъ тѣлецъ. Всѣ эти утвержденія для современнаго врача—азбука медицинской науки. Но тотъ, кто знаетъ, какія противорѣчивыя и часто фантастическія объясненія давались всѣмъ этимъ болѣзненнымъ явленіямъ въ ту пору, когда Вирховъ писалъ свои первыя работы, тотъ пойметъ и оцѣнитъ ихъ значеніе. Особенно цѣнно значеніе тѣхъ пріемовъ, которыми пользовался Вирховъ для обосновки и провѣрки своихъ выводовъ. Ученикъ Шёнлейна и Мюллера, хранитель завѣтовъ Везалія, Морганьи и Гунтера, страстный защитникъ естественно-научнаго метода въ медицинѣ, Вирховъ съ первыхъ же шаговъ своей науч-

ной дѣятельности сумѣлъ внушить уваженіе къ экспериментальному методу въ патологіи. Изучая флебитъ, тромбозъ и лейкомію, онъ провѣрялъ свои выводы опытами на животныхъ и тѣмъ самымъ доказалъ, что опыты эти, на ряду съ обстоятельнымъ изученіемъ патолого-анатомическихъ данныхъ, выведутъ патологію со скользкаго пути апріорныхъ разглагольствованій и сомнительныхъ гипотезъ и поднимутъ ее на высоту точной научной дисциплины. И сколько правды, доказанной всѣмъ послѣдующимъ развитіемъ медицины, въ слѣдующихъ словахъ его изъ введенія къ статьѣ „Weitere Untersuchungen über die Verstopfung der Lungenarterie und ihre Folgen“: „Патологическій экспериментъ,—говоритъ онъ,—остается навсегда вѣрнымъ контролемъ для выводовъ, сдѣланныхъ на основаніи патолого-анатомическихъ наблюденій; *и рѣдко пользованіе имъ проходитъ безъ того, чтобы передъ нами не открылись новые драгоцѣнные источники знанія*“. (Курсивъ мой).

Но драгоцѣнные источники знанія, открывающіеся передъ взоромъ молодого ученаго, достаются не легко. Рутина, научные предразсудки, окостенѣлыя формулы догмы мѣшаютъ имъ ворваться свободною волною въ жизнь. Приходится бросать на время микроскопъ и скальпель и браться за перо, чтобы вести полемику со старымъ въ защиту новаго. Задача смѣлая и рискованная. За „старое“ стоитъ Рокитанскій—свѣтило медицинскаго міра первой величины, глава патологовъ, всесильный авторитетъ, слава о которомъ перелетѣла моря и земли и свила себѣ гнѣздо даже на родинѣ „сѣверныхъ медвѣдей“ и „раскидистой клюквы“.

Въ 1846 году Рокитанскій выпустилъ въ свѣтъ „Руководство патологической анатоміи“. Въ этой книгѣ, на ряду съ точнымъ воспроизведеніемъ картины различныхъ заболѣваній, на ряду съ фактами, не подлежащими никакому сомнѣнію, приводился цѣлый рядъ бездоказательныхъ гипотезъ и чисто спекулятивныхъ соображеній, которыми Рокитанскій пытался объяснить сущность и причину всѣхъ болѣзней вообще; здѣсь знаменитый вѣнскій патологъ излагалъ свое *ученіе о кразахъ*—Krasenlehre, — развивалъ свои теоретическіе взгляды, объединялъ ихъ въ законченную „систему“. И все это излагалось такимъ „категорическимъ, догматическимъ, императорскимъ“ тономъ, какъ будто рѣчь шла не о произвольныхъ построеніяхъ, а о послѣднемъ словѣ науки, о вѣчной непоколебимой истинѣ. Ученіе о кразахъ было послѣднимъ отзвукомъ, лебединою пѣснью гуморальной патологіи. Здѣсь „ненормальное измѣненіе *состава* крови“ опять признавалось источникомъ всѣхъ болѣзней; здѣсь „вредные соки“ опять претендовали на утраченную было ими власть. Данныя наблюденія и опыта коверкались, подвергались ложному толкованію, приносились въ жертву предвзятой теоріи; факты такъ ловко окутывались сѣтью гипотезъ, что было трудно уловить, гдѣ кончалась дѣйствительность и гдѣ начиналась фантазія. На все это нужно было отвѣчать, от-

вѣчать съ полнымъ уваженіемъ къ подлиннымъ заслугамъ главы вѣнской школы и въ то же время съ рѣшительнымъ протестомъ противъ его фантасмагоріи. Задача эта выпала на долю Вирхова. Его статья „Kritik des Handbuches von Rokytansky", напечатанная въ „Медицинской газетѣ", служитъ образцомъ научной полемики и занимаетъ подобающее ей мѣсто въ исторіи медицины.

„Все, что я имѣю сказать,—такъ начинаетъ Вирховъ,—касается лишь того Рокитанскаго, который переступилъ границы анатоміи и перенесъ предметъ ея изъ надежной области фактовъ въ сомнительный міръ гипотезъ, того Рокитанскаго, который подчинилъ своему скипетру и химію, и физіологію, и клиническія изслѣдованія, Рокитанскаго—реформатора медицины" *).

Указавши затѣмъ, что именно пытается Рокитанскій подчинить своему державному скипетру, и отмѣтивши связь между патологической анатоміей и физіологіей, которую вѣнскій патологъ также хотѣлъ отдать всецѣло во власть своихъ апріорныхъ соображеній, Вирховъ продолжаетъ: „Патологическая физіологія имѣетъ лишь два пути: одинъ, несовершенный,—путь клиническихъ наблюденій, другой, возможно совершенный,—путь эксперимента. Поэтому она—не дѣло спекуляціи, гипотезъ, произвола или предвзятаго убѣжденія, не дисциплина, находящаяся въ полной зависимости отъ данныхъ патологической анатоміи, а великая самостоятельная и самодержавная наука фактовъ и экспериментовъ. Гипотеза имѣетъ въ ней лишь преходящую цѣнность: она—мать эксперимента".

Отсюда ясно, съ чѣмъ борется Вирховъ и во имя чего онъ нападаетъ на Рокитанскаго. Съ его точки зрѣнія ученіе о кразахъ не выдерживаетъ никакой критики, ибо оно построено на зыбкой почвѣ гипотезъ, не подтверждается фактами, противорѣчитъ опыту. Возвратъ къ гуморальной патологіи, борьба, которую Рокитанскій ведетъ съ представителями „солидарной патологіи" во имя своего ученія о кразахъ, авторитетный самоувѣренный тонъ „чистаго" теоретика и апріориста—все это представляется Вирхову какимъ-то анахронизмомъ въ виду новыхъ теченій мысли въ медицинской наукѣ, въ виду перспективъ, открываемыхъ естественно-научнымъ методомъ, въ виду, наконецъ, фактовъ, показывающихъ, что болѣзни обусловливаются и характеризуются измѣненіемъ какъ „жидкихъ", такъ и „твердыхъ" частей организма.

Статья о Рокитанскомъ произвела большую сенсацію. Вирховъ не безъ гордости говорилъ впослѣдствіи, что, къ великой радости его, Іоганнъ Мюллеръ одобрилъ эту статью, что ученіе о кразахъ со времени появленія ея ужъ больше не показывалось на

Цитирую по книгѣ *W. Becher'a:* «Rudolf Virchow. Eine biographische Studie» 1894.

научномъ горизонтѣ, и что вмѣстѣ съ кразами была похоронена послѣдняя *система* общей патологіи. Но похоронить систему Рокитанскаго не значило еще похоронить всѣ укоренившіеся въ медицинской наукѣ традиціи и предразсудки, искоренить вѣру въ „системы“ воообще и расчистить совершенно путь для побѣдоноснаго шествія новыхъ идей. Традиціи и предразсудки были сильны. Сторонники ихъ то сами хватались за новое орудіе съ цѣлью реабилитировать свои излюбленные взгляды, то метали громы и молніи по адресу реформаторовъ, высмѣивая ихъ смѣлыя затѣи, стремясь дискредитировать ихъ „сумасбродныя“ идеи. Пришлось, конечно, вести войну, наталкиваться на непониманіе рутинёровъ, а часто и просто на нежеланіе понимать. Оффиціальная наука, застывшая на мертвыхъ, но милыхъ ея сердцу догмахъ, не хотѣла слушать призыва на вольный воздухъ свободнаго изслѣдованія, пожимала презрительно плечами, драпируясь въ мантію олимпійскаго величія.

Чтобы вести борьбу съ рутиной, надо было имѣть подъ руками подходящій органъ. Но такого органа не было. И вотъ Вирховъ и другъ его Рейнгардтъ рѣшаютъ основать свой собственный журналъ. „Намъ положительно нужно соединиться и объявить войну эзотерамъ и имъ подобному люду, что наводняетъ сейчасъ науку своей нелѣпой болтовней“—такъ писалъ Рейнгардтъ своему другу незадолго до основанія знаменитаго вирховскаго „Архива“. „Раньше подробнаго рода субъекты,—продолжаетъ онъ,—изощрялись въ вопросахъ терапіи и materia medica или же предавались соображеніямъ высшаго порядка о сущности болѣзни—ну и Богъ съ ними! Но когда эти господа хватаются безъ церемоніи за патологическую анатомію, микроскопію и т. д., то этого ужъ терпѣть нельзя! Тутъ ужъ необходимо серьезно протестовать. Если это такъ продолжится, то общая патологія и микроскопическая анатомія превратятся въ такое же складочное мѣсто мечтаній и нелѣпостей, какъ и materia medica. Теперь самое подходящее время положить конецъ этому безчинству при помощи цѣлаго ряда точныхъ изслѣдованій и рѣзкой безпощадной критики“ *).

Живымъ откликомъ на этотъ призывъ явился „Archiv für pathologische Anatomie und Physiologie und für klinische Medicin“—журналъ, вышедшій въ свѣтъ въ 1847 году и издающійся до сихъ поръ. У меня сейчасъ подъ рукой имѣются первый и послѣдній—сто шестьдесятъ седьмой—томы этого журнала. Первая статья *первой* книжки принадлежитъ перу Вирхова и называется „Точка зрѣнія научной медицины“. Первая статья *послѣдней* книжки также написана Вирховомъ и озаглавлена „На память. Благодарственные листки моимъ друзьямъ“. Пятьдесятъ пять лѣтъ—

*) *W. Becher*. «Rudolf Virchow». Eine biographische Studie.

какой громадный промежутокъ времени раздѣляетъ обѣ эти книжки! Сравните содержаніе ихъ, и вы увидите, какіе громадные успѣхи сдѣлала медицина за это время, какъ сильно она спеціализировалась, какія тонкости болѣзненныхъ процессовъ постигла она, воспользовавшись широко и всесторонне „естественно-научнымъ“ методомъ изслѣдованія, тѣмъ самымъ методомъ, который такъ горячо рекомендовалъ и такъ строго проводилъ въ жизнь Рудольфъ Вирховъ! Читая руководящія статьи Вирхова въ первомъ томѣ „Архива“—статью, упомянутую выше, и другую: „О реформѣ патологическихъ и терапевтическихъ воззрѣній путемъ микроскопическихъ изслѣдованій“—невольно чувствуешь, какъ много въ нихъ неумирающей правды. Каждый врачъ и натуралистъ долженъ глубоко проникнуться основными идеями этихъ замѣчательныхъ статей, если только онъ дѣйствительно желаетъ служить наукѣ и черезъ посредство ея обществу. Проникнутыя боевымъ настроеніемъ, изложенныя горячо, живо и остроумно, статьи эти какъ бы намѣчали тотъ путь, по которому должно было пойти дальнѣйшее развитіе медицины. И оно пошло по этому пути, а не по какому иному. Все живое, талантливое, устанавливающее новые пути изслѣдованія постепенно примыкало къ „Архиву“. Онъ сталъ лѣтописью завоеваній медицины, ея побѣдъ и пораженій, тревогъ и сомнѣній, стремленій и надеждъ. Юмористическое четверостишіе, поставленное Вирховымъ эпиграфомъ ко второй изъ названныхъ выше статей,

«Immer noch den alten Kohl
Kochen faule Bäuche,
Neuer Wein geziemt sich wohl
In die neuen Schläuche».—

очень мѣтко характеризовало задачи и направленіе новаго журнала. Предоставляя „старую капусту“ всецѣло въ распоряженіе „лѣниваго брюха“, *Архивъ* Вирхова и Рейнгардта избралъ себѣ благую часть—„новое вино“ и „новые мѣхи“, и этому девизу онъ остался вѣренъ до нашихъ дней. Да и могло-ли случиться иначе? Вѣдь до самаго послѣдняго времени во главѣ этого журнала продолжалъ стоять Вирховъ, тотъ самый Вирховъ, что въ 1847 году дразнилъ филистеровъ на ки этимъ шутливымъ четверостишіемъ!..

Годъ спустя послѣ выхода первой книжки „Архива“ настали тревожные дни 48-го года. Въ Силезіи развился голодный тифъ. Вирхова командировали туда, для изученія эпидеміи и изысканія мѣръ борьбы съ нею. Вернувшись изъ командировки обратно, Вирховъ представилъ сообщеніе о томъ, что онъ видѣлъ и что думаетъ о видѣнномъ. „Сообщеніе“ это пришлось не по вкусу прусскому правительству. Вирхову дали почувствовать, что онъ „неудобный человѣкъ“ для Берлина. Слухи объ этомъ дошли до Вюрцбурга, и тамъ рѣшили пригласить „неудобнаго человѣка“

въ вюрцбургскій университетъ на кафедру патологической анатоміи. Вирховъ сначала колебался и обратился за совѣтомъ къ Шёнлейну. Суровый старикъ сказалъ ему: „Setzen Sie sich nicht zwischen zwei Stühle“. Намекъ былъ слишкомъ ясенъ. Весною 1849 года Вирховъ покинулъ Берлинъ и переселился въ Вюрцбургъ. Отсюда пошла новая полоса въ исторіи его научныхъ заслугъ.

III.

Говоря объ успѣхахъ положительнаго знанія въ XVII и XVIII вѣкѣ, я не упомянулъ, что извѣстные ботаники этого времени—Мальпиги, Тревиранусъ, Мейенъ и Моль—установили кое-какія данныя для *ученія о клѣткѣ*. Изслѣдуя при помощи микроскопа строеніе растеній, они пришли къ выводу, что растенія сложены изъ большого числа крошечныхъ камеръ или клѣтокъ (cellulae) и вытянутыхъ трубочекъ. Вскорѣ оказалось, что и трубочки эти въ сущности тоже клѣтки или, вѣрнѣе, ряды клѣтокъ, потерявшихъ раздѣляющія ихъ поперечныя перегородки. Подобное-же представленіе о строеніи животныхъ сложилось позднѣе, уже въ XIX вѣкѣ. Къ числу ученыхъ, доставившихъ матеріалъ для обосновки такого представленія, нужно прежде всего отнести Іог. Мюллера, Генле, Пуркиньи и ученика послѣдняго, Рашкова. Первый изъ нихъ, изслѣдуя подъ микроскопомъ спинную струну хрящевыхъ рыбъ, нашелъ, что она состоитъ изъ прозрачныхъ, тѣсно сплоченныхъ клѣтокъ; то-же самое установилъ Рашковъ для эпидермиса—тоненькаго рогового панцыря, одѣвающаго нашу кожу; а изслѣдованія Генле надъ эпителіемъ (нѣжная ткань, выстилающая внутреннія стѣнки дыхательныхъ путей, кишечника и т. д.) и работы Пуркиньи по вопросу о строеніи железъ и печени показали въ свою очередь, что всюду мы имѣемъ здѣсь дѣло съ собраніемъ клѣтокъ.

Однако, какъ бы велики ни были заслуги всѣхъ этихъ изслѣдователей въ исторіи ученія о клѣткѣ, все-же несомнѣнно, что истинными творцами этой теоріи нужно считать ботаника Шлейдена и зоолога Шванна. Требовался цѣлый рядъ новыхъ и разностороннихъ изысканій для того, чтобы ученіе о клѣткѣ получило прочную обосновку; нужно было объединить результаты всѣхъ этихъ изысканій въ стройное цѣлое и выставить ихъ въ формѣ общихъ положеній. Вотъ эта то завидная работа выпала на долю Шлейдена и Шванна.

Въ 1838 году вышла работа Шлейдена: „Beiträge zur Phytogenese—Статьи о фитогенезѣ“, а въ слѣдующемъ году были напечатаны „Mikroskopische Untersuchnngen über die Uebereinstimmung in der Structur und dem Wachsthume der Thiere und Pflanzen—Микроскопическія изслѣдованія о сходствѣ въ струк-

турѣ и ростѣ животныхъ и растеній“ Шванна. Съ появленіемъ въ свѣтъ этихъ работъ клѣточная теорія—одно изъ величайшихъ обобщеній естествознанія прошлаго XIX вѣка—стала краеугольнымъ камнемъ науки о жизни *).

Въ то время, когда Вирховъ былъ студентомъ, клѣточная теорія—тогда еще самая свѣжая научная новинка—сильно привлекала учащихся. Интересъ къ ней усугублялся тѣмъ, что наиболѣе видные ученые стали на сторону этой теоріи, и самъ Іоганнъ Мюллеръ излагалъ новое ученіе съ кафедры. Книги Шванна и Шлейдена, въ особенности „Основанія научной ботаники“ послѣдняго, считались „святыми книгами“. О томъ настроеніи, которое было создано новымъ ученіемъ, и о томъ чувствѣ, какое „святыя книги“ будили въ сердцахъ не только студентовъ-юнцовъ, но и молодыхъ ученыхъ, лучше всего свидѣтельствуютъ слѣдующія слова Вирхова: „Даже въ то время, когда я и мои товарищи принялись за самостоятельныя изслѣдованія, это чувство было настолько живо, что мы обращались за совѣтомъ къ „Научной ботаникѣ“ Шлейдена почти такъ же часто, какъ и къ „Микроскопическимъ изслѣдованіямъ“ Шванна. Мысль о единствѣ всей органической природы казалась настолько плодотворной и возбуждающей, что даже начинающій студентъ считалъ для себя обязательнымъ привести свои ботаническія познанія въ нѣкотораго рода связь со своими свѣдѣніями по анатоміи и физіологіи“ **).

Итакъ, въ ту пору, когда началась научная дѣятельность Вирхова, основы клѣточной теоріи въ общемъ были уже заложены, а научная атмосфера располагала, выражаясь словами самого Вирхова, „мыслить целлюлярно“. Да, но „мыслить целлюлярно“ не значило принимать на вѣру все то, что утверждали Шлейденъ и Шваннъ. Эти ученые заложили лишь фундаментъ, въ которомъ нужно было сдѣлать существенныя измѣненія и поправки. Мало этого. На исправленномъ фундаментѣ надо было выстроить новое зданіе. За это взялся Вирховъ и рѣшилъ свою задачу такъ удачно, что въ исторіи ученія о клѣткѣ его имя поставлено на ряду съ именами Шлейдена и Шванна.

Время съ 1850 по 1855 г. было посвящено Вирховомъ на разработку клѣточной теоріи. Ему предстояло рѣшить два капитальныхъ вопроса: во-первыхъ, доказать, что *всѣ ткани сложены*,

---

*) Любопытно, что Шлейденъ и Шваннъ находились въ личной дружбѣ и, до выпуска въ свѣтъ своихъ работъ, постоянно обмѣнивались мыслями какъ относительно своихъ наблюденій, такъ и относительно тѣхъ общихъ соображеній, которыя имъ приходили въ голову по поводу этихъ наблюденій—черта, насколько мнѣ извѣстно, довольно рѣдко встрѣчающаяся въ отношеніяхъ людей, дѣлающихъ *одновременно* «эпоху въ исторіи». Другой поучительный въ этомъ родѣ примѣръ представляютъ отношенія Дарвина и Уоллеса.

**) *W. Becher*, «Rudolf Virchow».

дѣйствительно, *изъ клѣтокъ*, и что, слѣдовательно, *клѣтка* есть на самомъ дѣлѣ *живая структурная единица всякаго организма*; а, во-вторыхъ, необходимо было провѣрить, насколько справедливо толкуетъ теорія Шлейдена-Шванна *процессъ образованія* клѣтокъ. Послѣдній вопросъ былъ особенно важенъ какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи.

Отцы клѣточной теоріи представляли процессъ образованія клѣтокъ въ видѣ самопроизвольнаго зарожденія ихъ изъ аморфнаго, неорганизованнаго матеріала. Клѣтки, по мысли Шлейдена и Шванна, возникали изъ „пластическихъ соковъ" совершенно такъ же, какъ кристаллы изъ такъ называемаго маточнаго раствора, т. е. изъ раствора соотвѣтствующихъ этимъ кристалламъ минеральныхъ веществъ. Клѣтки, согласно утвержденію этихъ ученыхъ, *выкристаллизовываются* изъ жидкаго или полужидкаго органическаго матеріала подобно тому, какъ кристаллы, напримѣръ, поваренной соли осаждаются при соотвѣтствующихъ условіяхъ изъ раствора этой соли. Это ученіе „о свободномъ образованіи клѣтокъ" казалось Вирхову сомнительнымъ и по существу, и потому еще, что оно давало якобы научную опору гемато-патологамъ: ужъ если гдѣ возникла рѣчь о „пластическихъ" или „образовательныхъ сокахъ", тамъ гемато-патологи сейчасъ-же старались почерпнуть доказательства для своей излюбленной теоріи.

Вирховъ, прежде всего, посвятилъ нѣсколько работъ вопросу о строеніи костной, хрящевой и соединительной тканей. Необходимость такихъ изслѣдованій вызывалась сомнѣніемъ въ подлинномъ существованіи костныхъ, хрящевыхъ и соединительнотканныхъ клѣтокъ. И въ самомъ дѣлѣ. Клѣтки растительныхъ тканей довольно легко наблюдались; клѣтки эпителія, нѣкоторыхъ железъ, печени, мускульной ткани и т. п. также сравнительно не трудно замѣтить. Совсѣмъ не такъ обстоитъ дѣло съ тканями костной, хрящевой и соединительной. Здѣсь клѣтки разсѣяны среди однообразнаго *межклѣточнаго вещества*. Мало этого: нужна спеціальная обработка этихъ тканей для того, чтобы клѣточные элементы ихъ стали видимы. И вотъ Вирхову удается не только явственно обнаружить, но и изолировать клѣтки — сперва костной ткани, потомъ хрящевой и, наконецъ, соединительной. Сейчасъ любой студентъ-медикъ сумѣетъ это сдѣлать, и, быть можетъ, препараты его, благодаря громаднымъ успѣхамъ микроскопической техники, будутъ даже лучше тѣхъ, что дѣлалъ тогда Вирховъ; теперь въ любомъ повторительномъ курсѣ гистологіи первыя же строки той главы, гдѣ трактуется объ этихъ тканяхъ, гласятъ, что въ нихъ нужно различать клѣтки и межклѣточное вещество; но въ ту пору, когда Вирховъ производилъ свои изслѣдованія, слова его — „костная, хрящевая и соединительная ткани одинаковымъ образомъ состоятъ изъ клѣтокъ и

межклѣточнаго вещества" — являлись научнымъ откровеніемъ и дѣлали эпоху въ исторіи клѣточной теоріи. *Открытія Вирхова положили конецъ сомнѣніямъ и показали, что клѣтка есть на самомъ дѣлѣ строительная единица всякой ткани.*

Одновременно съ только что упомянутыми изслѣдованіями и вслѣдъ за ними Вирховъ предпринялъ серію работъ, которыя должны были рѣшить вопросъ *о происхожденіи клѣтокъ*. Не останавливаясь на этихъ работахъ въ виду ихъ спеціальнаго характера, я укажу лишь на тѣ выводы, къ которымъ онѣ привели Вирхова, и которые послужили основаніемъ для совершенно новаго строя идей въ наукѣ о болѣзняхъ, въ патологіи.

Такъ, изслѣдуя ростъ различныхъ тканей — нормальныхъ, равно какъ и болѣзненно измѣненныхъ, — Вирховъ пришелъ къ тому заключенію, что тутъ не можетъ быть никакой рѣчи о „пластическихъ сокахъ и эксудатахъ", изъ которыхъ якобы, какъ это думали раньше, образуются новыя клѣтки. Напротивъ: во всѣхъ такихъ случаяхъ наблюдалось *возникновеніе новыхъ клѣтокъ изъ старыхъ путемъ дѣленія*. Раньше, напримѣръ, предполагали, что между надкостницей и костною тканью располагаются „пластическіе соки", на счетъ которыхъ, путемъ „свободнаго образованія клѣтокъ", совершается какъ нормальный, такъ и ненормальный ростъ костей. Вирховъ же доказываетъ съ очевидностью, неподлежащею никакимъ сомнѣніямъ, что ростъ костной ткани въ обоихъ этихъ случаяхъ сводится къ размноженію клѣтокъ.

Далѣе, изученіе, такъ называемыхъ, патологическихъ новообразованій привело Вирхова къ другому не менѣе важному выводу. Оно показало, что происхожденіе такихъ новообразованій обусловливается не существованіемъ какихъ-то тамъ никому невѣдомыхъ „пластическихъ эксудатовъ", а *чрезмѣрнымъ или ненормальнымъ размноженіемъ клѣтокъ*, входящихъ въ составъ тѣхъ или иныхъ тканей. (См. объ этомъ слѣдующую главу).

Наконецъ, болѣе обстоятельное знакомство съ микроскопической картиной различныхъ болѣзней дало возможность Вирхову доказать наглядно, что *мѣстомъ, гдѣ разыгрываются патологическіе процессы, служатъ сами клѣтки и примыкающія къ нимъ „клѣточныя территоріи"* (такъ окрестилъ Вирховъ межклѣточное вещество), и что *ненормальная дѣятельность клѣтокъ, вызванная измѣненіемъ обычныхъ условій ихъ жизни, служитъ источникомъ различныхъ заболѣваній.*

Всѣ эти выводы легли въ основу „Целлюлярной патологіи" Вирхова, самаго капитальнаго труда его по медицинѣ.

Пока Вирховъ сидѣлъ въ Вюрцбургѣ, производилъ свои изслѣдованія и публиковалъ въ своемъ „Архивѣ" добытые имъ результаты, слава о немъ, какъ о выдающемся во всѣхъ отношеніяхъ человѣкѣ, росла. „Опальный" профессоръ становился

знаменитымъ ученымъ, реформаторомъ естествознанія, отцомъ новой медицины. Многоголосое эхо донесло молву о восходящей звѣздѣ и до кабинетовъ, въ которыхъ возсѣдали правители тогдашней Пруссіи. „Правители“ смѣнили гнѣвъ на милость и рѣшили пригласить Вирхова обратно въ Берлинъ. Вирховъ согласился, но потребовалъ, чтобы при берлинскомъ университетѣ былъ основанъ патологическій институтъ, въ которомъ можно было бы и самому работать, и другихъ учить. Условіе это было принято; патологическій институтъ выстроили въ нѣсколько мѣсяцевъ. Осенью 1856 г. Вирховъ перебрался въ Берлинъ, а черезъ годъ уже—зимою 1857—1858 года—онъ излагалъ передъ многочисленными слушателями (это были, главнымъ образомъ, врачи) основные принципы целлюлярной патологіи. Лекціи произвели громадное впечатлѣніе. Слушатели съ энтузіазмомъ воспринимали идеи новой патологіи и съ захватывающимъ интересомъ слѣдили за демонстраціями, которыми Вирховъ иллюстрировалъ свои общія положенія. Даже люди, воспитанные и состарившіеся на догмахъ стараго ученія, отказывались отъ своихъ вѣрованій и примыкали къ взглядамъ смѣлаго и убѣжденнаго реформатора. Вскорѣ лекціи появились и въ печати подъ заглавіемъ: „Die Cellularpathologie in ihrer Begründung auf physiologische und pathologische Gewebelehre—Целлюлярная патологія, основанная на физіологическомъ и патологическомъ ученіи о тканяхъ“. Установить клѣточную природу жизненныхъ явленій какъ физіологическихъ, такъ и патологическихъ, какъ въ животномъ, такъ и въ растительномъ царствѣ, доказать единство жизни во всемъ органическомъ мірѣ—такова была задача лекцій, читанныхъ Вирховомъ. Просматривая эти лекціи теперь, невольно поражаешься тому мастерству, съ которымъ авторъ „Целлюлярной патологіи“ развивалъ свои основныя положенія: микроскопическія картины здоровыхъ и больныхъ тканей набросаны яркими штрихами, фактическія данныя такъ сгруппированы, что выводъ о „целлюлярной природѣ“ болѣзненныхъ процессовъ становится единственно возможнымъ, изложеніе все время ведется въ свѣтѣ идей, пріобщающихъ медицину къ великой семьѣ біологическихъ наукъ. А идеи эти гласятъ слѣдующее:

„Для всякаго живого существа клѣтка является послѣднимъ формовымъ элементомъ, изъ котораго исходитъ всякая жизнедѣятельность, какъ нормальная, такъ болѣзненная“.

„Всякое животное есть сумма живыхъ единицъ, изъ которыхъ каждая несетъ въ себѣ все характерное для жизни“... Отсюда слѣдуетъ, что сложный индивидуумъ есть единица коллективная, „нѣчто вродѣ соціальнаго организма“.

„Гдѣ нарождается клѣтка, тамъ должна и предшествовать клѣтка—*Omnis cellula e cellula*,—совершенно такъ же, какъ живот-

ное можетъ произойти только отъ животнаго и растеніе только отъ растенія“ *).

Патологія есть наука о болѣзняхъ. Болѣзненные же процессы,—говоритъ Вирховъ,—это тѣ же жизненные процессы; но только совершаются они при измѣненныхъ, ненормальныхъ для организма условіяхъ. Стало быть, и причину болѣзненныхъ явленій нужно искать въ измѣненной ненормальной жизнедѣятельности клѣтокъ или клѣточныхъ группъ. Отсюда и названіе *целлюлярная* или клѣточная *патологія*.

Вмѣстѣ съ водвореніемъ въ медицинѣ этихъ идей, споръ между гематопатологами и солидопатологами становился дѣломъ празднымъ и безцѣльнымъ; все, что оставалось сколько-нибудь вѣрнаго во взглядахъ спорящихъ сторонъ, должно было цѣликомъ распуститься въ основоположеніяхъ целлюлярной патологіи: это былъ наиболѣе благопріятный исходъ для защитниковъ обѣихъ враждующихъ школъ. Целлюлярная патологія говорила имъ: взваливать въ патологіи всю вину на кровь также нелѣпо, какъ и на нервы или иныя твердыя части тѣла. Не въ крови, какъ таковой, не въ нервахъ, не въ сосудахъ и т. д. коренится источникъ жизни. Онъ—въ клѣткѣ; въ ней же ищите и источника болѣзней. Ну, а такъ какъ клѣтки имѣются и въ крови, и въ нервахъ, и въ сосудахъ, и въ прочихъ твердыхъ частяхъ, то несомнѣнно, что есть болѣзни, которыя обусловлены ненормальною дѣятельностью кровяныхъ тѣлецъ, точно такъ же, какъ есть и другія болѣзни, которыя вызываются нарушеніемъ правильной дѣятельности костныхъ, нервныхъ, мускульныхъ, печеночныхъ, желѣзистыхъ и всякихъ иныхъ клѣтокъ.

Если бъ на памятникахъ великимъ ученымъ вычеканивались идеи, пущенныя ими въ оборотъ, то на памятникѣ Вирхову должны бы были красоваться слѣдующіе тезисы:

Клѣтка—предѣльная структурная единица организмовъ.

Omnis cellula e cellula.

Жизнь въ жизни клѣтки.

Болѣзнь есть нарушенная жизнедѣятельность клѣтокъ.

Этими идеями естествознаніе и медицина обязаны Рудольфу Вирхову.

IV.

Я не претендую, разумѣется, на оцѣнку всего цикла научныхъ работъ Вирхова. Во-первыхъ, это дѣло спеціалистовъ, а во-вторыхъ, въ обще-литературномъ журналѣ такой оцѣнкѣ не мѣсто. Скажу, однако, кое-что о другомъ капитальномъ трудѣ

*) *R. Virchow*. «Die Zellularpathologie».

Вирхова, о его трехтомномъ сочиненіи „Die Krankhaften Geschwülste—Болѣзненныя опухоли“.

Основныя мысли тутъ тѣ же, что и въ „Целлюлярной патологіи“, но только здѣсь онѣ примѣняются къ опредѣленной группѣ болѣзненныхъ явленій и проводятся со строгою послѣдовательностью по отношенію къ такимъ фактамъ, которые до этого выставлялись въ ложномъ свѣтѣ.

Болѣзненная опухоль есть такъ называмое „новообразованіе“. Но, спрашивается, чѣмъ является всякое новообразованіе по отношенію къ тому организму, на которомъ оно развилось? Какова его природа? Чѣмъ вызывается оно? Старая школа предполагала, что новообразованіе есть нѣчто *по существу* чуждое организму, что строительные элементы его самобытны (sui generis) и совершенно не походятъ на нормальныя обычныя структурныя единицы организма. Все это, по мысли Вирхова, несостоятельно въ корнѣ.

Строительный матеріалъ новообразованія,—говоритъ онъ,—можетъ быть только такимъ, какой имѣется въ распоряженіи того или иного организма. Если это, положимъ, дерево, то болѣзненные наросты на немъ должны быть сложены изъ клѣтокъ паренхиматической, древесинной, эпидермической, пробковой и т. д. ткани. Если же это высоко-развитое животное, то тутъ новообразованіе должно состоять изъ клѣтокъ эпителіальной, хрящевой, костной, соединительной и т. д. ткани. Словомъ, никакихъ особенныхъ, исключительно для новообразованія предназначенныхъ элементовъ не существуетъ. Новообразованіе есть „патологическій органъ“, и варіаціи его могутъ совершаться въ предѣлахъ того структурнаго матеріала, которымъ располагаетъ организмъ, имѣвшій несчастіе заполучить такого рода патологическій органъ. „Едва ли кто-нибудь повѣритъ, что человѣческое тѣло производитъ въ себѣ косточки вишни или сливы, или что какое-нибудь растительное образованіе получается изъ особеннаго уклоненія въ человѣческомъ тѣлѣ. Наоборотъ, *можно съ точностью предположить, что то, что производитъ человѣкъ, всегда будетъ нѣчто человѣческое, а то, что производится животнымъ, будетъ нѣчто присущее животному. Также нельзя предположить, что вещь sui generis, по происхожденію чуждая частямъ нашего тѣла, могла бы возникнуть изъ человѣческаго тѣла.* На такомъ мѣстѣ, гдѣ мы этого совсѣмъ не ожидаемъ, могутъ, напримѣръ, вырости волосы, но никому не придетъ въ голову допустить, чтобы въ человѣческомъ тѣлѣ выросло перо“ *). Отсюда прямо слѣдуетъ что „*болѣзненная опухоль есть часть тѣла; она не только соединена съ нимъ, но исходитъ изъ него*

*) *R. Virchow* «Die krankhaften Geschwülste».

и подчинена его законамъ. Законы тѣла управляютъ также и опухолью» *).

Что касается вопроса о происхожденіи всевозможныхъ опухолей, то и здѣсь толкованія Вирхова находятся въ полной гармоніи съ его общими взглядами. Если клѣтки развиваются не на томъ мѣстѣ тѣла, гдѣ имъ развиваться надлежитъ (aberratio loci), если онѣ возникаютъ въ несоотвѣтствующее ихъ возникновенію время (aberratio temporis), если, наконецъ, онѣ размножаются въ большемъ, чѣмъ это требуется нормальными условіями, числѣ, то во всѣхъ такихъ случаяхъ мы будемъ имѣть дѣло съ новообразованіемъ. Словомъ, и здѣсь болѣзненный процессъ опредѣляется нарушеніемъ правильной жизнедѣятельности клѣтокъ, и здѣсь целлюлярный принципъ находитъ себѣ полное оправданіе, и здѣсь единство патологическихъ и физіологическихъ явленій, а слѣдовательно, и единство жизни сказывается во всей своей силѣ.

Есть много фактовъ и явленій, мимо которыхъ обыкновенный средній наблюдатель проходитъ безъ вниманія. Но та особенная, философская складка ума, которая такъ характерна для Вирхова, придавала часто такимъ именно фактамъ исключительный теоретическій интересъ. Возьмемъ хотя бы тѣ же новообразованія. Если разсматривать ихъ въ свѣтѣ общебіологическихъ идей, — а Вирховъ всегда такъ именно и поступаетъ—то предъ нами развернется рядъ въ высшей степени любопытныхъ мыслей.

Чѣмъ собственно является „новообразованіе“ по отношенію къ тому организму, на которомъ оно развилось? Вирховъ утверждаетъ, что *оно есть своего рода паразитъ*. Мысль на первый взглядъ какъ будто парадоксальная; но только на первый взглядъ. Всякая клѣтка питается, растетъ и размножается, черпая матеріалъ для исполненія всѣхъ этихъ функцій изъ того самаго тѣла, въ составъ котораго она входитъ. Живя на счетъ тѣла, она тѣмъ самымъ является по отношенію къ нему какъ бы паразитомъ. Однако, эта же самая клѣтка и исполняетъ извѣстную работу въ жизни цѣлаго. Весь вопросъ, стало быть, сводится къ тому, насколько трата на эту клѣтку окупается тою работою, которую она несетъ на пользу организма. По отношенію къ клѣткамъ, образующимъ *нормальныя* ткани и органы, вопросъ этотъ рѣшается очевидно въ положительномъ смыслѣ. Но вотъ на тѣлѣ образуется наростъ, *патологическій органъ*. Клѣтки его тянутъ изъ тѣла животные соки; а какая польза отъ того, что онѣ живутъ? Ровно никакой, даже въ томъ случаѣ, когда новообразованіе доброкачественное, т. е. не причиняетъ болѣзни въ обычномъ смыслѣ этого слова. Вотъ почему Вирховъ и говоритъ, что всякое новообразованіе „находится въ положеніи паразита къ тому тѣлу, которому оно принадлежитъ: оно живетъ

---

*) *Ibid.*

на счетъ этого тѣла". Проводя этотъ взглядъ дальше, Вирховъ утверждаетъ, что болѣзнь по отношенію къ тѣлу можно считать своего рода паразитомъ, постольку, конечно, поскольку она связана съ существованіемъ различныхъ новообразованій. Въ такомъ случаѣ великій Парацельсъ былъ, разумѣется, до нѣкоторой степени правъ, когда разсматривалъ болѣзнь, какъ нѣчто самостоятельное „als eine positive Ding, als ein Leben in Leben, ja als ein selbständigen Organismus" *).

Но если болѣзнь и можно иногда окрестить именемъ паразита, то ужъ никакъ не слѣдуетъ смѣшивать настоящаго паразита съ *сущностью* болѣзни. А между тѣмъ, какъ это ни странно, такое смѣшеніе понятій имѣло мѣсто. Особенно ярко оно сказалось вмѣстѣ съ развитіемъ бактеріологіи, когда стало извѣстно' что многія такъ называемыя инфекціонныя болѣзни вызываются различными видами бактерій. Это смѣшеніе ens morbi (сущность болѣзни) съ causa morbi (причина болѣзни) не разъ подчеркивалось Вирховомъ. Многимъ казалось, да и сейчасъ кажется, что все ученіе о болѣзнетворныхъ организмахъ является отрицаніемъ основныхъ положеній целлюлярной патологіи. Но почему? Не потому-ли, что въ бактеріяхъ многіе стали видѣть не только возбудителей болѣзненныхъ процессовъ, но и самую сущность болѣзни? Посмотримъ, какъ понималась раньше и какъ понимается теперь дѣятельность зловредныхъ бактерій въ организмѣ. Сначала полагали, что бактеріи механически раздражаютъ и разрушаютъ тѣ ткани и органы, въ которыхъ поселяются; ихъ дѣятельность, говоря словами Вирхова, разсматривалась „какъ кусаніе или пожираніе—als ein Beissen oder Fressen". Затѣмъ объясненіе это показалось слишкомъ грубымъ, и потому рѣшили, что бактеріи дѣйствуютъ на организмъ такъ же, какъ и другіе, болѣе крупные паразиты, напр., солитеръ, т. е., что онѣ отбиваютъ у своего хозяина питательные соки. Но и это толкованіе рухнуло, когда стало извѣстно, что болѣзнетворныя бактеріи вырабатываютъ особенные яды, извѣстные въ наукѣ подъ именемъ *токсиновъ*. Вотъ эти-то токсины и были признаны источникомъ инфекціонныхъ болѣзней. Спрашивается—измѣняетъ ли этотъ выводъ хоть сколько нибудь значеніе и силу основныхъ положеній целлюлярной патологіи? Нѣтъ, отвѣчаетъ Вирховъ: „Паразитическія существа, а слѣдовательно, и бактеріи, являются всего лишь причинами; сущность же болѣзней зависитъ отъ состоянія органовъ и тканей, которые поражаются бактеріями или ихъ продуктами выдѣленія" **). „Я,—говоритъ Вирховъ въ другомъ мѣстѣ,—опредѣлилъ

*) «Какъ вещь положительную, какъ жизнь въ жизни, какъ самостоятельный организмъ». (Слова Вирхова).

**) *R. Virchow.* «Die neueren Fortschritte in der Wissenschaft und ihr Einfluss auf Medicin und Chirurgie».

отношеніе тѣла къ болѣзнетворнымъ микроорганизмамъ, *какъ борьбу клѣтокъ съ бактеріями*" *).

Пусть въ самомъ дѣлѣ микроорганизмы дѣйствуютъ при помощи токсиновъ; но вѣдь дѣйствіе это направлено на строительные элементы организма—на клѣтки крови и другихъ тканей: яды, вырабатываемые болѣзнетворными бактеріями, измѣняютъ и парализуютъ нормальную работу клѣтки, а измѣненная, нарушенная жизнедѣятельность клѣтки и есть то самое, что называемъ мы болѣзнью. Словомъ, въ конечномъ подсчетѣ патологическое дѣйствіе токсиновъ проявляется при помощи и черезъ посредство клѣточныхъ элементовъ. Высказанная Вирховомъ мысль о томъ, что взаимноотношенія между патогенными (болѣзнетворными) микроорганизмами и тѣломъ нужно понимать какъ борьбу, находитъ себѣ блестящее подтвержденіе между прочимъ въ ученіи Мечникова о фагоцитозѣ. (Борьба бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ съ бактеріями).

Существуетъ мнѣніе, будто нѣкоторыя изъ новѣйшихъ открытій медицины не могутъ быть истолкованы въ духѣ целлюлярной патологіи. Утверждающіе это имѣютъ обыкновенно въ виду данныя предохранительной прививки (иммунизація) и серотерапіи (лѣченіе кровяною сывороткой). Можно, разумѣется, различно понимать и толковать вліяніе предохранительной прививки и цѣлебное дѣйствіе, напримѣръ, противодифтеритной и противочумной сыворотки; но несомнѣнно лишь одно, что и здѣсь все въ послѣдней инстанціи должно сводиться къ жизнедѣятельности клѣточныхъ элементовъ. Одно изъ двухъ: или клѣтка есть дѣйствительно очагъ всѣхъ жизненныхъ процессовъ—какъ нормальныхъ, такъ и патологическихъ—и тогда дѣйствіе предохранительныхъ прививокъ можно понимать, какъ приспособленіе клѣтокъ къ борьбѣ съ патогенными микроорганизмами, а лѣчебную силу сыворотокъ свести къ возстановленію нарушенной жизнедѣятельности клѣтокъ; или же... все ученіе о клѣткѣ,—краса и гордость современной біологіи,—ложно по существу. Однако, врядъ-ли можно сомнѣваться въ томъ, что́ именно возьметъ верхъ въ этой диллемѣ: клѣточная теорія дѣлаетъ за послѣднее время такіе громадные успѣхи, что не вѣрить въ устойчивость ея основныхъ принциповъ нѣтъ никакого основинія. И потому Вирховъ былъ, разумѣется, глубоко правъ, когда, подводя итоги успѣхамъ патологіи въ минувшемъ столѣтіи, говорилъ: „Болѣзнь всегда должна будетъ разсматриваться, какъ измѣнившееся жизненное состояніе болѣе или менѣе большого числа клѣтокъ или клѣточныхъ территорій; а циркулируетъ ли причина болѣзни въ крови или же достигаетъ непосредственно клѣтокъ—отъ этого пониманіе взаимоотношеній между причиною

*) R. Virchow. «Hundert Iahre allgemeiner Pathologie».

(болѣзни) и клѣтками не измѣняется. Равнымъ образомъ и иммунизація должна сводиться въ послѣдней инстанціи—къ клѣткамъ, все равно, гдѣ бы онѣ ни находились"...

Все сказанное до сихъ поръ о Вирховѣ даетъ нѣкоторое представленіе о его общемъ міросозерцаніи. Развиваемые имъ принципы, какъ говорилось уже раньше, легли въ основу современной біологіи. Ученіе о клѣткѣ, которое онъ такъ искусно проводилъ въ патологіи, пустило глубокіе корни и въ физіологіи, и въ эмбріологіи, и въ теоріяхъ наслѣдственности. Съ пророческимъ даромъ, присущимъ всѣмъ реформаторамъ, Вирховъ предвидѣлъ заранѣе ту роль, которую это ученіе должно будетъ сыграть въ естествознаніи, и въ одной своей публичной рѣчи, еще въ 1858 году говорилъ: „Всѣ вѣтви біологіи имѣютъ въ ученіи о клѣткѣ свою общую точку соприкосновенія: *мысль о единствѣ жизни во всемъ живущемъ находитъ свое тѣлесное выраженіе въ клѣткѣ.* Что искали только въ идеѣ, нашли, наконецъ, въ дѣйствительности; что многимъ казалось сновидѣніемъ—получило видимую плоть, дѣйствительно находится передъ нашими глазами" *).

Принципъ единства жизни невольно наводитъ на мысль и о другомъ, болѣе общемъ и болѣе великомъ принципѣ единства природы. Сказать, что *жизнь есть дѣятельность клѣтки, ея характерныя свойства—свойства клѣтки* (слова Вирхова), сказать это не значитъ еще исчерпать полностью содержаніе слова *жизнь.* Вѣдь всякій въ правѣ спросить: что есть жизнь клѣтки по существу? Чѣмъ вызывается и обусловливается она? Какія силы завѣдуютъ жизненными процессами, разыгрывающимися въ клѣткѣ—физическія? химическія? или еще какія иныя?

Въ первую полосу своей научной дѣятельности, въ то время, къ которому относится и цитируемая здѣсь статья „*О механическомъ взглядѣ на жизнь*", Вирховъ отвѣчалъ на всѣ эти вопросы въ тонѣ правовѣрнаго сторонника механическаго воззрѣнія на природу. Нужно замѣтить, что въ это время ученіе о *жизненной силѣ* имѣло не мало приверженцевъ; даже самъ великій Мюллеръ раздѣлялъ идеи витализма, хотя и толковалъ ихъ по своему. Но Вирховъ, въ числѣ другихъ, не соглашался со взглядами своего учителя, находя, что признаніе жизненной силы не выдерживаетъ критики, что оно возвращаетъ естествознаніе къ фантазіямъ Парацельса и Фанъ-Гельмонта, парализуетъ свободный духъ изслѣдованія, приводитъ къ мистицизму. Исходный пунктъ всѣхъ тогдашнихъ разсужденій Вирхова на тему о сущности совершающихся въ клѣткѣ жизненныхъ процессовъ прекрасно выраженъ въ слѣдующихъ словахъ его: „Жизнь пред-

*) *R. Virchow.* Vier Reden über Leben und Kranksein. Ueber die mechanische Auffassung des Lebens. 1862.

ставляется намъ чѣмъ-то необыкновеннымъ. Но мы понимаемъ это необыкновенное не иначе, какъ въ смыслѣ механическаго перехода отъ причины къ слѣдствію. *Ибо*,—подчеркиваетъ Вирховъ,—*человѣческій умъ совершенно не способенъ къ какому-либо другому роду пониманія*... Если о происходящемъ въ природѣ мы не можемъ думать иначе, какъ механически, то не слѣдуетъ ставить намъ въ вину того, что мы желаемъ примѣнить этотъ родъ мышленія ко всѣмъ процессамъ жизни. Въ этомъ-то и состоитъ свобода науки, безъ которой ее могли бы заковать въ цѣпи на каждомъ шагу ея „изслѣдованія" (О механическомъ взглядѣ на жизнь).

Эти общія положенія на ряду съ успѣхами науки въ дѣлѣ примѣненія физическихъ и химическихъ изслѣдованій къ физіологическимъ явленіямъ приводятъ Вирхова къ мысли, что жизненный процессъ въ организмѣ, а стало быть, и въ клѣткахъ, можетъ быть полностью объясненъ данными механики, физики и химіи. „Каждый новый шагъ на пути познанія,—говоритъ онъ,—приводитъ насъ къ пониманію тѣхъ физическихъ и химическихъ процессовъ, на которыхъ основана сама жизнь" (ibid). Своеобразный характеръ жизненныхъ явленій, по его мнѣнію, не долженъ наводить насъ на мысль о дѣйствіи какихъ-то исключительныхъ силъ: онъ обусловливается лишь „своеобразной группировкой частичекъ" живого вещества; но своеобразность эта не идетъ настолько далеко, *„чтобы представлять нѣчто противоположное группировкѣ частичекъ въ тѣлахъ, составляющихъ предметъ изученія неорганической химіи"*. „Своеобразной,—говоритъ онъ дальше,—кажется намъ дѣятельность, особенное отправленіе органическаго вещества, но всетаки *она не разнится отъ дѣятельности, извѣстной физикамъ въ неодушевленной природѣ*... Тщетно пытаются найти противоположность между жизнью и механикой; весь опытъ приводитъ къ тому заключенію, что *жизнь есть особенный родъ движенія опредѣленныхъ веществъ*, съ внутреннею необходимостью, въ силу возбужденій, вступающихъ въ дѣятельность" (ibid).

Ни одинъ изъ самыхъ рьяныхъ поборниковъ механическаго міровоззрѣнія не скажетъ больше, чѣмъ сказалъ Вирховъ. Но удивительно! Уже въ то время, когда авторъ „Целлюлярной патологіи" ясно и опредѣленно выставлялъ свое „механическое" credo, совершенно иной потокъ мыслей вкрадывался незамѣтно въ общій строй его философскихъ идей, звуча какимъ-то диссонансомъ на фонѣ видимой гармоніи, свидѣтельствуя о сомнѣніяхъ, несвойственныхъ убѣжденнымъ сторонникамъ того или иного credo. Сказалось-ли тутъ вліяніе великаго учителя, проявилась-ли особенная складка ума, или, быть можетъ, это было просто предчувствіемъ знаменитаго *ignorabimus*, которымъ Дю-Буа-Реймонъ привелъ въ негодованіе всѣхъ убѣжденныхъ прозелитовъ меха-

ническаго взгляда на природу—трудно сказать. Несомнѣнно лишь одно: Вирховъ не удержался на занятой имъ позиціи послѣдовательнаго сторонника механическаго міровоззрѣнія и... Обратимся, впрочемъ, къ свидѣтельству того, что написано его собственной рукой.

Въ статьѣ „Атомы и недѣлимыя", появившейся годъ спустя послѣ статьи „О механическомъ взглядѣ на жизнь", читаемъ слѣдующее:

„*Ничто не имѣетъ сходства съ жизнью, кромѣ самой жизни... Природа двойственна: органическое есть нѣчто особенное, иное, чѣмъ неорганическое.* Хотя органическое построено изъ той-же матеріи, одинаковаго рода атомовъ, но въ самóмъ органическомъ происходитъ рядъ связанныхъ другъ съ другомъ явленій, *совершенно отдѣльныхъ по своей сущности отъ неорганическаго міра.*

Однако, неорганическій міръ не составляетъ „мертвой" природы; *мертво можетъ быть только то, что жило и перестало жить*; неорганическая природа имѣетъ свою дѣятельность, свое вѣчно неутомимое и дѣятельное творчество, *только ея дѣятельность не есть жизнь*, развѣ въ переносномъ значеніи" *). (Курсивъ мой).

Витализмъ-ли это? Конечно—нѣтъ. Но въ то-же время это и не механическое міровоззрѣніе, не признающее никакихъ „но". „Жизненная сила" истинныхъ виталистовъ для Вирхова то же, что и Archeus maximus или Spiritus rector. Онъ принципіальный противникъ спиритуализма, въ особенности такого, который пускается по безбрежному морю произвольныхъ толкованій подъ флагомъ естествознанія; въ этомъ смыслѣ онъ высказывался не разъ. Но въ то же время, не взирая на все это, Вирховъ не разъ высказывался и въ смыслѣ нѣкотораго отграниченія наукъ о неорганической природѣ отъ наукъ біологическихъ. Положеніе omnis cellula e cellula въ дальнѣйшемъ развитіи превратилось для него въ новое, болѣе общее положеніе—*omne vivum ex vivo, все живое изъ живого.* А кто стоитъ за это положеніе, тотъ не можетъ допустить непосредственнаго перехода неорганическаго въ организованное—живое: та сложная молекулярная структура, которая отличаетъ живое вещество отъ неживого, и тотъ сложный комплексъ силъ, который мы называемъ жизнью, не возникаютъ самопроизвольно, а могутъ лишь переходить по наслѣдству отъ клѣтки къ клѣткѣ. Такъ думаетъ Вирховъ. „Физическіе и химическіе законы,—говоритъ онъ въ одной изъ своихъ недавнихъ работъ,—не упраздняются болѣзнью, какъ этому учили еще недавно: они проявляются только иначе, чѣмъ при здоровой жизни. Ни при болѣзни, ни при излѣченіи не выступаетъ сила, которая

*) *R. Virchow.* Vier Reden über Leben und Kranksein «Atome und Individuen».

до этого не имѣлась бы на лицо или скрывалась бы гдѣ-то на заднемъ планѣ; субстанція, являющаяся носительницей жизни, есть также и носительница болѣзни. Спиритуалистическому толкованію тутъ нѣтъ мѣста. *Ничто не мѣшаетъ считать такое направленіе витализмомъ.* Но не слѣдуетъ забывать, что особенной жизненной силы отыскать мы не можемъ, и что *витализмъ не есть непремѣнно спиритуалистическая или динамическая система.* Нужно также помнить, что *жизнь отличается отъ другихъ процессовъ въ мірѣ, и что ее нельзя свести непосредственно къ физическимъ и химическимъ силамъ*" *). Это credo прямо противоположно тому, которое высказывалъ Вирховъ въ 1858 году въ статьѣ „О механическомъ взглядѣ на жизнь". Есть-ли это регрессъ въ міросозерцаніи? На вопросъ отвѣчу вопросомъ-же: Возможно-ли въ терминахъ механическаго міровоззрѣнія истолковать движеніе, способность живого вещества цѣлесообразно реагировать на внѣшнія раздраженія, ощущеніе и сознаніе? По скольку проблема жизни есть еще нерѣшенная проблема, постольку правда на сторонѣ Вирхова...

V.

Есть помимо медицины и другая наука, съ успѣхами которой тѣсно связано имя Вирхова. Это *антропологія* въ широкомъ смыслѣ слова. По общему признанію, Вирховъ является *главою нѣмецкихъ антропологовъ*, и это почетное прозвище не кажется преувеличеніемъ даже въ глазахъ принципіальныхъ противниковъ Вирхова. Нѣтъ, кажется, ни одного сколько-нибудь существеннаго вопроса въ сферѣ антропологіи, этнологіи, археологіи и исторіи первобытной культуры, гдѣ бы Вирховъ не сказалъ своего авторитетнаго слова. Понятно, что отмѣтить на протяженіи нѣсколькихъ страницъ все то, что было сказано и сдѣлано имъ для развитія этой отрасли знанія, дѣло невозможное. Но это не входитъ въ мою задачу. Достаточно будетъ, если я укажу, какой изъ капитальнѣйшихъ вопросовъ антропологіи особенно занималъ Вирхова, какими методами онъ пользовался и къ какимъ выводамъ пришелъ.

О Вирховѣ ходитъ молва, что онъ анти-дарвинистъ, и собственно въ вопросѣ о происхожденіи человѣка. На чемъ основана эта молва? На томъ, прежде всего, что онъ всегда рѣзко и опредѣленно высказывался *противъ увлеченій и преувеличеній дарвинизма.* „Я всетаки больше дарвинистъ, чѣмъ это можетъ казаться",—говорилъ Вирховъ, и эти слова даютъ ключъ къ по-

*) *R. Virchow.* «Hundert Iahre der allgemeinen Pathologie».

ниманію если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, многихъ нападокъ нѣмецкаго антрополога на „красныхъ“ дарвинизма.

Въ числѣ доказательствъ, которыми пользовались приверженцы ученія Дарвина о происхожденіи человѣка, имѣлись, между прочимъ, и слѣдующія:

1) Существуютъ дикія племена, которыя *по нѣкоторымъ признакамъ* своимъ стоятъ ближе къ обезьянѣ, чѣмъ къ цивилизованному человѣку, и являются, такимъ образомъ, какъ бы связующимъ звеномъ между настоящимъ человѣкомъ и обезьяной (данныя этнографіи),

2) У современнаго человѣка иногда объявляются особенности, характерныя для его обезьянообразныхъ предковъ (атавизмъ).

3) Существуютъ ископаемые остатки организмовъ, стоящихъ на рубежѣ между обезьяной и настоящимъ человѣкомъ (данныя палеонтологіи).

Съ того времени, какъ аргументы эти считались безусловно вѣрными, а факты, на которыхъ они строились, вполнѣ точными, прошло лѣтъ двадцать пять, не больше. Съ тѣхъ поръ взгляды антропологовъ значительно измѣнились, благодаря болѣе обстоятельному знакомству съ фактами и болѣе совершеннымъ пріемамъ изслѣдованія. Работы Вирхова сослужили громадную пользу какъ для того, такъ и для другого. Такъ современная антропологія установила прежде всего тотъ фактъ, что сейчасъ среди всѣхъ извѣстныхъ намъ дикихъ племенъ, народовъ и расъ не существуетъ ни одной, которую можно было бы разсматривать какъ посредствующее *зоологическое звено* между человѣкомъ и обезьяной. „Когда,—говоритъ Вирховъ въ своемъ описаніи черепа одного малаккскаго негритоса,—у всѣхъ остальныхъ „низшихъ расъ“ отвергнуто было мнимое сходство съ обезьяной, всѣ надежды отыскать хотя бы одинъ видъ *до-человѣка* (proantropos) направлены были на дебри малаккскихъ лѣсовъ... Но и эта „низшая раса“ не обезьяноподобная, а чисто человѣческая“ *). Для характеристики нѣкоторыхъ низшихъ человѣческихъ племенъ, которыя играли особенно важную роль въ аргументаціи крайнихъ, торопливыхъ на выводы дарвинистовъ, Вирховъ ввелъ терминъ *патологическая раса*. Этимъ именемъ теперь обозначаютъ такія племена, которыя постепенно вырождались, какъ духовно, такъ и физически, подъ гнетомъ тяжелыхъ условій жизни и суровой борьбы за существованіе. Къ нимъ, между прочимъ, относятся бушмены и огнеземельцы. Раньше полагали, что эти именно племена служатъ нагляднымъ примѣромъ того, чѣмъ были наши отдаленные предки, что въ то время, какъ одни изъ этихъ предковъ пошли далеко въ своемъ развитіи и дали подлинныхъ людей, другіе остановились, застыли на низшихъ стадіяхъ развитія и

*) Цитирую по книгѣ *Іо. Ранке*: Человѣкъ.

въ такомъ видѣ сохранились до нашихъ дней. Теперь-же думаютъ, что не въ остановкѣ развитія тутъ дѣло, а въ дегенераціи. „На печальныхъ участкахъ, гдѣ они живутъ въ теченіе многихъ поколѣній, — говоритъ Вирховъ объ огнеземельцахъ,—они все болѣе и болѣе вырождались, пока, наконецъ, первоначальный обликъ ихъ сдѣлался неузнаваемымъ. Они опустились низко, но на первыхъ порахъ не были такими".

На ряду съ огнеземельцами, бушменами и имъ подобными „низшими расами" въ аргументаціи крайнихъ дарвинистовъ очень видную роль играли кретины и микроцефалы. Въ кретинахъ видѣли остатокъ особой древней расы, сохранившей какими-то судьбами, въ силу исключительныхъ условій своего мѣстожительства, первобытныя „звѣроподобныя" особенности, характерныя вообще для нашихъ дикихъ прародителей. Еще во время пребыванія своего въ Вюрцбургѣ Вирховъ имѣлъ возможность обстоятельно заняться изученіемъ кретинизма*). Тогда же онъ пришелъ къ выводу, что кретинизмъ есть болѣзнь, которая обусловливается ненормальнымъ развитіемъ черепа въ зависимости отъ преждевременнаго срощенія черепныхъ швовъ. „*Это*,—говоритъ онъ про кретиновъ,—*не физіологическій, а патологическій видъ*; *это—не типы* (въ антропологическомъ смыслѣ), *а законосообразное уклоненіе отъ типа*... Кретины схожи между собой; но сходство ихъ тератологическое, т. е. вытекаетъ изъ общаго закона образованія уродливостей: *они составляютъ лишь особую форму уродливостей*". Въ вопросѣ о микроцефалахъ (малоголовые) Вирховъ также разошелся со взглядами такихъ, напримѣръ, дарвинистовъ, какимъ былъ Карлъ Фогтъ. Этотъ послѣдній, какъ извѣстно, пытался доказать на основаніи своихъ обстоятельныхъ, можно сказать, классическихъ изслѣдованій, что микроцефалы во многомъ сходны съ высшими человѣкообразными обезьянами, и что ихъ можно даже отнести къ особой породѣ людей-обезьянъ. Микроцефалы, по мнѣнію Фогта, атавистически воспроизводятъ характерныя особенности нашихъ обезьяно-образныхъ предковъ: они—одно изъ самыхъ достовѣрныхъ указаній самой природы на то, какими были люди на самой низкой ступени развитія, въ ту пору, когда ихъ еще никто не рѣшился бы назвать вѣнцомъ творенія. Правда, впослѣдствіи К. Фогтъ нѣсколько смягчилъ рѣзкій, безапеляціонный тонъ своихъ утвержденій, но взглядъ его на микроцефаловъ остался по существу тотъ же, что и раньше.

Вирховъ имѣлъ возможность обстоятельно изучить явленія микроцефаліи **). Мозгъ микроцефала, по его мнѣнію, дѣйстви-

*) *R. Virchow:* 1) Ueber den Cretinismus. 2) Ueber die Verbreitung des Cretinismus in Unterfranken. 3) Zur Entwicklungsgeschichte des Cretinismus und der Schädeldifformitäten.

*) *R. Virchow:* 1) Ueber Microcephalie. 2) Demonstration des Microcephalen Becker aus Offenbach.

тельно имѣетъ большое сходство съ мозгомъ обезьяны. „Но,—говоритъ онъ,—мы не въ правѣ утверждать, что существуетъ видъ обезьянъ, имѣющій такую же конструкцію мозга, какую мы находимъ у микроцефала“. Однако, приходится согласиться, что это не возраженіе и ужъ во всякомъ случаѣ не опроверженіе взглядовъ Фогта, ибо послѣдній вовсе не утверждалъ, что мозгъ микроцефала есть точная копія съ мозга оранга или шимпанзе. Центръ тяжести всей аргументаціи Вирхова заключается въ томъ, что микроцефалія вызывается заболѣваніемъ головного мозга во время утробной жизни, и слѣдовательно, она — *явленіе патологическое*. Далѣе, микроцефалія сопровождается весьма низкимъ уровнемъ развитія умственныхъ способностей, настолько низкимъ, что ни одинъ микроцефалъ не въ силахъ существовать самостоятельно. Если когда-либо все человѣчество находилось на положеніи микроцефаловъ, то какъ,—спрашиваетъ Вирховъ,—могло оно просуществовать до нашихъ дней? Это нѣчто невѣроятное: „оно погибло бы еще до наступленія исторіи“, погибло бы, помимо всего прочаго, еще и потому, что микроцефалы безплодны и, слѣдовательно, продолжать родъ микроцефаловъ не могутъ. Наконецъ, по утвержденію Вирхова, вся психологія микроцефаловъ ни мало не свидѣтельствуетъ о сходствѣ съ таковой у обезьянъ: „Вся положительная, *инстинктивная* сторона психическаго развитія обезьянъ,—говоритъ Вирховъ,—отсутствуетъ у микроцефаловъ. *Ихъ сходство съ обезьянами основано только на отсутствіи дальнѣйшаго человѣческаго развитія*“ (курсивъ мой). Послѣднія соображенія относительно принципіальнаго различія между обезьяной и микроцефаломъ опять-таки не опровергаютъ взглядовъ Фогта, такъ какъ онъ совсѣмъ и не думалъ утверждать, будто микроцефалы и какая-либо изъ нынѣ живущихъ обезьянъ—одно и тоже. Да и вообще въ устахъ сторонника „единства жизни“,—а такимъ именно и былъ Вирховъ—указанія на специфичность человѣческой психики кажутся по меньшей мѣрѣ какимъ-то недоразумѣніемъ...

Изслѣдованія Вирхова о микроцефалахъ, представляющія глубокій научный интересъ, по основной мысли своей примыкаютъ къ другимъ изслѣдованіямъ его по вопросу объ атавизмѣ. Вирховъ думаетъ, что понятіемъ „атавизмъ“ ужъ слишкомъ злоупотребляютъ дарвинисты. Факты,—говоритъ онъ,—которые толкуются зачастую въ пользу атавизма, на самомъ дѣлѣ не имѣютъ ничего общаго съ этимъ вообще мало изслѣдованнымъ и сомнительнымъ явленіемъ. И тутъ онъ, разумѣется, останавливаетъ прежде всего свое вниманіе на тѣхъ данныхъ, которыя были использованы сторонниками происхожденія человѣка отъ низшей формы. Я имѣю въ виду „хвостатыхъ“ и „волосатыхъ“ людей, а также случаи увеличеннаго числа женскихъ грудныхъ железъ. Всякій, знакомый съ ученіемъ о происхожденіи человѣка, знаетъ, что всѣ

только что указанныя явленія помѣщаются обыкновенно въ ряду доказательствъ этого ученія: обильная волосатость свидѣтельствуетъ о той натуральной шубѣ, въ которую былъ одѣтъ нашъ отдаленный предокъ; хвостъ, объявляющійся иногда у представителей прекрасной и непрекрасной половины человѣческаго рода, можетъ смѣло фигурировать въ качествѣ необходимаго аксессуара на фамильномъ гербѣ нашихъ предковъ; увеличенное число грудныхъ железъ указываетъ на наше близкое родство съ „тварями" далеко не высокаго рода. Новѣйшая антропологія въ лицѣ многихъ своихъ представителей съ Вирховомъ во главѣ относитъ всѣ эти факты къ *прирожденнымъ уродливостямъ, находящимъ себѣ объясненіе въ утробной жизни плода.* Не останавливаясь на аргументаціи Вирхова по этому поводу, приведу лишь нѣсколько строкъ изъ его сообщенія о дѣвочкѣ-Крао, которую нѣсколько лѣтъ тому назадъ показывали въ Лондонѣ, какъ рѣдкій экземпляръ „человѣка-обезьяны, покрытаго шерстью, съ хвостомъ, съ защечными мѣшками". Вотъ что пишетъ Вирховъ: „Крао можетъ служить хорошимъ примѣромъ темнаго сіамскаго тѣла. Въ дѣйствительности строеніе ея не имѣетъ ничего питекоиднаго, т. е. сходнаго съ обезьяной... Заявленіе, будто въ этомъ ребенкѣ открыто недостающее звено въ смыслѣ дарвинизма, есть чистѣйшій обманъ, шарлатанство" *). Слова „обманъ и шарлатанство" относятся, разумѣется, не къ антропологамъ, а къ людямъ — сознательно или безсознательно—рекламировавшимъ въ газетахъ „чудо XIX вѣка", дѣвочку Крао.

Данныя палеонтологіи, которыми пользовались нѣкоторые антропологи, какъ аргументами въ защиту дарвинизма, получили, благодаря работамъ Вирхова, новое и оригинальное освѣщеніе. Для иллюстраціи взглядовъ его на этотъ предметъ достаточно будетъ указать слѣдующее. Въ Моравіи, въ одной изъ пещеръ, былъ какъ-то найденъ остатокъ нижней челюсти, принадлежащей индивидууму, жившему во времена мамонта, стало быть, въ доисторическую, первобытную эпоху. Извѣстный антропологъ Шафгаузенъ рѣшилъ, что челюсть эта принадлежала обезьяно-подобному предку человѣка. Вирховъ же, подвергнувши эту находку всестороннему изученію, пришелъ къ совершенно другому выводу. Онъ утверждаетъ, что въ этой челюсти нѣтъ ничего обезьяньяго, что всѣ питекоидныя особенности ея связаны съ анормальнымъ развитіемъ ея и съ задержкой въ прорѣзываніи зубовъ. Челюсть эта, по его мнѣнію, свидѣтельствуетъ не о расовыхъ, а всего лишь объ индивидуальныхъ отклоненіяхъ.

Еще любопытнѣе исторія съ надѣлавшимъ въ наукѣ такъ много шуму *неандертальскимъ черепомъ.* Въ 1856 году въ пещерѣ Неандерталя между Эльберфельдомъ и Дюссельдорфомъ,

*) *R. Virchow*: Mitteilungen über die kleine Krao.

былъ найденъ скелетъ. Особенно обращалъ на себя вниманіе антропологовъ черепъ этого скелета. Значительная длина его, далеко выдвинутыя впередъ надбровныя дуги, сильно покатый лобъ и кое-какія другія особенности — все это указывало на чрезвычайно низкую форму черепа. Ему не находили мѣста во всей коллекціи изученныхъ тогда череповъ и рѣшили, что онъ стоитъ ниже череповъ всѣхъ наиболѣе низкихъ „дикихъ" расъ. Естественно возникалъ вопросъ, не является ли онъ черепомъ одного изъ первобытныхъ предковъ, если не обезьяно-образныхъ, то во всякомъ случаѣ стоящихъ довольно близко къ послѣднимъ? Вопросъ былъ слишкомъ интересенъ, чтобы за рѣшеніе его не взялся такой пытливый и оригинальный умъ, какъ Вирховъ. Неандертальскому черепу посвящена одна изъ классическихъ работъ послѣдняго по антропологіи; и вотъ къ какому выводу приходитъ авторъ этой работы. Черепъ этотъ принадлежитъ очень старому мужчинѣ, *болѣзненному субъекту*, болѣзнь котораго сильно отразилась на строеніи его костяка вообще и черепа въ особенности. Неандертальскій незнакомецъ еще въ раннемъ дѣтствѣ страдалъ,— по мнѣнію Вирхова,— *англійскою болѣзнью*; а въ этой болѣзни онъ видитъ предрасполагающій моментъ для другой, уже старческой болѣзни, *подагры*, которою страдалъ неандерталецъ на склонѣ дней своихъ. Однако, это былъ совершенно особый видъ подагры, характерной не только для пещернаго человѣка, каковымъ, очевидно, и былъ нашъ неандерталецъ, но и для пещерныхъ обитателей вообще, напр., для пещернаго медвѣдя. „Пещерный медвѣдь,—пишетъ Вирховъ,—есть настоящій объектъ этой подагры; съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ заниматься изученіемъ пещеръ, я собралъ цѣлый музей костей и могу демонстрировать во всевозможныхъ частяхъ пещернаго медвѣдя удивительнѣйшіе препараты arthritis deformans (подагры древнихъ). Эта-то *пещерная* подагра, которая, можетъ быть, дѣйствительно находится въ связи съ пещерною жизнью и обязана своимъ происхожденіемъ влажному холоду пещеръ, найдена была и у неандертальскаго мужчины; ею, вѣроятно, обусловливались нѣкоторыя особенности, замѣченныя у него". Отсюда слѣдуетъ, что неандертальскій черепъ нужно разсматривать не какъ типичный для предшественниковъ Homo sapiens, а какъ *индивидуальный, измѣненный болѣзненными вліяніями*. Но,—продолжаетъ Вирховъ,—„если бы этотъ черепъ и признать за типичный расовый, съ чѣмъ я совершенно не согласенъ, *то онъ всетаки не имѣетъ ничего общаго съ черепомъ той или другой обезьяны*" *). Въ дополненіе къ послѣднему замѣчанію Вирхова слѣдуетъ напомнить, что и самъ Дарвинъ, и такой послѣдовательный, блестящій дарвинистъ, какъ Гексли, высказывались о пресловутомъ

*) *R. Virchow.* Untersuchung des Neanderthal-Schädels.

неандертальскомъ черепѣ въ такомъ же приблизительно смыслѣ, какъ и Вирховъ. Дарвинъ находилъ, что этотъ черепъ всетаки слишкомъ хорошо развитъ и достаточно вмѣстителенъ для того, чтобы считать его обезьяньимъ, а Гексли рѣшительно заявилъ, что такой черепъ никоимъ образомъ нельзя признать связующимъ звеномъ между черепами людей и обезьянъ...

Мнѣ не разъ приходилось видѣть портреты Вирхова, на которыхъ онъ изображенъ съ черепомъ въ рукахъ; при этомъ невольно приходила на память сцена на кладбищѣ изъ „Гамлета". Печальный датскій принцъ, погруженный въ язвительныя, пессимистическія думы о бренности всего земного, и великій краніологъ, исполненный любви къ наукѣ и вѣры въ грядущее царство идеала, пытающійся сдернуть покровъ съ тайнъ былого во славу будущаго—какой разительный контрастъ, какая соблазнительная тема для характеристики двухъ типовъ мышленія! Но сейчасъ насъ интересуетъ не эта сторона дѣла. Черепа — это подлинное царство Вирхова: среди нихъ онъ чувствовалъ себя такъ же хорошо, какъ можно чувствовать себя только въ кругу близкихъ, хорошо знакомыхъ людей. А потому немудрено, что Вирховъ и черепъ какъ-то невольно напрашиваются на одно и тоже полотно. Какъ много въ самомъ дѣлѣ сдѣлано имъ для распознаванія, характеристики и классификаціи череповъ. Онъ указалъ на новые пріемы краніометрическихъ измѣреній; онъ далъ новые принципы для классификаціи череповъ; онъ отмѣтилъ характерныя особенности патологически-измѣненныхъ череповъ, указалъ на способъ ихъ распознаванія, обратилъ вниманіе на значеніе такихъ патологическихъ формъ при обосновкѣ общихъ антропологическихъ положеній. И не смотря на все это, Вирховъ открыто заявляетъ, что „до сихъ поръ физическая антропологія не обладаетъ еще той широкой и твердой основой опыта, на которой возможно бы было строгое разграниченіе всѣхъ племенъ и расъ, по крайней мѣрѣ, въ естественно-научномъ смыслѣ" *). Это заявленіе тѣмъ болѣе цѣнно, что оно исходитъ отъ такого выдающагося краніолога, какъ Вирховъ. Оно показываетъ, что этотъ ученый дѣйствительно высоко ставилъ строгое, безупречное, точное изслѣдованіе, что онъ, рекомендуя осторожное обращеніе съ фактами и не придавая цѣны выводамъ, сдѣланнымъ на основаніи сомнительныхъ, непровѣренныхъ данныхъ, и самъ практиковалъ такое же осторожное отношеніе какъ къ фактамъ, такъ и къ выводамъ изъ нихъ. Въ этомъ, собственно, и нужно видѣть причину той борьбы, которую Вирховъ такъ неуклонно велъ противъ увлеченій и преувеличеній дарвинизма. Останавливаясь, напримѣръ, на тѣхъ признакахъ человѣка—цивилизованнаго, дикаго и ископаемаго,—которые раз-

*) Цитирую по *Іог. Ранке:* Человѣкъ.

сматривались, какъ питекоидные, онъ говорилъ: „не всякое животно-подобное уклоненіе въ нормальномъ строеніи и меньше всего такое, которое лишь отдаленымъ образомъ напоминаетъ типъ обезьянъ, должно называться питекоиднымъ. Напротивъ, для этого требуется положительное сходство формы и при томъ не съ воображаемой, а съ опредѣленной обезьяной, съ опредѣленнымъ видомъ ея. Кромѣ того, это уклоненіе должно быть не случайное, вызванное явными патологическими уклоненіями, а самопроизвольное, какъ результатъ внутренняго формативнаго стремленія". Само собою разумѣется, что такое требованіе нисколько не разбиваетъ основоположеній дарвинизма по существу: оно только претендуетъ на то, чтобы основоположенія эти подкрѣплялись несомнѣнными точными наблюденіями; оно только доказываетъ, что многіе факты, которые разсматривались иными черезчуръ ужъ пылкими дарвинистами, какъ нѣчто безспорное и неопровержимое, либо не подтверждаютъ того, что они должны подтверждать, либо могутъ быть истолкованы въ совершенно иномъ свѣтѣ.

Укажу въ заключеніе еще на одинъ вопросъ, тѣсно связанный съ вопросомъ о происхожденіи человѣка, въ которомъ Вирховъ, а съ нимъ и нѣкоторые другіе антропологи опять-таки заняли самостоятельную позицію. Это вопросъ о томъ, къ какой расѣ слѣдуетъ причислить обитателей Европы древнѣйшаго каменнаго вѣка. Мнѣнія по этому поводу расходятся. Одни, какъ, напримѣръ, Гексли, находятъ, что эти первобытные люди Европы походили на нынѣшнихъ австралійцевъ; другіе, напр., Доукинсъ, сравниваютъ ихъ съ эскимосами. Вирховъ не согласенъ по существу ни съ тѣми, ни съ другими. Онъ находитъ, что оба эти мнѣнія покоятся на предвзятыхъ, апріорныхъ соображеніяхъ. „Австралійцы и эскимосы, — говоритъ онъ по этому поводу, — „низшія" расы; а потому доисторическое населеніе Европы должно будто бы находиться въ родствѣ съ ними. Такова дедукція. Но именно древнѣйшіе черепа не носятъ никакихъ слѣдовъ низшихъ расъ. Нельзя даже сколько-нибудь опредѣленно приписать всѣмъ этимъ черепамъ характера дикости. Одинъ лишь неандертальскій черепъ производитъ такое впечатлѣніе, но онъ оказался патологическимъ. Не настало еще время для сколько-нибудь точнаго опредѣленія положенія доисторическихъ народовъ дилювіальнаго каменнаго вѣка, дѣйствительно первобытнаго населенія Европы. Не открыта еще та первобытная раса, которую мы могли бы признать за низшую форму человѣчества и, какъ думаютъ, за общій корень всѣхъ позднѣйшихъ семействъ народовъ. Адамиты пока еще не найдены"...

Таковы нѣкоторые изъ кардинальныхъ взглядовъ Вирхова — антрополога. Подрываютъ ли они сколько-нибудь устои дарвинизма? Напротивъ: научный дарвинизмъ долженъ сказать великое

спасибо Вирхову, за то, что онъ очистилъ его отъ фантастическихъ наслоеній, указалъ на несостоятельность тѣхъ доводовъ, которые всегда дискредитируютъ всякую строго-научную систему, каковой и должно быть ученіе о происхожденіи человѣка. И въ такомъ смыслѣ Вирховъ, дѣйствительно, „больше дарвинистъ, чѣмъ это можетъ казаться". Пусть среди современныхъ дикарей нѣтъ связующаго звена между человѣкомъ и обезьяной. Вѣдь нѣтъ связующихъ звеньевъ и между многими другими видами современныхъ животныхъ и растеній, а это нисколько не опровергаетъ ученія о происхожденіи видовъ. Пусть иные изъ атавистическихъ признаковъ оказались продуктомъ болѣзненнаго ненормальнаго развитія. Вѣдь независимо отъ того, что Вирховъ несомнѣнно злоупотреблялъ „патологіей",—это не разъ ему указывали сами антропологи—атавизмъ остается фактомъ, широко распространеннымъ въ природѣ, а существованіе нѣкоторыхъ атавистическихъ особенностей человѣческаго тѣла нельзя опровергнуть никакою „патологіей"; да и помимо атавизма, исторія развитія человѣческаго зародыша указываетъ вполнѣ ясно на генеалогическое родство человѣка съ обезьяной. Пусть, наконецъ, неандертальскій черепъ оказался не питекоидной, а всего лишь измѣненной болѣзненными вліяніями формой; „адамиты" или, если хотите, предки адамитовъ, найдены: открытіе, сдѣланное нѣсколько лѣтъ тому назадъ Дюбуа, не оставляетъ почти никакихъ сомнѣній въ томъ, что промежуточное звено, pitekantropos существовалъ когда-то на землѣ.

Въ числѣ другихъ работъ Вирхова по антропологіи, собственно по археологіи и по исторіи первобытной культуры, необходимо указать на его изслѣдованія по вопросу о „свайныхъ постройкахъ", затѣмъ о такъ называемыхъ „кухонныхъ кучахъ", найденныхъ въ Скадинавіи и Даніи, и, наконецъ, о раскопкахъ на мѣстѣ древней Трои. Путешествіе къ холму Гисарликъ, гдѣ, собственно, и располагалась Троя, Вирховъ предпринялъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ Шлиманомъ въ 1879 году. Само путешествіе и добытые тамъ результаты, касающіеся археологическихъ данныхъ, а также фауны, флоры и геологическихъ особенностей этой мѣстности, описаны въ двухъ сочиненіяхъ Вирхова: „Beiträge zur Landeskunde von Troas (къ географіи Трои)" и „Alttrojanische Gräber und Schädel (древнетроянскія могилы и черепа)". Къ сожалѣнію, я долженъ отказаться отъ удовольствія остановиться нѣсколько подробнѣе на этихъ въ высшей степени интересныхъ работахъ; тѣмъ болѣе, что я хочу сказать хоть нѣсколько словъ еще объ одной чрезвычайно важной работѣ Вирхова.

Вирхову удалось установить то—нынѣ общепризнанное—положеніе, что у всѣхъ представителей, типичныхъ для той или иной расы, существуетъ опредѣленное отношеніе между цвѣтомъ кожи, глазъ и волосъ. Этотъ принципъ можетъ служить въ каче-

ствѣ антропологическаго пріема при опредѣленіи и классификаціи расъ. Такъ, напримѣръ, можно сказать, что бѣлая раса съ этой точки зрѣнія распадается на два большихъ отдѣла — на блондиновъ и брюнетовъ. Имѣются, разумѣется, и смѣшанныя комбинаціи обоихъ отдѣловъ. Для того, чтобы изучить распредѣленіе этихъ главныхъ типовъ, какъ основныхъ, такъ и смѣшанныхъ, была предпринята, по указанію Вирхова, обширная статистическая работа: свыше 10 милліоновъ дѣтей, обучавшихся въ школахъ Германіи, Австріи, Швейцаріи и Бельгіи, было подвергнуто изслѣдованію по схемѣ—цвѣтъ кожи, волосъ и глазъ. Результаты получились интересные и поучительные для дальнѣйшихъ выводовъ. Послѣдній самый любопытный и, разумѣется, гипотетическій выводъ, сдѣланный Вирховомъ, гласитъ слѣдующее: „Я склоненъ допустить,—говоритъ онъ,—что первоначальное кельтское населеніе Европы, такъ же, какъ и италійское, составляли не блондины-арійцы, а брюнеты-арійцы. И германцы и славяне были первоначально блондины, но отъ смѣшенія съ кельтами они воспринимали бо́льшее или меньшее число особенностей смуглаго типа“...

VI.

Какъ часто приходится слышать мнѣніе, будто серьезная научная работа несовмѣстима съ общественой и политической дѣятельностью. Многіе не только подлинные, но, что досаднѣе всего, quasi-ученые, берутъ себѣ даже какую-то монополію на общественный и политическій индифферентизмъ. Вся жизнь Вирхова служитъ блестящимъ опроверженіемъ такого мнѣнія: горячій интересъ къ вопросамъ, волнующимъ общественную мысль, тяготѣніе къ опредѣленнымъ политическимъ принципамъ и неустанная работа во имя осуществленія ихъ—все это красною нитью проходитъ черезъ всю жизнь Вирхова. Да и не таково́ было время, выдвинувшее Вирхова, чтобы онъ—по природѣ борецъ, служитель истины и рыцарь справедливости—остался внѣ вліянія идей этой эпохи. „Ein Achtundvierziger“ *) для нѣмца то же, что для насъ „шестидесятникъ“: кто прошелъ искренно и честно эту школу, тотъ остается чуткимъ къ интересамъ общества и политической жизни до сѣдыхъ волосъ. Взгляды Вирхова—общественнаго дѣятеля выросли въ атмосферѣ сороковыхъ годовъ, а непосредственная дѣйствительность, съ которой ему, въ качествѣ врача, пришлось тогда же столкнуться лицомъ къ лицу, показала, что идеи эти - не „завиральныя“ идеи, а спасительный маякъ,

*) Такъ называютъ нѣмцы поколѣніе 48 года.

указывающій обществу выходъ изъ плачевнаго во всѣхъ отношеніяхъ положенія.

Въ 1848 году въ Верхней Силезіи разгорѣлась эпидемія голоднаго тифа. Вирхова отправили туда, чтобы онъ, какъ говорилось въ предписаніи, „возможно лучше изслѣдовалъ природу болѣзни въ научномъ отношеніи“. Вирховъ изслѣдовалъ и уже черезъ мѣсяцъ, послѣ выѣзда на мѣсто командировки, читалъ въ Берлинскомъ обществѣ научной медицины свое историческое „Сообщеніе о господствующей въ Верхней Силезіи эпидеміи тифа“. Авторъ „сообщенія“ вышелъ далеко за предѣлы поставленной ему задачи, т. е., говоря по настоящему, понялъ и исполнилъ ее такъ, какъ долженъ былъ сдѣлать честный *гражданинъ* страны своей. Многимъ, вѣроятно, памятны сцены ужасной нищеты, невѣжества и забитости, которыя такъ ярко обрисованы мастерскою рукой Гауптмана въ его „Ткачахъ“. Но это всего лишь одинъ уголокъ картины, которую пришлось Вирхову наблюдать въ Верхней Силезіи сороковыхъ годовъ. Полнѣйшее обнищаніе, экономическій и бюрократическій гнётъ, круглое невѣжество, граничащее съ какимъ-то одичаніемъ, грязь, холодъ, голодъ и смерть, загребающую властной рукой несчастныя жертвы общественнаго и политическаго неустройства—вотъ что нашелъ юный ученый въ Верхней Силезіи. Потрясенный до глубины души всѣмъ видѣннымъ, Вирховъ вернулся въ Берлинъ съ твердымъ намѣреніемъ принять самое дѣятельное участіе въ рѣшеніи назрѣвшихъ вопросовъ общественной жизни: крещеніе въ политическіе дѣятели совершилось! Съ тѣхъ поръ мы видимъ Вирхова въ рядахъ непреклонныхъ борцовъ-гуманистовъ.

Въ своемъ „Сообщеніи“, написанномъ убѣдительно и страстно, Вирховъ не только воспроизводилъ правдивую картину бѣдственнаго положенія верхне-силезцевъ, но и указывалъ рядъ положительныхъ мѣръ, которыя правительство должно, по его мнѣнію, использовать, если только оно дѣйствительно и серьезно желаетъ принести пользу своимъ подданнымъ. Не лѣкарства, не „бумажное“ дѣло и не подачки филантропіи нужны тутъ, — говорилъ онъ, — а коренная реорганизація экономическихъ и общественныхъ условій жизни. „Пруссія гордится своими законами и чиновниками... И въ самомъ дѣлѣ, какое множество хорошо выдресированныхъ чиновниковъ стояло на готовѣ, чтобы примѣнить эти законы! Какъ лѣзли они всюду въ частную жизнь, какъ старательно вникали въ интимныя отношенія своихъ „подданныхъ“, чтобы застраховать ихъ духовное и матеріальное благополучіе отъ слишкомъ высокаго уровня, какъ ревностно опекали они всякое непродуманное и рѣзкое проявленіе разума этихъ „подданныхъ“! Законъ былъ на лицо, чиновники также, а народъ умиралъ тысячами отъ голода и эпидеміи. Законъ ничему не помогъ, потому что былъ всего лишь писанной бумагой; чиновники также

никому не оказали помощи, потому что результатомъ ихъ дѣятельности опять-таки были груды исписанной бумаги. Все государство стало бумажнымъ, какимъ-то карточнымъ домикомъ"... *). Этотъ краснорѣчивый обвинительный актъ политическому строю тогдашней Пруссіи, равно какъ и тѣ положительныя требованія, о которыхъ упоминалось выше, легли въ программу всей общественно-политической дѣятельности Вирхова. Правда, прошли годы, и нѣкоторыя краски этой программы поблѣднѣли. Жизнь выдвинула новыя задачи, сформировалась новая партія, ставшая носительницей наиболѣе прогрессивныхъ требованій времени, и Вирховъ остался не только внѣ этой партіи, но даже временами становился въ оппозицію по отношенію къ ней. Но справедливость требуетъ сказать, что основные взгляды Вирхова, взгляды всегда по существу прогрессивные, гуманные, смѣлые и честные, остались при немъ до конца дней его. Такъ еще въ прошломъ году на банкетѣ, устроенномъ въ честь него партіей „свободомыслящихъ", въ отвѣтъ на рѣчь своего друга и единомышленника, Евгенія Рихтера, онъ выразилъ увѣренность, что идеалы его юности осуществятся, что „свобода, которой еще не имѣютъ нѣмцы, станетъ достояніемъ сильнаго и идущаго впередъ народа", и предложилъ тостъ за „свободную Германію, свободную въ работѣ и мышленіи". Такая живучесть вѣры, такая преданность идеаламъ юныхъ дней многаго стоитъ!

За 48-ымъ годомъ послѣдовала реакція. Вирховъ, попавшій въ опалу, долженъ былъ покинуть Берлинъ и поселился въ Вюрцбургѣ. Семь лѣтъ онъ пробылъ здѣсь, и мы знаемъ, что это было то самое время, когда зарождались и назрѣвали идеи новой патологіи. Затѣмъ Вирховъ вновь очутился въ Берлинѣ и уже на всю жизнь. Перебираясь сюда, Вирховъ, однако, по остроумному замѣчанію Рихтера, не забылъ въ Баваріи ничего изъ своего демократическаго багажа (nichts von seinem demokratischen Gepäck); напротивъ: каждую штуку его онъ распаковывалъ въ Берлинѣ, какъ только къ тому представлялась необходимость. Распаковка эта началась съ 1859 года, когда Вирховъ сталъ членомъ берлинскаго муниципалитета. До него городскія дѣла шли скверно: то же бюрократическое, бумажное отношеніе къ общественнымъ вопросамъ царило и здѣсь. Но вмѣстѣ съ Вирховомъ и примкнувшей къ нему партіей „молодыхъ" началась поистинѣ новая эра въ судьбахъ берлинскаго самоуправленіи. „Свѣтъ, воздухъ, вода, жилище, образованіе, достатокъ, свобода"—вотъ что составляло предметъ постоянныхъ заботъ Вирхова, вотъ чего добивался онъ всегда для тѣхъ, кто былъ лишенъ всѣхъ этихъ благъ.

Въ 1861 году организовалась партія прогрессистовъ (Fort-

*) *R. Virchow:* «Mittheilungen über die in Oberschlesien herrschende Typhus-Epidemie».

schrittspartei), и Вирховъ былъ въ числѣ основателей и выдающихся вождей ея; затѣмъ, когда она превратилась въ партію свободомыслящихъ (Freisinnige), Вирховъ продолжалъ оставаться однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ своей партіи. Его рѣчи сперва въ прусской палатѣ депутатовъ, а затѣмъ и въ обще-германскомъ рейхстагѣ, рѣчи всегда глубоко содержательныя, проникнутыя тонкой ироніей по адресу противниковъ свободы и всяческихъ мракобѣсовъ, производили большое впечатлѣніе, его стойкость въ убѣжденіяхъ и настойчивость, съ которою онъ требовалъ осуществленія различныхъ реформъ въ интересахъ народа, его горячіе протесты противъ заявленій и требованій правительства создали ему много враговъ. Но больше всего ненавидѣлъ Вирхова „желѣзный канцлеръ". Въ то время, когда Бисмаркъ почти безконтрольно вертѣлъ дѣлами Германіи, выдвигая одинъ ограничительный законъ за другимъ, когда онъ, съ цѣлью успѣшнѣе провести какое-либо мѣропріятіе, то сѣялъ раздоръ между партіями, то заигрывалъ съ которой-нибудь изъ нихъ, Вирховъ былъ въ рядахъ оппозиціи и доводилъ до бѣшенства государственнаго мужа своимъ холоднымъ отпоромъ или ядовитою насмѣшкою, мѣтко характеризующею тайныя намѣренія канцлера. Былъ, впрочемъ, случай, когда Бисмаркъ на время загипнотизировалъ и Вирхова. Это былъ въ 70-хъ годахъ, когда правительство вело борьбу съ церковной іерархіей, борьбу, которую Вирховъ такъ опрометчиво принялъ за начало освободительнаго движенія во имя якобы высокихъ культурныхъ идей, и окрестилъ даже именемъ „Kulturkampf'a". Этого не могли простить ему не только его политическіе противники, но и многіе изъ друзей. Но впослѣдствіи Вирховъ, отвѣчая въ рейхстагѣ на нападки вождя клерикаловъ, Виндгорста, открыто сознался въ томъ, что онъ тогда не понялъ тайныхъ намѣреній правительства и только потому былъ на сторонѣ предлагаемыхъ министерствомъ законовъ. „Сознаюсь,—говорилъ онъ,—что я ошибся. Сознаюсь, если хотите, что я былъ не правъ, и если бы я предвидѣлъ, къ чему все это приведетъ, то, вѣроятно, высказался бы отрицательно. Но въ ту пору у меня сложилось убѣжденіе, что правительство имѣетъ въ виду выработать такія условія, при которыхъ всѣ вѣроисповѣданія могли бы, не мѣшая другъ другу, мирно развиваться въ нашемъ государствѣ".

Въ теченіе многихъ лѣтъ, вплоть до послѣдняго времени, Вирховъ былъ предсѣдателемъ особой коммиссіи по контролю государственнаго бюджета. И здѣсь онъ положилъ не мало труда, усердно разбираясь въ безчисленномъ множествѣ всевозможныхъ финансовыхъ проектовъ, актовыхъ книгъ, протоколовъ, запросовъ, донесеній, счетовъ и выступая всегда горячимъ противникомъ всякихъ непроизводительныхъ расходовъ. Вотъ какъ остроумно характеризуетъ дѣятельность Вирхова въ этой коммиссіи вождь

свободомыслящихъ, Евгеній Рихтеръ: „Для Вирхова, — говоритъ онъ, — было своего рода наслажденіемъ разсматривать при помощи счетнаго микроскопа клѣточную ткань общественнаго хозяйства, чтобы такимъ образомъ изучать патологію нашихъ бюджетныхъ законоположеній“. При видѣ той груды матеріаловъ, къ которымъ всюду была приложена собственноручная подпись Вирхова, „я,—продолжаетъ Рихтеръ,—подумалъ, нельзя ли было бы устроить въ обширномъ помѣщеніи новаго рейхстага какой-нибудь флигель—еще одинъ патологическій музей, гдѣ помѣщались бы всѣ, открытыя Вирховымъ, уродливости, болѣзненныя уклоненія и паразиты нашего хозяйства, хорошо заномерованныя и занесенныя въ каталогъ, чтобы будущимъ министрамъ и депутатамъ было легче ихъ усвоить“... *).

Нечего и говорить, что вопросы общественной медицины и гигіены стояли всегда на видномъ мѣстѣ въ практической дѣятельности Вирхова, въ особенности въ послѣднее время. То, что проповѣдывалъ онъ еще въ началѣ своей научной карьеры, доказывая тѣсную связь между медициной и политикой, нашло себѣ фактическое подтвержденіе въ его собственной дѣятельности. Еще въ 1848 году, въ качествѣ редактора „Медицинской реформы“—органа научно-публицистическаго—Вирховъ писалъ, что „врачи — естественные адвокаты бѣдныхъ, что значительная часть соціальнаго вопроса входитъ въ ихъ юрисдикцію“, и что „если медицина дѣйствительно желаетъ выполнить свои великія задачи, она должна непремѣнно охватывать политическую и общественную жизнь“. Его сборникъ статей по общественной медицинѣ—Gesammelte Abhandlungen aus dem Gebiete der öffentlichen Medicin und Seuchenlehre—лучше всего свидѣтельствуетъ о томъ, какъ понималъ Вирховъ связь между жизнью и наукой и обязанности медицины передъ обществомъ. До конца дней своихъ онъ держался этихъ принциповъ, проводилъ ихъ непосредственно въ жизнь и словомъ, и дѣломъ, настаивая на осуществленіи тѣхъ или иныхъ общегигіеническихъ и санитарныхъ мѣръ, доказывая ихъ необходимость и въ парламентскихъ рѣчахъ, и на общедоступныхъ чтеніяхъ, и въ публицистическихъ статьяхъ. *Сорокъ два года* работалъ Вирховъ на пользу своего города, и Берлинъ за это время сталъ неузнаваемъ. Теперь онъ пользуется славой едва ли не самаго благоустроеннаго города во всей Европѣ въ санитарномъ и гигіеническомъ отношеніи. Образцовая чистота, канализація, водопроводы, больницы, клиники, общественные парки, значительное улучшеніе гигіеническихъ условій школы — всѣмъ этимъ Берлинъ почти всецѣло обязанъ Вирхову.

Былъ еще одинъ вопросъ, къ которому особенно чутко от-

---

*) *Eugen Richter*. «Rudolf Virchow, als Politiker».

носился Вирховъ: вопросъ объ интересахъ университета и университетскаго преподаванія. Случалось, что, сильно опоздавши на лекцію, онъ входилъ въ аудиторію со словами: „Былъ въ рейхстагѣ. Битыхъ три часа пришлось защищать интересы университета—ваши интересы. А вы вотъ, кажется, недовольны, что я немного опоздалъ". И аудиторія, конечно, понимала, что значатъ въ устахъ Вирхова слова „защищалъ *ваши* интересы". Это нужно было понимать въ томъ смыслѣ, что испрошенъ и заполученъ кредитъ на расширеніе клиникъ, на улучшеніе лабораторій, научныхъ пособій и т. п.

Не нужно забывать, что, помимо всего прочаго, общественная дѣятельность Вирхова въ теченіе шести десятилѣтій сказывалась еще и какъ преподавательская дѣятельность, сперва какъ ассистента въ Charité, а затѣмъ какъ профессора въ университетѣ. Вюрцбургъ за время пребыванія тамъ Вирхова, а затѣмъ и Берлинъ за послѣдніе 45 лѣтъ стали буквально священною Меккою, куда толпами направлялись медики и молодые ученые съ цѣлью поработать подъ руководствомъ творца новой медицины. Нѣсколько поколѣній врачей и сотни начинающихъ ученыхъ прошли школу Вирхова, распространяя взгляды учителя—не только научные, но и общественные—по лицу всей земли. Патологическій институтъ въ Берлинѣ, поднятый трудами Вирхова на высоту единственнаго въ своемъ родѣ научнаго учрежденія, сталъ подлиннымъ „храмомъ науки", разсадникомъ принциповъ точнаго знанія и гуманизма. Многіе изъ учениковъ и ассистентовъ Вирхова сами стали выдающимися учеными и знаменитостями. Достаточно назвать имена Гоппе-Зейлера, Конгейма, Гравица, Кюне, Сальковскаго, Клебса, Орта, Израеля, Гиса. „Вы, — говорилъ послѣдній Вирхову въ привѣтственной рѣчи,—вы всегда и прежде всего пріучали насъ мыслить самостоятельно, учили независимой критикѣ. Какъ сами вы всегда были для насъ въ этомъ отношеніи рыцаремъ безъ страха и упрека, такъ и изъ учениковъ своихъ старались сдѣлать храбрыхъ борцовъ, которые выше всего на свѣтѣ ставили бы безусловную истину, не увлекаясь ни предвзятыми теоріями, ни общепринятыми мнѣніями или предразсудками, ни собственными симпатіями и антипатіями, ни какими бы то ни было иными соображеніями въ свѣтѣ". Читаешь эти строки, и кажется, будто ихъ говоритъ Дю-Буа-Реймонъ о Іоганнѣ Мюллерѣ. Но вѣдь учитель Дю-Буа-Реймона былъ въ то же время учителемъ Вирхова, а послѣдній остался вѣренъ тѣмъ педагогическимъ пріемамъ, которые примѣнялъ Мюллеръ и благотворность которыхъ Вирховъ испыталъ на себѣ самомъ.

Свобода преподаванія и свобода изученія—die Lehrfreiheit und die Lernfreiheit,—по мнѣнію Вирхова, всегда служили и будутъ служить развитію науки. Этими двумя видами свободы должны

пользоваться всѣ школы и въ особенности университеты: безъ нея они обречены на жалкое прозябаніе и изъ разсадниковъ науки превращаются въ мѣста отбыванія неизбѣжной повинности. Только при условіи полной свободы,—говорилъ Вирховъ,—университеты могутъ исполнить съ честью свое высокое назначеніе, о которомъ никогда не должны забывать ни учащіе, ни сами учащіеся; а назначеніе это сводится къ слѣдующему: *общее научное и нравственное развитіе на ряду съ обстоятельнымъ изученіемъ той или иной спеціальной отрасли знанія* *). *Нравственное* Вирховъ всегда понималъ въ смыслѣ дѣйственнаго отношенія къ жизни. Науку для науки, науку, отвернувшуюся отъ жизни и парящую гдѣ-то тамъ въ облакахъ, онъ отвергалъ и рѣзко осуждалъ. „Вы научили насъ смотрѣть на научные труды, какъ на важнѣйшее звено въ великой цѣпи гуманитарныхъ стремленій, — говорилъ Гисъ Вирхову.—Вы всегда сами имѣли и намъ передали то высокое воззрѣніе на медицину, по которому она является не только наукой о человѣкѣ, но и работой на пользу человѣчества“...

Могъ-ли ученый, такъ именно понимающій связь между жизнью и наукой, считать послѣднюю исключительнымъ достояніемъ небольшой кучки избранныхъ? Не долженъ-ли онъ былъ заботиться о распространеніи научныхъ истинъ въ самой широкой публикѣ? Отвѣтъ на это самъ собою подразумѣвается. Популяризація науки входила въ число общественныхъ задачъ, поставленныхъ Вирховомъ. Вопросы физіологическіе, гигіеническіе, обще-біологическіе, научно-философскіе, педагогическіе — вотъ предметъ блестящихъ общедоступныхъ статей и рѣчей Вирхова. Подъ перомъ и въ устахъ великаго ученаго всякій спеціальный и „скучный“ вопросъ оживалъ, облекаясь въ ясныя и образныя формы. Умѣнье широко поставить и всесторонне освѣтить самую повидимому ничтожную тему составляетъ характерную особенность всѣхъ статей Вирхова, какъ строго-научныхъ, такъ и популярныхъ. Мелочи, подробности—сами по себѣ, быть можетъ, утомительныя и скучноватыя—въ статьяхъ его всегда переплетаются съ широкими обобщеніями и пріобрѣтаютъ, благодаря имъ, своеобразный, порою глубокій интересъ.

Безискусственная, понятная и содержательная рѣчь можетъ и вообще служить образчикомъ того, какъ слѣдуетъ демократизировать науку. Но для Вирхова-популяризатора этого мало. Научно-популярныя работы его отмѣчены печатью художественнаго дарованія, проникнуты настроеніемъ, а въ стилистическомъ отношеніи представляютъ образецъ яркаго образнаго письма. Возьмемъ хотя бы его статью о лихорадкѣ **).

---

*) *R. Virchow.* «Lernen und Forschen».

**) *R. Virchow.* «Vier Reden über Leben und Kranksein»

Ужъ на что, кажется, обыкновенная и незахватывающая тема! Но подъ перомъ Вирхова она преобразилась. Прочтите статью, и вы увидите, въ чемъ сила автора. Всесторонняя образованность, ссылки на всевозможные курьезы изъ области исторіи, миѳологіи и народныхъ предразсудковъ, умѣнье облекать даже „обыденное“ въ красивыя формы, легкая живая рѣчь, пересыпанная остротами и шутками—все это характеризуетъ данную статью, свидѣтельствуя о томъ искусствѣ, съ которымъ Вирховъ пользовался всѣми средствами популяризаціи для возбужденія интереса въ слушателяхъ и читателяхъ. Развѣ не странно, что въ очеркѣ, посвященномъ описанію лихорадки и ея причинъ, вы наталкиваетесь вдругъ на остроумную попытку вскрыть содержаніе поэтическихъ миѳовъ Греціи и сагъ Германіи и связать ихъ происхожденіе съ повседневными нуждами, заботами и страданіями людей, подчиненныхъ гнету всевластной природы и ищущихъ выхода изъ тисковъ ея? Но въ томъ-то и дѣло, что тутъ же, рядомъ съ вылазкой въ область миѳологіи, вы находите множество серьезнѣйшихъ заявленій, цѣнныхъ знаній и тонкихъ наблюденій, имѣющихъ уже прямое отношеніе къ затронутой авторомъ темѣ.

Вотъ другая статейка, легкій эскизъ, навѣянный соображеніями, имѣющими, повидимому, мало общаго съ темой, поставленной въ заголовкѣ. Это дружеская бесѣда съ читателемъ, въ которой авторъ проявляется не только, какъ ученый естествоиспытатель, но и какъ другъ человѣчества вообще. Она называется „Какъ растетъ человѣческое тѣло. Воспоминаніе.“ Все въ ней подернуто дымкой меланхоліи. Такъ и видишь задумчивую фигуру мыслителя, погруженнаго въ думы о судьбахъ людей. „Это было въ одинъ изъ лѣтнихъ дней 1849 года,—такъ начинается статья — когда я покинулъ домъ, долго служившій мнѣ семейнымъ очагомъ. Мое новое скромное окно выходило въ садъ; бѣлоствольныя березы съ печально опущенными вѣтвями тихо шептались съ воздухомъ, и я не видалъ ни страданій, ни нуждъ человѣчества, вызваннаго изъ состоянія дремоты и не хотѣвшаго успокоиться. За быстро пробудившеюся весной, полной надеждъ, наступило знойное лѣто, и когда кровь была взволнована до глубины сердца, ударилъ жестокій морозъ, когда вся природа покрылась новыми плодами, люди должны были скрыть всѣ свои желанія подъ лохмотьями зимней одежды...“

Любопытное начало, не правда-ли? Какая связь между этими грустными рѣчами и ростомъ человѣческаго тѣла? Связь внутренняя, психологическая. Органическій ростъ и исторія человѣчества—развѣ это не утѣшительная параллель? Вирховъ ищетъ покоя отъ тревожныхъ думъ, навѣянныхъ тяжелыми событіями исторіи. Печальникъ превратныхъ судебъ человѣчества хочетъ уйти въ науку, пытается въ ней почерпнуть себѣ надежду и умиротво-

реніе и кончаетъ сентенціей, которая звучитъ горькой ироніей въ устахъ безпокойнаго „неудобнаго“ человѣка: „Мечтатели, обратитесь къ природѣ, изучайте условія роста, чтобы понять процессы вашей жизни“! Да, наука даетъ удовлетвореніе; но не всѣмъ. Души отзывчивыя, натуры чуткія и вдумчивыя—а таковымъ до смерти оставался Вирховъ—напрасно ищутъ въ ней того, чего она не можетъ имъ дать. Вся жизнь Вирхова, вся общественная и политическая дѣятельность его служатъ тому нагляднымъ доказательствомъ.

Дѣятельность Вирхова такъ многообразна и богата содержаніемъ, что обстоятельная оцѣнка всего того, что сдѣлано имъ для науки и общества, требуетъ цѣлаго тома, а не статьи *). Удивительный былъ это человѣкъ, удивительный и по уму, и по энергіи, и по дарованіямъ. Умъ философа, тонкаго аналитика и блестящаго изслѣдователя въ немъ счастливо сочетался съ колоссальною энергіей и безпримѣрнымъ трудолюбіемъ; разносторонняя образованность шла рука объ руку съ всеисчерпывающимъ знаніемъ нѣсколькихъ отраслей біологіи; исключительная способность къ синтезу, давшая наукѣ рядъ совершенно новыхъ и глубокихъ обобщеній, соединялась съ холоднымъ скептицизмомъ и даромъ безпощадной критики. Это была поистинѣ цѣльная, гармоничная натура! Волновавшія ее идеи воплощались въ жизни и сами вызывали къ жизни новыя идеи; слово никогда не знало разлада съ дѣломъ: дѣло находило себѣ выраженіе въ словѣ, слово неизмѣнно претворялось въ дѣло. Рихтеръ говоритъ: пройдутъ вѣка, и будущія поколѣнія не повѣрятъ, что имя „Вирховъ“ было именемъ одного человѣка. Эти грядущія поколѣнія будутъ думать, что въ XIX вѣкѣ существовала цѣлая плеяда выдающихся дѣятелей въ различныхъ сферахъ мысли и жизни, и что „Вирховъ“ было собирательнымъ именемъ этой славной плеяды. И Рихтеръ правъ, ибо Вирховъ наработалъ и сдѣлалъ такъ много для человѣчества, что трудовъ его хватитъ на добрый десятокъ знаменитостей...

13 Октября 1821 года занесено въ лѣтописи науки: это день рожденія великаго ученаго гражданина.

13-е Октября 1901 года было праздникомъ науки: въ этотъ день со всѣхъ концовъ міра собрались ученые въ Берлинѣ, чтобы привѣтствовать Вирхова по случаю восьмидесятилѣтней годовщины его рожденія. Депутаціямъ и рѣчамъ не было числа... А самъ юбиляръ, еще совершенно бодрый, жизнерадостный, выражалъ

*) Объ этомъ можно, между прочимъ, судить хотя бы потому, что одно лишь перечисленіе всего написаннаго Вирховомъ составляетъ книжку въ 118 страницъ!

надежду и обѣщаніе работать, пока хватитъ силъ; и даже на вопросъ представителя американскихъ врачей—когда-же онъ пріѣдетъ къ нимъ въ Америку—отвѣтилъ шутливо: „къ слѣдующему, девяностолѣтнему юбилею“!

5-ое Сентября 1902 года—скорбный день для науки: въ этотъ день не стало Вирхова.

Опять депутаціи, опять несчетная толпа почитателей, учениковъ, единомышленниковъ и товарищей. Но вмѣсто торжественнаго туша теперь лились плачущіе звуки шопеновскаго похороннаго марша; вмѣсто заздравнаго „hoch!“ надъ толпою, склонившейся у могилы великаго ученаго, пронеслись слова надгробной рѣчи: „Вы соль земли, вы свѣтъ міра“...

В. В. Лункевичъ.

Эмиль Золя.

(Литературно-біографическій очеркъ).

Эсхилу, величайшему трагику древности, тотъ самый желѣзный фатумъ, который составлялъ обычный фонъ его произведеній, приготовилъ, согласно легендѣ, изъ ряда вонъ выдающійся конецъ: орелъ, взвившись въ облака, выпустилъ изъ своихъ когтей тяжелую черепаху и раздробилъ ею голый черепъ поэта. Эмилю Золя, главѣ французскаго натурализма, ему, жестоко преслѣдовавшему романтическую литературу съ ея чудесными приключеніями и искавшему подлинный „документъ“, судьба нашла и подходящую смерть: романистъ сталъ жертвою банальнѣйшей случайности, плохой тяги камина, который наполнилъ спальню Золя окисью углерода,—самая, какъ видите, прозаическая и въ извѣстномъ смыслѣ „научная“ смерть, давшая поводъ газетнымъ репортерамъ допрашивать спеціалистовъ-химиковъ насчетъ пропорціи, въ какой содержающійся въ воздухѣ газъ CO становится безусловно гибельнымъ для человѣка.

Въ тѣ шесть дней, которые протекли между смертью автора „Ругоновъ-Маккаровъ“ и его похоронами, можно было особенно ясно видѣть, какую громадную роль игралъ Золя въ современной литературѣ, а въ послѣдніе годы, и въ современной исторіи. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ неожиданнаго конца, враги и друзья покойнаго вступили въ ожесточенный бой. И восхищеніе, энтузіазмъ, величайшія хвалы перекрещивались въ воздухѣ съ яростными ругательствами, и низкой клеветой, и шипящими звуками

злобы. Особенно отличились по этой части націоналисты и клерикалы. Шесть дней ихъ стая лаяла у подножія того литературнаго памятника, который составляютъ сорокъ томовъ, написанныхъ Золя, и барельефомъ котораго могли бы служить разнообразнѣйшія сцены изъ жизни тысячи двухсотъ героевъ, созданныхъ колоссальнымъ воображеніемъ художника, теперь высоко поднимающагося, словно могучая центральная статуя, надъ этимъ міромъ своихъ твореній, какъ образъ одного изъ наиболѣе сильныхъ писателей Франціи и всего свѣта. И что всего болѣе раздражало Катоновъ клерикально-шовинистскаго лагеря, такъ это столь же внезапное, сколько энергичное выступленіе Золя 5 лѣтъ тому назадъ на арену общественной дѣятельности въ дѣлѣ Дрейфуса, выступленіе, которое къ знакомой физіономіи крупнаго художника прибавляло новую и существенную черту мужественнаго гражданина, защитника справедливости и борца за истину. Этого-то, въ особенности, не могли простить ему люди реакціи; и вотъ въ теченіе цѣлыхъ шести дней гаерствующій Рошфоръ училъ Золя серьезному отношенію къ задачамъ жизни, человѣконенавистующій Дрюмонъ преподавалъ ему уроки дѣйственной любви къ людямъ, а порнографы милитаристской прессы обличали цинизмъ умолкнувшаго навсегда художника. Іезуиты распускали даже слухи, что Золя кончилъ самоубійствомъ, потому, молъ, что дѣло Дрейфуса нанесло ударъ его сатанинской гордости и причинило громадный матеріальный ущербъ его стяжательной карьерѣ, отбивъ читателей отъ произведеній „измѣнника отечества"...

Похороны Золя были знаменательнымъ отвѣтомъ на брань и клевету враговъ. И безчисленная толпа провожала гробъ, который окружали ученые, литераторы, студенты, рабочіе, представители министерства, борющагося съ клерикализмомъ, делегаты заграничныхъ литературныхъ и политическихъ корпорацій, члены значительной части партіи французскихъ соціалистовъ, рудокопы въ профессіональномъ костюмѣ и даже сама жертва французскаго милитаризма, злополучный Дрейфусъ, въ такой степени обязанный своимъ спасеніемъ автору громового письма „Я обвиняю". Уже тотъ фактъ, что, не смотря на предварительныя угрозы и бахвальство націоналистовъ, капитанъ съ Чортова острова могъ участвовать въ публичномъ кортежѣ, и храбрецы реакціонной партіи, импонированные видомъ многотысячной толпы демократовъ и республиканцевъ, не осмѣлились нарушить мирный характеръ печальной процессіи,—уже этотъ фактъ достаточно показываетъ, что общественное мнѣніе великой страны, взбаламученное было клерикальными и шовинистскими демагогами, все болѣе и болѣе рѣшительно повертывается въ сторону идей гуманности, цивилизаціи и прогресса. И когда современное правительство принуждено устами министра народнаго просвѣщенія воздавать должное чувству справедливости, руководившему Золя въ дѣлѣ Дрейфуса,

то, видя это, вы невольно переноситесь къ ненавистной памяти мелиновскимъ временамъ и останавливаетесь, пораженные рѣзкимъ измѣненіемъ въ политической области. Не впадая въ смѣшныя преувеличенія офиціальныхъ оптимистовъ, полагающихъ, что все во Франціи обстоитъ нынѣ какъ нельзя болѣе благополучно, вы все же не можете не сознаться, что Франція 1897 и 1902 гг. не одно и то же, и что вся страна испытала спасительную встряску. Но надо быть слѣпымъ, чтобы не замѣтить, какую исключительную роль въ подготовленіи этого процесса игралъ Золя съ его героической иниціативой.

У свѣжей могилы славнаго писателя и мужественнаго гражданина чувствуешь неотразимую потребность подвести итоги завершившейся дѣятельности и подѣлиться съ читателемъ соображеніями, которыя приходятъ въ голову при изученіи этой очень крупной фигуры. При этомъ само уваженіе къ памяти Золя вынуждаетъ меня отказаться отъ обычнаго тона традиціонныхъ комплиментовъ по адресу умершаго,—въ чемъ, кстати сказать, выражается, между прочимъ, простое переживаніе культа предковъ,—и по возможности правдиво, по возможности мужественно, какъ сдѣлалъ бы самъ Золя, оцѣнить значеніе человѣка, перешедшаго въ исторію. Само собою разумѣется, что центръ тяжести этой статьи долженъ заключаться въ литературной оцѣнкѣ Золя: онъ прежде всего и болѣе всего былъ писателемъ, и лишь въ самые послѣдніе годы выступилъ въ роли общественнаго дѣятеля. Я попытаюсь, однако, показать, что эта сторона Золя не можетъ, при болѣе внимательномъ анализѣ, считаться какимъ-то совершенно неожиданнымъ и противорѣчащимъ общему складу Золя психологическимъ взрывомъ. Во всякомъ случаѣ, обращая преимущественное вниманіе на Золя-литератора, я считаю полезнымъ въ интересѣ большей ясности статьи разложить ее на отдѣльныя части и дать сначала болѣе или менѣе подробную біографію Золя, такъ сказать, исторію его развитія, по крайней мѣрѣ, въ ея наиболѣе характерныхъ фактахъ, а затѣмъ обрисовать Золя въ уже окончательно сложившемся видѣ, какъ человѣка, какъ мыслителя, какъ художника въ связи съ его литературнымъ значеніемъ. Мнѣ остается только пожалѣть, что я могу цитировать лишь наиболѣе интересныя по тому или другому поводу мѣста изъ мало извѣстныхъ работъ Золя, а въ большинствѣ случаевъ принужденъ предполагать читателя знакомымъ съ его беллетристикой, по крайней мѣрѣ, съ его главнѣйшими романами.

Какъ бы ни смотрѣть на гипотезу, установляющую извѣстную зависимость между выдающимися качествами человѣка и его смѣшаннымъ происхожденіемъ, во всякомъ разѣ она какъ будто оправдывается на частномъ случаѣ Золя. Какъ извѣстно,

біографы этого писателя, напр., его близкій другъ Поль Алексисъ, пользовавшійся, конечно, свѣдѣніями изъ первыхъ рукъ, указываютъ на тотъ фактъ, что отецъ Золя, Франсуа, былъ рожденъ въ Венеціи отъ итальянца и гречанки съ острова Корфу *). Другой біографъ, докторъ Тулузъ, написавшій „медико-психологическое изслѣдованіе“ о Золя, считаетъ этого дѣда писателя по отцу далматомъ **). Такъ какъ громадное большинство жителей Далмаціи состоитъ изъ сербо-кроатовъ, то отчего не сдѣлать и того предположенія, что въ жилахъ главы натурализма течетъ извѣстное, пожалуй большое, количество славянской крови? Во всякомъ случаѣ несомнѣнно скрещиваніе итальянской и греческой расъ. Но этимъ дѣло не ограничивается. Отецъ Золя въ свою очередь женился на дѣвушкѣ другой національности, Эмиліи Обэръ (Aubert), француженкѣ изъ города Дурдана, по отцу и матери чистокровной обитательницѣ той самой „пшеничной страны“ Босъ, которую Золя изобразилъ въ своей „Землѣ“.

Становясь на точку зрѣнія абстрактной и, какъ всегда, очень гипотетической этнологіи, можно сказать à priori, что съ отцовской стороны Эмиль Золя унаслѣдовалъ южную подвижность, предпріимчивость, вкусъ къ новымъ комбинаціямъ, а съ материнской—ту ясность и уравновѣшенность мысли, ту склонность къ упорному труду, которая характеризуетъ крестьянъ центральной Франціи. Я позволю себѣ сдѣлать еще одно замѣчаніе: Золя неоднократно признавался, что у него нѣтъ легкаго французскаго остроумія, и что ему претитъ обычная манера парижанъ шутливо относиться къ серьезнымъ вещамъ и, что называется, изъ-за краснаго словца не жалѣть ни матери, ни отца ***). Нельзя-ли видѣть и въ этомъ свойствѣ вліяніе если не итальянскаго происхожденія, то итальянской манеры,—можетъ быть, внушенной отцомъ—мыслить и чувствовать? Я спросилъ какъ-то одного пріятеля—итальянца, умѣренно любящаго французовъ, что ему больше всего не нравится въ нихъ: „вѣчная бляга“! былъ сердитый отвѣтъ: „когда говоришь съ французомъ, не знаешь, шутитъ-ли онъ, или говоритъ въ серьезъ“...

Отецъ Золя былъ очень способнымъ, непосѣдливымъ и склоннымъ къ приключеніямъ человѣкомъ. Въ ранней молодости онъ служилъ въ итальянской артиллеріи, въ 1813 г., всего семнадцати лѣтъ отъ роду, сражался въ качествѣ офицера въ корпусѣ принца Евгенія Богарнэ. Паденіе Наполеона и переходъ Венеціи во власть австрійцевъ заставили его выйти въ отставку, сдѣ-

---

*) Paul Alexis, *Emile Zola. Notes d'un ami;* Парижъ, 1882, стр. 1—2.

**) Edouard Toulouze, *Enquête médico-psychologique sur les rapports de la supériorité intellectuelle. Emile Zola.* Парижъ, 1896, стр. 111.

***) См., между прочимъ, въ сборникѣ статей Золя изъ «Фигаро» *Une campagne*; Парижъ, 1882, этюдъ «Nos hommes d'esprit, стр. 262—270.

латься гражданскимъ инженеромъ, написать нѣсколько ученыхъ трактатовъ по своей спеціальности и въ теченіе пятнадцати лѣтъ заниматься различными техническими предпріятіями (напр., стройкой желѣзныхъ дорогъ) въ Германіи, Голландіи, Англіи. При Луи-Филиппѣ онъ появляется въ Алжиріи и служитъ тамъ капитаномъ въ иностранномъ легіонѣ (къ этому періоду его жизни была пріурочена утка, пущенная въ разгаръ дѣла Дрейфуса газетой „Le petit Journal" и обвинявшая, на основаніи фальшивыхъ документовъ, отца Золя въ воровствѣ). Затѣмъ, уже натурализованнымъ французомъ, онъ устраивается на югѣ Франціи и снова принимается за профессію гражданскаго инженера.

Сначала онъ пробуетъ провести свой проектъ расширенія марсельскаго порта; но, встрѣтя сильное противодѣйствіе, обращаетъ свою энергію и жажду дѣятельности на снабженіе города Экса водою: до сихъ поръ питательный каналъ носитъ названіе канала Золя, хотя строителю и не удалось осуществить цѣликомъ свой, задуманный въ болѣе широкихъ размѣрахъ, первоначальный планъ. Хлопоты по разрѣшенію проекта канала, заставлявшія инженера безпрестанно путешествовать изъ Экса въ Парижъ, а изъ Парижа въ Эксъ, были косвенною причиною знакомства Франсуа Золя съ будущею женою. Бракъ состоялся въ 1839 г. Инженеру было въ то время 43 года; но онъ очень сохранился для своихъ лѣтъ и, казалось, долженъ былъ еще долго жить и работать. Избранницѣ его сердца, очень красивой и доброй, хотя нѣсколько нервной дѣвушкѣ, было всего 19. Нашъ романистъ родился въ слѣдующемъ, 1840-мъ, году, 2-го апрѣля, во время пребыванія своихъ родителей въ Парижѣ, на улицѣ Сэнъ-Жозефъ, въ центрѣ трудолюбиваго улья, вблизи улицы Круассанъ, которая переполнена редакціями газетъ и ихъ разносчиками, и не особенно далеко отъ мѣста, занятаго впослѣдствіи главнымъ рынкомъ, этимъ „чревомъ Парижа", столь рельефно и патетически описаннымъ въ знаменитомъ романѣ Золя. Какъ видите, судьба словно нарочно ставила колыбель будущаго главы натурализма возлѣ одного изъ самыхъ выразительныхъ документовъ грубо-матеріальной культуры и чуть не у самаго пекла печати, безчисленные листки которой должны были позже, и своими восхищеніями, и своими проклятіями, разнести по всему свѣту славу мощнаго художника.

Отецъ Золя умеръ въ 1847 г., простудившись на работахъ по каналу, когда вся семья, включая сюда родителей жены, уже поселилась въ Эксѣ. Довольство и почти роскошь, окружавшая гнѣздо, свитое инженеромъ, скоро смѣнились лишеніями. И нужна была вся энергія двухъ женщинъ, особенно же практическое

умѣніе бабушки, чтобы этотъ переходъ къ нуждѣ не далъ себя почувствовать черезчуръ рѣзко; матеріальное благосостояніе семьи не переставало клониться къ упадку. Тѣмъ съ большею нѣжностью бабушка и мать воспитывали маленькаго Эмиля, если можно назвать воспитаніемъ ласки, баловство и полнѣйшую свободу, предоставленную ребенку, на котораго семья рано привыкла смотрѣть какъ на будущую опору и къ голосу котораго прислушивалась при всякихъ мало-мальски серьезныхъ вопросахъ, касающихся домочадцевъ.

Эмиль рано былъ введенъ такимъ образомъ въ прозу жизни, но это не мѣшало ему создать себѣ дополняющій ее міръ поэзіи, благодаря дружбѣ съ двумя товарищами по гимназіи, куда Золя поступилъ 12 лѣтъ отъ роду: частыя прогулки въ окрестностяхъ города, а скоро лихорадочное чтеніе вмѣстѣ и безконечные споры по поводу прочитаннаго, послужили первымъ стимуломъ пробуждавшейся мысли и быстро воспламенявшемуся воображенію. Три друга были сначала увлечены гигантской лирикой Виктора Гюго, но скоро ихъ симпатіи привлекъ Мюссэ. И позже Эмиль Золя не разъ признавался, что, подвергшись сильному вліянію главы романтической школы, онъ освобождался отъ этой литературной тираніи и подготовлялся къ натурализму, благодаря чтенію именно Мюссэ, поразившаго его тономъ искренности и правдивымъ изображеніемъ страсти. Бальзакъ, котораго Золя, какъ извѣстно, считалъ однимъ изъ своихъ духовныхъ отцовъ, въ то время еще не былъ ему извѣстенъ. Замѣчу кстати, что если Золя написалъ еще на гимназической скамьѣ длиннѣйшій историческій романъ, комедію изъ школьной жизни и нѣсколько стиховъ, то ему и въ голову не приходило тогда сдѣлать себѣ карьеру въ литературѣ: онъ писалъ потому, что писалось, но отъ него далека была мысль когда-нибудь жить перомъ,—черта сходства между молодымъ Золя и молодымъ Гоголемъ.

Въ концѣ 1857 г., когда Золя былъ уже въ предпослѣднемъ классѣ гимназіи, умерла его бабушка, бывшая провидѣніемъ семейства, и черная нищета грозила оставшимся домочадцамъ. Мать отправилась въ Парижъ искать покровителей, которые помогли бы ей привести къ благополучному концу рядъ процессовъ, оставшихся на ея рукахъ послѣ смерти мужа и тянувшихся цѣлые годы, истощая терпѣніе и послѣднія средства вдовы. Попытка это кончилась неудачей; но мать принуждена была выписать въ Парижъ сына, которому рекомендательное письмо одного изъ друзей отца дало возможность продолжать ученіе въ столицѣ на казенный счетъ. Эмиль Золя въ 1858 г. поступилъ въ лицей Св. Людовика.

Будущій глава натурализма пріѣхалъ въ Парижъ восемнадцатилѣтнимъ юношей, довольно неуклюжимъ, нелюдимымъ, робкимъ

въ обществѣ, но изливавшимъ всю душу свою въ письмахъ къ немногимъ друзьямъ, которые остались у него въ провинціи. Эта сдержанность въ отношеніяхъ къ мало знакомымъ людямъ и рядомъ съ нею полнѣйшая откровенность съ немногими друзьями останутся, впрочемъ, навсегда характеристическою чертою Золя какъ человѣка. Я позволю себѣ цитировать слѣдующія строки изъ письма Золя къ своему пріятелю Полю Сэзанну лѣтомъ 1858 г., т. е. значитъ вскорѣ по поступленіи его въ лицей:

Здѣсь я вижу столько молодыхъ людей, которые претендуютъ на умъ, считаютъ себя персонами высшаго положенія, чѣмъ остальные, признаютъ достоинство только въ себѣ, а другимъ приписываютъ лишь громадную долю глупости, что я стремлюсь снова увидѣть тѣхъ, чей истинный умъ я такъ хорошо знаю и кто, прежде чѣмъ бросать камень въ другихъ, взвѣситъ, не достоинъ ли онъ самъ этого камня. Я необыкновенно серьезенъ сегодня. Но слѣдуетъ простить мнѣ эти только что высказанныя банальныя соображенія: видишь ты, когда начинаешь поближе наблюдать свѣтъ, то замѣчаешь, что онъ такъ плохо заправленъ (si mal emmanché), что поневолѣ принимаешься философствовать *).

Присоедините къ замкнутой натурѣ Золя вліяніе новой обстановки, все болѣе и болѣе горькое сознаніе имъ своей бѣдности рядомъ съ обезпеченнымъ и порою даже завиднымъ положеніемъ большинства товарищей, и вы поймете, почему нашъ юноша не пріобрѣлъ новыхъ друзей въ Парижѣ. На него напало даже какое-то мрачное ожесточеніе; занятія ему опротивѣли; и онъ, бывшій вторымъ ученикомъ въ провинціальной гимназіи, теперь плелся все время въ хвостѣ своего класса. Единственное исключеніе составляли французскія сочиненія: здѣсь онъ зачастую былъ первымъ; и біографы разсказываютъ, что одно изъ его сочиненій привело даже въ восторгъ его учителя, Левассера, нынѣ извѣстнаго статистика, который предсказалъ ему блестящую литературную будущность. Но если Золя очень мало работалъ въ лицеѣ, то онъ усиленно читалъ, проглотивъ въ послѣдній годъ своего ученія, между прочимъ, кромѣ Гюго и Мюссэ, еще Раблэ и Монтэня. Проведя каникулы въ любимомъ Эксѣ и едва выздоровѣвъ отъ тифозной горячки, схваченной имъ по возвращеніи въ Парижъ, Золя торопится скорѣе кончить курсъ и, не пройдя чрезъ „философскій“ классъ, рѣшается держать экзаменъ на баккалавра, соотвѣтствующій нашему испытанію на аттестатъ зрѣлости. Первый разъ, въ Парижѣ, онъ выдерживаетъ письменные экзамены, но проваливается на устныхъ: „научная“ часть, — математика, физика и химія, естественныя науки,—проходитъ какъ нельзя лучше, и экзаменаторы въ восторгѣ отъ ясныхъ и точныхъ отвѣтовъ юноши; но онъ позорно проваливается на „литературной“

*) См. довольно интересную—иллюстрированную—статью: Henry Lapauze, *M. Emile Zola et son oeuvre*, въ «Revue Encyclopédique», № 90 (отъ 1-го сентября 1894 г.).

части: исторіи, словесности, нѣмецкомъ языкѣ. Второй разъ, въ Марсели, Золя не успѣваетъ выдержать даже и письменныхъ испытаній. И вотъ, безъ малаго въ двадцать лѣтъ, безъ гроша денегъ, безъ диплома, молодой человѣкъ вынужденъ искать себѣ кусокъ хлѣба и хотъ чѣмъ-нибудь помогать выбивающейся изъ силъ матери.

Начинается тяжелая борьба съ нищетой, порою приводящая къ формальной голодовкѣ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, въ началѣ 1860 г., Золя служитъ при таможенномъ складѣ за 60 фр. мѣсячнаго жалованья, но, видя, что на такія средства жить нельзя, и что нѣтъ никакой надежды на повышеніе, бросаетъ это жалкое мѣсто. Мать устраивается кой на какія крохи въ меблированныхъ комнатахъ; сынъ скитается по мансардамъ, зачастую питаясь лишь однимъ кофе съ хлѣбомъ, а порою оставаясь совсѣмъ не ѣвши, перебиваясь мелкими займами, закладомъ вещей въ ломбардѣ, но забывая всѣ эти невзгоды жизни за усиленнымъ чтеніемъ, писаніемъ длиннѣйшихъ писемъ къ друзьямъ и сочиненіемъ стиховъ въ романтическомъ вкусѣ. И такое существованіе длилось большую часть 1860 г., весь 1861 г. и начало 1862 г., когда, наконецъ, благодаря рекомендаціи одного ученаго, Золя успѣваетъ получить мѣсто приказчика въ книжномъ магазинѣ Гашетта: жалованье 100 фр. въ мѣсяцъ; занятіе—цѣлый день завертывать книги.

Внѣ себя отъ радости, Золя принимается за дѣло; теперь его не будетъ больше отравлять забота о завтрашнемъ кускѣ хлѣба, а вечера принадлежатъ ему, и онъ съ жаромъ пытается осуществить теперь все болѣе и болѣе назрѣвающую въ его головѣ мысль: пробраться въ литературу. Отсюда—рядъ коротенькихъ, но талантливыхъ разсказовъ, въ романтическо-сентиментальномъ вкусѣ, которые онъ пишетъ и кладетъ пока въ свой портфель, такъ какъ попытка помѣстить въ дѣтскомъ журналѣ, издаваемомъ фирмою Гашетта, одинъ изъ этихъ разсказовъ „Сестра бѣдныхъ“ потерпѣлъ фіаско: старый издтель, интересуясь вообще литературными занятія своего служащаго, былъ, однако, скандализированъ тенденціей повѣсти. „Э, да вы—бунтовщикъ“! воскликнулъ хозяинъ, возвращая рукопись Золя. Читатель улыбнется, когда узнаетъ, что содержаніе бунтовского разсказа составляетъ фантастическое повѣствованіе о бѣдной дѣвочкѣ, которой мадонна подарила неразмѣнное су, такъ что добродѣтельная „сестра бѣдныхъ“ могла надѣлять нищихъ цѣлыми горами мѣди и разливать трудовое довольство по всей странѣ, обходясь безъ „гадкихъ золотыхъ и серебрянныхъ монетъ, служащихъ деньгами лишь богатымъ“.

Эти „разсказы Нинонѣ“ вышли въ 1864 г., но не у Гашетта, а у Гетцеля и Лакруа. Надо замѣтить, что вскорѣ по своемъ

поступленіи на службу къ Гашетту Золя настолько обратилъ на себя вниманіе хозяевъ своими способностями, что ему было поручено главное завѣдываніе сношеніями фирмы съ печатью для составленіи объявленій, рекламъ выходящихъ книгъ и т. п. И если это важное мѣсто и не особенно хорошо оплачивалось,—Золя получалъ 200 фр. въ мѣсяцъ,—то все же оно дало возможность будущему романисту познакомиться какъ съ писателями, такъ съ издателями и вообще съ условіями книжнаго рынка. Благодаря этому знакомству, Золя и успѣлъ найти издателя для своихъ „бунтовскихъ" произведеній, за которыя онъ не получилъ, впрочемъ, на первый разъ ничего.

Первый, хотя и небольшой гонораръ за книгу онъ получилъ годъ спустя, въ 1865 г., когда напечаталъ у Лакруа же „Исповѣдь Клода", въ которой проявляется уже будущая „натуралистическая" манера Золя останавливаться на мрачныхъ и грубыхъ сторонахъ жизни. Такой характеръ книги скандализировалъ судебныя власти цѣломудренной, какъ вы знаете, на словахъ Второй имперіи, и къ Гашетту явился чиновникъ за свѣдѣніями о начинающемъ писателѣ. Это обстоятельство, компрометтировавшее Золя въ глазахъ благонамѣренной фирмы, заставило его призадуматься надъ своимъ ложнымъ положеніемъ у Гашеттовъ, и онъ объявилъ хозяину, что уходитъ съ января будущаго (1866) года. Въ свою очередь критика наградила Золя за „Исповѣдь Клода" эпитетомъ „литературнаго золотаря".

А между тѣмъ, молодой писатель теперь долженъ былъ исключительно разсчитывать для заработка на литературу. И вотъ возникаетъ вопросъ: съ какимъ багажемъ выступалъ Золя на литературное поприще? И, въ частности, каковы были его теоретическіе взгляды на искусство? У насъ есть довольно интересный документъ для характеристики воззрѣній Золя въ этотъ рѣшительный моментъ его карьеры: я говорю о его книгѣ „Что я ненавижу"? (такъ можно приблизительно перевести названіе ея „Mes haines"), вышедшей въ свѣтъ въ 1866 г. и представляющей сборникъ статей, напечатанныхъ Золя въ 1865 г. главнымъ образомъ въ ліонской газетѣ „Le Salut public".

Присматриваясь къ этимъ этюдамъ, замѣчаешь, что къ тому времени Золя успѣлъ уже пополнить кое-гдѣ самые крупные пробѣлы своего недостаточнаго образованія и прочелъ, повидимому, немало книгъ, по большей части литературнаго содержанія; но чтеніе это было довольно безпорядочно, и его эстетическіе взгляды далеко еще не успѣли уложиться въ тѣ рѣзкія формулы, которыя позже вызвали такую бурю противъ теоріи „экспериментальнаго романа". Нѣкоторыя стороны міровоззрѣнія сложившагося Золя прокидываются, однако, съ большою яркостью уже у 26-лѣтняго молодого человѣка и выражены имъ съ обычной жесткостью и прямолинейностью. Таково, напр., столь типич-

ное—почти до самаго послѣдняго времени - для Золя пренебреженіе политикой и общественной дѣятельностью ради художественнаго творчества, а въ этой послѣдней области возвеличеніе искусства для искусства насчетъ всякой нравственной цѣли. Видно, что тутъ уже прошелъ Флоберъ съ своимъ культомъ безстрастнаго объективнаго творчества и своимъ „артистическимъ фанатизмомъ“ *). Такъ, разбирая книгу Прудона объ искусствѣ и негодуя на утилитарное и общественное опредѣленіе художественнаго произведенія, предложенное знаменитымъ писателемъ, Золя противоставляетъ этому свое опредѣленіе:

Я совершенно откровенно приношу человѣчество въ жертву артисту. Мое опредѣленіе художественнаго произведенія, если бы я долженъ былъ формулировать его, таково: *художественное произведеніе есть уголокъ созданія* (въ смыслѣ «внѣшняго міра», Н. К.), *видимый сквозь извѣстный темпераментъ*. Какое мнѣ дѣло до всего прочаго. Я—артистъ, и вамъ я отдаю мою плоть и мою кровь, мое сердце и мою мысль... Вы не поняли, значитъ, что искусство есть свободное выраженіе сердца и ума, и что оно тѣмъ больше, чѣмъ болѣе носитъ личный характеръ... Нашъ идеалъ, идеалъ артистовъ, заключается въ нашихъ чувствахъ любви и нашихъ волненіяхъ, нашихъ слезахъ и нашихъ улыбкахъ. Мы такъ же не хотимъ васъ, какъ вы не хотите насъ. Вашъ коммунизмъ и ваше равенство возбуждаютъ въ насъ омерзѣніе. Мы не находимся ни на чьей службы и отказываемся поступить въ услуженіе и къ вамъ. Мы зависимъ лишь отъ самихъ себя и повинуемся только собственной природѣ; хороши ли мы или дурны, но мы предоставляемъ вамъ лишь право слушать насъ или же заткнуть уши... Прудонъ желаетъ сдѣлать изъ меня гражданина, а я желаю сдѣлать изъ него артиста. Вотъ и весь смыслъ спора. Его *раціональное искусство*, его реализмъ есть не что иное въ сущности, какъ лишь отрицаніе искусства, плоская иллюстрація къ философскимъ общимъ мѣстамъ. А мое искусство, напротивъ, есть отрицаніе общества, есть утвержденіе индивидуума, внѣ всякихъ правилъ и всякихъ общественныхъ необходимостей. Я понимаю, въ какой степени я смущаю его, разъ я не хочу занимать никакой должности въ его гуманитарномъ строѣ: я отхожу въ сторону, я выростаю надъ всѣми другими, я презираю его справедливость и его законы. Но, поступая такъ, я знаю, что сердце мое право, что я повинуюсь своей природѣ, и я вѣрю, что мое произведеніе будетъ прекрасно **).

Я нарочно привелъ довольно длинную выписку изъ Золя, чтобы читатель могъ судить самъ, до какой степени уже въ то время будущій глава школы былъ проникнутъ однимъ изъ положеній формировавшагося натурализма, а именно, что художникъ долженъ быть только художникомъ, творить совершенно свободно, руководясь лишь своими вкусами и не смущаясь никакой моральной идеей, и съ презрѣніемъ относиться къ жизненнымъ и общественнымъ задачамъ. Надо замѣтить, — и я подчеркиваю это обстоятельство,—что въ этомъ смыслѣ натурализмъ лишь продолжалъ эстетическія традиціи вытѣснявшагося имъ роман-

---

*) Заимствую это удачное выраженіе у G. Lanson, *Histoire de la littérature française*; Парижъ, 7-е изд., 1902 стр. 1060.

**) Emile Zola, *Mes haines*; Парижъ, новое изд., 1895, стр. 25—39, passim (статья «Proudhon et Courbet»).

тизма. Съ другой стороны, подчеркиваніе темперамента артиста при опредѣленіи художественнаго произведенія впослѣдствіи, когда Золя будетъ развивать теорію экспериментальнаго романа, внесетъ внутреннее противорѣчіе въ новую эстетическую доктрину и, въ числѣ прочихъ недоразумѣній и непродуманностей, подорветъ дешевую аналогію между литературнымъ натурализмомъ и методомъ наблюденія и опыта въ естественныхъ наукахъ. Но это я скажу въ свое время, а теперь, не забѣгая впередъ, продолжаю характеризовать идеи выступавшаго на писательское поприще Золя.

Вообще, вопросъ о личности, о „темпераментѣ" художника, повидимому, сильно занимаетъ въ это время Золя. И изъ двухъ элементовъ, образующихъ художественное произведеніе, согласно приведенному нами только что опредѣленію, „уголокъ созданія", или внѣшній міръ, отступаетъ на задній планъ передъ субъективнымъ отраженіемъ его въ „темпераментѣ" артиста. Интересно, напр., что Золя въ своей статьѣ о Тэнѣ, относящейся къ этому же времени (напечатана, впрочемъ, не въ „Le Salut, public", а въ „La Revue contemporaine"), восхищаясь силою мысли и красотою изложенія автора „Исторіи англійской литературы", предостерегаетъ, однако, читателя противъ увлеченія абстрактными и детерминистскими формулами Тэна и настаиваетъ на томъ (можетъ быть, подъ вліяніемъ Сентъ-Бёва), что, кромѣ расы, среды и момента, есть еще неразложимая цѣликомъ на эти факторы личность художника. Мало того, чтеніе Тэна наводитъ его,—его позже столь догматичнаго, столь докторальнаго,—на слѣдующую общую мысль, проникнутую сильнымъ скептицизмомъ къ широкимъ теоріямъ:

Философская система всегда пугала меня. Я говорю система, потому что всякая философія, по моему мнѣнію, сложена изъ различныхъ остатковъ, набранныхъ тамъ и сямъ въ вѣрованіяхъ древнихъ мудрецовъ. Люди чувствуютъ потребность въ истинѣ, и такъ какъ нигдѣ не находятъ ее цѣликомъ, то составляютъ ее, каждый для своего личнаго употребленія, изъ кусковъ, взятыхъ со всѣхъ сторонъ. Можетъ быть, нѣтъ двухъ людей, которые имѣли бы ту же самую догму и ту же вѣру. Каждый вноситъ легкое измѣненіе въ мысль сосѣда. Истина, значитъ, не отъ міра сего, потому что она не универсальна, не безусловна *).

Въ другомъ мѣстѣ, отмѣтивши, что за „артистическими вѣрованіями" Тэна „скрываются позитивистскія вѣрованія и отрицаніе принятыхъ религій", Золя не хочетъ слѣдовать за нимъ на этой почвѣ и обѣщается говорить лишь объ искусствѣ и заботиться лишь объ истинѣ,—что даетъ ему поводъ вслѣдъ же за тѣмъ написать слѣдующую небезынтересную фразу:

Я сказалъ, что забочусь объ истинѣ. По зрѣломъ размышленіи я могу

*) Ibid., стр. 202—203 (статья «M. H. Taine, artiste»).

сказать, что еще болѣе забочусь о личности и о жизни. Въ области искусства я представляю собою любознательнаго человѣка, у котораго нѣтъ общихъ правилъ и который охотно склоняется надъ всѣми произведеніями, лишь бы они были сильнымъ выраженіемъ данной личности; я восхищаюсь и люблю лишь единственныя въ своемъ родѣ творенія, громко провозглашающія какую-либо человѣческую способность или какое-нибудь человѣческое чувство *).

Наконецъ, Золя такъ начинаетъ свою статью объ Эркманѣ-Шатріанѣ:

Я люблю разсматривать всякаго писателя, какъ творца, который, вслѣдъ за Богомъ, пытается сотворить новую землю. У человѣка передъ глазами божественное созданіе; онъ изучаетъ существа и горизонты, затѣмъ онъ пробуетъ разсказать намъ, что видѣлъ, и показать въ синтезѣ міръ съ его обитателями. Но онъ не въ состояніи воспроизвести то, что есть въ дѣйствительности; онъ увидѣлъ предметы лишь сквозь свой собственный темпераментъ; онъ урѣзываетъ, онъ прибавляетъ, онъ измѣняетъ, и въ общемъ міръ, который онъ даетъ намъ, есть міръ его собственнаго изобрѣтенія **).

Какъ иллюстрацію къ этому эстетическому взгляду, Золя предлагаетъ читателю оцѣнку „Человѣческой комедіи“ Бальзака, произведшаго уже въ то время сильное впечатлѣніе на молодого писателя. Но если вы сопоставите эти отзывы молодого Золя о Бальзакѣ съ тѣми отзывами, которые онъ далъ пятнадцатью годами позже въ своемъ этюдѣ „Романисты-натуралисты“, то вы убѣдитесь, какому крупному измѣненію и заостренію въ смыслѣ „натуралистическаго“ догматизма подверглось эстетическое міровоззрѣніе главы новой школы. И здѣсь, и тамъ осталось, конечно, восхищеніе Бальзакомъ. Но въ то время, какъ раньше дѣло шло о „цѣломъ мірѣ человѣческаго творенія, не имѣющемъ размѣровъ міра Божія, но походящемъ на него всѣми своими недостатками и кой-какими изъ своихъ качествъ“; въ то время, какъ раньше Золя восторгался лишь общимъ впечатлѣніемъ „человѣческой истины“, исходящей отъ романовъ Бальзака,—теперь Золя перелицовывалъ Бальзака въ „творца экспериментальнаго романа“, „творца точнаго изученія общества“, художника, который въ своихъ обширныхъ фрескахъ „скопировалъ все общество, позировавшее передъ нимъ“, и, наконецъ, собирателя „самой значительной массы документовъ“ ***), какая только заключалась когда-либо въ литературномъ произведеніи. Темпераментъ автора „Человѣческой комедіи“ преобладалъ въ первомъ анализѣ; объективный міръ, „уголокъ созданія“ выступалъ впередъ во второмъ.

Я остановился нѣсколько подробно на этомъ моментѣ жизни

*) Ibid., стр. 223.

**) Ibid., стр. 179 (статья «Erckmann-Chatrian»).

***) Ср. *Mes haines*, стр. 180—181 и *Les romanciers naturalistes;* Парижъ, изд. 1895 г., стр. 58—59.

Золя, потому что онъ сравнительно мало изучался людьми, писавшими о романистѣ, и потому что здѣсь Золя является передъ нами впервые пробивающимъ себѣ новый путь въ литературѣ, уже носящимъ нѣкоторыя типичныя черты „натуралиста“, но далеко еще не выработавшимъ ни теоріи, ни практики „экспериментальнаго ромама“. Вторая половина 60-хъ годовъ и была для Золя эпохой выработки его характеристическихъ взглядовъ и подготовленія къ выступленію на литературное поприще въ качествѣ творца ругонъ-маккаровской эпопеи. Стремясь прежде всего къ заработку и вѣчно погоняемый необезпеченностью положенія, Золя вступаетъ въ болѣе тѣсныя сношенія съ органами прессы, пишетъ хроники, фельетоны и романы, но уже начинаетъ все болѣе и болѣе сознавать свои силы и пытается полнѣе проявить свою индивидуальность. Въ тѣхъ строкахъ его позднѣйшаго этюда о Бальзакѣ, въ которыхъ говорится о значеніи нужды и постоянной погони за деньгами для лихорадочной дѣятельности автора „Человѣческой комедіи“, можно видѣть въ значительной степени и автобіографическій элементъ: Золя, повидимому, не разъ долженъ былъ задумываться надъ нѣкоторыми аналогіями между своимъ существованіемъ и жизнью Бальзака. Мы, разумѣется, коснемся лишь тѣхъ произведеній этой полосы въ литературной дѣятельности Золя, которыя въ томъ или другомъ отношеніи представляютъ интересъ для его біографіи. Мы упомянули выше объ „Исповѣди Клода“ и сборникѣ „Что я ненавижу“. Теперь намъ придется сказать нѣсколько словъ о его литературно-критической дѣятельности въ вилльмессановскомъ „L'Evénement“ и „Le Figaro“ и о нѣкоторыхъ изъ его романовъ.

Покинувъ Гашетта, Золя переходитъ въ L'Evénement, въ которомъ онъ условился заранѣе открыть новую рубрику „Вчерашнихъ и завтрашнихъ книгъ“,—родъ не то объявленій, не то рецензій выходящихъ или готовящихся къ печати книгъ съ анекдотами объ авторахъ, перипетіяхъ ихъ составленія и т. п. Вилльмессанъ, съ свойственнымъ ему нюхомъ, остался такъ доволенъ молодымъ сотрудникомъ, что не только сейчасъ же назначилъ ему 500 фр. мѣсячнаго гонорара, но и поручилъ ему составленіе отчетовъ о ежегодной выставкѣ картинъ или такъ называемомъ „Салонѣ“. Съ самаго начала эти статьи вызвали страшный скандалъ среди артистовъ и критиковъ, которые вознегодовали на никому неизвѣстнаго писателя, осмѣлившагося проводить свою личную точку зрѣнія и свои эстетическія идеи, смѣяться надъ членами жюри и начать кампанію въ пользу презиравшагося тогда Манэ. Смыслъ этихъ статей заключался въ подчеркиваніи уже знакомаго намъ элемента „темперамента“, при чемъ авторъ заявлялъ даже, что слово „реалистъ“ ровно ничего не значитъ для него, такъ какъ онъ „подчиняетъ реальное темпераменту“. Но всегда характеризовавшая Золя смѣлость и тонъ искренняго

убѣжденія и вызвали, главнымъ образомъ, упомянутую выше бурю. Авторъ получалъ ежедневно до тридцати по большей части ругательныхъ писемъ; ему грозили со всѣхъ сторонъ дуэлями. И, наконецъ, Вилльмессанъ, какъ ни любилъ сенсаціонныя статьи, испугался „Салона“ Золя и попросилъ его поскорѣе прекратить свой отчетъ.

Вообще, сотрудничество Золя въ органахъ Вилльмессана потерпѣло относительное фіаско, такъ какъ молодой писатель, отличавшійся скорѣе силою, чѣмъ гибкостью и блескомъ, не вполнѣ приходился ко двору бульварной прессѣ, созданной его новымъ, тароватымъ патрономъ. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ въ области хроники, критики и романа, Золя оставилъ „Фигаро“. Но онъ воспользовался идеею одной изъ своихъ статей, помѣщенныхъ въ этой газетѣ, и развилъ ее подробнѣе въ романѣ „Тереза Ракэнъ или исторія одной любви“. Произведеніе это, помѣщенное сначала въ журналѣ „Артистъ“ и давшее автору 600 фр. гонорара, появилось отдѣльнымъ изданіемъ въ 1867 г. и подверглось жесточайшей критикѣ покинутаго имъ „Фигаро“, гдѣ болѣе плодовитый, чѣмъ талантливый, романистъ и публицистическій сатирикъ Ульбахъ ополчился, подъ псевдонимомъ Ферагюса, противъ романа Золя, какъ противъ „гнилой литературы“. Нападенія эти были скорѣе полезны, чѣмъ вредны начинающему писателю, такъ какъ заставили публику обратить нѣсколько больше вниманія на изобличаемаго въ безнравственности автора.

Интересно, что критикъ, всячески понося не понравившагося ему писателя, не обратилъ вниманіе на одно довольно любопытное обстоятельство: статья Золя, послужившая ему отправною точкою для „Терезы Ракэнъ“, была внушена чтеніемъ только что появившагося въ „Фигаро“ романа Адольфа Бело и Эрнеста Додэ „Венера изъ Горда“. Но въ то время, какъ въ этомъ послѣднемъ произведеніи авторы разработали изрядно банальный сюжетъ убійства мужа женой и ея любовникомъ, подвергшимися за то карѣ закона, Золя развиваетъ эту тему на болѣе оригинальный ладъ. У него виновники преступленія остаются безнаказанными, но всю жизнь свою проводятъ во взаимномъ мучительствѣ подъ вліяніемъ жгучихъ укоровъ совѣсти,—какъ видите, финалъ въ извѣстномъ смыслѣ гораздо болѣе моральный и поучительный, чѣмъ у авторовъ „Венеры изъ Горда“. Впрочемъ, Золя въ теченіе своей долгой и славной карьеры придется не разъ подвергаться свирѣпымъ нападкамъ за якобы умышленное трактованіе исключительно грязныхъ сюжетовъ и исключительно при помощи порнографическихъ пріемовъ.

Въ слѣдующемъ 1868 г., Золя пускаетъ отдѣльнымъ изданіемъ романъ „Мадленъ Фера“, который былъ извлеченъ изъ написанной имъ еще въ 1865 г. и не игранной драмы и помѣщался

фельетонами въ одной изъ тогдашнихъ газетъ, но былъ прекращенъ по настоянію скандализированныхъ подписчиковъ. Однако это произведеніе, представлявшее въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ лишь ослабленную копію предшествовавшаго, было почти совсѣмъ не отмѣчено критикой и не вызвало новой полемики. Я упомянулъ о немъ лишь потому, что въ немъ мы встрѣчаемся впервые съ однимъ изъ главнѣйшихъ теоретическихъ коньковъ Золя, а именно, съ вопросомъ о наслѣдственности, который онъ положитъ въ основаніе задуманнаго имъ плана цѣлой серіи романовъ, прославившей его имя.

Мы, дѣйствительно, пришли теперь къ поворотному пункту въ жизни Золя, къ такому, если можно выразиться, узлу въ его орбитѣ, подобный которому можно найти лишь въ самые послѣдніе годы его существованія, а именно, когда онъ выступилъ въ защиту Дрейфуса. До сихъ поръ Золя только выбивался изъ неизвѣстности. Само его матеріальное положеніе, послѣ недолгой, сравнительно блестящей полосы сотрудничества въ вилльмессановской прессѣ, отличалось большою шаткостью. Не было, наконецъ, еще выработано его литературное міросозерцаніе. Отнынѣ же его идеи быстро примутъ рѣзкій, крайне опредѣленный и законченный видъ. Станутъ появляться съ математической точностью одинъ за другимъ романы, составляющіе знаменитую ругонъ-маккаровскую эпопею. Извѣстность и обезпеченность, а чрезъ нѣсколько лѣтъ и богатство выпадутъ на долю этого долго боровшагося съ неудачами человѣка. Онъ станетъ, наконецъ, популярнымъ и знакомымъ всякому (до послѣднихъ лѣтъ) типомъ писателя-новатора, но вмѣстѣ мирнаго буржуа въ жизни, стремящагося окружить возможнымъ комфортомъ себя и своихъ мать и жену (біографы Золя не говорятъ, когда онъ женился, и вообще мало распространяются объ этой сторонѣ его жизни: послѣдуемъ и мы ихъ примѣру, оставляя въ сторонѣ различные слухи и сплетни; его женитьба относится, повидимому, ко второй половинѣ 60-хъ годовъ). Отнынѣ даже вся жизнь Золя съ внѣшней точки зрѣнія скоро теряетъ всякій драматическій интересъ и превращается (опять-таки вплоть до самыхъ послѣднихъ лѣтъ) въ исключительно литературную карьеру: изображать эту жизнь значитъ писать исторію его произведеній. Здѣсь, значитъ, будетъ какъ нельзя болѣе у мѣста охарактеризовать окончательно сложившееся міровоззрѣніе Золя; а сложилось оно въ концѣ 60-хъ годовъ, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ увлеченія позитивизмомъ или, вѣрнѣе, успѣхами естественныхъ наукъ.

Интересно, что и на этотъ разъ, какъ у Бальзака, усиліе создать себѣ прочное матеріальное существованіе заставило Золя сконцентрировать все свое вниманіе на выработкѣ грандіознаго

литературнаго плана, который заключался въ составленіи цѣлой серіи романовъ и помогъ бы ему съ самаго начала найти издателя на все предпріятіе и заключить съ нимъ обезпечивающій автора на сравнительно долгій рядъ лѣтъ контрактъ. Такъ была задумана эпопея Ругоновъ-Маккаровъ. Но въ то время, какъ Бальзаку лишь довольно поздно пришла въ голову мысль связать общими героями и общею нитью свои многочисленные романы въ одну „Человѣческую комедію", Золя явился къ издателю Лакруа съ заранѣе выработаннымъ проектомъ, можно сказать, подробнымъ конспектомъ своего будущаго многотомнаго произведенія. Я упоминаю лишь вскользь о матеріальной сторонѣ сложнаго контракта, который, оставляя въ сторонѣ систему различныхъ запутанныхъ счетовъ, можно свести къ одному основному пункту: издатель обязался выдавать писателю ежемѣсячный правильный авансъ въ 500 фр., за каковой авторъ обязался, въ свою очередь, давать фирмѣ по два романа въ годъ. Интереснѣе вопросъ о той нити, которою Золя съ самаго начала, т. е. когда романы существовали лишь въ его головѣ, рѣшилъ связать воедино всю серію. Этою нитью явилась для нашего писателя тема наслѣдственности.

Золя, которому нѣсколько лѣтъ тому назадъ не все нравилось въ детерминистскихъ абстракціяхъ Тэна, идетъ теперь гораздо дальше автора „Исторіи англійской литературы" въ своихъ воззрѣніяхъ на человѣческую жизнь и смыслъ искусства, и при этомъ—не слѣдуетъ ли прибавить?—воспринимаетъ входившія тогда въ моду естественно-научныя идеи въ очень упрощенной и порою грубо наивной формѣ. Можно сказать, что онъ какъ бы наверстываетъ время, въ теченіе котораго искалъ себѣ подходящаго міровоззрѣнія, и не обладая оригинальностію въ сферѣ отвлеченнаго мышленія, тѣмъ съ большимъ жаромъ и прямолинейностью неофита обостряетъ теперь повсюду углы матеріалистическаго міровоззрѣнія, распространявшагося въ то время во Франціи. Мы знаемъ, какія книги ближайшимъ образомъ повліяли на него при составленіи плана „Ругоновъ-Маккаровъ": біографы передаютъ намъ, что онъ цѣлые восемь мѣсяцевъ провелъ въ усердномъ чтеніи книгъ по физіологіи и естественной исторіи; и что болѣе всего на него произвело впечатлѣніе сочиненіе доктора Люка о наслѣдственности *). Я осмѣлюсь сдѣлать предположеніе, что тогда же, вѣроятно, онъ познакомился и съ надѣлавшимъ какъ разъ въ это время много шуму „Введеніемъ въ изученіе экспериментальной медицины" Клода Бернара, и что уже съ того момента онъ вдохновился имъ для своей литературной теоріи экспериментальнаго романа, которую онъ развивалъ въ 70-хъ годахъ въ „Вѣстникѣ Европы".

---

*) Ср. Paul Alexis, стр. 85—86.

Надо ли повторять еще разъ, что Золя даетъ идеямъ, положеннымъ въ основаніе упомянутыхъ сочиненій, черезчуръ прямолинейное истолкованіе и дѣлаетъ изъ нихъ односторонніе выводы. Если вы возьмете сочиненіе доктора Проспера Люка, которое появилось еще на рубежѣ 40—50-хъ годовъ подъ заглавіемъ „Философскій и физіологическій трактатъ о естественной наслѣдственности въ различныхъ состояніяхъ нервной системы“ *), то вы, конечно, отдадите должное ранней попыткѣ автора поставить на болѣе или менѣе научную почву вопросы о передачѣ тѣлесныхъ и духовныхъ особенностей отъ поколѣнія къ поколѣнію. Но вы поймете вмѣстѣ съ тѣмъ, почему это сочиненіе, которое въ свое время возбудило сильный интересъ не только между спеціалистами, но и среди мыслящей публики вообще,—его цитируетъ, напр., наряду съ Дарвиномъ, Тэнъ въ предисловіи къ своей „Исторіи англійской литературы“,—почему это сочиненіе, говорю я, не могло имѣть того почти капитальнаго значенія, которое приписывалъ ему Золя въ смыслѣ указанія на существенный факторъ индивидуальной и общественной эволюціи. Люка пишетъ спеціальный трактатъ о наслѣдственности, и само собою понятно, что онъ удѣляетъ особое вниманіе изучаемому имъ предмету. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы элементъ наслѣдственности игралъ такую исключительную роль въ жизни, какую онъ играетъ, благодаря условной абстракціи, въ спеціально посвященномъ ему сочиненіи.

Возьмите равнымъ образомъ „введеніе“ Клода Бернара *). Авторъ, какъ извѣстно, изучаетъ въ немъ значеніе экспериментальнаго метода для естественныхъ наукъ и въ частности для физіологіи: систематически комбинируемые наблюденіе и опытъ должны вести къ научнымъ результатамъ, которые стоятъ выше различныхъ философскихъ и религіозныхъ воззрѣній и даже предвзятыхъ научныхъ предразсудковъ и личнаго авторитета самого ученаго. Вотъ смыслъ работы Клода Бернара. Но Золя, опять таки, какъ извѣстно, хочетъ распространить экспериментальный методъ на область художественнаго творчества. Онъ хочетъ, чтобы романистъ не иносказательно только, а въ буквальномъ смыслѣ „продолжалъ“ физіолога. И онъ крайне огорченъ той, по его мнѣнію, непослѣдовательностью мысли Клода Бернара, которая заставляетъ его придавать въ сферѣ искусства громадное значеніе „личности“ художника, такъ какъ здѣсь дѣло идетъ не о „констатированіи естественныхъ явленій“, а о „спонтанейномъ творчествѣ ума“.

---

*) Dr. Prosper Lucas, *Traité philosophique et phisiologique de l'hérédité naturelle dans les états du système nerveux*; Парижъ, 1847—1850, два тома.

**) Claude Bernard, *Introduction à l'étude de la médecine expérimentale*; Парижъ, 1865.

Вообще можно сказать, что Золя съ увѣренностью самоучки, сравнительно поздно напавшаго, какъ ему казалось, на путь научной истины, утрируетъ поверхностно понятыя имъ мысли и тономъ непоколебимаго догматизма развиваетъ поставленную имъ во главу угла „Ругоновъ-Маккаровъ“ идею о наслѣдственности. Я попрошу читателей припомнить знаменитое предисловіе Золя къ первому тому его серіи:

Я хочу объяснить, какимъ образомъ семья, маленькая группа существъ ведетъ себя въ обществѣ, расширяясь и порождая десять, двадцать лицъ, которыя на первый взглядъ кажутся крайне непохожими другъ на друга, но между которыми анализъ открываетъ самую тѣсную связь. У наслѣдственности есть свои законы, какъ и у тяготѣнія. Я постараюсь найти и прослѣдить, разрѣшая двойной вопросъ темпераментовъ и среды, нить, которая математически ведетъ отъ одного человѣка къ другому. И когда я буду держать въ рукахъ всѣ эти нити, всю общественную группу, я покажу эту группу на дѣлѣ, какъ дѣятеля извѣстной исторической эпохи, я воспроизведу ее во всей сложности ея усилій, я проанализирую заразъ величину воли каждаго изъ ея членовъ и общій напоръ всѣхъ.

Ругоны-Маккары, та группа, та семья, которую я задаюсь цѣлью изучить, характеризуются разгуломъ аппетитовъ, широкимъ и нетерпѣливымъ стремленіемъ нашей эпохи къ наслажденіямъ. Физіологически они представляютъ собою медленный и послѣдовательный рядъ болѣзненныхъ явленій въ нервахъ и крови, обнаруживающихся въ извѣстной расѣ вслѣдствіе первоначальнаго органическаго поврежденія и опредѣляющихъ, сообразно различнымъ условіямъ среды, у каждаго изъ индивидуумовъ этой расы, чувства, желанія, страсти, всевозможныя проявленія человѣческой природы и инстинктовъ, продукты которыхъ получаютъ условное названіе добродѣтелей и пороковъ. Исторически они выходятъ изъ народа, распространяются во всемъ современномъ обществѣ, поднимаются до всевозможныхъ положеній, въ силу того по существу своему современнаго импульса, который получаютъ низшіе классы въ своемъ шествіи внутри общественнаго организма, и разсказываютъ, такимъ образомъ, исторію второй имперіи при помощи своихъ индивидуальныхъ драмъ, начиная съ ловушки государственнаго переворота и кончая измѣной при Седанѣ.

Въ теченіе трехъ лѣтъ я собиралъ документы для этого большого труда, и настоящій томъ былъ даже уже написанъ, когда паденіе Бонапарта, въ которомъ я нуждался съ точки зрѣнія художника и которое я фатально находилъ въ концѣ драмы, не осмѣливаясь надѣяться на столь скорый конецъ, дало мнѣ страшную и необходимую для моего произведенія развязку. Отнынѣ мой трудъ вполнѣ завершенъ; онъ охватываетъ законченный кругъ; онъ становится картиною отжившаго царствованія, странной эпопеи безумія и позора.

Трудъ этотъ, который составитъ нѣсколько эпизодовъ, является, такимъ образомъ, въ моей мысли естественной и соціальной исторіей одного семейства при второй имперіи. И первый эпизодъ «Карьера Ругоновъ» долженъ носить научное названіе «Происхожденія» *).

Въ этомъ предисловіи заключается ключъ къ основной точкѣ зрѣнія, которую съ большою настойчивостью и рѣдкой послѣдовательностью Золя проводилъ въ ругонъ-маккаровской эпопеѣ и вообще во всѣхъ своихъ произведеніяхъ (за исключеніемъ самыхъ

---

*) *La Fortune des Rougon*; Парижъ, 1871.

послѣднихъ). Эту точку зрѣнія можно было бы назвать физіологически-соціальнымъ пессимизмомъ. Пусть читатель обратитъ вниманіе не только на то, что Золя дѣлаетъ изъ наслѣдственности родъ неумолимаго фатума, который лишь видоизмѣняется условіями среды; но и на то, что самую эту наслѣдственность Золя понимаетъ исключительно съ ея отрицательной стороны, какъ механизмъ, передающій дѣтямъ почти только однѣ дурныя стороны организаціи родителей. Вспомните крайне типичное выраженіе „первоначальное органическое поврежденіе“: очевидно, для Золя злая игра наслѣдственности играетъ такую же роль, какую въ богословіи первородный грѣхъ. Ибо въ противномъ случаѣ является сейчасъ же вопросъ: но почему же наслѣдственность съ ея могущественнымъ вліяніемъ не можетъ столь же хорошо работать на пользу, какъ и во вредъ нисходящимъ поколѣніямъ? И почему, если отъ дурныхъ родителей должны неизбѣжно рождаться дурныя дѣти, почему же отъ хорошихъ и здоровыхъ родителей не родиться и хорошимъ и здоровымъ дѣтямъ? А мы знаемъ, что всегда и вездѣ Золя любилъ именно находить въ человѣкѣ звѣря и при томъ звѣря больного и несчастнаго.

Какъ бы то ни было, энергія, съ какою Золя обдумалъ и выполнилъ свой планъ „Ругонъ-Маккаровъ“, видна изъ того, что знаменитое родословное дерево семьи, которое Золя приложилъ въ первый разъ къ восьмому тому серіи („Страница любви“), а во второй, въ болѣе развитомъ видѣ, къ послѣднему, двадцатому („Докторъ Паскаль“), что это самое дерево было выработано и передано имъ издателю вмѣстѣ съ общимъ планомъ эпопеи. И вотъ одинъ за другимъ стали выходить изъ-подъ мощнаго пера романы, задерживаемые въ своемъ появленіи лишь независящими отъ воли автора обстоятельствами.

Первый романъ серіи, вслѣдствіе разныхъ проволочекъ, вышелъ лишь въ 1871 г., послѣ франко-прусской войны и низверженія Имперіи, среди всевозможныхъ перипетій національнаго бѣдствія, когда временное правительство назначило Золя подъ-префектомъ въ одномъ изъ южныхъ департаментовъ, и онъ чуть было не взялъ этого мѣста, рѣшившись, по его собственнымъ словамъ,

> броситься съ закрытыми глазами въ ту самую политику, которую всего нѣсколько мѣсяцевъ я столь сильно презиралъ, и презрѣніе къ которой вернулось ко мнѣ тотчасъ же *).

Въ этомъ первомъ романѣ было, какъ извѣстно, описано, въ

*) Paul Alexis, стр. 173.

рамкахъ быстрой карьеры Ругоновъ, возстаніе республиканскаго юга противъ декабрьскаго переворота, основавшаго вторую имперію. Замѣтимъ, что подъ вымышленнымъ названіемъ Плассанса, который будетъ еще нѣсколько разъ фигурировать въ первыхъ романахъ Золя, авторъ изобразилъ свой родной городъ Эксъ, не рѣшившись дать ему настоящее имя, отчасти потому, что не имѣлъ возможности съѣздить на мѣсто для точнаго описанія города, отчасти потому, что не желалъ вызвать пересудовъ и упрековъ въ диффамаціи со стороны обитателей родного муравейника.

Второй романъ „Собачья кормежка" (La Curée) появился осенью 1872 г. и переносилъ насъ въ охваченный при Имперіи грюндерскою спекуляціею Парижъ, растащенный на части стаею хищниковъ и жадныхъ до всевозможныхъ удовольствій аферистовъ. На этомъ второмъ романѣ первоначальный издатель Золя обанкрутился, и задолжавшій ему авторъ продалъ свою серію Шарпантье, который, по условію съ Лакруа, взялъ все изданіе на себя, заключивши съ Золя договоръ на два романа въ годъ по 3000 фр. за романъ; отъ долговъ Лакруа романистъ отдѣлался лишь въ 1875 г. Первое время, не имѣя возможности писать два произведенія въ годъ, Золя продолжалъ должать и новому издателю. Но довольно рѣдкое въ мірѣ издателей дружеское отношеніе главы фирмы къ начинающему автору сразу измѣнило тугія матеріальныя обстоятельства Золя, и новый договоръ, дававшій автору 40, а скоро и 50 сантимовъ съ тома въ три съ половиною франка, рѣшительно улучшилъ положеніе автора „Ругоновъ-Маккаровъ". Золя на сей разъ окончательно вышелъ изъ нужды, а скоро началъ зарабатывать и очень крупныя деньги.

„Чрево Парижа", родъ громадной фрески, изображающей жизнь парижскаго простонародья, которое ютится вокругъ центральнаго рынка и существуетъ прямо или косвенно, благодаря ему,—этотъ этюдъ „гигантской мертвой натуры", какъ называетъ его одинъ изъ пріятелей автора, вышелъ въ свѣтъ въ 1873 г. А слѣдующіе два романа, появившіеся съ точностью астрономическихъ феноменовъ въ 1874 и 1875 годахъ, переносятъ насъ уже въ совершенно другую—клерикальную—среду: Золя поставилъ себѣ за правило „разнообразить произведенія и рѣзко противопоставлять ихъ по содержанію одно другому." Въ первомъ романѣ, „Завоеваніе Плассанса", авторъ изображаетъ исторію непрерывно растущаго вліянія энергичнаго священника на окружающихъ людей, вліянія, доводящаго одно семейство до окончательнаго разгрома. Героемъ второго, „Проступка аббата Мурэ", является молодой и стратный мистикъ, который тщетно борется съ охватившей все его существо любовью.

Въ 1876 г. романъ „Его превосходительство Эженъ Ругонъ" переноситъ насъ въ оффиціальный міръ Второй имперіи и рисуетъ

карьеру беззастѣнчиваго, но сильнаго волею властолюбца. А въ слѣдующемъ году появился знаменитый романъ изъ жизни парижскихъ рабочихъ „L'Assommoir" *), первый чрезвычайно крупный литературный успѣхъ Золя, сразу выдвинувшій его на первое мѣсто между романистами и подѣйствовавшій, если можно такъ выразиться, возвратнымъ ударомъ на усиленіе сбыта другихъ романовъ нашего автора. Первоначально романъ печатался (съ іюня 1876 г.) фельетонами въ демократической газетѣ „Le Bien public". Но вскорѣ сильный протестъ подписчиковъ и обычныхъ читателей этого органа, обвинявшихъ Золя въ оклеветаніи народа, заставилъ автора перенести романъ въ журналъ „La Rèpublique des lettres". На романиста напали не только соціалисты и крайніе демократы, но и тогдашніе умѣренные радикалы, которые вращались въ орбитѣ Гамбетты и которые скоро должны были превратиться въ вульгарныхъ оппортунистовъ. „L'Assommoir" вызвалъ массу статей, брошюръ, пародій, особенно въ лѣвомъ лагерѣ. И лишь недостатокъ времени не позволяетъ мнѣ навести, между прочимъ, справку, кто былъ авторомъ цѣлаго романа „L'Assommé", написаннаго, какъ уже видно изъ заглавія, въ пику Золя и противоставлявшаго здоровую въ общемъ натуру рабочаго нравственной распущенности высшихъ классовъ **). Съ другой стороны, типичные буржуа и люди консервативнаго образа мыслей, упрекая Золя за грубость его изображенія и языка, были очень довольны мрачными красками, наложенными авторомъ на рабочихъ, которые въ то время, особенно подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ Коммуны, разсматривались защитниками порядка и собственности исключительно какъ сбродъ пьяницъ и лѣнтяевъ. Большая же публика покупала романъ на расхватъ и зачитывалась имъ.

„L'Assommoir" открылъ вмѣстѣ съ тѣмъ Золя двери многихъ органовъ французской прессы, которые ни за что не согласились бы раньше печатать у себя автора, дотолѣ находившаго пріютъ, какъ критикъ, лишь въ русской печати. Извѣстно, что, благодаря Тургеневу, Золя устроился съ 1875 году корреспондентомъ въ „Вѣстникѣ Европы" и посылалъ сюда вплоть до 1880 г., въ видѣ парижскихъ писемъ, то разсказы и повѣсти, то, главнымъ образомъ, критическіе этюды. Такъ составились изъ этихъ статей, появлявшихся порою и по-французски, сборники: „Экспериментальный

*) Можетъ быть, не мѣшаетъ замѣтить, что названіе романа есть не что иное, какъ терминъ народнаго арго, обозначающій «кабакъ», и что его лучше было бы переводить на русскій словомъ «вертепъ», а не «ловушка» и не «западня», какъ это было сдѣлано нашими переводчиками.

**) Я дѣлаю это указаніе по памяти, такъ какъ не нашелъ упоминанія объ этой книгѣ въ претендующей на полноту библіографіи, приложенной къ сердитому, но слабому этюду о Золя одного изъ его ненавистниковъ: Ant. Laporte, *Emile Zola, l'homme et l'oeuvre*; Парижъ, 1894.

романъ" (этюды о романѣ, носящемъ данное ему Золя названіе „экспериментальный"; о натурализмѣ въ театрѣ; о деньгахъ въ литературѣ; о республикѣ и литературѣ и т. п., съ присоединеніемъ статей изъ „Le Bien public" и „Le Voltaire") *); „Романисты-натуралисты" (этюды о Бальзакѣ, Стендалѣ, Флоберѣ, Гонкурахъ и современныхъ натуралистахъ) **); „Литературные документы, этюды и портреты" (Шатобріанъ, Викторъ Гюго, Мюссэ, Теофиль Готье, Жоржъ-Зандъ, современная критика, о нравственности въ литературѣ и т. д.) ***).

Здѣсь собственно мнѣ слѣдовало бы остановиться на литературно-эстетическихъ и критическихъ идеяхъ Золи, развитыхъ въ только что упомянутыхъ статьяхъ, тѣмъ болѣе, что уже съ 70-хъ годовъ эти взгляды окончательно сформировались у нашего автора и служили ему въ извѣстномъ родѣ художественнымъ символомъ вѣры. Но въ виду ихъ важности, а также для того, чтобы не прерывать слишкомъ длиннымъ отступленіемъ литературной біографіи Золя, я отложу это изложеніе идей до характеристики Золя, какъ мыслителя. Теперь же возвращусь къ тому моменту въ жизни писателя, когда своимъ „L'Assommoir"'омъ онъ сразу приковалъ къ себѣ—все равно, съ положительной или отрицательной стороны,—вниманіе публики и критиковъ.

Слѣдующій романъ, появившійся въ 1878 г. подъ названіемъ „Страница любви", составлялъ контрастъ съ предыдущимъ своими несравненно болѣе мягкими тонами, или „полутонами", какъ выражался одинъ изъ пріятелей романиста: громадный матеріалъ внѣшнихъ подробностей и описательныхъ деталей отступалъ теперь на задній планъ передъ анализомъ разныхъ проявленій любви, которую Золя хотѣлъ изучить съ физіологической и психологической стороны, наблюдая игру этой страсти между немногочисленными героями внутренней драмы. Публика и критики были разочарованы, не найдя для того, чтобы восхищаться или негодовать, съ нетерпѣніемъ ожидавшихся эффектовъ грубой и мощной кисти.

За то появившаяся два года спустя „Нана" превзошла ожиданіе тѣхъ, кто искалъ отнынѣ въ книгахъ Золя скабрезной литературы: образъ кокотки, вышедшей изъ рабочаго предмѣстья, изъ среды „L'Assommoir"'а и царящей, благодаря единственно своему тѣлу, надъ цѣлымъ Парижемъ, отмѣчая свое побѣдоносное шествіе актами разврата, безумія, позора толпящихся вокругъ нея поклонниковъ изъ высшаго свѣта, этотъ образъ вызвалъ громадный разноголосый хоръ похвалъ и—въ особенности—криковъ возмущенія. Золя былъ возведенъ критикой въ рангъ

*) *Le roman expérimental*; 1880.
**) *Les romanciers naturalistes*; 1881.
***) *Documents littéraires, études et portraits;* 1881.

верховнаго вождя, папы порнографіи, или, какъ остроумно выразился кто-то изъ рецензентовъ, „нанатурализма“. И сами бонвиваны и жуиры находили, что „Нана“ изображаетъ даже порокъ въ неестественно-грязномъ и отвратительномъ видѣ, лишая его ореола элегантности и беззаботной веселости. Романъ, печатавшійся въ концѣ 1879 г. и началѣ 1880 г. въ газетѣ „Вольтеръ“, наводнившей Парижъ печатными и живыми афишами въ образѣ „людей-бутербродовъ“, сразу поднялъ до невѣроятныхъ размѣровъ розничную продажу пріютившаго его органа. А когда появился отдѣльнымъ изданіемъ, то въ первый же день былъ пущенъ въ количествѣ 55000 экземпляровъ, которые разошлись почти сейчасъ же. Онъ остался до сихъ поръ, послѣ „Разгрома“ (о немъ ниже), наиболѣе читаемымъ изъ произведеній Золя: на находящемся у меня подъ рукою изданіи 1898 г. стоитъ „182-я тысяча“; всего его разошлось до сихъ поръ 300000 экземпляровъ.

Этотъ 1880-ый годъ и слѣдующій были наиболѣе плодовитыми годами для Золя въ области критики и публицистики: то была эпоха, когда писатель, признанный главою школы „золаизма“, съ свойственнымъ ему темпераментомъ бойца, велъ дѣятельную, и оборонительную, и наступательную войну подъ знаменемъ новыхъ идей внѣ сферы беллетристики. Передъ тѣмъ, какъ замолчать на цѣлые годы въ критико-публицистической области, онъ испыталъ настоящій пароксизмъ этой работы. Кромѣ упомянутыхъ выше сборниковъ этюдовъ, первоначально помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“, онъ издалъ сборникъ своихъ драматическихъ фельетоновъ въ „Le Bien Public“ и „Вольтерѣ“ подъ заглавіемъ „Натурализмъ въ театрѣ“ *), въ которомъ онъ разбиралъ возможность и давалъ примѣры приложенія своихъ идей къ сценѣ, ставя основнымъ требованіемъ драматическаго искусства „точное наблюденіе, постановку на сценѣ дѣйствительной жизни и изображеніе общества“. Затѣмъ онъ выпустилъ сборникъ критическихъ этюдовъ о „Нашихъ драматическихъ авторахъ“ (Гюго, Ожье, Дюма-сынѣ, Сарду и т. д.) **). Наконецъ, въ 1880—1881 г. онъ сотрудничалъ, по приглашенію Франсиса Маньяра, въ теченіе цѣлаго года въ „Фигаро“, отзываясь съ своей—натуралистической—точки зрѣнія на различные литературные и жизненные вопросы. Сборникъ этихъ статей, вышедшихъ подъ общимъ заглавіемъ „Кампанія“ ***), любопытенъ для характеристики политическихъ воззрѣній уже вполнѣ сложившагося Золя, который сохранилъ, если еще не усилилъ раннія чувства вражды и презрѣнія къ политикѣ, жестоко нападалъ на дѣятелей третьей республики, Флокэ,

*) *Le naturalisme au théâtre*; 1881.
**) *Nos auteurs dramatiques*; 1881.
***) *Une campagne*; 1881.

Ранка, Гамбетту, и подчинялъ свои приговоры о людяхъ ихъ отношенію къ „натурализму“.

Отнынѣ авторъ (см. Предисловіе къ „Кампаніи“) даетъ себѣ „отставку“, какъ критикъ и публицистъ, и „разсчитываетъ не входить снова въ ежедневную печать, не желая, однако, связывать себя въ этомъ смыслѣ торжественной клятвой“. Два года послѣ появленія „Нана“ Золя явился передъ публикой съ новымъ романомъ „Pot-Bouille“,—заглавіе, которое всего удобнѣе можетъ быть переведено по-русски словами „Семейный горшокъ“, согласно объясненію самаго Золя, который еще до написанія романа говорилъ своимъ друзьямъ о желаніи представить въ немъ обыденную жизнь буржуазіи съ ея лицемѣрнымъ внѣшнимъ культомъ нравственности, но съ глубокой закулисной распущенностью. Въ извѣстномъ смыслѣ этотъ романъ былъ дополненіемъ „L'Assommoir“'а: тамъ изображался самыми черными красками рабочій; здѣсь перо романиста не пощадило сытаго и респектабельнаго мѣщанства. И какъ тогда нападки на Золя посыпались съ лѣвой стороны, такъ теперь онѣ градомъ падали на дерзкаго романиста съ правой.

Интересно, что „Семейный горшокъ“ появился сначала фельетонами въ такомъ органѣ имущихъ и реакціонныхъ слоевъ, какъ „Le Gaulois“. Но, покупая романъ за 30000 франковъ, издатель газеты обязывалъ автора произвести мѣстами урѣзки и сокращенія, чтобы не очень скандализировать свою публику. Скандалъ, однако, вышелъ чрезвычайно громкій, и врядъ ли есть хоть одинъ романъ Золя, который подвергся бы столь сильнымъ обвиненіямъ въ безнравственности и клеветѣ на человѣчество. Буржуазія свирѣпо нападала на обличителя; и очень характерно то обстоятельство, что, не смотря на крайне „натуралистическія“ сцены, которыхъ немало въ этомъ романѣ, читатели Золя, вербующіеся, главнымъ образомъ, не въ народѣ, а въ буржуазіи, раскупаютъ это произведеніе съ гораздо меньшею быстротою, чѣмъ, напр., „Нану“, „Вертепъ“ и еще полдюжину наиболѣе популярныхъ романовъ: на моемъ изданіи 1898 г. стоитъ всего 88-я тысяча. За то крайніе демократы встрѣтили „Семейный горшокъ“ очень сочувственно. Наша талантливая соотечественница, В. Н. Никитина, писавшая по большей части въ газетѣ Клемансо „La Justice“ подъ псевдонимомъ Б. Жандръ, указала на серьезную общественную сторону только что вышедшаго романа, хотя и осуждая ненужныя грубости картинъ и стиля *).

Въ 1883 г. романъ „Дамскій рай“ (Au Bonheur des Dames) обнаружилъ большую чуткость и проницательность Золя, кото-

*) См. перепечатку трехъ статей Никитиной въ посмертномъ сборникѣ ея работъ: B. Gendre, *Etudes sociales, philosophiques et morales*; Парижъ, 1886, стр. 124—144 («Pot-Bouille et la bourgeoisie française»).

рый въ этомъ произведеніи обратилъ вниманіе на только что начавшую тогда серьезно прокидываться концентрацію капиталовъ въ колоссальныхъ магазинахъ, неумолимо раздавливавшихъ по пути своего развитія мелкую торговлю. „Наслажденіе жизнью“ (La joie de vivre), появившееся въ слѣдующемъ году, переноситъ, наоборотъ, читателя въ область индивидуальной психологіи, рисуя печальную картину вырождающагося субъекта, для котораго всѣ радости существованія отравлены отсутствіемъ воли, маніею страха смерти и жалкимъ перебѣганіемъ отъ одного занятія къ другому. Но въ 1885 г. Золя съ необыкновенною силою и блескомъ возвращается снова къ соціальнымъ вопросамъ и даетъ въ своемъ „Жерминалѣ“,—по мнѣнію многихъ критиковъ наиболѣе могучемъ изъ его романовъ,—цѣлую эпопею рудокоповъ, которые изъ темнаго подземелья первобытной, почти звѣрской жизни неудержимо рвутся къ солнцу и счастью будущаго общественнаго идеала: помните заключительныя строки о „черной, мстительной арміи, которая медленно зрѣла въ нѣдрахъ для жатвъ грядущаго вѣка и ростъ которой долженъ былъ скоро взломать землю“?

И снова, въ 1886 г., авторъ вводитъ насъ романомъ „Шедевръ“ (L'Oeuvre) въ личную психологію человѣка, заставляя художника-неудачника изнемогать и окончательно погибнуть подъ бременемъ непосильнаго желанія создать произведеніе искусства, полное жизненной и оригинальной правды, въ то время какъ литераторъ Сандозъ, въ которомъ Золя, повидимому, изображаетъ самого себя, ставитъ самыя условія задачи и энергично формулируетъ свой эстетическій символъ вѣры: „изучить человѣка какъ онъ есть, не ихъ метафизическую куклу, но физіологическаго человѣка, опредѣляемаго средою, дѣйствующаго благодаря игрѣ всѣхъ своихъ органовъ“.

Послѣ „Шедевра“, представляющаго, по странной ироніи судьбы и своего названія, одно изъ слабѣйшихъ произведеній Золя, нашъ романистъ необыкновенно рельефно проявляетъ свою творческую индивидуальность съ ея крупными достоинствами, но и крупными недостатками въ „Землѣ“, напечатанной въ 1887 г. Этотъ романъ, возвращающій насъ, благодаря почти совершенно правильному ритмическому колебанію автора между обработкой личныхъ и общественныхъ вопросовъ,—опять-таки къ соціальной темѣ, является широкой эпопеей крестьянской жизни, какъ „Жерминаль“ эпопеей существованія рабочихъ; но, отличаясь могучей обрисовкой сельскаго класса, грѣшитъ изобиліемъ совершенно ненужныхъ и возвращающихся, словно назойливый припѣвъ, циническихъ подробностей. „Земля“ вызвала цѣлую литературу статей, критикъ, отзывовъ за и противъ; она отмѣчаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ ту эпоху въ развитіи натурализма, когда это литературное направленіе, достигнувъ своего кульминаціоннаго пункта, пошло вслѣдъ затѣмъ замѣтно на убыль.

До сихъ поръ натурализмъ росъ въ борьбѣ, яростно отрицаемый одними, но съ жаромъ защищаемый другими; и вѣрные ученики Золя, не обладая талантомъ главы школы, не останавливались ни передъ какими излишествами и преувеличеніями художественной доктрины. Но „Земля“ вызвала впервые реакцію среди самихъ адептовъ натурализма, и пять изъ учениковъ Золя,—между ними Люсьенъ Дэкавъ, Рони, Маргеритъ—напечатали въ „Фигаро“ длинный, не особенно скромный, а мѣстами крайне безтактный литературный манифестъ, въ которомъ они торжественно отрекались отъ своего учителя и протестовали „во имя высшаго уваженія къ искусству противъ литературы, лишенной всякаго благородства“. Самъ по себѣ этотъ протестъ не имѣлъ большого значенія, и многіе приняли его за неудачную попытку рекламы со стороны второстепенныхъ романистовъ. Но онъ являлся серьезнымъ симптомомъ нароставшаго кризиса натурализма, для котораго, какъ и для многихъ вещей въ мірѣ, Капитолій былъ недалекъ отъ Тарпейской скалы.

Не мѣшаетъ кстати замѣтить, что ужасныя сцены скупости, разврата и звѣрства, съ которыми читатель встрѣчается въ „Землѣ“, лишь сгущены, но не вымышлены при изображеніи крестьянства. И мнѣ пришлось слышать отъ одного географа, что герой, которому Золя далъ возмутившее многихъ читателей имя Христа, надѣливъ его въ то же время нѣкоторыми циничными привычками, списанъ вплоть до клички съ натуры и чуть ли не живетъ до сихъ поръ въ окрестностяхъ Манта.

Слѣдующій романъ Золя, „Греза“, былъ антиподомъ „Земли“: на сей разъ авторъ задался цѣлью нарисовать идиллію чистой любви; и кто привыкъ къ мощной, но грубой кисти натуралиста, былъ пораженъ этой попыткой придать по возможности идеальныя и почти безтѣлесныя черты дѣвушкѣ, которая умираетъ мелодраматическою смертью, выходя изъ-подъ вѣнца съ милымъ сердцу, браку съ которымъ черезчуръ долго мѣшало упорство отца возлюбленнаго. Обстановка и дѣйствующія лица этой идиліи,—сиротка дѣвушка, выросшая въ набожной средѣ ремесленниковъ, работающихъ церковныя облаченія, ея избранникъ, сынъ аристократа, впослѣдствіи становящагося епископомъ, самъ этотъ суровый прелатъ, и т. д.,—производятъ впечатлѣніе, какъ было справедливо замѣчено критикой, „небесно голубого разсказа для дѣтей“ и лишь больше подчеркиваютъ несоотвѣтствіе между выбранной темой и природой художника.

„Греза“, появившаяся въ 1888 г., вышла самымъ неудачнымъ изъ романовъ автора и вызвала даже предположеніе среди враговъ и нѣкоторыхъ друзей Золя, что онъ написалъ эту вещь исключительно ради того, чтобы временнымъ подвигомъ литературнаго цѣломудрія открыть себѣ двери французской Академіи. Къ этому времени относится, дѣйствительно, первая попытка

главы натурализма поставить кандидатуру на одно изъ креселъ сорока безсмертныхъ,—попытка, которую Золя продолжалъ повторять почти до самыхъ послѣднихъ лѣтъ, и повторять со столь же малымъ успѣхомъ, сколько свойственной ему настойчивостью, заявивъ разъ навсегда, что Академія смѣшна—какъ онъ неоднократно писалъ объ этомъ,—но что она существуетъ, и что поэтому онъ долженъ войти въ нее, какъ человѣкъ, внесшій новую ноту во французскую литературу и приковавшій къ натурализму вниманіе всего цивилизованнаго міра.

Съ „Человѣкомъ-звѣремъ", появившимся въ 1890 г., Золя снова очутился въ своей стихіи: детальномъ изображеніи внѣшняго міра и грубой психологіи человѣка, тиранически управляемаго инстинктомъ. Кадромъ для фабулы послужилъ міръ желѣзныхъ дорогъ, обрисованный Золя съ такою тщательностью, что враги, смѣясь, называли романъ практическимъ руководствомъ машиниста и инженера. Центральной же фигурой являлся больной субъектъ, у котораго половой инстинктъ былъ усложненъ садизмомъ, передавшимся по наслѣдству и развившимся въ непреодолимый кровожадный импульсъ. До какой степени было сильно впечатлѣніе, произведенное этимъ романомъ на публику, видно изъ признанія психіатровъ, что вскорѣ послѣ появленія „Человѣка-звѣря" къ нимъ въ клинику очень нерѣдко приходили нервные люди, прося посадить ихъ въ больницу и избавить ихъ тѣмъ отъ якобы непреодолимаго желанія убійства, навѣяннаго чтеніемъ романа.

„Деньги", напечатанныя въ 1891 г., переносятъ насъ въ міръ биржевыхъ спекуляцій; и Золя удачно отмѣтилъ ненависть, которую питаетъ банкиръ-католикъ къ своему всемогущему сопернику-еврею, и питаетъ въ сущности только потому, что жестоко завидуетъ геніальнымъ способностямъ семита по части эксплуатаціи публики, увлеченной жаждою наживы. Относительно самого романа можно развѣ указать на сравнительную слабость изображенія среды и технической стороны фабулы: Золя, впрочемъ, самъ откровенно признавался, что „Деньги" стоили ему невѣроятныхъ усилій, чтобы понять механизмъ биржевой игры; и что даже, написавъ романъ, онъ остался знакомымъ лишь самымъ поверхностнымъ образомъ со всѣми этими операціями ликвидаціи, арбитража, репорта, депорта, отказа отъ премій и т. п.

Мы теперь пришли къ самому популярному и наиболѣе читаемому—по крайней мѣрѣ, до послѣднихъ лѣтъ—произведенію Золя: въ 1892 г. появился знаменитый „Разгромъ", развертывающій безконечно-печальную эпопею пораженія Франціи и нѣмецкаго нашествія 1870—1871 г. Романъ этотъ, основанный на очень старательномъ изученіи на мѣстѣ и по серьезнымъ документамъ главнѣйшихъ перипетій франко-прусской войны, былъ увѣнчанъ заслуженнымъ успѣхомъ: въ 1898 г., при первомъ

выступленіи Золя на общественное поприще въ дѣлѣ Дрейфуса, было уже распродано 200000 экземпляровъ книги. Съ тѣхъ поръ, подъ вліяніемъ шовинистской реакціи противъ автора, продажа этой книги, какъ и прочихъ, пошла гораздо медленнѣе.

Интересно, что если патріотическая жилка французовъ играла немаловажную роль въ первоначальномъ успѣхѣ романа,—ибо всѣ вещи изъ эпохи войны расходятся хорошо,—то эта же жилка, эксплуатируемая націоналистами, клерикалами и милитаристами, въ значительной степени ослабила дальнѣйшій сбытъ „Разгрома". Генералъ Пелльё осмѣлился на процессѣ Золя козырять этой книгой, какъ антипатріотическимъ произведеніемъ, противъ подсудимаго. И тѣ самые люди, которые всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ зачитывались романомъ Золя, теперь предавали его анафемѣ. Ослѣпленной демагогами большой публикѣ и въ голову не приходило того, что романистъ развилъ въ „Разгромѣ" лишь ставшій при республикѣ общимъ мѣстомъ взглядъ на несчастную войну, какъ на результатъ бонапартистскаго режима, легкомыслія, неспособности и измѣны генераловъ. Теперь рядящіеся въ республикализмъ шовинисты объявляли себя солидарными съ героями Меца и Седана, а Золя клеймился, какъ „измѣнникъ" отечества. Но объ этомъ ниже...

Наконецъ, въ 1893 г. появился послѣдній, двадцатый, романъ серіи Ругонъ-Маккаровъ, въ которомъ авторъ подводилъ итоги своей физіологической теоріи наслѣдственности, энергично и настойчиво проводимой имъ въ теченіе почти четверти вѣка чрезъ рядъ произведеній. „Докторъ Паскаль", не обладая особыми литературными достоинствами, интересенъ, главнымъ образомъ, какъ примѣръ стойкости научно-художественныхъ воззрѣній самого романиста. Все, что можно было сказать въ началѣ предпріятія противъ этой идеи, еще съ большимъ правомъ можетъ быть приложено къ послѣднему роману, который грѣшитъ, кромѣ того, съ нравственно-эстетической точки зрѣнія изображеніемъ некрасивой старческой любви дяди-патріарха къ своей молодой племянницѣ. Но въ этомъ романѣ замѣчается уже болѣе сильный, чѣмъ было до сихъ поръ, интересъ самого романиста къ практическимъ вопросамъ жизни. И герой романа, истолковывая родословное дерево своей же широко развѣтвленной семьи, взываетъ къ освободительницѣ-наукѣ, которая должна устроить надлежащимъ образомъ жизнь людей на землѣ, чтобы игра наслѣдственности была побѣждена научнымъ же путемъ. „Не плакать, не смѣяться, а понимать"—или, вѣрнѣе, „изображать" романиста-натуралиста уступаетъ мѣсто желанію поучать. Живая личность автора не успѣваетъ вполнѣ скрыться за безстрастнымъ „документомъ". Вниманіе писателя привлечено даже такимъ, если хотите, и важнымъ, но все же второстепеннымъ вопросомъ практической дѣйствительности, какъ ростъ или убыль

народонаселенія во Франціи. Чувствуется, что съ Золя происходила въ это время уже подготовлявшаяся съ нѣкоторыхъ поръ перемѣна. А происходила она несомнѣнно.

Кризисъ натурализма, обнаружившійся во второй половинѣ 80-хъ годовъ, былъ лишь одной изъ сторонъ общаго идейнаго кризиса, который ознаменовалъ собою послѣднее десятилѣтіе прошлаго вѣка не только во Франціи, но во всемъ мірѣ. Въ этомъ кризисѣ отрицательныя стороны не исключали положительныхъ, ибо если позитивизмъ въ своемъ буржуазномъ заостреніи велъ, по закону реакціи, къ усиленію метафизическихъ тенденцій и пресловутому „банкротству науки", то, съ другой стороны, онъ же вызывалъ противоположную, уже вполнѣ здоровую реакцію, которая, отправляясь отъ современной черезчуръ индифферентной къ живымъ людямъ науки, дополняла ее идеальнымъ стремленіемъ къ общечеловѣческому счастью и соціальной справедливости. Повсюду пробуждался интересъ къ соціальнымъ вопросамъ напоминая тѣмъ сороковые годы. И даже сами метафизики, надрывавшіеся надъ „банкротствомъ науки", принуждены были вносить въ свои іереміады противъ точнаго знанія общественный элементъ, обвиняя ученыхъ въ томъ, что они не сдѣлали человѣчество,—а особенно „трудящуюся и обремененную" часть его,—счастливымъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что для внимательнаго и чуткаго наблюдателя, какимъ вообще былъ Золя, этотъ идейный процессъ не могъ остаться незамѣченнымъ. Въ одной изъ своихъ рѣчей, произнесенной въ маѣ 1893 г. на ежегодномъ банкетѣ общей студенческой ассоціаціи, онъ даже въ слѣдующихъ недвусмысленныхъ выраженіяхъ отмѣтилъ и пытался объяснить наступившій кризисъ:

Мы присутствуемъ при неизбѣжной послѣ долгихъ путешествій усталости: люди садятся на край дороги, теряютъ надежду когда-нибудь достигнуть цѣли, видя предъ собою безконечную равнину и новый вѣкъ; и, наконецъ, доходятъ до того, что сомнѣваются въ пройденномъ пути и начинаютъ сожалѣть, зачѣмъ не улеглись на полѣ, чтобы проспать тамъ цѣлую вѣчность подъ звѣзднымъ небомъ.

Но у Золя, ненавидѣвшаго метафизику, было свое средство противъ усталости, овладѣвшей человѣчествомъ на пути безстрастной и индифферентной къ людямъ науки. Переживая если не самъ лично, то съ другими этотъ сильный кризисъ, онъ указывалъ на необходимость труда и дальнѣйшихъ усилій, которые помогутъ человѣчеству выбраться изъ чащи обступившихъ его сомнѣній. Въ этомъ, очевидно, лежалъ смыслъ его извѣстной рѣчи о трудѣ, которую не совсѣмъ правильно, по моему мнѣнію, кри-

тиковалъ нашъ Толстой, противоставляя труду, какъ какому-то самодовлѣющему принципу круженія бѣлки въ колесѣ ради самого круженья, жизнь, исполненную любви къ ближнимъ. Несомнѣнно, что и у Золя элементъ полезной для ближнихъ работы вырисовывался все съ большей и большей ясностью. Такъ, въ другой своей рѣчи къ студентамъ, произнесенной въ іюнѣ того же года, Золя выражался такъ:

Я сдѣлалъ дѣло, а теперь мнѣ хотѣлось бы посвятить остальную жизнь защитѣ нѣкоторыхъ соціальныхъ идей. Мнѣ было бы пріятно съ этою цѣлью быть членомъ какого-нибудь собранія, въ которомъ бы я работалъ, говорилъ. Я не могу еще; я дѣлаю усилія; я вошелъ въ общество литераторовъ, чтобы упражняться въ этомъ, но я еще не доволенъ собой, я еще не окончательно овладѣлъ словомъ. Во всякомъ случаѣ, я попробую.

Въ то время говорили, что Золя готовится къ политической дѣятельности, къ той самой политической дѣятельности, которую онъ раньше неоднократно подвергалъ столь жестокому осужденію, противоставляя ей съ гордостью артиста литературу, „писанное слово". Самое вступленіе его въ общество литераторовъ, предсѣдателемъ котораго онъ былъ съ 1891 г. по 1896 г. и въ которомъ онъ съ большою энергію и успѣхомъ работалъ для защиты интересовъ бѣдныхъ членовъ *),—самое вступленіе это объясняли какъ подготовительную школу, которую Золя съ свойственной ему энергіею проходилъ для того, чтобы приложить свои силы къ болѣе широкой, напр., парламентарной дѣятельности. Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что и Золя испытывалъ охватившій его современниковъ кризисъ и отказывался отъ нѣкоторыхъ черезчуръ одностороннихъ своихъ взглядовъ.

Слѣды этого кризиса можно найти въ задуманной имъ сейчасъ же по окончаніи Ругоновъ-Маккаровъ новой серіи романовъ, на сей разъ трилогіи „трехъ городовъ": „Лурда" (1894), „Рима" (1896), „Парижа". Всѣ они три посвящены вопросу о столкновеніи между вѣрой и наукой, религіей и позитивизмомъ и даютъ, если можно такъ выразиться, въ восходящемъ порядкѣ отвѣтъ на задачу возможнаго исхода этого мірового конфликта.

Въ первомъ романѣ серіи, „Лурдѣ", авторъ, съ свойственною ему эпическою силою, описывалъ неудержимое стремленіе тысячъ и тысячъ вѣрующихъ католиковъ къ легендарному мѣсту исцѣленій, въ то время, какъ искренній, но скептическій священникъ сопровождающій одну изъ такихъ партій пилигримовъ, тщетно ищетъ новой религіи. Онъ понимаетъ ту „жажду божественнаго,

---

*) См. главу «Emile Zola et le diner des gens de lettres» изъ готовящейся къ печати книги о Золя Альбера Сэна (Albert Cim); Revue bleue, отъ 11-го октября 1902.

которую ничто не могло утолить въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ и которая, казалось, возрождалась съ новою силою въ концѣ этого вѣка знанія"; но самъ онъ находитъ эту вѣру слишкомъ грубой и примитивной.

Онъ ищетъ источниковъ обновленія вѣры въ вѣчномъ городѣ, вблизи непогрѣшимаго первосвященника; но и „Римъ" застылъ въ догмѣ и, среди интригъ и маккіавелизма кардиналовъ, не въ состояніи прочно утолить жаръ горячаго, но сомнѣвающагося сердца.

Наконецъ, герой въ „Парижѣ", въ столицѣ третьей республики среди всевозможныхъ перипетій политической и соціальной борьбы, финансовыхъ и парламентарныхъ скандаловъ и анархическихъ покушеній, безсердечнаго цинизма богатыхъ и растущаго мятежническаго негодованія бѣдныхъ, на душу которыхъ падаютъ жгучею лавою различныя сталкивающіяся между собою системы пересоздателей общества. Пьеръ выходитъ изъ періода сомнѣній тѣмъ, что сбрасываетъ съ себя рясу, женится на давно любимой имъ дѣвушкѣ, которую ему героически уступаетъ его братъ, и на послѣдней страницѣ умиленно смотритъ въ кругу своей семьи на грандіозную картину заката въ великомъ городѣ: „Парижъ пылалъ, засѣянный свѣтомъ божественнаго солнца, катившаго въ своей славѣ будущую жатву истины и справедливости".

Дѣйствіе, замедленное въ „Лурдѣ" и „Римѣ" безчисленными описательными подробностями, пріобрѣтало въ „Парижѣ" энергію и силу лучшихъ романовъ Золя; и послѣднее звено трилогіи было вполнѣ достойно могучаго художника, который отнынѣ безповоротно становился и великимъ гражданиномъ: въ то время, какъ порнографически-шовинистская газета „Le Journal" печатала послѣдніе фельетоны „Парижа", ея редакція уже вела отчаянную кампанію противъ Золя, а на улицахъ столицы толпа, подстрекаемая „патріотами", ревѣла: смерть жидамъ! смерть измѣннику! Этимъ измѣнникомъ былъ на сей разъ уже не одинъ только Дрейфусъ, а и Золя, только что написавшій свое грозное письмо „Я обвиняю".

Золя входилъ въ общественно-политическую дѣятельность, но входилъ далеко не обычнымъ для всѣхъ путемъ, даже не тѣмъ, о которомъ онъ самъ мечталъ, а ломая условныя перегородки партій и возбуждая, какъ это бывало съ нимъ въ литературной сферѣ, цѣлую бурю восхищеній и негодованій. Онъ, въ извѣстномъ смыслѣ типичный буржуа, достигшій богатства, славы и даже признанія со стороны прежнихъ враговъ, вдругъ оставлялъ тихую и спокойную жизнь художника и бросался въ самую гущу свирѣпой борьбы между старой и новой Франціей, поднявъ знамя истины и справедливости.

Въ концѣ 1897 г. онъ открылъ въ „Фигаро" кампанію въ

пользу Дрейфуса въ первыхъ рядахъ немногихъ защитниковъ попраннаго права. Но послѣ третьей статьи, газета получила такую массу негодующихъ писемъ читателей и отказовъ отъ дальнѣйшей выписки, что редакція попросила Золя прекратить агитацію на ея столбцахъ. И знаменитый романистъ, тщетно ища органа для свободнаго выраженія мыслей, принужденъ былъ обратиться къ печатанію брошюръ: такъ были брошены въ публику его „Письмо къ молодежи“ (отъ 14 декабря 1897 г.) и „Письмо къ Франціи“ (отъ 6-го января 1898 г.), которыя вмѣстѣ съ другими статьями, напечатанными Золя до самаго послѣдняго времени по дѣлу Дрейфуса, составили книжку „Идетъ истина“ *).

Наконецъ, 14-го января 1898 г., на третій день послѣ оправданія Эстергази, Золя бросилъ словно динамитную бомбу, разрушившую всѣ мелкія интриги политикановъ и милитаристовъ, свое открытое письмо къ президенту республики: весь Парижъ, вся Франція, а скоро и весь міръ прислушивались къ громовому „я обвиняю“, которое со столбцовъ недавно основанной газеты L'Aurore могучими волнами распространялось всюду, гдѣ живы люди, гдѣ кипитъ негодованіе на неправду и горитъ звѣзда идеала. Отнынѣ Золя входилъ въ исторію и какъ знаменитый гражданинъ, и послѣдующія перипетіи его борьбы съ ложью и насиліемъ слишкомъ извѣстны, чтобы мнѣ нужно было останавливаться на нихъ: шемякинъ судъ; насилія манифестирующихъ шаекъ „патріотовъ“; добровольное изгнаніе въ Англію; потерю многихъ слабыхъ друзей, и клевету враговъ, и безсмысленную ненависть доброй половины Франціи,—все это перенесъ Золя, поддерживаемый лишь сознаніемъ правоты своего дѣла и сочувствіемъ всѣхъ благородныхъ людей въ мірѣ. Онъ могъ видѣть еще возвращеніе Дрейфуса во Францію; но онъ не дождался окончательнаго торжества истины, и до конца остался врагомъ амнистіи, какъ половинчатаго рѣшенія, которое отнюдь не могло удовлетворить высшее чувство справедливости.

Выступленіе Золя на арену общественной дѣятельности сопровождалось несомнѣннымъ кризисомъ нѣкоторыхъ крупныхъ сторонъ его міровоззрѣнія: изъ буржуа онъ превращался въ человѣка, жадно стремящагося къ пересозданію современнаго строя. Отсюда его идея „Четырехъ евангелій“, новой серіи романовъ, въ которыхъ исканіе и изображеніе документовъ должно было уступить мѣсто жаркой художественной пропагандѣ новыхъ идеаловъ общаго счастія, истины и справедливости. Конечно, этотъ кризисъ не могъ быть сразу вполнѣ радикальнымъ у такого сложившагося и пожилого человѣка, какъ Золя. И его первый романъ серіи, „Плодородіе“ или „Плодовитость“, **) написанный въ

*) *La vérité en marche*; Парижъ, 1901.
**) *Fécondité*; Парижъ, 1899.

Англіи, носитъ несомнѣнные признаки еще буржуазнаго міровоззрѣнія автора *). Золя слишкомъ еще останавливается на идеализаціи роста населенія и производства, почти не касаясь самихъ формъ человѣческаго общенія, не безъ нѣкотораго филистерства видя ихъ исключительно сквозь очки и въ духѣ современной семьи.

Но уже его слѣдующій романъ, „Трудъ“ **) обнаруживалъ дальнѣйшій прогрессъ замѣны или, по крайней мѣрѣ, проникновенія буржуазнаго міровоззрѣнія новымъ. Въ немъ Золя нарисовалъ свой идеалъ кооперативнаго строя, при чемъ складывалъ его изъ элементовъ, взятыхъ у Фурье, или даже вѣрнѣе у фурьеристской школы. Устарѣлыя идеи мирнаго сожитія капитала, таланта и труда, легшія въ основаніе фурьеризма, очевидно, болѣе по сердцу Золя, чѣмъ радикальныя рѣшенія современнаго соціализма. И замѣчательно, что романистъ, не отступавшій обыкновенно передъ смѣлостью художественнаго изображенія самыхъ рискованныхъ сценъ, обошелъ почти совершенно вопросъ объ отношеніи между полами, который у самого Фурье играетъ такую роль въ „соціетарной“ системѣ. Современная семья, очевидно, представляется романисту, котораго столько разъ обвиняли въ безнравственности, предѣломъ, его же не прейдеши: самое большое, что онъ позволяетъ себѣ, такъ это идеализировать аффективную сторону современной моногаміи, освобождая ее отъ принужденія.

Въ настоящее время въ „L'Aurore“ печатается третій романъ серіи, „Истина“, въ которомъ авторъ разрабатываетъ животрепещущій вопросъ о столкновеніи между традиціоннымъ міровоззрѣніемъ женщины и свободною мыслью мужчины, въ то время какъ общественнымъ кадромъ дѣйствія является судебная трагедія Дрейфуса, видоизмѣненная лишь тѣмъ, что дѣло переносится изъ военной сферы въ педагогическую, а вмѣсто еврея-капитана фигурируетъ еврей-учитель.

Золя не удалось написать четвертаго и заключительнаго романа серіи, „Справедливости“, и врядъ ли существуетъ въ бумагахъ покойнаго что-нибудь, кромѣ общаго плана его. Судьба словно хотѣла наглядно-аллегорически сказать, что Золя не дождался окончательнаго торжества справедливости, котораго онъ такъ страстно добивался.

Если я прибавлю, что Золя нѣсколько разъ, но безуспѣшно пробовалъ свои силы на поприщѣ драматурга, и что сравнительнымъ успѣхомъ пользовались лишь тѣ пьесы, которыя были приспособлены для театра спеціалистами по части писанія для сцены, то литературная біографія Золя будетъ исчерпана. Его драма

*) См. разборъ его въ моей книгѣ «Очерки современной Франціи» (Спб. 1902, стр. 310—336) («Натурализмъ на службѣ у утопіи»).

**) *Travail*; 1901.

„Тереза Ракэнъ“, его комедіи „Наслѣдники Рабурдэнъ“ и „Розовая почка“, игранныя между 1873 и 1878 г., имѣли всего по нѣскольку представленій. Наоборотъ, „Вертепъ“, принаровленный для сцены Бюснакомъ и Гатино, выдержалъ съ начала 1879 г. болѣе двухсотъ представленій подрядъ. Гораздо меньшій успѣхъ выпалъ на долю „Нана“ „Семейнаго горшка“, „Жерминаля“ и т. п. Пьесамъ Золя, очевидно, не доставало той силы и рельефности, которая въ романахъ обусловливалась громаднымъ напоромъ общаго дѣйствія, многочисленныхъ лицъ, необыкновенно богатыхъ внѣшнихъ деталей и могучаго эпическаго тона произведеній.

Біографы Золя цитируютъ обыкновенно, говоря о его литературной дѣятельности, и „Меданскіе вечера“ *), сборникъ разсказовъ, названныхъ по имени загороднаго помѣстья Золя (по Сенѣ, верстахъ въ тридцати на сѣверозападъ отъ Парижа) и написанныхъ его друзьями-учениками. Всѣхъ разсказовъ шесть: самому Золя принадлежитъ первый, короткій, но очень сильный разсказъ изъ франко-прусской войны „Атака мельницы“; остальные написаны Ги-де-Мопассаномъ, Гюисмансомъ, Полемъ Алексисомъ и т. п. Предисловіе представляетъ собою родъ литературнаго манифеста и публичнаго выраженія какъ „личной дружбы, такъ и художественныхъ тенденцій“ писавшихъ.

Теперь мы можемъ подвести итоги литературной и жизненной біографіи Золя и охарактеризовать его какъ человѣка, мыслителя, художника, а также указать на его историческое значеніе. Надо-ли предупреждать читателя, что различныя точки зрѣнія, подъ которыми приходится разсматривать Золя, являются въ значительной степени абстракціями, и что въ особенности у Золя, представляющаго типъ цѣльной личности, человѣкъ, мыслитель, художникъ соприкасаются многими сторонами и переходятъ одинъ въ другого?

И друзья, и враги его согласны, по крайней мѣрѣ, въ одной чертѣ романиста: его необыкновенной волѣ и умѣньѣ усиленно желать и энергично добиваться разъ поставленной цѣли. Извѣстенъ тотъ, напр., фактъ изъ его жизни, что, начавъ довольно рано тучнѣть и найдя эту тучность неудобной къ сорока годамъ, Золя совершенно измѣнилъ свою діету и, благодаря постояннымъ и энергичнымъ усиліямъ, успѣлъ „войти въ норму“, насколько это было возможно при его крупномъ и въ общемъ здоровомъ организмѣ. Золя, этотъ лакомка, для котораго послѣ труда величайшимъ наслажденіемъ въ жизни была, по отзывамъ его друзей, вкусная пища, принесъ рѣшительно въ жертву задуманному

---

*) *Les soirées de Médan*; Парижъ, 1880.

плану похудѣть всевозможныя кулинарныя удовольствія: вино было замѣнено чаемъ, и многія любимыя яства были совсѣмъ изгнаны изъ употребленія. Одинъ изъ его знакомыхъ по обществу литераторовъ былъ крайне изумленъ, встрѣтившись въ началѣ 90-хъ годовъ съ Золя на писательскихъ обѣдахъ и найдя, вмѣсто легендарнаго сластены, „человѣка въ высшей степени воздержнаго, равнодушнаго ко всякому гастрономическому удовольствію", пившаго только воду и рѣшительно отказывавшагося отъ кофе, ликеровъ, табаку. Нѣкоторые біографы придавали даже такое значеніе этой перемѣнѣ въ образѣ жизни, что проводили рѣзкую разницу между „Золя жирнымъ" и „Золя худымъ": въ началѣ этой ломки привычекъ романистъ писалъ „Землю", въ концѣ „Мечту", и если, молъ, вы сравните Золя, какъ художника, до и послѣ искусственнаго худѣнія, то вы убѣдитесь, что онъ много потерялъ своей творческой силы. Противъ этого возражали, говоря лишь объ общемъ ослабленіи таланта съ годами и цитируя „Человѣка-звѣря", „Разгромъ", „Парижъ", которые принадлежатъ къ очень сильнымъ и удачнымъ произведеніямъ „худого Золя".

Рядомъ съ этой колоссальной волею надо отмѣтить еще ту особенность ея, что она наиболѣе проявляется въ трудныхъ обстоятельствахъ, и что препятствія вызываютъ наибольшую напряженность ея. Не смотря на нѣкоторую повышенность чувствительности своей нервной системы, Золя не боится непріятностей борьбы, и уколы самолюбія дѣйствуютъ, наоборотъ, на него укрѣпляющимъ и, такъ сказать, подхлестывающимъ образомъ. Онъ боевой и страстный темпераментъ. Помните его знаменательное признаніе въ предисловіи къ „Кампаніи":

Мнѣ ставили въ упрекъ мою страстность. Это правда, я человѣкъ страсти, и часто я, должно быть, былъ несправедливъ. Въ этомъ моя ошибка, даже если моя страсть носитъ высокій характеръ и свободна отъ мерзостей, которыя приписываютъ ей враги. Но, признаюсь еще разъ, я не отдалъ бы своей страстности за снисходительную тряпичность и презрѣнную съеженность другихъ. Что же, развѣ ничто эта страсть, которая горитъ яркимъ пламенемъ, страсть, которая согрѣваетъ сердце? Да, жить негодуя, жить бѣсясь на лживые таланты, на уворованныя репутаціи, на всеобщую посредственность! Да, быть не въ силахъ читать газету, чтобы не блѣднѣть отъ гнѣва! Чувствовать постоянную и непреодолимую потребность кричать вслухъ то, что думаешь, въ особенности же когда думаешь это одинъ и подъ страхомъ испортить себѣ всѣ радости жизни! Вотъ какова была моя страсть, я весь въ крови отъ нея, но я люблю ее и если я значу что-нибудь, то благодаря ей, ей одной! Впрочемъ, она великая сила. Не смотря на всѣ ошибки, которыя я могъ сдѣлать, мой голосъ услышали, потому что я былъ убѣжденнымъ человѣкомъ и былъ человѣкомъ страстнымъ *).

Этотъ боевой и въ извѣстномъ смыслѣ героическій темпераментъ характеризуетъ Золя, конечно, не только какъ писателя,

*) *Une campagne*, préface, стр. VIII—IX.

но прежде всего какъ человѣка. Не смотря на нѣкоторыя свои психическія маніи, напр., боязнь смерти, желѣзнодорожныхъ туннелей, толпы, Золя шелъ мужественно на реальную опасность въ дѣлѣ Дрейфуса; и всѣ были поражены тѣмъ хладнокровіемъ, съ которымъ онъ встрѣчалъ бушующую улицу, когда толпа едва не вытащила его изъ экипажа и не бросила въ Сену.

Здѣсь, мнѣ кажется, надо, впрочемъ, прибавить для объясненія еще одну существенную черту характера Золя: онъ самолюбивый, именно не тщеславный, но очень самолюбивый человѣкъ, который знаетъ себѣ цѣну, и который, несомнѣнно, долженъ сознавать свое превосходство надъ другими. Его смѣлость въ критическихъ обстоятельствахъ отчасти питается гордымъ сознаніемъ того, что онъ не какъ всѣ люди, и что къ нему, Золя, должно относиться съ уваженіемъ. Потому-то, когда порою нападки на него были въ особенности рѣзки, онъ послѣ минутнаго чувства боли и ущемленной гордости, взвивался подъ ударомъ оскорбленія, какъ дикій конь, не испытавшій хлыста. Въ эту минуту сознаніе своего превосходства и слабости своихъ противниковъ еще удесятеряло его силы, и онъ, дѣйствительно, былъ страшенъ для своихъ враговъ. Я сравнилъ его съ дикимъ конемъ; можетъ быть, лучше было бы сравнить его въ такія минуты съ разъяреннымъ вепремъ, который раздавалъ смертельные удары клыковъ метавшейся на него стаѣ жалкихъ собаченокъ. Не имѣя собственно такъ называемаго остроумія и ѣдкой ироніи, онъ, благодаря искренности страсти и убѣжденія въ своемъ превосходствѣ, равно какъ въ правотѣ своего дѣла, бралъ зачастую въ такія минуты верхъ надъ самыми ловкими остроумцами и виртуозами полемики. На что былъ, кажется, остроуменъ и неистощимъ въ колючихъ каламбурахъ хотя бы Орельенъ Шолль; но, право, читайте его полемику съ Золя и вы скажете, что въ этомъ спорѣ неуклюжій, но могучій „натуралистъ“ оказался выше своего противника даже въ спеціальной области литературной фехтовки. И когда вы доходите до заключительныхъ строкъ знаменитой статьи Золя противъ парижскихъ шутниковъ и благеровъ, вы отъ души смѣетесь надъ послѣднимъ увѣсистымъ ударомъ, которымъ грузный критикъ раздавливаетъ граціознаго акробата фразы; „что за глупцы наши остроумцы“! И, замѣтьте, опять-таки это серьезное и страстное отношеніе къ дѣлу характеризуетъ Золя не только какъ литератора, но и какъ человѣка.

Прибавлю новый и существенный штрихъ къ физіономіи Золя: онъ поражаетъ уравновѣшеннымъ и солиднымъ разсудкомъ, не блестящимъ, не особенно оригинальнымъ, но вѣрно оцѣнивающимъ отношенія и связь вещей. Подумайте, какое преимущество это свойство даетъ человѣку, одаренному сильной волею, большимъ самолюбіемъ и убѣжденною страстностью. И вотъ вамъ доказательство отъ противнаго: отнимите этотъ серьезный поло-

жительный умъ, и сильная воля заведетъ васъ въ тупикъ неразсчетливаго упрямства, и крупное самолюбіе будетъ ежеминутно ставить васъ въ смѣшное положеніе, а страстность заставитъ васъ не во время терять голову. Умъ у Золя былъ какъ бы громаднымъ и тяжелымъ регуляторомъ, который давалъ ровный ходъ всему психическому аппарату.

Я прибавлю, что Золя, отличаясь большою правдивостью, возмущается, благодаря солиднымъ свойствамъ ума, главнымъ образомъ „нелогическими вещами", какъ говоритъ одинъ изъ его біографовъ, и приходитъ въ состояніе гнѣва подъ вліяніемъ „не столько физическаго насилія надъ его личностью, сколько оскорбленія, нанесеннаго его нравственной личности, и сознанія несправедливой вещи". Эти строки, написанныя до дѣла Дрейфуса, прекрасно объясняютъ, какъ жалкое вранье и ужасающія несправедливости генеральнаго штаба въ процессѣ капитана-еврея могли возбудить негодованіе Золя и бросить его въ борьбу съ безстыднымъ произволомъ преторіанцевъ: онъ лично или Дрейфусъ все равно, но кто-то былъ жертвой низости и вмѣстѣ съ тѣмъ глупости.

Этотъ же солидный умъ, комбинируясь съ крѣпкой волею, обусловливалъ у Золя необычно интенсивное сознательное вниманіе и цѣлесообразность трудовой дѣятельности. Тулузъ, авторъ цитированнаго мною въ началѣ этой статьи „медико-психологическаго изслѣдованія" о Золя (которое портятъ саморекламирующая манера автора и нѣсколько шарлатанское перебираніе физіологическихъ мелочей знаменитости), отмѣчаетъ слабость пассивной, если можно такъ выразиться, естественной памяти у Золя и относительное развитіе сознательной памяти, обусловливаемой вниманіемъ и направляемой на вещи, которыя надо знать. Эта память удерживаетъ въ полѣ своего зрѣнія только то, что полезно въ данный моментъ ея хозяину. Какъ скоро миновала надобность въ извѣстныхъ представленіяхъ, они исчезаютъ, стираются съ этой умственной доски, и она остается такимъ образомъ годною для записи новыхъ необходимыхъ для данной работы впечатлѣній.

Цѣлесообразность трудовой дѣятельности у Золя поражаетъ наблюдателя наравнѣ съ энергіею воли и солидностью ума. Въ извѣстномъ смыслѣ результатъ сочетанія этихъ двухъ послѣднихъ свойствъ,—цѣлесообразность работы является у Золя какъ бы особымъ шестымъ чувствомъ. Почти инстинктивно, въ жизни, какъ въ литературѣ, Золя отыскиваетъ кратчайшій путь къ цѣли, или если и болѣе далекій, то въ концѣ концовъ наивыгоднѣйшій. Все, что отвлекаетъ отъ задуманнаго плана, сурово отстраняется; вредное треніе сведено до минимума въ психической механикѣ Золя. И работа направлена на преодолѣніе лишь неизбѣжныхъ препятствій,—въ чемъ, собственно, и выражается высшій типъ человѣческаго труда.

А надо сказать, что трудъ является потребностью и въ извѣстномъ смыслѣ наслажденіемъ Золя, который, если, въ силу нѣкоторыхъ болѣзненныхъ идей, и мучится сомнѣніями насчетъ результатности своей работы, то все же не можетъ существовать безъ дѣятельности: трудъ—это его главный импульсъ въ жизни. Ибо, говоря вообще, основной фонъ характера Золя составляетъ нелюдимость и угрюмость, и его міровоззрѣніе было подернуто до самаго послѣдняго времени пессимистическимъ колоритомъ. Золя цѣнитъ дружбу и симпатіи немногихъ близкихъ людей; но въ обществѣ чувствуетъ себя стѣсненнымъ, а къ публичной дѣятельности, не смотря на свои запоздалыя усилія измѣнить это, относится скорѣе съ отвращеніемъ. Интересно, что въ женщинахъ,—которыя, по его собственному признанію, играли роль въ его аффективной жизни скорѣе въ моменты своего отсутствія, вызывавшаго инстинктивное къ нимъ тяготѣніе, чѣмъ благодаря своей обычной близости,—въ женщинахъ Золя цѣнитъ прежде всего здоровье и доброту; умственное развитіе, пожалуй, его не столько привлекаетъ, сколько смущаетъ въ нихъ.

Самъ Золя, по отзывамъ близкихъ людей, отличался добрымъ сердцемъ, не смотря на угрюмый или гордый видъ, отталкивающій незнакомыхъ. Онъ много помогалъ людямъ, поставленнымъ въ затруднительныя обстоятельства, хотя всегда дѣлалъ это по возможности скрытно, такъ что даже образовалась легенда о его скупости, тѣмъ болѣе, молъ, отвратительной,—говорили враги,—чѣмъ съ большимъ тщеславіемъ выскочки онъ старался окружать себя лично не только простымъ комфортомъ, но самой крикливой роскошью. Здѣсь мы подходимъ къ пункту, въ которомъ намъ придется оставить Золя, какъ человѣка, чтобы разсмотрѣть его, какъ мыслителя.

Я, дѣйствительно, не разъ задавался вопросомъ, почему у Золя несомнѣнно была развита эта мѣщанская сторона, которая такъ сильно напоминаетъ обычные пріемы разбогатѣвшаго буржуа, скупающаго всевозможныя рѣдкости, вѣчно перестроивающаго свое помѣщеніе и не понимающаго всей низменности этого времяпрепровожденія, разъ оно переходитъ извѣстныя границы. Добро бы Золя былъ тонкимъ любителемъ искусствъ; но сами же друзья говорили, что онъ былъ равнодушенъ къ цѣлымъ отраслямъ и цѣлымъ школамъ изящнаго, а скупалъ дорогія и рѣдкія вещи скорѣе потому, что удовлетворялъ этимъ своимъ „раннимъ мечтамъ объ обстановкѣ“, когда еще былъ молодъ и голодалъ. И вотъ эти мечтанія воплотились въ средневѣковыхъ церковныхъ стеклахъ, итальянской и голландской мебели, обюссоновскихъ коврахъ и вплоть до пресловутой кровати въ стилѣ

Генриха II, въ которой бѣдняга Флоберъ столько разъ желалъ выспаться на романтическій ладъ...

Для меня отвѣтомъ на эту психологическую задачу являлось всегда то соображеніе, что до самаго послѣдняго времени Золя былъ типичнымъ буржуа. Онъ не только считалъ вполнѣ законнымъ тратиться на роскошь, не смущаясь соображеніями о громадной арміи голодающихъ въ современномъ обществѣ; но онъ съ свойственною ему энергичною гордостью старался подчеркнуть внѣшнимъ осязательнымъ образомъ успѣхъ, котораго онъ добился среди безконечной борьбы съ врагами и на поприщѣ самой ожесточенной конкурренціи. Золя, какъ мыслитель, былъ, по моему, много хуже, чѣмъ Золя, какъ человѣкъ. Въ силу извѣстныхъ условій, онъ рано зарядился мѣщанскими идеями относительно современнаго строя и, по обыкновенію, проводилъ ихъ съ страстною рѣзкостью. Конечно, онъ былъ правъ, отвѣтивъ на клеветы враговъ, обвинявшихъ его въ писаніи только ради денегъ, что лично онъ не придаетъ никакого значенія деньгамъ, что онъ презираетъ ихъ; и это только показываетъ, что именно какъ человѣкъ онъ стоялъ выше своихъ общественныхъ идей. Но какъ вы переварите хотя бы слѣдующія мѣста изъ его статьи о „деньгахъ въ литературѣ“:

Знаете, что должно дать намъ въ настоящее время достоинство и уваженіе? Это—деньги. Глупо декламировать противъ денегъ, представляющихъ значительную соціальную силу. Лишь совсѣмъ молодые люди могли бы повторять общія мѣста насчетъ униженія литературы, склоняющейся предъ золотымъ тельцомъ; они ничего не знаютъ, они не могутъ понять справедливости и честности денегъ... Если вы талантъ, если вы сила, то вы во чтобы то ни стало, но достигнете славы и богатства. Такъ сложилась жизнь, такова эпоха... Надо заявить начисто: слабые въ литературѣ не заслуживаютъ никакого интереса. Почему, если они слабы, они питаютъ самолюбивую мысль быть сильными? Никогда крикъ «горе побѣжденнымъ»! не былъ болѣе умѣстенъ... Слабые погибаютъ, не смотря на покровительство: сильные успѣваютъ посреди всевозможныхъ препятствій; и такова мораль всей исторіи... Великій законъ жизни есть борьба; вамъ никто ничего не долженъ, и вы фатально восторжествуете, если вы сила; а если погибнете, то даже и не жалуйтесь, потому что ваше пораженіе было справедливо. А затѣмъ имѣйте уваженіе къ деньгамъ, не впадайте въ дѣтскія обличенія поэтовъ, декламирующихъ противъ денегъ; деньги—наше мужество, наше достоинство, наше, т. е. писателей, которые нуждаются въ свободѣ, чтобы говорить все; деньги дѣлаютъ изъ насъ умственныхъ вождей вѣка, единственно возможную аристократію *).

Я думаю, трудно представить себѣ болѣе энергичную пѣснь торжествующей любви къ современному обществу и его грызнѣ. И вы поймете, какъ Золя, увлекаемый съ молодости буржуазными идеями о благодѣтельности борьбы, могъ, добившись успѣха, подчеркивать свой тріумфъ внѣшнею роскошью, даже, можетъ быть, лично и не особенно интересуясь всѣми этими коврами и

*) *Le Roman expérimental*; Парижъ, 1887, 7-е изд., стр. 189—202, passim.

мебелями... Разъ мы перешли теперь къ характеристикѣ Золя, какъ мыслителя, то попробуемъ продолжать этотъ анализъ.

Солидный, но не особенно оригинальный, а въ теоретической области и совсѣмъ посредственный, умъ Золя сдѣлалъ его жертвою тѣхъ идей, которыя преимущественно царили въ буржуазіи въ тотъ моментъ, когда писатель пробуждался къ сознательной жизни и выработывалъ себѣ міровоззрѣніе. Ибо надо повторять для надлежащаго пониманія Золя-мыслителя, что, обладая большою иниціативностью въ сферѣ характера, онъ далеко не отличается этою иниціативностью въ области теоретическаго мышленія. Здѣсь умъ Золя не умъ учителя, а умъ ученика, которому нужно, чтобы извѣстная система вошла въ моду, по крайней мѣрѣ, въ довольно обширной части интеллигенціи. И лишь тогда смѣлый ученикъ, упростивъ, обостривъ и—отчего не сказать?—исказивъ идею, будетъ убѣжденно и страстно защищать ее. Въ приведенной только что цитатѣ читатель, несомнѣнно, уже обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что даже буржуазное пониманіе зоологическаго закона борьбы Золя выражаетъ въ каррикатурной формѣ восхваленія успѣха и денегъ, т. е. точь въ точь такъ, какъ могла воспринять этотъ законъ буржуазія второй имперіи въ началѣ 60-хъ годовъ.

Но другія общія идеи Золя не менѣе того отражаютъ на себѣ время ихъ воспринятія, которое является какъ разъ и временемъ ихъ распространенія въ банальной формѣ: Золя-мыслитель не забѣгаетъ, а слѣдуетъ за эпохой. Возьмемъ его другую идею: презрѣніе къ политикѣ. Что это,—помимо знакомаго уже намъ презрѣнія художника къ общественной жизни,—какъ не отраженіе той политической усталости, которая овладѣла буржуазіей на рубежѣ 50-хъ и 60-хъ годовъ послѣ сопротивленія, послѣдовавшаго непосредственно за декабрьскимъ переворотомъ? Вы думаете, что мое объясненіе натянуто? Но оно слѣдуетъ изъ словъ самого Золя. Прочитайте, по поводу одной книги Жюля Валлэса, статью о немъ въ „Фигаро“ Золя, который, называя политику „каторжнымъ острогомъ“ и провозглашая „верховность литературы“—таково и само заглавіе статьи—какъ нельзя болѣе ясно различаетъ между двумя поколѣніями молодежи. Во-первыхъ, поколѣніе Жюля Валлэса и Ранка: „они,—говоритъ Золя,—въ двадцать лѣтъ принадлежали въ латинскомъ кварталѣ къ бандѣ, мечтавшей о цареубійствѣ“. А „наша банда“,—продолжаетъ Золя,—„десять лѣтъ спустя мечтала о литературной славѣ“. И далѣе:

Я вспоминаю о нашей бандѣ. Политика возбуждала въ насъ отвращеніе... Пренебрегая дѣйствіемъ, мы цѣликомъ отдались литературѣ и наукѣ, рѣшившись дѣйствовать въ высшей сферѣ мысли. Позже рѣшать, кто сдѣлалъ лучшее дѣло: поколѣніе ли молодежи, которая конспирировала, мечтала о свободѣ путемъ баррикадъ и полиціи (намекъ на диктаторскія тенденціи

Ранка. Н. К.), или другое поколѣніе молодежи, которое желало свободы путемъ натуралистической эволюціи нашего вѣка, путемъ новыхъ методовъ наблюденія и опыта. Я думаю, что истина съ нами *).

Точно также раньше я указывалъ, что въ то время, какъ идеи Тэна въ началѣ 60-хъ годовъ пробивали себѣ дорогу, возбуждая скандалъ у традиціонныхъ историковъ литературы, Золя отказывался слѣдовать за детерминистскими абстракціями философа; когда же эти идеи пріобрѣли себѣ право гражданства, Золя присвоилъ ихъ себѣ, но такъ упростилъ и обострилъ, что самъ Тэнъ, по словамъ его друзей, съ ужасомъ отшатнулся отъ „натурализма“ и умышленно молчалъ о проявленіяхъ „экспериментальнаго романа“. Наконецъ, возьмемъ эту теорію „экспериментальнаго романа“, какъ ее развилъ Золя. Ранѣе я указалъ, откуда онъ получилъ первый толчокъ въ этомъ направленіи, и какъ онъ вздумалъ „продолжать“ идеи Клода Бернара о научномъ методѣ, перенося пріемы опыта и наблюденія изъ біологіи въ литературу. Посмотримъ, какому упрощенію и крупному логическому искаженію подверглись взгляды ученаго физіолога, приложенные Золя къ роману.

Клодъ Бернаръ, какъ извѣстно, говорилъ лишь о значеніи наблюденія и опыта при изученіи организма. Золя хочетъ буквально прилагать эти пріемы къ литературѣ, и въ своемъ „экспериментальномъ романѣ“ совершаетъ слѣдующую колоссальную, можно сказать, ребяческую, ошибку, комментируя методъ художественнаго творчества Бальзака, по его мнѣнію, законнаго отца „натурализма“, такимъ образомъ:

Я возьму въ примѣръ фигуру барона Гюло въ «Кузинѣ Беттѣ». Общій фактъ, наблюдаемый Бальзакомъ, состоитъ въ опустошеніи, которое любовный темпераментъ человѣка производитъ въ немъ самомъ, въ его семьѣ и въ обществѣ. Какъ только авторъ выбралъ свой сюжетъ, онъ отправился отъ наблюденныхъ фактовъ, а потомъ прибѣгнулъ къ опыту, подчиняя Гюло ряду испытаній, заставляя его проходить чрезъ ту или иную среду, чтобы показать функціонированіе механизма страсти. Очевидно, слѣдовательно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не только съ наблюденіемъ, но и съ опытомъ, такъ какъ Бальзакъ не ограничивается лишь ролью фотографа по отношенію къ собраннымъ имъ фактамъ, но непосредственно вмѣшивается въ дѣйствіе съ тѣмъ, чтобы поставить своего героя въ условія, которыхъ онъ остается господиномъ. Проблема состоитъ въ томъ, чтобы узнать, что́ извѣстная страсть, дѣйствующая въ такой или иной средѣ, при такихъ или иныхъ обстоятельствахъ, произведетъ съ точки зрѣнія личности и общества; и экспериментальный романъ, напримѣръ, «Кузина Бетта», есть не что иное, какъ протоколъ опыта, который романистъ повторяетъ на глазахъ публики **).

И не привыкшій къ отвлеченной мысли, умъ Золя ни разу не спроситъ себя, да гдѣ же, наконецъ, происходитъ этотъ пре-

---

*) *Une campagne*; Парижъ, 1882, стр. 316, 319.

**) *Le roman expérimental*, стр. 8.

словутый опытъ надъ художественнымъ типомъ, какъ не въ головѣ самого романиста. Ибо говорить серьезно, а не фигурально лишь, что Бальзакъ продѣлываетъ эксперименты надъ своимъ героемъ, значитъ утверждать, что творцу „Человѣческой комедіи" была дана судьбой божественная привилегія взять заправскаго субъекта, подвергать его дѣйствительнымъ испытаніямъ и записывать результаты воздѣйствія умышленно перемѣняемой среды на этого реальнаго человѣка. Но достаточно выразить въ этихъ терминахъ роль Бальзака, чтобы понять, что здѣсь и рѣчи быть не можетъ объ экспериментальномъ методѣ, и что художнику остается только наблюденіе да еще творческое конструированіе возможной эволюціи характера.

Нечего говорить, что это странное недоразумѣніе, эта грубѣйшая логическая ошибка была подхвачена врагами „натурализма"; и еще въ 1880 г. Брюнетьеръ иронизировалъ надъ Золя, беря въ примѣръ типъ пьяницы Купо изъ „Вертепа":

Очевидно, г. Золя не знаетъ, что такое «экспериментировать», ибо романистъ, какъ и поэтъ, если и экспериментируетъ, то можетъ продѣлывать это только надъ самимъ собой, а отнюдь не надъ другими. Дѣлать опытъ надъ Купо значило бы добыть себѣ въ частную собственность живого Купо, ежедневно спаивать его пьянымъ въ опредѣленной дозѣ, помѣшать ему при этомъ всякое дѣйствіе, которое могло бы прервать или отклонить правильный ходъ опыта, и, наконецъ, вскрыть пьяницу на операціонномъ столѣ, какъ только онъ представитъ характеристичный случай алкоголизма *).

Съ тѣхъ поръ это разсужденіе было подхвачено врагами новой школы. Такъ его недавно снова развивалъ въ своемъ крайне пристрастномъ этюдѣ о Золя раздутый клерикалами и реакціонерами критикъ Думикъ **).

Меньше, насколько я знаю, было обращено вниманіе на основное противорѣчіе между формулою „экспериментальнаго романа" и опредѣленіемъ художественнаго произведенія, какъ „уголка внѣшняго міра, видимаго сквозь темпераментъ худжоника". Замѣтьте, отъ этого ранняго своего опредѣленія Золя не отказался въ теченіе всей своей жизни. Наоборотъ, онъ часто подчеркивалъ роль и значеніе темперамента артиста, придавая даже особую цѣну произведеніямъ, въ которыхъ по возможности рѣзко проявлялась личная, оригинальная нота (напр., въ своемъ хвалебномъ разборѣ Альфонса Додэ). Спрашивается теперь, если романистъ долженъ быть продолжателемъ физіолога, то какъ смотрѣть на игру его темперамента? Темпераментъ по необходимости долженъ вносить личный колоритъ въ работу художника. А

*) F. Brunetière, *Le roman naturaliste*; Парижъ, 7-е изд., 1896, стр. 123—124.

**) См. René Doumic, *Portraits d'ecrivains*; Парижъ, 1897, 3-е изд., стр. 227—228.

между тѣмъ, экспериментальный методъ строго предписываетъ ему составлять лишь „протоколъ“ дѣйствительности. Личная нота должна такъ или иначе подвергать аберраціи, отклоненію то, что видитъ артистъ. И, однако, онъ долженъ воспроизводить по возможности точно „документъ“, „кусокъ реальной жизни“. Что сказали бы о физіологѣ, который придавалъ бы тѣмъ большее значеніе своимъ работамъ, чѣмъ больше было бы у него такихъ аберрацій при наблюденіи и опытѣ? И не пытаются ли въ точныхъ наукахъ даже при простомъ наблюденіи опредѣлить коэффиціентъ личныхъ ошибокъ, чтобы по возможности ближе подойти къ объективному факту? Словомъ, одно требованіе эстетическаго міровоззрѣнія Золя противорѣчитъ другому, и оба они взаимно уничтожаютъ другъ друга.

Я не буду уже говорить еще объ одномъ любимомъ конькѣ „натурализма“ Золя: необходимости для романиста изгнать всякую нравственную задачу изъ своего произведенія и, опять-таки на подобіе ученаго физіолога, безстрастно предъявлять читателю свои документы, не останавливаясь ни передъ какими соображеніями приличія, чувства отвращенія и просто спеціальными условіями художественнаго творчества. Въ сущности это безстрастіе вело практически къ нагроможденію въ романѣ исключительно низкихъ и грязныхъ сторонъ человѣка и находилось въ тѣсной связи съ буржуазнымъ пессимизмомъ Золя, который до самаго послѣдняго времени видѣлъ въ людскомъ общежитіи лишь игру и столкновеніе враждебныхъ аппетитовъ. Вся его „Кампанія“ 1880—1881 г. въ „Фигаро“ исполнена презрѣнія къ стараніямъ политическихъ дѣятелей вмѣшиваться въ ходъ исторіи. И иныя изъ его статей могъ бы подписать самый отчаянный консерваторъ, апеллируя, впрочемъ, отъ мерзостей сей юдоли плача къ необходимости какого-нибудь мистическаго утѣшенія. Я напомню читателю, что въ справедливой порою критикѣ реторическихъ преувеличеній Гюго, нашъ „натуралистъ“ любилъ зачастую ополчаться на „вредное гуманитарничанье“, и что онъ считалъ Гюго особенно вреднымъ, когда тотъ

> мечтаетъ о всеобщемъ поцѣлуѣ народовъ, о концѣ войнъ, о пришествіи человѣчества въ свѣтлый городъ будущаго, гдѣ всѣ заживутъ въ полномъ блаженствѣ. Но это видѣніе поэта показываетъ лишь, въ какой степени его умъ далекъ отъ ума мыслителя и ученаго *).

И стараясь привить юношеству „ненависть ко всякимъ идоламъ, въ особенности же къ идоламъ гуманитарныхъ мечтаній“, Золя не безъ гордости взываетъ къ будущему: „будущее меня разсудитъ“ **). И будущее разсудило: двадцать лѣтъ спустя Золя

---

*) *Une campagne*, стр. 51.
**) Ibid., стр. 53.

съ жаромъ пропагандировалъ „гуманитарныя мечтанія“, и самъ строилъ въ своихъ романахъ тотъ „свѣтлый городъ будущаго, гдѣ всѣ заживутъ въ полномъ блаженствѣ“.

Такимъ образомъ, отъ эстетическихъ идей Золя оставалось лишь требованіе, обращенное къ романистамъ, по возможности точно изучать реальную жизнь. Но, очищенное отъ прежнихъ боевыхъ парадоксальностей, чѣмъ отличается это требованіе отъ того хотя бы начала, которое проникаетъ гуманный русскій реализмъ, выдвинувшій міровыхъ художниковъ слова?

Наиболѣе ярко индивидуальность Золя проявляется въ художественной области: какъ бы ни относиться къ его характеру, его идеямъ, Золя, какъ художникъ, сильно импонируетъ васъ. Вы можете не выносить его артистическихъ пріемовъ, можете негодовать на утрированную грубость его кисти; но вы не въ состояніи отдѣлаться отъ того впечатлѣнія, что передъ вами крупная сила, несомнѣнный и оригинальный талантъ.

Я поневолѣ задумался надъ ироніей судьбы и превратностью нашихъ оцѣнокъ, зачастую диктуемыхъ предубѣжденіемъ, когда вспомнилъ, что никто изъ видныхъ французскихъ критиковъ не судилъ такъ несправедливо Золя, какъ Анатоль Франсъ *), тотъ самый Франсъ, который произнесъ такую прекрасную рѣчь надъ свѣжей могилой Золя; и никто изъ этихъ же критиковъ не охарактеризовалъ такъ вѣрно силу творчества „натуралиста“, какъ Жюль Леметръ **), тотъ самый Леметръ, который играетъ теперь одну изъ первыхъ ролей въ лагерѣ націоналистовъ. И у меня возникло желаніе снова провести параллель между двумя братьями-близнецами диллетантской критики, которыхъ я разсмотрѣлъ въ свое время въ статьѣ о французской критикѣ и которые съ тѣхъ поръ вышли, подъ вліяніемъ дѣла Дрейфуса, изъ состоянія эпикурейскаго индифферентизма, чтобы разскочиться въ разныя стороны. Но возвратимся къ Золя...

Пріемы художественнаго творчества „натуралиста“ въ значительной степени объясняются самымъ методомъ работы, который избралъ себѣ Золя, хотя за всѣмъ тѣмъ остается тотъ неразложимый элементъ, что придаетъ оригинальность этому крупному артисту. Итальянецъ Эдмондо-де-Амичисъ, французы Поль Алексисъ, Фернандъ Ксо, докторъ Тулузъ разсказали намъ подробно

---

*) Anatole France, *La vie littéraire*; Парижъ, серія I, 5-е изд. 1897, стр. 226—238 (по поводу «Земли»); серія II, 1897, стр. 284—291 (по поводу «Грезы»); серія III, 1895, стр. 319—330 (по поводу «Человѣка-звѣря»), и т. д.

**) Jules Lemaitre, *Les contemporains;* Парижъ, серія I, 15-е изд. 1890, стр. 249—284 (общая критика); серія IV, 10-е изд., 1889, стр. 264—289 (о «Шедеврѣ» и «Грезѣ»), и т. п.

и со словъ самого Золя, какъ онъ принимается за работу, задумываетъ и пишетъ свой романъ. Мы знаемъ, что тутъ нѣтъ мѣста классическому вдохновенію и романтическому наитію святого духа поэзіи. Золя, установивъ сюжетъ своего романа, т. е. вѣрнѣе тотъ „уголокъ міра", который будетъ описывать, — напримѣръ, желѣзныя дороги, биржу, рудникъ, — старается накопить возможно большую массу документовъ изъ этой области и для того лично знакомится съ средой, типами, разспрашиваетъ знающихъ людей, но въ особенности,—и я обращаю вниманіе на это обстоятельство,—прибѣгаетъ къ изученію книжныхъ матеріаловъ, спеціальныхъ сочиненій и т. п. Когда въ головѣ романиста накопилось достаточное число впечатлѣній среды, фактовъ, типовъ, онъ старается найти нить, которая связала бы всѣ эти разрозненные куски въ одно цѣлое. Интересно, что при этомъ, какъ опять таки говоритъ самъ романистъ, играетъ главную роль не воображеніе, а логика.

Выясняя для самого себя основную фигуру романа, строя второстепенныхъ лицъ, окружая ихъ извѣстными условіями среды и ставя ихъ лицомъ другъ къ другу и съ различными гипотетически выбираемыми событіями, Золя все время держитъ къ себѣ „монологъ" и вопрошаетъ себя, какъ должны реагировать въ такомъ-то случаѣ герои, и что изъ этого выйдетъ. Кстати сказать, Золя упрекали въ томъ, что онъ злоупотребляетъ словомъ conquérir „завоевывать, завладѣвать", какъ выраженіемъ своей властной и энергичной натуры. Меня, наоборотъ, поразила частота употребленія другого слова—особенно въ критическихъ и публицистическихъ статьяхъ: это слово déduire „выводить", показывающее, что логика является одной изъ основныхъ пружинъ „темперамента" Золя.

Какъ бы то ни было, въ одно прекрасное утро, когда монологъ Золя съ самимъ собою уже вылился на бумагу въ формѣ подробнаго общаго плана романа и характеристическихъ примѣтъ героевъ — я пропускаю нѣкоторыя техническія подробности этой работы—въ одно прекрасное утро, говорю я, въ головѣ художника всѣ нити фабулы срослись въ одно цѣлое, и авторъ садится для того, чтобы писать уже самый романъ. Всѣ „документы" на лицо и размѣщены въ строгомъ порядкѣ по разнымъ отдѣламъ: остается ихъ утилизировать по мѣрѣ того, какъ этого требуетъ развитіе дѣйствія, и порою въ самомъ процессѣ работы производить нѣкоторыя перемѣщенія.

Но планъ выполняется шагъ за шагомъ и вполнѣ методически. Каждый день, всегда утромъ, Золя работаетъ три, много четыре часа и въ это время успѣваетъ написать пять страницъ большого формата своимъ энергичнымъ, разборчивымъ, средней величины почеркомъ (см. образецъ его на стр. 192 — 193 этюда Тулуза), что соотвѣтствуетъ тремъ печатнымъ страницамъ типич-

наго для Франціи томика in 18. Такъ какъ все въ головѣ романиста приведено въ ясность, то вещь пишется почти безъ помарокъ и сдается въ типографію въ очень удобномъ видѣ для печатанія. Даже корректурныя поправки очень немногочисленны; и если прежде Золя держалъ двѣ корректуры, то въ послѣднее время онъ ограничивался лишь одной, держа ее уже на сверстанной страницѣ (см. образецъ на стр. 274 книжки Тулуза). И, работая такимъ методическимъ способомъ всего въ теченіе какихъ-нибудь двухсотъ минутъ въ сутки, Золя успѣлъ оставить по себѣ одинъ изъ самыхъ грандіозныхъ памятниковъ французской да, можно сказать, и всемірной литературы.

Подойдемъ поближе къ этому продукту могучаго творчества: какое впечатлѣніе производитъ онъ на васъ? Разверните любой типичный романъ Золя (большинство ихъ, несомнѣнно, удачны). Что васъ поразитъ прежде всего, какъ особенность этихъ произведеній, это необыкновенное накопленіе очень рельефныхъ описательныхъ подробностей. Вы не скоро найдете у другого автора такое обиліе деталей при изображеніи среды, гдѣ происходитъ дѣйствіе. Золя видитъ гораздо больше этихъ деталей, чѣмъ другой художникъ, и гораздо больше воспроизводитъ ихъ. При этомъ не одно чувство зрѣнія доставляетъ ему ихъ, но и чувство обонянія: докторъ Тулузъ былъ пораженъ обширностью гаммы запаховъ, которые способенъ различать и точно оцѣнивать Золя. Его знаменитая „симфонія сыровъ“ въ „Чревѣ Парижа“, надъ которою такъ потѣшались враждебные критики, представляетъ образчикъ этой описательной способности.

Надо признаться, что богатство внѣшнихъ деталей зачастую подавляетъ читателей Золя: вы переполнены ими; онѣ производятъ на васъ почти тягостное впечатлѣніе; у васъ рябитъ въ глазахъ. И, привыкшіе, благодаря классической традиціи, къ умѣренному употребленію второстепенныхъ подробностей, французы находятъ, что въ этомъ отношеніи Золя наименѣе національный ихъ писатель. За то какое могучее впечатлѣніе остается у васъ, когда эти детали сростаются въ одно цѣлое и когда, оставивъ за собою нѣсколько надоѣвшее вамъ изображеніе внѣшней обстановки, вы, однако, чувствуете, что незамѣтно пропитались ею, и что она все время окружаетъ васъ. А Золя неутомимъ и неумолимъ: онъ снова и снова возвращается отъ времени до времени къ описанію кадра дѣйствія и снова наполняетъ, насыщаетъ васъ этой картиною, нарочно развертывая ее передъ вашими глазами въ разныя времена года и часы дня. Вспомните въ „Чревѣ Парижа“ фигуру—я говорю фигуру, потому что тутъ, дѣйствительно, неодушевленная вещь живетъ и дышетъ,—вспомните фигуру центральнаго рынка днемъ, ночью, въ дождь, въ вёдро, весною, когда всѣ близь лежащія улицы залиты моремъ

фруктовъ на повозкахъ и т. д. Вспомните картину кабака въ „Вертепѣ“ съ его перегоннымъ кубомъ и трубою змѣевика, льющими и день и ночь ядъ въ жилы цѣлаго народа. Вспомните видъ „Дамскаго Рая“ при различныхъ перипетіяхъ гигантской борьбы крупнаго капитала съ жалкой пылью мелкихъ: магазинъ въ дни выставки бѣлья, распродажи, сведенія счетовъ и т. д. Вспомните въ „Жерминалѣ“ вѣчно живущее и пожирающее людей чудище рудника, въ „Страницѣ любви“ пять разъ повторяющуюся картину Парижа, въ „Человѣкѣ-звѣрѣ“ вѣчный грохотъ и суетню желѣзныхъ дорогъ. Въ концѣ концовъ, ансамбль деталей производитъ на васъ поразительное, почти гипнотизирующее дѣйствіе; и вы чувствуете, что вмѣстѣ съ героями вы вошли въ кадръ, вошли внутрь романа и живете въ немъ реальною жизнью, видите то, что видятъ они, вдыхаете въ себя запахи, которые они вдыхаютъ, и начинаете на подобіе ихъ реагировать на условія окружающей среды.

Здѣсь—любопытная подробность, касающаяся художественнаго творчества Золя. Онъ всегда напиралъ на необходимость накопленія „документовъ“ изъ дѣйствительной жизни. Но, изъ словъ его же друзей, выходитъ, что онъ прибѣгалъ при этомъ по преимуществу къ книжному изученію и непосредственное знакомство его съ „уголкомъ внѣшняго міра“ въ любомъ романѣ было очень поверхностно. Придворная среда, описанная въ „Его превосходительствѣ Эженѣ Ругонѣ“, была изображена на основаніи записокъ императорскаго лакея и кой-какихъ личныхъ воспоминаній Флобера, который бывалъ приглашаемъ на придворные вечера. Міръ актрисъ, кокотокъ и жуировъ, изображенный въ „Нана“, былъ обрисованъ на основаніи впечатлѣній, извлеченныхъ,—замѣтьте это—изъ нѣсколькихъ вечеровъ, проведенныхъ за кулисами театра, посѣщенія отеля и ужина шикарной дамы полусвѣта, и пикантной исповѣди одного свѣтскаго жуира. Все остальное—книга и разспросы. Для „Жерминаля“ Золя спустился разъ въ рудникъ, для „Человѣка-звѣря“ проѣхался на локомотивѣ отъ Парижа до Манта, т. е. на разстояніи 60 верстъ.

Поневолѣ задаешься вопросомъ насколько, вообще, интенсивность впечатлѣнія чего-то глубоко реальнаго въ произведеніяхъ Золя зависитъ отъ дѣйствительно подробнаго и непосредственнаго изученія авторомъ „уголка“ жизни, и насколько отъ замѣчательной художественной логики и творческой интуиціи при оперированіи надъ сравнительно бѣднымъ личнымъ матеріаломъ. Начинаешь понимать вмѣстѣ съ тѣмъ, почему Золя инстинктивно въ особенности напиралъ не столько на внутреннюю жизнь описываемаго имъ слоя или группы людей, сколько на внѣшній, чисто матеріальный кадръ ихъ дѣятельности. Видѣть зданіе, запомнить общее впечатлѣніе отъ быстро несущагося поѣзда, сохранить въ мозгу идейную фотографію жизни рудокоповъ, кишащей

подъ землею — несомнѣнно легче, чѣмъ исподволь, постепенно войти въ духовную атмосферу извѣстнаго класса, сословія, корпораціи, семьи и воспроизвести ихъ психологію. Упрекалъ же соціалистъ Феликсъ Піа нашего „натуралиста“ въ томъ, что, описывая рабочихъ въ „Вертепѣ“, онъ лишь совершилъ плагіатъ изъ одной буржуазной книжки („Le sublime“ Дени Пуло), и что, дѣлая экскурсіи въ міръ пролетаріата, Золя видѣлъ только пьяницъ Купо, но не видѣлъ героевъ Варлэновъ.

Вообще же, враждебные критики всегда поставляли на видъ отсутствіе всякой психологіи у Золя и противополагали рельефность его описанія матеріальной среды бѣдности духовнаго міра его героевъ. Но тутъ надо условиться. Золя, упорный и энергичный, хотя не тонкій и не оригинальный мыслитель, былъ глубоко послѣдователенъ въ приложеніи нѣкоторыхъ своихъ общихъ идей къ художественному творчеству. „Человѣкъ-звѣрь“ можетъ быть поставлено заглавіемъ въ сущности на любомъ изъ его романовъ. Буржуазный пессимизмъ, видящій въ людскомъ обществѣ лишь свирѣпую борьбу аппетитовъ, только въ послѣдніе годы жизни уступилъ у Золя гуманитарному оптимизму. И если идеалистъ и кантіанецъ Шиллеръ могъ сказать, что человѣчествомъ правятъ двѣ великія силы, „голодъ и любовь“ (Hunger und Liebe), то насколько же съ большимъ жаромъ и энергіей могъ исповѣдывать эту философію исторіи Золя, пессимистическій глазъ котораго съ самой юности видѣлъ въ мірѣ лишь вражду и лишь господство инстинктовъ. Эту психологію, упрощающую, абстрагирующую и — опять-таки почему не сказать этого?—искажающую человѣка, Золя съ упорствомъ проводилъ во всѣхъ своихъ романахъ, въ которыхъ, что бы ни говорили его ученики, не только хорошіе, но порядочные средніе люди составляютъ незначительную пропорцію героевъ.

Но въ этой пессимистической сферѣ Золя, силою художественной логики, достигалъ замѣчательныхъ результатовъ. И друзья его нѣсколько разъ указывали на то обстоятельство, что какъ только критики поднимали вой противъ Золя за неественное искаженіе характера героевъ, за ихъ умышленное озвѣреніе, такъ сейчасъ же дѣйствительность словно нарочно порождала жизненный фактъ въ подтвержденіе взгляда Золя и въ посрамленіе его критиковъ. Такъ, сцена любви и убійства изъ-за ревности на днѣ обрушившейся шахты въ „Жерминалѣ“ была, не смотря на свою неправдоподобность на первый взглядъ, разыграна словно по нотамъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ одномъ изъ сѣверныхъ департаментовъ при взрывѣ гремучаго газа въ рудникѣ. Ужасная подробность увѣченія развратника стачечниками, описанная въ томъ же „Жерминалѣ“, годъ спустя была словно скопирована съ романа во время деказвильской стачки 1886 г. И одинъ изъ крупныхъ дрейфусаровъ обратилъ мое вниманіе на

то, что въ знаменитомъ письмѣ „Я обвиняю“ Золя, еще не зная въ то время подробностей махинаціи генеральнаго штаба, поистинѣ съ чуткостью и художественною логикою великаго романиста заранѣе пророчески изобразилъ роль каждаго изъ участниковъ въ возмутительной судебной драмѣ. Итакъ, если подъ психологіей разумѣть совокупность простѣйшихъ движеній души, первобытныхъ аффектовъ, импульсовъ и инстинктовъ, наименѣе удаленныхъ отъ духовнаго міра животныхъ, то этой зоологической психологіи вы найдете у Золя вполнѣ достаточно. И, мало того, игра этого упрощеннаго психологическаго механизма изображена съ такою силою и логикою, что ощущеніе реальности типовъ лишь сравнительно рѣдко уступаетъ впечатлѣнію искусственнаго абстрагированія.

Враги Золя неоднократно смѣялись надъ тѣмъ, что онъ не только надѣляетъ своихъ героевъ какимъ-нибудь изъ примитивныхъ инстинктовъ, но даже на все продолженіе дѣйствія снабжаетъ его и какимъ-нибудь внѣшнимъ тикомъ и даже сопровождаетъ имя его постояннымъ эпитетомъ,—что производитъ, молъ, впечатлѣніе гигантской кукольной комедіи и автоматическаго дѣйствія манекеновъ, лишенныхъ всякаго развитія характера. Это въ извѣстномъ смыслѣ вѣрно, но опять-таки объясняется грубо матеріальной пессимистической абстракціей, которой Золя подвергаетъ душу своихъ дѣйствующихъ лицъ.

Мнѣ, если хотите, этотъ пріемъ напоминаетъ древнихъ эпическихъ поэтовъ. У насъ принято восхищаться „вѣчной человѣческой истиной“, бьющей ключемъ изъ гомеровскихъ прозведеній. Но вдумайтесь хорошенько въ художественные пріемы античныхъ мастеровъ эпоса. Развѣ психологія ихъ героевъ не сведена къ немногимъ инстинктамъ и простымъ аффектамъ? Любовь, ненависть, жажда добычи, славы, соперничество—еле-еле возвышаются у этихъ персонажей надъ уровнемъ зоологической природы. И у каждаго изъ нихъ есть даже свой внѣшній тикъ; и къ имени каждаго поэтъ нисколько не стѣсняется десять, двадцать, сто разъ приклеить ярлыкъ эпитета. Ахиллъ, кажется, только и продѣлываетъ два жеста: онъ или валяется въ палаткѣ, снѣдаемый свирѣпымъ гнѣвомъ на своихъ же товарищей по походу, или носится по полю и раздаетъ смертельные удары врагамъ. И эпитетъ у него постоянно „быстроногій“. „Хитроумный“ Одиссей только и знаетъ, что хитритъ; „сильный“ и „громкоголосый“ Аяксъ вѣчно выставляетъ впередъ свои могучіе кулаки или оретъ благимъ матомъ; „сладкорѣчивый старецъ“ Несторъ, что называется, растекся въ медовыхъ словахъ; даже „благородная“ Пенелопа автоматически продѣлываетъ одинъ жестъ надъ ткацкимъ станкомъ, распуская ткань ночью.

Я нарочно, характеризуя этихъ героевъ Гомера, прибѣгъ къ грубой формѣ: наши педанты-классики своимъ традиціоннымъ

восхищеніемъ мѣшаютъ намъ видѣть, что въ этихъ поэмахъ дѣло идетъ о дикаряхъ, о варварахъ съ зоологической психологіей. И если вы находите вѣчную правду въ ихъ изображеніи, то признайте, что ея достаточно въ мірѣ героевъ, населяющихъ натуралистическій эпосъ Золя, и позвольте мнѣ безъ всякаго смѣха относиться къ манерѣ автора постоянно характеризовать дѣйствующихъ лицъ при ихъ появленіи какой-нибудь обычной примѣтой или тикомъ: позвольте Лизѣ носить ея маску „спокойнаго лица священной коровы", Купо — его „морду веселой собаки", Антуану Маккару сохранить его „зубоскальство хитраго волка", а Фелиситэ ея „полетъ кузнечика", и т. д.

Но гдѣ эпическій талантъ Золя достигаетъ невѣроятныхъ размѣровъ, такъ это въ изображеніи движеній толпы, и по необходимости примитивной психологіи, массъ, увлекаемыхъ какимъ-нибудь общимъ импульсомъ. Ибо если душевный міръ инстинктовъ, аппетитовъ и прочихъ простыхъ чувствъ не исчерпываетъ психологію личности,—а читатель видѣлъ, какое міровоззрѣніе лежало въ основаніи этой односторонней концепціи Золя,—то міръ наиболѣе общихъ, наиболѣе примитивныхъ аффектовъ составляетъ до сихъ поръ психическую подкладку крупныхъ скопленій народа.

И я подчеркиваю то обстоятельство, что здѣсь Золя, увлекаемый художественнымъ чутьемъ, никогда не представлялъ массъ, которыми онъ маневрируетъ въ своихъ романахъ съ такимъ мастерствомъ, исключительно скопленіемъ кровожадныхъ звѣрей. Толпа у Золя, какъ и подобаетъ толпѣ, увлекается какимъ-нибудь простымъ аффектомъ; но онъ можетъ быть и дурнымъ, и хорошимъ. И если въ „Разгромѣ" эпикъ-натуралистъ представилъ намъ безконечныя и жалкія плутанія человѣческаго стада въ солдатскихъ мундирахъ, управляемаго лишь усталостью, страхомъ, недоумѣніемъ, подозрѣніемъ, то въ „Карьерѣ Ругоновъ" онъ хоть на одинъ моментъ развернулъ передъ нами проникнутую идейнымъ энтузіазмомъ процессію инсургентовъ, которые шли сражаться противъ деспотизма за республику. А, наконецъ, знаменитый походъ тысячъ стачечниковъ въ „Жерминалѣ", идущихъ на фатальное столкновеніе съ войсками, развѣ не выражаетъ онъ не только могучій импульсъ голода, но коллективный порывъ толпы къ тому, что казалось ей торжествомъ права и началомъ лучшей жизни:

Глаза горѣли; видны были лишь черныя отверстія ртовъ, пѣвшихъ Марсельезу, строфы которой терялись въ одномъ смутномъ ревѣ, сопровождаемомъ стукомъ деревянныхъ башмаковъ о твердую землю. Надъ головами, между ощетинившимся лѣсомъ желѣзныхъ ломовъ, несся топоръ, обращенный прямо вверхъ, и этотъ единственный топоръ, бывшій словно знаменемъ толпы, показывалъ въ ясномъ небѣ острый профиль ножа гильотины... Гнѣвъ, голодъ, два мѣсяца страданій и этотъ бѣшеный бѣгъ среди рвовъ удлинявшихся

въ челюсти звѣрей спокойныя лица рудокоповъ. Въ этотъ мигъ солнце заходило; послѣдніе темно-пурпурные лучи озарили кровавымъ свѣтомъ равнину. И тогда дорога, казалось, залилась кровью; женщины, мужчины продолжали неетись впередъ, словно обагренные страшной рѣзней мясники.

Я невольно задумался надъ этой страницей, тщетно стараясь подыскать достойный ея переводъ. И мнѣ лишній разъ почувствовалось, что не смотря на отдѣльные изъяны фразъ, ненужныхъ повтореній, грубыхъ выраженій, циническихъ словъ, стиль Золя поражаетъ въ общей совокупности громоздкой, но почти титанической энергіей формы. Уже Брандэсъ, если не ошибаюсь, замѣтилъ, что романтическая лирика Гюго, противъ которой такъ страстно боролся Золя, отомстила противнику тѣмъ, что проникла лучшія мѣста его произведеній. Но, конечно, не однимъ слогомъ будутъ жить—и долго жить—романы Золя: какъ артистъ, онъ упорно отказывался отъ всякой нравственной цѣли въ творчествѣ; и вотъ любимая „натуралистомъ" жизнь, протиснувшись въ его творенія, сама внесла эту нравственную цѣль, ибо въ произведеніяхъ Золя отразился, въ своеобразномъ пессимистическомъ освѣщеніи, весь современный буржуазный міръ.

Критики будутъ придираться къ отдѣльнымъ промахамъ Золя, доискиваться, въ какой степени его „документы" основаны на непосредственномъ изученіи жизни: поставленное имъ требованіе для романиста стремиться къ передачѣ реальной дѣйствительности расшатало и опрокинуло рамки индивидуальнаго романа и заставило его героевъ считаться не только съ красивой игрой чувствованій, но съ давленіемъ великихъ соціальныхъ силъ,—труда, богатства-бѣдности, биржи, банка, желѣзныхъ дорогъ, политической и классовой борьбы, науки и религіи. Важно даже не то, въ какой степени самому Золя удалось точно выразить въ своихъ романахъ могущественное давленіе общества на личность; важно то, что почти всегда онъ упорно и энергично старался погрузить героевъ своихъ романовъ въ общественную атмосферу.

Надо перенестись къ началу 70-хъ годовъ, къ тогдашнему состоянію французской литературы; и станетъ понятнымъ, какую сенсацію должны были произвести романы Золя, которые даже своей внѣшней группировкой въ большія серіи возобновляли традицію Бальзака: изученіе общественной жизни во всѣхъ ея сферахъ. Пусть Золя не смогъ выполнить другую сторону литературной задачи, которую преслѣдовалъ Бальзакъ: созданіе различныхъ психологическихъ типовъ въ рамкахъ современнаго общества. Онъ за то не разъ—и при томъ могуче и художественно—касался психологіи массъ. И кто знаетъ, не въ этомъ ли направленіи будетъ сказано новое слово, котораго ждетъ современное человѣчество, видящее, что „натурализмъ" палъ, не выдержавъ

кризиса, но что не декадентству и не мистицизму удовлетворить запросы нашей эпохи?

Золя, всю жизнь гнавшій идеалъ изъ своихъ произведеній и наканунѣ смерти пропагандирующій его своими романами, не символъ ли это того, что человѣчество жаждетъ идеала? Но горячее сочувствіе массъ къ покойному, унесенному нелѣпой случайностью, не есть ли это признакъ того, что, стремясь къ идеалу, человѣчество желаетъ опираться на реальную почву изученія дѣйствительности? Найдется ли теперь романистъ, который съ энергіею и талантомъ Золя введетъ въ свои произведенія современную быстро измѣняющуюся среду и изучитъ внутри ея ростъ главнаго героя нашихъ дней: толпы, массы, коллективности? Этимъ, можетъ быть, шагомъ современная литература и выйдетъ, наконецъ, изъ состоянія маразма, въ которомъ находится немало лѣтъ и почти повсюду...

Н. Е. Кудринъ.

Политика.

Борьба съ клерикализмомъ во Франціи.—Таможенный вопросъ въ Германіи.—Реакціонная политика англійскаго правительства, ирландцы, либералы. — Вопросъ объ австро-венгерскомъ ауглейхѣ, мадъярская оппозиція, чехи.

I.

Парламенты Франціи, Англіи, Германіи, Австріи и Венгріи одновременно открыли свои осеннія сессіи и всюду это открытіе ознаменовалось важными событіями и всюду эти сессіи обѣщаютъ очень серьезныя рѣшенія съ далеко и глубоко захватывающимъ историческимъ значеніемъ.

Во Франціи палаты собрались 14 (1) октября, при чемъ сразу было внесено нѣсколько интерпелляцій относительно закрытія конгрегаціонисткихъ школъ въ теченіе лѣта этого года. Отъ имени правыхъ интерпеллировалъ Де-Менъ и оставалась еще отложенная интерпелляція Кошэна. Однако, на этотъ разъ интерпеллировали не только правые. Такъ называемые республиканцы-прогрессисты тоже внесли двѣ интерпелляціи. Одну внесъ одинъ изъ вождей группы, представитель Ліона, Энаръ (Aynard), а другую Бенуа, ограничивая ее чисто-юридическою стороною дѣла. Министръ-президентъ Комбъ принялъ всѣ интерпелляціи и просилъ палату безотлагательно назначить ихъ обсужденіе. Предложеніе это единогласно принято и пренія по интерпелляціямъ были немедленно открыты.

Въ виду отсутствія Кошэна, перваго по времени интерпеллянта, пренія открылись рѣчью Де-Мена, который явился выразителемъ желаній и мнѣній всей правой. Въ длинной и горячей рѣчи, католическій лидеръ далъ красивую картину тягостныхъ событій въ Бретани и осыпалъ радикальное правительство обвиненіями въ беззаконіи, произволѣ и тиранніи, рисуя вмѣстѣ съ тѣмъ идиллическую картину тѣхъ услугъ и благодѣяній, которыя оказывали отечеству эти столь безпощадно нынѣ уничтоженныя учрежденія. Де-Мену очень много апплодировали справа, прерывали и шикали слѣва. Это въ порядкѣ вещей, но гвоздь дня или, вѣрнѣе, дней, такъ какъ пренія продолжались четыре дня (14, 15, 16 и 17 октября нов. ст.), былъ въ запросахъ со стороны республиканцевъ. Отъ ихъ имени держалъ рѣчь прежде всего Энаръ. Онъ началъ рѣшительнымъ осужденіемъ той агитаціи, которую ведетъ правая въ союзѣ съ націоналистами, организуя вооруженное сопротивленіе, подстрекая офицеровъ къ неповиновенію, открывая походъ противъ сберегательныхъ кассъ, приглашая не платить налоги, не стѣсняясь въ своихъ нападкахъ ни выраженіями, ни истиной. Рѣзко отдѣливъ себя отъ своихъ союзниковъ, Энаръ обратился къ критикѣ дѣйствій правительства, напирая, главнымъ образомъ, на то, что свобода должна быть соблюдаема прежде всего, и что министерство, закрывая конгрегаціонистскія школы, нарушило принципъ свободы. Самъ ораторъ сочувствуетъ свѣтскому образованію, но не желаетъ стѣснять и свободу конфессіональнаго образованія. Рѣчь Энара была очень апплодирована справа и въ центрѣ, но слѣва была принята довольно сдержанно. Рѣчь Бенуа касалась только нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, администрація, при закрытіи конгрегаціонистскихъ школъ, превысила свои права. Его никто не слушалъ, какъ и послѣдующихъ ораторовъ, кромѣ Жонара, рѣчь котораго произвела большое впечатлѣніе. Членъ группы республиканцевъ-прогрессистовъ, которая возстала противъ министерства (и даже зять Энара), Жонаръ выступилъ съ горячею рѣчью въ защиту правительственной политики, разоблачая всю незаконную организацію клерикаловъ и все значеніе закрытыхъ учрежденій, какъ орудія этой незаконной интриги. Не давать людямъ организовывать систематическое посягательство на законное положеніе страны и не позволять устраивать повсемѣстно закононарушенія отнюдь не значитъ нарушать ихъ свободу. Обильно иллюстрируя свою рѣчь примѣрами систематическихъ закононарушеній со стороны закрытыхъ учрежденій и ихъ покровителей и защитниковъ, ораторъ сдѣлалъ эту рѣчь событіемъ. Горячо принятая слѣва и въ центрѣ, она если не подготовила, то значительно усилила торжество радикальнаго правительства.

Рѣчь Комба, отвѣчавшаго на всѣ интерпелляціи, состояла, главнымъ образомъ, въ разоблаченіи того заговора, который былъ

составленъ реакціонерами и націоналистами, надѣявшимися воспользоваться закрытіемъ конгрегаціонистскихъ учрежденій для переворота. Затѣмъ ораторъ указалъ на полную законность своихъ дѣйствій и на ихъ необходимость, какъ средства самообороны республиканскаго и свѣтскаго режима противъ арміи враговъ республики и свободы, нынѣ лицемѣрно взывающихъ о свободѣ. Послѣ Комба еще говорили нѣкоторые ораторы, но ихъ уже не слушали... Наконецъ, пренія были окончены и предсѣдателями всѣхъ четырехъ группъ союза лѣвыхъ (демократы, радикалы, радикалъ-соціалисты, соціалисты) была внесена формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, въ которой предлагалось одобрить всѣ дѣйствія правительства и выразить довѣріе къ его энергіи въ примѣненіи закона о конгрегаціяхъ. Эта формула была принята при поименномъ голосованіи большинствомъ девяносто шести голосовъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что изъ числа вождей республиканцевъ-прогрессистовъ, кромѣ Энара, подали голосъ противъ правительства Мелинъ, Рибо и Пуанкаре, тогда какъ Барту (постоянный министръ финансовъ въ кабинетахъ Мелина) и Констанъ подали голосъ за правительство, а Кошери не участвовалъ въ голосованіи. Всего на сторонѣ правительства голосовало 45 соціалистовъ, 228 радикаловъ и радикаловъ-соціалистовъ и 51 умѣренныхъ республиканцевъ (демократовъ), а противъ правительства 107 республиканцевъ (въ томъ числѣ и raillés) и 119 монархистовъ и націоналистовъ. Кромѣ того: 15 депутатовъ воздержались отъ голосованія (1 монархистъ, 1 радикалъ и 13 республиканцевъ-прогрессистовъ), 6 націоналистовъ не участвовали въ голосованіи вслѣдствіе назначеннаго палатою слѣдствія о правильности ихъ выбора и 18 депутатовъ отсутствовали въ засѣданіи (4 радикала, 10 прогрессистовъ, 2 монархиста и 2 націоналиста), въ ихъ числѣ Кошери и Дешанель (бывшій предсѣдатель палаты).

Какъ только состоялось это голосованіе и министерство получило это рѣшительное одобреніе своей политики, Комбъ снова взошелъ на трибуну и возвѣстилъ о внесеніи новаго дополнительнаго закона о конгрегаціяхъ и ихъ учрежденіяхъ. Вотъ текстъ этого новаго предложенія правительства:

„Статья 13 закона 1 іюля 1901 года постановляетъ, что никакая конгрегація не можетъ быть учреждена безъ разрѣшенія парламента, а учрежденія, основываемыя этими конгрегаціями, не могутъ быть открываемы иначе, какъ въ силу декретовъ Государственнаго Совѣта. Статья прибавляетъ, что запрещеніе конгрегацій и закрытіе ихъ учрежденій производится тоже декретами. Законъ предвидитъ возможность учрежденія конгрегацій безъ требуемаго разрѣшенія и для предотвращенія такихъ закононарушеній устанавливаетъ наказаніе, налагаемое судомъ. За открытіе же конгрегаціонистскихъ учрежденій безъ требуемаго закономъ

разрѣшительнаго декрета не установлено никакого взысканія, а равно и за неисполненіе декрета о закрытіи конгрегаціонистскаго учрежденія. Недавнія событія, происшедшія въ разныхъ мѣстахъ французской территоріи по случаю декретовъ правительства, исходившихъ изъ постановленій закона 1 іюля 1901 года, показали съ полною очевидностью пробѣлъ въ законодательствѣ. Законопроектъ, нынѣ вносимый правительствомъ, имѣетъ задачею восполнить этотъ пробѣлъ. Согласно этому законопроекту, всѣ лица, которыя откроютъ или примутъ участіе въ конгрегаціонистскомъ учрежденіи, не получившемъ законнаго разрѣшенія, всѣ лица, которыя этому будутъ содѣйствовать, а равно всѣ лица, не подчинившіяся декрету о закрытіи, будутъ подлежать взысканію, указанному въ законѣ 1 іюля 1901 года за основаніе неразрѣшенныхъ конгрегацій. Соучастіе въ этихъ правонарушеніяхъ будутъ преслѣдоваться на общихъ основаніяхъ. Предлагаемый законъ, какъ содержащій уголовныя наказанія, не можетъ имѣть обратной силы и, слѣдовательно, ему не будутъ подлежать факты, совершившіеся до его изданія, но само собою разумѣется, что со дня его изданія его дѣйствію будутъ подлежать всѣ лица, которыя будутъ продолжать участвовать въ незаконныхъ учрежденіяхъ. По изложеннымъ соображеніямъ, министерство предлагаетъ издать слѣдующее законоположеніе:

„*Статья первая.* Подлежатъ наказанію, установленному пунктомъ 2 статьи 5 закона 1 іюля 1901 года: 1) всѣ лица, которыя откроютъ какое-либо конгрегаціонистское учрежденіе, учебное или иное, или будутъ завѣдывать такимъ учрежденіемъ, безъ разрѣшенія, установленнаго пунктомъ 2 статьи 13 упомянутаго закона; 2) всѣ лица, которыя будутъ продолжать участвовать въ учрежденіи, закрытомъ на основаніи пункта 3 статьи 12 того же закона; и 3) всѣ лица, которыя окажутъ какое бы то ни было содѣйствіе открытію и существованію указанныхъ учрежденій.

„*Статья вторая.* Указанія статьи 463 уголовнаго кодекса распространяются на проступки, предвидѣнные статьею первою настоящаго закона“.

Упоминаемый въ этомъ законопроектѣ пунктъ 2 статьи 8 закона 1 іюля 1901 года гласитъ слѣдующее: „Подлежатъ наказанію пенею въ 16 до 5000 франковъ и аресту отъ 6 дней до одного года всѣ тѣ“... и т. д. Этому же взысканію должны, согласно приведенному законопроекту, подлежать и всѣ лица, которыя попробуютъ не подчиняться декрету о закрытіи конгрегаціонистскихъ учрежденій, или вновь ихъ открыть, или сопротивляться и пр.

Прочитавъ законопроектъ, Комбъ прибавилъ, что правительство получило свѣдѣнія о томъ, что нѣкоторыя изъ закрытыхъ конгрегаціонистскихъ учрежденій снова открыты, а другія будутъ открыты. Не желая вновь давать поводъ къ агитаціямъ, правительство вноситъ свое предложеніе съ цѣлью передать суду за-

дачу окончить эту агитацію. Въ заключеніе Комбъ проситъ признать неотложность (urgence) для правительственнаго предложенія (т. е. ускореннаго разсмотрѣнія) и палата, среди протеста правыхъ, большинствомъ 336 голосовъ противъ 223 (большинство 113 голосовъ) вотируетъ неотложность новаго законопроекта.

Финаломъ этой парламентской борьбы было предложеніе націоналиста Эрнеста Роша объ уничтоженіи конкордата и отдѣленіи церкви отъ государства. Надо замѣтить, что по этому вопросу не существуетъ согласія въ средѣ министерской партіи и въ самомъ министерствѣ, такъ что Эрнестъ Рошъ своимъ предложеніемъ могъ бы поставить кабинетъ въ затрудненіе. Комбъ заявилъ, что кабинетъ не высказывается по этому вопросу и предоставляетъ палатѣ самой принять рѣшеніе. Послѣ этого палата сначала отвергла потребованную Рошемъ неотложность, а затѣмъ отослала его предложеніе въ коммиссію. Маневръ націоналистовъ не удался и на этотъ разъ.

Демократическое большинство парламента не довольствуется пораженіемъ реакціонеровъ, но смѣло идетъ на встрѣчу очень широкому плану реформъ. Мы уже здѣсь сообщали, что парламентское большинство организовалось въ четыре группы: демократовъ (предсѣдатель Можанъ), радикаловъ (предсѣдатель Сарріэнъ), радикаловъ-соціалистовъ (предсѣдатель Кодэ) и соціалистовъ (предсѣдатель Гузи). Всѣ четыре группы образуютъ „союзъ лѣвыхъ“ и имѣютъ собраніе делегатовъ, которое и принимаетъ рѣшенія, обязательныя для всѣхъ четырехъ группъ. Немедленно по возобновленіи сессіи собрались всѣ четыре группы, каждая особо, а затѣмъ делегаты. Собраніе делегатовъ приняло очень важное рѣшеніе относительно иниціативы въ разработкѣ цѣлаго ряда намѣченныхъ вопросовъ. Прежде всего, намѣчено образованіе трехъ подготовительныхъ коммиссій для разработки дальнѣйшаго законодательства о конгрегаціяхъ, для пересмотра рабочаго законодательства и для составленія плана общаго страхованія на случай смерти или инвалидности. Далѣе предполагается постепенное образованіе подобныхъ парламентскихъ коммиссій для пересмотра законодательства объ арміи, о флотѣ, о налогахъ, о колоніяхъ, объ отдѣленіи церкви и государства. Предполагается всѣ эти коммиссіи выбирать въ засѣданіяхъ палаты, а не по бюро, какъ до сихъ поръ практиковалось. Выборъ всею палатою даетъ больше авторитета коммиссіи и устраняетъ случайность жребія, который распредѣляетъ депутатовъ по бюро. При выборѣ палатою, парламентское большинство удерживаетъ за собою руководящую роль.

II.

Вслѣдъ за французскимъ парламентомъ началъ осеннюю сессію и берлинскій и сразу сталъ лицомъ къ лицу съ серьезнымъ и сложнымъ вопросомъ реформы таможеннаго тарифа. Нельзя поздравить Германію съ рѣшеніями, принятыми по этому вопросу ея избранниками.

Извѣстно, что германское правительство, желая привлечь на сторону своихъ проектовъ объ увеличеніи флота и прорытіи Эльба-рейнскаго канала сильную, особенно въ прусскомъ парламентѣ, партію аграріевъ, проектировало значительное повышеніе таможенныхъ пошлинъ на продукты сельскаго хозяйства, преимущественно на зерновой хлѣбъ и скотъ. По мѣрѣ истеченія сроковъ заключенныхъ еще канцлеромъ Каприви торговыхъ договоровъ съ другими державами, новые торговые договоры должны заключаться на основаніи уже новаго повышеннаго тарифа, при чемъ тарифныя ставки проектированы для самаго важнаго продукта, зерновыхъ хлѣбовъ, подвижныя. Указанъ minimum пошлины, но предоставлено правительству и повышать ее для тѣхъ государствъ, съ которыми не удастся войти въ соглашеніе. Законопроектъ правительства въ высокой степени аграристскій, такъ какъ долженъ повлечь очень серьезное вздорожаніе всѣхъ жизненныхъ средствъ и лечь очень большою тяжестью на потребителей и обрабатывающую промышленность. Вся либеральная и просвѣщенная Германія встрѣтила иниціативу правительства явно враждебно, эту огромную субсидію изъ всенароднаго кармана въ карманъ крупныхъ помѣщиковъ. Такъ какъ партія католическаго центра, располагающая сотнею съ лишкомъ голосовъ въ рейхстагѣ, была до сихъ поръ во всѣхъ нецерковныхъ вопросахъ скорѣе либеральною, чѣмъ консервативною, и поддерживала въ свое время сравнительно фритредерскую политику Каприви, то можно было надѣяться, что реакціонная мѣра, задуманная правительствомъ, не найдетъ поддержки въ парламентѣ. Для провала аграристскаго законопроекта надо было только, чтобы около половины членовъ католическаго центра голосовали противъ него. Съ другой стороны, можно было думать, что и націоналъ-либералы не все еще позабыли изъ своего былого либеральнаго credo и постыдятся поддерживать аграризмъ. Таковы могли быть предвидѣнія, основанныя на прошломъ большихъ нѣмецкихъ партій и на прошломъ самого нынѣшняго рейхстага, который выказалъ себя до сихъ поръ скорѣе либеральнымъ, чѣмъ консервативнымъ. Дѣйствительность обнаружила, что эти предвидѣнія были очень оптимистичны.

Уже при первомъ чтеніи обнаружилось, что націоналъ-либе-

ралы всею партіей рѣшили поддерживать правительственный законопроектъ. Выяснилось, что и въ составѣ католическаго центра существуютъ сильныя аграрныя теченія, хотя все еще оставалась надежда, что центръ, какъ партія, не приметъ никакого обязательнаго для своихъ членовъ рѣшенія и предоставитъ либеральнымъ католикамъ голосовать вмѣстѣ съ либеральными партіями. Избрана была коммиссія для разсмотрѣнія правительственнаго законопроекта. Большинство коммиссіи оказалось ультра-аграрнымъ и нашло его недостаточнымъ. Коммиссія повысила тарифныя ставки (минимальныя) на хлѣба и установило на скотъ и всѣ продукты животноводства подвижныя ставки, минимальныя и повышенныя, какъ и на хлѣба. Правительство категорически протестовало противъ проекта коммиссіи, ссылаясь и на внутреннее состояніе страны, и на международныя затрудненія. Все, что либералы выдвигали противъ правительственнаго законопроекта, теперь пришлось канцлеру повторять противъ законопроекта, выработаннаго парламентскою коммиссіей, которая, однако, осталась непоколебимою, не уступивъ ни малѣйшему желанію правительства и не испугавшись его угрозъ взять назадъ свой законопроектъ и оставить все по старому. Ультра-аграризмъ парламентской коммиссіи тоже не удовлетворялъ многихъ аграріевъ и въ парламентъ было внесено еще два проекта: одинъ депутатомъ Вангенгеймомъ, выработанный „Берлинскимъ союзомъ аграріевъ“ и другой депутатомъ Геймомъ, болѣе умѣренный. Свободомыслящіе внесли предложеніе оставить все по старому, а соціалисты—отмѣнить всякія пошлины на жизненныя средства. Такимъ образомъ, передъ рейхстагомъ было пять проектовъ. Относительно пошлинъ на главные зерновые хлѣба, эти пять проектовъ предлагали слѣдующія тарифныя ставки (на центнеръ марокъ):

	Рожь.	*Пшеница.*	*Ячмень.*	*Овесъ.*
«Союзъ аграріевъ»	7,50	7,50	7,50	7,50
Геймъ	6,00	6,00	6,00	6,00
Коммиссія	5.50	6,00	5,50	5.50
Правительство	5,00	5,50	3,00	5,00
Свободомыслящіе	3,50	3,50	2,00	2,80
Соціалисты	0,00	0,00	0,00	0,00

Такимъ образомъ, если сравнивать нынѣ дѣйствующія тарифныя ставки съ проектированными правительствомъ и коммиссіей, то повышеніе окажется для четырехъ главныхъ зерновыхъ хлѣбовъ слѣдующее (въ процентахъ):

	правительство.	*коммиссія.*
Рожь	43%	57%
Пшеница	57%	71%
Ячмень	50%	175%
Овесъ	178%	196%

Извѣстно, что парламентъ принялъ тарифныя ставки на зер-

новые хлѣба по проекту коммиссіи. Католическій центръ въ полномъ составѣ голосовалъ за ультра-аграристскій проектъ коммиссіи. За проекты „Союза аграріевъ“ и Гейма голосовали только консерваторы, а за коммиссіонный, кромѣ центра, консерваторы, имперская партія, антисемиты и поляки (всего при первомъ голосованіи 187 голосовъ). Противъ голосовали націоналъ-либералы, обѣ фракціи свободомыслящихъ, народная южно-германская партія, соціалисты и эльзасъ-лотарингцы (всего 152). Правительство потерпѣло пораженіе и, хотя это только второе чтеніе (требуется еще третье), но сомнительно, чтобы можно было поколебать сплотившееся консервативное большинство. Правда, еще довольно долго будетъ продолжаться второе чтеніе, затѣмъ рейхстагъ займется очередными дѣлами и приступитъ къ третьему чтенію тарифнаго законопроекта не раньше февраля, а можетъ быть и позже, такъ что у правительства есть время обдумать положеніе, созданное рѣшеніемъ рейхстага, и приготовить свою политику.

Надо думать, что правительство попробуетъ вступить въ переговоры съ вожаками большинства, а если эти переговоры не приведутъ въ соглашенію, распуститъ рейхстагъ, опираясь на единственно вѣрную правительству партію націоналъ-либеральную. Впрочемъ, кто можетъ предвидѣть рѣшенія императора Вильгельма?

Принятыя рейхстагомъ ставки сдѣлаютъ, въ случаѣ ихъ утвержденія, невозможнымъ возобновленіе торговыхъ договоровъ и нанесутъ крупный матерьяльный ущербъ союзнымъ націямъ: Австро-Венгріи, Италіи и Румыніи, и дружественнымъ: Америкѣ и Россіи, а въ самой Германіи сильно пострадаетъ обрабатывающая промышленность. Такимъ исходомъ Германія обязана болѣе всего реакціонному положенію, занятому католическимъ центромъ, который теперь вполнѣ вошелъ въ консервативную группировку.

III.

Въ одинъ и тотъ же день съ берлинскимъ началъ свои засѣданія и англійскій парламентъ, созванный спеціально для разсмотрѣнія школьнаго законопроекта, внесеннаго Бальфуромъ, но имѣющій кромѣ того утвердить еще рядъ мѣръ, являющихся послѣдствіемъ умиротворенія Южной Африки.

До 1870 года въ Англіи вовсе не было государственной или общественной народной школы. Были приходскія школы, содержимыя на средства церквей, и частныя, содержимыя на средства, собираемыя въ видѣ платы за ученіе. Либеральное министерство Гладстона нашло такой порядокъ отжившимъ свой вѣкъ и не соотвѣтствующимъ новымъ потребностямъ во всенародномъ образованіи. Законъ 1870 года учредилъ повсемѣстно въ Англіи

и Уэльсѣ (Ирландія и Шотландія имѣютъ свое особое школьное законодательство) такъ называемыя schools boards (школьные совѣты), выборныя учрежденія, обязанныя заботиться, чтобы для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста было доступно даровое начальное образованіе. Приходскія и частныя школы оставались на прежнемъ положеніи, но школьные совѣты 1) обязаны открывать общественныя школы всюду, гдѣ не хватаетъ для дѣтей школьнаго возраста мѣста въ приходскихъ и частныхъ школахъ; и 2) имѣютъ право открывать общественныя школы параллельно съ приходскими и частными. Школьные совѣты имѣютъ право облагать жителей извѣстнымъ школьнымъ налогомъ. Государство съ своей стороны назначило субсидіи для такихъ общественныхъ свѣтскихъ школъ, а упомянутый билль 1870 года опредѣлилъ и программу, широко терпимую въ вопросахъ религіи. Прошло теперь свыше тридцати лѣтъ со времени этой реформы и страна покрылась цѣлою сѣтью общественныхъ свѣтскихъ школъ, которыя постепенно вытѣсняютъ приходскія, хотя покамѣстъ всетаки преобладаютъ послѣднія. Въ общественныхъ свѣтскихъ школахъ въ настоящее время обучается безъ малаго три милліона, а въ приходскихъ школахъ три милліона восемсотъ тысячъ. Населеніе, однако, предпочитаетъ общественныя школы и въ послѣдніе годы процессъ замѣны приходскаго начальнаго образованія общественнымъ шелъ очень быстро. Стало ясно, что если государство не придетъ на помощь приходскимъ школамъ, то ихъ исчезновеніе есть вопросъ времени. Англиканская церковь тратитъ на приходскія школы свыше восьми милліоновъ ф. ст. въ годъ и всетаки постепенно теряетъ почву, видя все ускоряющееся торжество свѣтской школы.

Билль Бальфура имѣетъ задачею придти на помощь церкви и остановить этотъ процессъ перехода народной школы изъ церковныхъ въ свѣтскія. Съ этою цѣлью предлагается, сохранивъ руководство приходскими школами въ рукахъ англиканскаго духовенства, включить ихъ на равныхъ правахъ въ число школъ содержимыхъ на счетъ школьнаго налога и субсидируемыхъ изъ средствъ государственной кассы. Это даритъ англиканской церкви около восьми милліоновъ ежегодно, возлагаетъ на населеніе тяжесть новыхъ налоговъ на сумму 9—10 миллліоновъ (общественныя школы лучше содержатся, чѣмъ приходскія, и дороже обходятся) и направляютъ эту значительную сумму на поддержку учрежденій, только для части населенія полезныхъ, именно для послѣдователей англиканскаго вѣроисповѣданія, желающихъ дать своимъ дѣтямъ спеціально церковное образованіе (программа приходскихъ школъ совсѣмъ иная, чѣмъ общественныхъ, и программу эту оставляетъ билль неприкосновенною). Всѣ лица иныхъ исповѣданій и всѣ англиканцы, желающіе дать своимъ дѣтямъ свѣтское образованіе, будутъ платить налогъ на содержаніе школъ, имъ не нужныхъ. Понятны

многочисленные протесты, вызванные школьнымъ биллемъ Бальфура. Его клерикальный и реакціонный характеръ возбудилъ цѣлую бурю негодованія въ обширныхъ слояхъ населенія и возстановилъ согласіе въ рядахъ либеральной партіи.

Агитація противъ школьнаго билля была такъ велика и внушительна, что поговаривали о взятіи его правительствомъ обратно. Эти слухи казались тѣмъ вѣроятнѣе, что боялись возбудить неудовольствіе между либералами уніонистами, безъ которыхъ одни тори не имѣютъ большинства въ парламентѣ. Бирмингамъ, этотъ плацдармъ либеральнаго уніонизма, главная опора Чемберлена, тоже заволновался. Избиратели Чемберлена пожелали съ нимъ объясниться и министръ былъ вынужденъ отправиться въ Бирмингамъ и появиться на митингѣ, гдѣ билль Бальфура былъ подвергнутъ весьма оживленной критикѣ. Отвѣчая на эти протесты, Чемберленъ началъ съ признанія, что критикуемый билль въ самомъ дѣлѣ отличается многими недостатками, но вслѣдъ за этимъ сказалъ, что его всетаки нужно вотировать. „Его приходится вотировать,—замѣтилъ ораторъ,—потому, что отвергнутый школьный билль, это низвергнутое правительство, а переходъ власти къ разъединеннымъ либераламъ, это анархія.“ Такимъ образомъ, Чемберленъ и, вѣроятно, довольно значительная часть либераловъ-уніонистовъ, слѣпо за нимъ слѣдующая, будутъ голосовать за билль. Съ другой стороны, извѣстно, что католическіе епископы обѣщали Бальфуру склонить ирландцевъ подать голосъ за билль (Ирландіи онъ не касается). Такимъ образомъ, вѣроятно, Бальфуръ восторжествуетъ и проведетъ свой билль, но едва-ли не подготовитъ этимъ пораженіе торизма и уніонизма на ближайшихъ выборахъ.

Парламентъ созванъ, главнымъ образомъ, для проведенія школьнаго билля, но бурныя сцены, которыми ознаменовались его первыя засѣданія, вызваны были ирландскими дѣлами. Это лѣто Ирландія была театромъ широкаго аграрнаго движенія, требующаго надѣла землею ирландскихъ фермеровъ, исторія которыхъ есть длинная повѣсть всяческаго угнетенія и всяческихъ лишеній. Это движеніе вызвало отмѣну конституціонныхъ гарантій на островѣ и введеніе исключительныхъ законовъ. Спеціально назначенныя судебныя коммиссіи расправлялись съ участниками движенія безъ церемоніи и безъ какого-либо, хотя бы чисто внѣшняго, уваженія къ справедливости. Тюрьма и каторга разсыпались щедрою рукою; въ томъ числѣ десять ирландскихъ депутатовъ были приговорены этими административными судами на различные сроки каторжныхъ работъ за произнесенныя ими на митингахъ рѣчи.

Когда собрался парламентъ, Бальфуръ перечислилъ дѣла, подлежащія сессіи: школьный законъ, билль о водѣ въ Лондонѣ, о сахарѣ, дѣла южно-африканскія и, быть можетъ, дѣла Уганды.

Ирландскій депутатъ О'Брайэнъ просилъ, чтобы дѣламъ Ирландіи было отведено особое засѣданіе. Джонъ Морлей его поддержалъ, но Бальфуръ рѣшительно отказалъ, не давая себѣ труда даже мотивировать. Этотъ высокомѣрный отказъ вызвалъ цѣлую бурю на ирландскихъ скамьяхъ. „Не хотятъ говорить объ Ирландіи! Желаютъ вмѣсто того говорить объ Угандѣ! Мы имъ покажемъ Уганду!" Попытка нѣкоторыхъ ирландскихъ депутатовъ склонить палату посвятить немного вниманія и ихъ несчастной родинѣ осталась безъ успѣха. Одинъ изъ приговоренныхъ къ каторгѣ ирландскихъ депутатовъ, уже отбывшій шестимѣсячный приговоръ и снова приговоренный на три мѣсяца, О'Доннель, просилъ слова. Три часа онъ ждалъ очереди, возобновляя заявленіе о желаніи говорить, но спикеръ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ его присутствія. Но вотъ поднялся Бальфуръ и предложилъ прекратить пренія. О'Доннель снова потребовалъ слова, столь долго жданнаго. Бальфуръ опять категорически предложилъ прекращеніе преній. Тогда О'Доннель перескочилъ черезъ скамейку и бросился къ Бальфуру съ сжатымъ кулакомъ и съ крикомъ „я васъ презираю". Сжатый кулакъ онъ поднесъ къ самому носу премьера въ то время, какъ спикеръ дѣлалъ знакъ привести стражу. По просьбѣ товарища ирландца, О'Доннель самъ удалился, а палата постановила исключить его изъ палаты на семь дней.

По поводу этого случая, сами здравомыслящіе англичане не могутъ быть на сторонѣ правительства. Даже консервативный „Morning Post" замѣчаетъ: „О'Доннель не одинъ. Въ настоящее время еще Гавилэндъ Бёркъ отбываетъ каторгу. Судья, вынесшій ему этотъ приговоръ, оставилъ его на свободѣ во все время судебнаго процесса. *Я принимаю ваше честное слово,*—сказалъ судья,—*что вы будете сами регулярно являться въ судъ.* Однако, судъ не принимаетъ честнаго слова отъ преступниковъ. Эти люди не преступники, но отбываютъ наказанія, какъ преступники, и при томъ наказанія, налагаемыя не независимыми судьями, а простыми чиновниками правительства." Еще рѣзче отзывается либеральный „Daily News", но „Times" и другія вліятельныя министерскія газеты оправдываютъ ирландскую политику правительства, заключающуюся въ исключительныхъ законахъ для Ирландіи и въ замалчиваніи въ парламентѣ вопроса объ участи этого несчастнаго народа. Но ни насильственное спокойствіе въ Ирландіи, ни молчаніе въ парламентѣ не снимаютъ съ очереди этого жгучаго и больного вопроса. Онъ продолжаетъ стоять во весь ростъ.

IV.

Нѣсколькими днями раньше берлинскаго и лондонскаго, началъ сессію будапештскій парламентъ, а вслѣдъ за нимъ и вѣнскій. Около полугода трудились оба министерства, австрійское и венгерское, и отдѣльно, и совмѣстно, и подъ непосредственнымъ предсѣдательствомъ императора, съ цѣлью выработать соглашеніе о совмѣстномъ и впредь веденіи общихъ дѣлъ. Соглашенія, однако, не добились и Францъ-Іосифъ снова своею властью отсрочилъ на годъ дѣйствіе прежняго „аусглейха."

Первый аусглейхъ состоялся въ 1867 году между Деакомъ и Андраши со стороны Венгріи и графомъ Бейстомъ со стороны Австріи. Только что разбитая пруссаками, потерявшая итальянскія провинціи и выброшенная изъ Германіи, Австрія чувствовала потребность въ соглашеніи съ Венгріей во что бы то ни стало. Венгрія могла диктовать условія и она безпощадно ихъ продиктовала. Ей вернули Трансильванію и подчинили Хорвацію и Славонію; признали все законодательство революціоннаго парламента 1848 года; и установили отношенія съ другой половиной монархіи рѣшительно въ ущербъ этой другой половинѣ. Хотя венгерское королевство значительно меньше Цислейтаніи (въ то время, по количеству населенія, едва $^2/_3$ Цислейтаніи), но ему даровано въ общемъ парламентѣ (въ такъ называемыхъ делегаціяхъ) равное число голосовъ. Съ другой же стороны, расходы были возложены на обѣ половины неравные, при чемъ доля Венгріи была опредѣлена даже меньше, чѣмъ слѣдовало бы, сообразуясь съ численностью населенія (предполагается, что австрійское населеніе богаче венгерскаго). Равныя права и неравныя обязанности, таково было это соглашеніе, но соглашеніе было неокончательное, а срочное, имѣющее возобновляться каждое десятилѣтіе въ соотвѣтствіи съ измѣняющимся положеніемъ въ обѣихъ странахъ. Оно было возобновлено въ 1877 г., когда русско-турецкая война заставила австрійцевъ быть снова очень уступчивыми. Затѣмъ еще разъ оно возобновилось въ 1887 году, но на этотъ разъ Австрія добилась увеличенія венгерской доли въ общихъ расходахъ. Новое возобновленіе аусглейха имѣло состояться въ 1897 году, но до сихъ поръ не состоялось, и отношеніе между соединенными странами регулируется на основаніи аусглейха 1887 года, ежегодно возобновляемаго императорскими указами. Въ октябрѣ 1902 года изданъ шестой такой указъ.

Предметовъ разногласія между двумя странами, изъ-за которыхъ безъ успѣха препираются оба министерства, главнымъ образомъ два: распредѣленіе общихъ расходовъ между двумя странами и таможенная политика. Австрія, и при томъ всѣ [illegible]нив-

шіеся съ 1897 года кабинеты одинаково (Бадени, Гаучъ, Виндишгрецъ, Тунъ, Керберъ) настаиваютъ на распредѣленіи общихъ расходовъ строго соразмѣрно численности населенія. Венгрія-же (министерство Банфи сначала, а теперь Коломана Селля) все еще стоитъ на точкѣ зрѣнія своей бѣдности, требующей уменьшенія ихъ доли. Такъ какъ они согласны нѣсколько увеличить свою долю въ виду болѣе быстраго возрастанія венгерскаго населенія, то и предлагаемая ими комбинація австрійцамъ выгоднѣе, чѣмъ нынѣ возобновляемый императорскими указами аусглейхъ 1877 года. Если бы переговаривающіяся стороны спорили только о долѣ, то венгерскія позиціи были бы неприступны. Императоръ возобновлялъ бы старое соглашеніе указами на одинъ годъ, австрійцы отъ этого проигрывали бы и, наконецъ, согласились бы на то повышеніе венгерской доли, которое предлагаютъ сами венгерцы. Однако, въ другомъ кардинальномъ вопросѣ, раздѣляющемъ Будапештъ и Вѣну, венгерская позиція далеко не такъ выгодна и венгерцы нуждаются въ уступкахъ австрійцевъ.

Дѣло въ томъ, что аусглейхъ 1867 года въ числѣ отраслей государственной жизни, общихъ обѣимъ странамъ, указалъ и общій таможенный тарифъ. При господствѣ въ это время фритредерскихъ теченій вообще въ Европѣ, это тарифно-таможенное единеніе Австріи и Венгріи не представляло невыгоды ни одной изъ нихъ. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло при торжествѣ протекціонизма, охватившаго нынѣ большинство европейскихъ странъ. Эти перемѣны въ хозяйственныхъ отношеніяхъ странъ отразились и въ Австро-Венгріи, гдѣ Венгрія—страна земледѣльческая и скотовладѣльческая, а Цислейтанія—страна обрабатывающей промышленности. Это отчасти облегчаетъ имъ переносить все ростущій протекціонизмъ сосѣдей: Венгрія все же сбываетъ свои сырые продукты Австріи, а послѣдняя снабжаетъ Венгрію фабрично-заводскими издѣліями. Это хорошо, но въ виду уже указаннаго факта все возрастающаго протекціонизма сосѣдей, приходится отвѣчать на принимаемыя ими мѣры, и здѣсь-то интересы Австріи и Венгріи расходятся. Австріи желательно ограждать себя отъ ввоза промышленныхъ издѣлій, а Венгріи—устранить конкурренцію иностранныхъ сырыхъ продуктовъ. Если же принять во вниманіе, что Австрія уже успѣла раньше поднять тарифъ на обработанныя издѣлія и что въ качествѣ неотъемлемаго рынка она имѣетъ ту же Венгрію и кромѣ нея Галицію, Румынію, Сербію, Болгарію и Турцію, гдѣ ея интересы обезпечены договорами, то въ этомъ случаѣ именно Австрія можетъ выжидать, тогда какъ Венгріи прямо и непосредственно угрожаетъ предстоящее повышеніе германскихъ пошлинъ на продукты сельскаго хозяйства. Это повышеніе, если оно состоится, повлечетъ значительное вздорожаніе сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ Германіи, а слѣдовательно и увеличеніе сельско-хозяйственной площади и сель-

ско-хозяйственнаго производства, которое и замѣнитъ собою болѣе или менѣе значительную часть нынѣшняго ввоза этихъ продуктовъ. Между тѣмъ, Венгрія *всѣ* свои избытки направляла, по скольку они не помѣщались въ Цислейтаніи, въ Германію. Выходитъ, что Венгрія будетъ продавать значительно меньше или значительно дешевле. Нѣсколько парировать этотъ ударъ можно установленіемъ ввозныхъ пошлинъ на сельско-хозяйственные продукты, но это отразится увеличеніемъ стоимости обрабатывающаго производства и повышеніемъ цѣны продуктовъ. Положимъ, часть этого повышенія уплатитъ сама Венгрія, но другую часть должны уплатить балканскія страны, гдѣ, однако, австрійскіе товары встрѣтятъ свободную конкурренцію странъ съ болѣе дешевымъ хлѣбомъ. Убытокъ легко предвидѣть, но не легко найти почву для миролюбиваго распредѣленія убытковъ, наносимыхъ Австріи и Венгріи аграрною политикою ихъ могущественной союзницы. Не мудрено, если снова и снова австро-венгерское соглашеніе терпитъ неудачу.

Дѣло соглашенія осложняется еще положеніемъ дѣлъ въ обѣихъ странахъ и особенно въ парламентахъ. Въ Венгріи всегда существовала довольно сильная партія, добивающаяся совершеннаго упраздненія всякихъ аусглейховъ и сохраненія лишь персональной уніи въ лицѣ единаго монарха. Торжество открытія памятника Кошуту этимъ лѣтомъ возбудило въ сильной степени мадъярское національное чувство и возвысило популярность партіи расторженія аусглейховъ. Появленіе всенѣмцевъ въ Венгріи и высказанныя ими этимъ лѣтомъ притязанія считать и Венгрію законною составною частью общаго фатерланда уже прямо возбудили страсти среди мадъярскихъ патріотовъ. Неудачи же съ новымъ аусглейхомъ укрѣпляютъ теченіе къ расторженію уніи. Министерство Коломана Селля, хотя и опирающееся на парламентское большинство, не можетъ не считаться съ этими очень сильными и опасными теченіями. Естественно, если оно не склонно къ уступчивости.

Еще въ болѣе затруднительномъ положеніи находится австрійскій премьеръ Керберъ. Въ своей борьбѣ съ венгерскими притязаніями онъ можетъ, правда, разсчитывать на всѣ партіи парламента, но его столкновеніе съ чехами можетъ парализовать всякую дѣятельность парламента. Керберъ попробовалъ разрѣшить вопросъ о языкахъ закономъ, внесеннымъ въ рейхсратъ. Этимъ закономъ право чешскаго языка хотя и получаетъ нѣкоторое признаніе, но государственнымъ языкомъ всѣхъ странъ чешской короны (Богеміи, Моравіи и австрійской Силезіи) объявляется языкъ немѣцкій. Всѣ три чешскія партіи (феодалы, старочехи и младочехи) объявили, что законъ этотъ нарушаетъ конституцію и открыли противъ министерства парламентскую обструкцію,

которой ихъ такъ основательно научили нѣмцы въ борьбѣ съ кабинетомъ графа Бадени.

Послѣ этого обозрѣнія только что возобновившейся политической дѣятельности въ четырехъ великихъ державахъ, приходится признаться, что только во Франціи происходящія событія могутъ быть приняты съ надеждами и благословеніями со стороны друзей просвѣщенія, гуманности и прогресса, тогда какъ за ея предѣлами мы наблюдаемъ торжество реакціи и нетерпимости.

С. Южаковъ.

Литература и жизнь.

О Достоевскомъ и г. Мережковскомъ.

Въ одной изъ бесѣдъ Ивана Карамазова съ братомъ Алешей есть, между прочимъ, одно интересное мѣсто: „Вѣдь русскіе мальчики какъ до сихъ поръ орудуютъ? Иные то есть? — говоритъ Иванъ.—Вотъ, напримѣръ, здѣшній вонючій трактиръ, вотъ они и сходятся, засѣли въ уголъ. Всю жизнь прежде не знали другъ друга, а выйдутъ изъ трактира, сорокъ лѣтъ не будутъ знать другъ друга, ну и что-жъ, о чемъ они будутъ разсуждать, пока поймали минутку въ трактирѣ-то? О міровыхъ вопросахъ, не иначе: есть ли Богъ, есть ли безсмертіе? А которые въ Бога не вѣруютъ, ну тѣ о соціализмѣ или анархизмѣ заговорятъ, о передѣлкѣ всего человѣчества по новому штату, такъ вѣдь это одинъ же чортъ выйдетъ, все тѣ же вопросы, только съ другого конца. И множество, множество самыхъ оригинальныхъ русскихъ мальчиковъ только и дѣлаютъ, что о вѣковѣчныхъ вопросахъ говорятъ у насъ въ наше время“. Алеша соглашается съ этимъ. „Да,—говоритъ онъ,—настоящимъ русскимъ вопросы о томъ: есть ли Богъ, есть ли безсмертіе, или, вотъ какъ ты говоришь, вопросы съ другого конца, конечно, первые вопросы и прежде всего, да такъ и надо“. Надо замѣтить, что Иванъ Карамазовъ вполнѣ сочувствуетъ „русскимъ мальчикамъ“, самъ себя къ нимъ причисляетъ и противопоставляетъ имъ „стариковъ“, которые „теперь (въ концѣ 70-хъ годовъ) всѣ полѣзли вдругъ практическими вопросами заниматься“.

Оставляя въ сторонѣ „русскихъ мальчиковъ“ или „молодую Россію“, какъ ихъ тутъ-же называетъ Иванъ Карамазовъ, слѣдуетъ

замѣтить, что самого Достоевскаго всегда очень занимали „вѣковѣчные“ вопросы; и именно въ двойной постановкѣ ихъ Иваномъ Карамазовымъ. Подъ „практическими“ вопросами, которые Иванъ Карамазовъ презрительно предоставляетъ старикамъ, слѣдуетъ разумѣть вопросы практическіе въ тѣсномъ смыслѣ—хозяйственные, техническіе. Свое вниманіе Достоевскій устремляетъ на широкія общія основанія общественной жизни, такъ или иначе, но постоянно связывая ихъ съ „вѣковѣчными“ вопросами о Богѣ, безсмертіи и проч. И тѣмъ не менѣе трудно съ опредѣленностью сказать, что именно онъ обо всемъ этомъ думалъ.

Въ 1875 г., по поводу моей статьи о его романѣ „Бѣсы“, онъ писалъ: „Смѣю увѣрить г. Н. М., что „ликъ міра сего“ мнѣ самому даже очень не нравится. Но писать и доказывать, что соціализмъ вовсе не формула атеизма, а атеизмъ вовсе не главная, не основная сущность его—это чрезвычайно поразило меня въ писателѣ, который, повидимому, такъ много занимается этими темами“. Достоевскій выражалъ тогда сожалѣніе, что не удосужился возразить мнѣ и обѣщалъ вернуться къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ атеизма и соціализма. Но обѣщанія этого онъ не исполнилъ, и мы имѣемъ только отрывочныя замѣчанія его на эту тему, вдобавокъ большею частью не прямо отъ своего имени имъ изложенныя, а вложенныя въ уста разныхъ дѣйствующихъ лицъ его романовъ и повѣстей. Это, конечно, еще болѣе затрудняетъ возможность разобраться въ его мысляхъ.

Что касается „лика міра сего“, то, полный всякаго рода несовершенствъ и изъяновъ, онъ безъ сомнѣнія „очень не нравился“ Достоевскому, да едва ли можно найти хоть одного человѣка, которому бы онъ очень нравился. Но именно поэтому выраженіе Достоевскаго слишкомъ обще, неопредѣленно и безсодержательно. Всѣмъ не нравится ликъ міра сего, всѣ желали бы видѣть его лучшимъ, чѣмъ онъ есть въ настоящую минуту, но вопросъ въ степени и характерѣ этого недовольства,—въ какой мѣрѣ и съ какой точки зрѣнія не нравятся тѣ или другія черты лика, во имя какихъ началъ онѣ отрицаются. И вотъ эти-то, повидимому, частности и подробности, въ которыхъ, однако, заключается суть дѣла, остаются у Достоевскаго неразъясненными; тѣмъ болѣе, что, какъ уже сказано, не всегда легко извлечь его собственныя мысли изъ рѣчей его дѣйствующихъ лицъ.

Въ „Идіотѣ“ Евгеній Павловичъ Радомскій высказываетъ мысль, несомнѣнно близкую автору, о томъ, что у насъ „нападеніе на существующіе порядки есть нападеніе на самую сущность нашихъ вещей, на самыя вещи, а не на одинъ только порядокъ, не на русскіе порядки, а на самую Россію“. Россія же должна непоколебимо вѣрить въ себя, въ свое великое призваніе, потому что,—читаемъ въ „Дневникѣ писателя“ за 1877 годъ, — „всякій великій народъ вѣритъ и долженъ вѣрить, если только хочетъ

быть долго живъ, что въ немъ-то, и только въ немъ одномъ, и заключается спасеніе міра, что живетъ онъ на то, чтобы стоять во главѣ народовъ, пріобщить ихъ всѣхъ къ себѣ воедино и вести ихъ, въ согласномъ хорѣ, къ окончательной цѣли, всѣмъ имъ предназначенной". Такъ было нѣкогда съ древнимъ Римомъ, съ Римомъ католическимъ, съ Франціей, съ Германіей; теперь наступилъ чередъ Россіи, начало чего Достоевскій видѣлъ въ послѣдней русско-турецкой войнѣ, предсказывая, что ею начнется новая эра всемірной исторіи. Подтвержденіемъ этого служилъ для него не только объективный ходъ событій, какъ онъ ему представлялся, а и нѣкоторыя свойства національнаго русскаго духа, между прочимъ, самое невѣріе въ грядущее верховенство Россіи. Вы,—говорилъ онъ, обращаясь къ скептикамъ,—вѣрите въ грядущее объединеніе всѣхъ націй въ общечеловѣческой цивилизаціи; но эта вѣра и есть національная русская идея, и „слафянофилы и націоналисты вѣрятъ точь въ точь тому же самому, какъ и вы, да еще покрѣпче вашего". Это придавало въ глазахъ Достоевскаго идеѣ народа въ смыслѣ націи какое-то мистическое освѣщеніе. Говоря о Герценѣ и другихъ эмигрантахъ 40-хъ годовъ, онъ писалъ въ „Дневникѣ писателя" за 1873 годъ: „Герцену какъ будто сама исторія предназначила выразить собою въ самомъ яркомъ типѣ этотъ разрывъ съ народомъ огромнаго большинства образованнаго нашего сословія. Въ этомъ смыслѣ это типъ историческій. Отдѣляясь отъ народа, они естественно потеряли и Бога. Безпокойные изъ нихъ стали атеистами, вялые и спокойные—индиферентными". Князь въ „Идіотѣ" сочувственно приводитъ слова какого-то купца-старообрядца: „Кто почвы подъ собой не имѣетъ, тотъ и Бога не имѣетъ", или: „кто отъ родной земли отказался, тотъ и отъ Бога своего отказался". Шатовъ въ „Бѣсахъ" утверждаетъ тоже самое: „У кого нѣтъ народа, у того нѣтъ и Бога. Знайте навѣрно, — продолжаетъ онъ, — что всѣ тѣ, которые перестаютъ понимать свой народъ и теряютъ съ нимъ свои связи, тотчасъ же по мѣрѣ того теряютъ и вѣру отеческую, становятся или атеистами, или равнодушными". И затѣмъ Шатовъ объединяетъ выше приведенную мысль самого Достоевскаго и свою собственную, прибавляя къ нимъ еще мысли Ставрогина. Выходитъ такъ: русскій народъ есть „теперь на всей землѣ единственный народъ-богоносецъ, грядущій обновить и спасти міръ именемъ новаго бога и ему единому даны ключи жизни и новаго слова... атеистъ не можетъ быть русскимъ... не православный не можетъ быть русскимъ... Богъ есть синтетическая личность всего народа, взятаго съ начала его и до конца. Никогда еще не было, чтобы у всѣхъ или у многихъ народовъ былъ одинъ общій богъ, но всегда и у каждаго былъ особый. Признакъ уничтоженія народностей, когда боги начинаютъ становиться общими. Когда боги становятся общими, то умираютъ боги и вѣра въ

нихъ вмѣстѣ съ самими народами. Чѣмъ сильнѣе народъ, тѣмъ особливѣе его богъ... Народъ—это тѣло Божіе. Всякій народъ до тѣхъ поръ только и народъ, пока имѣетъ своего бога особаго, а всѣхъ остальныхъ боговъ на свѣтѣ исключаетъ безъ всякаго примиренія; пока вѣруетъ въ то, что своими богами побѣдитъ и изгонитъ всѣхъ остальныхъ боговъ" и т. д. и т. д. Выслушавъ эту пламенную рѣчь, которою Шатовъ напоминаетъ Ставрогину и его собственныя мысли, Ставрогинъ обливаетъ оратора холодной водой вопроса: „Вѣруете вы сами въ Бога или нѣтъ?" Къ удивленію, Шатовъ затрудняется отвѣтомъ. „Я вѣрую въ Россію,—говоритъ онъ,—я вѣрую въ ея православіе... Я вѣрую въ тѣло Христово... Я вѣрую, что новое пришествіе совершится въ Россіи... Я вѣрую..." „А въ Бога, въ Бога?"—нетерпѣливо перебиваетъ Ставрогинъ.—„Я... я *буду* вѣровать въ Бога",—отвѣчаетъ Шатовъ.

Отмѣтивъ, что и старецъ Зосима въ „Братьяхъ Карамазовыхъ" говоритъ о русскомъ „народѣ": „сей народъ богоносецъ",—остановимся на минуту.

Ясно, что благоприличный Евгеній Павловичъ Радомскій, развратный злодѣй Ставрогинъ, эпилептическій князь Мышкинъ, честный фанатикъ Шатовъ, святой старецъ Зосима, всѣ они, не смотря на крайнее разнообразіе ихъ духовныхъ физіономій, выражаютъ мысль, принадлежащую самому Достоевскому, только иногда въ болѣе рѣзкой формѣ, въ какой самъ онъ, можетъ быть, и не рѣшился бы ее высказать. Но что значитъ странный отвѣтъ Шатова: „я вѣрую въ Россію, въ ея православіе, въ тѣло Христово, въ то, что новое пришествіе совершится въ Россіи", а въ Бога еще только *буду* вѣровать? да и это сказано съ запинкой и послѣ усиленнаго настоянія Ставрогина. Значитъ, можно вѣровать въ православіе, не вѣруя въ Бога? Какъ это ни странно, но такое, казалось бы, невозможное положеніе было знакомо Достоевскому по собственному опыту. Г. Мережковскій удивляется тому, что Достоевскій „остался въ лонѣ *историческаго* православія", не смотря на всѣ свои сомнѣнія и колебанія относительно „вѣковѣчныхъ" вопросовъ о Богѣ и безсмертіи; удивляется и скорбитъ, подчеркивая слово *историческій*, такъ какъ онъ, г. Мережковскій, исповѣдуетъ, вмѣстѣ съ г. Розановымъ, „новую концепцію христіанства", которая и есть истинное православіе. Скорбь г. Мережковскаго—его дѣло, и намъ незачѣмъ въ него вмѣшиваться, но удивленія указанный фактъ дѣйствительно заслуживаетъ. Надо же, однако, какъ-нибудь постараться сдѣлать его понятнымъ, какъ-нибудь свести концы съ концами въ этомъ странномъ противорѣчіи. Дѣло въ томъ, что хотя „ликъ міра сего" и не очень нравился Достоевскому, но въ своихъ общихъ чертахъ „русскіе порядки" были для него неприкосновенны; нападать на нихъ значитъ, какъ мы видѣли, съ его точки зрѣнія нападать на Россію и лишать ее той своеобраз-

ной мессіанической роли всемірной объединительницы и спасительницы, которую онъ ей предрекалъ. И православіе, какъ одна изъ основъ „русскихъ порядковъ“, было для него именно поэтому неприкосновенно. Оно ставило точку къ рѣшенію вѣковѣчныхъ вопросовъ „съ другого конца“. Тутъ не было мѣста ни колебаніямъ, ни сомнѣніямъ, которыя всю жизнь одолѣвали его въ будто бы тѣхъ же вопросахъ съ противоположнаго конца. „Меня всю жизнь Богъ мучилъ“,—говоритъ въ „Бѣсахъ“ Кириловъ, и это смѣло могъ сказать о себѣ самъ Достоевскій. Онъ былъ правъ, когда говорилъ, что прошелъ страшную школу религіозныхъ сомнѣній, но ошибался, когда утверждалъ, что въ концѣ концовъ выбрался на твердый берегъ вѣры. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ сильныхъ людей (чѣмъ-нибудь сильныхъ, Достоевскій былъ силенъ своимъ страшнымъ талантомъ), о которыхъ говоритъ Версиловъ; они страстно хотятъ вѣрить и принимаютъ свои желанія за вѣру. Какъ Антей въ борьбѣ съ Геркулесомъ получалъ силу только касаясь ногами своей матери земли, и терялъ ее, будучи поднятъ на воздухъ, такъ Достоевскій получалъ свою вѣру, только когда Богъ становился для него „синтетическою личностью націи“, а въ отвлеченномъ отъ „русскихъ порядковъ“ видѣ онъ лишь „мучилъ“ его. Слѣды этой мучительной внутренней борьбы повсюду разсыпаны у Достоевскаго. Его главныя дѣйствующія лица, вплоть до Алеши Карамазова, или задаютъ, или выслушиваютъ вопросъ: „вѣруете ли вы въ Бога?“ или заявляютъ о своемъ невѣріи, или говорятъ о Богѣ и вѣрѣ въ него такъ замысловато, что выходитъ по малой мѣрѣ двусмысленно. Въ этомъ отношеніи особенно достойны вниманія рѣчи Кирилова въ „Бѣсахъ“, котораго авторъ надѣлилъ неумѣніемъ правильно выражаться по-русски, очевидно, именно, затѣмъ, чтобы внѣшнимъ образомъ замаскировать двусмысленность его рѣчей. „Бога нѣтъ, но онъ есть“,—говоритъ Кириловъ. „Богъ необходимъ, а потому долженъ быть, но я знаю, что его нѣтъ и не можетъ быть“. О Ставрогинѣ онъ выражается такъ: „Ставрогинъ если вѣруетъ, то не вѣруетъ, что онъ вѣруетъ; если же не вѣруетъ, то не вѣруетъ, что онъ не вѣруетъ“. Сомнѣнія и колебанія Достоевскаго отражаются даже въ ядовитыхъ репликахъ Смердякова, которому старикъ Григорій можетъ отвѣтить только пощечиной за неимѣніемъ возраженій; но особенно въ знаменитомъ „бунтѣ“ Ивана Карамазова, отнюдь не одиноко стоящемъ,—въ менѣе яркой формѣ этотъ „бунтъ“ и раньше воспроизводился Достоевскимъ—въ „Необходимомъ объясненіи“ Ипполита въ „Идіотѣ“, въ „Дневникѣ писателя“ 1876 г. (глава „Приговоръ“).

Та страстность, съ которою ведутся „бунтовщиками“ ихъ бунтовскія рѣчи, не оставляетъ мѣста сомнѣніямъ въ томъ, что сюда вложено авторское задушевное, что это мучительно переживается самимъ Достоевскимъ. Бунтовщики вѣрятъ въ бытіе

личнаго божественнаго Творца міра, но вѣра эта колеблется въ нихъ существующею въ этомъ мірѣ массою безцѣльнаго, съ человѣческой точки зрѣнія, зла и страданія, которому они не находятъ оправданія. Временами міръ представляется имъ какимъ-то „бѣсовскимъ хаосомъ“, какъ Ивану Карамазову, „дьяволовымъ водевилемъ“, какъ Кирилову, „наглой пробой, чтобы только посмотрѣть: уживется ли подобное (человѣку) существо на землѣ или нѣтъ“, какъ самоубійцѣ въ „Дневникѣ писателя“. И эти кощунственныя мысли рвутъ имъ сердце, они страстно ищутъ выхода изъ одолѣвающихъ ихъ мучительныхъ противорѣчій и сомнѣній, и, наконецъ, находятъ его,—но не для себя. Человѣкъ—говорятъ они,—есть существо, ограниченное тремя измѣреніями эвклидовой геометріи, и въ своей ограниченности не можетъ понять царящей во вселенной гармоніи. Но есть „міры иные“, недоступные человѣку, гдѣ всѣ противорѣчія сглаживаются и цѣли каждаго явленія, кажущагося намъ злодѣйствомъ или страданіемъ, получаютъ свое объясненіе. Но для „малосильнаго и маленькаго, какъ атомъ, человѣческаго эвклидовскаго ума“ эти міры недоступны и, собственно говоря, не существуютъ; доступно только сознаніе возможности ихъ существованія. Затѣмъ, однако, мелькаетъ надежда и на доступность, по крайней мѣрѣ, отчасти.

Старецъ Зосима въ одной изъ своихъ „бесѣдъ и поученій“ („О молитвѣ, о любви и о соприкосновеніи мірамъ инымъ“) пишетъ: „Многое на землѣ отъ насъ скрыто, но взамѣнъ того дано намъ тайное, сокровенное ощущеніе живой связи нашей съ міромъ инымъ, съ міромъ горнимъ и высшимъ, да и корни нашихъ мыслей и чувствъ не здѣсь, а въ мірахъ иныхъ. Вотъ почему и говорятъ философы, что сущности вещей нельзя постичь на землѣ. Богъ взялъ сѣмена изъ міровъ иныхъ и посѣялъ на сей землѣ и взростилъ садъ свой, и взошло все, что могло взойти, но взращенное живетъ и живо лишь чувствомъ соприкосновенія своего таинственнымъ міромъ инымъ; если ослабѣваетъ или уничтожается въ тебѣ сіе чувство, то умираетъ и взращенное въ тебѣ. Тогда станешь къ жизни равнодушенъ и даже возненавидишь ее“. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, „чувства соприкосновенія“ человѣкъ не лишенъ, оно роднитъ его съ этими таинственными иными мірами. А при нѣкоторыхъ особенныхъ условіяхъ и прямо приподнимается завѣса, отдѣляющая жалкій человѣческій эвклидовскій умъ отъ иныхъ міровъ. Любопытно въ этомъ отношеніи одно не лишенное остроумія разсужденіе Свидригайлова. „Я согласенъ,—говоритъ онъ Раскольникову,—что привидѣнія являются только больнымъ; но вѣдь это только доказываетъ, что привидѣнія могутъ являться только больнымъ, а не то, что ихъ нѣтъ самихъ по себѣ... Привидѣнія—это, такъ сказать, клочки и отрывки другихъ міровъ, ихъ на-

чало. Здоровому человѣку, разумѣется, ихъ незачѣмъ видѣть, потому что здоровый человѣкъ есть наиболѣе земной человѣкъ, а, стало быть, долженъ жить одною здѣшнею жизнью, для полноты и для порядка. Ну, а чуть заболѣлъ, чуть нарушился нормальный земной порядокъ въ организмѣ, тотчасъ и начинаетъ сказываться возможность иного міра, и чѣмъ больше болѣнъ, тѣмъ и соприкосновеній съ другимъ міромъ больше, такъ что когда умретъ совсѣмъ человѣкъ, то прямо и перейдетъ въ другой міръ".

Если Ставрогинъ говоритъ о болѣзни вообще, какъ о состояніи, въ которомъ становится возможнымъ общеніе съ „по-ту-стороннимъ", по терминологіи гг. Розанова и Мережковскаго, міромъ, то князь-„идіотъ" указываетъ на спеціальный случай нарушенія нормальнаго земного порядка въ организмѣ, особливо способствующій такому общенію. Это—эпилепсія или падучая, и въ древности, и у многихъ современныхъ народовъ считавшаяся и считающаяся „священной" болѣзнью. Причины такого отношенія къ эпилепсіи легко понять, читая описаніе ея у Достоевскаго: „Въ это мгновеніе вдругъ чрезвычайно искажается лицо, особенно взглядъ. Конвульсіи и судороги овладѣваютъ всѣмъ тѣломъ и всѣми чертами лица. Страшный, невообразимый и ни на что непохожій вопль вырывается изъ груди; въ этомъ воплѣ вдругъ исчезаетъ какъ бы все человѣческое, и никакъ невозможно, по крайней мѣрѣ, очень трудно наблюдателю вообразить и допустить, что это кричитъ этотъ же самый человѣкъ. Представляется даже, что кричитъ какъ бы кто-то другой, находящійся внутри этого человѣка. Многіе, по крайней мѣрѣ, такъ изъясняли свое впечатлѣніе, на многихъ же видъ человѣка въ падучей производитъ рѣшительный и невыносимый ужасъ, имѣющій въ себѣ даже нѣчто мистическое". Таковы эпилептическіе припадки для сторонняго наблюдателя. Но Достоевскій былъ слишкомъ знакомъ съ ними по тяжкому личному опыту, чтобы ограничиться этимъ внѣшнимъ, объективнымъ описаніемъ. Въ припадкѣ падучей у князя Мышкина „какъ бы воспламенялся мозгъ и съ необыкновеннымъ порывомъ напрягались разомъ всѣ жизненныя силы его. Ощущеніе жизни, самосознанія почти удесятерялось въ эти мгновенія, продолжавшіяся, какъ молнія. Умъ, сердце озарялись необыкновеннымъ свѣтомъ; всѣ волненія, всѣ сомнѣнія его, всѣ безпокойства какъ бы умиротворялись разомъ, разрѣшались въ какое-то высшее спокойствіе, полное ясной, гармоничной радости и надежды. Но эти моменты, эти проблески были еще только предчувствіемъ той окончательной секунды (никогда не болѣе секунды), съ которой начинался самый припадокъ. Эта секунда была, конечно, невыносима",—невыносима своею ослѣпительною яркостью и полнотою совмѣщавшейся въ ней жизни.

Какъ и Свидригайлову, Мышкину приходитъ въ голову со-

ображеніе, что вѣдь это болѣзнь, нарушеніе нормальнаго состоянія, и поэтому никакого „высшаго бытія“ онъ въ эту минуту не переживаетъ. Но, какъ и Свидригайловъ, онъ отвергаетъ это соображеніе, хотя и по другимъ мотивамъ. Какое мнѣ дѣло,—говоритъ онъ, — до того, что это ненормальное напряженіе, „если самый результатъ, если минута ощущенія, припоминаемая и разсматриваемая уже въ здоровомъ состояніи, оказывается въ высшей степени гармоніей, красотой, даетъ неслыханное и негаданное дотолѣ чувство полноты, мѣры, примиренія и восторженнаго молитвеннаго слитія съ самымъ синтезомъ жизни“. Достоевскій называетъ эти выраженія кн. Мышкина „туманными“, но, говоритъ, самому ему они „казались очень понятными, хотя еще слишкомъ слабыми“. „За этотъ моментъ можно всю жизнь отдать“,— говоритъ Мышкинъ,— „въ этотъ моментъ мнѣ какъ-то становится понятно необычайное слово о томъ, что *времени больше не будетъ*“.

Это необычайное слово вспоминается и Кирилову: „въ Апокалипсисѣ ангелъ клянется, что времени больше не будетъ“,— говоритъ онъ. Кириловъ тоже страдаетъ эпилепсіей или находится наканунѣ заболѣванія. Во всякомъ случаѣ ему знакомо то состояніе блаженства, о которомъ говоритъ кн. Мышкинъ, и описываетъ его онъ почти слово въ слово, какъ тотъ. Разница только, во-первыхъ, въ томъ, что моментъ невыносимаго блаженства тянется у Кирилова нѣсколько дольше (5—10 секундъ), что, конечно, не важно; а во-вторыхъ, въ томъ, что Кириловъ предвидитъ такое физическое измѣненіе природы человѣка, которое дастъ ему „вѣчную жизнь“, - „не будущую вѣчную, а здѣшнюю вѣчную“, — поясняетъ онъ. Въ этомъ новомъ физическомъ видѣ тѣ блаженныя секунды станутъ для человѣка вполнѣ выносимыми, нормальными, человѣкъ будетъ богомъ...

Таковъ рядъ мыслей Достоевскаго или его дѣйствующихъ лицъ, который слѣдуетъ поставить рядомъ съ его (или опять-таки его дѣйствующихъ лицъ) убѣжденіемъ въ томъ, что человѣкъ по самой природѣ своей любитъ мучить другихъ и самъ мучиться, что жестокость и сладострастіе суть его основныя свойства. Я оговариваюсь: Достоевскаго или его дѣйствующихъ лицъ,— но, благодаря существованію „Дневника писателя“, нѣтъ сомнѣнія, что въ основаніи своемъ это мысли самого Достоевскаго. Только нѣкоторыя крайнія формы ихъ, представляя собою все-таки авторскую, хотя и завѣдомо фантастическую мечту, авторское, хотя и не ясное чаяніе, усвоены имъ тому или другому дѣйствующему лицу. Съ какого-нибудь, напримѣръ, Кирилова, въ виду его психической болѣзни, природнаго косноязычія, взволнованности по поводу предстоящаго ему самоубійства, — нельзя требовать логики, ясности мысли и изложенія. Однако, и въ этомъ намѣренно криво устроенномъ зеркалѣ отражается авторъ. Но въ этомъ какъ бы прятаньи за спиной своихъ собственныхъ

созданій нельзя видѣть результатъ трусости,—Достоевскій вообще ею не страдалъ и, напротивъ, даже щеголялъ эксцентричностью и парадоксальностью; но свои сомнѣнія онъ естественно влагалъ въ уста и лицамъ сомнительнымъ.

Эту же черту встрѣчаемъ мы и еще въ одномъ циклѣ его идей, къ которому теперь и обратимся.

„Ликъ міра сего очень не нравится“ Достоевскому, но вмѣстѣ съ тѣмъ „русскіе порядки“ представляются ему неприкосновенными настолько, что „нападеніе“ на нихъ, чисто словесное, было въ его глазахъ равно воинствующему атеизму, нападенію на самого Бога; правда, того особеннаго, исключительнаго Бога, который недоступенъ и враждебенъ Богамъ другихъ народовъ, но который долженъ ихъ, однако, объединить и спасти. Значитъ, ликъ міра сего не хорошъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ несовмѣстимъ съ русскими порядками и противорѣчитъ имъ. Это прежде всего ликъ европейскаго міра. Западная Европа отнюдь не на всемъ своемъ длинномъ и трудномъ историческомъ пути вызывала въ Достоевскомъ отрицательныя чувства. Она представлялась ему „великимъ кладбищемъ“, гдѣ похоронены и его, Достоевскаго, свѣтлыя надежды (это же говорятъ Версиловъ и Иванъ Карамазовъ), но въ настоящемъ онъ видитъ въ ней мало хорошаго, а въ ближайшемъ будущемъ пророчитъ ей разгромъ и полное паденіе. Кромѣ этого общаго пророчества, онъ высказывалъ не мало частныхъ политическихъ предсказаній, назначая очень близкіе сроки ихъ исполненія. Ни одно изъ нихъ пока не исполнилось, да и не предвидится ихъ исполненія; и наоборотъ, ни одно изъ крупныхъ политическихъ событій, потрясшихъ въ послѣднее время міръ, не было имъ предвидѣно. Одно изъ своихъ пророчествъ онъ вложилъ въ 1871—1872 г. въ уста едва ли не отвратительнѣйшаго изъ героевъ „Бѣсовъ“—Петра Верховенскаго; при томъ въ формѣ не столько пророчества, сколько проекта. „Я думаю отдать міръ папѣ,—говоритъ Верховенскій.—Пусть онъ выйдетъ пѣшъ и босъ и покажется черни: „Вотъ, дескать, до чего меня довели!“ и все повалитъ за нимъ, даже войско. Папа вверху, мы кругомъ, а подъ нами Шигалевщина. Надо только, чтобы съ папой internationale согласились; такъ и будетъ. А старикашка согласится мигомъ. Да другого ему и выхода нѣтъ, вотъ помяните мое слово“. Верховенскій развиваетъ этотъ проектъ Ставрогину, но и самъ сомнѣвается въ его осуществимости: „глупо? говорите, глупо или нѣтъ?“ спрашиваетъ онъ, а Ставрогинъ и слушать его не хочетъ. Но черезъ нѣсколько лѣтъ, въ „Дневникѣ писателя“ 1876 г. (Мартъ, „Сила мертвая и силы грядущія“) Достоевскій уже отъ своего собственнаго имени и довольно пространно развиваетъ мысль узколобаго и наглаго негодяя Петра Верховенскаго въ видѣ пророчества. „Потерявъ союзниковъ царей,—читаемъ тамъ,—католичество несомнѣнно бросится къ демосу“. И Достоевскій

сочиняетъ за папу „льстивую“ рѣчь, съ которою тотъ обратится къ демосу, и, говоритъ, „безъ сомнѣнія, демосъ приметъ предложеніе“. Любопытно слѣдующее замѣчаніе, сопровождающее это предсказаніе: „Я уже разъ говорилъ обо всемъ этомъ, но говорилъ мелькомъ въ романѣ. Пусть мнѣ простятъ мою самонадѣянность, но я увѣренъ, что все это осуществится въ Западной Европѣ въ той или другой формѣ“. Позволительно предположить, что такой увѣренности у Достоевскаго не было, когда онъ влагалъ свою мысль въ уста узколобаго Верховенскаго. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что, возвращаясь вновь къ этой идеѣ въ „Дневникѣ писателя“ 1877 г. (Май—іюнь „И сердиты и сильныя“), Достоевскій употребляетъ уже не столь рѣшительныя выраженія: „Если папство когда-нибудь будетъ покинуто и отброшено правительствами міра сего, то весьма и весьма *можетъ случиться*, что оно бросится въ объятія соціализма и соединится съ нимъ воедино. Папа выйдетъ ко всѣмъ нищимъ пѣшъ и босъ“ и т. д.

Частности той легкомысленной политической диссертаціи, въ которую, тоже какъ частность, вкраплено это предсказаніе, для насъ не интересны. Общая же мысль Достоевскаго состоитъ въ томъ, что идея всемірнаго единенія людей есть коренная и неистребимая идея человѣчества—иногда всего человѣчества, такъ что и Тамерланы и Чингисъ-Ханы служили ей, иногда только европейскаго человѣчества, иногда только арійской расы. Впервые идею эту осуществила римская имперія. Съ паденіемъ Рима, идея возродилась въ видѣ всемірнаго единенія во Христѣ. Но на этотъ разъ великая идея воплотилась въ двухъ формахъ,—римско-католической и восточно-православной. Католицизмъ объявилъ христіанство неосуществимымъ безъ всемірной свѣтской, государственной власти папы, и является въ этомъ смыслѣ прямымъ наслѣдіемъ языческой римской монархіи. Ея же идею усвоила себѣ и великая французская революція, и современный европейскій соціализмъ. Восточный христіанскій идеалъ исключительно духовнаго всемірнаго единенія во Христѣ остался неприкосновеннымъ. Достоевскій называетъ его „русскимъ соціализмомъ“. „Цѣль и исходъ русскаго соціализма,—пишетъ онъ въ единственномъ номерѣ „Дневника“ за 1881 годъ,—всенародная и вселенская Церковь, осуществленная на землѣ, поколику земля можетъ вмѣстить ее. Я говорю про неустанную жажду въ народѣ русскомъ, всегда въ немъ присущую, великаго, всеобщаго, всенароднаго, всебратскаго единенія во имя Христово. И если нѣтъ еще этого единенія, если не созиждилась еще Церковь вполнѣ, уже не въ молитвѣ одной, а на дѣлѣ, то всетаки инстинктъ этой Церкви и неустанная жажда ея, иной разъ даже почти безсознательная, въ сердцѣ многомилліоннаго народа нашего несомнѣнно присутствуетъ. Не въ коммунизмѣ, не въ механическихъ формахъ заключается соціализмъ народа русскаго: онъ вѣритъ, что спасется

лишь въ концѣ концовъ всесвѣтнымъ единеніемъ во имя Христово. Вотъ нашъ русскій соціализмъ."

Западный идеалъ христіанства получаетъ оригинальное освѣщеніе въ знаменитой „поэмѣ" Ивана Карамазова „Великій инквизиторъ". Это собственно не христіанство, а такая поправка къ нему, которая изгоняетъ самого Христа. Католичество отвергло Христа и приняло „умнаго и могучаго духа", искушавшаго Христа въ пустынѣ. Оно вооружилось мечомъ и облеклось въ порфиру римскаго кесаря и основало земное царство. Изъ любви и снисхожденія къ людямъ, силы которыхъ Христосъ слишкомъ высоко оцѣнивалъ, оно поддѣлало ученіе Христа и вмѣсто свободы, которой онъ хотѣлъ, потребовало отъ паствы послушанія. Дѣло это еще далеко не закончено, но Великій инквизиторъ не сомнѣвается въ томъ, что оно будетъ благополучно доведено до конца. Передъ нимъ рисуется картина многомилліоннаго робкаго и покорнаго людского стада, гордящагося могуществомъ своихъ вождей, которые устроятъ земное царство этихъ глупыхъ и слабыхъ барановъ и позволятъ имъ даже грѣшить, взявъ на себя ихъ грѣхи. „Мы все разрѣшимъ, — говоритъ Великій инквизиторъ Христу,—и они повѣрятъ рѣшенію нашему съ радостію, потому что оно избавитъ ихъ отъ великой заботы и страшныхъ теперешнихъ мукъ рѣшенія личнаго и свободнаго. И всѣ будутъ счастливы, всѣ милліоны существъ, кромѣ сотни управляющихъ ими. Ибо лишь мы, мы, хранящіе тайну, только мы будемъ несчастны. Будетъ тысячи милліоновъ счастливыхъ младенцевъ и сто тысячъ страдальцевъ, взявшихъ на себя проклятіе познанія добра и зла. Тихо умрутъ они, тихо угаснутъ во имя Твое и за гробомъ обрящутъ лишь смерть. Но мы сохранимъ секретъ и для ихъ же счастія будемъ манить ихъ наградою небесною и вѣчною. Ибо если бъ и было что на томъ свѣтѣ, то ужъ, конечно, не для такихъ, какъ они."

Не таковъ восточно-православный идеалъ христіанства—„русскій соціализмъ" тожъ. Его девизъ есть свобода, а не послушаніе, не покорность; братское единеніе, а не раздѣленіе на горсть управляющихъ и милліоны рабовъ. „Не можетъ одна малая часть человѣчества владѣть всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ, какъ рабомъ, а вѣдь для этой единственной цѣли и слагались до сихъ поръ *всѣ* гражданскія (уже давно не христіанскія) учрежденія Европы теперь совершенно языческой" („Дневникъ писателя", 1880, августъ). Правда, спускаясь съ высоты идеала въ низины дѣйствительности, Достоевскій обличаетъ отколовшихся отъ „русскихъ порядковъ" „демократовъ" и „либераловъ" въ томъ, что они тянутъ къ „господчинѣ", и противопоставляетъ имъ европейскихъ демократовъ, всегда стоящихъ за народъ, за массу, или, по крайней мѣрѣ, опирающихся на нее. Но отдѣльные выродки идутъ, пожалуй, и дальше. Таковъ въ „Бѣсахъ" Шигалевъ. Этотъ

полоумный человѣкъ сочиняетъ проектъ, довольно похожій на идеалъ Великаго инквизитора. Надо только имѣть въ виду, что, по его признанію, онъ „запутался въ собственныхъ данныхъ и его заключеніе въ прямомъ противорѣчіи съ первоначальной идеей, изъ которой онъ выходитъ.“ Съ одной стороны, онъ проповѣдникъ равенства, во имя котораго „Цицерону отрѣзывается языкъ, Коперникуыкалываются глаза, Шекспиръ побивается камнями.“ Но, съ другой стороны, онъ совершенно въ духѣ Великаго инквизитора проектируетъ раздѣленіе человѣчества на двѣ неравныя части. „Одна десятая доля получаетъ свободу личности и безграничное право надъ остальными девятью десятыми. Тѣ же должны потерять личность и обратиться въ родѣ какъ въ стадо и при безграничномъ повиновеніи достигнуть рядомъ перерожденій первобытной невинности, въ родѣ какъ бы первобытнаго рая, хотя, впрочемъ, и будутъ работать.“ И, какъ опять таки у Великаго инквизитора, „желаніе и страданіе для насъ (для избранныхъ), а для рабовъ Шигалевщина“,—комментируетъ Петръ Верховенскій.

Ту же идею раздѣленія людей на два разряда исповѣдуетъ и Раскольниковъ. Для него человѣчество раздѣляется на необыкновенныхъ людей, геніевъ или вообще способныхъ сказать новое слово, и людей обыкновенныхъ, „дрожащую тварь“, могущую только повиноваться или быть жертвою первыхъ. А эти жертвы, и часто кровавыя, необходимы, потому что необыкновенные люди по необходимости же преступники, разрушители установившагося, привычнаго для окружающихъ. Имъ не то что разрѣшается, а они сами разрѣшаютъ себѣ переступить обязательный для обыкновенныхъ людей законъ, пролить кровь, принести въ міръ великое страданіе, и человѣчество оправдываетъ ихъ въ концѣ концовъ, вѣнчаетъ ихъ лаврами, рукоплещетъ, молится на нихъ. Передъ Раскольниковымъ витаетъ образъ Наполеона, безъ зазрѣнія совѣсти лившаго кровь „дрожащей твари“ и ею возвеличеннаго. Но самъ Раскольниковъ, убивъ старуху закладчицу, не выдержалъ, совѣсть замучила его, онъ покаялся, принялъ каторгу, какъ законное возмездіе за свой грѣхъ, и оказался, такимъ образомъ, обыкновеннымъ человѣкомъ.

Чувство грѣха, жажду искупленія его страданіямъ, работу совѣсти, Достоевскій очень высоко цѣнилъ *). Онъ видѣлъ въ ней преимущественно народную русскую черту. „Звѣрства въ народѣ много,—писалъ онъ въ „Дневникѣ“ 1877 г. (май—іюль),—но не указывайте на него. Это звѣрство — тина вѣковъ, она вычистится. И не то бѣда, что есть еще звѣрство; бѣда въ томъ, если звѣрство вознесено будетъ, какъ добродѣтель. Я видалъ и разбойни-

*) См. объ этомъ, между прочимъ, интересную книжку г. Волжскаго «Два очерка объ Успенскомъ и Достоевскомъ». Спб. 1902.

ковъ, страшно много надѣлавшихъ звѣрства и павшихъ развращенною и ослабѣвшею волею своею ниже всего низкаго; но эти развращенные и столь упавшіе звѣри знали, по крайней мѣрѣ, про себя, что они звѣри, и чувствовали, сколь упали они, и въ минуты чистыя и свѣтлыя, которыя и звѣрямъ посылаетъ Богъ,—сами умѣли осудить себя, хотя часто не въ силахъ уже были подняться. Другое дѣло, когда звѣрство воздвигается надъ всѣми, какъ идолъ, и люди ему поклоняются, считая себя именно за это „добродѣтельными". Или: „На Западѣ, гдѣ хотите и въ какомъ угодно народѣ,—развѣ меньше пьянства и варварства, не такое же развѣ звѣрство, и при томъ ожесточеніе (чего нѣтъ въ нашемъ народѣ) и уже истинное, заправское невѣжество, настоящее непросвѣщеніе, потому что иной разъ соединено съ такимъ беззаконіемъ, которое уже не считается тамъ грѣхомъ, а именно стало считаться правдой, а не грѣхомъ. Но пусть, пусть всетаки въ нашемъ народѣ звѣрство и грѣхъ, но вотъ что въ немъ есть неоспоримо: это именно то, что онъ, въ своемъ цѣломъ, по крайней мѣрѣ (и не въ идеалѣ только, а въ самой заправской дѣйствительности), никогда не принимаетъ, не приметъ и не захочетъ принять своего грѣха за правду! Онъ согрѣшитъ, но всегда скажетъ, рано-ли, поздно-ли: я сдѣлалъ неправду. Если согрѣшившій не скажетъ, то другой за него скажетъ, и правда будетъ восполнена. Грѣхъ есть смрадъ, и смрадъ пройдетъ, когда возсіяетъ солнце вполнѣ. Грѣхъ есть дѣло преходящее, а Христосъ вѣчное. Народъ грѣшитъ и пакостится ежедневно, но въ лучшія минуты, въ Христовы минуты, онъ никогда въ правдѣ не ошибется" („Дневникъ" 1880, августъ).

Мнѣ очень жаль, если читатель пробѣжалъ все вышеизложенное мелькомъ, на томъ основаніи, что все это ему уже хорошо знакомо, все это онъ читалъ у самого Достоевскаго. Чтеніе чтенію рознь. И нынѣ, когда звѣзда Достоевскаго, повидимому, вновь загорается, и онъ можетъ стать предметомъ такого же слѣпого увлеченія, какими у насъ въ разное время были и есть Дарвинъ, Толстой, Марксъ, Ничше,—очень не вредно выдѣлить нѣкоторыя его основныя идеи, заваленныя въ его огромномъ литературномъ наслѣдствѣ иллюстрирующими образами и картинами несравненной художественной силы и второстепенными мыслями и замѣчаніями. Я это и старался сдѣлать, воздерживаясь отъ какихъ бы то ни было критическихъ замѣчаній и совершенно минуя подробности въ родѣ постояннаго смѣшенія національнаго, съ одной стороны, съ народнымъ, а съ другой — съ соціальнымъ и т. п.

Приведенныя идеи Достоевскаго составляютъ тотъ инструментъ, на которомъ г. Мережковскій разыгрываетъ свои варьяціи,

усиленно и до надоѣдливости часто нажимая на однѣ клавиши, еле касаясь и даже совсѣмъ обходя другія. Такая неравномѣрность зависитъ отъ двухъ причинъ. Во-первыхъ, подъ рѣчами Достоевскаго и его героевъ слышится трепетъ сомнѣній и колебаній, принимающій иногда характеръ настоящей бури, а г. Мережковскаго скептицизмъ не мучаетъ, у него есть своя догма, очень туманная, очень запутанная на посторонній глазъ, но вполнѣ его удовлетворяющая, благодаря его способности довольствоваться словами, если они, независимо отъ ихъ смысла, красиво укладываются рядомъ. Во-вторыхъ, сюда вмѣшалось вліяніе Ничше, побуждающее г. Мережковскаго, усиленно подчеркивая пункты сходства между нѣмецкимъ мыслителемъ и русскимъ романистомъ, въ тоже время ставить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ плюсъ или минусъ тамъ, гдѣ у Достоевскаго стоитъ, наоборотъ, минусъ или плюсъ, а иное и совсѣмъ обходить молчаніемъ.

Мы видѣли, что г. Розановъ усмотрѣлъ что то „почти религіозное“ въ словѣ „взоръ“. Такое же странное отношеніе къ терминамъ „религія“, „религіозный“ встрѣчаемъ и у г. Мережковскаго. Онъ приводитъ, напримѣръ, слѣдующее мѣсто изъ разговора Раскольникова съ Разумихинымъ въ „Преступленіи и наказаніи“: „Истинно великіе люди, мнѣ кажется, должны ощущать на свѣтѣ великую грусть,—прибавилъ онъ (Раскольниковъ) вдругъ, задумчиво, *даже не въ тонъ разговора*“. Подчеркнувъ послѣднія слова, г. Мережковскій замѣчаетъ: „Странное это сказано слово „не въ тонъ разговора“: оно какъ будто нечаянно сорвалось у Раскольникова. По-ту-стороннее, почти религіозное слово“. Что слова: „великіе люди должны ощущать великую грусть“ сорвались у Раскольникова нечаянно,—это вполнѣ вѣроятно, и, надо думать, именно это и хотѣлъ сказать Достоевскій, отмѣтивъ, что они были сказаны не въ тонъ разговора. Но что въ нихъ „по-тусторонняго“, то есть лежащаго за предѣлами опыта и наблюденія, и религіознаго или почти религіознаго? и почему эпитеты „потусторонній“ и „религіозный“ тождественны? и что собственно значитъ выраженіе „религіозное слово“? какъ вообще слово, обыкновенное человѣческое слово можетъ быть религіознымъ или почти религіознымъ? На всѣ эти вопросы мы не получимъ отвѣтовъ изъ книги г. Мережковскаго, потому что онъ, подобно г. Розанову, нигдѣ не даетъ своего опредѣленія религіи, хотя и много говоритъ о религіозномъ сознаніи, о религіи Богочеловѣка и религіи Человѣкабога, о религіи Наполеона и проч. и написалъ слишкомъ 500 печатныхъ страницъ на тему „Религія Л. Тостого и Достоевскаго“. Въ одномъ мѣстѣ онъ приводитъ опредѣленіе, данное Толстымъ: „Сущность религіи состоитъ въ отвѣтѣ на вопросъ, зачѣмъ я живу и какое мое отношеніе къ окружающему меня безконечному міру. Вся же метафизика религіи, всѣ ученія о божествахъ, о происхожденіи міра суть только различные по

географическимъ, этнографическимъ и историческимъ условіямъ сопутствующіе религіи признаки",—„то есть, говоря проще и откровеннѣе, суть вздоръ",—иронически прибавляетъ г. Мережковскій. Я не считаю опредѣленіе Толстого удовлетворительнымъ, но думаю, что то, что онъ называетъ метафизикой религіи, есть дѣйствительно ея измѣняющійся сообразно географическимъ, этнографическимъ, историческимъ, соціальнымъ условіямъ элементъ. И неизвѣстно, почему г. Мережковскій полагаетъ, что съ точки зрѣнія Толстого эта „метафизика религіи" есть вздоръ. Разумѣется, намъ можетъ казаться вздоромъ ученіе какихъ-нибудь дикарей о происхожденіи міра и божествахъ; но для нихъ это не вздоръ, а нѣчто удовлетворяющее ихъ младенческій разумъ, связанное съ ихъ отношеніями къ своимъ и чужимъ и указующее имъ путь жизни. Да не вздоръ это и для насъ, по крайней мѣрѣ, съ исторической точки зрѣнія, какъ историческій матеріалъ, хотя, конечно, не въ этихъ ученіяхъ сущность религіи. И во всякомъ случаѣ, читая разсужденія Толстого о религіи, мы можемъ съ нимъ соглашаться или не соглашаться, но мы, по крайней мѣрѣ, знаемъ, о чемъ онъ говоритъ. О писаніяхъ г. Мережковскаго этого отнюдь нельзя сказать. Мы, напримѣръ, рѣшительно не знаемъ, что уполномочиваетъ его называть „почти религіознымъ" только что приведенное изреченіе Раскольникова, вѣрное или невѣрное, но представляющее собою вполнѣ обыкновенное словесное выраженіе итога вполнѣ обыкновенныхъ наблюденій и размышленій.

Далеко не всѣ этого рода неясности г. Мережковскаго, но хоть нѣкоторую часть ихъ можно свести къ ходячему, но совершенно невѣрному и произвольному отождествленію понятій религіи и вѣры. Въ „Отрывкахъ о религіи" я уже имѣлъ случай обращать вниманіе читателей на это обстоятельство. Вѣра, какъ и знаніе, входитъ въ составъ религіи, представляя собою, однако, лишь одинъ изъ ея элементовъ. Можно исповѣдывать извѣстное вѣроученіе и дѣйствительно вѣровать, и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣть религіи, ибо вѣра безъ дѣла мертва есть. Это даже очень обыкновенный случай. Человѣкъ религіозенъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой его этическіе идеалы, его пониманіе добра и зла и его поведеніе находятся въ гармоніи съ его міропониманіемъ, состоитъ ли послѣднее изъ вѣрованій, или знаній, или изъ комбинаціи тѣхъ и другихъ. Религія начинается тамъ, гдѣ вѣра или знаніе, согласованныя съ нравственными идеалами человѣка, властно побуждаютъ человѣка къ дѣйствію въ извѣстномъ направленіи. Поэтому понятія вѣры и религіи отнюдь не покрываютъ другъ друга, какъ и вообще часть не можетъ покрыть цѣлое. Упуская это изъ виду, г. Мережковскій слишкомъ злоупотребляетъ словами „религія", „религіозный", придавая имъ не надлежащее значеніе и тѣмъ запутывая свою и безъ того запутанную мысль.

Этому же способствуетъ у него смѣшеніе религіи и религіознаго съ мистикой и мистическимъ. (Съ этой именно точки зрѣнія онъ особенно негодуетъ на Толстого, не находя въ его ученіи мистическихъ элементовъ). Мистицизмъ предполагаетъ возможнымъ познаніе путемъ не опыта, наблюденія и комбинирующго ихъ разума, но и не разъ навсегда даннаго откровенія, а непосредственнаго общенія съ божествомъ; познаніе скрытаго отъ насъ „потусторонняго", „нуменальнаго" міра. Мистицизмъ часто сопутствуетъ различнымъ религіямъ, но это вовсе не обязательно и смѣшивать ихъ нѣтъ никакого основанія. Былъ ли мистикомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова Достоевскій,—сказать трудно. Отъ себя лично онъ осторожно говорилъ только о „касаніи къ мірамъ инымъ", о необходимости для человѣка помнить объ ихъ существованіи, иначе сказать,—объ ограниченности нашего „эвклидовскаго" ума. Безпутному и распутному Свидригайлову предоставляетъ онъ намекать на остроумную теорію привидѣній, какъ „клочковъ" этихъ міровъ, являющихся ненормальнымъ, больнымъ людямъ. Судя, однако, по тѣмъ пустякамъ, о которыхъ бесѣдовали съ Свидригайловымъ его привидѣнія, они не вынесли „съ той стороны" ничего такого, что превышало бы границы „эвклидовскаго" ума. Значительнѣе чортъ, являвшійся больному Ивану Карамазову, но, во-первыхъ, авторъ не выдаетъ его за выходца „съ той стороны", а во-вторыхъ, и онъ не сообщилъ ничего разрѣшающаго противорѣчія, сомнѣнія и колебанія Карамазова. Страдающій „священною болѣзнью" князь-„идіотъ" и кандидатъ въ эпилептики, Кириловъ испытываютъ въ извѣстные моменты невыносимое для нормальнаго земного человѣка блаженство, въ которомъ гармонически разрѣшаются или, вѣрнѣе, утопаютъ, исчезаютъ всѣ этого рода противорѣчія и сомнѣнія, но если это и отраженіе гармоніи „иныхъ міровъ", то это всетаки только ощущеніе „касанія"; ничего не вынесли „съ той стороны" Мышкинъ и Кириловъ, кромѣ того, что „та сторона" существуетъ и что въ ней нѣтъ многаго, что терзаетъ и мучитъ земного человѣка съ его эвклидовскимъ умомъ. Кириловъ думаетъ, что, для постиженія всего скрытаго отъ человѣка, онъ долженъ перемѣниться физически, и надѣется, что такъ и будетъ, но и онъ, столь категорическій въ своихъ рѣчахъ вообще, съ сомнѣніемъ спрашиваетъ Ставрогина, какъ тотъ думаетъ,—возможно ли это? Достоевскаго несомнѣнно влекло къ „инымъ мірамъ", но онъ всегда сознавалъ невозможность въ нихъ проникнуть и постоянно терзался мыслью объ этой недостижимости; онъ желалъ вѣрить, что тамъ имѣется оправданіе господствующему на землѣ злу и страданію, но и въ этомъ отношеніи колебался и твердо стоялъ только на „касаніи", то есть на признаніи слабости, ограниченности человѣческаго ума, условности и относительности всѣхъ нашихъ понятій. Все цѣнное, что оставилъ намъ его геній, равно какъ

и всѣ его ошибки, со включеніемъ его неудачныхъ политическихъ предсказаній, было плодомъ его земныхъ наблюденій и тяжкаго личнаго опыта. Тономъ пророка, которому открыто нѣчто, отъ вѣка для другихъ сокровенное, онъ отъ своего имени никогда не говорилъ,—такъ говорятъ только нѣкоторыя дѣйствующія лица его романовъ.

Г. Мережковскій могъ бы быть однимъ изъ такихъ дѣйствующихъ лицъ. Онъ говоритъ о чортѣ, объ Антихристѣ, о грядущемъ въ близкомъ будущемъ концѣ міра и т. п., ссылаясь при этомъ на „потусторонній міръ нуменовъ", какъ будто побывалъ тамъ, какъ будто на немъ осуществилась надежда Кирилова, и онъ перемѣнился физически и видитъ поверхъ опыта и наблюденія, или какъ будто самъ Богъ открылъ ему двери въ ту сторону. Но такъ какъ ни того, ни другого нѣтъ, то онъ принужденъ всетаки прибѣгать къ обыкновенному человѣческому разсужденію и разсуждаетъ, напримѣръ, такъ. Человѣкъ есть существо, ограниченное извѣстными физическими условіями; съ перемѣною этихъ условій (г. Мережковскій очень сочувственно относится къ идеѣ Кирилова и даже, повидимому, считаетъ ее аксіомой), для человѣка станетъ яснымъ и допустимымъ многое такое, что онъ сейчасъ, по своей ограниченности, правомѣрно считаетъ неяснымъ и недопустимымъ; и вотъ ему станетъ ясно, понятно то-то и то-то, что уже и теперь ясно и понятно г. Мережковскому. На это можно бы было возразить, конечно, очень многое. Даже допуская возможность такой физической перемѣны человѣка, которая совершенно измѣнитъ формы его мышленія (допуская, напримѣръ, что, по предположенію Кирилова и г. Мережковскаго, „время погаснетъ въ умѣ"),—какое основаніе думать, что перемѣна эта откроетъ намъ новые горизонты, а не затемнитъ и нынѣ существующіе? Г. Мережковскій, презирающій слово „прогрессъ" и самое понятіе о немъ, казалось бы, долженъ допустить и такую возможность. Но и не касаясь вопроса о прогрессивности или регрессивности измѣненія, вообще почему окажется при немъ возможнымъ то, что считаетъ уже теперь возможнымъ ограниченный г. Мережковскій, а не какая бы то ни было другая фантазія какого-нибудь столь же и тѣми же условіями ограниченнаго человѣка? Въ сферѣ невозможнаго все одинаково возможно. Всѣ подобныя замѣчанія г. Мережковскій встрѣтитъ, конечно, градомъ жестокихъ словъ: пошлость, Смердяковскій здравый смыслъ, смѣшанно-смѣшная середина, и все это съ паѳосомъ человѣка, побывавшаго „на той сторонѣ", который не брезгаетъ, однако, и неудачными попытками „посюсторонняго", обыкновеннаго логическаго разсужденія, равно какъ и ссылками на земные авторитеты. Правда, съ этими авторитетами онъ разрѣшаетъ себѣ вполнѣ свободное обращеніе...

Признакъ приближающагося конца міра,—говоритъ г. Мереж-

ковскій—„и есть эта вдругъ сразу на всѣхъ крайнихъ высшихъ точкахъ человѣческаго духа забрежжившая мысль о концѣ. „*Der Mensch ist Etwas, das überwunden sein muss. Человѣкъ есть то, что надо преодолѣть*, такъ говоритъ Заратустра-Ничше. „*Родъ человѣческій долженъ прекратиться*“—соглашается съ Ничше Толстой. „*Конецъ міра идетъ*“—соглашается и Достоевскій. Всѣ трое точно сговорились въ этомъ самомъ смѣшномъ и невѣроятномъ для современныхъ людей безконечнаго „прогресса“, самомъ страшномъ и достовѣрномъ для насъ пророчествѣ: *близокъ всему конецъ*“ (529).

Вглядимся въ цитаты г. Мережковскаго. Заратустра-Ничше дѣйствительно говоритъ, что человѣкъ muss überwunden sein, и это одна изъ излюбленнѣйшихъ и характернѣйшихъ для Ничше мыслей; но она не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія ни къ близкому, ни къ отдаленному концу міра. Мало того, Ничше является въ этомъ случаѣ сторонникомъ какъ разъ той идеи „прогресса“, которую г. Мережковскій не можетъ оставить безъ ироническихъ ковычекъ. По мысли Ничше, человѣкъ долженъ быть отодвинутъ новымъ, болѣе совершеннымъ видомъ—„сверхчеловѣка“, которому предстоятъ многія лѣта на землѣ. Такимъ образомъ, произвольно вырвавъ отдѣльную фразу Ничше, г. Мережковскій толкуетъ ее какъ разъ наоборотъ тому, что тотъ хотѣлъ сказать. Да и въ такомъ толкованіи эта фраза отнюдь не подтверждаетъ пророчества г. Мережковскаго: не извѣстно когда имѣющее произойти „преодолѣніе“ человѣка и „*близкій конецъ всему*“ — не одно и то же. Г. Мережковскій вообще не церемонится съ цитатами, хотя и печатаетъ ихъ курсивомъ и заключаетъ ихъ въ ковычки,— все признаки нарочитой точности. Такъ, словъ, приписанныхъ имъ Толстому, у Толстого нѣтъ. Въ данномъ случаѣ это, пожалуй, и неважная неточность, потому что словами этими всетаки выражается мысль Толстого, но, будучи опять-таки вырвана изъ цѣлаго, она въ такомъ видѣ скрываетъ кое-что очень важное. Въ „Крейцеровой сонатѣ“ Позднышевъ, въ отвѣтъ на замѣчаніе собесѣдника, говоритъ: „Зачѣмъ ему продолжаться, роду-то человѣческому?“ И далѣе: „Родъ человѣческій прекратится? Да неужели кто-нибудь, какъ бы онъ ни смотрѣлъ на міръ, можетъ сомнѣваться въ этомъ? Вѣдь это такъ же несомнѣнно, какъ смерть. Вѣдь по всѣмъ ученіямъ церковнымъ придетъ конецъ міра и по всѣмъ ученіямъ научнымъ неизбѣжно то же самое“. Позднышевъ не точно выражается: и церковныя, и научныя ученія говорятъ о концѣ не *міра*, а только земли, съ концомъ которой начнется вѣчная жизнь по однимъ ученіямъ, не прекратится жизнь небесныхъ тѣлъ—по другимъ. Отъ себя, въ „Послѣсловіи къ Крейцеровой сонатѣ“ Толстой выражается точнѣе: „Уничтоженіе рода человѣческаго не есть понятіе новое для людей нашего міра, а есть для религіозныхъ людей догматъ вѣры, для научныхъ же

людей неизбѣжный выводъ наблюденій объ охлажденіи солнца". Итакъ, Толстой вовсе не выдаетъ себя за пророка, который, въ единеніи съ Ничше и Достоевскимъ (не считая г. Мережковскаго), возвѣстилъ людямъ новое ученіе о концѣ человѣческаго рода. И, дѣйствительно, всѣ вѣрующіе христіане знаютъ эту будто бы новость, знаютъ ее и люди науки; новость только въ томъ, что *близокъ* конецъ, при томъ *всему*. Для вѣрующихъ христіанъ это новость потому, что имъ сказано: „не вѣсте ни дня, ни часа", для людей науки потому, что по ихъ приблизительнымъ разсчетамъ землѣ остается жить милліоны лѣтъ, — и неужели человѣчество осуждено въ теченіе этихъ милліоновъ читать и слушать поэзію и прозу господъ декадентовъ, „упадочниковъ", которыми, по словамъ г. Мережковскаго,—уже начинается конецъ міра?! Многогрѣшенъ человѣческій родъ, но такая кара была бы поистинѣ слишкомъ жестокою... Замѣтимъ, что и Толстой не говоритъ о *скоромъ* концѣ, онъ, подобно всѣмъ смертнымъ, — не знаетъ этого, и такимъ образомъ, изъ „всѣхъ крайнихъ точекъ человѣческаго духа" (не считая опять-таки г. Мережковскаго), на которыхъ „вдругъ сразу" забрежжила мысль о близкомъ концѣ, остается одинъ Достоевскій. Этотъ будто-бы прямо сказалъ: „конецъ міра идетъ". Пишу *будто бы*, потому что у самого Достоевскаго такихъ словъ нѣтъ, хотя, можетъ быть, кто-нибудь изъ его дѣйствующихъ лицъ, подобныхъ г. Мережковскому, и говорилъ это.

Любопытно еще вотъ что. И Позднышевъ, и Толстой ничего не знаютъ о путяхъ, ведущихъ къ концу, и не предсказываютъ, а выражаютъ желаніе, чтобы путь этотъ состоялъ въ прекращеніи дѣторожденія, благодаря исчезновенію половой жизни, той половой жизни, которой гг. Розановъ и Мережковскій поютъ гимны и на которой, главнымъ образомъ, основывается ихъ „новая концепція христіанства". И г. Мережковскій горячо протестуетъ противъ „Крейцеровой сонаты", но это не мѣшаетъ ему схватить изъ нея одну строчку, тѣснѣйшимъ образомъ связанную съ цѣлымъ, чтобы указать и въ Толстомъ своего единомышленника.

Г. Мережковскій не церемонится и съ временемъ, какъ оно, впрочемъ, и естественно для человѣка, увѣреннаго, что вотъ-вотъ „время погаснетъ въ умѣ". Мы видѣли, что появленіе въ русской, и именно въ русской, литературѣ декадентовъ знаменуетъ собою начало конца „всемірной исторіи" и вообще „всего", и конецъ этотъ такъ близокъ, что людямъ „новаго религіознаго сознанія" надо куда-то очень торопиться, иначе поздно будетъ. А между тѣмъ, какія колоссальныя дѣла должны они совершать въ столь короткій промежутокъ времени! Они должны добиться „всемірнаго объединенія людей", о каковомъ объединеніи въ настоящую минуту нельзя вѣдь еще и мечтать, а прежде еще надо основать въ Россіи царство легендарнаго „пресвитера Іоанна", обратить государство въ церковь. Затѣмъ они должны пережить, а можетъ

быть, и изъ своей среды выставить Антихриста. Да, можетъ быть, и изъ своей среды. По крайней мѣрѣ, я, прочитавъ внимательно обширное сочиненіе г. Мережковскаго, принужденъ допустить и такую возможность.

Г. Мережковскій очень негодуетъ на Толстого за изображеніе Наполеона въ „Войнѣ и мирѣ",—слишкомъ непочтительно это изображеніе. Толстой не понялъ, да по своему „средне-высшему" положенію и умонастроенію и не могъ понять великаго французскаго императора. За то его превосходно понялъ, если не Достоевскій, то Раскольниковъ, признавшій въ немъ одного изъ тѣхъ „необыкновенныхъ" людей, которые правомѣрно шагаютъ черезъ кровь и жизнь обыкновенныхъ. Но у Наполеона не хватило пороху основать свою религію; хотя онъ и мечталъ объ этомъ, но боялся показаться смѣшнымъ. Кажется, именно поэтому Наполеону, по словамъ г. Мережковскаго, всетаки „далеко до Антихриста", хотя чутье русскихъ простолюдиновъ и не совсѣмъ, дескать, обманывало ихъ, когда они называли его Антихристомъ. Значитъ онъ во всякомъ случаѣ изъ той породы, которая дастъ міру Антихриста, такъ сказать, подобіе его. Но что такое Наполеонъ? „Сверхчеловѣкъ", стоявшій „по ту сторону добра и зла", которому было „все позволено", носитель „морали господъ", презиравшій „рабскую мораль" христіанства и демократіи, шагавшій черезъ нее безъ зазрѣнія совѣсти. Все это признаетъ г. Мережковскій, а такъ какъ все это составляетъ идеалъ и той помѣси декадентства и ничшеанства, представитель которой есть г. Мережковскій, то я и считаю возможнымъ нарожденіе Антихриста именно въ этой средѣ.

Тѣмъ болѣе, что и задачи у Наполеона и русскихъ людей „новаго религіознаго сознанія"—общія: основать всемірное объединеніе людей. Разница лишь въ томъ, что Наполеонъ боялся показаться смѣшнымъ. Хорошо было,—говорилъ онъ,—Александру Македонскому, покоривъ Азію, объявить себя сыномъ Юпитера: ему повѣрили, а „если бы я вздумалъ объявить себя сыномъ Богаотца и назначить благодарственное богослуженіе по этому поводу,—нѣтъ такой рыночной торговки въ Парижѣ, которою я не былъ бы освистанъ". Г. Мережковскій только этотъ страхъ смѣшного положенія и считаетъ пятномъ на памяти Наполеона. И онъ, пожалуй, правъ съ своей точки зрѣнія, потому что русскіе люди новаго религіознаго сознанія совершенно свободны отъ этого страха. Правда, никто изъ нихъ,—по крайней мѣрѣ, изъ тѣхъ, которые гуляютъ на волѣ, а не пользуются услугами психіатровъ въ больницахъ,—еще не объявлялъ себя Богомъ, но нельзя всетаки не изумляться безстрашію, напримѣръ, украшеннаго „священной" бородой Розанова, теитизирующаго полъ и сексуализирующаго религію. Г. Мережковскій тоже не боится быть смѣшнымъ, но, не смотря на гремящій тонъ его рѣчей, онъ больше

жалокъ въ своихъ усиліяхъ слѣпить что-то цѣльное изъ христіанства и язычества, Христа и Антихриста, Достоевскаго и Ничше. И мнѣ кажется, онъ могъ бы сказать о своемъ міровоззрѣніи приблизительно то же самое, что говоритъ о своей „системѣ" Шигалевъ на вечерѣ у Виргинскаго:

«Такъ какъ будущая общественная форма необходима именно теперь, когда всѣ мы, наконецъ, собираемся дѣйствовать, чтобъ ужъ больше не задумываться, то я и предлагаю собственную мою систему устройства міра. Вотъ она!—стукнулъ онъ по тетради.—Я хотѣлъ изложить собранію мою книгу по возможности въ сокращенномъ видѣ; но вижу, что потребуется множество изустныхъ разъясненій, а потому все изложеніе потребуетъ, по крайней мѣрѣ, десяти вечеровъ, по числу главъ моей книги. (Послышался смѣхъ). Кромѣ того, объявляю заранѣе, что система моя не окончена. (Смѣхъ опять). Я запутался въ собственныхъ данныхъ, и мое заключеніе въ прямомъ противорѣчіи съ первоначальной идеей, изъ которой я выхожу. Выходя изъ безграничной свободы, я заключаю безграничнымъ деспотизмомъ. Прибавляю, однако жъ, что, кромѣ моего разрѣшенія общественной формулы, не можетъ быть никакого».

Слушатели смѣялись надъ Шигалевымъ, но онъ безъ боязни и смущенія принялъ этотъ смѣхъ. Онъ дѣйствительно смѣшонъ, но его и пожалѣть можно...

Распутать всю путаницу г. Мережковскаго я не берусь, не берусь даже изложить ее въ сколько-нибудь связномъ видѣ, да и какъ это сдѣлать съ писателемъ, для котораго логика есть пошлость, а слово замѣняетъ мысль? Пусть читатель довольствуется приведенными образцами, а я въ заключеніе остановлюсь только на нѣкоторыхъ пунктахъ сходства и различія между Ничше и Достоевскимъ, въ которыхъ путается г. Мережковскій.

Оба, и Ничше, и Достоевскій, останавливаются на жаждѣ власти, жестокости и сладострастіи, какъ на свойствахъ человѣческой природы. Но Ничше поэтизируетъ эти свойства, требуетъ имъ простора, видитъ въ нихъ залогъ великаго будущаго,—сверхчеловѣка, которому предлежитъ власть надъ толпою, исповѣдующей „рабскую мораль". Достоевскій, напротивъ, какъ мы видѣли, утверждаетъ, что „не можетъ одна малая часть человѣчества владѣть всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ, какъ рабомъ", и такъ или иначе посрамляетъ гордыню своихъ жестокихъ и сладострастныхъ героевъ. Совѣсть есть для Ничше одна изъ подробностей рабской морали, и онъ приглашаетъ людей помѣститься „по ту сторону добра и зла", тогда какъ Достоевскій въ особенную хвалу русскому народу ставитъ присущее ему будто бы преимущественно предъ всѣми другими народами чувство грѣха, сознаніе разницы между „грѣхомъ" и „правдой"; и въ частности Раскольникова, возмнившаго себя Наполеономъ, онъ заставляетъ смириться, покаяться и въ этомъ покаяніи найти свое возрожденіе. Ничше настаивалъ на „переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей", Достоевскій же находилъ, что въ ученіи Христа всѣмъ цѣнностямъ

разъ навсегда дана вѣрная оцѣнка, и даже допускалъ возможность вѣры въ Христа, и именно въ православной формѣ, безъ настоящей вѣры въ Бога. Ничше говорилъ: „bleibt treu der Erde“, будьте вѣрны землѣ, и Достоевскій многихъ изъ своихъ героевъ заставляетъ „цѣловать землю“; но Ничше имѣетъ при этомъ въ виду полноту земной жизни, „земные“ интересы въ противоположность „небеснымъ“, тогда какъ Достоевскій, напротивъ, поклонялся „землѣ“, какъ родинѣ, отечеству, въ которомъ Богъ. И Достоевскій, и Ничше знали, что есть нѣчто недоступное ограниченному разуму человѣка, но Достоевскій всю жизнь терзался этою недоступностью, тогда какъ Ничше спокойно объявлялъ, что не хочетъ уподобляться тѣмъ египетскимъ юношамъ, которые стремились увидѣть Изиду безъ покрывала.

Вотъ въ общихъ чертахъ тѣ кнутики, которые съ разныхъ сторонъ подстегиваютъ кубарикъ г. Мережковскаго, заставляя его вертѣться на мѣстѣ. Къ этому надо еще прибавить его способность и склонность одурманиваться страшными словами. И вотъ, когда онъ, наконецъ, подобно дервишу, завертится до потери сознанія и одурманитъ себя до того, что „время погаснетъ въ умѣ“—ему въ полномъ безпорядкѣ являются видѣнія: Антихристъ, пресвитеръ Іоаннъ,—восточный папа, въ противоположность западному не царствующій священникъ, а священствующій царь, и, наконецъ, онъ самъ г. Мережковскій, подъ ручку съ г-жею Гиппіусъ и г. Розановымъ, какъ знаменія конца—excusez du peu—всемірной исторіи. И онъ въ изступленіи кричитъ: мы—декаденты, мы—упадочники! мы—конецъ! а стало быть, и „всему конецъ“!

Ник. Михайловскій.

Изъ Англіи.

I.

Тѣ, которые побывали въ Англіи или просматривали хоть англійскія иллюстраціи, не могли не обратить вниманія на хорошенькую, граціозную картинку: „Мыльные пузыри“. Въ Лондонѣ вы ее встрѣчаете на всѣхъ стѣнахъ, во всѣхъ омнибусахъ и въ различныхъ размѣрахъ. Написана она однимъ изъ самыхъ талантливыхъ англійскихъ художниковъ, недавно умершимъ Милэ. Туристъ, ничего не знающій про картину, невольно залюбуется ею,

такъ много въ ней изящества, настроенія и такъ сочны ея краски. А между тѣмъ, къ этой поэтической картинѣ прилѣпилась одна изъ самыхъ назойливыхъ, безцеремонныхъ и крикливыхъ рекламъ, преслѣдующая васъ въ различныхъ формахъ по всей Англіи. Картина Милэ рекламируетъ знаменитое мыло Пирса. Фабрикантъ воспользовался дѣйствительно талантливымъ произведеніемъ, чтобы при помощи его лучше вколотить въ голову публикѣ: „Пирсово мыло—лучшее въ мірѣ".

Теперь предъ нами на томъ же принципѣ новое предпріятіе, но только во много тысячъ разъ болѣе грандіозное и монументальное. Затѣяно оно не единичной торговой фирмой, желающей крупныхъ барышей, а цѣлымъ классомъ, держащимъ въ своихъ рукахъ судьбы многихъ маленькихъ національностей. Предпріятіе должно сформировать взглядъ публики не на мыло, а на вопросы громадной государственной важности, выдвинутые въ Англіи въ послѣднія двадцать пять лѣтъ. Картина Милэ, сама по себѣ, помимо рекламы, очень хороша. Грандіозное предпріятіе, затѣянное съ цѣлью сформировать взглядъ британской публики на вопросы первостепенной государственной важности, само по себѣ, представляетъ громадную научную и общественную цѣнность. Это обстоятельство я спѣшу оговорить заранѣе.

Въ 1768 г., когда, послѣ долгаго перерыва въ нѣсколько лѣтъ, въ Парижѣ стала вновь выходить знаменитая „Энциклопедія", — „Общество джентльмэновъ въ Шотландіи" начало издавать въ Эдинбургѣ аналогичный словарь. Въ 1771 г. изданіе закончилось. То было первое изданіе „Британской Энциклопедіи", которая, по англійской поговоркѣ, вскорѣ стала такимъ же національнымъ учрежденіемъ, какъ и парламентъ. За первымъ изданіемъ послѣдовали другія. Лучшіе англійскіе (а въ послѣдующихъ изданіяхъ и всемірные) ученые приняли участіе въ немъ. Статьи по геологіи, біологіи, зоологіи и антропологіи были написаны для послѣдующихъ изданій спеціалистами, свершившими переворотъ въ этихъ наукахъ: Лайелемъ, Гепке, Дарвиномъ, Гербертомъ Спенсеромъ, Гексли и пр. Сообразно съ прогресомъ науки росли и размѣры *„Британской Энциклопедіи"*. Въ первомъ изданіи было 2670 страницъ. Девятое же, законченное въ восьмидесятыхъ годахъ, состояло изъ 22 тысячъ страницъ, изъ двадцати четырехъ громадныхъ, in folio, увѣсистыхъ томовъ. Изъ каждаго изъ нихъ можно бы было выкроить книжекъ шесть-семь Брокгаузовскаго словаря. Девятое изданіе было пріобрѣтено *Таймсомъ*. Теперь выходитъ новое, десятое по счету изданіе. По грандіозности, оно не имѣетъ себѣ подобнаго. Лучшіе ученые всего міра призваны для содѣйствія. Каждая статья, излагающая какой-нибудь предметъ, написана спеціалистомъ съ міровымъ именемъ, и съ большой пользой для читателей могла бы быть переведена и издана отдѣльной книжкой (напр., статьи: „Біологія", „Геологія" и пр.).

Въ самомъ текстѣ только изрѣдка прорывается хвастливая національная нотка (если статья написана англичаниномъ). Впрочемъ, эта хвастливость вполнѣ понятна. Возьмемъ, напримѣръ, отношеніе къ печати. Англичанинъ уже очень давно пришелъ къ окончательнымъ взглядамъ въ этомъ отношеніи. Послѣ Мильтона, Дефо и Юніуса, англичанинъ, къ какой-бы партіи онъ ни принадлежалъ, считаетъ самую широкую свободу слова—основой своей конституціи. Крайніе радикалы и крайніе консерваторы въ этомъ отношеніи совершенно сходятся. Они знаютъ, что тутъ никакія ограниченія не допустимы. Члены лиги „Подснѣжника", напр., считаютъ „про-буровъ" почти измѣнниками; но, обличая „умалителей Англіи" въ печати, отнюдь не требуютъ зажать имъ ротъ въ виду государственныхъ интересовъ. То же самое можно сказать, конечно, объ отношеніяхъ радикаловъ, когда они у власти, къ лигѣ „Подснѣжника". Не такъ широко смотрятъ на вопросъ на континентѣ даже наиболѣе смѣлые умы. Возьмемъ, напримѣръ, „Voyage en Icarie" Кабэ. Предо мной первое изданіе, вышедшее въ 1845 г. Заглавная страница вся сплошь покрыта девизами и тѣми принципами, которые лордъ Карисдаль нашелъ осуществленными въ Икаріи. Прежде всего тутъ тріада, выставленная въ 1789 г., затѣмъ: „Любовь, справедливость, взаимная помощь, разумъ, нравственность, организація труда, одинъ за всѣхъ и всѣ за одного, каждому по его потребностямъ, отъ каждаго по его силамъ" и пр. Въ XXV главѣ этой книги икаріецъ излагаетъ путешественникамъ взгляды ихъ идеальнаго общества на газеты и знакомитъ съ положеніемъ прессы въ Икаріи. О печати въ старомъ свѣтѣ икаріецъ очень невыгоднаго мнѣнія. Характеризуетъ онъ ее такъ: „Монополія, спекуляція, личный интересъ, пристрастность, клевета и диффамація, на которыя нельзя отвѣтить, лживыя извѣстія и невѣрные факты, ежедневныя противорѣчія, неопредѣленность и смутность взглядовъ,—вотъ что находимъ мы въ вашихъ газетахъ. Какая окрошка, какая путаница въ головѣ читателя получается отъ противоположныхъ взглядовъ! По всей вѣроятности, вашъ общественный строй уже очень плохъ, если приходится призывать такого отвратительнаго защитника, какъ печать". Икарійцы разрѣшили вопросъ смѣлымъ, хотя далеко не новымъ способомъ. „Мы уничтожили зло въ корнѣ,—продолжаетъ собесѣдникъ путешественниковъ: 1) установивъ общественную организацію, дѣлающую критику прессы безполезной, 2) разрѣшая *только одну сельскую газету* для каждой деревенской общины, *одну провинціальную* газету для каждой провинціи и *одну національную* газету для всей націи; 3) довѣривъ редактированіе газетъ общественнымъ чиновникамъ, избраннымъ народомъ или же его представителями. Мы вырвали корень зла, приказавъ, чтобы газеты были только протоколами и чтобы въ нихъ помѣщались только факты, безъ всякихъ коммен-

тарій. Какъ всякій гражданинъ, журналистъ имѣетъ право подать свое мнѣніе на коммунальномъ сходѣ. А если это такъ, то зачѣмъ же еще давать ему разрѣшеніе опубликовать свое мнѣніе и, такимъ образомъ, оставить безъ контроля заблужденіе"? (*Voyage en Icarie*, p. p. 197—198). Взглядъ икарійцевъ предвосхищенъ Турціей, гдѣ существуютъ губернскія вѣдомости для каждаго пашалыка и одна оффиціальная газета для всей Блистательной Порты. Англичанину такой взглядъ на свободу прессы (т. е. право зажать ротъ противникамъ во имя общественнаго блага) совершенно непонятенъ. Вся причина разницы во взглядахъ британца и француза на этотъ предметъ заключается, мнѣ кажется, въ слѣдующемъ. Французъ очень часто склоненъ считать прессу — острымъ оружіемъ, а публику—маленькими дѣтьми. Онъ, поэтому, желалъ бы довѣрить это опасное оружіе только государству, сдѣлавъ предварительно послѣднее идеальнымъ. Англичанинъ полагается, прежде всего на свое *I* (*я*), которое, какъ извѣстно, пишетъ съ большой буквы. Онъ глубоко убѣжденъ, что не государству, а ему самому надлежитъ опредѣлить, что ему полезно и что вредно. Нужно только развить самосознаніе *я*,—говоритъ англичанинъ.—Оно будетъ лучшимъ регуляторомъ для опредѣленія достоинства прессы. Вотъ почему англійское образованіе построено, прежде всего, на пробужденіи и культивировкѣ индивидуальности. Уваженіемъ къ своему *я*, настолько развитому, что ему можно довѣрить въ руки всякое оружіе, объясняются тѣ хвастливыя національныя ноты, которыя проскальзываютъ иногда въ статьяхъ англійскихъ авторовъ, пишущихъ въ десятомъ изданіи „Британской энциклопедіи" о воспитаніи, о прессѣ и о нѣторыхъ другихъ вопросахъ. Не смотря на эти черточки, текстъ десятаго изданія такого высокаго достоинства, что ставитъ его выше всѣхъ аналогичныхъ предпріятій. Между тѣмъ, десятое изданіе въ одномъ отношеніи рѣзко отличается отъ всѣхъ прошлыхъ девяти. Компанія, которой принадлежитъ это многомиліонное предпріятіе, задумала дать „ключъ" къ нему, т. е. въ нѣкоторомъ родѣ повторить опытъ Дидро, Даламбера и блестящихъ товарищей ихъ. Каждому изъ вышедшихъ томовъ (покуда ихъ появилось пять) предшествуетъ пространное „вступленіе", занимающее иногда около шести журнальныхъ листовъ. Всѣ эти статьи проникнуты одной общей идеей. Какая-то направляющая рука, затративъ колоссальныя суммы, рѣшила при помощи авторитета десятаго изданія „*Британской энциклопедіи*" установить опредѣленный взглядъ на группу фактовъ общественнаго характера. Предъ нами, какъ я сказалъ, повтореніе опыта съ картинкой Милэ, но только въ неизмѣримо большихъ размѣрахъ.

Въ началѣ письма я указалъ на то, что и „Общество джентельмэновъ въ Шотландіи", по всей вѣроятности, задумало изданіе подъ впечатлѣніемъ предпріятія Дидро. Теперь, повиди-

мому, то же предпріятіе подало мысль собственникамъ десятаго изданія приложить „ключъ“ къ каждому тому, хотя въ виду совершенно другихъ цѣлей.

II.

Издателямъ французской энциклопедіи приходилось считаться кое съ чѣмъ другимъ, помимо желанія выяснить истину. Указанія на это мы находимъ въ любопытной и своеобразной статьѣ „Raison“, написанной для энциклопедіи Вольтеромъ.

Въ силу этого, энциклопедія не совсѣмъ носила такой яркій, опредѣленный, боевой характеръ, какъ это принято думать. Изъ объясненія слова „Raison“ видно уже, что приходилось говорить съ большой оглядкой...

„Представьте себѣ архитектора, который подъ предлогомъ провѣрить каждый камень какого-нибудь монумента, разобралъ бы его до основанія, усѣявъ все кругомъ развалинами. Вотъ что сдѣлала энциклопедія“,—говоритъ блестящій французскій историкъ *). „Просматривая *„Энциклопедію“*,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—нами овладѣваетъ смутное чувство печали. Кажется, что стоишь на поляхъ Пальмиры, прославленныхъ своими развалинами... Тысячи обломковъ обозначаютъ мѣста, гдѣ прежде стояли зданія. Энциклопедисты отнюдь не думали оставить потомкамъ только развалины. Разрушая, безъ всякаго колебанія, старые предразсудки, энциклопедисты думали оставить матеріалы, изъ которыхъ послѣдующія поколѣнія соорудятъ величественное зданіе. Товарищи Дидро были убѣждены, что послѣ потопа останется ихъ ковчегъ, въ которомъ находится все необходимое для населенія міра идей“.

Нужно сознаться, однако, что строителямъ „ковчега“ приходилось заботливо прятать свой грузъ и не разъ выкидывать для спасенія его чужой флагъ. Какъ только вышли первые томы, добровольцы, въ которыхъ и тогда не было недостатка, тщательно стали просматривать статьи: „Ame“, „Athée“, „Augure“, ища въ нихъ матеріала для доноса. Они открывали ересь даже въ статьяхъ по геометріи. Вольтеръ въ своихъ письмахъ изъ Фернея къ Дидро жалуется постоянно на „tigres aux yeux de veaux“ (на тигровъ съ телячьими глазами). Напрасно Вольтеръ скрывался подъ псевдонимами. Добровольцы угадывали его сразу. Напрасно наиболѣе щекотливые вопросы трактовались съ точки зрѣнія традиціи. Добровольцы открывали, что въ этихъ безупречныхъ съ ихъ точки зрѣнія статьяхъ есть ссылка

*) Histoire de la Revolution Française, par *Louis Blanc*. Origines et Causes. p. p. CXXIII.

на статью „Démonstration“, въ которой подрывается совершенно традиція. Осторожность Вольтера, скрывавшагося подъ различными псевдонимами (что крайне порицалъ Дидро), была велика, но совершенно не могла сравниться съ боязливостью Даламбера. Даже Вольтеръ запротестовалъ, когда въ „Энциклопедію“ попали статьи по метафизикѣ и теологіи, которыя, по словамъ его, смѣло могли бы появиться въ „Journal de Trévaux“, выходившемъ подъ редакціей іезуитовъ. „Въ Энциклопедіи есть другія статьи, менѣе бросающіяся въ глаза, — спокойно отвѣтилъ знаменитый математикъ, — и въ нихъ поправлено все дѣло. Со временемъ читатели научатся различать то, что мы думали, отъ того, что сказали“. Я не стану здѣсь повторять исторію злоключеній изданія во время его печатанія. Критики, добровольцы и памфлетисты, преслѣдовавшіе „Энциклопедію“, получали оффиціальную поддержку и вознагражденіе. „On sonnait contre lui à Versailles des tocsins“ („въ Версалѣ били въ набатъ по поводу изданія“),—писалъ одинъ изъ придворныхъ корреспондентовъ Вольтера.—Но, не смотря на все, энциклопедію довели до конца. По образному выраженію Луи Блана,—„въ стѣны осажденнаго города энциклопедисты ввели новаго троянскаго коня. Старое общество безъ боязни смотрѣло сперва на то, что втащили къ нему. И скоро философы подъ предсѣдательствомъ Улиса, вышли изъ коня, чтобы взять и опустошить Иліонъ“.

И теперь, почти черезъ полтораста лѣтъ, мы видимъ новую попытку „втащить троянскаго коня“, чтобы захватить Иліонъ. Пріемы теперь гораздо откровеннѣе и прямѣе, чѣмъ въ серединѣ XVIII вѣка. Воины, сидящіе въ конѣ, тоже другіе. Измѣнились также и цѣли, но предпріятіе до такой степени интересно и характерно; оно порождаетъ такую массу серьезныхъ и любопытныхъ вопросовъ,—что я посвящу „коню“, т. е. вступительнымъ статьямъ, все письмо. Какъ я сказалъ, покуда вышло пять томовъ десятаго изданія. Вступительныя статьи приложены къ четыремъ изъ нихъ. Тутъ мы видимъ очеркъ Генри Смита Уильямса „О вліяніи послѣднихъ изысканій на характеръ всемірной исторіи“. Авторъ касается темы, къ которой часто подходили „Энциклопедія“ и „Философскій Словарь“ Вольтера. Но тамъ, гдѣ первымъ приходилось прибѣгать къ уловкамъ и къ маскамъ, „*Британская Энциклопедія*“ говоритъ прямо и просто. Авторъ сводитъ новые историческіе документы, найденные въ послѣднія двадцать пять лѣтъ въ Ассиріи и въ Египтѣ, и показываетъ, какое отношеніе они имѣютъ къ традиціи. Особое значеніе въ этомъ отношеніи имѣютъ „удивительныя коллекціи документовъ, относящихся къ XVIII династіи (т. е. вѣковъ за XV до Р. Х.), найденныя въ Тэль-эль-Амарна“. Третьему тому предшествуетъ вступительная статья Бенджамэна

Кидда, автора, не безызвѣстнаго и у насъ. Она трактуетъ „Приложеніе доктрины эволюціи къ соціологическимъ теоріямъ и задачамъ". Это—краткое развитіе своеобразно понятной теоріи борьбы за существованіе. „Горе слабымъ и безсильнымъ. Слава насильникамъ, ибо имъ уготовано царство земное". Такъ можно было бы формулировать эту пространную статью. Эволюція выноситъ впередъ все крѣпкое, мощное и здоровое, все равно, будетъ ли то индивидуумъ или общество. Такимъ образомъ, къ противникамъ односторонне понятой теоріи борьбы за преобладаніе Киддъ, повидимому, готовъ обратиться, какъ Панглоссъ къ матросу на развалинахъ Лисабона: „Mon ami, cela n'est pas bien, vous manquez à la raison universelle". Но особенно важны и характерны вступительныя статьи: „О ростѣ толерантности"—сэра Лесли Стефена и „Общій обзоръ политическаго прогресса въ послѣднее время", Эдуарда Дайси (A general survey of recent political progress). Начну съ послѣдней.

По увѣренію автора, являющагося однимъ изъ видныхъ современныхъ англійскихъ ученыхъ и публицистовъ,—наше время можетъ быть опредѣлено эпохой *консервативной реакціи*. „Облекая эту самую фразу въ болѣе простое и болѣе ясное опредѣленіе, — говоритъ Дайси, — можно сказать, что духъ времени былъ прогрессивнымъ въ первыя три четверти XIX вѣка и не прогрессивнымъ, точнѣе, реакціоннымъ, въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ. Ходъ человѣческихъ дѣлъ не управляется такими опредѣленными законами, какъ приливы и отливы. Поэтому,—продолжаетъ авторъ,—совершенно праздно толковать о томъ, когда прогрессивное теченіе достигло своего апогея и съ какого момента началась реакція"; но тѣмъ не менѣе, онъ полагаетъ, что люди, видавшіе два поколѣнія, могутъ засвидѣтельствовать рѣзкую перемѣну во взглядахъ со времени появленія девятаго изданія „Британской Энциклопедіи". Идеи, бывшія тогда въ ходу, „потеряли свою власть надъ умами теперь. Собственно говоря,—по мнѣнію автора,—поворотнымъ пунктомъ въ умственныхъ теченіяхъ была всемірная выставка 1851 г., хотя именно ее принимали за начало новой эры, во время которой ученіе тогдашнихъ передовыхъ людей должно обновить міръ, измѣнить основныя условія человѣческой жизни и объединить все человѣчество въ одинъ братскій союзъ. Время, по мнѣнію автора, подорвало у всѣхъ вѣру въ свободную торговлю, а у работниковъ—надежду на то, что современный строй можетъ осуществить ихъ идеалы". Вмѣсто радикаловъ, работники стали соціалистами. „Ростъ соціалистическихъ идей среди трудящихся массъ въ Англіи,—говоритъ Дайси,—разрушилъ политическій союзъ, который въ теченіе многихъ лѣтъ существовалъ между работниками и нижнимъ слоемъ средняго класса (the lower middle class). Лавочники, клэрки, мелкіе предприниматели и прочіе не столь богатые плательщики

налоговъ испугались соціалистическихъ идей работниковъ. Ихъ также встревожилъ ростъ авторитета трэдъ-юніоновъ. Поэтому, обширный классъ, находящійся между богатыми и бѣдными, мало-по-малу отдѣлился отъ либераловъ и сталъ тяготѣть къ консерваторамъ".

Произошли также громадныя перемѣны въ международныхъ отношеніяхъ. Франко-прусская война отодвинула Францію „на степень второстепенной или даже третьестепенной державы на континентѣ". Результатомъ этой войны былъ также и смертельный ударъ вѣрованію, что эпохѣ войнъ съ цѣлью захвата пришелъ конецъ и что отнынѣ всѣ международныя недоразумѣнія станутъ разрѣшаться не грубой силой оружія, а третейскимъ судомъ. Несомнѣнно теперь,—продолжаетъ авторъ,—что и въ будущемъ, какъ и въ прошломъ, государства станутъ воевать каждый разъ, когда они увидятъ благапріятный моментъ для увеличенія своего престижа или для округленія своихъ владѣній на счетъ сосѣдей. А если это такъ, то отсюда вытекаютъ два вывода. Во-первыхъ, каждое государство, желающее сохранить свою независимость и свое положеніе, должно быть всегда готово защищаться отъ нападенія сосѣда или группы государствъ. Во-вторыхъ, первоклассная держава, которая не пользуется каждымъ удобнымъ моментомъ для расширенія владѣній и для укрѣпленія ихъ,—неизбѣжно падетъ въ борьбѣ за существованіе. Признаніе этихъ „основныхъ принциповъ" повело къ увеличенію вооруженія и къ усиленной политикѣ „округленія". Съ тѣхъ поръ, какъ вышло девятое изданіе „*Британской энциклопедіи*", „Великобританія установила фактическій протекторатъ надъ Египтомъ, завоевала вмѣстѣ съ послѣднимъ Суданъ, присоединила Бирманскую имперію, Трансвааль и Оранжевую республику, фактически пріобрѣла Кипръ. Франція въ это время захватила Тунисъ и Индо-Китай, т. е. независимыя государства Аннамъ, Кохинхину, Камбоджи и Тонкинъ. Россія присоединила часть Бессарабіи и Батумскій округъ. Германія завладѣла Занзибаромъ (на континентѣ: островъ подпалъ подъ протекторатъ Великобританіи) и Кіао-Чау въ Китаѣ и т. д. Не однѣ только европейскія державы стремятся къ захвату. Такое же стремленіе проявили Японія и Соединенные Штаты. „Жажда земли" въ особенности проявилась въ отношеніи къ черному континенту, къ которому до 1880 г. европейскія державы были совершенно равнодушны.

„Съ извѣстной вѣроятностью можно было бы сказать,—продолжаетъ Дайси,—что „жажда земли" обусловливается, если не исключительно, то въ значительной степени, увеличеніемъ вооруженія и тѣмъ воинственнымъ духомъ, который пробудился въ силу этого въ передовыхъ европейскихъ обществахъ. Это объясненіе, однако, не достаточно. Пробужденіе милитаризма совпало случайно съ сознаніемъ, что „земля стала меньше" вслѣдствіе

улучшенія путей сообщенія. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что европейскіе народы прониклись этимъ убѣжденіемъ и захотѣли обезпечить себя запасными территоріями, покуда еще есть время". „Жажда земли" сильнѣе проявилась въ странахъ съ быстро растущимъ населеніемъ, которое вынуждено привозить жизненные продукты извнѣ. Такимъ образомъ, Англія и Германія настойчивѣе преслѣдовали колоніальную политику, чѣмъ Франція, потому что „въ послѣдней населеніе не увеличивается и не нуждается въ подвозѣ хлѣба и мяса".

III.

Дѣйствительность не соотвѣтствуетъ объясненію, данному „Британской Энциклопедіей". Начать хоть бы съ того, что и до захвата Африки у Англіи, съ ея сорокамилліоннымъ населеніемъ, было вдоволь „запасныхъ территорій" (Канада, Австралія, Капская колонія, Наталь). Съ другой стороны, такія территоріи, какъ Уганда и какъ значительная часть Родезіи, совершенно непригодны для европейцевъ. „Жажда земли" является результатомъ другого важнаго фактора, выдвинутаго въ Англіи въ послѣднія двадцать пять лѣтъ. Факторъ этотъ—чрезмѣрный ростъ денежнаго капитала, который, не находя уже себѣ примѣненія въ Англіи, „эмигрировалъ" за границу въ поискахъ за новыми рынками. Постараюсь сперва выяснить приблизительные размѣры этой новой „эмиграціонной" силы. Нѣтъ, насколько мнѣ извѣстно, прямыхъ данныхъ, которыя точно могли бы намъ опредѣлить весь доходъ, получаемый Англіей отъ капиталовъ, помѣщенныхъ внѣ предѣловъ королевства. Но подоходный налогъ даетъ намъ возможность опредѣлить значительную часть этого дохода, а также прогрессивный ростъ его. Согласно этому показателю, доходъ отъ капиталовъ, помѣщенныхъ внѣ Англіи, равнялся въ 1884 г.—33, 8 мил. ф. ст., въ 1888 г.—46, 9 мил. ф. ст., въ 1892 г.—54, 7 мил. ф. ст., въ 1896 г.—54, 9 мил., въ 1900 г.—60, 2 мил. ф. ст. Мы видимъ, что усиленный ростъ политики имперіализма совпадаетъ съ увеличеніемъ „космополитизированнаго" капитала, если можно дать это названіе денежному капиталу, помѣщенному внѣ Англіи. За шестнадцать лѣтъ доходы почти удвоились. Цифры эти показываютъ лишь сумму, опредѣляемую при взысканіи подоходнаго налога. Сюда нужно прибавить еще значительныя суммы, получаемыя англійскими страховыми обществами и земельными банками отъ капиталовъ, помѣщенныхъ внѣ Англіи. Операціи эти часто не подлежатъ подоходному налогу. По отчетамъ страховыхъ обществъ видно, что въ 1890 г. они получали по закладнымъ на недвижимую собственность, находящуюся внѣ предѣловъ королевства, шесть милліоновъ ф. ст., а въ 1898 г.—тринадцать милліоновъ ф. ст.

Извѣстный статистикъ сэръ Робертъ Гиффенъ вычисляетъ, что весь доходъ, полученный въ 1882 г. съ „космополитизированнаго“ капитала, равнялся 70 мил. ф. ст. Въ докладѣ же, прочитанномъ этимъ ученымъ въ лондонскомъ Статистическомъ Обществѣ въ мартѣ 1899 г.,—доходъ исчисляется въ девяносто милліоновъ ф. ст. Гобсонъ доказывалъ тогда, что эта цифра значительно ниже дѣйствительности, такъ какъ многіе доходы не приняты во вниманіе. По вычисленію Гобсона *доходъ* съ капиталовъ, помѣщенныхъ внѣ Англіи, равенъ теперь 120 мил. ф. ст.

Намъ остается еще опредѣлить размѣры и ростъ „коспополитизированнаго“ капитала. Осторожный экономистъ Мюлэйлъ (Mulaill) посвятилъ этому вопросу въ „Dictionary of Political Economy“ статью. Оттуда возьму слѣдующую табличку. Космополитизированный англійскій капиталъ равнялся въ

1862 г.	144 мил. ф. ст.
1827 г.	600 » » »
1882 г.	875 » » »
1893 г.	1698 мил. ф. ст.

Другими словами, съ 1882 г. англійскій денежный капиталъ, помѣщенный въ иностранныхъ предпріятіяхъ, увеличился на 74,8%. Любопытенъ анализъ этихъ цифръ. *Какимъ образомъ* помѣщены эти капиталы? Больше всего, именно 770 мил. ф. ст. (т. е. около $7^1/_2$ милліардовъ рублей) въ видѣ прямыхъ займовъ иностраннымъ государствамъ (525 мил. ф. ст.), колоніямъ (225 мил. ф. ст.) и иностраннымъ муниципалитетамъ (20 мил.). Затѣмъ 388 мил. ф. ст. помѣщено въ иностранныхъ желѣзныхъ дорогахъ, а 540 мил. ф. ст. находится въ иностранныхъ банкахъ, пріискахъ, рудникахъ и т. д.

Такимъ образомъ, уже въ 1893 г. британскій космополитизированный капиталъ составлялъ 15% всѣхъ богатствъ Соединеннаго королевства. Теперь же, по вычисленіямъ Гобсона и Гиффена, онъ достигаетъ колоссальной суммы въ *два милліарда* ф. ст., т. е. почти въ двадцать милліардовъ руб. Доходъ, получаемый съ „космополитизированнаго“ капитала, неизмѣримо выше доходовъ съ экспортной и импортной торговли. Въ то время, какъ доходъ съ промышленныхъ предпріятій уменьшается (я пытался не разъ показать это въ письмахъ), дивидендъ съ „эмигрировавшаго капитала“ быстро увеличивается. Теперь мы имѣемъ ключъ къ объясненію „жажды земли“.

„Современная иностранная политика Англіи,—говоритъ Гобсонъ *), — это борьба за рынки не для сбыта фабрикатовъ, а для болѣе выгоднаго помѣщенія капитала. Съ каждымъ годомъ,—продолжаетъ онъ,—Англія все больше и больше становится стра-

*) «Imperialism the policy of innestors», 1901.

ной, живущей данью, получаемой извнѣ. Классы, получающіе эту дань, крѣпнутъ съ каждымъ годомъ и пріобрѣтаютъ все большую возможность пользоваться силой и казной государства для расширенія поля помѣщенія своихъ капиталовъ. Это, быть можетъ, наиважнѣйшій факторъ современной британской политики. Агрессивный имперіализмъ является источникомъ громадныхъ выгодъ для представителей денежнаго капитала".

Мнѣ приходилось уже нѣсколько разъ указывать въ „*Русскомъ Богатствѣ*" на то, что промышленному и денежному капиталамъ нужны рынки различнаго рода. Промышленный капиталъ отправляетъ на рынки фабрикаты. Ему нужны, поэтому, колоніи съ зажиточнымъ, свободнымъ (въ видахъ кредитоспособности) населеніемъ. Въ эпоху разцвѣта промышленнаго капитала, въ Англіи даже крупные денежные тузы симпатизировали маленькимъ національностямъ, борющимся за независимость. Сити устраивало царскій пріемъ Кошуту и Гарибальди. Каждая освобожденная страна была вѣрнымъ рынкомъ. Денежный капиталъ, „эмигрирующій" за границу, ищетъ территорію, гдѣ бы можно было эксплуатировать мѣстныя богатства при помощи туземнаго, дешеваго, т. е. подневольнаго труда. Такимъ идеальнымъ рынкомъ является центральная Африка, напримѣръ. Поэтому, не удивительно, что по мѣрѣ роста „космополитизированнаго" капитала *представители его* нѣсколько разочаровываются въ освободительной идеѣ, какъ это констатируетъ, хотя слишкомъ обобщаетъ, теперь авторъ „вступленія" къ „Британской Энциклопедіи".

„Но развѣ есть какая-нибудь специфическая разница между космополитизированными капиталами различныхъ странъ"?—спроситъ читатель. Мнѣ кажется, можно усмотрѣть ее, напр., въ Англіи и во Франціи. Обѣ страны эти очень богаты. Въ обѣихъ странахъ накопленъ громадный денежный капиталъ, который ищетъ рынковъ. Но тутъ начинается различіе. Колоссальный „космополитизированный" капиталъ во Франціи принадлежитъ, по преимуществу, сравнительно небольшимъ рантье. Они ищутъ, главнымъ образомъ, „вѣрнаго" помѣщенія, гдѣ капиталъ ихъ немедленно можетъ приносить хорошій процентъ. Въ силу этого, французскіе капиталы такъ охотно направились прежде всего въ Россію. Французскій космополитизированный капиталъ это—зажиточный лавочникъ, удаляющійся отъ дѣлъ и ищущій, прежде всего, спокойствія. Онъ до такой степени остороженъ, что не идетъ даже въ свои собственныя колоніи, какъ доказываетъ это Луи Виньонъ, авторъ интересной книги „L'exploitation de notre Empire Colonial", вышедшей въ 1900 г. *). Совсѣмъ не то пред-

*) «Французскій капиталистъ остороженъ до трусости и въ гораздо меньшей степени хитрецъ, чѣмъ это принято полагать. Колоніальныя дѣла его пугаютъ. Они ему кажутся такими новыми! Африка это—такъ далеко. Азія

ставляетъ британскій космополитизированный капиталъ. Распредѣленъ онъ между сравнительно небольшимъ числомъ лицъ. Это не осторожный лавочникъ, страшащійся риска, а трансформированный викингъ, переправляющійся за море съ цѣлью захвата, грабежа и *господства*. Правда, современному викингу не для чего больше „бросаться въ волны, бороться съ моремъ и руку пріучать къ кормилу". Къ услугамъ его великолѣпная система телеграфовъ и роскошныхъ пароходовъ. Правда, о современномъ хищникѣ буквально нельзя сказать, что, какъ предшественникъ его,

«Немало битвъ морскихъ онъ совершилъ;
И знаютъ всѣ на сѣверѣ его
Подъ страшнымъ именемъ: когда въ бою,
Сцѣпивъ корабль свой съ кораблемъ врага,
На палубу его съ мечомъ подъятымъ
Взбѣгаетъ онъ, народъ кричитъ: бѣда!
Пропали мы»!

Драться онъ нанимаетъ другихъ,—но британскій космополитизированный капиталъ, какъ викингъ, не страшится опасныхъ, рискованныхъ предпріятій. Онъ имѣетъ много шансовъ проиграть, за то, выигравъ, не довольствуется малымъ, какъ французскій капиталистъ, а желаетъ *всю* ставку. Ему мало имѣть денежный рынокъ, но нуженъ еще полный контроль (для вѣрности) надъ нимъ. И для достиженія этого контроля космополитизированный капиталъ готовъ предпринять все, даже затѣять такой колоссальный трудъ, какъ изданіе „Британской Энциклопедіи".

IV.

Англія, однако, имѣетъ еще спеціальныя причины вооружаться и округлять владѣнія,—говоритъ Дайси. „Мы должны здѣсь сказать о томъ остромъ взрывѣ англофобства, который наблюдается теперь всюду на континентѣ, а въ особенности во Франціи. Это чувство можетъ быть объяснено только завистью. Британцы провинились чрезвычайнымъ успѣхомъ и безпримѣрнымъ богатствомъ, выпавшимъ на ихъ долю. Этимъ самымъ, въ значительной степени, объясняется та зависть, которую питаютъ континентальные народы къ Соединеннымъ Штатамъ. Британцы, не жившіе на континентѣ,—говоритъ серьезная „Энциклопедія",—не могутъ даже и представить себѣ то раздраженіе, которое вызываетъ одинъ фактъ суще-

---

лежитъ еще дальше... И въ результатѣ наши эмигранты идутъ въ Америку, а капиталы—въ Россію». (p. 18)

Авторъ вычисляетъ, что въ портфеляхъ французскихъ рантье хранятся бумаги на шестьдесятъ милліардовъ франковъ. Изъ этой суммы только 1 милліардъ 550 мил. франковъ помѣщены въ Алжирѣ, Тунисѣ, Мадагаскарѣ, Индо-Китаѣ, Сенегалѣ и др. французскихъ колоніяхъ. (p. 13).

ствованія ихъ имперіи. Не англичанинъ усматриваетъ нарушеніе всѣхъ законовъ природы и посягательство на незыблемыя принципы права въ томъ, что маленькій островъ является центромъ міровой имперіи; что британскій флагъ развѣвается на всѣхъ континентахъ; что англійскій языкъ становится всюду господствующимъ; что всемірная торговля находится, главнымъ образомъ, въ рукахъ англичанъ и что англійскій народъ неизмѣримо богаче всѣхъ остальныхъ. Иностранецъ ни за что не допуститъ, что весь этотъ успѣхъ обусловливается совершенно исключительными талантами британской расы и тѣмъ, что она выше другихъ. Гораздо болѣе простымъ и пріятнымъ для самолюбія объясненіемъ является теорія, что величіе Британіи обусловливается или чистой случайностью, или тѣмъ, что англійскій характеръ является смѣсью крайняго эгоизма и почти безпримѣрной двойственности. Міръ убѣжденъ, что мощь Британской имперіи—мыльный пузырь, который нужно только проткнуть, чтобы онъ лопнулъ и разсѣялся въ воздухѣ"... По мнѣнію автора, англофобія такъ велика, что о третейскомъ судѣ въ международныхъ отношеніяхъ между Великобританіей и другой державой не можетъ быть рѣчи: судьи несомнѣнно выскажутся противъ Англіи, хотя бы она была и права.

И на сознаніи этого факта,—увѣряетъ „*Британская Энциклопедія*",—выросъ имперіализмъ, „самое типичное движеніе послѣдней четверти XIX вѣка". Прежде онъ былъ немыслимъ. „Тогда считалось, что первымъ шагомъ къ установленію имперской федераціи долженъ служить таможенный союзъ между колоніями и метрополіей. Въ предѣлахъ его существуетъ свободная торговля, но цолльферейнъ охраняетъ отечественные фабрикаты отъ иностраннаго соперничества. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ мысль о цолльферейнѣ казалась посягательствомъ на фритредерскую доктрину, которую либералы считали краеугольнымъ камнемъ своихъ воззрѣній. Дайси настоятельно рекомендуетъ читателямъ обратить вниманіе на то, что стремленіе къ федераціи совпало съ упадкомъ вѣры въ универсальность принциповъ фритредерства.

Здѣсь, пожалуй, будетъ умѣстно упомянуть, въ какомъ положеніи находится теперь въ Англіи споръ между фритредерами и протекціонистами, на который указываетъ „*Британская Энциклопедія*". Англійскіе писатели и политики питаютъ большое пристрастіе къ формуламъ. Нигдѣ, кажется, не умѣютъ такъ сжать цѣлую сложную теорію въ нѣсколько строкъ, какъ въ Англіи. Сдѣлано это, между прочимъ, съ доводами за и противъ свободной торговли.

Международная торговля существуетъ потому,—говоритъ предсѣдатель Кобдэновскаго клуба Гарольдъ Коксъ,—что ни одна страна не можетъ производить всѣхъ продуктовъ, необходимыхъ ея населенію.

Въ странѣ, гдѣ существуетъ свободная торговля, вся энергія населенія направлена на то, чтобы производить *все, что оно можетъ сдѣлать лучше.* Остальные предметы, необходимые населенію, оно покупаетъ за границей.

Покупать—значитъ платить. Чѣмъ же мы въ Англіи платимъ за предметы, покупаемые за границей?

Единственной международной монетой является золото. Но все золото, которое мы имѣемъ въ Англіи, намъ необходимо для собственнаго употребленія. Въ дѣйствительности, нашъ запасъ золота, вмѣсто того, чтобы уменьшаться при системѣ свободной торговли, за сорокъ два года увеличился на 156 милліоновъ ф. ст.

Поэтому очевидно, что мы можемъ платить за всѣ иностранные товары, только продавая наши собственные продукты или трудъ нашего народа. Другими словами, тѣ товары, которые мы ввозимъ, оплачены или вывозимыми продуктами, или услугами, которыя нашъ народъ оказываетъ другимъ странамъ, какъ корабельщики, банкиры, моряки, солдаты, капиталисты и администраторы.

Отсюда вытекаетъ, что чѣмъ больше мы ввозимъ иностранныхъ товаровъ, тѣмъ больше мы должны вывозить въ обмѣнъ нашихъ собственныхъ товаровъ или услугъ народа. Такимъ образомъ, напримѣръ, человѣкъ, получающій шведскія спички, точно также поощряетъ британскую промышленность, какъ и тотъ, который покупаетъ спички англійскихъ фабрикантовъ, такъ какъ для пріобрѣтенія шведскаго продукта пришлось вывезти за границу какой-нибудь англійскій продуктъ.

Покровительственные тарифы, поэтому, не могутъ прибавить ничего къ общей суммѣ національной индустріи; они въ силахъ только развить какія-нибудь отрасли промышленности на счетъ другихъ.

Покровительственные тарифы означаютъ обложеніе налогами промышленности одного фабриканта съ цѣлью, чтобы другой получалъ прибыль. Это, конечно, несправедливо и, напридачу, не разумно, потому что отрасль промышленности, могущая держаться самостоятельно, имѣетъ большее значеніе для націи, чѣмъ та, которой нужна правительственная субсидія. Имѣя громадныя естественныя преимущества,—продолжаетъ Гарольдъ Коксъ, Соединенные Штаты давнымъ давно отняли бы у Англіи промышленное главенство въ мірѣ, если бы она направила свою индустрію въ искусственные каналы путемъ протекціонизма. Не подлежитъ сомнѣнію, что покровительственные тарифы другихъ странъ причиняютъ вредъ англійской промышленности; но изъ этого не слѣдуетъ, что послѣдняя выиграетъ, если бы Англія отвѣтила на налоги налогами. По всей вѣроятности, положеніе промышленности ухудшилось бы еще.

Англія должна быть страной свободной торговли; это опре-

дѣляется островнымъ положеніемъ ея, незначительностью пространства и неблагопріятнымъ климатомъ. Благосостояніе народа, такимъ образомъ, находится въ прямой зависимости отъ иностранной торговли. Чтобы поддерживать ее и чтобы имѣть возможность конкуррировать на международныхъ рынкахъ, мы,—говоритъ Гарольдъ Коксъ,—должны производить фабрикаты по возможно болѣе низкимъ цѣнамъ. Отсюда явствуетъ, что населеніе должно имѣть изобильную пищу по дешевымъ цѣнамъ и что каждый фабрикантъ воленъ покупать необходимыя ему сырье и машины, гдѣ онъ можетъ сдѣлать это съ наибольшею выгодою для себя.

Такъ суммируются взгляды фритредеровъ. Посмотримъ теперь, какіе доводы въ защиту протекціонизма выставляетъ самый крупный экономистъ этого теченія Эрнестъ Уильямсъ, авторъ нашумѣвшаго памфлета „Сдѣлано въ Германіи“.

Протекціонизмомъ, — говоритъ онъ,—называется система самоохраненія отъ иностраннаго соперничества. Онъ развиваетъ національную промышленность путемъ обложенія ввозныхъ фабрикатовъ. Пошлины разсчитаны на то, чтобы остановить ввозъ иностранныхъ товаровъ, могущихъ соперничать съ отечественными. Доводы въ пользу этой системы могутъ быть суммированы такъ

При введеніи широкой покровительственной системы, въ районѣ, охваченномъ таможеннымъ кордономъ, возможно примѣнить бо́льшій капиталъ и большее число рабочихъ рукъ, чѣмъ тамъ, гдѣ охраны не существуетъ. Поощряя какую-нибудь промышленность и охраняя ея рынки, правительство привлекаетъ туда и капиталъ, и трудъ. Система протекціонизма не отвлекаетъ капитала и труда (которыхъ въ Англіи въ изобиліи) отъ тѣхъ отраслей промышленности, которыя не нуждаются въ охранѣ. Послѣднія даже увеличиваются, такъ какъ онѣ пріобрѣтаютъ новые рынки съ введеніемъ новыхъ отраслей промышленности. Въ этомъ аргументѣ,—говоритъ Уильямсъ,—заключается вся сущность протекціонизма. Но можно прибавить еще доводы. Протекціонизмъ необходимъ потому, что въ дѣйствительности свободной торговли не существуетъ. Всѣ государства, кромѣ Англіи, держатся системы покровительственныхъ тарифовъ. Другими словами, они не допускаютъ свободнаго ввоза англійскихъ фабрикатовъ. Поэтому, не точно выражаются тѣ, которые называютъ безпошлинный ввозъ въ Англію иностранныхъ товаровъ—*свободной торговлей.*

Сильнымъ доводомъ за возвращеніе къ таможеннымъ налогамъ является то обстоятельство, что въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Германіи развились такія отрасли промышленности, которыя не имѣли бы никакого шанса на успѣхъ, если бы не существовали тамъ покровительственные тарифы.

Главенство Англіи, какъ промышленной страны, исчезло; благосостоянію ея грозитъ большая опаносcть, если индустріальные

соперники ея будутъ и дальше безпрепятственно конкуррировать съ нею. Англія должна отвѣтить контръ-атакой, т. е. возвратиться къ протекціонизму.

При таможенныхъ налогахъ Англія опять можетъ сама доставлять необходимые ей жизненные припасы, что абсолютно необходимо на случай войны. Опытъ другихъ націй показалъ, что громадное развитіе промышленности и международной торговли совмѣстимо съ развитіемъ земледѣлія.

Государственные доходы лучше всего взимаются съ таможенныхъ поступленій. Совершенно справедливо перенести всю тяжесть ихъ на такіе товары, которые конкуррируютъ съ отечественными фабрикатами. Англія обязана своимъ величіемъ протекціонной системѣ, которая существовала до середины XIX в. Съ отмѣной ея, началось промышленное паденіе страны.

Таможенный кордонъ вокругъ имперіи необходимъ для охраны торговли между колоніями и метрополіей, отъ которой будетъ зависѣть благосостояніе Великобританіи, когда иностранные рынки для нея закроются.

Вотъ всѣ положенія протекціонизма, на которыхъ держится теперь британскій имперіализмъ. Почти ни одинъ пунктъ не выдерживаетъ критики. Въ особенности же фантастиченъ послѣдній пунктъ, самый важный для имперіалистовъ, — проектъ имперскаго цолльфферейна. Противъ него, прежде всего, высказались рѣшительно самоуправляющіяся колоніи на томъ основаніи, что Британская имперія не есть экономическій микрокосмъ. Метрополія не можетъ забрать все сырье колоній, а колоніи не могутъ закупить всѣ фабрикаты метрополіи. Новый Южный Уэльсъ, напр., посылаетъ только часть своей шерсти въ Англію. Всѣ колоніи, взятыя вмѣстѣ, являются рынкомъ только для $^1/_3$ фабрикатовъ Англіи *). Такимъ образомъ, цолльферейнъ, который вызвалъ бы отвѣтное повышеніе пошлинъ на англійскіе товары на заграничныхъ рынкахъ, прежде всего, былъ бы не выгоденъ для большей части англійскихъ фабрикатовъ. Это и выставляютъ на видъ фритрэдеры. Затѣмъ колоніи не являются только производителями сырья. Многія изъ нихъ становятся все больше и больше промышленными центрами, конкуррирующими съ метрополіей. Имъ нужны ужъ свои собственные рынки. Въ силу этого, Канада вступаетъ въ торговый договоръ съ Соединенными Штатами и Франціей, не считаясь съ интересами метрополіи.

---

*) Въ 1900 г. экспортъ Великобританіи равнялся 354 мил. ф. ст. Въ колоніи вывезено на 102 мил. ф. ст., въ Германію—на 38 мил. ф. ст., въ Соед. Штаты—на 37 мил. ф. ст., въ Южн. Америку—на 94,5 мил. ф. ст. и т. д.

Импортъ исчислялся въ 1900 г. въ 523 мил. ф. ст. Изъ колоній привезено на 109,5 мил., изъ Соед. Штатовъ — на 138,7 м. ф. ст. и т. д. Только нѣсколько больше одной четверти пшеницы, выращиваемой въ Канадѣ, идетъ въ Англію.

Въ Австраліи, подъ вліяніемъ тѣхъ же условій, развивается свой мѣстный, австралійскій имперіализмъ, который тоже часто не совпадаетъ съ интересами метрополіи. Противъ цолльферейна высказались лучшіе экономическіе авторитеты Англіи, какъ напр., сэръ Робертъ Гиффенъ. На послѣднемъ засѣданіи Британской ассоціаціи тоже былъ прочитанъ цѣлый рядъ докладовъ, смыслъ которыхъ тотъ, что таможенный союзъ между колоніями и метрополіей совершенно неосуществимъ. Эти доклады отнюдь не доказываютъ положенія, выставленнаго Дайси во вступленіи къ „Британской Энциклопедіи", что „вѣра въ универсальность принциповъ фритрэдерства—упала".

Авторъ вступленія переходитъ дальше къ англійскимъ работникамъ и убѣждаетъ ихъ твердо стоять за политику имперіализма. „На первый взглядъ,—говоритъ Дайси,—англійскимъ работникамъ безразлично, будетъ-ли въ имперіи таможенный союзъ или нѣтъ. Ихъ увѣрили даже, что цолльферейнъ не только подорветъ принципы свободной торговли, но поведетъ также къ повышенію цѣнъ на предметы первой необходимости. Въ послѣднее время, однако, все доказываетъ, что это положеніе не находитъ больше такихъ горячихъ сторонниковъ, какъ прежде. Англійскій работникъ былъ бы совсѣмъ слѣпъ къ собственнымъ интересамъ, если бы онъ не замѣтилъ, что при свободной конкурренціи многія отрасли британской промышленности, процвѣтающія при протекціонизмѣ въ другихъ странахъ, сильно поколебались, а то находятся даже въ состояніи агоніи. Вслѣдствіе запретительныхъ тарифовъ, наложенныхъ другими государствами, англійскіе фабрикаты теряютъ рынокъ за рынкомъ. И хотя заработная плата покуда еще высока въ Англіи, работники начинаютъ уже безпокоиться, опасаясь, какъ бы паденіе промышленности не повлекло за собою пониженія еженедѣльныхъ получекъ. Этимъ опасеніемъ не преминули, конечно, воспользоваться имперіалисты. Они стоятъ за новые безопасные рынки для англійской промышленности; за поддержку предпріятій, которыя должны сблизить колоніи съ метрополіей, и за политику федераціи. Если бы только англійскіе работники поняли, что имперскій цолльферейнъ, являющійся послѣдствіемъ имперской федераціи, поведетъ къ повышенію ихъ заработковъ, или во всякомъ случаѣ, къ сохраненію ихъ въ нынѣшнемъ состояніи,—трудящіяся массы стали бы имперіалистами въ виду собственныхъ интересовъ. Мы уже не говоримъ о сантиметальныхъ двигателяхъ, какъ напр., патріотизмъ" *).

Дѣйствительность нѣсколько расходится съ этой картиной. Англійскіе работники, во всякомъ случаѣ значительная часть ихъ, были захвачены два-три года тому назадъ „сантиментальными мотивами". Тогда „имперіализмъ" былъ въ большомъ

*) «Encyclopaedia Britannica», v. II. 1902. p. p. X—XIII.

ходу среди массъ, что и сказалось во время общихъ выборовъ 1900 г. Но въ послѣднее время трудящіяся массы въ Англіи, во всякомъ случаѣ цвѣтъ ихъ, т. е. трэдъ-юніонисты, поняли, что они все время играли чужую игру. Первыми результатами „имперіализма“ было пониженіе заработной платы и повышеніе цѣнъ на предметы первой необходимости и походъ противъ трэдъ-юніоновъ.

И вотъ въ сентябрѣ этого года конгрессъ трэдъ-юніонистовъ высказался за свободную торговлю. Онъ громаднымъ большинствомъ осудилъ политику захвата, имперіализмъ и цолльферейнъ. Партія, выразителемъ которой является „*Таймсъ*“, видитъ въ трэдъ-юніонахъ серьезнаго соперника. Газета, а за ней и „Британская Энциклопедія“, начали систематическій походъ противъ рабочихъ союзовъ. „*Таймсъ*“ прославляетъ „вольный“ трудъ. Въ исторіи человѣчества мы постоянно наблюдаемъ слѣдующій фактъ. При нарожденіи какой-нибудь новой идеи, живо затрагивающей интересы сильныхъ, она находитъ ожесточенныхъ, неутомимыхъ обличителей и преслѣдователей. Затѣмъ, съ теченіемъ времени, преслѣдователи берутъ сами лозунгъ гонимой партіи и вкладываютъ въ него совершенно другое содержаніе. И лозунгъ, знаменовавшій долго освобожденіе мысли, личности, совѣсти,—превращается въ синонимъ угнетенія. При произнесеніи его слышится звонъ цѣпей, свистъ бича и вопль нетерпимости. Классическимъ примѣромъ является исторія того міровоззрѣнія, которое, по словамъ шаблонныхъ историковъ, явилось отрицаніемъ античнаго міра. Въ XIX вѣкѣ то же самое повторилось съ нѣкоторыми лозунгами XVIII вѣка. То же самое мы видимъ съ лозунгомъ націонализма. Страны, борьба которыхъ за независимость зажигала сердца юношей энтузіазмомъ,—добившись независимости, стали во имя націонализма преслѣдовать болѣе слабые народы. Отъ слова „патріотъ“ несетъ теперь острымъ, своеобразнымъ букетомъ. Оно вызываетъ предъ нами совершенно опредѣленный образъ. А между тѣмъ, въ концѣ XVIII вѣка или въ бурную эпоху сороковыхъ годовъ это слово имѣло и другое значеніе... Со словами „вольный трудъ“ повторилось нѣчто подобное. Партія, долго упорно и безпощадно преслѣдовавшая въ Англіи малѣйшую попытку освобожденія труда, теперь выставила лозунгомъ „вольный трудъ“, понимая подъ этимъ свободное рабство. Фабриканты,—говорятъ экономисты „*Таймса*“,—должны имѣть дѣло съ *вольнымъ* работникомъ, а не съ членомъ „трэдъ-юніона“, который сковываетъ опредѣленными правилами и ограниченіями „свободную волю“ нанимающагося. Въ прошломъ году „*Таймсъ*“ выступилъ съ рядомъ статей, въ которыхъ увѣрялъ, что въ паденіи англійской промышленности виновны только трэдъ-юніоны. Тогда всѣ факты, выставленные спеціальнымъ корреспондентомъ газеты, были опровергнуты. Возражавшіе указывали на слѣдующіе

факты. Единственная отрасль промышленности, которая въ Англіи не только не падаетъ, но даже быстро растетъ—ткацкое дѣло. Между тѣмъ союзъ ткачей самый старый, самый прочный и самый богатый изъ всѣхъ трэдъ-юніоновъ. Судостроеніе переносится изъ англійскихъ верфей на шотландскія. Фактъ этотъ вѣрно констатированъ спеціальнымъ корреспондентомъ *„Таймса“*; но объясненіе его („виноватъ союзъ корабельныхъ плотниковъ, ставящій арматорамъ судовъ чрезмѣрныя требованія“) совершенно невѣрно, такъ какъ на шотландскихъ верфяхъ работаютъ не „вольные плотники“, а только трэдъ-юніонисты. Въ Соединенныхъ Штатахъ промышленность быстро развивается, хотя работники составляютъ тамъ прочные и богатые союзы.

Всѣ эти факты выставлялись тѣми, которые возражали спеціальному корреспонденту *„Таймса“*. Но теперь въ „ключѣ“ къ „Британской Энциклопедіи“ выставляются тѣ же доводы въ защиту вольнаго труда, но только болѣе осторожно и въ менѣе категорической формѣ. „По всей вѣроятности,—говоритъ Дайси,—заработная плата поднялась бы, если бы не было трэдъ-юніоновъ *).“ Авторъ безусловно противъ чьего-либо вмѣшательства между предпринимателемъ и работникомъ во время промышленныхъ недоразумѣній, которыя должны разрѣшаться только борьбой. „Ultimo ratio во всѣхъ промышленныхъ, какъ и другихъ спорахъ—сравнительная сила обѣихъ тяжущихся сторонъ.“ Авторъ заканчиваетъ вступленіе тѣмъ же аккордомъ, которымъ оно начато: „иллюзіи, увлекавшія когда-то всѣхъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ—исчезли“, осталась „практическая дѣйствительность“. Какія же это иллюзіи? Въ „Горныхъ Вершинахъ“ Искандеръ описываетъ тотъ восторженный пріемъ, который при немъ оказалъ Лондонъ Кошуту. „То было царственное шествіе... Гордый Лондонъ ждалъ его на ногахъ у желѣзной дороги; карета лордъ-мэра стояла, приготовленная для него; альдермэны, шерифы, члены парламента провожали его моремъ волнующагося народа, привѣтствовавшаго его криками и бросаньемъ шляпъ вверхъ. И когда Кошутъ вышелъ съ лордомъ-мэромъ на балконъ Mansion-Hause'а, его привѣтствовало то громогласное „ура!“, котораго повелитель великой страны не могъ въ Лондонѣ добиться ни протекціей Веллингтона, ни статуей Нельсона... Надменная англійская аристократія, уѣзжавшая въ свои помѣстья, когда Бонапартъ пировалъ съ королевой въ Виндзорѣ и бражничалъ съ мѣщанами въ Сити, толпилась, забывъ свое достоинство, въ колясскахъ и каретахъ, чтобы увидѣть знаменитаго агитатора; высшіе чины представлялись ему—изгнаннику. *Таймсъ* нахмурилъ было брови, но до того испугался передъ крикомъ общественнаго мнѣнія, что сталъ ругать Наполеона, чтобы загладить

*) Ibid. p. XX.

ошибку.“ А вотъ какъ населеніе того же Лондона встрѣчало другого великаго изгнанника — Гарибальди. „Англія дворцовъ, Англія сундуковъ, забывъ всякое приличіе, идетъ вмѣстѣ съ Англіей мастерскихъ на срѣтеніе мятежника, который былъ бы повѣшенъ, если бы ему не удалось освободить Сицилію...“ „У Вестминстерскаго моста, близь парламента, народъ такъ плотно сжался, что коляска, ѣхавшая шагомъ, остановилась, и процессія, тянувшаяся на версту, ушла впередъ со своими знаменами, музыкой и пр. Съ криками „ура!“ народъ облѣпилъ коляску, все, что могло продраться, жало руку, цѣловало край плаща Гарибальди, кричало: „Welcome!“ Съ какимъ-то упоеніемъ любуясь на великаго плебея, народъ хотѣлъ отложить лошадей и везти на себѣ, но его уговорили.“ „Когда мы подъѣхали,—пишетъ очевидецъ,—толпа въ какомъ-то изступленіи бросилась его (Гарибальди) привѣтствовать, жала ему руки, кричала: „God bless you, Garibaldi“, женщины хватали руку его и цѣловали, цѣловали край его плаща, подымали дѣтей своихъ къ нему, плакали.“ Увлеченіе охватило не только народныя массы. На квартиру къ генералу явилась представиться почти вся англійская аристократія. „Открылись двери,—описываетъ тотъ же очевидецъ,—въ дверяхъ сталъ импровизированный церемоніймейстеръ съ листомъ бумаги и началъ громко читать какой-то адресъ-календарь. „Достопочтенный такой-то“, „лэди такая-то“, „лордъ такой-то“, „членъ парламента“, „членъ парламента“ безъ конца. При каждомъ имени врывались въ дверь и потомъ покойно плыли старые и молодые кринолины, аэростаты, сѣдыя головы и головы безъ волосъ, крошечные и толстенькіе старички-крѣпыши и какіе-то худые жирафы, безъ заднихъ ногъ, которые до того вытянулись и постарались вытянуться еще, что какъ-то подпирали верхнюю часть головы на огромные желтые зубы... Каждый имѣлъ три, четыре, пять дамъ... Всѣ подходили по очереди къ Гарибальди, мужчины трясли ему руку и откланивались... Музыка гремитъ, кареты подъѣзжаютъ, конца не видать.“ Съ такимъ же восторгомъ привѣтствовало населеніе Лондона другихъ бѣглецовъ, прибитыхъ къ берегамъ Англіи бурей 1848 г.

„Гдѣ же теперь культъ иностранныхъ патріотовъ“?—спрашиваетъ Дайси, — и считаетъ хорошимъ симптомомъ „исчезновеніе иллюзій“. „Если бы какой-нибудь преемникъ Кошута, Гарибальди, Шамиля, Ледрю Роллэна или Мадзини явился теперь въ Англію, на него или не обратили бы никакого вниманія, или велѣли бы полиціи забрать его. Если бы теперь д-ръ Бернаръ *) попалъ

*) Д-ръ Бернаръ, французскій эмигрантъ, былъ преданъ въ 1856 г. суду, по требованію Наполеона III, за содѣйствіе Орсини (покушеніе подготовлялось въ Англіи). Защитникъ подсудимаго, Эдвинъ Джемсъ, главнымъ образомъ, указывалъ присяжнымъ на святость убѣжища. и на то, что англійскій

подъ судъ, то никакое краснорѣчіе преемниковъ Эдвина Джемса не спасло бы его" (ib., p. p. XXII).

V.

Позволительно усомниться въ томъ, что „культъ иностранныхъ патріотовъ исчезъ въ Англіи",—какъ говоритъ Дайси,—до такой степени, что потомку Гарибальди или Кошута грозитъ равнодушіе публики и вниманіе полицейскаго участка. Всего только мѣсяцъ тому назадъ на улицахъ Лондона устраивали бурныя и восторженныя оваціи вождямъ бывшихъ южно-африканскихъ республикъ. Эти оваціи приняли бы еще болѣе пышный характеръ, если бы вожди не уклонялись сами. Справедливость требуетъ замѣтить, что по поводу этихъ восторженныхъ манифестацій *„Таймсъ"* такъ же „нахмурилъ брови", какъ и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Но не въ томъ дѣло, встрѣтитъ ли толпа восторженно или холодно того или другого героя момента. Вопросъ въ томъ, дѣйствительно ли „иллюзіи разсѣялись", какъ констатируетъ *„Британская Энциклопедія"*. Дѣйствительно ли теперь подорвана въ Англіи вѣра въ тѣ положенія, которыя выставлялись здѣсь передовыми умами, какъ программа, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ? Мнѣ кажется, даже бѣглое изслѣдованіе покажетъ, что утвержденіе Дайси совершенно голословно. Англичане рѣзко отличаются отъ жителей континента въ одномъ отношеніи: они подвигаются медленно, но за то *никогда* не допустятъ, чтобы у нихъ отняли хотя бы одну изъ добытыхъ прерогативъ. Въ этомъ отношеніи, реакція, т. е. поворотъ къ отжившему, въ Англіи совершенно

судъ не долженъ повиноваться требованію чужого государства. «Скажите тому, кто преслѣдуетъ,—воскликнулъ онъ, обратившись къ присяжнымъ, — что судъ общественныхъ представителей является святыней англійской свободы. Скажите ему, что на этомъ самомъ мѣстѣ ваши предшественники сопротивлялись произволу короны, имѣвшей въ своемъ распоряженіи смѣняемыхъ судей. Скажите ему, что, не смотря на всѣ препятствія, ваши предки отстояли свободу народа... Скажите ему, что никакія угрозы вторженія не могутъ устрашить васъ. Хотя шестьсотъ тысячъ французскихъ штыковъ сверкаютъ предъ вами; хотя громъ французскихъ пушекъ грохочетъ невдалекѣ,—вы вынесете приговоръ, продиктованный совѣстью. Вы не обратите вниманія на то, понравится ли онъ или нѣтъ деспоту; вамъ безразлично, укрѣпитъ ли или потрясетъ вашъ справедливый приговоръ тронъ, построенный тираномъ на развалинахъ свободы великаго народа».

Присяжные оправдали д-ра Бернара, что вызвало шумную демонстрацію. «Зрители махали шляпами. Адвокаты, бывшіе въ залѣ, апплодировали. Дамы вскочили на скамьи, махали платками, шляпками и тоже кричали ура. Толпа на улицѣ, узнавъ результатъ суда, устроила еще болѣе шумную демонстрацію. Д-ръ Бернаръ обратился къ присяжнымъ: «Вашъ приговоръ — сама истина. Онъ доказываетъ, что Англія всегда проявитъ духъ свободы, когда вопросъ идетъ о сверженіи тирана. Честь и слава англійскимъ присяжнымъ».

(*George Holyoake*, «Sisty years of an Agitor's Life», v. II, p. p. 32—34).

невозможна. Даже консервативная партія признаетъ все добытое народомъ, противъ чего она сама долго боролась. А добыто очень много. И все это тѣ „иллюзіи“, которыя съ особенной настойчивостью были намѣчены въ серединѣ прошлаго вѣка... „Истина въ наше время,—писалъ лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ блестящій нѣмецкій философъ, — стала не только безнравственностью; она перестала быть и *предметомъ науки*—истина предѣлъ науки! Въ этомъ смыслѣ, какъ свобода плаванія нѣмецкихъ кораблей по Рейну простирается jusqu'à la mer, — свобода нѣмецкой науки простирается jusqu'à la vérité. Тамъ, гдѣ она доходитъ до истины, гдѣ дѣлается истиною,—она перестаетъ быть наукою, тамъ становится она *предметомъ полиціи*. Полиція есть грань, стоящая между наукою и истиною“ *). Въ значительной степени это относилось и къ Англіи, хотя здѣсь уже въ серединѣ XVIII вѣка появились тѣ произведенія, изъ которыхъ Вольтеръ обильно черпалъ матеріалы для своего „Философскаго Словаря“. Нужно прибавить только, что въ Англіи „грань между наукой и истиной“ составляла не „полиція“, какъ въ Германіи, а защитники традиціи. Для иллюстраціи я приведу нѣсколько чертъ изъ дѣятельности покойнаго Гексли. Страхъ предъ защитниками традицій былъ такъ великъ, что даже такой мощный умъ, какъ Дарвинъ, не рѣшился высказаться вполнѣ. Въ „Происхожденіи видовъ“ — онъ только неопредѣленно говоритъ,—что новая теорія „броситъ много свѣта на происхожденіе человѣка и на его исторію“. Въ „Происхожденіи человѣка“, въ книгѣ, появившейся въ 1870 г., когда буря, поднятая Гексли десять лѣтъ тому назадъ, уже почти промчалась, — Дарвинъ признается, что молчаніе его „обусловливалось нежеланіемъ возстановить противъ его взглядовъ еще предубѣжденіе“. Въ 1860 г. Гексли прочиталъ рядъ лекцій „On the Relation of Man to the Lower Animals“. Черезъ два года послѣдовали доклады его въ Эдинбургскомъ Философскомъ Институтѣ. Цѣль ихъ была—доказать, что невозможно провести рѣзкую демаркаціонную линію между самыми высшими и самыми низшими животными. „Даже высшія способности чувства и интеллекта зарождаются въ низшихъ формахъ жизни“,—доказывалъ Гексли. Эти лекціи и доклады вышли потомъ отдѣльной книгой „Evidence as to Man's Place in Nature“, вызвавшей при своемъ появленіи страшную бурю... Ожесточенныя нападки со стороны людей, „стоящихъ между наукой и истиной“, вызвали также лекціи Гексли „Физическій базисъ жизни“, прочитанныя въ Эдинбургѣ въ 1868 г. Циклонъ опять сорвался, когда въ 1874 г. Тиндаль на засѣданіи Британской Ассоціаціи заявилъ объ основной тождественности органическаго и неорганическаго міра. „Геній Ньютона,—сказалъ онъ,—находился въ потенціальномъ состояніи въ солнечномъ свѣтѣ“. Такихъ людей, какъ Гек-

*) «Das Wesen des Christenthums», Vorwort.

сли и Тиндаль, защитники традиціи могли только ругать и „разносить“. Носителямъ же менѣе крупныхъ и блестящихъ именъ причиняли порой крупныя непріятности. Теперь всѣ форпосты людей, „стоящихъ между наукой и истиной“ оставлены. Борьба признана безцѣльной.

„Мы имѣемъ предметомъ разсмотрѣнія,—писалъ, лѣтъ тридцать пять тому назадъ, Гербертъ Спенсеръ („Principles of Ethics“, № 193)—человѣка, какъ продуктъ эволюціи, общество, какъ продуктъ эволюціи, и феномены нравственности, какъ продукты эволюціи“. Въ этихъ нѣсколькихъ словахъ единомышленники Вильберфорса усматривали нѣчто такое ужасное, противъ чего защитники традиціи должны немедленно призвать на помощь всѣ земныя силы. Что же мы видимъ теперь? Обращаемся за отвѣтомъ къ вступительной статьѣ къ четвертому тому десятаго изданія „Британской Энциклопедіи“. Называется статья „Ростъ толерантности“ и написана сэромъ Лэсли Стефеномъ.

„Въ началѣ девятнадцатаго вѣка,—говоритъ авторъ,—мы можемъ поздравить другъ друга съ дѣйствительнымъ развитіемъ терпимости къ чужому мнѣнію. Большія измѣненія въ этомъ отношеніи произошли даже въ послѣднія двадцать пять лѣтъ. Въ шестидесятыхъ годахъ дарвинистовъ, стоявшихъ за примѣненіе теоріи къ критикѣ традицій,—обличали съ яростью, напоминавшей средніе вѣка. Въ 1902 г. даже большинство ортодоксовъ англиканской церкви считаетъ теорію эволюціи установленнымъ фактомъ“. Широкая терпимость къ чужому мнѣнію сдѣлалась *жизненнымъ* фактомъ, а не только отвлеченнымъ принципомъ. Ее признали, наконецъ, тѣ, которые много вѣковъ были противъ толерантности, вначалѣ прямо, потомъ косвенно. „Каждый ученый признаетъ, по крайней мѣрѣ, въ теоріи,—говоритъ авторъ предисловія,—что онъ долженъ доказать свои положенія, а потому онъ стоитъ за изслѣдованія всякаго рода. Онъ желаетъ, чтобы даже дураку позволено было разсуждать. Ученый хочетъ только напомнить глупцу, что онъ дуракъ. Время отъ времени является невѣжда, пытающійся оспаривать завоеванія разума. Онъ находитъ вѣчное движеніе, разрѣшаетъ квадратуру круга и пр. Никто теперь не утверждаетъ, что невѣжду слѣдуетъ наказывать. Надлежитъ только доказать ему его заблужденіе. Послѣднее, можетъ быть, даже полезно, такъ какъ свидѣтельствуетъ о соотвѣтственномъ развитіи знанія... Умственный горизонтъ теперь такъ расширился,—продолжаетъ сэръ Лесли Стефенъ,—что теперь болѣе невозможно „свалить въ одну кучу иностранцевъ, еретиковъ и иновѣрцевъ, объявить ихъ „порочными“ и тѣмъ мотивировать преслѣдованія противъ нихъ“. Тѣ же самыя доктрины, по словамъ автора предисловія, примѣнимы и въ области политики. „Теперь надлежитъ понять противника вмѣсто того, чтобы преслѣдовать его“.

Мы видимъ, что, во всякомъ случаѣ, въ этомъ отношеніи нѣтъ „разсѣянныхъ иллюзій“.

Перейдемъ теперь къ другому принципу, выставленному XVIII вѣкомъ и выдвинутому особенно выпукло англійскимъ философскимъ радикализмомъ. Я говорю о свободѣ личности. Признаетъ ли современная англійская дѣйствительность этотъ принципъ „иллюзіей“? Разсѣялась-ли она? Самыя крайнія воззрѣнія XVIII вѣка въ этомъ отношеніи формулировались такъ. „Первый законъ человѣка—заботиться о самосохраненіи; первыя обязанности его—по отношенію къ самому себѣ. И какъ только человѣкъ становится зрѣлымъ въ умственномъ отношеніи,—онъ долженъ быть господиномъ самого себя, такъ какъ только онъ одинъ можетъ быть судьею въ средствахъ для его личнаго самосохраненія... Всѣ рождены равными и свободными. Они отчуждаютъ свою свободу только для личной пользы... Сила создала первыхъ рабовъ. Трусость послѣднихъ сдѣлала ихъ состояніе постояннымъ“ *) Болѣе подробно и менѣе абстрактно права гражданина формулированы Гольбахомъ въ его мало извѣстной теперь книгѣ. Я приведу любопытную выдержку оттуда, которую интересно будетъ сопоставить съ положеніемъ избирательныхъ правъ въ Англіи теперь. „Право избирать представителей,—говоритъ Гольбахъ,—можетъ принадлежать только истиннымъ гражданамъ, т. е. людямъ, заинтересованнымъ въ общественномъ благѣ, привязаннымъ къ отечеству узами, которыя гарантируютъ ему истинное чувство. Это право не сотворено для бездѣльной черни, для бродягъ, нищихъ, для низкихъ и продажныхъ душъ. Люди, которыхъ ничто не привязываетъ къ государству, не должны выбирать себѣ представителей. Подъ словомъ *народъ* мы отнюдь не подразумѣваемъ глупую чернь (populace imbécile), которая, вслѣдствіе отсутствія просвѣщенія и здраваго смысла, можетъ во всякій моментъ стать соучастникомъ и орудіемъ безпокойныхъ вождей, волнующихъ общество. Гражданиномъ нужно признать всякаго, могущаго честно существовать плодами, приносимыми его владѣніемъ, т. е. каждаго отца семейства, имѣющаго земельную собственность. Государство должно защищать ремесленника, торговца, наемнаго солдата, которые всѣ служатъ ему на свой ладъ; но истинными членами общества они становятся только тогда, когда на свои сбереженія, своими трудами, пріобрѣтаютъ землю. Только нива и снопы даютъ патентъ на гражданство. Земля составляетъ физическій и политическій базисъ государства“ **). Такъ думалъ одинъ изъ самыхъ крайнихъ энциклопедистовъ. Когда появилась книга Гольбаха, высшіе классы въ Англіи и, отчасти, средніе—пользовались уже значительными правами, которыя приводили въ такой восторгъ

*) «Contrat Social», Livre premier, 552.

**) *D'Holbach*. «Système sociale», v. II, p. 11 (Изданіе 1822 года).

Монтескье и Вольтера. Въ то же время низшіе классы находились въ такой же степени забитости, какъ и на континентѣ. Города были наполнены почти одичалымъ пролетаріатомъ. Въ деревняхъ „ходжъ“ находился въ полной власти „сквайра“. Въ малѣйшемъ пробужденіи самосознанія сквайръ усматривалъ „бунтъ“, развращеніе нравовъ и круто расправлялся съ строптивымъ. Нравы, описываемыя Фильдингомъ, напр., (см. извѣстный у насъ въ Россіи романъ „Томъ Джонсъ“) до того не соотвѣтствуютъ положенію дѣлъ теперь, что кажется, что дѣйствіе происходитъ гдѣ-нибудь въ самомъ глухомъ мѣстѣ континента. Теперь же права личности въ Англіи неизмѣримо шире, чѣмъ тѣ, которыя допускали, какъ идеалъ, самые крайніе энциклопедисты. Второе и третье поколѣніе „ходжа“, переселившись въ городъ, рѣшило теперь имѣть свою собственную партію въ парламентѣ. Потомки того же „ходжа“ и городскихъ дикарей XVIII вѣка образовали за океаномъ новыя, интенсивно-жизнедѣятельныя республики, въ которыя, быть можетъ, суждено перемѣститься центру тяжести могучаго англо-саксонскаго міра. Права личности понимаются теперь въ Англіи шире, чѣмъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ разгаръ борьбы за второй билль о реформахъ. Этихъ правъ никто не считаетъ „иллюзіями“. Они, напротивъ, признаны какъ нѣчто незыблемое и неоспоримое даже крайними тори. Точно такъ, какъ свобода совѣсти получила новыя примѣненія, въ послѣднія двадцать пять лѣтъ идея о свободѣ личности крайне расширилась въ Англіи и пріобрѣла новый смыслъ. Какіе широкіе выводы дѣлаются изъ этого положенія (выводы, до которыхъ не дошли энциклопедисты и предъ которыми остановились философскіе радикалы), мы видимъ теперь въ Новой Зеландіи и отчасти въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ.

Изъ этого принципа вытекаетъ призваніе въ Англіи къ общественной жизни массъ. Тутъ не только не наблюдается „поворотъ назадъ“, но, наоборотъ, партія, постоянно возстававшая противъ этого призванія, *вынуждена* была сама проводить реформы въ этомъ направленіи. Билль о реформахъ 1866 г., за тѣмъ муниципальныя реформы конца восмидесятыхъ годовъ осуществило консервативное министерство.

Итакъ, утвержденіе „Британской Энциклопедіи“, этой тяжелой батареи, выдвинутой партіей денежнаго капитала, о томъ, что „иллюзіи разсѣялись“,—оказывается совершенно голословнымъ. Никакого „хода назадъ“ въ этомъ отношеніи не только не замѣчается, но и не можетъ быть вслѣдствіе характера англійской жизни. Англичане слишкомъ хорошо знаютъ устройство паровыхъ котловъ, чтобы, затопивъ печку, завинтить всѣ предохранительные клапаны. Они знаютъ, каковы неизбѣжныя послѣдствія подобнаго эксперимента. Англійскіе руководители общественной машины всегда успѣвали во время открыть клапанъ и,

такимъ образомъ, предупреждали взрывы. Краснорѣчивымъ фактомъ является то, что въ Англіи партія, которой почему-либо нуженъ „ходъ назадъ“, уже не можетъ пользоваться для этого грубой силой. Она должна *убѣждать* и предпринимать такое колоссальное предпріятіе, какъ десятое изданіе „Британской Энциклопедіи“.

Діонео.

Хроника внутренней жизни.

I. Высочайшія постановленія относительно Финляндіи.—II. Правительственныя распоряженія и сообщенія.—III. Административныя мѣры относительно печати.

I.

Въ „Сборникѣ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго“ напечатано шесть высочайшахъ постановленій, состоявшихся въ теченіе минувшихъ іюля и августа по всеподданнѣйшимъ докладамъ министра статсъ-секретаря Великаго Княжества и вводящихъ рядъ важныхъ измѣненій въ административный и судебный строй Финляндіи. Одно изъ этихъ постановленій измѣняетъ въ нѣкоторыхъ частяхъ дѣйствовавшее до сихъ поръ Учрежденіе финляндскаго сената, другое измѣняетъ нѣкоторыя правила о службѣ гражданскихъ чиновъ въ Финляндіи, три постановленія касаются порядка удаленія отъ службы должностныхъ лицъ административныхъ и судебнаго вѣдомствъ и порядка возбужденія судебнаго преслѣдованія за служебныя преступленія должностныхъ лицъ и, наконецъ, шестое постановленіе расширяетъ полномочія губернаторовъ Великаго Княжества. Подлинный текстъ всѣхъ этихъ постановленій, несомнѣнно, извѣстенъ уже читателямъ нашего журнала изъ газетъ. Поэтому мы не будемъ подробно передавать содержаніе перечисленныхъ распоряженій правительства, а ограничимся лишь указаніемъ наиболѣе существенныхъ пунктовъ этихъ распоряженій и наиболѣе серьезныхъ послѣдствій, вытекающихъ изъ нихъ.

Начнемъ съ тѣхъ измѣненій, которыя вводятся постановленіемъ 26 августа въ дѣятельность сената. Статья первая прежняго Учрежденія финляндскаго сената гласила: „главное внутреннее управленіе Финляндіей ввѣрено императорскому финляндскому сенату, имѣющему свое пребываніе въ краѣ“. Первая же статья новаго Учрежденія гласитъ: „императорскому финлянд-

скому сенату ввѣрено, подъ руководствомъ его предсѣдателя генералъ-губернатора, главное внутреннее управленіе Финляндіи въ предѣлахъ, Учрежденіемъ сената и подлежащими узаконеніями указанныхъ". Такимъ образомъ, въ новомъ текстѣ прежде всего опущено указаніе на пребываніе сената въ Финляндіи, хотя, по словамъ оффиціозной „Финляндской Газеты", „насколько извѣстно, предположенія о перенесеніи сената изъ предѣловъ Финляндіи не существуетъ" и это опущеніе сдѣлано лишь для „избѣжанія возможности превратныхъ толкованій о томъ, что сенатъ обязательно долженъ имѣть свое мѣстопребываніе въ краѣ". Съ другой стороны, если прежній законъ указывалъ на сенатъ, какъ на высшаго представителя государственной власти въ странѣ, то новое распоряженіе, какъ видно изъ его текста, отводитъ это мѣсто генералъ-губернатору, являющемуся не только предсѣдателемъ, но и руководителемъ сената. Сообразно этой роли генералъ-губернатора новое Учрежденіе опредѣляетъ и всѣ его отношенія къ сенату.

При дѣйствовавшемъ до сихъ поръ порядкѣ генералъ-губернаторъ имѣлъ право предсѣдательства въ общихъ собраніяхъ сената и его департаментовъ, но на практикѣ онъ не пользовался этимъ правомъ благодаря незнанію шведскаго языка, на которомъ велось дѣлопроизводство сената. Впредь послѣднее должно вестись на русскомъ языкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-губернатору или его помощнику предоставляется право предсѣдательствовать не только въ общихъ собраніяхъ сената и его департаментовъ, но и въ отдѣленіяхъ. Сверхъ того въ постановленіи 26 августа указывается рядъ дѣлъ, которыя могутъ быть разрѣшаемы сенатомъ не иначе, какъ въ присутствіи и подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора или его помощника. „Всѣ остальныя дѣла—прибавляетъ постановленіе—должны быть разсматриваемы въ присутствіи генералъ-губернатора или его помощника, если о томъ послѣдуетъ предложеніе главнаго начальника края". Но, независимо отъ того, участвовалъ генералъ-губернаторъ въ разсмотрѣніи дѣла въ сенатѣ или нѣтъ, онъ можетъ представлять на высочайшее усмотрѣніе свои замѣчанія на опредѣленія сената, при чемъ, если найдетъ нужнымъ, можетъ и пріостанавливать приведеніе въ исполненіе этихъ постановленій, исключая лишь постановленныхъ въ судебномъ порядкѣ.

Генералъ-губернатору, въ качествѣ предсѣдателя сената, присвоено, далѣе, высшее руководство экспедиціями сената, канцеляріею хозяйственнаго его департамента и состоящими въ вѣдѣніи сената учрежденіями. Онъ блюдетъ за общимъ порядкомъ въ сенатѣ и производствомъ въ немъ дѣлъ, назначаетъ время засѣданій и дѣлаетъ распоряженія о представленіи дѣла къ докладу. Онъ распредѣляетъ членовъ департаментовъ сената по отдѣленіямъ и выбираетъ членовъ сената и другихъ лицъ въ коммиссіи

для предварительной разработки какого-либо вопроса. Онъ же созываетъ общее собраніе соединенныхъ департаментовъ сената, опредѣляетъ очередь для сенаторовъ въ пользованіи лѣтнимъ вакантнымъ временемъ и предлагаетъ или разрѣшаетъ начальникамъ экспедицій совершать ежегодныя поѣздки для инспекціи. Отъ генералъ-губернатора зависитъ также назначеніе чиновниковъ сената и состоящихъ въ вѣдѣніи его канцеляріи учрежденій на должности ниже VI класса, равно какъ увольненіе чиновниковъ сената по прошеніямъ отъ службы и разрѣшеніе имъ отпусковъ. Чиновники и прочіе служащіе въ сенатѣ и состоящихъ при немъ учрежденіяхъ должны, по словамъ ст. 15-й постановленія 26 августа, при исполненіи своихъ обязанностей руководствоваться предписаніями генералъ-губернатора и сената и вообще исполнять приказанія, полученныя отъ генералъ-губернатора, его помощника и подлежащаго начальства.

Согласно Учрежденію 1892 г., прокуроръ сената имѣлъ право дѣлать замѣчанія какъ сенату, такъ и генералъ-губернатору, когда они уклонялись отъ требованій закона. Новое Учрежденіе лишаетъ прокурора права дѣлать замѣчанія генералъ-губернатору и оставляетъ за нимъ это право лишь по отношенію къ сенату, причемъ, если представленіе прокурора будетъ оставлено безъ послѣдствій, онъ можетъ черезъ генералъ-губернатора подробно донести о дѣлѣ Государю. Новымъ Учрежденіемъ отмѣняется также обязанность прокурора представлять сейму реляцію о судопроизводствѣ и о наблюденіи за примѣненіемъ законовъ за время, протекшее отъ предыдущаго сейма.

Соотвѣтственнымъ образомъ измѣнены въ постановленіи 26 августа и нѣкоторые пункты Учрежденія 1892 г., касающіеся дѣятельности самого сената внѣ его отношеній къ генералъ-губернатору. Статья 102-я стараго Учрежденія гласила: „экспедиція юстиціи имѣетъ обязанностью принимать починъ въ мѣрахъ законодательныхъ“ и т. д. Новая же редакція этой статьи („экспедиція юстиціи имѣетъ обязанностью разрабатывать законодательныя предположенія по вопросамъ, не отнесеннымъ къ вѣдѣнію другихъ экспедицій“) устраняетъ законодательный починъ сената. Жалобы и прошенія, приносимыя сенату, равно какъ представляемыя ему донесенія, заключенія прокурора и другія поступающія въ сенатъ бумаги должны впредь писаться не на высочайшее имя, а на имя сената. Прошенія же на высочайшее имя „подаются, если о томъ не предписано иначе, въ сенатъ для дальнѣйшаго направленія въ установленномъ порядкѣ“. Такія прошенія разсматриваются именно въ общемъ собраніи хозяйственнаго департамента сената и затѣмъ представляются, съ заключеніями генералъ-губернатора и сената, на высочайшее воззрѣніе. Статья 18-я постановленія 26 августа переименовываетъ, однако, всеподданнѣйшія жалобы и прошенія, которыя должны остав-

ляться сенатомъ безъ разсмотрѣнія, и вновь вносить въ ихъ число „подаваемые нѣсколькими лицами скопомъ прошенія, адресы и петиціи, кои, подъ видомъ ходатайствъ о нуждахъ края, клонятся къ осужденію дѣйствій правительства или къ колебанію общественнаго порядка и спокойствія“.

Таковы важнѣйшіе пункты новаго Учрежденія о сенатѣ, созданнаго постановленіемъ 26 августа. Ограничивая полномочія финляндскаго сената, они вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаютъ власть надъ послѣднимъ генералъ-губернатора. Срокомъ вступленія въ дѣйствіе этого Учрежденія назначено 1 октября 1903 года. Къ этому же сроку пріурочено измѣненіе дѣйствующаго въ настоящее время порядка замѣщенія административныхъ и судебныхъ должностей въ Великомъ Княжествѣ. Такое измѣненіе вводится высочайшимъ постановленіемъ отъ 18-го іюля и заключается въ слѣдующемъ. Существующій въ Финляндіи порядокъ замѣщенія большинства должностей, исключая лишь немногихъ, такъ называемыхъ „довѣренныхъ“ постовъ, путемъ соисканія отмѣняется и взамѣнъ его устанавливается порядокъ простого назначенія. При этомъ должности III, IV и V классовъ замѣщаются высочайшими грамотами и приказами, должности VI класса—высочайшими приказами по представленію генералъ-губернатора, должности VII—IX классовъ, исключая тѣхъ, назначеніе на которыя особыми узаконеніями предоставлено единолично генералъ-губернатору,—подлежащимъ департаментомъ сената съ согласія генералъ-губернатора, наконецъ, должности низшихъ классовъ — непосредственнымъ начальствомъ. По отношенію къ должностямъ VII и низшихъ классовъ сохраняется, впрочемъ, порядокъ соисканія должностей, составленія списковъ кандидатовъ и обжалованія этихъ списковъ. Въ этихъ случаяхъ списки представляются назначающей власти вмѣстѣ съ отзывомъ подлежащаго начальства о томъ, кому изъ кандидатовъ оно полагаетъ дать предпочтеніе. Власти, отъ которой зависитъ назначеніе, предоставляется избрать достойное лицо изъ числа соискателей, удовлетворяющихъ установленнымъ въ законѣ для занятія должности условіямъ. Исключеніе изъ этого ограниченія составляютъ полицейскія должности, которыя, какъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ, будутъ замѣщаться безъ соисканія и составленія кандидатскихъ списковъ. Увольненіе отъ должностей по прошеніямъ будетъ впредь производиться тою же властью, какъ и назначеніе на должность. Всѣ эти правила не примѣняются лишь къ Александровскому университету, финляндскому банку, финляндскому кадетскому корпусу, къ должностямъ лоцманскихъ офицеровъ и къ служащимъ въ магистратахъ и ратгаузскихъ судахъ.

Наряду съ указанной перемѣной постановленіе 18 іюля вводитъ и другую, не менѣе важную. Установленный въ Финляндіи порядокъ предоставляетъ право занимать должности въ краѣ лишь

уроженцамъ самой Финляндіи и еще высочайшее постановленіе 2 августа 1827 г. обусловило право поступленія въ финляндскую военную и гражданскую службу пріобрѣтеніемъ правъ гражданства въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ. Согласно же постановленію 18 іюля текущаго года, „существующія нынѣ ограниченія въ правѣ занятія должностей гражданскаго вѣдомства по управленію Великаго Княжества Финляндскаго лицами, не принадлежащими къ финляндскому гражданству, не распространяются на русскихъ уроженцевъ“ и въ отношеніи правъ на занятіе должностей по гражданской службѣ въ Финляндіи съ кандидатами Гельсингфорскаго университета уравниваются лица, окончившіе курсъ въ русскихъ университетахъ, Демидовскомъ и Александровскомъ лицеяхъ, училищѣ правовѣдѣнія и Александровской военно-юридической академіи. Такимъ образомъ, единичные случаи занятія должностей въ краѣ русскими уроженцами, имѣвшіе мѣсто въ послѣднее время, обращены теперь въ общее правило. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ сообщено статсъ-секретаріатомъ Великаго Княжества Финляндскаго финляндскому генералъ-губернатору 27 августа, „Его Императорскому Величеству благоугодно было, въ видѣ временной мѣры: 1) допустить поступленіе на службу и занятіе должностей гражданскаго вѣдомства по управленію Великаго Княжества Финляндскаго, на равныхъ правахъ, всѣхъ лицъ, окончившихъ курсъ высшихъ гражданскихъ и военныхъ учебныхъ заведеній Имперіи и Финляндіи, и 2) предоставить финляндскому генералъ-губернатору при замѣщеніи всѣхъ должностей по финляндскому управленію допускать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ тѣ изъятія изъ требуемыхъ закономъ условій поступленія на службу, кои онъ признаетъ необходимыми“. Срокъ примѣненія этихъ временныхъ мѣръ, снабжающихъ генералъ-губернатора широкими полномочіями и въ корнѣ измѣняющихъ порядки финляндской администраціи, остается неуказаннымъ.

Не менѣе серьезныя измѣненія финляндскихъ порядковъ создаются и тремя высочайшими постановленіями отъ 1 августа, касающимися удаленія должностныхъ лицъ отъ службы административнымъ путемъ и порядка возбужденія судебнаго преслѣдованія за служебныя преступленія должностныхъ лицъ. Шведскіе законы, подтвержденные имп. Александромъ I послѣ присоединенія Финляндіи къ Россіи, обезпечивали финляндскимъ должностнымъ лицамъ несмѣняемость. Большинство чиновниковъ въ Финляндіи, за исключеніемъ лишь немногихъ высшихъ, занимавшихъ такъ называемые „довѣренные“ посты и назначавшихся распоряженіемъ верховной власти, а не по соисканію, не могло быть смѣщено съ своихъ должностей иначе, какъ въ силу судебнаго приговора. Съ другой стороны, всѣ чиновники Великаго Княжества отвѣчали передъ судомъ за законность своихъ служеб-

ныхъ дѣйствій и каждый гражданинъ, усматривавшій въ дѣйствіяхъ администраціи нарушеніе своихъ законныхъ правъ, могъ обратиться за защитой ихъ непосредственно къ суду. Теперь оба эти принципа, лежавшіе въ основѣ административныхъ порядковъ Финляндіи, отмѣняются. Въ Великомъ Княжествѣ устанавливается порядокъ удаленія должностныхъ лицъ отъ службы административнымъ путемъ, если и не тожественный еще съ тѣмъ, какой существуетъ въ Россіи, то во всякомъ случаѣ довольно уже близкій къ нему. Согласно одному изъ постановленій 1 августа, должностное лицо административнаго вѣдомства „можетъ быть удалено отъ службы, когда оно: 1) подвергнется въ судебномъ порядкѣ за преступное дѣяніе, не относящееся къ службѣ, какому-либо наказанію, хотя бы и не соединенному съ потерею права на службу; 2) обнаружитъ неспособность къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей; 3) дозволитъ себѣ при отправленіи обязанностей службы или внѣ оной несовмѣстные съ долгомъ службы и служебнымъ положеніемъ поступки; 4) подвергнется взятію подъ стражу по дѣламъ о взысканіяхъ гражданскихъ или опекѣ за расточительность, или окажется несостоятельнымъ должникомъ“. Дѣла объ удаленіи должностныхъ лицъ отъ V до IX класса, кромѣ чиновъ полиціи и служащихъ въ канцеляріи генералъ-губернотора, разсматриваются въ хозяйственномъ департаментѣ сената, причемъ такія дѣла возбуждаются не иначе, какъ генералъ-губернаторомъ, по собственному усмотрѣнію или по представленіямъ ему прокурора сената или подлежащаго начальства. Дѣла объ удаленіи занимающихъ должности V—IX кл. чиновъ полиціи и служащихъ въ канцеляріи генералъ-губернатора не вносятся въ сенатъ, а разрѣшаются—относительно лицъ, назначаемыхъ верховною властью,—по всеподданнѣйшимъ представленіямъ генералъ-губернатора, а относительно прочихъ — генералъ-губернаторомъ. Наконецъ, всѣ остальные чиновники могутъ быть удаляемы отъ службы тѣмъ начальствомъ, отъ котораго зависитъ ихъ назначеніе, равно какъ и высшимъ въ порядкѣ постепенности начальствомъ. Удаленные отъ службы низшіе чиновники, кромѣ удаленныхъ генералъ-губернаторомъ, чиновъ полиціи и служащихъ въ канцеляріи генералъ-губернатора, могутъ жаловаться на распоряженіе начальства объ ихъ удаленіи въ хозяйственный департаментъ сената, который разрѣшаетъ эти жалобы съ согласія генералъ-губернатора. Въ свою очередь опредѣленія самого сената объ удаленіи отъ службы лицъ, назначаемыхъ верховною властью, передаются генералъ-губернаторомъ на ея усмотрѣніе, а относительно прочихъ служащихъ приводятся въ исполненіе съ согласія генералъ-губернатора.

Другимъ постановленіемъ 1 августа дѣйствіе изложенныхъ правилъ объ удаленіи отъ службы, „временно, впредь до пре-

образованія въ Финляндіи судебной части", распространено и на чиновъ судебнаго вѣдомства. По этому постановленію, дѣла объ удаленіи отъ службы предсѣдателей, вице-предсѣдателей и членовъ судебныхъ установленій, а также всѣхъ должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства отъ V до IX кл. разсматриваются судебнымъ департаментомъ сената и рѣшаются имъ съ согласія генералъ-губернатора. Всѣ прочіе чины судебнаго вѣдомства удаляются отъ службы по распоряженію того начальства, отъ котораго зависитъ ихъ назначеніе, и жалобы на такія распоряженія приносятся въ судебный департаментъ сената. Въ этомъ случаѣ принципъ смѣняемости оказывается, слѣдовательно, въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ проведеннымъ даже далѣе, чѣмъ въ Имперіи, гдѣ должностныя лица судебнаго вѣдомства признаются несмѣняемыми.

Наконецъ, третье постановленіе отъ 1 августа также „временно, впредь до преобразованія въ Финляндіи судебной части", устанавливаетъ особыя правила о возбужденіи судебнаго преслѣдованія за служебныя преступленія должностныхъ лицъ. Эти правила въ свою очередь сближаютъ финляндскіе порядки съ общерусскими, требуя для судебнаго преслѣдованія противъ должностного лица согласія начальства послѣдняго. Впредь жалобы потерпѣвшихъ отъ служебнаго преступленія должностного лица, равно какъ сообщенія объ этомъ представителей обвинительной власти и другихъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, должны обращаться либо къ власти, уполномоченной на возбужденіе противъ обвиняемаго судебнаго преслѣдованія, либо къ непосредственному или высшему начальству обвиняемаго, которое обязано передать такую жалобу или сообщеніе власти, уполномоченной на возбужденіе преслѣдованія. Противъ лицъ, занимающихъ должности III и IV классовъ судебное преслѣдованіе за служебныя преступленія возбуждается не иначе, какъ съ особаго каждый разъ высочайшаго разрѣшенія. Противъ лицъ, занимающихъ по административнымъ вѣдомствамъ должности отъ V до IX класса, такое преслѣдованіе разрѣшается хозяйственнымъ департаментомъ сената съ согласія генералъ-губернатора. Возбужденіе подобнаго же преслѣдованія противъ вице-предсѣдателей и членовъ гофгерихтовъ, а равно противъ служащихъ въ судебномъ департаментѣ сената разрѣшается этимъ департаментомъ съ согласія генералъ-губернатора, а противъ остальныхъ должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства—подлежащимъ гофгерихтомъ. На отказъ послѣдняго въ возбужденіи преслѣдованія допускаются жалобы представителей обвинительной власти и потерпѣвшихъ лицъ въ судебный департаментъ сената, который и разрѣшаетъ эти жалобы съ согласія генералъ-губернатора. Наконецъ, судебное преслѣдованіе противъ всѣхъ остальныхъ должностныхъ лицъ возбуждается по распоряженію того начальства,

отъ котораго зависитъ назначеніе ихъ на должность или утвержденіе въ ней. На отказъ въ такомъ распоряженіи представителями обвинительной власти и потерпѣвшими лицами могутъ быть подаваемы жалобы въ хозяйственный департаментъ сената, причемъ послѣдній разрѣшаетъ эти жалобы опять-таки съ согласія генералъ-губернатора.

Приведенному постановленію высочайшимъ повелѣніемъ придано обратное дѣйствіе и оно распространено на всѣ находящіяся уже въ производствѣ дѣла, которыя не разрѣшены еще вступившими въ законную силу приговорами. Это послѣднее повелѣніе, по словамъ „Финляндской Газеты", „представляется особенно практически важнымъ". „Въ судахъ Финляндіи первой и второй инстанціи — поясняетъ названная газета — въ настоящее время находится весьма большое количество дѣлъ по обвиненію чиновъ полиціи въ превышеніи власти, оскорбленіи, неправильномъ задержаніи и т. п. проступкахъ, причемъ вся вина этихъ должностныхъ лицъ заключалась лишь въ томъ, что они, прекративъ бывшіе весною нынѣшняго года безпорядки, возбудили противъ виновныхъ уголовное преслѣдованіе. Достойно также замѣчанія, что и противъ нѣкоторыхъ губернаторовъ возбужденъ цѣлый рядъ обвиненій, исключительная цѣль которыхъ заключается въ томъ, чтобы въ судѣ на судоговореніи дискредитировать этихъ высшихъ представителей власти въ губерніи. Теперь — прибавляетъ газета—разъ навсегда положенъ конецъ такимъ роняющимъ достоинство власти дѣйствіямъ частныхъ лицъ". Примѣры тѣхъ дѣлъ, о которыхъ говоритъ „Финляндская Газета", читатели могутъ найти въ мартовской хроникѣ нашего журнала за текущій годъ.

Помимо изложенныхъ выше постановленій, 26 августа состоялось еще одно высочайшее постановленіе, значительно расширившее права губернаторовъ Великаго Княжества Финляндскаго по части назначенія окладовъ содержанія чиновникамъ и служителямъ губернской администраціи и полиціи и распоряженія, вообще, финансовыми и хозяйственными дѣлами въ губерніяхъ.

Постановленія 1 августа объ удаленіи отъ службы въ дисциплинарномъ порядкѣ административныхъ и судебныхъ чиновъ въ Финляндіи успѣли уже найти себѣ и практическое примѣненіе. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" напечатанъ состоявшійся 13 сентября Высочайшій приказъ по статсъ-секретаріату Великаго Княжества Финляндскаго объ увольненіи отъ службы вице-президентовъ гофгерихтовъ: абоскаго—Стадига и выборгскаго—Тамеландера; совѣтниковъ гофгерихтовъ: абоскаго—Прокопе и Бруна, вазаскаго—Туюлина, Окессона и Карпа и выборгскаго—Фабриціуса и Перандера, равно какъ референдарія-секретаря хозяйственнаго департамента Императорскаго Финлянд-

скаго сената Шернваля. Съ своей стороны „Финлядская Газета“ такъ разъясняетъ причины увольненія этихъ лицъ: „Согласно §§ 22 и 239 Устава о воинской повинности для Великаго Княжества Финляндскаго отъ 29 іюня 1901 г., Императорскій Финляндскій сенатъ предписалъ всѣмъ правительственнымъ и судебнымъ учрежденіямъ края представить списки подвѣдомственныхъ означеннымъ учрежденіямъ чиновъ, которые, на основаніи Устава о воинской повинности, подлежатъ освобожденію отъ призыва на дѣйствительную службу изъ запаса или ополченія. Въ числѣ учрежденій, къ которымъ обратился съ такимъ требованіемъ сенатъ, между прочимъ, были три Императорскихъ гофгерихта,—абоскій, вазаскій и выборгскій,—банковые уполномоченные, таможенное вѣдомство и инспекторъ рыбныхъ ловель Нордквистъ. Всѣ три гофгерихта, получившіе предписаніе сената еще въ февралѣ 1902 года, въ апрѣлѣ почти одновременно (абоскій и выборгскій—19-го, а вазаскій—28 апрѣля) отказались исполнить требованіе сената, причемъ отказы эти были изложены въ совершенно тожественныхъ выраженіяхъ. „Выслушавъ докладъ настоящаго дѣла,—пишутъ сенату гофгерихты,—Императорскій гофгерихтъ призналъ, что вышеизложенное отношеніе заключаетъ въ себѣ предписаніе гофгерихту принять мѣры для примѣненія нѣкоторыхъ правилъ упомянутаго въ немъ новаго положенія о воинской повинности; но такъ какъ это положеніе не состоялось въ установленномъ основными законами порядкѣ, то гофгерихтъ не призналъ возможнымъ оказать просимое въ вышеозначенномъ отношеніи содѣйствіе, о чемъ гофгерихтъ имѣетъ честь увѣдомить“. Инспекторъ рыбныхъ ловель Нордквистъ мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что „такъ какъ приказаніе сената вызвано уставомъ о воинской повинности, состоявшимся не въ порядкѣ, установленномъ основными законами, то онъ и оставляетъ предписаніе сената безъ исполненія“. Ассессоры таможеннаго вѣдомства Бойсманъ и Гротенфельдъ точно также отказались исполнить предписаніе сената, причемъ позволили себѣ указать на то, что требованіе сената не будетъ ими исполнено, потому что „согласно конституціи края“ законъ о воинской повинности изданъ неправильно. Такое неповиновеніе распоряженію сената послужило основаніемъ для всеподданнѣйшаго представленія Императорскаго финляндскаго сената. Въ представленіи этомъ сенатъ, принявъ на видъ, что члены гофгерихтовъ могутъ быть привлекаемы къ судебной отвѣтственности лишь по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, а также, что такого рода дѣла подсудны гофгерихтамъ, призналъ необходимымъ всеподданнѣйше донести Его Величеству о вышеизложенномъ“. Того же 13 сентября состоялось, по словамъ „Финляндской Газеты“, Высочайшее повелѣніе, которымъ „повелѣно сенату уволить отъ службы ассессоровъ таможеннаго управленія

Бойсмана и Гротенфельда и инспектора рыбныхъ ловель Нордквиста и объявить Высочайшій Его Императорскаго Величества выговоръ всѣмъ прочимъ должностнымъ лицамъ, подавшимъ голосъ за оставленіе безъ исполненія предписанія сената".

III.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" напечатано: „Государь Императоръ, по положенію Комитета Министровъ, 28 іюня 1902 г. Высочайше соизволилъ на предоставленіе варшавскому генералъ-губернатору, въ изъятіе п. 3 примѣчанія къ ст. 175 уст. цензурн., временнаго права закрывать, въ случаѣ признанной имъ необходимости, содержимыя частными лицами или акціонерными компаніями и товариществами всякаго рода публичныя библіотеки и общественныя читальни въ губерніяхъ Царства Польскаго".

Въ той же газетѣ напечатанъ слѣдующій Именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату отъ 13 сентября 1902 г.:

„Признавъ за благо, въ виду значительнаго за послѣднее время увеличенія занятій департамента полиціи, усилить дѣйствующій штатъ сего департамента, повелѣваемъ: 1. Добавить нынѣ же къ штату департамента тридцать должностей: двухъ дѣлопроизводителей, 4-хъ чиновниковъ особыхъ порученій V-го класса, 11 старшихъ и 13 младшихъ помощниковъ дѣлопроизводителя. 2. Учреждаемымъ вновь должностямъ предоставить въ отношеніи класса должности, окладовъ содержанія, разряда мундира и пенсіи права, присвоенныя соотвѣтственнымъ должностямъ по Высочайше утвержденному 15-го ноября 1880 г. штату департамента государственной полиціи. 3. На усиленіе нештатнаго канцелярскаго состава и хозяйственной надобности, сверхъ нынѣ ассигнуемыхъ суммъ, ежегодно отпускать по пяти тысячъ пятисотъ (5,500) рублей. 4. Постоянные ежегодные расходы на добавленіе указанныхъ въ п. 1 штатныхъ должностей, въ суммѣ пятидесяти девяти тысячъ пятисотъ рублей, и на канцелярскія и хозяйственныя надобности, въ суммѣ пяти тысячъ пятисотъ рублей, а всего въ количествѣ шестидесяти пяти тысячъ рублей ежегодно, отнести, съ 1 января 1903 года, на средства государственнаго казначейства ассигнованіемъ вновь по § 5-му дѣйствующей смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ (содержаніе департамента полиціи): въ статью 1-ю сего § (личный составъ)—59,500 рублей и въ статью 2-ю (хозяйственные расходы)—5,500 рублей. Вызываемый же настоящимъ усиленіемъ штата департамента полиціи расходъ за время до 1 января 1903 года обратить на ассигнуемый по ст. 1 § 33 смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ 1902 года кредитъ на чрезвычайные и секретные расходы. Правительствующій Сенатъ къ исполненію сего не оставитъ сдѣлать надлежащія распоряженія".

Въ той же газетѣ напечатано слѣдующее Высочайшее повелѣніе, объявленное министромъ внутреннихъ дѣлъ: „Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, въ 9 день сентября 1902 г., Высочайше повелѣть соизволилъ: предоставить таврическому губернатору, примѣнительно къ ст. 15 и 16 Положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, издавать въ предѣлахъ Ялтинскаго уѣзда, на время Его Императорскаго Величества пребыванія въ текущемъ году въ Крыму, обязательныя о прописке видовъ постановленія, устанавливать за нарушенія таковыхъ взысканія, не превышающія трехмѣсячнаго ареста или денежнаго штрафа въ пятьсотъ рублей и разрѣшать дѣла по нарушенію означенныхъ постановленій въ административномъ порядкѣ".

За послѣднее время состоялось нѣсколько назначеній на высшія административныя должности. Именнымъ указомъ отъ 13 сентября 1902 г. учреждена должность помощника московскаго генералъ-губернатора, съ правами, присвоенными по Высочайше утвержденному 8 апрѣля 1896 г. мнѣнію Государственнаго Совѣта помощнику варшавскаго генералъ-губернатора, и на нее назначенъ московскій губернаторъ Булыгинъ. Одновременно виленскій губернаторъ ген.-лейт. фонъ-Валь назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и командиромъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ, а товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, командиръ отдѣльнаго корпуса жандармовъ ген.-лейт. кн. Святополкъ-Мирскій—на возобновленную должность виленскаго, ковенскаго и гродненскаго генералъ-губернатора.

Въ „Прав. Вѣстникѣ" напечатанъ слѣдующій циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ, градоначальникамъ, начальникамъ областей и оберъ-полиціймейстерамъ отъ 6 сентября 1902 г.: „Святѣйшимъ синодомъ обращено вниманіе на крайнюю нежелательность повторяющагося въ послѣднее время воспроизведенія фонографами и граммофонами пьесъ духовнаго содержанія, причемъ исполненіе ихъ на этихъ инструментахъ въ большинствѣ случаевъ неудовлетворительно и зачастую чередуется съ пьесами свѣтскаго содержанія, между коими находятся романсы, комическіе куплеты, шансонетки и проч. Признавая и со своей стороны неумѣстнымъ такого рода исполненіе духовныхъ пьесъ, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство принять мѣры къ совершенному воспрещенію публичнаго (въ магазинахъ, концертахъ, базарахъ и т. п.) демонстрированія на граммофонахъ и фонографахъ пьесъ духовнаго содержанія. Подписалъ: министръ внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретарь *Плеве*".

Въ свою очередь таврическій губернаторъ, какъ сообщаютъ мѣстныя газеты, разослалъ начальникамъ полиціи Таврической губерніи слѣдующій циркуляръ: „Усматривая изъ дѣлъ губернскаго правленія, что нижніе полицейскіе чины какъ сельской, такъ и городской полиціи, иногда позволяютъ себѣ, при исполненіи служебныхъ обязанностей, оскорблять словами и дѣйствіемъ обывателей, за что и привлекаются къ отвѣтственности по суду, я нахожу, что такіе случаи имѣютъ мѣсто благодаря невѣжеству означенныхъ чиновъ, непониманію ими своихъ служебныхъ правъ и отсутствію сознанія отвѣтственности за превышеніе этихъ правъ. Принимая во вниманіе, что полицейскіе чиновники должны быть прямыми руководителями подчиненныхъ имъ нижнихъ полицейскихъ служителей въ отношеніи исполненія послѣдними служебныхъ обязанностей, я предписываю начальникамъ полиціи обратить особое вниманіе на то, чтобы они сами и подвѣдомственные имъ исполнительные чиновники всѣми мѣрами старались уяснить подчиненнымъ имъ нижнимъ полицейскимъ чинамъ служебныя права и обязанности ихъ и степень отвѣтственности за нарушеніе таковыхъ“ *).

Согласно сообщенію саратовскихъ газетъ, „дѣло о безпорядкахъ въ Саратовѣ, происходившихъ 5 мая сего года, предполагается къ слушанію въ саратовской судебной палатѣ на 4 ноября. Привлечены къ отвѣтственности слѣдующія лица: г-жи Чубаровская, Бударина, Архангельская, Рылова, Григорьева, Дьякова и Сарапулова, гг. Ефимовъ, Коссовичъ, Воеводинъ, Штейнбергъ, Бочкаревъ, Фофановъ. Изъ этихъ лицъ г. Ефимовъ обвиняется по 2 ч. 252 и 264 ст. улож. о нак., а остальные 14 человѣкъ— по 2 ч. 252 ст. улож. Одиннадцать обвиняемыхъ содержатся подъ стражей, а четверо (г. Штейнбергъ, г-жи Григорьева, Дьякова и Рылова) находятся на свободѣ. Составъ присутствія палаты съ участіемъ сословныхъ представителей усиленный. Дѣло будетъ слушаться при закрытыхъ дверяхъ и кромѣ защитниковъ допущены будутъ въ засѣданіе со стороны обвиняемыхъ по одному родственнику (по прямой линіи)“ **).

III.

За мѣсяцъ, истекшій со времени послѣдней нашей хроники состоялись слѣдующія административныя распоряженія по дѣламъ печати:

1) отъ 8 октября: „министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: вновь допустить розничную продажу нумеровъ „Петербургской Газеты“, воспрещенную распоряженіемъ отъ 9 сентября с. г.“;

*) «Од. Новости», 14 авг. 1902 г.

**) «Сарат. Дневникъ», 6 окт. 1902 г.

2) отъ 10 октября: „въ виду продолжающагося вреднаго направленія журнала „Хозяинъ“, выразившагося, между прочимъ, въ передовой статьѣ „6 октября 1902 г.“, помѣщенной въ № 40 этого изданія, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV (изд. 1900 г.), опредѣлилъ: объявить журналу „Хозяинъ“ второе предостереженіе въ лицѣ издателя, потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Машковцева и редактора, дворянина Александра Мертваго“.

По словамъ „Енисея“, распоряженіемъ иркутскаго губернатора редакторъ „Восточнаго Обозрѣнія“ оштрафованъ на 100 р. на основаніи п. 1 обязательнаго постановленія отъ 19 іюля 1902 г. Пунктъ этотъ запрещаетъ распространеніе вымышленныхъ или основанныхъ на слухахъ извѣстій, могущихъ возбудить тревогу въ населеніи. Такимъ извѣстіемъ признана перепечатка изъ „Саратовскаго Дневника“ части письма Агренева-Славянскаго, въ которомъ говорится о холерѣ въ Харбинѣ *).

Редакторъ „Восточнаго Вѣстника“ Сущинскій за составленіе въ № 82 названной газеты замѣтки, содержащей въ себѣ ложныя по холерѣ свѣдѣнія, могущія возбудить тревогу среди населенія, по постановленію военнаго губернатора Приморской области, на основаніи закона 18 іюля 1892 г., подвергнутъ аресту въ теченіе десяти дней **).

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

На устройство школы имени **Гл. И. Успенскаго** въ д. Сябринцахъ, Новгородской губ., поступило:

Отъ	М. Бескина, изъ Харькова	5 р. — к.
„	С. Н. Всесвятскаго черезъ Московское отдѣленіе конторы	1 „ — „
„	д-ра А. А. Кисель изъ Москвы	10 „ — „
„	служащихъ Контроля по постройкѣ Забайкальской ж. д.	13 „ 35 „
„	М. М. Тагера	5 „ — „
„	М. Н. Авдѣева черезъ „Русскія Вѣдомости“	5 „ 40 „
	Итого	39 р. 75 к.

А всего съ прежде поступившими 841 р. 50 к.

---

*) Цитируемъ по «Спб. Вѣдомостямъ», 16 сент. 1902 г.

**) «Приам. Вѣдомости». Цитируемъ по «Р. Вѣдомостямъ», 7 окт. 1902 г.

ВЪ ЮЖНО-РУССКОМЪ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВѢ

Ф. А. ІОГАНСОНА

Кіевъ. С.-Петербургъ, Невскій, 68. Харьковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПЕРВОЕ ОБЩЕДОСТУПНОЕ ИЗДАНІЕ

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

ВИЛЬЯМА ШЕКСПИРА

въ 4-хъ томахъ большого формата

СЪ 343 ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ ЗНАМЕНИТЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ,

историческими и литературными примѣчаніями **П. Вейнберга, В. Чуйко, Е. Соловьева, А. Михайлова, Л. Никитина** и др. и біографическимъ очеркомъ **Н. Стороженко.** Цѣна за **4 т. 5 р.**, СЪ ПЕР. **6 р.**, НА ВЕЛЕНЕВОЙ БУМАГѢ **7 р. 50 к.**

Подписавшіеся до 1-го ноября за пересылку не платятъ.

Т. I ВЫШЕЛЪ и РАЗСЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Е. П. ГРЕБЕНКИ

въ 2-хъ томахъ большого формата. Цѣна за **2 Т. 2 Р.** СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ЭЛИЗЫ ОЖЕШКО

въ 16 полутомахъ большого формата.

Подписная цѣна 8 руб.—пересылка по разстоянію.

Вышло 5 полутомовъ: **Надъ Нѣманомъ, Два полюса, Братья, Хамъ, На днѣ совѣсти, Панъ Грабе, Эли Маковеръ.**

ОСТАЛЬНЫЕ ТОМЫ ПЕЧАТАЮТСЯ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ НА ВТОРУЮ СЕРІЮ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

ГЕРБЕРТА СПЕНСЕРА

подъ общей редакціею **Н. А. РУБАКИНА.**

Новые переводы, провѣренные по послѣднимъ англійскимъ изданіямъ.

Семь большихъ томовъ, въ которые войдутъ:

Основныя начала 2 ч. **Основанія біологіи** (новый переводъ съ англійскаго изданія 1898 г.) 2 ч. **Объ изученіи соціологіи, Основанія этики** 2 ч. **Воспитаніе Научные, философскіе и политическіе опыты** 2 ч. **Разныя статьи.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА СЕМЬ ТОМОВЪ **7 Р.** БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ, СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ **8 Р. 50 К.** ТОМЫ **1, 2, 3, 4, 5,** и **6** ВЫШЛИ И ВЫДАЮТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ.

По выходѣ 7-го тома цѣна будетъ значительно повышена.

ИМѢЕТСЯ ВЪ НЕБОЛЬШОМЪ КОЛИЧЕСТВѢ I-я СЕРІЯ СОБР. СОЧИН. въ **4 том.** (Основанія соціологіи, 2 тома. Основанія психологіи, 2 тома).

ЦѢНА БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ **6 РУБ. 50 КОП.**, СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ **7 РУБ. 50 КОП.**

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ:

Проф. Деникеръ. Человѣческія расы. Пер. съ фр. Ранцовъ. Со мног. рис. Ц. 2 р. 50 к.

Бурдо. Вопросъ о жизни. Очеркъ общей соціологіи. Пер. съ фр. Предтеченскій. Ц. 1 р. 75 к.

Тардъ. Личность и толпа. Очерки соціальной психологіи. Пер. съ фр. Предтеченскій. Ц. 1 р.

Д-ръ Желэ. Преобразуемость живыхъ организмовъ. Лекціи, читанныя въ народномъ университетѣ. Пер. съ фр. В. Ранцовъ. Ц. 1 р. 25 к.

Моргаузъ. Хаосъ міровъ. Кругооборотъ жизни звѣздъ. Пер. съ анг. Ц. 75 к.

Тардъ. Соціальная логика. Пер. съ фр. Ц. 1 р. 50 к.

Фино. Философія долговѣчія. Пер. съ 5 фр. изд. Предтеченскій. Ц. 60 к.

Рибо. Творческое воображеніе. Пер. съ фр. Ранцовъ и Предтеченскій. Ц. 1 р.

Д-ръ Летурно. Біологія. Со многими рис. Пер. съ 4 фр. изд. В. Ранцовъ. (Печатается). Ц. 1 р. 50 к.

Складъ изданій у Дм. Анд. Голова, Спб., В. О., 9 лин., д. 28.

При выписываніи книгъ изъ склада за пересылку не платятъ. Можно выписывать наложеннымъ платежемъ.

НОВАЯ КНИГА:

Изданіе редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО".

Н. Кудринъ. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ.

СОДЕРЖАНІЕ: I. ***Народъ и его характеръ:*** Психологія француза.—Французское краснорѣчіе.—Цезаризмъ и роль личности во Франціи XIX-го вѣка.—Ренегаты и герои убѣжденія.—II. ***Общественные классы:*** Французское крестьянство.—Несчастный богачъ и счастливые бѣдняки.—Безработные.—Жизнь и идеалы четвертаго класса во Франціи.—III. ***Наука, литература, печать:*** Соціологія человѣка-звѣря.—О марксизмѣ вообще, по поводу французскаго марксизма въ частности.—Натурализмъ на службѣ у утопіи.—Французская пресса.—IV. ***Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ:*** Современное «чертобѣсіе».—Шовинистская и клерикальная реакція.—Дѣло Дрейфуса: 1) Торжество шовинизма.—2) Идейное пробужденіе Франціи.—3) Рейнскій процессъ и міровой характеръ процесса.—Еврейскій вопросъ и антисемитизмъ во Франціи.—Французскій парламентаризмъ и его критики.—Эволюція политическихъ партій во Франціи.—Сто лѣтъ взаимныхъ отношеній буржуазіи и пролетаріата.—

Цѣна 2 рубля.

Редакторы-Издатели: { *Вл. Г. Короленко.* / *Н. К. Михайловскій.*

Дозв. ценз. Спб., 29 октября 1902 г. Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, 3.

Widener Library
3 2044 098 426 919